

ВОЙНА И ОРУЖИЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

**Труды Десятой Международной
научно-практической конференции**
12–14 мая 2021 года

Часть II

Департамент культуры Минобороны РФ
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

**Труды Десятой Международной
научно-практической конференции**

12–14 мая 2021 года

Часть II

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС**

2021

УДК 351.852.1 + 355.48

ББК 79.1 + 68 + 63

В 65

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор — *С. В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В. М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, академик РАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С. В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С. В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В. И. Кобякова, начальник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,

Е. Г. Игнатьева, начальник научного отдела редактирования и допечатной подготовки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Десятой Международной
научно-практической конференции

В трёх частях

Часть 2

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

На обложке: Сбыслав Якунович в Невской битве. Художник Е. Емельянов

ISBN

© ВИМАИВиВС, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© СПБГУПТД, 2021

С. В. Ефимов (Санкт-Петербург)

**«СОЮЗОМ МИРА СВЯЗУЕМЫ».
РОССИЯ И ШВЕЦИЯ НА ПУТИ
К НИШТАДТСКОМУ МИРУ 1721 г.**

О СЕНЬЮ 1721 г. в Санкт-Петербурге начались многочисленные награждения медалями в память окончания Северной войны. Солдат и унтер-офицеров жаловали серебряными, а офицеров награждали золотыми медалями разного достоинства. Медали с надписями на латыни получили также и иностранные дипломаты.

Первая отечественная медаль, отчеканенная из золота и серебра, добытого в России, в Нерчинских рудниках Большого и Малого Култука, знаменовала победу в Северной войне над шведами и заключение долгожданного Ништадтского мира. В центре композиции, на лицевой стороне памятных и наградных медалей изображен Ноев ковчег, над которым летит голубь с символом мира — пальмовой ветвью в клюве. На заднем плане — силуэты Петербурга и Стокгольма, соединенные в знак мира радугой и надписью: «*Союзом мира связуемы*». Внизу в обрезе помещена надпись: «*В Нейстате по потопе Северныя войны 1721*». На пути к заключению Ништадтского мирного договора Россию ждали многочисленные внутривнутриполитические и внешнеполитические препятствия (ил. 1).

Вслед за Полтавской победой 27 июня 1709 г. последовали «полосы признаний» России на международной арене иностранными государствами, что способствовало созданию нового антишведского союза¹. Однако к концу 1710-х гг. тучи стали сгущаться. Тайное пребывание наследника российского престола, царевича Алексея, в 1716—1717 гг. во владениях Габсбургов привело к русско-австрийского конфликту, который наложил свой отпечаток на работу русско-шведского мирного конгресса

Ил. 1. Медаль на заключение Ништадтского мира (аверс и реверс). 1721 г.

на Аландских островах (так называемый Аландский конгресс 1718—1719 гг.)². Конфликт усугублялся присутствием русского экспедиционного корпуса на территории германских земель, принадлежавших Швеции (Померания, Штеттин), союзного России Мекленбургского герцогства и Польши³.

Кроме того, от Швеции уже оказались отторгнутыми и перешли под русское управление Ингерманландия, Карелия, Эстляндия с Ревелем, Лифляндия с Ригой, Выборг, а после взятия А. И. Румянцевым крепости Каянебург (апрель 1716 г.) оккупированной оказалась большая часть Финляндии. Фактически русские войска занимали гораздо большую территорию, чем та, на которую реально претендовала российская дипломатия. Эта экспансия на территорию Западной Прибалтики и в германские земли с нарастающим опасением воспринималась европейскими державами и не могла не вызвать ответных действий⁴.

Сложная для России международная обстановка еще более обострялась конфликтом царя с его сыном. Сведения о внутриполитических проблемах России начали особенно интересовать иностранных дипломатов с момента бегства царевича за границу. Если до 1716 г. дипломатические сообщения об отношениях Алексея и Петра I были крайне скупы, то после того как конфликт царя с сыном стал достоянием гласности, в европейские столицы стали поступать подробные донесения на эту тему. Еще во время пребывания царевича Алексея в Неаполе в марте 1717 г. французский агент в Санкт-Петербурге Анри де Лави писал об

опасениях приближенных царя, что после его смерти наследник покинет новую столицу, которая запустеет, а дела государства вернутся к прежнему, допетровскому состоянию⁵.

Происходившие в России события подробно освещались в европейской печати. Так, например, в историко-публицистическом сборнике «Theatrum Euгоraeum», выходявшем во Франкфурте-на-Майне, регулярно печатались документы, связанные с делом Алексея (переписка Петра I с сыном и императором Карлом VI), а также известия о миссии А. П. Веселовского, П. А. Толстого и А. И. Румянцева в Вену и Неаполь, сведения о розыске в Москве и Петербурге, информация о растущем в народе «неудовольствии» против царя, официальные меморандумы о смерти царевича⁶.

Европейские дипломаты относились к делу царевича по-разному: у одних возникала надежда на развитие внутренней смуты и нестабильности, которая ослабила бы страну, другие рассчитывали, что между Россией и Австрией вспыхнет вооруженное противостояние, третьи опасались за иностранцев в России и все петровские преобразования.

Большую тревогу относительно судьбы союзной державы высказывал А. де Лави. «В этом городе (Москве. — С. Е.), — писал он в начале 1718 г., — вследствие бесчисленных обвинений появилась как будто какая-то общественная зараза. Здесь никто не знает, обвинитель ли он или обвиняемый... Сказанное мною относится до знатных лиц, низшие же сословия как будто оставлены до следующего раза»⁷.

Спустя некоторое время он же отмечал: «Чем ближе я знакомлюсь со смутным положением России, тем менее могу предвидеть, чем кончатся все эти беспорядки. Все предпринятое его царским величеством не будет прочно, если он не достигнет преклонных лет...»⁸.

Саксонский дипломатический представитель И. Лосс считал, что одной из причин, заставивших Петра I отрешить своего сына от наследования престола, «была та мысль, что после смерти царя союзникам и друзьям пришлось бы очень плохо от такого преемника, как царевич, который не замедлил бы бросить их в тюрьму тотчас по вступлении на престол»⁹.

Австрийский резидент О. А. Плейер в начале 1717 г. доносил императору в Вену о том, что к нему обращаются представители высшего петербургского общества с вопросами о судьбе

царевича. В столице ходили слухи относительно тайного пострижения Алексея в отдаленный монастырь по приказу царя. «Вследствие этой ссылки, — замечает О. А. Плейер, — гвардейские полки, укомплектованные большей частью благородными, составили будто бы со всей прочей армией заговор в Мекленбурге, чтобы убить царя, посадить царицу на корабль, привезти сюда (в Петербург. — С. Е.), затем доставить в Москву с ее меньшим принцем (Петром Петровичем. — С. Е.) и принцессами, а оттуда отвезти и запереть в тот монастырь, куда была изгнана прежняя супруга (Петра I. — С. Е.), последнюю же освободить и передать ей с настоящим наследником правление»¹⁰.

Дипломат отмечал также, что Петр не торопится возвращаться в Петербург из Москвы, дабы не дать повода для встречи гвардейских полков с представителями духовной и светской знати, в результате чего могло бы возникнуть «движение в пользу царевича», «к которому здесь все очень склонно». О. А. Плейер доносил, что ходит молва об участии в заговоре царицы Прасковьи Федоровны, которая арестована по подозрению в тайных связях с Алексеем и его сторонниками, но русские держат это в секрете из уважения к ее дочерям-герцогиням — Мекленбургской Екатерине Ивановне и Курляндской Анне Ивановне. О. А. Плейер весьма критически оценивал внутреннее состояние Российского государства. По его мнению, в стране царило общее недовольство бременем налогов, собираемых на строительство флота, крепостей, портов и ведение затянувшейся войны со шведами¹¹.

Содержание этих писем стало известно русскому правительству после возвращения царевича Алексея в Россию. В связи с этим 18 марта 1718 г. Петр I потребовал от императора «... как наискорее его (О. А. Плейера. — С. Е.) от двора нашего отозвать, ибо мы с ним ни о каких делах трактовать не будем»¹².

Австрийское внешнеполитическое ведомство решило настаивать на праве резидента информировать свое правительство обо всем том, что он считает достойным внимания. Между русским резидентом в Вене А. П. Веселовским и главой конференции министров принцем Евгением Савойским состоялась беседа, в которой последний ссылаясь на международное право, а русский дипломат укорял О. А. Плейера в недобросовестности и сношениях с «злодейными подданными» царя¹³.

Дело резидента было рассмотрено в Вене на заседании конференции министров во главе с вице-канцлером К. Ф. Шенборном и Евгением Савойским. Конференция сняла все обвинения, возведенные русской стороной на дипломата, и передала свое заключение на утверждение Карлу VI. Император, отличавшийся медлительностью в принятии решений, не сразу вынес окончательный вердикт, и О. А. Плейер продолжал исполнять свои обязанности при русском дворе. Однако вел он себя более осторожно. Донося 15 июля 1718 г. о смерти царевича, дипломат ограничился передачей официальной версии случившегося. Так же осторожно О. А. Плейер информировал свое правительство о праздновании на другой день после смерти Алексея очередной годовщины Полтавской баталии и царского тезоименитства (29 июня 1718 г.), о торжественном спуске корабля, а также об аресте голландского резидента Я. де Бизэ (Би). Причин последнего он не знал или опасался сообщить¹⁴.

Не дождавшись скорого отзыва австрийского резидента, русская сторона подвергла его настоящему остракизму. О. А. Плейер оказался единственным дипломатом, которого не пригласили на траурные церемонии, связанные с погребением царевича, и на названные торжества. В одном из донесений Я. де Бизэ содержится описание трагикомического случая, происшедшего с австрийским дипломатом.

В день рождения царя О. А. Плейеру высказали пожелание не являться на праздничный обед во дворец. Однако, когда после обеда Петр пригласил всю компанию в свой летний дом, то не все смогли добраться туда из-за недостатка шлюпок. Государь, обратив внимание на отсутствие некоторых иностранных дипломатов, приказал П. И. Ягужинскому позвать их. Посланный офицер, не разбиравшийся во внешнеполитических проблемах двора, явился и в дом О. А. Плейера. Тот очень удивился приглашению, но спешно оделся и прибыл во дворец, где был встречен П. П. Шафировым. Вице-канцлер выразил свое негодование наглым поведением австрийца. После обмена «любезностями» О. А. Плейер удалился¹⁵.

18 июля 1718 г. резиденту удалось отправить в Вену тайное послание с довольно подробным описанием происходившего в Петербурге. Дипломат объяснял сдержанность своих последних донесений боязнью перехвата корреспонденции. Он писал К. Ф. Шенборну, что царевича подвергли пыткам и,

вероятно, тайно обезглавили ударом меча или топора. Царь, по его словам, на другой день был очень весел, равно как и семейство Меншиковых¹⁶.

В письме сообщалось о причинах домашнего ареста голландского резидента Я. де Биэ и невозможности вести переписку дипломатическими каналами, так как русские всю ее перехватывают и расшифровывают. От иностранных министров в Петербурге потребовали не общаться с Я. де Биэ.

Ощущение надвигающейся грозы отчетливо чувствуется в сохранившейся переписке австрийского дипломата. Он сообщал о невозможности правильно и обстоятельно информировать венский двор о происходящем в Петербурге и требовал соответствующих обстоятельствам распоряжений. Опасаясь ареста, О. А. Плейер сжег свою корреспонденцию и просил разрешения воспользоваться тайным шифром венской канцелярии, так как его собственный шифр был раскрыт русскими.

Не получив положительного ответа на просьбу об отзыве О. А. Плейера, русское правительство 6 июля 1718 г. повторило свой протест в связи с его действиями. На очередном заседании венской конференции министров протест был отклонен, и императорский двор занял по отношению к Санкт-Петербургу еще более враждебную позицию. Вице-канцлер К. Ф. Шенборн настаивал на применении к России санкций в виде запрета А. П. Веселовскому являться ко двору, а также письменных сатисфакций от русского правительства по поводу нарушений норм международного права. Предлагалось также отозвать О. А. Плейера, вознаградив его за безупречную службу и потерю места, а в Россию резидента более не назначать¹⁷.

Связанный с О. А. Плейером конфликт наложился на общее раздражение венского двора из-за неразрешимости «мекленбургского вопроса» и отказа России присоединиться к австрийско-венецианскому блоку для ведения войны против Турции — союзницы Франции¹⁸.

Пребывание русских войск в Мекленбурге и союзные отношения герцога Мекленбург графа Шверинского Карла Леопольда с Петром I серьезно беспокоили Георга I (в качестве курфюрста Брауншвейг-Люнебургского, английский король был имперским князем) и Карла VI. Перспектива русского господства над западной частью Балтийского моря и над выходом из него в Северное нарушала систему равновесия и мира в Священной Римской

империи германской нации (ил. 2, 3).

Желая снизить напряженность в русско-австрийских отношениях, царь выразил готовность пойти на уступки и заявил, что не собирается вмешиваться в мекленбургский конфликт, а также советовал герцогу Карлу Леопольду смириться с требованиями своего дворянства, которое поддерживал император. Единственное, в чем Петр I оставался непреклонен, так это в требовании немедленного отзыва О. А. Плейера.

Венский же двор настойчиво защищал права своего дипломата. Император, уверенный

в поддержке со стороны Англии и других государств Четверного союза и в своих военных силах, готовых к вооруженному противостоянию после заключения Пожаревацкого мира (1718 г.) с Турцией, был оскорблен тем, что в официальном и опубликованном на основных европейских языках «Объявлении розыскного дела...» его представили как предателя, нарушившего обещание укрыть царевича Алексея в имперских владениях¹⁹.

В связи с этим Петру I было заявлено, что австрийское правительство будет вынуждено дать публичный отчет об истинном положении дел. С этой целью вице-канцлер К. Ф. Шенборн составил соответствующую записку, «однако от издания пришлось отказаться, ибо в поведении Вены были все же известные компрометирующие ее шаги»²⁰.

Итогом злключения австрийского дипломата в России было то, что конференция министров венского правительства

Ил. 2. Император Карл VI. Художник Ян Купецкий. 1716 г.

Ил. 3. Английский король Георг I.
Художник Годфри Кнеллер. 1720-е гг.

в составе принца Евгения Савойского, канцлера Ф. Л. Цинцендорфа, вице-канцлера К. Ф. Шенборна и графа Г. Старенберга приняла окончательное решение. В протоколе заседания говорилось: «...конференция считает своим долгом заметить, как самовластно и неприлично поступает царь с чужестранными министрами при своем дворе; следовательно, можно опасаться и за Плейера; посему конференция полагает задержать здесь (в Вене. — С. Е.) Веселовского под предлогом получения им ответа от его двора, пока

Плейер не будет в безопасности. Хотя теперь вся корреспонденция с царем прервется, но конференция, тем не менее, о том думала, что между вашим величеством и царем дошло до того, что восстановить взаимное согласие могут уже не министры, а посредствующая третья держава»²¹.

Отношения с Австрией приобретали все более напряженный характер. В конце 1718 г. О. А. Плейер был выслан из Петербурга²². В ответ на его высылку из России венские власти выдворили из страны русского резидента и торговых представителей²³. Вслед за этим Петр I распорядился изгнать из Российского государства иезуитов — «императорских миссионеров»²⁴.

Вместе с тем русское правительство, ведя с Веной дипломатическую войну, никак не намеревалось пойти на окончательный разрыв отношений и считало инцидент с О. А. Плейером частным случаем, который не должен решительно влиять на двусторонние отношения²⁵.

Не менее драматично сложилась дальнейшая судьба русского представителя при венском дворе А. П. Веселовского (находился в ранге «резидента при цесарском дворе» с 24 мая 1715 г. по 16 февраля 1719 г.). 4 февраля 1719 г. в ответ на высылку из Петербурга О. А. Плейера австрийское правительство приказало А. П. Веселовскому покинуть Вену. Дипломата, оказавшегося не у дел, Петр направил в марте 1719 г. резидентом ко двору ландграфа Гессен-Кассельского²⁶. Но не успел тот прибыть к месту своего нового назначения, как планы в Петербурге изменились и ему было указано возвратиться на родину.

По дороге в Россию А. П. Веселовский заехал в Берлин, где встретился с находившимся там российским послом, графом А. П. Головкиным и тайным советником П. А. Толстым. Из Берлина А. П. Веселовский намеревался ехать в Петербург и даже отдал некоторые свои вещи в обоз П. А. Толстого, но перед самым отъездом «притворился быть болен и не поехал», а через несколько дней «скрылся и пропал безвестно»²⁷.

Петр I, обеспокоенный исчезновением дипломата, распорядился начать его поиски. Для них имелись определенные причины. Во-первых, А. П. Веселовский руководил дипломатической миссией при крупнейшем европейском дворе, находившемся с 1696 г. в союзных отношениях с Россией. Исчезновение осведомленного дипломата в условиях продолжавшейся Северной войны и во время формирования антирусской коалиции европейских держав было для России большой потерей. Во-вторых, резидент в 1716—1718 гг. странным образом не смог выполнить практически ни одного из важнейших секретных поручений своего правительства, и в Петербурге, вероятно, надеялись разобраться, «на кого работает» А. П. Веселовский.

В марте-апреле 1720 г. русские дипломаты при европейских дворах получили предписание «трудиться, каким способом его, Веселовского... поймать и за арест отдать, а потом и сюда, оковав, за караулом прислать»²⁸. Одновременно князю Ю. И. Гагарину, находившемуся с 1717 г. при императорской армии под командованием принца Евгения Савойского в качестве военного наблюдателя, было приказано провести во главе группы офицеров «поиск» А. П. Веселовского в германских землях и арестовать его²⁹.

В июле 1718 г. бывший майор русской службы Шенк во Франкфурте-на-Майне опознал на постоялом дворе в проезжем

«кавалере Фрелихе» А. П. Веселовского, который «в его время был секретарем у князя Меншикова»³⁰.

Из Франкфурта беглец направился в Гессен-Кассель. Чрезвычайный посланник русского правительства в Вене П. И. Ягужинский, получив известие о местонахождении резидента, распорядился преследовать и арестовать его под предлогом неуплаты крупного денежного долга. Не исключалась и возможность похищения. Казалось бы, дипломата неминуемо ждет тюремная камера в Петропавловской крепости и застенок Тайной канцелярии, но А. П. Веселовский, в последний момент узнав о готовящейся западне, спешно выехал из Гессен-Касселя в неизвестном направлении. Последующие попытки обнаружить его следы были безуспешны.

Дальнейшая судьба дипломата-«невозвращенца» сложилась довольно удачно. Он укрылся в Англии, где безуспешно пытался получить английское гражданство. В 1730-е гг. А. П. Веселовский перебрался в Швейцарию, где безбедно прожил до 1783 г. Он успел познакомиться с Е. Р. Дашковой и А. Г. Орловым, предлагал свои услуги Вольтеру в его работе над «Историей России при Петре Великом»³¹.

Двойственные чувства относительно возвращения на родину испытывал один из самых видных дипломатов петровского времени князь Борис Иванович Куракин. Еще до приезда царевича Алексея в Россию он оказался под подозрением в причастности к его бегству. Интригами П. А. Толстого и П. П. Шафирова князь не был направлен послом в Вену с целью добиваться выдачи царевича, как это первоначально планировалось³². Во время следствия в Москве и Санкт-Петербурге против Б. И. Куракина были собраны показания арестованных сторонников Алексея, но Петр I по какой-то причине решил не давать хода делу и не арестовал своего родственника. Царь ограничился отстранением дипломата от участия в русско-шведских переговорах в Голландии и на Аландском конгрессе. Голландский резидент Я. де Биэ писал в день смерти царевича Алексея: «Я слышал при дворе, что князь Куракин говорил будто бы, что он готов всю жизнь служить царю вне России, но что он никогда не возвратится в отечество. Если эти слова были сказаны, то из них можно было заключить, что он не чувствует себя здесь в безопасности»³³.

До смерти Петра I предпринимались попытки нормализовать отношения с Австрией. В 1721 г. в Россию прибыл полномочный

посол, богемский наместник и камергер императора граф Стефан Вильгельм Кинский (Кински). Он был назначен императором на этот высокий пост благодаря знанию славянских языков и чешскому происхождению. С. В. Кинский должен был вести переговоры о заключении союзного и торгового договора между Австрией и Россией. Однако перед послом стояла еще одна, очень деликатная и тайная задача. Он должен был всячески способствовать назначению в качестве наследника российского престола сына царевича Алексея — Петра, который являлся племянником (по матери) императрицы. Открыто требовать соблюдения прав царевича венский двор не решался, но пристально следил за судьбой внука первого российского императора.

Из донесений посла, а также секретаря посольства Н. С. Гохельцера (Гогенгольца) известно, что они с большим вниманием следили за жизнью царевича Петра Алексеевича, его воспитанием, обучением и отношениями с августейшими родственниками.

Возможно, отъезд С. В. Кинского из России до завершения переговоров был обусловлен недовольством российского правительства слишком активным интересом имперского посла к проблеме прав Петра Алексеевича на престол³⁴. Конфликт между венским и петербургским дворами был окончательно урегулирован только после смерти Петра I. В 1726 г. в Санкт-Петербург был направлен чрезвычайный посол, граф Амадей Рабутин-Бусси, который в том же году подписал русско-австрийский союзный договор, определивший систему отношений двух стран вплоть до середины XIX в.³⁵

Пристально следил за ходом дела царевича Алексея ганноверский резидент Ф. Х. Вебер, вернувшийся в Россию после кратковременного отъезда на родину и представлявший интересы брауншвейг-люнебургского (ганноверского) курфюрста и английского короля Георга I — давнего недоброжелателя русского государя³⁶.

20 декабря 1717 г. дипломат сообщает из Санкт-Петербурга о путешествии Петра I в Москву, где должно было начаться следствие над царевичем и его сообщниками. Во время пребывания в северной столице немецкий дипломат возобновил добрые отношения с князем А. Д. Меншиковым, нанес визиты членам царской семьи и высокопоставленным особам. При этих посещениях Ф. Х. Вебер скрупулезно собирал информацию о происходивших

в России потрясениях. Ему удалось узнать подробности ареста в Петербурге А. В. Кикина, В. В. Долгорукого и других сторонников Алексея. Кроме того, дипломат получал постоянную корреспонденцию из Москвы, где в феврале—марте 1718 г. находился двор и велось следствие. Некоторые обстоятельства кикинского и суздальского розысков сообщил ему генерал А. А. Вейде. Вице-канцлер П. П. Шафиров извещал немецкого дипломата о событиях в Москве и от имени царя приглашал прибыть туда³⁷.

26 февраля 1718 г. Ф. Х. Вебер отправился в Москву, где пробыл до апреля. Там резидент стал свидетелем важнейших событий московских розысков и страшных казней, происходивших на Красной площади в середине марта³⁸.

Отношения резидента с русским правительством складывались хорошо, тем более что Петр был заинтересован в заключении союза с Англией. 18 марта Ф. Х. Вебер получил аудиенцию у царя и встретился с П. П. Шафировым, который заверил дипломата в том, что Россия не намерена заключать сепаратный мир со Швецией на Аландском конгрессе³⁹.

Вернувшись в Петербург, Ф. Х. Вебер оказался в сложном положении — русское правительство узнало о мирных переговорах между Швецией и Англией. Голландский резидент Я. де Биэ сообщил Генеральным Штатам о неприятном эпизоде, происшедшем на свадьбе И. А. Мусина-Пушкина (2 мая 1718 г.): государь спросил сидевшего подле него ганноверского дипломата об англо-шведских переговорах; этот вопрос привел Ф. Х. Вебера в сильное смущение, и он не сразу нашелся, что сказать. Петр, заметив это, стал в резких выражениях укорять резидента и заметил, что «мы никак не ожидали подобных результатов от союза, искренне нами заключенного»⁴⁰.

В мае 1718 г. отношения между Россией и Англией стали еще более прохладными. Георг I узнал о тайных связях русской дипломатии с претендентом на престол от свергнутой династии Яковом III Стюартом и якобитами, которые осуществлялись через лейб-медика царя Р. К. Арескина (Эрскина). Ф. Х. Вебер должен был вести себя очень осторожно. В связи с петербургским розыском по делу царевича Алексея все дипломатические миссии в северной столице были под пристальным наблюдением русских властей с целью пресечь нежелательные контакты и утечку секретной информации за границу. Ганноверский резидент стал свидетелем обыска в доме Я. де Биэ, имел возможность наблюдать,

как резко обращалось русское правительство с австрийским дипломатом О. А. Плейером. Боязнь ареста заставляла Ф. Х. Вебера быть очень осмотрительным. «В Петербурге, — доносил дипломат, — вскрывают все письма, и что еще удивительнее — это происходит совершенно открыто. Вот причина бедствий венского и голландского резидентов». Из Ревеля Ф. Х. Вебер писал, что Россия — ужасная страна, где все трепещут, и даже шифром писать опасно⁴¹.

В отличие от подробных и изобилующих деталями сообщений о следствии по делу царевича в Москве донесения Ф. Х. Вебера из Петербурга «дают лишь скудные данные об этом предмете». Дипломат кратко извещает о ходе следствия в Петербурге, о попытке В. В. Долгорукого и А. Ф. Лопухина в Петергофе, о судьбе несчастной вдовы А. В. Кикина. Это объясняется прежде осторожностью дипломата, которого в любую минуту могла постичь судьба двоих коллег по дипломатическому корпусу⁴².

В переписке с Ганновером Ф. Х. Вебер также ограничивался сообщениями о судьбе этих дипломатов. В июне 1718 г. он пишет, что О. А. Плейеру без объяснения причин запрещен проезд ко двору. «Однако, — добавляет дипломат, — все знают, что Веселовский в Вене успел достать копии донесений Плейера, где сообщалось об этих делах (то есть о следствии. — С. Е.) и особенно о царевиче такие известия, которые оказались весьма неприятными для здешнего двора». В следующем письме Ф. Х. Вебер отмечает, что хотя О. А. Плейеру и запрещен проезд ко двору и во все места, где бывает царь, сам он чувствует себя совершенно покойно, так как не видит за собой вины и считает, что честно исполнил свой долг⁴³.

Ганноверскому резиденту удалось узнать о странном случае, происшедшем с австрийским курьером, отправленным из Вены к О. А. Плейеру. В окрестностях Дерпта он был схвачен, избит и привязан в лесу к дереву, где пробыл четыре дня, пока местный крестьянин не нашел его и не привез в Дерпт. Курьер скончался на другой день, несмотря на все старания «царских комиссаров». Все находившиеся при нем секретные дипломатические бумаги бесследно исчезли. Австрийский резидент, узнав об этом случае, распорядился о погребении тела и ходатайствовал о проведении следствия⁴⁴.

Не вызывало сомнения, что за всем этим стоит Посольская канцелярия, но никто не решился выдвинуть открытое обвинение.

Дипломаты предпочитали изыскивать тайные пути для пересылки корреспонденции.

Как мы уже отмечали выше, Ф. Х. Вебер дружил с некоторыми дипломатами в Санкт-Петербурге. Так, например, он был в очень хороших отношениях с семьей Я. де Биэ, который узнавал через ганноверца о секретных делах русского двора⁴⁵. Во время допроса вице-канцлер спрашивал Я. де Биэ об источнике некоторых сведений, сообщенных им голландскому правительству. Дипломат заявил, что получил информацию от О. А. Плейера и Ф. Х. Вебера. «Нет, господин Вебер не мог сообщить таких известий, — заметил П. П. Шафиров, — он слишком умен и осмотрителен, вашим наперсником был этот проклятый клеветник Плейер»⁴⁶.

Можно понять, что при таких условиях пребывания в России вести обычную дипломатическую переписку было крайне сложно. В одном из донесений немецкий дипломат с иронией замечал, что получить из России подробных известий невозможно, так как всякий сочинитель писем о русских делах подвержен «опасности кнута». Это письмо предусмотрительный резидент отправил из вольного города Данцига⁴⁷.

Нервозная атмосфера среди дипломатического корпуса в Петербурге еще более нагнеталась из-за ухудшения русско-английских отношений. Ганноверский резидент находился под пристальным и постоянным наблюдением русских. «Нельзя ожидать ничего хорошего от этого двора, — писал он 15 сентября 1718 г. королю Георгу I, — все клятвы здешних министров оказываются ложью, ненависть против вашего королевского величества не может быть сильнее, и не достает только силы вредить нам»⁴⁸.

В отличие от своих коллег-дипломатов Ф. Х. Вебер не пострадал — он был слишком умен и осмотрителен, но внутренняя обстановка в России времени политического процесса по делу царевича не могла не оказать влияние на отношения между двумя странами. Поспешный отъезд Ф. Х. Вебера из России скорее напоминал бегство, а ускоренный сбор информации о русской армии и флоте, экономическом состоянии государства, отраженный в последних депешах, говорил о прогрессирующем англо-русском конфликте.

Политический процесс по делу царевича Алексея был воспринят в Англии как признак внутренней нестабильности и смуты в Российском государстве. Георг I, относившийся к Петру I

неприязненно, воспользовался сложной для России внешнеполитической обстановкой и гибелью Карла XII⁴⁹ и подписал в августе 1719 г. прелиминарный (предварительный) англо-шведский союзный договор, предусматривавший выплату шведскому правительству значительных субсидий для ведения войны и совместного участия в давлении на противников Швеции.

Сепаратные статьи договора откровенно говорили о фактическом участии Англии в войне на стороне Швеции. Георг I добился окончательного развала Северного союза и фактической денонсации русско-французского Амстердамского договора (1717 г.)⁵⁰.

Регент Филипп Орлеанский при малолетнем короле Людовике XV под давлением секретаря Государственного совета Франциски по иностранным делам аббата Гийома Дюбуа был вынужден занять проанглийскую позицию и возобновил дипломатическую и финансовую поддержку Турции и Швеции, основных противников Российского государства⁵¹. Франция вошла в Четверной союз и возобновила субсидии шведскому правительству. К осени 1719 г. казна обескровленной Швеции получила из Версаля золотые слитки на сумму 300 тыс. лудиров для продолжения войны с Россией.

5 января 1719 г. Австрией, Ганновером и Саксонией был заключен Венский союзный договор, направленный против России. Его статьи предусматривали лишение России всех ее завоеваний в Прибалтике, отторжение Киева, Смоленска и других земель. Договор предусматривал также передачу под императорский секвестр Мекленбурга и применение военной силы против держав, которые попытаются помешать исполнению этого решения⁵².

В отношениях с Великобританией Петр старался не дать никакого повода, который помог бы ее властям оправдать любую войну перед общественным мнением. Осенью 1719 г. русское правительство ради сохранения мира с этой державой попыталось прибегнуть к помощи Голландии. В целях разрядки напряженности царь стремился использовать заинтересованность английских деловых кругов в торговле с Россией и занятыми ею областями. Поэтому он издал в апреле 1720 г. декларацию о позволении им беспрепятственно торговать в России, несмотря на враждебные шаги Лондона⁵³.

Крушение планов коалиционного разгрома России и оттеснения ее от берегов Балтики стало очевидным для короля Георга и его правительства. Поэтому Лондон в 1720 г. проявил желание,

Ил. 4. Шведский король Фредрик I.
Художник Г. Э. Шрёдер. 1720-е гг.

чтобы Северная война прекратилась, и Англия была освобождена от обязательства оказывать Стокгольму дорогостоящую военную и финансовую помощь. Это вовсе не означает, что англичане тогда полностью отказались от попыток организовать выступление против России объединенных сил ряда европейских государств. Они еще продолжали эти попытки, оказывая давление на своих партнеров. Однако Лондон, несомненно, значительно яснее, чем шведы, понимал сложившуюся обстановку.

Делая отсюда практические выводы, он дал Швеции совет — заключить мир с Россией. Кроме того, две крупные морские победы русского флота в 1719 г. у о. Эзель и в 1720 г. у о. Гренгам показали значение и мощь Балтийского флота.

В 1720 г. шведская королева Ульрика Элеонора отреклась от престола в пользу своего супруга принца Фридриха Гессенского⁵⁴. 24 марта 1720 г. он был избран королём Швеции под именем Фредрика I и 3 мая того же года был коронован в Стокгольме. Его восшествие на престол сопровождалось дальнейшим ограничением королевской власти (ил. 4).

Победы русского оружия, а также давление правящей верхушки Швеции побуждали нового короля начать мирные переговоры с Россией⁵⁵. Местом проведения переговоров был выбран городок Ништадт (швед. *Nystad* — *Новый город*). Ныне это небольшой город Усуикаупунки в Западной Финляндии на берегу Балтийского моря, где ничего не напоминает о судьбоносных переговорах 1721 г., когда русский Орел и шведский Лев делили между собой землю и море после изнурительной двадцатидвухлетней войны. От старой застройки XVII—XVIII веков почти

ничего не сохранилось, и можно лишь только предполагать, где проходили переговоры.

С самого начала решено было не затягивать дело, а для этого отказаться от посредников и упростить протокол, «чтоб с обеих сторон никаких церемоний от министров ни в чем учинено не было»⁵⁶. Русскую сторону на переговорах представляли два уполномоченных. Первый из них, Яков (Яков Даниэль) Вилимович Брюс (1669–1735) был потомком шотландского королевского рода. Его отец В. Р. Брюс поступил на русскую службу в 1649 г. и был пожалован чином поручика царем Алексеем Михайловичем, а в 1658 г. произведен в полковники. Я. В. Брюс служил с 1683 г. в Потешных полках Петра I, с 1686 г. — прапорщиком в русской кавалерии. Он участвовал в Крымских походах 1687 и 1689 гг., Азовских походах 1695–1696 гг., Великом посольстве 1697–1698 гг., Северной войне 1700–1721 гг., Прутском походе 1711 г. Его продвижение по военной службе выглядит следующим образом: поручик (с 1688 г.), ротмистр (с 1693 г.), майор (с 1695 г.), подполковник и полковник (с 1696 г.), генерал-майор от артиллерии (с 1700 г.), генерал-поручик (с 1706 г.), генерал-фельдцейхмейстер (с 1711 г.). В 1701–1705 гг. Я. В. Брюс — глава Новгородского приказа и воевода в Новгороде, а с 1704 г. — глава Приказа артиллерии, исполняющий обязанности генерал-фельдцейхмейстера. Он руководил Московской гражданской типографией (с 1706 г.), участвовал в сражении при Калише 18 октября 1706 г., в Полтавской баталии 27 июня 1709 г. Брюс командовал русской артиллерией, а при осаде Риги (1710 г.) командовал осадной артиллерией, а также объединенной русской, датской и саксонской артиллерией в Померанском походе 1712–1713 гг. Я. В. Брюс занимал важные государственные должности: сенатора (с 1717 г.), президента Берг- и Мануфактур-коллегии (с 1717 г.), начальника Канцелярии главной артиллерии (с 1719 г.); директора Монетного и Денежного дворов (с 1720 г.), генерал-директора над фортификациями, ведавшего «все крепости и в них обретающихся артиллерийских служителей и артиллерию, амуницию, цейхгаузы и прочее, что к артиллерии принадлежит». Обладая дипломатическим опытом и знанием многих европейских языков, Брюс был главой русской делегации на Аландском конгрессе 1718–1719 гг. Перед отправкой на переговоры в Ништадт, царь возвел Я. В. Брюса в графское достоинство⁵⁷ (ил. 5).

Ил. 5. Яков Вилимович Брюс.
Гравюра XVIII в.

Ил. 6. Андрей Иванович
Остерман. Гравюра XVIII в.

Вторым дипломатическим представителем России был Генрих Иоган Фридрих (Андрей Иванович) Остерман (1686—1745), сын вестфальского пастора. Он учился в Йенском университете, после дуэли вынужден был бежать в Амстердам, откуда с вице-адмиралом Корнелиусом Крюйсом в 1704 г. приехал в Россию. Быстро обучившись русскому языку, он приобрел доверие царя и в 1707 г. стал переводчиком Посольского приказа, с 1710 г. его секретарем. Остерман сопровождал царя в Прутском походе 1711 г. Вместе с Я. В. Брюсом он участвовал в работе Аландского конгресса (ил. 6). «...Великий дипломат с лакейскими ухватками, который никогда в подвернувшемся случае не находил сразу что сказать и потому прослыл непроницаемо-скрытным, а вынужденный высказаться, либо мгновенно заболел послушной тошнотой или подагрой, либо начинал говорить так загадочно, что переставал понимать сам себя, — робкая и предательски каверзная душа»,⁵⁸ — таким предстает этот политик в изображении В. О. Ключевского. Представляется, что историк несколько сгустил краски.

Я. В. Брюс и А. И. Остерман были, безусловно, способными дипломатами. Но они, скорее всего, талантливо исполняли волю Петра, ибо фактически работу на мирном конгрессе возглавил сам царь. Дело было слишком важным, чтобы передоверить его даже талантливым и преданным подчиненным⁵⁹. Еще до начала переговоров Петр лично составил «кондиции, на которых мы мир вечной с короною швейскою заключить желаем».

Шведскую делегацию на Ништадтском мирном конгрессе возглавлял государственный деятель и дипломат Юхан Лилльенстедт (Лилиенштедт, 1655—1732). Он родился в Бьёрнеборге (ныне — финский город Пори) в семье церковного пастора Паулуса Симониса Рауманнуса. Во время учебы в Упсальском университете он выделялся своими обширными знаниями, вследствие чего ему дважды предлагали место преподавателя в Абоском университете. Однако он предпочел поступить на службу гувернером в дом государственного казначея Стена Бельке и одновременно исполнял при нем в Камер-коллегии обязанности секретаря. С 1685 г. служил секретарем-протоколистом в Статс-конторе. Карьера его успешно шла вверх, и в 1690 г. он был возведен в дворянское достоинство под фамилией Лилльенстедт. Дело в том, что по шведской традиции при нобилитации новоиспеченный дворянин менял свою фамилию на более благозвучную.

С 1692 г. Лилльенстедт служил секретарем в Стокгольмском надворном суде, а с 1698 г. состоял членом Законодательной комиссии. В 1705 г. его назначили вице-президентом и председателем Висмарского суда. С этого времени он выполнял многочисленные дипломатические поручения в Германии, поскольку Висмар был немецким владением Швеции. В 1713 г. он получил титул барона. В 1719 г. в качестве полномочного представителя Лилльенстедт принимал участие в работе Аландского мирного конгресса, а также в переговорах с Великобританией, Данией и Пруссией. В этом же году он был назначен членом Риксрода (Государственного совета при короле) и государственным канцелярским советником. Тогда же был возведен в графское достоинство.

В 1727 г. Лилльенстедт назначен президентом Висмарского суда с сохранением жалования члена Риксрода. Умер в своём поместье Дивитц 26 сентября 1732 г. После себя оставил несколько стихотворных произведений, свидетельствовавших, по мнению современников, о его поэтическом таланте⁶⁰ (ил. 7, 8).

VREEDTE tekening tuffchen de Plenipotentiarijzen van den Kyser van Groot Ryfand en de Koning van Sweden, tot Neufstadt, naar een Oorlog van 21 Jaaren. op den 26 Aug. 1721.

PAX inter Magnam Moscovitarum Imper. et Regem Sueciae composita, ductu Craxorum utriusque cum summa potestate Neoftradi 26 Augusti die 1721 post bellum 21 annorum.

Per Schoon Exc. Amst. C. P. Riv.

Ил. 7. Русско-шведские переговоры в Ништадте. Гравюра начала XVIII в.

Вторым шведским министром на мирных переговорах в Ништадте был назначен Отто Рейнхольд Стрёмфельт (Штремфельдт, 1679–1746). Этот высокопоставленный шведский чиновник и политик был сыном губернатора Лифляндии Густава Стрёмфельда и его жены Кристины Элисбет Таубе из Карлё. После изучения права в Дерптском университете он сопровождал посла Карла Бонда на мирном конгрессе в Рейсвейке в 1697 году, а затем в 1698 году был отправлен с дипломатической миссией в Англию. В 1700 году Стрёмфельд был нанят в качестве экстраординарного канцлера для работы в Национальном архиве. В 1701 году он был назначен ассессором в Дерптском суде.

Ил. 8. Юхан Лилльенстедт. Гравюра XVIII в.

В 1704 году он стал оценщиком в Ливлендском суде. В 1712 году Стрёмфельг был назначен на судебную должность законодворителя (швед. Lagmän) на острове Готланде, а в 1718 году был переведен в округ Кальмар. На риксдаге в 1719 году Стрёмфельг был назначен в комитет, которому было поручено подготовить новую форму правления, ограничивавшую королевскую власть. Он также был назначен губернатором округа Вестерботтен, а затем Коппарберга. В 1720 году Стрёмфельг был возведен во дворянство. В 1721 г. он представлял шведскую сторону на переговорах в Ништадте.

Карьера его продолжилась и после заключения мирного договора. В 1723 году Стрёмфельг был назначен президентом Камерколлегии, несколько раз исполнял обязанности земского маршала.

В 1731 году он был назначен членом Тайного совета, а в 1736 году стал председателем апелляционного суда Свеаланда. С 1743 года Стрёмфельг возглавлял Высокий суд города Або (современный Турку). Скончался он в Стокгольме в 1746 году⁶¹.

4 марта 1721 г. Брюс и Остерман получили в Петербурге шведские паспорта для проезда в Ништадт. Известно лишь, что для проведения переговоров шведы должны были построить специальное здание — «конференц-гауз». Однако к приезду первого русского уполномоченного Я. В. Брюса в Ништадт 28 апреля 1721 г. (Остерман задержался в Риге) постройка еще не была готова. Шведская сторона предложила проводить заседания на квартире Брюса либо в доме, где поселились шведы. Брюс заявил, что переговоры должны проходить только в «конференц-гаузе», который необходимо как можно скорее доделать. Генерал-фельдцейхмейстер всячески подчеркивал, что в мире нуждается скорее шведская сторона, нежели русские.

Первые заседания конгресса начались 11 мая. Уполномоченные представители вели переговоры за круглым столом в «средней светлице» «конференц-гауза», рядом были поставлены два стола для секретарей Фейфа и Шуберта, протоколировавших ход заседаний⁶². 26 мая к переговорам подключился Остерман, отпущенный Петром I из Риги. Место для переговоров на территории разоренной войной Финляндии было выбрано не самое лучшее, но преимущество было в том, что Ништадт был на практически равном удалении как от Стокгольма, так и от Санкт-Петербурга, что позволяло дипломатам достаточно быстро обмениваться корреспонденцией со своими монархами.

Открытие Ништадтского мирного конгресса не означало прекращения боевых действий. Русское правительство рассматривало их как средство «принуждения к миру» Швеции, поскольку те еще надеялись на военную помощь английского флота. В 1721 г. пятитысячный русский десант под командованием П. П. Ласси вновь вторгся на территорию Швеции, где прошел маршем более 300 км, уничтожил 13 заводов, включая один оружейный. Русские сожгли три города, 19 приходов и 506 деревень, захватили 40 небольших шведских судов, а также запасы продовольствия, боеприпасов и пр. Все, что не могли вывезти — предавали огню. При этом старались не трогать мирное население, поэтому современные шведские историки при всем старании не могут привести свидетельств и документов о, якобы, жестокости русских.

К продолжению боевых действий готовился и Балтийский флот. Тем более что английское правительство в ноябре 1720 г. разорвало дипломатические отношения с Россией и выслало из Лондона русского резидента М. П. Бестужева. Весной 1721 г. в Балтийское море вновь вошла британская эскадра под командованием адмирала Дж. Норриса. В результате мер предосторожности, предпринятых русским командованием, английский флот не смог выполнить своей задачи — уничтожить русский флот или даже нанести ему какой-либо ущерб. Более того, несмотря на присутствие британцев, русские суда продолжали успешно высаживать десанты на шведское побережье, наглядно показывая шведскому правительству бесплодность их надежд на иностранную помощь.

Король Фредрик оказался в трудном положении. Швеция не имела возможности продолжать войну, она исчерпала финансовые резервы и людские ресурсы, материальная база армии и флота была истощена до крайности. Некому было сеять и убирать урожай, ремесленные мастерские, заводы и фабрики простаивали, торговля замерла. Пока Швеция была великой державой, ее население на 90 % существовало за счет земледелия и скотоводства, а экономика жестко эксплуатировалась для военных нужд. Северная война и эпидемия чумы 1710—1711 гг. выкосили значительную часть населения. Голландский путешественник, проезжая по шведским землям в 1719 г., отмечал: «Во всей Швеции все до единого молодые люди в возрасте 20—40 лет были солдатами. От жестокой войны пострадала почти вся молодежь

в этой несчастной стране... Все королевство разорено до крайности. Часто, приехав на постоянный двор, мы не находили ни людей, ни лошадей»⁶³.

Брюс и Остерман получили от Петра I в качестве руководящего документа краткие инструкции из трех пунктов, согласно которым послы должны были добиваться передачи России в вечное владение Ингрии и Эстляндии, а также Выборга с Карелией и Кексгольмом. Лифляндия также должна была стать русским владением, но за нее рассматривалась возможность выплаты денежной компенсации⁶⁴. Переговоры в Ништадте продолжались все летние месяцы, и ход их подробно исследован в фундаментальной монографии Л. А. Никифорова⁶⁵.

Камнем преткновения на переговорах стал вопрос о передаче России города Выборга, а также вопрос о пребывании в Санкт-Петербурге голштинского герцога Карла Фридриха (племянника погибшего короля Карла XII), являвшегося претендентом на шведский престол. Шведы резонно полагали, что как только герцог женится на дочери царя Анне, российский монарх получит возможность оказывать не только военное, но и политическое влияние на королевство.

В ходе переговоров русская делегация дала, по поручению Петра, обязательства не вмешиваться в «домашние дела королевства Шведского» и «ниже кому кто ни был не будет оказывать помощь ни прямо, ни посторонние, каким ни есть образом, советом или действием».

Между тем война истощала ресурсы не только Швеции, но и России. Ради заключения мира Петр решил отказаться от претензий на Выборг. Свое решение он поручил передать мирной делегации через камергера и дипломата П. И. Ягужинского, который несколько лет назад уже принимал участие в работе Аландского конгресса. Узнав об этом, Брюс и Остерман приняли все меры, дабы склонить шведскую делегацию к подписанию мира. Одновременно хитроумный Остерман затеял интригу, цель которой состояла в том, чтобы как можно дольше задержать прибытие в Ништадт царского посланника. Зная пристрастие Павла Ивановича к горячительным напиткам, Остерман упрямил выборгского коменданта И. И. Шувалова оказать Ягужинскому щедрое гостеприимство и задержать его на несколько дней.

Пока Ягужинский пьянствовал в хорошей компании в Выборге, в ночь с 30 на 31 августа 1721 г. русские уполномоченные

подписали мирный договор, отстояв при этом все требования России⁶⁶. Он состоял из преамбулы и 24 статей, согласно которым заключался вечный и неразрывный мир между русским царем и шведским королем, а также их преемниками. Все военные действия прекращались в двухнедельный срок. Россия закрепила выход к Балтийскому морю, к ней отходила часть Карелии, расположенная к северу от Ладожского озера, Выборг, Ингерманландия, Эстляндия с Ревелем и Лифляндия с Ригой, а также острова Эзель и Даго. Население этих территорий сохраняло свободу вероисповедания.

Предусматривался обмен пленными, амнистия «преступникам и перебежчикам» (кроме сторонников гетмана И. С. Мазепы). Финляндия освобождалась от русских войск и возвращалась Швеции. Шведы получали право ежегодно беспошлинно закупать и вывозить из России хлеба на 50 тыс. рублей. Договор подтверждал все привилегии, предоставленные остзейскому дворянству шведским правительством: оно сохранило свое самоуправление, сословные органы и т. д.

Несмотря на то, что Россия была победившей стороной, она приняла на себя обязательство уплатить побежденной стороне денежную компенсацию за отчуждаемые территории. Размер выкупа составлял два миллиона талеров (ефимков), уплачиваемых в строго определенные сроки и через строго определенные банки Гамбурга, Лондона и Амстердама⁶⁷.

2 миллиона ефимков при весе монеты (в 1721 г.) 28 г составляли 56 тонн серебра. Для сравнения можно сказать, что первенец российского линейного флота — 52-пушечный корабль «Полтава» обошелся казне в 35 тысяч ефимков, включая стоимость пушек. Таким образом, Петр I отправил в Швецию сумму, достаточную для снаряжения флота из 56 линейных кораблей. Ежегодный бюджет России в те годы составлял порядка 4—5 миллионов рублей (или ефимков, серебряный рубль перечеканивался из иоachimсталера), следовательно, царь выплатил шведской короне половину всего годового бюджета страны. Для самой же Швеции того времени эта сумма составляла весь годовой бюджет. Деньги русской стороной были выплачены сполна, о чем в феврале 1727 г. шведский король сообщил русскому послу в Стокгольме князю В. В. Долгорукову.

Нельзя не упомянуть еще об одном стимулирующем факторе, который ускорило подписание мирного договора. Русские

представители на конгрессе делали шведской стороне достаточно откровенные предложения о вознаграждении за стоворчивость в обсуждении статей договора и ускорении его подписания. С этой целью Я. В. Брюсу и А. И. Остерману были выданы 30 000 червонных из кабинета Его Величества.

Юхан Лилльенстедт получил 9600 червонных, его коллега Отто Рейнхольд Стрёмфельг — 6400 червонных, а шведский статс-секретарь Гёпкен — 4000 червонных. Секретарь шведской делегации Фейф и другие канцелярские служащие довольствовались 500 червонными на всех. Часть этих сумм была выдана «публично», то есть явно, а часть секретно⁶⁸.

Сын Лилльенстедта был послан в Стокгольм с текстом договора для его ратификации королем Фредриком. Он привез ратифицированный договор в Ништадт даже раньше обусловленного срока — 11 сентября. Это показывает, что шведы торопились с окончательным утверждением договора, понимая, насколько необходим был мир для королевства (ил. 9, 10).

Царь хотел получить известие о заключении мира первым, до того как об этом узнал кто-либо другой в России. С этой целью он писал дипломатам: «Ежели у вас с помощью Божиею станет дело подходить к доброму окончанию, дайте чрез курьера знать, дабы я в Элзенфорс прибыть, как для ближнего решения в чем будет спор не в зело в важных делах, так и для того чтоб сие мне привезть в Питербург (понеже не чаю, хтоб более моево в сей войне трудился) и для того сему никому являтца не велите кроме меня. Також чтоб и партикулярных писем с конгресса о том никуды ни от кого не было от наших людей»⁶⁹.

Петр получил известие о заключении мира 3 сентября, будучи на острове Котлин. В этот день с утра он позировал живописцу Ивану Никитину, писавшему портрет государя. Затем царь присутствовал на литургии, после чего изволил откусать и прилечь поспать. Отдохнув, Петр вместе с царицей Екатериной Алексеевной отправился морем на торншхоуте⁷⁰ в свое загородное имение Дубки на северном берегу Финского залива. Версты за две до намеченной цели царь встретил транспорт, на котором находились выборгский комендант И. И. Шувалов и капрал гвардии И. Обресков. Последний был послан из Ништадта, дабы сообщить о заключении мира со шведами. Получив это радостное известие, Петр, взяв с собой только двух человек, как можно скорее отправился в Санкт-Петербург. На следующий

Ил. 9. Барельеф на заключение Ништадтского мира для «Триумфального столпа» в честь побед русских войск в Северной войне. 1720-е гг.

день в четвертом часу пополудни в Троицком соборе начался торжественный молебен, после которого царь объявил о заключении мира. Пушечная и ружейная стрельба возвестила горожанам о важном событии⁷¹.

«Гистория Свейской войны», которую, как известно, редактировал сам Петр I, детализирует подробности: «В 3 день сентября их величества с Котлина-острова восприяли путь свой в Дупки и, не доехав оного места версты за 3, встретился его величеству на шляпке лейб-гвардии Преображенского полку капрал Иван Обресков, которой послан с конгресу Ниуштацкого от полномочных министров с реляциею, в которой они доносили, что с помощью Божиею в 30 день августа с швецкими министрами мир заключили и трактатами разменялись. И тот трактат, заключенной руками швецких министров, помянутой Обресков привез. И оной пакет писем разпечатал его величество сам и, прочет, никому

Ил. 10. Печатный экземпляр ратифицированного шведским королем Ништадтского мирного договора. 1721 г.

тогда не объявил. И понеже было уже поздно, того дня в том доме у Дубков начевали. И на другой день, то есть в 4 день сентября, поутру все придворные его величества люди приготовились было к назначенному походу в Выборг, но вместо того его величество объявил, что мир заключен. И тотчас послан указ в карабельной флот х Красной горке к шавтбенахту Сиверсу (которой тогда в помянутом флоте командиром был), дабы он со всем флотом возвратился х Кроншлоту. Также и х капитану-командору Науму Синявину, которой тогда обретался с эскадрою карабелей при Елзинфорсе, чтоб також шел х Кроншлоту, объявляя притом и поздравляя им и всем афицером, что всемилостивый Бог двадцати однолетнюю войну благим и пожелаемым миром окончить изволил, прошедши троевременную так жестокою и опасную школу. Тако ж и к генералу князю Голицыну в Финляндию, поздравляя в такой же материи ево и всех афицеров корпуса ево, письмо послал. И, отправя сие, того ж часу, взяв с собою одного пажа своего и трубача, сам с тою ведомостью поехал в Санкт-Питербух морем на брегантине. И когда прибыл в Неву-реку, тогда, едучи рекою, по обыкновению рядовых вестей стреляли

Ил. 11. Петр I объявляет о заключении Ништадтского мира. Гравюра XIX в.

з брегантира чрез всякую минуту ис трех басов и трубили на трубах. Что услыша, все как духовныя, так и свецкия знатныя персоны сошлись на пристань Троицкую и его величество встретили которым его величество объявил о заключении так от Бога даннаго благополучнаго мира, чему зело обрадовались. И потом в тот час пошли в церковь Троицкую, где учинил краткими словами архиерей резанской поздравление. И было благодарение Богу, и по отправлении Богу благодарения была троекратная пушечная стрельба со всех крепостей изо всех пушек»⁷².

Особо благодарил Петр I за подписание мира своих дипломатов на Ништадтских переговорах: «Понеже трактат так вашими трудами зделан, хотя б написав нам и только б для подписи послать господам шведам, более бы того учинить нечего, за что вам зело благодарствуем. И что славное в свете сие дело ваше никогда забвению предатися не может, а особливо николи наша Россия такого полезного мира не получала»⁷³. Брюс и Остерман получили щедрые награды, а последний — еще и баронский титул в придачу.

Основные празднества по случаю заключения мира в Санкт-Петербурге и во всем Российском государстве были назначены на 22 октября в Северной столице и 28 января 1722 г. в Москве, поскольку для их подготовки требовалось время (ил. 11, 12).

Ил. 12. Фейерверк в честь заключения Ништадтского мира, устроенный русским послом в Амстердаме. Гравюра 1720-х гг.

Однако царь не мог терпеть так долго, и 10 сентября в столице состоялась шуточная свадьба князь-папы И. И. Бутурлина, которая по сути дела стала грандиозным празднеством в честь окончания войны. «Машкарад», сопровождавшийся грандиозными попойками и достаточно непристойными процессиями, продолжался до 17 сентября. Он подробно описан в дневнике камер-юнкера голштинского герцога Ф. В. Берхгольца⁷⁴. Вот, например, как проходила брачная церемония: «Погуляв, при стечении тысяч народа, часа два по площади и рассмотрев хорошенько друг друга, все маски в том же порядке отправились в здания Сената и коллегий, где за множеством приготовленных столов князь-папа должен был угощать их свадебным обедом. Новобрачный и его молодая, лет 60-ти, сидели за столом под прекрасными балдахинами — он с царем и господами кардиналами, а она с дамами. Над головою князя-папы висел серебряный Бахус, сидящий верхом на бочке с водкой, которую тот цедил в свой стакан

и пил. В продолжение всего обеда человек, представлявший на маскараде Бахуса, сидел у стола также верхом на винной бочке и громко принуждал пить папу и кардиналов; он вливал вино в какой-то бочонок, причем они постоянно должны были отвечать ему. После обеда сначала танцевали; потом царь и царица, в сопровождении множества масок, отвели молодых к брачному ложу. Жених в особенности был невообразимо пьян. Брачная комната находилась в упомянутой широкой и большой деревянной пирамиде, стоящей перед домом Сената. Внутри ее нарочно осветили свечами, а ложе молодых обложили хмелем и обставили кругом бочками, наполненными вином, пивом и водкой. В постели новобрачные, в присутствии царя, должны были еще раз пить водку из сосудов, имевших форму *partium genitalium* (половых органов, *лат.*) (для мужа — женского, для жены — мужского), и притом довольно больших. Затем их оставили одних; но в пирамиде были дыры, в которые можно было видеть, что делали молодые в своем опьянении. Вечером все дома в городе были иллюминированы, и царь приказал, чтоб это продолжалось во все время маскарада»⁷⁵.

23 сентября в Петербург доставили ратифицированный шведским королем мирный договор. Все началось сначала, и праздники закончились только в конце месяца⁷⁶. В день главных торжеств 22 октября в Троицком соборе «при народном собрании» была зачитана речь-прошение от Сената и Синода, в которой высшие духовные и светские чины государства просили царя принять титул «Отец Отечества, Петр Великий и Император Всероссийский»⁷⁷. В тот день после торжественного богослужения происходила церемония раздачи наград участникам войны, сопровождаемая салютом из многих пушек и беглого огня 27 полков. Затем были устроены увеселения разного характера. Набережные и улицы города были ярко иллюминированы цветными фонариками с салными плоскими свечами. Немало горело смоляных бочек и костров, сложенных из дров. Вечером на Петербургской стороне, против здания Сената, было устроено фейерверочное представление.

Центральная декорация фейерверка представляла собой огромных размеров сооружение в виде храма Януса. Он был иллюминирован множеством разноцветных фонарей. В назначенный час Петр, находившийся с приближенными на галерее Сената, поджег здесь специально изготовленную фигуру орла, полетевшую

к храму Януса, от орла в свою очередь зажглась центральная декорация, и тогда зрители увидели освещенные голубым огнем открытые двери храма и внутри «мирорешительного» Януса, державшего в правой руке лавровый венок, а в левой масличную ветвь. Немного спустя показались в голубом огне две фигуры в виде вооруженных панцирями коронованных рыцарей, олицетворявших Российскую и Шведскую державы. Они двигались навстречу друг другу с протянутыми для рукопожатия руками. В момент сближения фигуры рыцарей прикоснулись к дверям храма, которые тотчас же затворились. Это было символическим выражением заключенного мира между Россией и Швецией.

Как только вход в храм Януса был закрыт, над ним взлетело «шесть тысяч ракет и прочих фейерверочных фигур», заиграли духовые оркестры, раздался колокольный звон, и грянул салют. Затем справа от храма Януса зажегся двигавшийся к нему большой фитильный щит, на котором была изображена фигура «Правосудия», попирающая ногами двух фурий, представлявших недоброжелателей и ненавистников России. Над декорацией виднелась надпись: *«Всегда победит»*.

После этого осветился другой фейерверочный щит, находившийся слева от центральной декорации. На нем был показан направлявшийся в гавань корабль. Здесь же светилась пояснительная надпись: *«Конец дело венчало»*. Эта аллегория подчеркивала значение достигнутых Россией результатов в итоге Северной войны.

По сторонам храма Януса были также представлены пирамиды, которые казались сделанными из бриллиантов, что достигалось сгоранием особых фейерверочных изделий, дававших яркий белый свет. Одновременно на воде были показаны четыре «огненные фигуры», изображавшие «Славу», «Правосудие», «Осторожность» и «Победу».

В устройстве этого грандиозного фейерверка принимал большое участие сам Петр и военные инженеры Г. Г. Скорняков-Писарев и В. Д. Корчмин. К сожалению, храм Януса был разрушен 5 ноября 1721 г. в результате страшной бури и большого наводнения, причинивших значительный ущерб всему городу.

В конце января 1722 г. торжества по случаю Ништадтского мира состоялись и в Москве. Они также были отмечены маскарадом. Сборным пунктом для маскарадной процессии стало подмосковное село Всехсвятское. 30 января, когда подготовка маскарада

Ил. 13. Маскарадное шествие в Москве в январе 1722 года. Гравюра XVIII века

была завершена, туда прибыл Петр I со своей свитой. На следующий день в 9 часов утра по сигналу ракеты процессия двинулась по Тверской дороге в Москву.

В маскарade участвовали император с супругой, главные вельможи и сановники. Все были одеты в различные оригинальные маскарадные костюмы. Процессия состояла из шести десятков макетов различных судов, установленных на санные полозья. Запряжены эти сани были разными животными: лошадьми, волками, баранами, свиньями и собаками.

Впереди в больших снях, запряжённых пятёркой лошадей, ехал шутовской маршал, окруженный группой забавных масок. За ними следовал глава «Всеппянейшего и Всешутейшего собора» князь-папа И. И. Бутурлин. Он сидел в больших снях, на возвышении в виде трона, облачённый в длинную папскую мантию из красного бархата и подбитую горностаем. В ногах у него восседал на бочке Бахус, державший в правой руке большой кубок, а в левой — посудину с вином. За ними шла свита кардиналов, замыкаемая царским шутом, который сидел в санках, запряжённых четырьмя свиньями (ил. 13, 14).

Далее следовал флот, который возглавлял бог Нептун в короне с длинной седой бородою и трезубцем в правой руке. Он ехал в колеснице в форме раковины, перед которой находились две сирены. В процессии участвовал и князь-кесарь И. Ф. Ромодановский

Ил. 14. Большой маскарад в 1722 году на улицах Москвы с участием Петра I и князя-кесаря И. Ф. Ромодановского. Художник В. И. Суриков

в царской мантии. Он занимал место в большой белой лодке, запряженной двумя медведями.

На главном корабле флотилии находился сам Петр I в одежде флотского капитана. Государя окружали юнги в боцманских костюмах, несколько генералов, одетых барабанщиками, а также денщики и фавориты. Когда во время шествия дул ветер, корабль распускал паруса и маневрировал, как на море. Везли корабль 15 лошадей.

За кораблем царя следовала золочёная крытая гондола, в которой ехала императрица Екатерина I с придворными дамами. За время движения императрица несколько раз меняла костюм, представляя в разных образах. Гондолу везли 8 рослых лошадей. За гондолой следовали члены «всепьянейшего собора», одетые арлекинами, скамарушами, журавлями и т. п. Шествие несколько раз объехало Красную площадь и проследовало в Кремль, где состоялось грандиозное пиршество. Маскарад продолжался несколько дней⁷⁸.

Триумфальное завершение Северной войны и принятие Петром I императорского титула знаменовало принципиально важные перемены и в международном положении России. В итоге

Ил. 15. Мир и Победа. Ништадтский мир.
Скульптор Пьетро Баратта. 1726 г.

Северной войны Россия вошла в «концерт» (как говорили тогда) великих европейских держав. Из страны, занимавшей в Европе заметное, но отнюдь не ведущее место, поддерживающей оживленные контакты в основном с сопредельными государствами, Россия становится влиятельной державой, от позиции которой зависит решение важнейших европейских проблем.

В память о завершении Северной войны император заказал статую для своего любимого Летнего сада (ил. 15). Установили ее уже после

смерти великого монарха в 1726 г. Беломраморная скульптурная группа «Мир и Победа. Ништадтский мир» итальянского ваятеля Пьетро Баратта представляет собой символ России — обнаженную женскую фигуру с рогом изобилия и опрокинутым горящим факелом. В ее ногах находятся щит, пушка и барабан. Россию венчает лавровым венком богиня победы Ника, которая держит пальмовую ветвь — символ мира, а ногой попирает поверженного льва, геральдический символ Швеции. Лев лапой придерживает картуш с надписью на латинском языке: «Велик тот, кто дает, и тот, кто принимает, но самый великий тот, кто и то, и другое свершить может».

Тысячи посетителей Летнего сада проходят мимо этой скульптурной композиции, но мало кто из них знает, что это — за Ништадтский мир, 300-летие которого отмечают в 2021 г., и какой ценой он достался России.

¹ Крылова Т. В. Внешняя политика России после Полтавы. 1709—1710 гг. // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения: Сборник статей. М., 1959. С. 156—176.

² См.: Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959; Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 108—129.

³ В апреле 1716 г. Петр I заключил союз с мекленбургским герцогом Карлом Леопольдом, за которого царь выдал свою племянницу Екатерину Ивановну. На территорию герцогства были введены русские войска под командованием А. И. Репнина, а самому герцогу обещано присоединение к его землям Висмара. Поддержка Петром I герцога, находившегося в остром конфликте с местным дворянством, которое, в свою очередь, поддерживал император, еще больше усугубила русско-австрийский конфликт (Гец П. П. Карл-Леопольд, герцог Мекленбургский // РС. 1875. Май. С. 146—148; Фейгина С. А. Аландский конгресс. С. 89—91; Mediger W. Meklenburg, Russland und England-Hannover (1706—1721): Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges // Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsen. Hildesheim, 1967. Bd 2. S. 115—167).

⁴ См.: Nisbet Bain K. Charles XII and the Collaps of the Swedish Empire. New-York; London, 1895. P. 304; Mediger W. Moskaus Weg nach Europa: Der Aufstieg Russlands zum europaischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen. Braunschweig, 1952. S. 1—61.

⁵ От А. де Лави 19 марта 1717 г. // Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе и отчеты о пребывании русских послов, посланников и дипломатических агентов во Франции с 1681 по 1718 гг. // Сборник Императорского русского исторического общества (далее: Сборник РИО). СПб., 1881. Т. 34. С. 118.

⁶ Рождественский С. В. Известия о России в историческом сборнике «Theatrum Europaeum» // Журнал Министерства народного просвещения (далее: ЖМНП). 1891. Май. С. 57—77.

⁷ От А. де Лави 7 января 1718 г. // Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе. С. 289—290.

⁸ Там же. С. 319—321.

⁹ Дипломатические материалы сборного содержания, относящиеся к царствованию Петра Великого: 1697—1718 гг. // Сборник РИО. СПб., 1877. Т. 20. С. 68.

¹⁰ О. А. Плейер — Карлу VI 11 января 1717 г. // Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. Приложение № 67. С. 370—372.

¹¹ Там же. С. 371.

¹² Петр I — Карлу VI 18 марта 1718 г. // Устрялов Н. Г. История. Т. 6. Приложение № 162. С. 489.

¹³ А. П. Веселовский — Петру I 30 апреля 1718 г. // Там же. Приложение № 163. С. 490.

¹⁴ О. А. Плейер — Карлу VI 4 июля 1718 г. // Там же. Приложение № 187. С. 540.

¹⁵ Расшифровка перехваченного письма Я. де Биэ // Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 50 (Сношения России с Голландией). Голландские дела (1718 г.). Д. 11. Л. 47—49.

¹⁶ О. А. Плейер — Карлу VI 7 июля 1718 г. // Устрялов Н. Г. История. Т. 6. Приложение № 187. С. 541—545

- ¹⁷ Фейгина С. А. Аландский конгресс. С. 249–251.
- ¹⁸ Расшифровка перехваченного письма Я. де Биэ // РГАДА. Ф. 50. Голландские дела (1718 г.). Д. 11. Л. 30–31.
- ¹⁹ Четверной союз сложился в 1717–1718 гг. Первоначально в него вошли Англия, Франция и Голландия, а позднее (в августе 1718 г.) к ним присоединилась Австрия. Союз носил антииспанскую направленность, но его участники намеревались «умиротворить» вооруженной рукой и Россию (Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. С. 108–109).
- ²⁰ Флоровский А. В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого // Acta Universitatis carolinae. Historica. 1955. Vol. 2. С. 26–27.
- ²¹ Доклады конференции Карлу VI // Устрялов Н. Г. История. Т. 6. Приложение № 191. С. 568–569.
- ²² Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1894. Ч. 1. С. 49.
- ²³ Журнал или Поденная записка... Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштатского мира. СПб., 1772. Ч. 2. Отд. 2. С. 75–76; Флоровский А. В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. С. 29–30.
- ²⁴ Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 71–72.
- ²⁵ Там же. С. 274.
- ²⁶ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. М., 1896. Ч. 2. С. 63.
- ²⁷ Граф Г. И. Головкин — князю Б. И. Куракину, С.-Петербург 18 марта 1720 г. // Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1891. Кн. 2. С. 410.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Белокуров С. А. Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при русском дворе (с начала сношений по 1800 г.). М., 1893. Вып. 1. С. 56; Серов Д. О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 137.
- ³⁰ Серов Д. О. Строители империи. С. 138.
- ³¹ На все требования русского правительства выдать А. П. и Ф. П. Веселовских английская сторона отвечала, что «король не может исполнить просьбы царя, не нарушая права убежища, которое должно оставаться неприкосновенным у всех народов, тем более что лица, о выдаче которых требует царь, не были ни судимы, ни приговорены к наказанию». Когда А. П. Веселовский подал в парламент прошение о предоставлении ему английского подданства, то по ходатайству русского посла ему было в этом отказано (Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1901. Т. 2. С. 34; Тимирязев В. А. Русские дипломаты XVIII столетия в Англии // Исторический вестник. 1898. Т. 72. С. 259; Крамер М. Авраам Веселовский // Русская старина. 1884. Т. 54. С. 189–190).
- ³² Куракин Б. И. Ведение о главах в Гиштории // Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 90–91.
- ³³ РГАДА. Ф. 50 (Сношения с Голландией (1718 г.)). № 11. Л. 47–49; См. также: Б[аргнев] П. Н. Дело царевича Алексея по известиям голландского резидента Де-Биэ // РА. 1907. № 7. С. 319.
- ³⁴ Флоровский А. В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. С. 30–31.

³⁵ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Сост. Ф. Ф. Мартенс. СПб., 1874. Т. 1. (Трактаты с Австрией. 1648—1762 г.). № 5. С. 32—44.

³⁶ Брикнер А. Г. Хр.-Фр. Вебер: (Материалы для источниковедения истории Петра Великого) // ЖМНП. 1881. Январь. С. 66—68.

³⁷ *Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei: Vornehmlich nach und aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedr.-Christian Webers.* Leipzig, 1880. № 107. S. 105—106; № 110, 111. S. 109—110; № 127. S. 129—130; № 131. S. 135—136.

³⁸ Вебер Ф. Х. Записки о Петре Великом и его царствовании брауншвейгского резидента Вебера // Русский архив. 1872. Вып. 6. Стб. 1443—1446.

³⁹ *Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei.* № 131, 132. S. 135—136.

⁴⁰ Материалы для истории русского флота. СПб., 1867. Ч. IV. С. 154.

⁴¹ *Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei.* № 141. S. 147—154, № 143. S. 151—152, № 144. S. 152.

⁴² Брикнер А. Г. Хр.-Фр. Вебер // ЖМНП. 1881. Февраль. С. 212.

⁴³ *Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei.* № 140. S. 146; № 141. S. 147.

⁴⁴ *Ibid.* № 142. S. 151; Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 1. С. 49.

⁴⁵ Якоб де Би — Соединенным Штатам 14 июля 1718 г. // Устрялов Н. Г. История. Т. 6. Приложение № 190. С. 556.

⁴⁶ О. А. Плейер — Карлу VI 7 июля 1718 г. // Там же. Приложение № 187. С. 544.

⁴⁷ *Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei.* № 158. S. 164—166.

⁴⁸ *Ibid.* № 149. S. 156; См. также: Брикнер А. Г. Хр.-Фр. Вебер. С. 74.

⁴⁹ Король Карл XII погиб во время осады норвежской крепости Фредериксхалл при загадочных обстоятельствах 30 ноября 1718 г. См. подробнее: Смерть короля шведского Карла XII (1718 г.): Из бумаг семейного архива барона Каульбарса // РС. Октябрь. 1891. С. 33—38; Browning O. Charles XII of Sweden. London, 1899; Обстоятельства смерти Карла XII // ИВ. 1913. Октябрь. С. 391—393; Hatton R. M. Charles XII of Sweden. London, 1968; Ефимов С. В. Пуля для короля. Легенда и история штуцера Каульбарсов // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Второй международной научно-практической конференции. Часть 1. СПб., 2011. С. 220—248. — В последние годы жизни шведский король прилагал немалые усилия для восстановления на английском престоле династии Стюартов (Фейгина С. А. Аландский конгресс... С. 153—181). Его гибель была подарком судьбы для ганноверского дома. На шведский престол взошла его младшая сестра Ульрика-Элеонора (1688—1741), которая в 1720 г. передала бразды правления своему супругу принцу Фридриху Гессен-Кассельскому (1676—1751), ставшему шведским королем под именем Фредрика I и стремившемуся к союзу с Англией. Георг I как курфюрст ганноверский поспешил заключить 20 ноября 1719 г. выгодный договор со Швецией. По условиям этого договора к Ганноверу навсегда отходили Бремен и Верден в обмен на 1 млн талеров. В январе 1720 г. Георг I уже в качестве английского короля заключил союз со Швецией, по которому Англия обязалась выплачивать шведам ежегодную субсидию в 300 тыс. талеров, пока продлится война с Россией, поддерживать их своим флотом и помочь

добиться выгодного мира с Петром I (Chance J. F. The Northern pacification of 1719–1720 // *English historical review*. 1907. Vol. 22. № 87. P. 478–507; № 88. P. 694–725; 1908. Vol. 23. № 89. P. 35–64).

⁵⁰ Lodge R. The Anglo-French alliance 1716–1731 // *Studies in Anglo-French history* / Ed. by A. Coville and N. Temperley. Cambridge, 1935. P. 3–18.

⁵¹ Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в. (1700–1775 гг.). М., 1995. С. 20–21. Дюбуа Гийом (1656–1723), французский государственный деятель, дипломат. Сын аптекаря, аббат, с 1683 г. воспитатель герцога Людовика Шартрского (сына Филиппа Орлеанского), чрезвычайный посол в Англии и Голландии (с 1716 г.), член Государственного совета, министр иностранных дел Франции (с 1718 г.) в эпоху регентства герцога Филиппа Орлеанского. Кардинал (с 1721 г.), премьер-министр (с 1722 г.). Переориентировал внешнюю политику Франции на союз с Англией. Один из деятельных организаторов Четверного союза.

⁵² Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. С. 117.

⁵³ Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 186.

⁵⁴ Ульрика Элеонора (1688–1741) — королева Швеции, правившая в 1718–1720 гг. Дочь Карла XI и Ульрики Элеоноры Датской, младшая сестра Карла XII; Фредрик I Гессенский (1676–1751) — король Швеции с 1720 года, ландграф Гессен-Кассельский (под именем Фридриха I) с 1730 г.

⁵⁵ От царства к империи: Россия в системах международных отношений, вторая половина XVI — начало XX века // Отв. редактор И. С. Рыбачёнок и др. М., СПб., 2015. С. 109.

⁵⁶ Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3 т. / Редкол.: И. С. Иванов (председатель) [и др.]. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. Т. 2. С. 157.

⁵⁷ Дело о выдаче Я. В. Брюсу диплома на графское достоинство 1721 г. // РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Д. 162. Л. 10–11.

⁵⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения в девяти томах. Т. V. М., Т. IV. М., 1989. С. 233.

⁵⁹ История внешней политики России: В 5 т. Т. 2. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона) / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2018. С. 46.

⁶⁰ Lillienstedt, Johan / In: Herman Hofberg, Frithiof Heurlin, Viktor Millqvist, Olof Rubenson (Hrsg.) *Svenskt biografiskt handlexikon*: 2. Auflage. Band 2: L–Z, samt Supplement. Albert Bonniers Verlag, Stockholm, 1906. S. 61

⁶¹ Otto Reinhold Strömfelt / In: Herman Hofberg, Frithiof Heurlin, Viktor Millqvist, Olof Rubenson (Hrsg.) *Svenskt biografiskt handlexikon*: 2. Auflage. Band 2: L–Z, samt Supplement. Albert Bonniers Verlag, Stockholm, 1906. S. 551.

⁶² Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. С. 396.

⁶³ Цит. по: Вейбульд Йорген. Краткая история Швеции / Пер. со швед. Н. Валлениус. Стокгольм: Шведский институт. 1994. С. 63.

⁶⁴ Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. С. 395.

⁶⁵ Там же. С. 395–478.

⁶⁶ Павленко Н. И., Дроздова О. Ю., Колкина И. Н. Соратники Петра. М., 2001. С. 454.

- ⁶⁷ Полное собрание законов Российской империи (первое издание). СПб., 1830. Т. VI. № 3819. С. 420–431.
- ⁶⁸ Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. С. 476.
- ⁶⁹ Там же. С. 476.
- ⁷⁰ В составе Балтийского флота в то время состоял один торншхоут «Амстердам», подаренный Петру I в 1719 г. прусским королем (Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб.: Типография морского министерства, 1872. С. 280–281).
- ⁷¹ Походный журнал 1721 года. СПб., 1855. С. 58–59, 73–74.
- ⁷² История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова. Вып. I. М., 2004. С. 532.
- ⁷³ Там же. С. 534.
- ⁷⁴ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721–1725 г. / Пер. [с предисл.] с нем. И. Аммон. М., 1902. С. 115–123.
- ⁷⁵ Там же. С. 120.
- ⁷⁶ Походный журнал 1721 года. СПб., 1855. С. 74.
- ⁷⁷ Агеева О. Г. От Московского царства к Всероссийской империи. Акт поднесения императорского титула 22 октября (4 ноября) 1721 года // 1150 лет российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященному Году российской истории: Москва, 18 декабря 2012 г. / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков; сост. В. Б. Перхавко. М.: Наука, 2012. С. 108–119.
- ⁷⁸ Берхгольц Ф. В. Дневник. 1722 год. С. 41–52; Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. С. 80–85.

*А. П. Жарский (Санкт-Петербург),
В. Ф. Свердел (Москва), В. Н. Шентура (Москва)*

**НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СЛУЖЕБНЫХ ЗАПИСОК
И ВОСПОМИНАНИЙ НАЧАЛЬНИКОВ СВЯЗИ
ПРИГРАНИЧНЫХ ОСОБЫХ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ)**

В СТАТЬЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ проблемы организации (обеспечения) связи в высших звеньях управления Красной армии (Генеральный штаб — фронт — армия) в начальный период Великой Отечественной войны (по материалам служебных записок и воспоминаний начальников связи приграничных особых военных округов). Обращается внимание на то, что потеря управления и связи в первые дни войны стали результатом существенных просчётов Советского военного руководства в вопросах планирования и подготовки сил и средств военной связи к войне. Основные из них, по мнению авторов, заключаются в том, что структура и состав войск связи мирного времени существенно отличались от структуры и состава комплектов частей связи, планируемых на военное время.

В этом году исполняется 80 лет со дня начала Великой Отечественной войны. Самым сложным и трагическим для Советского государства был ее начальный период. Летом и в начале осени 1941 г. германские войска сумели нанести поражение основным силам советских приграничных военных округов (фронтов) и к середине сентября продвинуться вглубь страны на 600—850 км. Безвозвратные потери Красной армии в июне — сентябре 1941 г. превысили 2,1 млн. человек¹. Последствия наших неудач в начальном периоде войны еще долго негативно сказывались на характере и ходе вооруженной борьбы.

Военные историки не без основания считают, что наряду с объективными причинами, повлиявшими на готовность Вооруженных сил к отражению агрессии (незавершенность перестройки экономики страны для нужд будущей войны и перевооружения армии и флота новой техникой и вооружением; невозможность укомплектования возросшей в разы армии в период 1939—1941 гг. квалифицированными командными кадрами), был и ряд других причин неудач Красной армии в приграничных сражениях (летом-осенью 1941 г).

Правомерен вопрос: могло ли начало войны сложиться для нас по-другому, можно ли было лучше подготовиться к отражению агрессии? Как известно, история сослагательных наклонений не знает. Следует напомнить о некоторых (*на наш взгляд важных*) причинных факторах (*заслуживающих особого внимания военных связистов*), которые привели к поражению Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны. Потому что, к сожалению, уроки истории часто забываются.

С высоты пройденного, сегодня уже не подвергается сомнению тот факт, что потеря управления и связи в высших звеньях управления Красной армии в начале войны стала во многом результатом существенных просчётов Советского военного руководства в вопросах планирования и подготовки сил и средств военной связи к войне². Ограниченное количество частей связи (*содержащихся по штатам мирного времени*) для решения боевых задач (по развертыванию системы связи объединений и обеспечению устойчивого и непрерывного управления войсками), имеющееся к началу войны в распоряжении начальников связи приграничных военных округов и армий прикрытия, предназначено не было. Фронтные и армейские комплекты узловых и линейных частей связи (*по штатам военного времени*), существовали лишь «на бумаге» (только в мобилизационных планах). Их предстояло развернуть на 6—11 день после начала боевых действий³.

На период отмобилизования войск связи РКК (военного времени) задачи по организации (обеспечению) связи в высших звеньях управления предполагалось решать силами и средствами полевых структур НКС (управления полевой связи фронта, инспекторатов связи армий и военно-оперативных узлов). Задача же частей связи штата мирного времени (окружного ОПС и армейского ОБС) заключалась в том, чтобы (на период отмобилизования) обеспечить развертывание и привязку полевых узлов

связи штаба (фронта, армии)⁴ к общегосударственной сети НКС. На части связи (штата мирного времени) также возлагались задачи по формированию комплектов частей связи РКК военного времени с непомерно высоким соотношением кадрового состава к приписному (которое могло доходить до 1 : 10)⁵.

Таким образом, к началу боевых действий руководители связи фронтов (армий) имели крайне ограниченное количество сил и средств, и упреждающую готовность системы связи объединений (по отношению к тем органам управления и войскам — в интересах управления, которыми она развертывалась) обеспечить не могли. Нельзя не заметить, что после Советско-финляндской войны и операций по вводу советских войск в Западные области Белоруссии и Украины, а также в Прибалтику, эта проблема неоднократно поднималась начальниками связи приграничных военных округов⁶.

В частности, о необходимости содержания воинских частей связи в категории постоянной готовности в любое время и в различных условиях обстановки выполнять задачи в интересах управления войсками (без доукомплектования личным составом и техникой) в своей служебной записке начальнику связи Красной армии генерал-майору Н. И. Гапичу (21 августа 1940 г.) писал начальник связи Западного особого военного округа генерал-майор А. Т. Григорьев⁷ (ил. 1):

«В период операций 1939 г.⁸ мне выпала задача три раза в течение 10 дней перебазировать управление фронтом (Смоленск, Минск, Волковыск) и подготовить за это время 4-й пункт (Белосток) <...>. Вы знаете состояние (штаты) наших батальонов связи и радиодивизионов армии и фронта. Эти основные наши силы и средства рассчитаны лишь на одно положение при ограниченном резерве средств. Кроме того, вся структура этих батальонов предусматривает обеспечение операции не современного характера, а периода Гражданской войны <...>.

Я думаю, что настало время иметь

Ил. 1. А. Т. Григорьев, начальник связи Западного особого военного округа

в округе все средства управления уже в мирное время»⁹. По злой иронии судьбы, во время судебного разбирательства над ним (22.07.1941 г.) А. Т. Григорьев (в своем последнем слове) к вопросу о необходимости наличия в распоряжении начальника связи фронта полного комплекта войск связи РГК в мирное время вынужден был вернуться еще раз: «<...> я честно старался исполнять свой долг, но не мог его выполнить, ибо в моем распоряжении (к началу войны) частей связи не было. Части связи своевременно не были развернуты и в Генштабе¹⁰». В своей служебной записке (от 21 августа 1940 г.) генерал А. Т. Григорьев также обращал внимание руководства УСКА на то, что: «<...> в Литовской операции¹¹ Полевое управление связи фронта НКС <...> оказалось громоздким, негибким и сугубо канцелярским <...> очень оторванным от наших требований» и с возложенными на него задачами не справилось»¹².

Действительно, в первые дни войны стало очевидно, что возможности полевых структур Наркомата связи явно переоценены. Живучесть постоянных воздушных линий связи НКС (проложенных, как правило, вдоль железных и шоссейных дорог), подвергшихся ударам авиации противника и действиям его диверсионных групп, оказалась крайне низкой. Развертывание военизированных формирований НКС, предназначенных для охраны, обороны и восстановления ПВЛС, было сорвано. Полевые структуры НКС своими силами поддерживать в работоспособном состоянии узлы и линии общегосударственной связи в полосу действий фронтов (армий) не могли¹³. Радиосредства (в этот период), ввиду их ограниченного количества, а также «радиобоязни» и отсутствия в войсках необходимых навыков использования, существенную роль в управлении войсками не сыграли¹⁴.

В этой связи уместно обратиться к воспоминаниям начальника связи Прибалтийского особого военного округа (Северо-Западного фронта) полковника П. М. Курочкина¹⁵ (ил. 2): «На рассвете 22 июня вражеская авиация нанесла мощные удары по железнодорожным узлам, основным приграничным коммуникациям. От ударов немецкой авиации сильно пострадала и проводная связь фронта (проводная сеть связи НКС. — А. Ж., В. С., В. Ш.). Были разрушены узлы связи в Шяуляе и Укмерге (речь идет о линейно-технических узлах связи НКС. — А. Ж., В. С., В. Ш.), частично повреждены узлы связи в Каунасе, Вильнюсе, Лиепае, а также линии, проходящие вдоль железных и шоссейных

Ил. 2. П. М. Курочкин,
начальник связи
Прибалтийского особого
военного округа (Северо-
Западного фронта)

дорог. Проводная связь штаба фронта была нарушена почти по всем основным направлениям. После бомбардировки пытаемся составить каналы связи по обходным направлениям, уцелевшим линиям.

Однако появилось непредвиденное затруднение. Обслуживающий персонал гражданских предприятий связи вдруг не стал понимать наших связистов. На все вопросы, заданные на русском языке, следовал стандартный ответ: “Не сопрат” или “не сопронт”¹⁶, смотря по тому, чье предприятие было — литовское или латышское. Иногда после вопроса на русском языке станция вообще переставала отвечать на вызовы. Такого прежде не наблюдалось. У нас были

все основания предполагать, что “непонимание” — это саботаж местных работников связи»¹⁷.

Известен такой факт¹⁸: (26 июня 1941 г.) П. М. Курочкин доложил командующему фронтом генерал-полковнику Ф. И. Кузнецову о том, что «на проводе» Генеральный штаб, а он ему ответил: «Связи нет ни с одной армией, что делают войска — не знаем. О чем будем докладывать? Разговаривайте с Москвой сами»¹⁹.

В своих послевоенных воспоминаниях и записках как начальник связи Северо-Западного, так и начальник связи Юго-Западного фронтов проблем работы полевых органов НКС (в прямой постановке) не касаются, сосредоточив свое внимание исключительно на отмотилизовании своих (фронтовых и армейских) комплектов частей связи, обеспечении живучести полевых узлов связи штаба²⁰ (УС КП) и непрерывности связи при их частом перемещении.

Из воспоминаний начальника связи Киевского особого военного округа (Юго-Западного фронта) Д. М. Добыкина²¹ (ил. 3): «Штабы армий совершали переходы почти ежедневно. Связь стабилизировать **было невозможно. Постоянные магистрали и узлы связи НКС разрушались авиацией противника**, и особенно телеграфная линия Киев, Житомир, Новоград-Волынский,

Бердичев. Оперативная обстановка потребовала перемещения штаба ЮЗФ из Святошино на восточный берег Днепра Бровары. Время на подготовку связей в Броварах было весьма ограничено»²².

Таким образом, в связи с тем, что с началом боевых действий полевые структуры НКС со своими задачами по обеспечению непрерывной связи не справлялись, первостепенной задачей начальников связи объединений (в этот период) и ГУС КА становится формирование и сколачивание (в кратчайшие сроки) комплектов частей связи РКК штатов военного времени.

На Западный фронт, принявший на себя главный удар противника, первые линейные части связи начали поступать только через две недели после начала боевых действий. Комплект частей связи фронта (состоявший из ОПС, ОРД, ОЛБС, пятнадцати ОТСР, одиннадцати ОКШР и одной ОТЭР) удалось сформировать только под Смоленском (т. е. в первой декаде июля). Армии же этого фронта на данный период времени по-прежнему оставались без необходимых комплектов узловых и линейных частей связи. Имели место случаи, когда в распоряжении начальника связи объединения фронта к началу войны боевых частей связи не было вообще²³.

О положении дел с отмобилизованием частей связи РКК на Северном и Северо-Западном фронтах можно судить по содержанию служебной записки начальника связи Северо-Западного направления генерал-лейтенанта Т. П. Каргаполова (которому с 10 июля 1941 г. подчинялись войска связи обеих фронтов), в которой он, в частности, отмечал, что положение дел с отмобилизованием войск связи (особенно в Прибалтике) с началом войны складывалось крайне неблагоприятно: «<...> накануне войны начальники связи Ленинградского и Прибалтийского пограничных военных округов имели в своем распоряжении весьма незначительное число частей и учреждений войск связи. Эти части связи

Ил. 3. Д. М. Добыкин, начальник связи Киевского особого военного округа (Юго-Западного фронта)

не могли обеспечить непрерывно-действующую связь для управления мобилизацией и формированием войск округов. Эти части не могли полностью обеспечить управление войсками в начавшихся 22.6.41 г. пограничных сражениях. <...> Линейные части, сформированные в июне-июле, закончили свое окончательное сколачивание только к ноябрю 1941 г. <...> Приведенные примеры определяют²⁴, что на боевое сколачивание и обучение частей связи необходимо время от одного до трех месяцев, при условии обязательного укомплектования части вполне подготовленными офицерами и старшими специалистами. Отсутствие в первоначальный период войны должной боевой сколоченности армейских и фронтовых частей связи и привело к тому, что в июне, июле, августе, сентябре 1941 г. связь фронт — армия — корпус работала с большими перебоями»²⁵.

Действительно, Прибалтийский особый военный округ, в соответствии с мобилизационным планом, также никаких формирований произвести не успевал. Если не считать, что 17-й ОПС округа (штата мирного времени) по прибытии в Новгород был преобразован во фронтовую 32-й ОПС. Управление связи Северо-Западного фронта первые части связи (несколько ОКШР) стало получать только в конце июня. «Вновь отмобилизовываемые части связи были плохо укомплектованы личным составом, имуществом связи и транспортом; не обучены и не “сколочены”»²⁶. Так, 898-я ОТСР, сформированная Орловским военным округом, прибыла на Северо-Западный фронт без командира роты и без среднего комсостава. Младший командно-начальствующий и рядовой состав роты были укомплектованы необученным приписным составом; рота совершенно не имела имущества связи; автомобили на 60 % требовали среднего ремонта и не имели никаких запасных частей. Между тем армейское звено управления этого фронта по-прежнему вообще оставалось без линейных частей связи.

Ситуация с отмобилизованием войск связи РГК несколько лучше складывалась на Северном фронте — начальник связи, генерал-майор Ковалев И. Н.²⁷, (ил. 4), и то вероятно потому, что боевые действия здесь начались на неделю позже, и продвижение финских войск удалось остановить на старой границе с Финляндией. Развертыванию частей связи на Северном (Ленинградском) фронте также способствовали значительные материальные ресурсы средств связи и наличие квалифицированных работников ленинградских учреждений НКС²⁸.

В фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации сохранились отчетные документы по развертыванию фронтового комплекта войск связи Юго-Западного фронта, на анализе которых следует остановиться более подробно. Так, в соответствии с оперативным расчетом в комплект войск связи фронта должны были войти: 1 отдельный полк связи; 1 отдельный радиодивизион; 3 отдельных линейных батальона; 8 отдельных кабельно-шестовых рот; 5 отдельных телеграфно-строительных рот; 2 отдельных телеграфно-эксплуатационных рот; 1 отдельная авиаэскадрилья связи²⁹.

Ил. 4. И. Н. Ковалев, начальник связи Северного фронта

Доукомплектование узловых частей связи (42 ОПС и 361 ОРД), выделяемых из состава окружного 6-го отдельного полка связи мирного времени, с началом боевых действий стало осуществляться за счет мобресурса западных областей Украины, что оказалось, по ряду причин, весьма проблематичным. Поэтому сроки развертывания и сколачивания этих частей были сорваны. «Формирование [же] линейных частей связи фронтового подчинения <...> в виду того, что подвоз призываемого состава (в связи со складывающейся оперативной обстановкой) был крайне затруднен, удалось осуществить (в различной степени в процентном отношении к своим штатам) только на 25-й день войны»³⁰. На 15.07.41 г. сформированные части были укомплектованы на 60–70 % личным составом; на 50–70 % обеспечены техникой связи; на 20–50 % — транспортом.

Уровень подготовки офицеров, младших командиров и солдат, особенно специалистов по строительству и восстановлению разрушенных узлов и линий связи, был крайне низок. При этом начальник связи Юго-Западного фронта Д. М. Добыкин обращает внимание на тот факт, что: «Военкоматы недостаточно внимание обращали на качественный отбор офицеров, младших

командиров и специалистов для частей связи фронтового подчинения. **Военно-учетные специальности не имели точной специализации и не соблюдались**³¹. В результате: «В самый тяжелый период времени с 21 июня по 1 июля 1941 года в распоряжении начальника связи фронта не было ни одной боеготовой линейной части связи»³².

Сколачивание и боевая подготовка частей связи в период их отмотобилизования фактически не производилась. «Части связи фронтового подчинения, которые отмотобилизовывались на территории фронта, как только создавался костяк, немедленно вводились в дело и использовались для обслуживания и обеспечения оперативной связи»³³.

Опыт первых недель войны показал, что военкоматы, опиравшиеся при отмотобилизовании линейных частей связи исключительно на структуры НКС, с этими задачами не справлялись. Поэтому с августа 1941 г. формирование и укомплектование частей связи РК личным составом было возложено на запасные полки связи. Качество формирований несколько улучшилось. Однако из-за напряженного положения с подготовкой специалистов связи, а также недостатка средств связи и транспорта вновь формируемые линейные части связи, вплоть до конца 1941 г., отправлялись на фронт со значительным некомплектом материальной части и слабо обученным личным составом.

Только к ноябрю 1941 года, по опыту начального периода войны, удалось сформировать соответствующие оперативному предназначению части связи РК: для фронта — один отдельный полк связи (фронтового типа); отдельные линейные батальоны связи — один на ось связи фронта и по одному на направление за каждой армией; отдельные телеграфно-строительные роты — по одной на направление за каждой армией; отдельные телеграфно-эксплуатационные роты — по одной на направление за каждой армией; отдельные кабельно-шестовые роты (2—3) и отдельный авиационный полк связи; для армии — отдельный полк связи, отдельный линейный батальон связи, отдельная телефонно-строительная рота, отдельные кабельно-шестовые роты (по одной за каждым соединением, входящим в состав армии) и отдельная авиационная эскадрилья связи.

Развернутые комплекты узловых и линейных частей связи позволили начальникам связи самостоятельно (своими силами и средствами), вне зависимости от полевых структур НКС

решать задачи по развертыванию и боевому применению системы связи объединений³⁴.

В заключение нельзя не остановиться еще на одной важной проблеме, оказывавшей существенное влияние на живучесть системы связи и непрерывность связи в начальный период войны — это проблема совершенствования тактики боевого применения узлов связи пунктов управления (т. е. размещения их на местности, и перемещения).

В соответствии с довоенными взглядами на организацию и обеспечение связи в оперативно-стратегическом и оперативном звеньях управления тактика боевого применения узловых частей связи при развертывании УС КП фронта (армии) базировалась на следующих основных принципах: сосредоточении всех сил и средств полевого узла связи в районе размещения основных отделов штаба (чаще, в одном здании с ними); привязке к общегосударственной проводной сети связи; использовании «радиогруппы штаба» только в случае выхода из строя проводных средств связи или невозможности их применения; перемещении УС совместно с органами управления в районы, зачастую не подготовленными в отношении связи.

Такая тактика не соответствовала характеру боевых действий, так как не обеспечивала необходимой устойчивости функционирования УС и непрерывности связи при частых перемещениях пунктов управления и требовала срочной корректировки. Из воспоминаний Д. М. Добыкина: «<...> уже ко 2-й половине июля 1941 г. вопросы размещения и перемещения УС ПУ были рассмотрены. Узлы связи стали, по возможности, выноситься за пределы населенных пунктов. Штабы армий стали заранее планировать свои переходы в новые пункты и, следовательно, переходили тогда³⁵, когда были подготовлены проводные связи и имели решение для перехода на новый КП³⁶».

Таким образом, анализ и обобщение материалов служебных записок и воспоминаний начальников связи приграничных особых военных округов (фронтов), дают нам основание считать, что основной причиной потери управления в начальный период Великой Отечественной войны стало то, что структура и состав войск связи мирного времени существенно отличались от структуры и состава комплектов частей связи, планируемых на военное время.

Опыт войны показал, что войска связи и в мирное время должны содержаться в готовности в любое время и выполнять задачи в интересах управления войсками (без доукомплектования личным составом и техникой) в различных условиях. При этом тактика боевого применения соединений и воинских частей связи (управления), применение элементов системы связи объединения (в т. ч. узлов связи пунктов управления) должна соответствовать требованиям по управлению войсками (силами), применению пунктов управления и условиям ведения операции (боевых действий).

¹ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Воениздат, 1961. С. 190, 191.

² Жарский А. П., Шептура В. Н. Уроки и выводы о состоянии сил и средств связи высших звеньев управления Красной армии накануне Великой Отечественной войны / Связь в Вооруженных Силах Российской Федерации. 2012. С. 49–54.

³ Примечание: заметим, что на 6-й день немцы захватили Минск, а на 8-й — Ригу.

⁴ Так было принято именовать не эшелонируемые узлы связи пунктов управления объединений.

⁵ Жарский А. П., Шептура В. Н. Отмобилизование фронтального комплекта войск связи и развитие его структуры в ходе Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2019. № 1. С. 108–114.

⁶ Жарский А. П., Шептура В. Н. Боевое применение сил и средств военной связи Красной армии в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. уроки и выводы // В сборнике: 75-летие Великой Победы: исторический опыт и современные проблемы военной безопасности России. Материалы 5-й международной научно-практической конференции научного отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук: в 2-х т. 2020. С. 326–330; Жарский А. П. «Нельзя под видом борьбы с едоками уничтожать систему управления в Красной армии» // Военно-исторический журнал. 2007. № 3. С. 40–44.

⁷ Григорьев Андрей Терентьевич родился в 1889 году в д. Игнатово Зубцовского района Западной области. Образование получил в реальном и коммерческом училищах (1906; 1907), на Курсах усовершенствования высшего начсостава РККА. В 1912 г. призван в Русскую армию. После окончания учебной команды лейб-гренадерского Екатеринославского полка унтер-офицер А. Т. Григорьев был назначен начальником телефонной команды полка. Сведений о прохождении службы в Русской армии и участии его в Первой мировой войне в послужном списке нет. С октября 1918 г. Григорьев — в РККА. Командовал батальоном связи; работал в должности инспектора связи Украинского военного округа; возглавлял войска связи Приволжского военного округа (1927–1929); исполнял должности: заместителя начальника Главного управления НКС, начальника кафедры службы связи Военной электротехнической академии РККА; с ноября 1936 года — начальник войск связи Белорусского военного округа. Как и командующий фронтом

генерал армии Д. Г. Павлов, генерал-майоры В. Е. Климовских и А. А. Коробков, начальник войск связи, генерал-майор А. Т. Григорьев был предан суду и расстрелян в июле 1941 года. Реабилитирован в 1957 году.

⁸ Имеются в виду операции по вводу советских войск в западные области Белоруссии и Украины. Генерал-майор А. Т. Григорьев в период ввода советских войск в Западную Белоруссию возглавлял войска связи Белорусского фронта.

⁹ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 71. Оп. 296521. Д. 87. Л. 14, 15.

¹⁰ Здесь у авторов и читателя может возникнуть закономерный вопрос: «А знал ли начальник приграничного военного округа А. Т. Григорьев, что отмобилизование частей связи Генштаба мобпланом вообще не предусматривалось?». При организации связи в стратегическом звене управления Центр (по опыту Первой мировой войны) всецело полагался на полевые структуры НКС. Можно предположить, что об этом генерал Григорьев мог и не знать.

¹¹ Ввод и размещение гарнизонов Красной армии в соответствии с договоренностью между СССР и прибалтийскими государствами (начало октября 1939 г.) осуществлялись за счет войск Белорусского военного округа. Это событие автор и называет «Литовской операцией».

¹² ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 296521. Д. 87. Л. 16, 17.

¹³ К тому же для полевых органов НКС добавились проблемы регионального характера, связанные с тем, что в состав СССР (1939–1940 гг.) вошли новые территории, определенная часть населения которых была настроена по отношению к Советской власти явно враждебно.

¹⁴ Курочкин П. М. Позывные фронта. М.: Воениздат, 1969. С. 119–121.

¹⁵ Курочкин Пётр Михайлович (1897–1970 гг.) — генерал-лейтенант войск связи, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор военных наук, профессор. Родился в 1897 г. в посёлке Горки, Богородского уезда Московской губернии. Образование получил в Военной электротехнической академии РККА. Участник Первой мировой войны (унтер-офицер), и Советско-финляндской войны. В 1940 г. назначен начальником связи Прибалтийского Особого военного округа, преобразованного с началом войны в Северо-Западный фронт, а пять лет спустя — заместителем начальника войск связи Ставки Главнокомандования советских войск на Дальнем Востоке. В послевоенные годы он возглавлял кафедру связи Военной академии имени М. В. Фрунзе.

¹⁶ «Не сопрат» или «не сопронт» — «не понимаю», литов. и латыш.

¹⁷ Курочкин П. М. Связь нужна была всем // ВИЖ. 2008. № 4. С. 58–62.

¹⁸ Из неопубликованных мемуаров генерал-лейтенанта П. М. Курочкина.

¹⁹ Курочкин П. М. Связь нужна была всем // ВИЖ. 2008. № 4. С. 58–62.

²⁰ Так в первом периоде войны было принято именовать не эшелонируемые узлы связи пунктов управления.

²¹ Добыкин Дмитрий Михайлович (1895–1966) — генерал-лейтенант войск связи. Родился в с. Кострово, Рыльского уезда. Образование получил в Ленинградской школе связи (1925), Военной академии им. М. В. Фрунзе (1933). Участник Первой мировой войны (унтер-офицер). В межвоенный период занимал должность начальника связи корпуса, командовал батальоном связи, работал преподавателем Военной академии им. М. В. Фрунзе. С июля 1940 г. начальник связи Киевского Особого военного округа (преобразованного с началом войны в Юго-Западный

фронт). После войны занимал должность начальника штаба — заместителя начальника войск связи Советской Армии.

²² ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 3. Л. 203—205.

²³ Там же. Ф. 36. ОПС. Оп. 28196. Д. 3. Л. 11—15.

²⁴ Материал излагается в полном соответствии с оригиналом служебной записки генерала Т. П. Каргополова. ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 178612. Д. 44. Л. 97—99.

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 178612. Д. 44. Л. 65—103.

²⁶ Там же. Л. 207.

²⁷ Ковалёв Иосиф Нестерович (1893—1969) — генерал-лейтенант. Родился в д. Вирковь, Вислочской волости, Бобруйского уезда Минской губернии. Образование получил в Санкт-Петербургском электротехническом институте и Офицерской электротехнической школе (1915 г.). Участник Первой мировой (унтер-офицер) и Советско-финляндской войн. В мае 1938 г. был назначен начальником войск связи Ленинградского военного округа. С 24 июня 1941 г. И. Н. Ковалёв — начальник связи Северного фронта, после разделения которого на два фронта — Карельский и Ленинградский, стал начальником связи последнего. После войны продолжал руководить войсками связи Ленинградского военного округа (до 1948 г.), а затем возглавил Высшие академические курсы при Военной академии связи.

²⁸ В Ленинграде были сформированы: 26-й ОПС фронта, 80-й ОПС штаба Главкома северо-западного направления, отдельный запасный полк связи, школа радиоспециалистов, а также ряд других линейных частей и подразделений связи. В мае 1941 г. начато и в конце июля завершено строительство защищенного УС КП фронта в Шувалово, который функционировал вплоть до полного освобождения города от вражеской блокады.

²⁹ Сборник материалов по изучению опыта войны № 23. М.: Военное издательство народного комиссариата обороны, 1946. С. 118—119.

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 3. Л. 209—210.

³¹ Там же. С. 210.

³² Там же. С. 211.

³³ Там же. С. 218.

³⁴ Жарский А. П., Свердел В. Ф. Опыт формирования фронтового комплекта войск связи в ходе Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // В сборнике: Актуальные проблемы защиты и безопасности. Труды XXII Всероссийской научно-практической конференции РАРАН. 2019. С. 249—255.

³⁵ Редакция дана в соответствии с оригиналом служебной записки Д. М. Добыкина.

³⁶ Из воспоминаний генерал-лейтенанта Д. М. Добыкина. ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 3. Л. 203.

А. Н. Ивицкая (Санкт-Петербург)

СОЗДАНИЕ МАКЕТА СЕРГИЕВСКОГО ВСЕЙ АРТИЛЛЕРИИ СОБОРА В ОБЛИКЕ, СООТВЕТСТВУЮЩЕМ КОНЦУ XIX ВЕКА

С 19 НОЯБРЯ 2020 г. по 9 марта 2021 г. в стенах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее ВИМАИВиВС) работала выставка, посвященная 220-летию со дня освящения каменной церкви Сергия Радонежского¹.

Внутри выставочного помещения музея было организовано отдельное концептуальное пространство по технологии *paper-box*², позволяющее с помощью экспонирования архивных документов и музейных предметов осветить основные вехи истории Сергиевского всей артиллерии собора и обозначить его место в истории и архитектуре Санкт-Петербурга. В процессе научной работы с письменными и изобразительными источниками был воссоздан облик утраченного собора — изготовлен макет храма в масштабе 1 : 100.

Для наиболее полного воссоздания облика утраченного воинского храма было необходимо изучить комплекс изобразительных материалов, дополнявшийся данными письменных источников. Иконография Сергиевского собора насчитывает более 24 изображений³ от 1745 до 1914 гг. Из них первая каменная церковь, построенная по проекту И. Я. Шумахера, выявлена на трех изображениях. Собор несколько раз перестраивался. В «Историко-статистических сведениях по Санкт-Петербургской епархии» за 1878 г. сказано, что «в 1796 году, по желанию и ходатайству начальства, она была сломана и заменена новою, еще более обширною»⁴. Из книги Г. А. Цитовича «Храмы армии и флота» известно, что «управление артиллерии и фортификации вошло в сношение с здешним митрополитом Гавриилом, чрез

которого испрашивало благословения Св. Синода на сломку пришедшей в ветхость Сергиевской артиллерийской церкви и постройку на месте ее новой»⁵. Возведение новой каменной церкви во имя Преподобного Сергия Радонежского на Литейном проспекте началось по проекту архитектора Ф. И. Демерцова⁶.

Известно порядка 10 изображений демерцовской постройки. В основном это чертежи из коллекции ВИМАИВиВС и отдела рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Кроме того, в собрании музея истории Санкт-Петербурга (далее ГМИ СПб) имеется живописное изображение собора, выполненное неизвестным художником в конце 1890-х — начале 1900-х гг. Следует отметить, что с 1800 г. собор не подвергался серьезным переделкам. В конце XIX в. храм был настолько востребован, что появилась необходимость в его расширении, однако проекты перестройки в полной мере так и не были реализованы. Сергиевский собор требовал основательного ремонта. Составление проекта поручили архитектору главного артиллерийского управления (далее ГАУ) В. И. Серкову. Проект был утвержден 23 февраля 1900 г. генерал-фельдцейхмейстером великим князем Михаилом Николаевичем. Согласно принятому плану малые приделы, располагавшиеся внутри храма, предполагалось удалить, а к существующему главному приделу пристроить новые боковые. В результате этих переделок внутреннее пространство храма должно было существенно увеличиться. Для обсуждения плана расширения собора была создана особая комиссия, в которую вошли военные инженеры полковник Шлиттер и подполковник Малков-Панин. Был составлен акт о состоянии здания, посчитаны сметы, выбраны подрядчики, составлен план дворов и окрестной территории, разобрана мостовая вокруг собора. Но в 1912 г. Серков умер, а планам по расширению так и не суждено было сбыться. Таким образом, внешний облик собора не изменился.

В 1913 г. снова возник вопрос о ремонте и перестройке собора с целью расширения, а также устройства в нем электроосвещения и парового отопления. Проект, утвержденный 27 июня 1914 г., составил архитектор ГАУ А. Пашихин. Тем же летом были заключены контракты на ремонтно-строительные, реставрационные и живописные работы с различными подрядчиками. Кроме того, были перестроены боковые приделы, установлено электроосвещение. Собор был расширен за счет пристройки с севера

с портиком для приделов, чтобы существенно не менять внешний облик архитектурного сооружения.

Таким образом, мы можем говорить об устойчивом иконографическом образе храма в период с 1800 по 1900 г., складывающемся на основе корпуса источников, насчитывающих: 9 чертежей, 4 фотографии, 3 почтовые открытки, 1 живописное изображение. За 1913—1916 гг. — 6 проектов переустройства без учета зарисовок в строительной документации.

Проекты и чертежи позволяют определить размеры утраченных строений. Живописные и графические материалы дают представление о внешнем облике храмов и их месте в городской застройке, а фотоматериалы дополняют эти сведения данными об интерьерах. Таким образом, к изобразительным источникам для изучения утраченных полковых храмов и соборов следует отнести: живописные и графические произведения, относящиеся к жанру урбанистического пейзажа; фотоматериалы, в том числе и репродуцированные на открытках; проекты, рабочие и обмерные чертежи. Следует отметить, что применение иконографического метода является неотъемлемой частью процесса создания исторически верной реконструкции. Данный метод позволяет исследовать историю перестройки здания, понять значение храма как архитектурной доминанты района, а иногда и города, проследить историю застройки окрестной территории. При создании достоверной реконструкции собора необходим анализ изменения архитектурного облика здания, вплоть до зарисовок строительных работ. При недостатке информации о постройке или перестройке храма в определенное время, тщательно исследуются чертежи и фотографии. После чего «при помощи “временного вычета” учитываются все изменения, произошедшие с объектом, и проводится ретроспекция состояния объекта»⁷.

При создании макета Сергиевского всей артиллерии собора была проведена большая подготовительная работа по изучению всех имеющихся чертежей, создана разработка виртуальной исторической реконструкции. Обычно создание трехмерной модели осуществляется в программах Autodesk 3D Max и Quest D и требует определенных технических навыков IT-специалиста с опытом 3D-моделирования для реконструкции объекта в отдельно взятом временном отрезке при достаточном количестве отдельных типов источников, объектно-ориентированной программы для создания трехмерной компьютерной графики — Blender 3D.

К сожалению, при применении технологии 3D-моделирования и построения виртуальной реконструкции методика анализа исторических источников почти не применяется. Исключение составляют работы Д. И. Жеребятьева⁸. Качество 3D-модели изучаемого объекта напрямую зависит от анализа комплекса источников — изобразительных, письменных. В случае с созданием макета Сергиевского всей артиллерии собора основная сложность заключалась в том, что все сохранившиеся чертежи собора как Ф. И. Демерцова, так и А. А. Пашихина — проектные. Таким образом, при построении макета возникает вопрос, на какие чертежи следует опираться исследователям.

На чертеже плана собора Ф. И. Демерцова из «Атласа Санкт-Петербургскому арсеналу»⁹ при детальном рассмотрении главного фасада со стороны входа нет ни ниш, ни окошек, ни каких-либо углублений. Но уже на чертеже бокового фасада¹⁰ мы видим чередующиеся окна и ниши. По итогам сравнения чертежей с фотографиями Буллы¹¹, Матвеева¹² начала XX в., на которых виден боковой фасад Сергиевского всей артиллерии собора, было принято решение делать ниши.

Оставалась проблема — правильно выстроить главный фасад. На плане собора Ф. И. Демерцова не было закутков, ниш, но были начертаны окна. Возникает вопрос: архитектор забыл нарисовать ниши или хотел, чтобы это были окна? Выяснить, как выглядел собор в конце XIX в., помог примененный иконографический метод. Все имеющиеся изображения были выстроены в хронологическом порядке, начиная со строительства храма 1796 г. по проекту Ф. И. Демерцова. На картине А. Кутепова «Вид Литейного проспекта от Сергиевского собора к Литейному двору» 1806 г. на фасаде нарисованы все окна, но при этом возникает новый элемент — под барабаном мы видим не окружное основание купола, а квадратное, а при входе — не окно, а нишу со скульптурой. Однако, на чертежах Ф. И. Демерцова, на отмывке, очевидно, что это все-таки круг, и в архивных документах ВИМАИВиВС, РГИА, ЦГА СПб отсутствуют упоминания о какой-либо скульптурной группе. Анализ письменных источников: периодических изданий, мемуаров и воспоминаний, полковых историй, — не дает подробного описания внешнего вида церкви.

На чертежах А. А. Пашихина кровля прорисована четко, а на чертежах Ф. И. Демерцова не нарисована вовсе. Таким образом, можно было бы предположить, что Ф. И. Демерцов все-таки

хотел выстроить квадратное основание. Но, судя по фотографиям, это круглое основание под барабаном. На чертежах кровли А. А. Пашихина также виден круг основания барабана.

Интересно, что на картине неизвестного художника начала XX в. «Собор во имя преподобного Сергия Радонежского»¹³, нет никакого квадратного основания. При детальном рассмотрении главного фасада видна ниша с орнаментом, с правой стороны, которая появляется на чертежах А. А. Пашихина¹⁴ 1914 г. На картине неизвестного художника¹⁵ и на фотографии с таким же ракурсом, опубликованной в книге Н. М. Покровского¹⁶, отчетливо видна двухъярусная колокольня, имеющая большое завершение: «оба яруса имеют по четыре больших пролета и украшены: нижний — каменными колоннами по углам, а верхний — деревянную балюстрадаю по бокам. Башня венчается небольшим вызолоченным шпилем в виде продолговатой вазы, на вершине которой утверждён на яблоке ярко вызолоченный четвероконечный с сиянием крест»¹⁷. Однако, на чертежах Демерцова завершение маленькое и не похоже на изображение колокольни на фотографиях. Из чего мы можем сделать вывод, что чертежи проектные и не использовались как основные при строительстве. Следует отметить, что чертежи боковых фасадов из коллекции ОР РНБ при подробном изучении отличаются деталями от чертежей из коллекции архива ВИМАИВиВС, размеры второго яруса колокольни чуть больше. Примечательно, что чертежи из ОР РНБ были подарены архитектором Ф. И. Демерцовым архиепископу Амвросию (Подобедову) и датированы 1800 г., а «Атлас Санкт-Петербургскому арсеналу»¹⁸ — 1806 г., хотя при сравнении двух коллекций более ранними следовало бы считать чертежи из архива ВИМАИВиВС из-за нечетких пропорций, декоративных деталей. Можно предположить, что проектные чертежи Ф. И. Демерцова из атласа были нарисованы в период с 1796 по 1800 г., а переплетены и подарены Аракчееву в 1806 г.

На чертеже В. И. Серкова¹⁹ 1899 г. есть план существующего собора, на котором четко видна прямоугольная ниша и окно. При сравнении с проектным планом расширенного собора на чертеже В. И. Серкова мы видим, что собор не перестраивался с центрального фасада, а расширялся с боковых сторон. На плане существующего собора были прорисованы колонны, которые планировалось убрать, для того чтобы расширить постройку. На более поздних чертежах А. А. Пашихина, 1914 г., мы также видим

колонны. По пропорциям чертежи 1914 г. совпадают с чертежами Ф. И. Демерцова 1800—1806 гг. Таким образом, можно утверждать, что в плане собор не менялся вплоть до закрытия в 1932 г.

При сравнении вида купола на чертежах Сергиевского всей артиллерии собора XIX и XX вв. создается впечатление, что на чертежах А. А. Пашихина верхний барабан с колоннами более сплюснут. Вполне возможно, что это ошибки обмеров²⁰. «Обширный, в 12 больших окон купол возвышается над всею главною церковью, окруженный со всех сторон каменными колоннами, а внизу деревянную балюстрадою. На верху купола каменный с окнами фонарь, поддерживающий железные, позолоченные яблоко и крест»²¹. Форма навершия над куполом собора более правильная на чертежах А. А. Пашихина. На чертежах Ф. И. Демерцова более пропорционально и тщательно прорисованы детали. На чертежах А. А. Пашихина на центральном фасаде при входе мы видим такие же декоративные элементы, как и на фотографии К. Буллы из собрания ГМИ СПб²².

Возникает вопрос о декоративных деталях на боковых фасадах. На чертежах Ф. И. Демерцова мы видим полукружие, а у А. А. Пашихина — классические элементы, но при этом на чертеже карандашом отмечено полукружие, как на старых чертежах Ф. И. Демерцова. На фотографиях мы видим полукружие. Стоит отметить, что чертежи А. А. Пашихина также проектные. И были ли они полностью притворены в жизнь, с полной уверенностью утверждать невозможно.

После начала Первой мировой войны, по всей видимости, бюджет, выделенный ГАУ, был урезан, но какие-то работы по ремонту уже начали проводиться. В ВИМАИВиВС сохранились сметы за 1911—1916 гг.²³ Интересно, что на рисунке А. Шварца²⁴ от 7 июня 1919 г. собор полностью повторяет чертеж Ф. И. Демерцова. То есть, как такового расширения за счет полной перестройки приделов не было. Однако в документах КГИОП за 1925 г. идет речь о продолжении работ в боковых приделах, реконструкции фасадов²⁵.

Таким образом, имея только проектные чертежи, при создании макета мы используем все элементы Ф. И. Демерцова, кроме прямоугольных окон на центральном фасаде, которые, как предполагается, были сплошной стеной с декором по бокам, как на чертежах А. А. Пашихина.

При применении иконографического метода и сравнительном анализе изобразительных и письменных источников выясняется,

что внешние стены собора несколько раз перекрашивали. Судя по сохранившимся живописным изображениям, в разный период времени цвет стен менялся от светло-желтого до песочного оттенка. Интересно, что на фотографии К. Буллы «Общий вид Сергиевского собора от угла Литейного проспекта и Сергиевской улицы»²⁶ 1900 г. видно, что боковой фасад здания, часть колонн и колокольня отличаются по цвету друг от друга. Можно предположить, что собор на фотографии представлен если не в процессе окраски, то в процессе подготовительных работ. Прокрашены нижние части фасада, которые можно прокрасить без специальных строительных конструкций. Письменных источников о цвете краски не сохранилось, таким образом, мы можем ориентироваться только на сохранившиеся изображения.

При создании макета — исторической имитационной модели Сергиевского всей артиллерии собора — очень важен источниковедческий аспект, который освещается достаточно редко. В данном случае был применен синтез источников разных типов, отражающий Сергиевский собор в эволюции. Перед созданием макета была сделана трехмерная модель, содержащая несколько временных срезов.

¹ Окормляя русскую артиллерию: Сергиевский всей артиллерии собор — вехи истории.

² Создание пространства из картонных коробок.

³ Ивицкая А. Н. Использование изобразительных источников при изучении утраченных воинских храмов Санкт-Петербурга // Состояние и перспективы социально-экономического развития Северо-Запада России. Тезисы докладов 14-й научной международной межвузовской конференции преподавателей, аспирантов и студентов (23–24 апреля 2013 года). Выборг, 2014. С. 125–133.

⁴ Историко-статистические сведения по Санкт-Петербургской Епархии. СПб., 1878. Т. 6. Ч. 2. С. 2.

⁵ Цитович Г. А. Храмы Армии и Флота. Пятигорск, 1913. С. 29–30.

⁶ Историко-статистические сведения по Санкт-Петербургской Епархии. СПб., 1878. Т. 6. Ч. 2. С. 14, 15.

⁷ Бородкин Л. И., Жеребятёв Д. И. Технологии 3-D моделирования в исторических исследованиях: от визуализации к аналитике // Историческая информатика. 2012. № 2. С. 49–63.

⁸ Жеребятёв Д. И. 1) О методике комплексного исследования источников при виртуальной реконструкции объектов культурного наследия // Вестник РУДН, серия История России. 2010. № 6. С. 68–74; 2) Опыт исторической реконструкции в 3-D моделировании // Материалы молодёжной научно-практической конференции «Тамбов: история и современность». Тамбов, 2006. С. 19–22;

Простов В. А., Жеребятьев Д. И. Формирование источникового комплекса для построения виртуальной интерактивной реконструкции Скорбященского монастыря // *Историография и источниковедение отечественной истории: сб. науч. статей*. СПб., 2011. Вып. 6. С. 192–215.

⁹ ВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ ЦГА КФФД. Альбом П — 427. Л. 4.

¹² ФО. Н. А. ИИМК РАН. Отп. О. 3576—105.

¹³ ГМИСПБ. № I — А — 371-ж.

¹⁴ ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 10/2. Д. 14. Л. 1—6.

¹⁵ ГМИСПБ. № I — А — 371-ж.

¹⁶ Покровский Н. М. Житие преподобного Сергия Радонежского чудотворца и Сергиевский всей артиллерии собор. СПб., 1891. С. 8.

¹⁷ Там же. С. 24.

¹⁸ ВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 22. Л. 1—5.

¹⁹ ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 171. Л. 13.

²⁰ Покровский Н. М. Житие преподобного Сергия Радонежского чудотворца и Сергиевский всей артиллерии собор. СПб., 1891. Л. 24.

²¹ Там же.

²² ГМИ СПБ. II-A-3200 ф.

²³ ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 38. Д. 271.

²⁴ КГИОП. Фонд в обработке. Ф. VI. Папка 9. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 3.

²⁶ ГМИ СПБ. II-A-3200 ф.

О. Б. Ивлева (Тула)

ОХОТНИЧЬЕ РУЖЬЕ МОДЕЛИ «Б» И ЕГО МОДИФИКАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗЦОВ ИЗ СОБРАНИЯ ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ

ОХОТНИЧЬЕ ДВУСТВОЛЬНОЕ РУЖЬЕ модели «Б» является одним из самых известных и популярных образцов гражданского оружия, выпускавшихся на Тульском оружейном заводе (далее — ТОЗ) в XX столетии. Неслучайно оно получило устоявшееся среди охотников неофициальное наименование, созвучное городу оружейников, — «тулка».

Эта модель относится к охотничьим курковым ружьям, которые в зависимости от расположения боевых пружин делятся на следующие основные конструктивные типы ударно-спусковых механизмов (замков)¹:

— с подкладными замками, где боевые пружины размещены впереди курков под стволами;

— с ложно-подкладными (льежского типа) замками, в которых укороченная боевая пружина располагается позади курков, но при этом имеются замочные доски, схожие по внешнему виду с подкладным замком (отсюда и название);

— с обратными замками (или «в шейку»), где боевые пружины смонтированы на замочных досках, находящихся позади курков и врезанных в шейку приклада.

Надо отметить, что все эти варианты курковых ружей выпускали в охотничьей мастерской, основанной на ТОЗ в 1902 г.², и каждый из них в технической документации предприятия обозначался определенной литерой³, где буква «Б» соответствовала охотничьему двуствольному курковому ружью с подкладными замками. Однако в истории из всей широкой номенклатуры

охотничьего оружия ТОЗ начала XX в. сохранились только два буквенных индекса — «А» и «Б».

Интересно, что в прейскурантах (каталогах) ТОЗ и торговых домов того времени данная терминология в определении изделий тульского завода не использовалась⁴.

В период восстановления массового производства охотничьего оружия на ТОЗ после окончания Первой мировой войны из трех выпускаемых ранее образцов курковых ружей в первую очередь к возрождению была предложена модель с подкладными замками. Одним из необходимых мероприятий в этом направлении стало воссоздание чертежей, и в июне 1919 г. директору по технической части были представлены лекала на детали «ружья центрального боя 12 калибра модели “Б”»⁵.

Далее в отчетных документах первой половины 20-х гг. конкретное упоминание о модели «Б» встречается весьма редко, что, скорее всего, связано с обыденной формой предоставления сводных сведений о всех выпущенных двуствольных ружьях «центрального боя»⁶, к которым относились как курковые (с подкладными, ложно-подкладными или шеечными замками), так и бескурковые, подтверждением чему являются образцы из собрания Тульского государственного музея оружия (далее — ТГМО), изготовленные на ТОЗ в 1920—1925 гг.⁷

Однако в документах, фиксирующих данные о себестоимости того или иного вида заводской продукции, присутствует информация о снижении затрат на изготовление «ружья модели “Б”» за счет использования более дешевых сортов стали («...стали из отбросов»)⁸, а отчеты 1930-х гг. о выполнении промышленно-финансовых планов, свидетельствующие о количественном соотношении разных видов производимого на ТОЗ гражданского оружия, показывают, что модель «Б» являлась одной из востребованных, уступая по числу сделанных единиц только охотничьему ружью Кочетова модели «Р». Так, если в 1930 г. завод выпустил 8158 ружей модели «Б»⁹, то в 1932 г. — 35 777¹⁰, а через год еще больше — 55 340 единиц против 30 двуствольных бескурковых ружей¹¹.

Одно из первых публичных упоминаний о модели «Б», вышедшее за пределы заводского документооборота, обнаружено в популярном периодическом издании промыслово-кооперативного товарищества «Московский охотник» — «Охотничьей газете» за 1929 г., где это ружье позиционируется как наиболее

предпочтительное для потребителя и признается «в общем удовлетворительным» при условии устранения некоторых недостатков в отношении сверловки стволов и пригонки деталей¹².

Возможно, поступающие жалобы со стороны охотников в отношении модели «Б» инициировали проведение работ по его усовершенствованию. Так, в 1928 г. техник ТОЗа А. Д. Иванов (ил. 1), являвшийся признанным в стране знатоком охотничьего оружия¹³, занимался улучшением некоторых технологических процессов, а также модернизацией малого крюка, спусковой скобы и ствольной коробки¹⁴.

Рационализаторское предложение А. Д. Иванова относительно последней детали, по всей видимости, нашло применение. В 1932 г. в одном из цехов ввели трехмесячный срок для внедрения новой технологии изготовления ствольной коробки, которая состояла из 84 станочных, 6 слесарных и 4 ручных операций¹⁵.

В контексте изобретательских работ А. Д. Иванова представляют интерес патент и патентная грамота на изобретение охотничьего двуствольного ружья «с откидными вниз стволами» и с замками «льезжского типа», полученные им в 1930—1931 гг.¹⁶

В предлагаемом ружье, с высокой степенью вероятности рассматривавшего как альтернатива модели «Б», стволы помещались («или с термическим натяжением..., или на резьбе») в отдельные казенники, спаянные друг с другом или выполненные из одного бруска в виде двух трубок с площадками, которые соприкасаются с плоскостью ствольной коробки. В передней части стволы соединяются небольшой припаянной планкой с мушкой, в средней части — упором с укрепленной на нем верхней антабкой. Для надежного соединения казенников с коробкой А. Д. Иванов усилил

Ил. 1. А. Д. Иванов
(ТГМО КП-2-20461)

запирающий механизм дополнительной деталью — «засовом», управляемым поперечным болтом Гринера.

Однако, несмотря на полученные охранные документы, изобретение А. Д. Иванова, которое повлекло бы за собой существенные изменения в технологических процессах, по всей видимости, не получило практической реализации. В коллекции охотничьих курковых ружей ТОЗ 1930-х гг. не выявлено ни одного ружья, конструкция которого соответствовала бы описанной в патенте.

В ТГМО хранится 21 ружье модели «Б» разных лет выпуска, наиболее ранним из которых является образец, изготовленный в 1913 г. (ТГМО КП-3605; принадлежал А. Д. Иванову), а самый поздний музейный экземпляр был сделан в 1963 г. (ТГМО КП-4077).

Следует отметить, что до настоящего времени мы не знаем, кто является автором модели, не сходившей с конвейера ТОЗ больше полувека, конструктивное описание которой имеется практически в каждом издании, посвященном теме охотничьего оружия. Встречающиеся в интернет-ресурсах сведения о том, что ее создал еще в 1895 г. А. Д. Иванов¹⁷, родившийся в 1881 г.¹⁸, вызывают лишь недоумение.

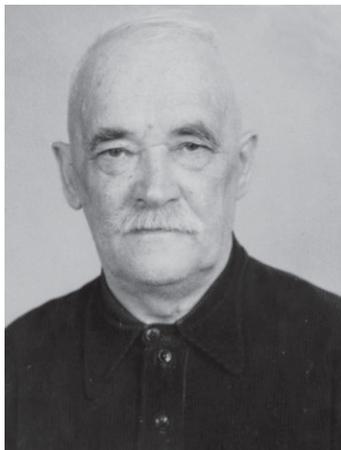
Наиболее вероятной представляется версия, озвученная известным тульским конструктором спортивного и охотничьего оружия Д. М. Кочетовым. Согласно ей, образцом для заводского двуствольного куркового ружья с подкладными замками послужило ружье немецкой фирмы «Зауэр», с «некоторыми изменениями, сделанными заводом, в части третьего крюка и поперечного болта»¹⁹, однако и это субъективное мнение не имеет достоверных документальных подтверждений.

В любом случае, появление такой модели в номенклатуре охотничьей продукции ТОЗ начала прошлого столетия вполне закономерно, так как предложенная в 60-е гг. XIX в. тройная система запирания стволов на два подствольных крюка, входящих в пазы ствольной коробки (рамка Перде) и поперечный болт, проходивший в отверстие выступающей в казенной части стволов соединительной планки (болт Гринера), с верхним ключом отпирания стволов системы Вестли Ричардса, получила распространение практически в каждой стране²⁰.

Вместе с тем, несмотря на устоявшуюся конструкцию, которая практически по всем параметрам удовлетворяла пользователей на протяжении нескольких десятилетий, производимую на

ТОЗ в разных исполнениях (широкая линейка калибров, три типа ложи, кнопочная или рычажная фиксация цевья, исполнение от рядового до штучного), попытки модернизации модели «Б» продолжились и после окончания Великой Отечественной войны.

Инженеры Центрального конструкторского исследовательского бюро спортивно-охотничьего оружия (ЦКИБ СОО), созданного на Тульском оружейном заводе в марте 1946 г.²¹, стали первыми, обратившимися к этой работе. Поиск новых идей для разработки перспективных образцов граждан-

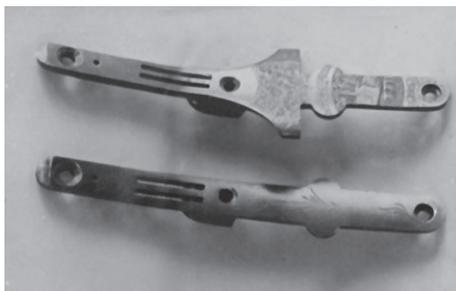

Ил. 2. А. Н. Кураков
(ТГМО КП-2-22637)

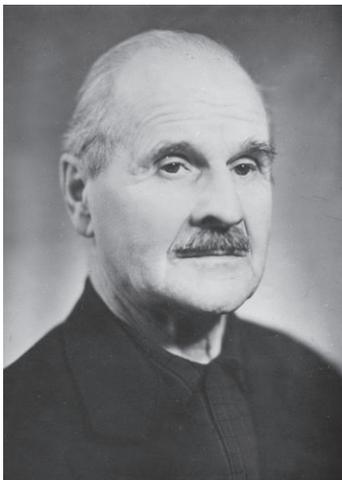
ского оружия требовал обязательного аналитического исследования довоенных ружей, в том числе и интересующей нас модели «Б», 956 единиц которой в изготовили ЦКИБ СОО в период 1947–1949 гг., и планировали выпускать далее²². К сожалению, в музейной коллекции отсутствуют ружья модели «Б» работы ЦКИБ СОО, но хранится раритетный экземпляр двуствольного куркового ружья с замками льежского типа. Оно было изготовлено в 1953 г. (ТГМО КП-3606) в дар А. Д. Иванову (передано в музей его дочерью) в честь 78-летия.

Так, в 1949 г. специалист ЦКИБ А. Н. Кураков (ил. 2) предложил изменить форму спусковой скобы ружья модели «Б» для ее более прочного удержания в ложе из березовой древесины, но результат оказался неудовлетворительным²³ (ил. 3).

Активный интерес к модели «Б» проявлял Д. М. Кочетов (ил. 4), упомянутый выше, что во многом обусловлено

Ил. 3. Фото из «Отчета об исследовании ружья «Б» со стойкой скобы конструкции А. Н. Куракова (ТГМО КП-3542/46)

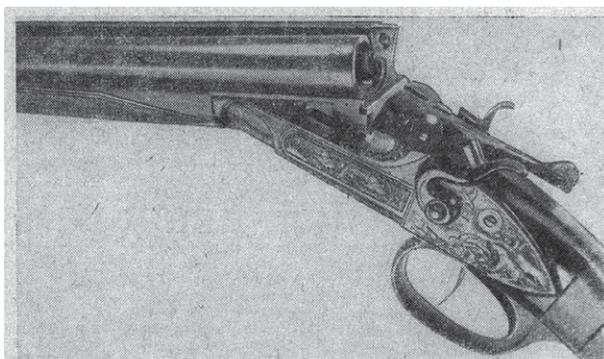
Ил. 4. Д. М. Кочетов
(ТГМО КП-5805)

его изысканиями в области спортивно-охотничьего оружия, пришедшимися в основном на 1920—1930-е годы²⁴. В конце 1950-х гг. он обратил внимание на модернизированный вариант ружья — модель «БМ» («М» — модернизированная), выпускаемую на заводе с 1956 г.²⁵ От базового образца оно отличалось, как отмечается во многих публикациях, «повышенными прочностными характеристиками»²⁶, но какими именно и, что с этой целью было изменено, подробная трактовка отсутствует.

Тем не менее, по воспоминаниям конструктора, в процессе производства ружья «БМ» выявилось систематическое повреждение передней торцевой части ложи в местах соединения со стойкой цевья и пружины рычага затвора. Кроме того, Д. М. Кочетова беспокоило значительное количество ручных операций по пригонке ложи к металлическим деталям. Для устранения недостатков на заводе провели исследования и испытания лож из полимерных материалов с разными видами пропиток были предложены промежуточные металлические или пластмассовые вставки между ствольной коробкой и ложей, специальные накладки в местах врезки замков и спусковой скобы. Но перечисленные мероприятия не принесли ожидаемого результата ни в экономии рабочего времени, ни в создании красивого внешнего вида в гармонии с прогнозируемой прочностью²⁷.

Исходя из этого, в 1960 г. Д. М. Кочетов предложил свой образец, получивший наименование «ТОЗ-26». К настоящему времени не удалось выявить ни одного ружья этой модели, а также сведений о времени ее изготовления и о количестве выпущенных ружей.

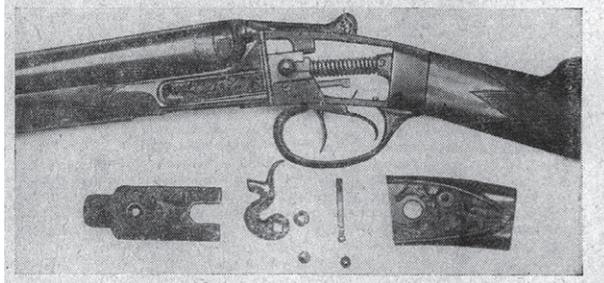
Известно, что ружье «ТОЗ-26» впервые было презентовано конструктором в 1961 г. в его статье, опубликованной в журнале «Охота и охотничье хозяйство»²⁸, где присутствует его некачественная черно-белая фотография, служащая единственным изобразительным источником сведений о нем (ил. 5). Со слов

Общий вид раскрытого ружья ТОЗ-26.

Вид ружья снизу.

Ил. 5. Охотничье ружье «ТОЗ-26» (из журнала «Охота и охотничье хозяйство». 1961. № 10)

конструктора, ружье «ТОЗ-26», «подготовленное к производству», появилось в результате модернизации стоящей на заводском конвейере модели «БМ».

Однако даже при поверхностном рассмотрении заметны существенные отличия нового ружья от традиционной конструкции.

Общим у них остался способ соединения стволов со ствольной коробкой и система запираения на два подствольных крюка, рамку и поперечный болт, а также крепление отъемного цевья с рычажной защелкой.

Ударно-спусковой механизм (далее — УСМ) с внешними курками и двумя спусковыми крючками Д. М. Кочетов смонтировал на едином основании, выполненном в форме рамки и размещенном между коробкой и ложей. Эта деталь крепится к коробке в пазу типа «ласточкин хвост», а с ложей посредством трубчатого хвостовика и конического кольца в рамке, что обеспечивает прочное и плотное соединение. Ее боковые стороны закрываются съемными щечками.

В «ТОЗ-26», в отличие от модели БМ, все пружины, в том числе и боевые, не пластинчатые, а цилиндрические. Курки размещены на призматических (пирамидальной формы) выступах лодыжек и вместо винтов фиксируются более мощными и прочными гайками. Для устранения случайных выстрелов в лодыжках введены вспомогательные зацепы, выполняющие функцию предохранительных взводов.

Приклад соединяется со ствольной коробкой, входя в конический паз основания-рамки УСМ; через него же проходит хвостовик, закрепленный винтом в затыльной части, обеспечивая тем самым прочное крепление.

Ложу, как и щечки основания УСМ, съемную пластину в нижней плоскости коробки, спусковую скобу и затыльник приклада предполагалось делать не только из дерева, но и из пластмассы²⁹.

В декабре 1960 г. на ТОЗ провели испытания ружья «ТОЗ-26» 16 калибра (заводской № 24435-60), с восемью тысячами выстрелами, патронами в бумажной гильзе, с зарядом бездымного пороха весом 1,8 г и дробью № 5. В акте испытаний отмечались недостатки в виде незначительных трещин на цевье около защелки (после 2 тысяч выстрелов), на пластмассовом затыльнике приклада (после 5,5 тысяч выстрелов), а также увеличение на 0,03 мм от нормы зазора между казенным срезом стволов и лбом ствольной коробки. Из вывода комиссии следовало, что «опытное ружье модели “ТОЗ-26”», по многим позициям соответствующее характеристикам «БМ», «испытание большим числом выстрелов выдержало», и его «живучесть после 8 тысяч выстрелов неисчерпаема»³⁰. Между тем, на серийное производство оно не было поставлено, как и созданная на его базе следующая модель, предложенная

Д. М. Кочетовым в 1961 г. с целью унификации производства деталей для курковых и бескурковых охотничьих ружей³¹.

В новом опытном двустольном бескурковом ружье, получившем индекс «ТОЗ-31», конструктор оставил прежними соединение стволов со ствольной коробкой и запирающий механизм. В курках, расположенных внутри ствольной коробки, он изменил лодыжки, удлинил стержни боковых спиральных пружин, а для взведения курков применил новый тип толкателя-взводителя рамочного типа, размещенного в одном пазу с рамкой запирающего механизма.

В том же году Д. М. Кочетов предпринял еще одну модернизацию БМ для устранения тех же самых проблем, с которыми боролся в модели «ТОЗ-26». О новом варианте — «ТОЗ-32», как и о предыдущем ружье «ТОЗ-31», известно исключительно из воспоминаний конструктора, где он подробно описывает свои инженерные идеи, а в остальном «следы» этих образцов обрываются, и мы имеем возможность только представить, как они выглядели.

Итак, в «ТОЗ-32» пружину запирающего механизма Д. М. Кочетов перенес из-под хвостовика ствольной коробки к месту крепления стойки спускового механизма, в результате чего был ликвидирован паз в ложе и укреплен ее торец. Для опоры пружины конструктор увеличил длину рычага затвора в нижней части.

При изготовлении фигурной передней части стойки спускового механизма, закрывающей в модели БМ паз для ствольного крюка, требовалась точная пригонка с трудоемкой ручной обработкой. Для уменьшения количества операций Д. М. Кочетов заменил данную деталь прямоугольным зацепом, входящим в отверстие ствольной коробки для пружины запирающего механизма. Окно паза подствольных крюков стало закрываться тонкой стальной пластиной.

В ствольной коробке вместо боковых выемов под замочные доски подкладных замков высверливались отверстия для размещения в них спиральных цилиндрических боевых пружин, благодаря чему достигалось упрочнение ствольной коробки и устранялась ручная обработка передней части замочных досок, которые стали более короткими.

Бесспорно, опытные образцы Д. М. Кочетова представляют значительный интерес как для исследования тульского охотничьего оружия второй половины XX столетия, так и для изучения истории конкретного тульского ружья, в которой, как

оказывается, имеются лакуны, связанные с дальнейшим развитием модели «Б», получившим отражение в ее последующих модификациях: «ТОЗ-63», «ТОЗ-66», «ТОЗ-54» и «ТОЗ-80».

Повторяющаяся информация об этих образцах носит исключительно общий характер³². Модель «ТОЗ-63», отличающаяся от «БМ» исключительно хромированными каналами стволов для повышения их живучести, на ТОЗ производили 16 и 20 калибров, а «ТОЗ-66» — 12 калибра³³, и только в этом заключалась разница между ними.

В музее хранится два экземпляра «ТОЗ-63», изготовленных в 1965 г. (ТГМО КП-3437) и в 1972 г. (ТГМО КП-4085), и шесть единиц «ТОЗ-66». Представляет интерес образец «ТОЗ-66» (ТГМО КП-3938), сделанный в 1966 г., в то время как в «Истории Тульского оружейного завода» заявлено, что данная модель поступила в производство двумя годами позднее³⁴.

В 1974 г. ТОЗ представил как «оружейную новинку»³⁵ еще одно курковое ружье, сконструированное по традиционной схеме модели «Б», — «ТОЗ-54». Его отличительной особенностью является характерный дизайн (угловатая форма курков, рычага отпирания стволов и замочных досок), благодаря которому оно выделяется в ряду модификаций тульского куркового ружья с подкладными замками.

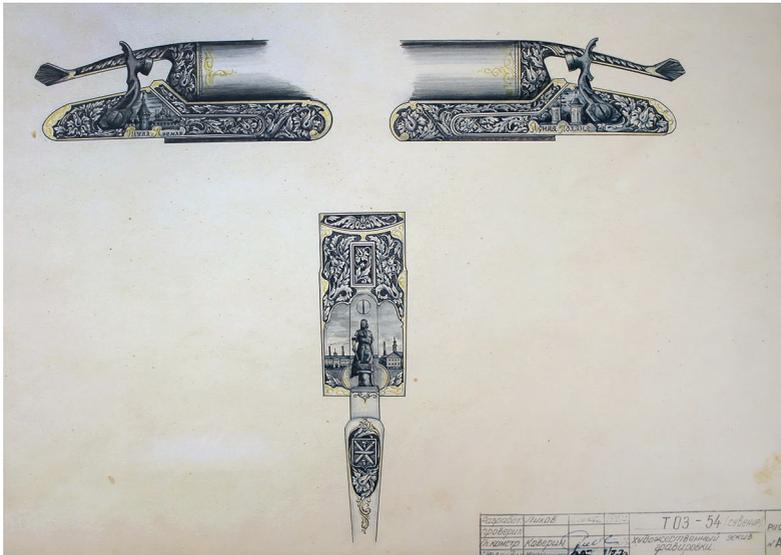
На сегодняшний день, только со слов ведущего конструктора ТОЗ В. И. Захарова, без каких-либо документальных подтверждений мы владеем информацией о том, что автором такого внешнего вида «ТОЗ-54» является Анатолий Федорович Лихов³⁶ (ил. 6), работавший на оружейном заводе с 1970 г. в должности художника-конструктора³⁷.

В ТГМО имеется 12 ружей «ТОЗ-54» всех калибров (от 32 до 12), два из которых, с заводскими номерами 0004 (ТГМО КП-3932) и 0010 (ТГМО КП-3799), изготовлены в числе первой партии 1971 года. Кроме того, экземпляры представлены в трех вариантах исполнения — рядовом (без декоративной отделки), улучшенном и штучном (с рельефной и плоскостной гравировкой, инкрустацией проволокой и резьбой на ложе).

Любопытно, что на хранящемся в музее эскизе художественного оформления ружья «ТОЗ-54»³⁸, выполненным А. Ф. Лиховым в 1972 г., то есть за два года до начала серийного производства данной модели, курки имеют иную, более фигурную и сложную форму, в отличие от утвержденной позднее (ил. 7).

Ил. 6. А. Ф. Лихов (ТГМО КП-6743)

Ил. 7. Эскиз художественного оформления ружья «Т03-54» (ТГМО КП-2-22637)

Ил. 8. Охотничье ружье «ТОЗ-80» (ТГМО КП-4262/1)

Ил. 9. Охотничье ружье «ТОЗ-50» (ТГМО КП-3801)

Последней модификацией модели «Б» стало ружье «ТОЗ-80», которое выпускали на заводе в 1986—1988 гг., и за это время было изготовлено около 2,5 тысяч единиц³⁹. Опять же со слов В. И. Захарова, производство этого образца, являвшегося по сути классической «тулкой», было инициировано спросом у зарубежных потребителей.

Два ружья «ТОЗ-80» (ТГМО КП-4193 и ТГМО КП-4262/1) из музейного собрания произведены в 1986 г. Последнее, посвященное 275-летию основания Тульского оружейного завода, дополнено футляром и имеет высокохудожественную отделку, связанную с историей предприятия (ил. 8).

Отдельно в ряду тульских курковых охотничьих ружей периода 1960-х гг. стоит модель «ТОЗ-50», которую в некоторых изданиях также причисляют к списку версий модели «Б»⁴⁰. Однако раритетный музейный образец «ТОЗ-50» (ТГМО КП-3801) с заводским № 1, сделанный в 1968 г., демонстрирует несколько иную конструкцию запирающего механизма без поперечного болта (ил. 9).

Таким образом, наше достаточно схематичное исследование музейной коллекции, сосредоточившей разнообразие ружей модели «Б», позволяет в полной мере продемонстрировать вариативность творческих идей конструкторов Тульского оружейного завода, определив при этом новые направления поисковой деятельности в области отечественного гражданского оружия.

- ¹ Бутурлин С. А. Дробовое ружье и стрельба из него. М.-Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное изд-во, 1937. С. 101–103; Штейнгольд Э. В. Все об охотничьем ружье. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: «Лесная промышленность», 1978. С. 30.
- ² Мы – с Тульского оружейного / Сост. Г. М. Чуднов и др. Тула: Приок. кн. изд-во, 1987. С. 100; Шокарев Ю. В. Русское оружие. Мастера и фирмы. М.: ООО «ПТП Эра», ООО «ИД Рученькиных», 2005. С. 126.
- ³ Ивлева О. Б. К вопросу о производстве охотничьего оружия на Тульском оружейном заводе в годы Первой мировой войны // Сборник трудов Тульского государственного музея оружия 2014 года. Тула, 2015. С. 44–54.
- ⁴ См., например: Прейскурант охотничьих ружей Императорского Тульского оружейного завода. Тула: Типография Дружининой, 1911. С. 11–20; Прейскурант охотничьих ружей Александра Михайловича Аверина. Тула: Типография И. Д. Форгунагова, 1909. С. 6–7, 10–11.
- ⁵ Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (далее – ГУ ГАТО). Ф. 220. Оп. 1. Д. 1070. Л. 7.
- ⁶ См., например, о количестве изготовленного в охотничьей мастерской ТОО охотничьего оружия: ГУ ГАТО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 2792. Л. 9 (1920 г.); Там же. Л. 34, 34/об. (1918–1921 гг.); Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 8332. Оп. 1. Д. 109. Л. 30 об. (1926–1927 опер. г.).
- ⁷ См., например: Ружье охотничье двустольное курковое (с замками в шейку приклада) // Тульский государственный музей оружия. ТГМО КП-250; Ружье охотничье двустольное курковое (с ложно-подкладными замками) // Тульский государственный музей оружия. ТГМО КП-263.
- ⁸ РГАЭ. Ф. 8332. Оп. 1. Д. 69. Л. 2.
- ⁹ Там же. Д. 250. Л. 28 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 270. Л. 75 об.–76.
- ¹¹ Там же. Д. 286. Л. 50 об.
- ¹² Совещание по производству тульских охотничьих ружей // Охотничья газета. 1929. № 12 (60). С. 7.
- ¹³ Крапивенцева М. Б. Личный фонд тульского оружейника А. Д. Иванова в Тульском государственном музее оружия // Война и оружие: новые исследования и материалы: Труды Девятой Международной научно-практической конференции (15–17 мая 2019 г.). Ч. I. СПб.: ВИМАИВиВС, 2019. С. 550–562.
- ¹⁴ Перечень рационализаторских предложений и изобретений Иванова А. Д. // Тульский государственный музей оружия. ВФ-465.
- ¹⁵ Акт о приеме-передаче разработки коробки ружья модели «Б». 1932 г. (копия) // Тульский государственный музей оружия. ТГМО ВФ-486.
- ¹⁶ Патентная грамота № 15651 и патент Иванова А. Д. на охотничье двустольное ружье // Тульский государственный музей оружия. ТГМО КП-20547/1-2.
- ¹⁷ Тульское ружье марки «ТОО-Б». (Электронный ресурс). URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5a63342a9b403c5442578683/tulskoe-ruje-marki-tozb-5a7e4813830905c776ead4de> (дата обращения: 25.02.2021).
- ¹⁸ Иванов Александр Дмитриевич (27.10.1881–24.02.1967). (Электронный ресурс). URL: <http://www.museum-arms.ru/about/tula-armory> (дата обращения: 25.02.2021).
- ¹⁹ Кочетов Д. М. Краткий исторический очерк о Тульском оружейном заводе. Тула, 1962. // Тульский государственный музей оружия. ТГМО ВФ-801. С. 38.

- ²⁰ Гринер В. В. Ружье. В 2-х ч. М., 1887. С. 182—183.
- ²¹ Филиал АО «КБП» — «ЦКИБ СОО». (Электронный ресурс). URL: <http://www.tulatskib.ru/about/history/index.php> (дата обращения: 25.02.2021).
- ²² Материалы доклада Михалева И. М. на совещании по спортивно-охотничьему оружию (черновой вариант). 1950 г. // Тульский государственный музей оружия. ТГМО КП-2-21097. Л. 5, 9.
- ²³ Отчет об исследовании ружья «Б» со стойкой скобы конструкции А. Н. Куракова. 1949 г. // Тульский государственный музей оружия. ТГМО КП-3542/46.
- ²⁴ Воспоминания Кочетова Д. М. о работах по техническим вопросам (1915—1970 гг.). 1977 г. // Тульский государственный музей оружия. ТГМО КП-2-21019; Ивлева О. Б. Основоположник проектирования отечественного стрелкового оружия Д. М. Кочетов // Война и оружие: новые исследования и материалы: материалы Международной научно-практической конференции (12—14 мая 2010 г.). СПб., 2010. Ч. 1. С. 286—294.
- ²⁵ По другим сведениям, с 1957 г. См.: Блюм М. М., Шишкин И. Б. Охотничье ружье: Справочник. 3-е изд., перераб и доп. М.: Экология, 1994. С. 104.
- ²⁶ См., например: Трофимов В. Н. Отечественные охотничьи ружья. Гладкоствольные. (Справочник). М.: «ДАИРС», 1999. С. 187.
- ²⁷ Кочетов Д. М. Краткий исторический очерк о Тульском оружейном заводе. С. 38.
- ²⁸ Кочетов Д. Новая модель // Охота и охотничье хозяйство. 1961. № 10. С. 37—38.
- ²⁹ Кочетов Д. М. Краткий исторический очерк... С. 39.
- ³⁰ Акт о проведении на Тульском оружейном заводе испытания опытного охотничьего двуствольного куркового ружья модели «ТОЗ-26» (копия). 09.12.1960 г. // Тульский государственный музей оружия. ТГМО ВФ-752.
- ³¹ Кочетов Д. М. Краткий исторический очерк о Тульском оружейном заводе. С. 46—47.
- ³² См., например: Охотничье оружие мира. Энциклопедия. Огнестрельное оружие. Охотничьи боеприпасы. Клинковое оружие. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 411—413.
- ³³ История Тульского оружейного завода. 1712—1972. М.: Мысль, 1973. С. 486.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Владимиров Е. Ружейные новинки // Охота и охотничье хозяйство. 1974. № 5. С. 33.
- ³⁶ В собрании ТГМО имеются Свидетельства Государственного комитета Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий, выданные А. Ф. Лихову в составе коллектива конструкторов Тульского оружейного завода на охотничьи ружья «ТОЗ 34» (ТГМО КП-6515) и «ТОЗ 55» (ТГМО КП-2-20756).
- ³⁷ Автобиография А. Ф. Лихова. 12.03.1976 г. // Тульский государственный музей оружия. ТГМО КП-6740.
- ³⁸ Художественный эскиз гравировки ружья «ТОЗ-54» (сувенирное) // Тульский государственный музей оружия. ТГМО КП-2-22563.
- ³⁹ Николаев В. А., Рыжова Л. А. Современное состояние и тенденции развития охотничьего оружия в СССР и за рубежом (аналитический обзор). Для служебного пользования. Тула: ЦКИБ СОО, 1990.
- ⁴⁰ Блюм М. М., Шишкин И. Б. Указ. соч. С. 105.

К. Г. Игошин (Москва)

О РУССКОМ ЕДИНОРОГЕ. К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ И РАЗВИТИИ ЕДИНОРОГОВ КАК АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ СИСТЕМЫ

В ДАННОЙ СТАТЬЕ мы на основании корпуса опубликованных источников и наиболее авторитетных (информативных) исследовательских работ по истории материальной части русской сухопутной артиллерии второй половины XVIII — первой половины XIX веков реконструируем единую структурированную систему развития единого типа артиллерийского орудия. Объектом изучения станет эволюция конструкции стволов единого типа. Мы сознательно сужаем рамки нашего исследования, ограничиваясь регулярной сухопутной артиллерией. Комплекс образцов единого типа, разрабатывавшихся и применявшихся на флоте, развивался в значительной степени в отрыве от сухопутной артиллерии и может быть рассмотрен самостоятельно.

Источниками в данном исследовании стали давно введённые в научный оборот официальные артиллерийские учебники и руководства: «Практика единого типа» П. И. Шувалова (1760)¹, «Артиллерийские предложения» И. А. Вельяшева-Волинцова (1767)², «Краткие артиллерийские записки» А. А. Аракчеева (1789)³, «Основания артиллерийской и понтонной науки» И. Г. Гогеля, И. И. Фитцгума, К. К. Гебгарда (1816)⁴, 1-й том «Руководства к артиллерийскому искусству» А. И. Маркевича (1820)⁵, «Начальные основания артиллерийского искусства» (1831)⁶ и «Артиллерия» (1851)⁷ Е. Х. Весселя, 1-я часть «Артиллерийских записок» О. П. Резвого (1844)⁸. Кроме того, были использованы оригинальные образцовые рисунки и чертежи: атлас «Новая артиллерия» (1758)⁹, хранящийся в музее Военной академии РВСН им. Петра Великого, хранящийся в РНБ книгу

чертежей российской сухопутной артиллерии (1801)¹⁰ и альбомы справочных чертежей полевой артиллерии, изданные в 1805 и 1817 гг.¹¹, с приложением А. И. Маркевича «Краткие записки об оковках»¹².

Список литературы, посвящённой истории материальной части отечественной артиллерии интересующего периода, к сожалению, весьма краток. В настоящее время существует только одно издание, в котором содержатся подкреплённые научно-справочным аппаратом сведения по интересующему нас предмету, — 2-я и 3-я книги 1-го тома многотомного ведомственного учебного пособия «История отечественной артиллерии»¹³. В нашем распоряжении также была рукопись (машинописный текст с иллюстрациями в виде вклеенных черно-белых фотографий) «Русская артиллерия во второй половине XVIII века», написанная в 1953 году небольшим авторским коллективом под руководством начальника 7-го (исторического) отдела НИИ-1 бывшей Академии артиллерийских наук инженер-полковника Шкатова (к сожалению, имя и отчество нам не известны)¹⁴. Эта рукопись является подготовительным материалом к упомянутой выше «Истории отечественной артиллерии»¹⁵. При сравнении соответствующих разделов 2-й книги 1-го тома «Истории» и рукописи Шкатова оказалось, что в издание вошёл не весь собранный материал, а некоторые элементы — с искажениями¹⁶. Особенно ценными являются сведения об изменениях в материальной части, осуществлённых в период правления Екатерины II, которые отсутствуют в прочих исторических работах.

Важной составляющей нашего исследования было сравнение полученных данных с сохранившимися историческими памятниками. Преимущественно это было сделано на основании коллекции ВИМАИВиВС.

В результате анализа перечисленного комплекса источников и литературы, исходя из характерных конструктивных особенностей, нами было выявлено четыре поколения состоявших на вооружении единорогов, объединяющих в себе орудия всех калибров. Так как данная информация впервые вводится в сформулированном виде в научный оборот, мы не настаиваем на предлагаемой терминологии, оставляя этот вопрос на коллективное обсуждение. Принципиальные различия поколений видны из приведённой таблицы.

О разработке и развитии единорогов как артиллерийской системы

По- коле- ние	Период производства	Длина в калибрах (с торелью, но без винграда)	Примечания
I	1757 – после 1767 (?)	7,5	Характерной особенностью декоративного оформления единорогов этих поколений является винград в виде короны, из которой выходит голова единорога, и дельфины в виде скачущих единорогов.
II	1757–1783	9	Конструктивной особенностью является спиливание нижней части торельного кольца.
III	1768–1838	10,75–11,25	В декоративном оформлении медных (артиллерийского металла) единорогов этого поколения прослеживаются два варианта: до 1803 года с украшениями, наиболее заметными из которых являются дельфины в виде грифонов; после 1803 года без каких либо украшений с унифицированной системой производственных маркировок. В XIX веке единороги этого поколения несколько раз были модифицированы. Были преобразованы размеры цапф, расположения затравки, формы дна каморы. Два последних повлекли за собой также изменения в наружном строении казённой части орудий ¹⁷ . С начала XIX века из еди- норогов перестали стрелять ядрами.

По- коле- ние	Период производства	Длина в калибрах (с торелью, но без винграда)	Примечания
IV	1838 — сер. 1860-х	более 11 — более 16	Орудия этого поколения являются результатом кардинального пересмотра принципов проектирования орудийных стволов. Изменены калибры — произошло сравнение калибров единорогов и пушек и округление линейных размеров калибра до десятых частей дюйма. Размеры всех частей орудий стали измеряться не калибрами, а дюймами. На орудиях этого поколения отсутствуют любые украшения, включая фризы и пояса; характерное для XVIII века деление на три части заменено разделением на две, при этом казённая часть сделана такой же, как у пушек ¹⁸ .

Важнейшим параметром, который был вынесен в отдельный столбец, и на основании которого (но не только!), мы разделяем стволы единорогов на поколения, является относительная длина орудия, выраженная в калибрах. В данном случае мы следуем за источниками, так как все расчёты размеров, применявшиеся при проектировании артиллерийских стволов интересующего нас периода, осуществлялись на принципе пропорциональности относительно калибра. Линейные размеры калибров российской сухопутной артиллерии в интересующий нас период менялись только в 1838 году, оставаясь до этого неизменными. Обращаем внимание, что мы учитываем габариты всего «рабочего тела» орудия (с торелью), но без украшений (без винграда).

Конечно, значительная часть ключевой информации не попала в эту упрощённую таблицу. Поэтому мы более подробно опишем эволюцию стволов, применявшихся в сухопутной артиллерии

калибров, несколько отступив при этом от хронологического принципа.

2-картаунный (2-пудовый) единорог (80-фунтовая бомба и 96-фунтовое ядро) был сконструирован и испытан капитаном над мастеровыми Санкт-Петербургского арсенала И. И. Меллером в июне—августе 1757 года¹⁹. Это орудие могло вести огонь всеми видами употреблявшихся снарядов. Оно имело следующие основные параметры²⁰:

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
9,687 дм	7,5 кал.	90 п.	5,25 кал.	1,75 кал.	На средней линии канала

Первоначально медный 2-картаунный единорог использовался и в полевой, и в осадной артиллерии, однако с 1762 года он был исключён из состава полевой артиллерии. Нам не удалось найти сведения, до какого времени он продолжал состоять на вооружении осадной артиллерии. Объем производства, вероятно, не превышал нескольких десятков экземпляров, так как по штатам 1757 года полагалось всего 36 штук²¹. В коллекции ВИМАИВиВС имеется такой единорог²².

1-картаунный (1-пудовый) единорог (40-фунтовая бомба и 48-фунтовое ядро) был сконструирован и испытан И. И. Меллером в марте—мае 1757 года²³. Это орудие также могло вести огонь всеми видами употреблявшихся артиллерийских снарядов и имело следующие основные параметры²⁴:

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
7,688 дм	7,5 кал.	45 п.	5,25 кал.	1,75 кал.	На средней линии канала

Медный 1-картаунный единорог использовался и в полевой, и в осадной артиллерии. С начала эксплуатации выявились недостатки всей системы единорогов, заключавшиеся в несоответствии массы ствола и величины заряда, что приводило к разрушению лафетов. Уже с конца следующего, 1758 года на вооружение начинают поступать удлинённые и утяжелённые единороги 2-го поколения. Объем производства неизвестен. По штатам 1757 года

полагалось 103 штуки, однако невероятно, что столько успели изготовить. Нам не известны сохранившиеся образцы этого орудия.

II поколение. Новый образец 1-картаунного единорога был разработан уже в 1758 году²⁵. В литературе отсутствует имя конструктора. Вероятнее всего, им был всё тот же И. И. Меллер.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
7,688 дм	9 кал.	60 п.	6,75 кал.	1,75 кал.	На средней линии канала

Объем производства нового образца также неизвестен. По штатам 1760 года на вооружении полевой и осадной артиллерии должно было состоять 68 единорогов такого калибра. Нам не известны сохранившиеся образцы этого орудия. В учебнике И. А. Вельяшева-Волынцова (1767 г.) утверждается, что в осадной артиллерии существовали также 1-картаунные единороги длиной 11,5 калибров с увеличенной до 2,25 калибров каморой²⁶. Однако никаких иных сведений, подтверждающих это, нами пока найдено не было²⁷.

III поколение. Новый, ещё более длинный и тяжёлый образец 1-пудового единорога был разработан к 1783 году²⁸. Инженер-полковник Шкатов в своём отчёте сообщает, что в начале 1780-х годов в результате коллективных усилий произошла смена конструкции почти всех орудий сухопутной артиллерии²⁹. Конструктором (руководителем всего проекта) вновь назван И. И. Меллер.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
7,688 дм	10,75 кал.	88 п.	8,25 кал.	2 кал.	На средней линии канала

Медные пудовые единороги такой конструкции находились на вооружении полевой артиллерии до восшествия на престол Павла I (24 орудия по штатам)³⁰, в осадной артиллерии (возможно, до 96 штук) они состояли до 1838 года и сохранялись после до полного износа. Объем производства не известен. В коллекции ВИМАИВиВС имеется такой единорог первоначальной модификации³¹.

На вооружении гарнизонной (крепостной) артиллерии состоял чугунный единого тех же пропорций (дата принятия неизвестна), отличавшийся немного более толстыми стенками и отсутствием дельфинов. Весил он 96,5 пудов. Достоверными статистическими данными о распространённости этого образца мы не располагаем. В коллекции ВИМАИВиВС есть такой единого первоначальной модификации³², названный при этом «коротким крепостным единого образца 1805 года».

Около 1830 года на вооружение приморских крепостей, переданных в сухопутное ведомство, был принят новый образец 1-пудового чугунного единого, устроенный «по образцу длинных медных единого морской артиллерии»³³. Он получил название «длинный», а прежний образец с этого момента стали называть «коротким».

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
7,688 дм	14,75 кал.	182 п.	12,25 кал.	1,75 кал.	На средней линии канала

Такой единого первоначальной модификации³⁴, названный при этом «крепостным единого образца 1805 года», есть в коллекции ВИМАИВиВС. Единого модификации 1832 года³⁵ входят в коллекцию Севастопольского военно-исторического музея-заповедника.

IV поколение. В 1838 году в рамках многолетней решительной реформы материальной части российской артиллерии был принят на вооружение 1-пудовый медный единого «новой конструкции» или «конструкции 1838 года». На замену прежним крепостным чугунным единого также был разработан новый 1-пудовый длинный единого новой конструкции.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
Осадной артиллерии					
7,7 дм	Более 15 кал.	139 п.	12,4 кал.	2 кал.	На 12 частей ниже оси орудия

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
Крепостной артиллерии					
7,7 дм	Более 15 кал.	180 п.	12,27 кал.	2 кал.	На 12 частей ниже оси орудия

В коллекции ВИМАИВиВС имеются единороги и осадной³⁶, и крепостной артиллерии³⁷.

1/2-картаунный (1/2-пудовый) единорог (20-фунтовая бомба и 24-фунтовое ядро) был сконструирован М. В. Даниловым и М. Г. Мартыновым, изготовлен и испытан И. И. Меллером в феврале—апреле 1757 года³⁸. Это орудие называлось в ходе испытаний «гаубицей особого рода», и только после того, как в марте—апреле был изготовлен экземпляр с характерными украшениями, получило своё, ставшее универсальным для всего типа орудий, название. Как и описанные выше калибры 1/2-пудовый единорог мог вести огонь всеми видами употреблявшихся снарядов и имел следующие основные параметры³⁹:

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
6,102 дм	7,5 кал.	25 п.	5 кал.	2 кал.	На средней линии канала

1/2-картаунные единороги состояли на вооружении полевой артиллерии. Объем производства, вероятно, не превышал нескольких десятков экземпляров, так как по штатам 1757 года полагалось всего 38 штук. Нам не известны сохранившиеся образцы этого орудия.

II поколение. Новый удлиненный и утяжеленный образец 1/2-картаунного единорога был разработан уже в 1758 году⁴⁰. В литературе отсутствует имя конструктора, но мы вновь предполагаем, что им был И. И. Меллер.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
6,102 дм	9 кал.	30 п.	6,5 кал.	2 кал.	На средней линии канала

Объем производства нового образца также неизвестен. По штатам 1760 года на вооружении полевой артиллерии должно было быть 82 единорога такого калибра. Нам не известны сохранившиеся образцы этого орудия. В учебнике И. А. Вельяшева-Волынцова (1767 г.) утверждается, что в осадной артиллерии существовали также 1/2-картаунные единороги длиной 12,5 калибров с увеличенной до 2,25 калибров камерой. Иные сведения, подтверждающие это, нам не известны.

III поколение. Новый, ещё более длинный и тяжёлый образец 1/2-пудового единорога был разработан в 1764–1768 годах генерал-майором И. И. Меллером⁴¹. Он стал первым единорогом этого поколения, на 15 лет опередив появление такой пропорции в остальных калибрах.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина камеры	Высота расположения цапф
6,102 дм	10,75 кал.	41–42,5 п.	8,25 кал.	2 кал.	Между средней и нижней линией канала

Медные 1/2-пудовые единороги такой конструкции находились на вооружении полевой артиллерии до 1838 года и продолжали использоваться и после, до полного износа. Точный объем производства неизвестен, но на основании действовавших в этот период штатов можно предположить, что достигал нескольких сотен штук. В коллекции ВИМАИВиВС есть два таких единорога первоначальной модификации⁴². В коллекцию Бородинского военно-исторического музея-заповедника входят два единорога модификации 1812 года⁴³.

На вооружении гарнизонной (крепостной) артиллерии состоял чугунный единорог тех же пропорций (дата принятия неизвестна), отличавшийся немного более толстыми стенками и отсутствием дельфинов. Он весил 46,5 пудов. Достоверными статистическими данными о распространённости этого образца мы не располагаем. В качестве примера такого орудия первоначальной модификации можем привести ствол из коллекции Кобринского военно-исторического музея им. А. В. Суворова (Белоруссия), находящийся перед входом в Дом Суворова.

В 1797 году генерал П. И. Мелиссино разработал новый образец 1/2-пудового полевого медного единорога, той же длины, но уменьшенного до 35–38 пудов⁴⁴. Вероятно, уменьшение веса произошло за счёт более тонких стенок ствола. Уточнение параметров этого образца, помимо архивных изысканий, может быть осуществлено по сохранившемуся образцу, который находится в коллекции Гатчинского дворца-музея⁴⁵. Петербургский арсенал в 1797–1798 годах изготовил всего 8 таких единорогов⁴⁶, но они использовались в ходе наполеоновских войн вперемешку с обычными.

IV поколение. В 1838 году на смену медному полевому и чугунному крепостному пришли новые образцы единорогов.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
Осадной артиллерии					
6 дм	Более 11 кал.	42,5 п.	8,37 кал.	Около 2 кал.	На 12 частей ниже оси орудия
Крепостной артиллерии					
6 дм	Более 16 кал.	90 п.	12,41 кал.	2 кал.	На 12 частей ниже оси орудия

В коллекцию ВИМАИВиВС входят два единорога полевой⁴⁷ и один крепостной артиллерии⁴⁸.

В 1850 году на вооружение был принят утяжелённый образец 1/2-пудового медного единорога. Его вес приблизили к весу 12-фунтовой пушки, чтобы снизить негативное воздействие при выстреле на единый для этих двух орудий лафет⁴⁹.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
6 дм	Более 12 кал.	49,25 п.	9,2 кал.	Около 2 кал.	На 12 частей ниже оси орудия

Нам не известны сохранившиеся образцы этого орудия.

12-фунтовый (1/4-картаунный, 1/4-пудовый) единорог (10-фунтовая граната и 12-фунтовое ядро) был сконструирован

и испытан в мае—июле 1757 года. Изготовлением единорога занимался И. И. Меллер «по отданному чертежу»⁵⁰. Обращаем внимание, что в «Истории отечественной артиллерии» даются ошибочные данные о пропорциях этого образца — 7,5 калибров при весе 16 пудов⁵¹. На основании Шуваловского атласа «Новая артиллерия» мы можем уверенно утверждать, что 12-фунтовый единорог сразу был сконструирован длиной 9 калибров и, видимо, является первым образцом второго поколения единорогов. Из-за малого калибра эти единороги не могли стрелять осветительными и зажигательными снарядами.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
4,843 дм	9 кал.	16—17 п.	6,5 кал.	2 кал.	На средней линии канала

12-фунтовые единороги разрабатывались как орудия полковой артиллерии, поэтому их вес подгоняли под вес 3-фунтовой полковой пушки, которую они должны были заменить. Однако в «Истории отечественной артиллерии» утверждается, что этот образец использовался и в полковой, и в полевой артиллерии, что косвенно подтверждается количеством выпущенных к февралю 1759 года единиц — 257⁵². При этом по штатам, приводимым в «Кратком историческом описании древних российских пушек», 12-фунтовые единороги полагались только для полковой артиллерии в количестве всего 50 штук⁵³. Некоторое количество единорогов этого образца оставалось на вооружении и в начале XIX века и принимало участие в наполеоновских войнах. В документообороте этого периода такие единороги упоминаются как «старого (или “старинного”) литья и конструкции»⁵⁴. В коллекции ВИМАИВиВС имеется 12-фунтовый единорог этого образца⁵⁵.

В учебнике И. А. Вельяшева-Волынцова (1767 г.) сообщается, что в осадной артиллерии существовали также 12-фунтовые единороги длиной 12,5 калибров с увеличенной до 2,25 калибров каморой (пропорции совпадают с такими же 1/2-пудовыми единорогами). Других сведений, подтверждающих это, нам не известно.

III поколение. Новый образец 12-фунтового единорога был разработан к 1783 году под руководством генерала И. И. Меллера в ряду прочих единорогов этого поколения⁵⁶.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
4,843 дм	11,25 кал.	21,5–23 п.	8,75 кал.	2 кал.	Между средней и нижней линией канала

Медные 12-фунтовые единороги такой конструкции находились на вооружении полевой артиллерии до 1838 года и продолжали использоваться и после, до полного износа. Хотя объем производства неизвестен, но мы можем уверенно говорить, что это самый массовый образец единорогов, и, по нашему мнению, общее количество изготовленных стволов должно составлять порядка шести сотен. В коллекции ВИМАИВиВС имеется единорог первоначальной модификации, названный «полевым пешим единорогом образца 1805 года»⁵⁷. Во дворе Нарышкина бастиона Петропавловский крепости (Петербург) можно увидеть два единорога модификации 1812 года⁵⁸.

В 1794–1795 годах для формирующейся в России конной артиллерии был разработан новый образец 12-фунтового единорога уменьшенного веса. Автор конструкции пока неизвестен, возможно, это был П. И. Мелиссино. Сокращение массы было достигнуто за счёт более тонких стенок и уменьшения длины. С целью увеличения «поворотливости» системы лафет-передок в конной артиллерии новый единорог получил лафет с параллельно расположенными станинами. Для размещения на таком лафете стволу понадобились квадратные заплечики у основания цапф⁵⁹.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
4,843 дм	10,25 кал.	18,5–19,63 п.	7,75 кал.	2 кал.	Между средней и нижней линией канала

Новый образец назвали «единорогом для конной артиллерии», а предыдущий стал называться «единорогом для пешей артиллерии». Стоит заметить, что в период наполеоновских войн в пешех и конных ротах иногда происходило смешение видов единорогов.

1/4-пудовый единорог для конной артиллерии оставался на вооружении вероятнее всего до 1828 года, когда с из употребления были изъяты 12-фунтовые пушки малой пропорции⁶⁰. По нашему мнению, объем произведённых орудий этого образца мог составить порядка 250 стволов. В коллекции ВИМАИВиВС имеется единорог модификации 1812 года, названный «полевым конным единорогом образца 1805 года»⁶¹.

IV поколение. В рамках реформы 1838 года на вооружение был принят новый образец 1/4-пудового единорога.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
4,8 дм	Более 11 кал.	22,25 п.	8,75 кал.	Около 2 кал.	На 12 частей ниже оси орудия

Такой единорог⁶² входит в коллекцию ВИМАИВиВС.

Тогда же, в 1838 году, на вооружение были приняты новые 1/4-пудовые (10-фунтовые) единороги для горной артиллерии. Работы над этими орудиями велись с 1831 года, они должны были заменить недостаточно эффективные 3-фунтовые единороги. Стреляло новое орудие гранатами и картечью. Эти орудия принципиально отличались по своим пропорциям от всех остальных единорогов. Мы ограничимся только самыми краткими данными.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
4,8 дм	Около 6 кал.	6,5 п.	4,375 кал.	1,15 кал.	На 12 частей ниже оси орудия

В коллекции ВИМАИВиВС имеется такой единорог⁶³.

8-фунтовый (6-фунтовый) единорог (6-фунтовая граната и 8-фунтовое ядро) был сконструирован М. В. Даниловым, М. Г. Мартыновым, изготовлен и испытан И. И. Меллером в феврале—апреле 1757 года⁶⁴. Это орудие первоначально получило название «одиначка» или «близнёнок», так как представляло собой одноствольный вариант сконструированной в конце 1756 года двуствольной удлинённой гаубицы с конической каморой, называвшейся «близнята». Этот образец не имел дельфинов

и винграда, кроме того, цапфы были существенно смещены вперёд и находились на дульной части. Эти единороги не могли стрелять осветительными и зажигательными снарядами.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
4,084 дм	7,5 кал.	6 п.	5 кал.	2 кал.	На средней линии канала

8-фунтовые единороги разрабатывались как орудия полковой артиллерии, приспособленные для переноски вручную в разобранном виде⁶⁵. Нам неизвестно, какое количество таких орудий было изготовлено, равно неизвестен ни один сохранившийся экземпляр.

II поколение. Дата появления удлинённого и утяжелённого образца 8-фунтового единорога в литературе отсутствует. Из «Истории отечественной артиллерии» можно узнать, что он существовал уже в 1757 году⁶⁶. Шкатов в своём отчёте сообщает, что в апреле 1757 года И. И. Меллером, по приказу П. И. Шувалова, была изготовлена «одиначка», утяжелённая до 10 пудов, но при этом «остальные технические данные не претерпели изменений»⁶⁷. (Непонятно, как это возможно.) Далее он сообщает, что в феврале 1758 года Меллер создал новые чертежи для 8-фунтового единорога⁶⁸. В атласе «Новая артиллерия» (1758 г.) показан образец первого поколения. Следует признать, что без дополнительных архивных изысканий этот вопрос неразрешим.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
4,084 дм	9 кал.	11 п.	6,5 кал.	2 кал.	На средней линии канала

Объём производства этого образца также неизвестен. По приведённым в «Истории отечественной артиллерии» сведениям, на 7 февраля 1759 года было изготовлено 50 8-фунтовых единорогов⁶⁹. Шкатов утверждает, что в 1759 г. или 1760 г. П. И. Шувалов отказался от 8-фунтовых единорогов в пользу 12-фунтовых, однако новый генерал-фельдцейхмейстер А. Н. Вильбоа в 1763 году вернул 8-фунтовые единороги в число употребляемых в полковой артиллерии⁷⁰. Использовались такие единороги до

полного износа и встречались даже на полях Наполеоновских войн⁷¹. В коллекции ВИМАИВиВС имеется такой единорог⁷².

III поколение. Новый образец 8-фунтового единорога был разработан в рамках уже упоминавшейся реформы И. И. Меллера в 1783 году⁷³.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
4,084 дм	11,25 кал.	12,5—13,5 п.	8,75 кал.	2 кал.	Между средней и нижней линией канала

Этот единорог также предназначался для полковой артиллерии и должен был теперь стрелять только гранатами и картечью. Объем производства этих орудий неизвестен. Есть отрывочные сведения, например, в 1787 году было приказано изготовить 32 таких единорога⁷⁴. На основании маркировок на сохранившихся стволах мы можем предположить, что изготовлено их было как минимум восемь десятков⁷⁵. Официально 8-фунтовые единороги были сняты с вооружения в 1798 году⁷⁶, но фактически продолжали использоваться и в ходе Наполеоновских войн, заменяя недостающие 1/4-пудовые единороги полковой и конной артиллерии. В коллекции ВИМАИВиВС есть два таких единорога⁷⁷.

Обстоятельства разработки и принятия на вооружение **3-фунтового единорога** остаются недостаточно изученными. А. П. Барбасов и А. М. Агеев утверждают, что 3-фунтовый единорог был сконструирован в 1759—1760 гг. И. И. Меллером, однако ссылаются они при этом на документ 1759 года, в котором ничего не говорится о разработчике⁷⁸. Шкатов в своём отчёте увеличивает временной диапазон разработки этого образца единорога до 1766 года (без ссылки на источник)⁷⁹. Нам представляется, что идея создания нового сверхлёгкого орудия возникла у российского артиллерийского руководства после того, как 8-фунтовые «одиначки» были утяжелены и стали неспособны к переноске вручную. Новое орудие должно было вести огонь 3-фунтовыми ядрами и картечью, а их ствол должен был весить «в полы против 8 фунтового»⁸⁰. По замыслу П. И. Шувалова 3-фунтовый единорог должен был стать самым массовым полковым орудием, распределённым сверх прочих орудий по одному на роту.

По-видимому, разработка затянулась, так как даже в учебнике И. А. Вельяшева-Волынцова показано два варианта такого орудия с неполными характеристиками.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
2,996 дм	10 кал.	5,75 п.	7,5 кал.	2 кал.	На средней линии канала
	11 кал.	(?)	8,5 кал.		

В штатах артиллерии в 1762–1797 годах 3-фунтовых единокорогов полагалось всего 12 штук⁸¹. Это не удивительно, так как 8-фунтовые единокороги не были сняты с вооружения, а 3-фунтовые из-за слабости действия (ввиду отсутствия разрывных снарядов) не могли в полной мере занять нишу орудий для пересечённой местности. Нам не известны сохранившиеся единокороги этого образца, изготовленные в арсеналах военного ведомства в Петербурге, Москве или Брянске.

III поколение. В литературе отсутствуют сведения об обстоятельствах и дате разработки и принятия на вооружение усиленного образца 3-фунтового единокорога. По своим пропорциям он соответствует единокорогам, принятым на вооружение в 1783 году. Его калибр был увеличен, чтобы он мог вести огонь 3-фунтовой гранатой. Соответственно были приняты ядра и картечи нового калибра.

Калибр	Длина	Масса	Длина котла (канала)	Длина каморы	Высота расположения цапф
3,242 дм	11,25 кал.	6,5–6,75 п.	8,75 кал.	2 кал.	Между средней и нижней линией канала

Этот единокорог также предназначался для полковой артиллерии. В 1797 г. он был исключён из штатов, но в 1803 г. был вновь введён в употребление, в качестве полковых орудий для егерских полков. Мы имеем сведения, что эти единокороги использовались в кампаниях 1805 г. и 1806–1807 гг., но в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах следов их употребления не встречали. Официальная отмена 3-фунтовых единокорогов в батарейных ротах произошла только в феврале 1820 года⁸², но и после этого они

продолжали использоваться в качестве горной артиллерии до замены на 10-фунтовые горные единороги в 1838 году.

Объем производства орудий этого образца может составить порядка 110—120 единиц. К 1797 году существовало не менее 14 орудий, ещё 10 было изготовлено в 1802 году для отправки в Грузию⁸³. В дальнейшем они производились партиями как минимум до 1808 года⁸⁴. В коллекции ВИМАИВиВС имеются два единорога первоначальной модификации⁸⁵. На основании описания в каталоге музея мы можем также предположить, что ещё два единорога могут быть отнесены к этому образцу⁸⁶, но пока не имели возможности их увидеть и убедиться в правоте предположения. Также в коллекции музея есть единорог модификации 1807 года, названный «полевым единорогом образца 1805 года»⁸⁷.

Выявленная нами схема эволюции стволов российских единорогов, охватывающая весь период их существования, не только позволяет наглядно увидеть логику развития этого типа артиллерийских орудий, но и поможет исследователям обратить внимание на лакуны в знаниях, существующих в научном обороте, по истории материальной части отечественной сухопутной артиллерии второй половины XVIII — первой половины XIX веков. Хотелось бы также добавить, что данное исследование развивает тему, схематично обозначенную нами в докладе, озвученном на предыдущей конференции⁸⁸.

Автор выражает искреннюю благодарность коллективу музея Военной академии РВСН им. Петра Великого и, в особенности, подполковнику Н. А. Рогожану за предоставленную возможность работать с уникальными материалами, без которых эта статья не была бы написана.

¹ Шувалов П. И. Практика единорогов, изобретенных артиллерии генералом-фельдцейхмейстером и кавалером, графом Петром Ивановичем Шуваловым, и преимущества их пред прежними артиллерийскими орудиями, кратко описанные в вопросах и ответах для употребления при артиллерийских школах. СПб., 1760.

² Вельяшев-Волинцов И. А. Артиллерийския предложения для обучения благородного юношества Артиллерийскаго и инженернаго шляхетнаго кадетскаго корпуса. СПб., 1767.

Мы использовали второе издание, опубликованное в 1777 году. Его содержание отличается от первого только пагинацией и исправлением некоторых опечаток.

³ [Аракчеев А. А.] Краткия артиллерийския записки, для наставления унтер-офицеров в новоучрежденных артиллерийских батальонах. СПб., 1789.

Авторство этого учебно-справочного пособия иногда приписывается П. И. Меллисино, но мы полагаемся на мнение В. Ф. Ратча, утверждающего, что автором был адъютант Петра Ивановича А. А. Аракчеев. См.: Ратч В. Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчеве // Военный сборник. № 5. 1861. С. 42.

⁴ Гогель И. Г., Фицтум И. И., Гебгард К. К. Основания артиллерийской и понтонной науки, изданный председателем Военного ученого комитета генерал майором Гогелем 1 и членами оного полковником Фицтумом и подполковником Гебгардом 1. Ч. I—II. СПб., 1816.

⁵ Маркевич А. И. Руководство к артиллерийскому искусству для употребления их императорских высочеств государей и великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича. Т. I. СПб., 1820.

⁶ Вессель Е. Х. Начальные основания артиллерийского искусства, составленные лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады капитаном Весселем, для руководства в юнкерских классах Артиллерийского училища, и служащие началом Записок, изданных для офицерских классов означенного училища. СПб., 1831.

⁷ Вессель Е. Х. Артиллерия. Курс специального класса. СПб., 1851.

⁸ Резвой О. П. Артиллерийския записки, составленные Инспектором классов Артиллерийского училища полковником Резвым, для преподавания Его императорскому высочеству Великому князю Константину Николаевичу. Ч. I. Описание предметов материальной части русской артиллерии. СПб., 1844.

⁹ Новая артиллерия. Изобретена в 17-е лето благополучнаго государстваования Великой Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийской Матери Отечества генерал-фельдцейхмейстером графом Шуваловым. СПб., 1758.

Мы имели возможность работать как с оригиналом, так и с электронной копией. Это ценнейший памятник, показывающий самые ранние варианты конструкции единого всех существовавших на тот момент калибров.

¹⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. Эрмитажного собрания. № 139. Книга, содержащая чертежи употребляемой ныне осадной, полевой, конной и крепостной артиллерии с принадлежностями их, уменьшенными против натуральных в 1/8 долю, также пороховых фабрик, литейной печи и сверлильных машин, деланная при Втором кадетском корпусе кадетами оного в классе капитана Ефимова-Второго 1801 года.

¹¹ Маркевич А. И., Плотто К. К. Чертежи всем полковым и батарейным орудиям, их лафетам, передкам, зарядному ящику с гнездами разных калибров и всей принадлежности оных орудий. Сочинены по Высочайшему повелению Его Императорского Величества в правление артиллериею его сиятельства всей артиллерии инспектора графа Аракчеева. СПб., 1805; Маркевич А. И., Плотто К. К. Чертежи всем легким и батарейным орудиям, их лафетам, передкам, зарядному ящику с гнездами разных калибров и всей принадлежности оных орудий. 1805 года. Сочинены по Высочайшему повелению Его Императорского Величества в правление артиллериею его сиятельства всей артиллерии инспектора графа Аракчеева. Ныне Военным Ученым комитетом вторым тиснением изданы с переменами после первого издания последовавшими. СПб., 1817.

¹² Маркевич А. И. Краткие записки, показывающие, сколько и каких именно оков употребляется при полковой и батарейной Артиллерии к лафетам, передкам, зарядному ящику и ко всей принадлежности; с означением их номеров и знаков или букв, коими они клеймятся и с приобщением таблиц, показывающих размер

и вес полковых и батарейных орудий, лафетов, передков и зарядного ящика с гнёздами разных калибров. СПб., 1805.

¹³ История отечественной артиллерии / под ред. Б. А. Светлосанова. Т. 1. Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн. 2. Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). М., 1960; Кн. 3. Артиллерия русской армии в период разложения феодализма (конец XVIII — первая половина XIX в.). М., 1962.

¹⁴ Шкатов. Русская артиллерия во второй половине XVIII века: отчёт по теме № 154-52-10 / НИИ-1 Командующего артиллерией. Л. 1953. [Машинописный текст]. 536 с.

Отчёт был отпечатан в пяти экземплярах, один из которых хранится в музее Военной академии РВСН им. Петра Великого.

¹⁵ Инженер-полковник Шкатов является ответственным исполнителем всей работы и автором двух разделов: 1-го (Материальная часть артиллерии) и 2-го (Организация артиллерии). При этом соавтором 2-й главы 1-го раздела является подполковник Г. П. Яреха, а соавтором 2-й главы 2-го раздела известный историк науки А. П. Мандрыка. Самостоятельным автором 3-го раздела (Образование и боевая подготовка артиллеристов) является подполковник А. П. Барбасов, который в дальнейшем станет одним из авторов «Истории отечественной артиллерии».

¹⁶ В то же время, 3 глава 2-й книги 1-го тома «Истории отечественной артиллерии» (Артиллерия русской армии в середине XVIII в. (30—60-е гг.)), написанная полковником А. П. Барбасовым в соавторстве с подполковником А. М. Агеевым, содержит материал несколько лучшего качества. Представляется, что главная заслуга в этом принадлежит А. М. Агееву, который также принимал участие в работе над отчётом Шкатова и в 1955 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Реформы 50—60-х гг. XVIII века в русской артиллерии». К нашему большому сожалению, мы не смогли пока ознакомиться с текстом этой диссертации, так как она отсутствует в московских библиотеках.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Игошин К. Г. 1) Эволюция конструкции стволов орудий российской полевой артиллерии в период 1805—1812 годов // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Второй Международной научно-практической конференции 18—20 мая 2011 года. СПб., 2011. Ч. 1. С. 301—315; 2) Материальная часть российской полевой артиллерии в эпоху Наполеоновских войн. 1805—1815. Ч. 1 // Старый цейхгауз. 2012. № 3 (47). С. 79; Резвой О. П. Артиллерийские записки. С. 37.

¹⁸ Резвой О. П. Артиллерийские записки. С. 27, 43—44, 47—49, Таблицы VIII, XI, XXV, XXXVII; Вессель Е. Х. Артиллерия. С. 108, 112—115, 122, 124.

¹⁹ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 189.

²⁰ Более полные параметры 2-пудового единорога можно найти в учебнике И. А. Вельяшева-Вольнцова «Артиллерийские предложения» на стр. 107; изображение (а равно изображение и описание всех единорогов 1-го поколения) увидеть в атласе «Новая артиллерия».

²¹ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 266, 345.

²² Каталоги Артиллерийского исторического музея. Т. 5. Каталог материальной части отечественной артиллерии / Сост. В. П. Вышенков, Л. К. Маковская, Е. Г. Сидоренко. Л., 1961. С. 74. № 103 (№ ГК 15887293).

²³ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 186, 189.

²⁴ Более полные параметры 1-пудового единого и его изображение можно увидеть в атласе «Новая артиллерия». Это орудие пропорционально соответствовало 2-картаунному единому.

²⁵ Параметры единых 2-го поколения приведены в учебнике И. А. Вельяшева-Волынцева «Артиллерийские предложения для обучения благородного юношества Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса». СПб., 1767. С. 105–107.

²⁶ Вельяшев-Волынец И. А. Ук. соч. С. 107.

²⁷ Возможной подсказкой в поиске мы считаем указание Шкатова на разработку в 1760 году неких новых образцов 1/2-пудового и 12-фунтового единых (С. 93. Ссылка: Архив АИМ, Ф. Арсен., Ех. 697, Л. 186).

²⁸ Самые ранние сведения о характеристиках единых 3-го поколения мы можем найти в «Кратких артиллерийских записках» 1789 года. (С. 16, Таблица Б.) Те же характеристики опубликованы во всех упомянутых учебниках и справочниках XIX века.

²⁹ Шкатов. Ук. соч. С. 185, 189.

Полковник Н. Е. Гребенюк, использовавший в своей работе текст полковника Шкатова, не смог разобраться в полной мере в имевшейся там информации и очень путано сообщает об усовершенствованиях 1768 и 1783 годов, в ряде случаев вводя читателей в заблуждение. См.: История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 342, 518, 568.

³⁰ Ведомость. Сколько именно в каких годах содержалось в Артиллерии медных полевых и полковых орудий / [Аракчеев А. А.] Краткое историческое описание древних российских пушек, с приобщением некоторых разсуждений, о 12 фунтовых новых пушках. СПб., 1807. Приложение. С. 4–9.

³¹ Каталог материальной части отечественной артиллерии. С. 138. № 240 (№ ГК 13361905).

³² Там же. С. 60. № 81 (№ ГК 14311597).

³³ Вессель Е. Х. Начальные основания артиллерийского искусства. С. 78, 133.

³⁴ Каталог материальной части отечественной артиллерии. С. 60. № 82.

³⁵ № ГК 25690237 и ГК 25690225.

³⁶ Каталог материальной части отечественной артиллерии. С. 75. № 103.

³⁷ Там же. С. 62. № 84.

³⁸ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 186–189.

³⁹ Более полные параметры 1/2-пудового единого и его изображение можно увидеть в атласе «Новая артиллерия». Это орудие имело отличия в пропорциях от единых большего калибра.

⁴⁰ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 189.

⁴¹ Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 342; Шкатов. Ук. соч. С. 181, 194. Самые ранние сведения о характеристиках новых орудий мы можем найти в «Кратких артиллерийских записках» 1789 года (С. 18–19, Таблица Б). Те же характеристики опубликованы во всех упомянутых учебниках и справочниках XIX века.

⁴² Каталог материальной части отечественной артиллерии. С. 114. № 192 (№ ГК 15887321) и № 193 (№ ГК 12849278).

⁴³ № ГК 19858427 и № ГК 19858421.

⁴⁴ Шкатов. Ук. соч. С. 205. Ссылается на ЦГВИА. Ф. 5. Оп. 77. Св. 274. Ех. 929. Л. 3. 1797 г.

- ⁴⁵ Родионов Е. А. Коллекция оружия Гатчинского дворца. СПб., 2012. Т. 1. С. 247. № 191.
- ⁴⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инспекторская. Д. 640. Л. 4.
Обращаем внимание, что сведения о производстве таких единокоров в Брянске (Л. 6) являются писарской ошибкой.
- ⁴⁷ Каталог материальной части отечественной артиллерии. С. 141. № 247 (№ ГК 13864417) и № 248.
- ⁴⁸ Там же. С. 61. № 83. (№ ГК 12679800).
- ⁴⁹ Вессель Е. Х. Артиллерия. С. 59, 108, 122.
- ⁵⁰ Шкатов. Ук. соч. С. 91.
- ⁵¹ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 189.
- ⁵² Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 193, 199, 266, 345, 346.
- ⁵³ [Аракчеев А. А.] Краткое историческое описание древних российских пушек. Приложение. С. 4–7.
- ⁵⁴ См.: Игошин К. Г. Единокор «старой конструкции». К вопросу о потерях материальной части российской артиллерии в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XVII международной конференции, 5–7 сентября 2011 г. Можайск, 2011. С. 71–78.
- ⁵⁵ Каталог материальной части отечественной артиллерии. С. 113. № 191.
- ⁵⁶ Мы вновь вынуждены опираться на отчёт Шкатова (С. 185, 193), а не на «Историю отечественной артиллерии», в которой примерно ту же информацию полковник Н. Е. Гребенюк даёт очень сжато и нечётко, опуская все подробности и даты (С. 463, 518).
- ⁵⁷ Каталог материальной части отечественной артиллерии. С. 138. № 243.
- ⁵⁸ Они принадлежат Музею истории Санкт-Петербурга: № КП-264549, инв. № VI-A-64-О, и № КП-264548, инв. № VI-A-187-О.
- ⁵⁹ Любопытно, что в коллекции Музея армии в Стокгольме есть отлитый в Петербурге в 1789 году 12-фунтовый единокор для пешей артиллерии с такими заплечиками (INV AM.010126). Этот вопрос требует дополнительного исследования.
- ⁶⁰ Об этом сообщает капитан 2-го Кадетского корпуса С. А. Маркевич (сын А. И. Маркевича) в развёрнутом примечании № 36 в своём переводе книги К. Деккера «История артиллерии». Деккер К. История артиллерии от её происхождения до 1822 года. СПб., 1833. С. 115.
- ⁶¹ Каталог материальной части отечественной артиллерии. С. 148. № 264.
- ⁶² Там же. С. 140. № 246. (№ ГК 13361969)
- ⁶³ Там же. С. 149. № 265.
- ⁶⁴ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 185–186, 188.
- ⁶⁵ Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 194. См. также атлас «Новая артиллерия».
- ⁶⁶ Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 189.
- ⁶⁷ Шкатов. Ук. соч. С. 80, 87.
- ⁶⁸ Там же. С. 93.
- ⁶⁹ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 199.
- ⁷⁰ Шкатов. Ук. соч. С. 129, 162.
- ⁷¹ В коллекции Музея армии в Стокгольме есть два таких единокора, захваченных в ходе русско-шведской войны 1808–1809 годов (INV AM.010134 и AM.010135).
- ⁷² Каталог материальной части отечественной артиллерии. С. 116. № 199 (№ ГК 20697179).

- ⁷³ Шкатов. Ук. соч. С. 185, 189, 193.
- ⁷⁴ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 470.
Полковник Гребенюк не разобрался в том, что 6-фунтовые и 8-фунтовые единогогои суть одно и то же.
- ⁷⁵ В коллекции Гатчинского дворца-музея есть 8-фунтовый единогого под № 77 (Родионов Е. А. Ук. соч., С. 246. № 190).
- ⁷⁶ ПСЗ-1. Т. 43. № 18.430.
- ⁷⁷ Каталог материальной части отечественной артиллерии. С. 113. № 190 (№ ГК 15887335) и С. 115. № 194. (№ ГК 15887299).
- ⁷⁸ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 190.
- ⁷⁹ Шкатов. Ук. соч. С. 104.
- ⁸⁰ Шувалов П. И. Практика единогогогов. С. 40.
- ⁸¹ [Аракчеев А. А.] Краткое историческое описание древних российских пушек. Приложение. С. 4—9.
- ⁸² ПСЗ-1. Т. 37. № 28.174.
- ⁸³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инспекторская. Д. 640. Л. 3 об.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 3. Оп. ШГФ. Д. 5502. Л. 106, 110.
- ⁸⁵ Каталог материальной части отечественной артиллерии. С. 138. № 241 (№ ГК 10783409) и № 242 (№ ГК 11400303).
- ⁸⁶ Там же. С. 116. № 197 и № 198.
- ⁸⁷ Там же. С. 140. № 245.
- ⁸⁸ Игошин К. Г. Материальная часть российской полевой артиллерии конца XVIII — первой четверти XIX века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Девятой Международной научно-практической конференции 15—17 мая 2019 года. СПб., 2019. Ч. 1. С. 464—466.

В. В. Ионов (Москва)

**АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ
НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЕ ПУНКТЫ
(ИЗ ОПЫТА 1-го ДИВИЗИОНА
409-го АРТИЛЛЕРИЙСКОГО НАРВСКОГО ПОЛКА
131-й РОПШИНСКОЙ СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА)**

В ХОДЕ Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. одной из важных задач артиллерийской разведки являлось наблюдение за полем боя. Оно велось непрерывно с наземных артиллерийских наблюдательных пунктов (НП)¹, с момента их занятия и до момента оставления. Наблюдение вели артиллерийские офицеры и разведчики-наблюдатели днем и ночью, до момента оставления НП.

Наблюдательные пункты артиллерии разворачивались, как правило, на удалении 1–1,5 км от переднего края обороны противника². Управление артиллерией и дивизиями осуществлялось через командующих артиллерией соединений и их штабы.

С НП тщательно изучали местность в порученной полосе наблюдения, занятую противником и своими войсками, группировку противника и систему его обороны, неослабно следили за расположением и деятельностью вражеских войск и своих войск, вели наблюдение за результатами стрельбы своей артиллерии.

В целом совокупность НП, связанных между собой средствами связи, составляли систему наблюдения. В ней пункты выбирали с таким расчетом, чтобы участок местности, не просматриваемый с одного пункта, просматривался с других.

Схемы полей невидимости для всех наблюдательных пунктов вычерчивались для суждения о полноте просмотра полосы разведки.

На каждом НП велись следующие документы: журнал разведки; журнал целей; схема ориентиров; ориентирная схема; артиллерийская панорама впереди лежащей местности³. НП выбирались и оборудовались в соответствии с поставленной им задачей и должны были обеспечивать наилучшее выполнение боевой задачи; хороший обзор; скрытность размещения людей и приборов; надежность связи с другими элементами боевого порядка своего подразделения или части и с командиром поддерживаемого пехотного подразделения; скрытность подхода.

В зависимости от назначения и возложенных на них задач НП могли быть: командирские, передовые, боковые, временные, ближние, запасные и ложные.

При выборе НП стремились, чтобы они не имели скрытых подступов со стороны противника и по возможности находились в танконедоступных районах. Необходимо было избегать расположения пунктов вблизи резко выделяющихся местных предметов и контурных точек, особенно если они имелись на карте, а также на возвышенностях, проектирующихся на фоне неба.

В настоящем докладе⁴ мы сообщим несколько оригинальных примеров по выбору, оборудованию и маскировке НП 1-го дивизиона (капитан А. Г. Золотарёв) 409-го артиллерийского Нарвского полка (подполковник А. В. Бердников, с ноября 1944 г. — подполковник Л. В. Носов) 131-й Ропшинской стрелковой дивизии, не останавливаясь на приемах наблюдения, так как это потребует отдельного рассмотрения.

В январе 1943 г. 131-я стрелковая дивизия (полковник М. А. Песочкин, с ноября 1943 г. — полковник, с июня 1944 г. — генерал-майор Герой Советского Союза П. Л. Романенко) выступила на Ленинградский фронт и 6 февраля, сосредоточившись в районе Новосаратовской Колонии, вошла в состав 55-й армии (командующий — генерал-майор артиллерии, с августа 1943 г. генерал-лейтенант В. П. Свиридов) и находясь в резерве до 19 марта 1943 г. готовила свои воинские части к наступательным действиям. В течение марта дивизия вела наступательные бои в районе Красный Бор, но успеха не имела и 1 апреля перешла к жесткой обороне, нанося противнику большие потери в его живой силе и военной технике.

В ноябре 1943 г. соединение было переброшено в район города Ораниенбаума и вошло в состав 2-й Ударной армии (командующий — генерал-лейтенант В. З. Романовский, с декабря

1943 г. — генерал-лейтенант И. И. Федюнинский). В течение 2,5 месяцев готовилось к прорыву оборонительной полосы противника в районе Порожки. 14 января 1944 г. дивизия в составе 2-й Ударной армии перешла в наступление в общем направлении на Ропшу, прорвали глубоко эшелонированную оборону противника и, ведя напряженные бои в течение 5 дней, продвинулись на 20 км, овладев несколькими населенными пунктами, в том числе и Ропшей. За эти успешные действия дивизия была отмечена в приказе Верховного главнокомандующего Маршала Советского Союза И. В. Сталина от 19 января 1944 г., в котором соединению объявлена благодарность и присвоено наименование «Ропшинская». Многие из состава дивизии получили ордена и медали, а полковнику П. Л. Романенко было присвоено звание Героя Советского Союза.

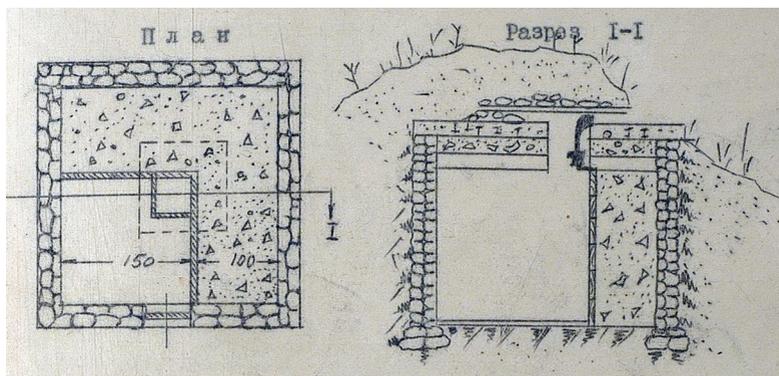
Специфика условий долговременной обороны и подготовки к наступлению на Ленинградском фронте (командующий — генерал-полковник, с ноября 1943 г. генерал армии, с июня 1944 г. Маршал Советского Союза Л. А. Говоров) потребовала поисков в оборудовании устойчивых НП, описание которых нам не встречалось в литературе, дававшей типовые НП.

Несмотря на однообразный характер лесисто-болотистой местности, часто приходилось сталкиваться с особенностями, которые требовали каждый раз своеобразного подхода к выбору НП и материала.

НП в каменном сарае

У станции Поповка Октябрьской железной дороги в расположении передовых траншей подразделений одного из стрелковых полков дивизии был оборудован НП в маленьком каменном сарае, оказавшемся обваленным шлаком и землей, покрытыми травянистой растительностью. Близость противника (100—150 м) потребовала, кроме укрепления пункта, тщательной маскировки как при производстве работ, так и при ведении наблюдения. В силу особого расположения линии фронта (вклинения 131-й стрелковой дивизии в оборону противника) участок не подвергался обстрелу орудий прямой наводки.

Для укрепления стен сарая пришлось построить внутри него деревянные переборки. Метровый забор между переборками и стенами сарая завалили камнями и землей (ил. 1)⁵. Имевшееся

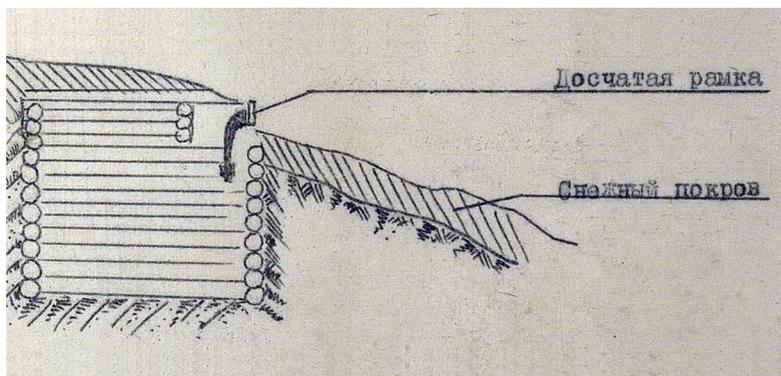

Ил. 1. Чертеж 1

тонкое железобетонное перекрытие усилили снизу шпалами и засыпкой. В потолке был пробит колодец, заканчивающийся сверху площадкой с амбразурой, открывающей сектор наблюдения в восемь часов вечера (20-00). Площадка имела легкое перекрытие с каменно-земляной засыпкой сверху. Все работы производились внутри сарая, за исключением маскировки и подсыпки сверху, которые делали ночью.

Амбразура впереди маскировалась редкой сеткой с вплетенной травой. Заметим, что артиллерийские наблюдательные пункты всегда служили предметом особого внимания разведки противника как наземной, так и воздушной, так как их разрушение или хотя бы только ослепление нарушало управление огнем. Поэтому основными требованиями при оборудовании пунктов являлась их прочность, и в особенности тщательность маскировки. Маскировка должна была проводиться непрерывно как при выборе пунктов, так и при оборудовании и работе на них.

Малейшее несоответствие цвета маскировочного материала с фоном окружающей местности, появление людей, блеск стекол приборов, незамаскированные линии связи, протоптанные тропинки, топка печей в блиндажах в дневное время, — все это демаскировало НП. Чаще всего противник обнаруживал НП советской артиллерии в момент их занятия, поэтому при таких обстоятельствах нужно было особенно тщательно соблюдать маскировочную дисциплину.

Ил. 2. Чертеж 2

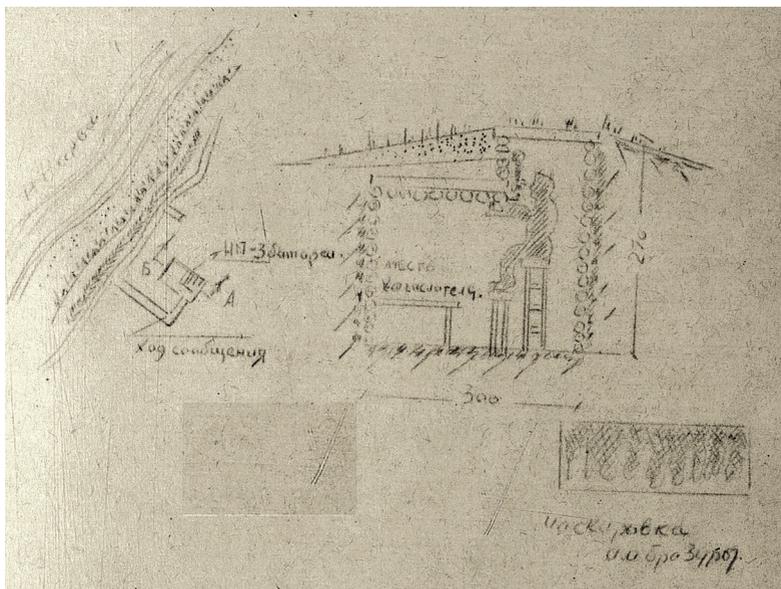
НП под снежным покровом

При прорыве долговременной обороны с плацдарма южнее Ораниенбаума потребовалось расположить часть НП 1-го дивизиона на обращенном к противнику склоне горы Колоколья. Основной особенностью условий расположения НП являлся глубокий и уплотненный снежный покров. Предстояло построить НП на опушке леса, замаскировав под снег.

Сруб был заготовлен заранее, к месту оборудования НП в снегу была проделана траншея и произведены необходимые земляные работы. При этом земля на поверхность не выбрасывалась, и окружающий снежный покров в целях маскировки не нарушался. Ночью была произведена установка сруба в котлован, после чего всему участку работ придали характер местности, покрытой снегом. Единственным демаскирующим пятном могла оказаться амбразура. Вопрос маскировки амбразур был разрешен весьма просто. На рамку, сделанную по размерам амбразур, натягивалась редкая марля. Оказалось, что при установке стереотрубы таким образом объективы касались марли, которая не мешала наблюдению. Белая марля, закрывающая амбразуру, уже на 100–200 м маскировала амбразуру на снежном фоне (ил. 2).

НП на отрывистом берегу реки

До 10 апреля 1944 г. 131-я стрелковая дивизия вела наступательные бои по освобождению районов Ленинградской области и Эстонской Советской Социалистической Республики. После

Ил. 3. Чертеж 3

этого она была выведена из боев и направлена на Курголовский полуостров для укомплектования и подготовки к последующему наступлению. 25 июля 1944 г. дивизия перешла в наступление на участке Нарва, Йыэсу, Риги с форсированием реки Нарва и за три дня напряженных боев продвинулись на 15 км, овладев городом Нарва. За успешно проведенную операцию по форсированию реки Нарва дивизия была награждена орденом Красного Знамени. Вторично объявлена благодарность Верховным главнокомандующим в приказе, а все полки дивизии получили наименование «Нарвских». До сентября 1944 г. дивизия вела наступательные, а затем оборонительные бои на различных участках фронта, юго-западнее Нарвы.

При прорыве обороны противника с форсированием р. Нарва, южнее г. Нарва-Йыэсу, НП располагались по линии траншей 131-й стрелковой дивизии, идущих вдоль обрыва берега. Здесь шла безлесная полоса на 150–200 м, и всякое изменение контура берега, связанное с земляными работами, должно было отчетливо замечаться противником. Исходя из этих условий, НП дивизиона оборудовались следующим образом (ил. 3). Одновременно

с выемкой для НП, в ночное время производилось углубление идущей вдоль берега траншеи для того, чтобы поднять ее бруствер и замаскировать НП до окончания работ. Стенки НП укреплялись тонким накатником, а перекрытие составлялось из наката в два ряда толстых бревен. Убежище делалось на одном уровне с поверхностью земли, амбразура — на ее уровне. Для стереотрубы устанавливался небольшой колодец (вверх) с тонким перекрытием. Бревна, торчащие из земли, обмазывались глиной, под цвет окружающей местности. Поверх земляной засыпки рассаживали траву.

После этого днем намечалось, а ночью производилось разравнивание бруствера впереди лежащей траншеи, чтобы открыть поле наблюдения из амбразур НП.

Амбразура прикрывалась изрезанной мешковиной, как показано на чертеже, что не мешало наблюдению, тем более что каждый лоскут можно было приподнять.

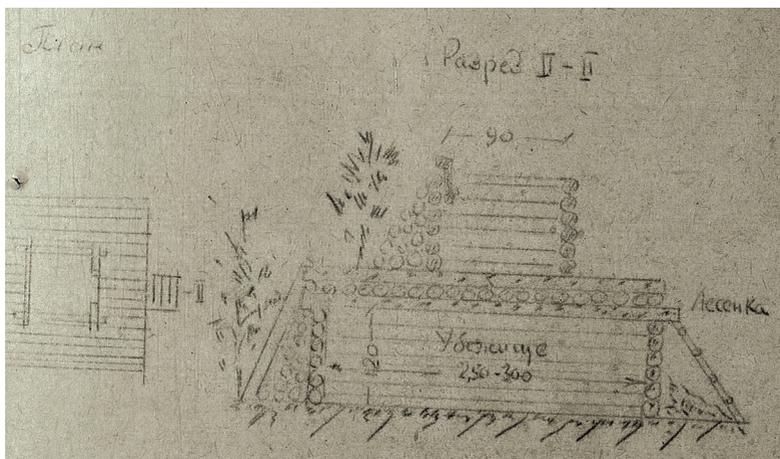
Впоследствии, находясь на противоположном берегу, один из офицеров-артиллеристов проверял надежность описанной маскировки и убеждался, что, даже точно зная местоположение НП, трудно его обнаружить.

НП на болоте в лесу

19 сентября 1944 г., дивизия, находясь в составе 109-го стрелкового корпуса (командующий — генерал-лейтенант И. П. Алферов) 8-й армии (командующий — генерал-лейтенант Ф. Н. Стариков), перешла в наступление в общем направлении Йыхва, Тапа и вела бои с отходящими воинскими частями противника.

В период подготовки операций по изгнанию врага из Эстонии передний край участка фронта за Нарвой находился в заболоченных лесах. В районе канала Кожо-Краав все инженерные сооружения переднего края пришлось производить на поверхности земли, так как сделать углубление ниже верхнего слоя почвы не представлялось возможным.

Поднимать НП на вершины деревьев, в лесу под артогнем, было невозможно и не давало лучших условий для наблюдения. Отсюда определялся и способ оборудования НП (ил. 4). Из леса строилось невысокое убежище с 2—3 накатами перекрытия. На убежище ставился сруб в виде небольшого колодца с легким перекрытием, и здесь помещалась стереотруба и один наблюдатель.

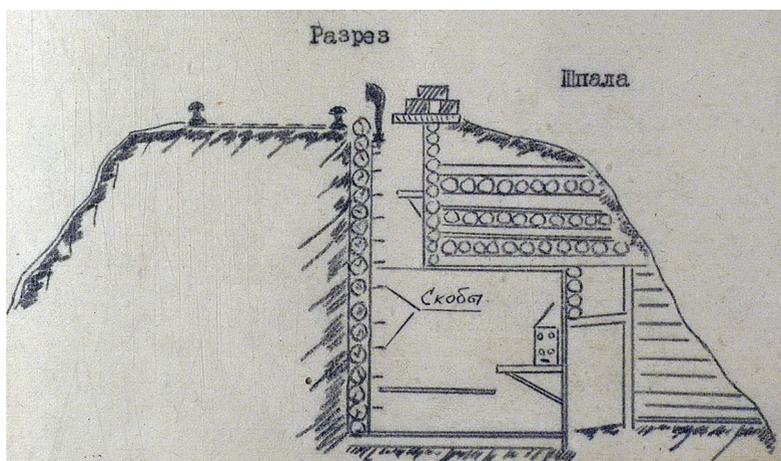
Ил. 4. Чертеж 4

Колодец не имел люка, соединяющего его с убежищем через крышу, так как это ослабило бы и усложнило конструкцию. Стенки убежища и колодца обставлялись со всех сторон, в том числе и над входом, короткими бревнами.

С течением времени НП (по возможности) укреплялся «подваливанием» бревен. НП тщательно маскировался под окружающий лес.

КНП в железнодорожной насыпи

В обороне под Красном Бором железнодорожная насыпь была единственным местом на участке дивизиона, где можно было сделать надежное укрытие и откуда лучше всего просматривался противник. Убежище КНП было устроено глубоко в насыпи под 5–6 накатами с рельсами. Попадание 150-мм снаряда в покрытие убежища не нарушило его. Для наблюдения был выведен колодец, вверх до уровня железнодорожного полотна, покрытием для него послужила найденная броневая плита. С тыльной стороны объективов трубы вдоль полотна были в беспорядке разбросаны шпалы с расчетом, чтобы головки труб не проектировались на горизонте. В иной маскировке всего НП необходимости не было. Все работы по устройству НП производились в дневное время со стороны насыпи, не наблюдаемой противником (ил. 5).

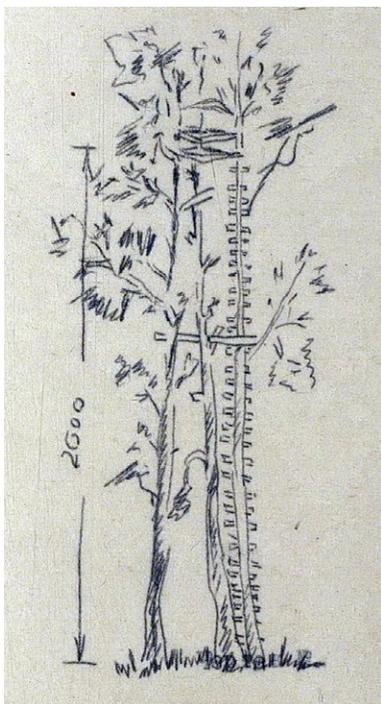

Ил. 5. Чертеж 5

НП на вершинах деревьев

Необходимость устройства НП на деревьях в условиях сплошного леса очевидна (ил. 6). Из практики дивизиона при подготовке прорыва у д. Порожки можно указать на два случая. В одном — НП было устроено на трех рядом растущих деревьях, на высоте до 30 м. Оказалось, что на такой высоте наблюдатели не подвергались воздействию осколков снарядов и мин, разрывающихся на земле вблизи НП. В другом случае, когда противник простреливал вершины пулеметным огнем, артиллеристы применили в качестве защиты найденный щит противотанковой вражеской пушки.

27 сентября 1944 г. 131-я стрелковая дивизия вышла на побережье Балтийского моря. 5 октября ее воинские части форсировали пролив Муху Вяйы и высадились на северном побережье острова Эзель. Наступая по северному побережью, а затем по западному, дивизия в составе 8-го стрелкового корпуса (командующий — генерал-лейтенант Л. А. Пэрн), во взаимодействии с воинскими частями последнего, в течение 5 дней, до 10 октября 1944 г. освободила остров Эзель. В последующем дивизия вела бои на полуострове Сырвэ, опять в составе 109-го стрелкового корпуса, и 25 ноября 1944 г. закончила освобождение ЭССР,

Ил. 6. Чертеж 6

особое значение инициативе и изобретательности оборудующих НП и всемерно поощрять это.

сбросив войска противника в Балтийское море. За окончательное изгнание врага с территории советской Эстонии и за ее освобождение дивизия получила 3-ю благодарность от Верховного главнокомандующего, Маршала Советского Союза И. В. Сталина. После завершения боев на островах соединения выполняло задачи по охране государственной границы, дислоцировалось на островах Эзель и Даго.

Таким образом, в настоящей статье рассмотрено не все разнообразие в оборудовании НП, имевшее место в 1-м дивизионе 409-го артиллерийского Нарвского полка, но из приведенного допустимо сделать вывод, что, давая в наставлениях образцы НП, следует в конкретной обстановке придавать

¹ Наблюдательным пунктом называется специально оборудованное место, с которого ведется наблюдение за противником, за результатами своего огня и действиями своих войск.

² Артиллерия в бою и операции // Г. Е. Передельский, А. И. Токмаков, Г. Т. Хорошилов. М.: Воениздат, 1980. С. 30.

³ Действия артиллерийских подразделений в Великой Отечественной войне. Сборник 1. Боевые примеры // Штаб Артиллерии вооруженных сил Союза ССР. М.: Воениздат, 1947. С. 27.

⁴ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 217. Оп. 1221. Д. 736. Л. 37–45.

⁵ Чертежи (ил.) подготовил командир отделения топовычислительного взвода 3-го дивизиона 409-го артиллерийского Нарвского полка, красноармеец И. И. Цуканов.

*Т. Н. Ильина, **А. Н. Митяев** (Санкт-Петербург)*

ПУШКИ В. С. БАРАНОВСКОГО

Светлой памяти коллег:
А. Н. Митяева, О. Ф. Цыганкова
посвящается

Н АШ РАССКАЗ об уникальной коллекции выдающегося изобретателя оружия, гордости российской конструкторской мысли Владимира Степановича Барановского мы начинаем с необычного предисловия.

Речь пойдет о людях, которым мы посвятили эту работу, — об Александре Николаевиче Митяеве и Олеге Федоровиче Цыганкове. В недавние годы в музее еще был штат военнослужащих офицеров и прапорщиков. Для военного музея, обладающего большими коллекциями оружия, эти люди — профессиональные военные, с их знаниями, навыками обращения с оружием и ухода за ним, способностью профессионально изучить и оценить военно-технические изобретения, были чрезвычайно важны. Среди прочих проходили в Артиллерийском историческом музее военную службу два светлых человека — подполковник А. Н. Митяев и старший прапорщик О. Ф. Цыганков. К обоим коллектив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) неизменно относился с уважением и симпатией. Объяснялось это замечательными чертами обоих наших коллег: высоким профессионализмом, неизменной доброжелательностью, удивительной работоспособностью и трудолюбием. Все любили этих молодых людей за их доброе сердце и золотые руки.

Александр Николаевич Митяев родился 16 октября 1959 года в деревне Сергиевское Кировского района Тульской области (ил. 1). В 1976 году окончил среднюю школу, в 1981 году — Тульское высшее артиллерийское инженерное училище имени Тульского пролетариата. Это было великолепное военно-учебное заведение, готовившее профессионалов, военных инженеров-оружейников и артиллеристов-техников высочайшего класса, которые не только знали, но чувствовали оружие. Такие специалисты для музея,

Ил. 1. Александр Николаевич Митяев (1959—2011)

что называется, «на вес золота». Александр Николаевич, имея опыт службы в войсках, пришел в Артиллерийский исторический музей на должность старшего научного сотрудника отдела фондов в декабре 1995 года. Он был скромным человеком, не афишировал награды, но сотрудники музея с уважением видели на его груди в дни праздников, когда офицерам положено прибыть в парадной форме, кроме прочих, особо почитаемую награду — медаль «За боевые заслуги». Опытное оружие всегда ново, многовариантно, неожиданно, изучать его крайне сложно. Высокий профессиональный уровень, глубокие знания, практический опыт, умения «золотых» рук помогали Александру Николаевичу быстро вникать в сущность секретов технических изобретений XIX—XX веков, почувствовать и понять замыслы и секреты создателей опытных вариантов оружия. Когда один из выпускников Военно-механического института (Военмеха) избрал темой своей дипломной работы конструкторскую деятельность В. С. Барановского, именно подполковник А. Н. Митяев стал его научным руководителем в музее. Александр Николаевич Митяев был отличным начальником фондового отдела: профессиональные знания позволяли видеть все стадии и этапы работы, грамотно и четко организовывать деятельность отдела. Он был настоящим «отцом солдат», на доброжелательное отношение и заботу

люди отвечали ему искренним и глубоким уважением. К сожалению, Александр Николаевич не успел получить звания полковника, началась очередная «оптимизация», штат военнослужащих сократили, согласно правилам, офицер обязан был увольняться от службы, прослужив установленный срок. В октябре 2003 года Александр Николаевич Митяев уволился из музея. Найти себе место вне военной службы Александр Николаевич не смог. На 53-м году жизни 5 сентября 2011 года Александр Николаевич Митяев скончался. По сей день, все, кто знал Александра Николаевича, кому довелось с ним служить и работать, оплакивают эту горькую утрату.

Чтобы заполучить в музей такого классного специалиста, артиллерийского техника, каким был старший прапорщик (1979 г. — прапорщик, 1988 г. — старший прапорщик) **Олег Федорович Цыганков**, начальник фондового отдела Артиллерийского музея полковник В. А. Макаров использовал все возможные рычаги, красноречие и личные контакты (ил. 2). В декабре 1988 года удалось добиться перевода Олега Федоровича в музей из воинской части, где не хотели расставаться с отличным работником. Уроженец славной белорусской земли Олег Федорович Цыганков родился 12 сентября 1957 года в городе Гауссы Могилевской области. После окончания школы был призван в ряды Советской Армии, остался на военной службе, окончил школу прапорщиков. Олег Федорович Цыганков с декабря 1988 года неустанно трудился на благо музея: предметом его забот были гигантские оружейные и орудийные коллекции, уход за ними, смазка, покраска. Он готовил, оформлял все выставки и экспозиции музея в течение 10 лет. Олега, как говорят, «разрывали на части», — самые сложные, тяжелые и ответственные

Ил. 2. Олег Федорович Цыганков (1957—1998)

технические работы лежали на его плечах, а на его лице оставалась неизменная добрая улыбка. Но большое сердце не выдержало. Олег Федорович умер 3 февраля 1998 года (в 40 лет), оставив любящую красавицу-жену Ольгу Юрьевну Цыганкову, двух замечательных сыновей: Виталия (1981 г. р.) и Александра (1985 г. р.). Олег Федорович Цыганков похоронен на Смоленском православном кладбище. Добрую память о нем хранят все, кто был знаком с этим светлым человеком.

Вместе с Александром Николаевичем Митяевым и Олегом Федоровичем Цыганковым мы планировали сделать описание коллекции пушек В. С. Барановского в собрании музея, но успели только начать эту работу. Александр Николаевич и Олег Федорович, фиксируя на фото, произвели разборку и описание деталей затворов части собрания пушек Барановского, затем их смазку и сборку в первоначальный вид. Фотографии, сделанные ими, мы приведем в описании орудий.

Храня благодарную память, мы посвящаем эту работу двум замечательным людям — Александру Николаевичу Митяеву, Олегу Федоровичу Цыганкову (ил. 3, 4, 5).

Ил. 3. Авторский коллектив при подготовке выставки охотничьего оружия. Слева направо, стоят: смотритель выставки, О. Ф. Цыганков, А. Г. Александров, П. В. Горегляд, А. Н. Митяев, В. Г. Изотов, А. Н. Кулинский. Сидят: В. Прямик, Н. В. Ломакин, А. А. Белинский

Ил. 4. Авторский коллектив в день открытия выставки «Судьба винтовки», посвященной 100-летию принятия на вооружение 3-линейной винтовки обр. 1891 г. (слева направо): О. Цыганков, Сидорова, Г. Сташко, Т. Ильина, В. Пономарев. Апрель 1991 г.

Ил. 5. Выставка «Автоматы Калашникова». Слева направо: В. Пономарев, О. Цыганков, Ю. Нацваладзе, А. Белинский, А. Белых. 1994 г.

Часть I. Владимир Степанович Барановский

Глава 1

1. Имя В. С. Барановского в российской историографии

Имя выдающегося изобретателя Владимира Степановича Барановского, трагически погибшего на 33-м году жизни, не было забыто в оружиеведческой литературе. Публикации конца XIX — начала XX века отличаются детальным, высоко профессиональным научно-техническим анализом изобретений В. С. Барановского и значения его деятельности для России, русской армии, для развития вооружения в мире.

Военная энциклопедия И. Д. Сытина рассказывала о В. С. Барановском и его изобретениях, на четверть века опередивших свое время:

«Барановский Владимир Степанович — предтеча современной скорострельной артиллерии, разработавший еще в 1875 году первый не только в России, но и за границей образец скорострельной малокалиберной полевой и горной пушки. В орудиях Барановского были намечены или осуществлены главные элементы и принципы современной скорострельной артиллерии, которые для того времени были настолько новыми и смелыми, что вызывали, по-видимому, сомнение в применении их и возможности удовлетворительного осуществления на практике»¹.

В этой великолепной энциклопедии помещены чертежи затвора пушек Барановского, пушки для десанта, гильзы, компрессоры в разрезе, судовой установки. В «Морском сборнике» № 10 1882 года (С. 78) статья А. Шварсалона «Десантные орудия и шлюпочный станок Барановского» познакомила читателя с подробным описанием 2,5-дюймовой пушки системы В. С. Барановского на упругом лафете конструкции его двоюродного брата Петра Викторовича Барановского.

В журнале «Военный сборник» № 2 1873 года, в статье «Скорострельная пушка как кавалерийское орудие» приведен сравнительный анализ картечниц Р. Гатлинга и В. С. Барановского².

В 1877 году в Петербурге было издано «Описание к атласу чертежей орудий русской артиллерии. Часть 1. Орудия образца 1877 года», составленное штабс-капитаном Корневым. Книга включала «Описание 2,5-дюймовой горной пушки системы Барановского» (С. 20).

Подробные сведения о пушках Барановского содержали Артиллерийские журналы 1884 года № 6, № 9 (таблицы 1, 4) и № 4; опубликованы «Таблицы стрельбы из стальной горной пушки системы Барановского». СПб., 1880. Прообраз пулемета — картечьница Барановского была создана под стволы и патроны штатной винтовки системы Бердана. С принятием их на вооружение издали «Наставление для переснаряжения металлических патронов к малокалиберному ручному оружию и к скорострельным пушкам» (СПб., 1871).

Материалы об изобретениях В. С. Барановского были помещены в «Очерке преобразований в артиллерии 1863—1877 гг.» (СПб., 1877).

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (СПб., 1892. Т. 3. С. 33; Т. 4. С. 388) содержит статьи о Владимире Степановиче Барановском и его отце Степане Ивановиче. Об ученом, изобретателе Степане Ивановиче Барановском подробно рассказывает второй том словаря Семена Афанасьевича Венгерова (1855—1920 гг.)³. Имя В. С. Барановского было хорошо знакомо артиллерийским офицерам конца XIX — начала XX века не только потому, что орудия Барановского состояли на вооружении. О выдающемся изобретателе, «пионере нашей скорострельной полевой и горной артиллерии» офицеры узнавали еще во время учебы, поскольку материалы о Барановском содержались в учебниках, которые они усердно изучали в училищах: Нилус А. История материальной части артиллерии. СПб., 1904. Т. 2; Шкларевич В. Н. Курс артиллерии. СПб., 1881; Яцыно И. А. Курс морской артиллерии. СПб., 1896. О Барановском писал В. Г. Федоров в книге «Исследования о пулеметах» (1907 г.).

В советское время материалы о выдающемся изобретателе продолжали публиковать. В журнале «Известия Артиллерийской академии РККА им. Дзержинского» (Т. XXI. Л. 1936. С. 106—139) была помещена статья Д. Е. Козловского «Исторический очерк развития затворов артиллерийских орудий» с особым разделом «Затворы Барановского». Фундаментальные труды по материальной части русской артиллерии знает каждый, кто изучает историю русского оружия. О Барановском писали «Артиллерийский журнал» 1948 г., «Техника и вооружение» 1981 г.⁴

В 1965 году в Саратове была издана книга И. Миксона «Владимир Барановский». Если отбросить обязательные для того времени упоминания о прогнившем царизме, страданиях талантливых

русских людей из-за пренебрежения царского правительства ко всему русскому и преклонении перед иностранцами, эта книга заслуживает безусловного уважения и внимания, поскольку автор создал ее на основе глубокого изучения архивных источников. Статьи о Владимире Степановиче Барановском и его отце Степане Ивановиче опубликованы в первом томе энциклопедии «Отечественная история»⁵. Они были подготовлены правнуком Степана Ивановича Барановского Игорем Глебовичем Нордегой.

О В. С. Барановском писали В. В. Мавродин, Вал. В. Мавродин в настольной книге каждого оружейведа «Из истории отечественного оружия. Русская винтовка» (Л., 1984).

Материалы о В. С. Барановском содержит фундаментальное издание Артиллерийского исторического музея: «История отечественной артиллерии». Т. II. Кн. 4. М.-Л., 1966. Материалы о Барановских размещены и в интернете.

2. Документальные и вещественные источники исследования

Важнейшими источниками, рассказывающими о жизни и деятельности Владимира Степановича Барановского являются документы архива ВИМАИВиВС, а также вещественные памятники — уникальная коллекция его орудий и боеприпасов, которую музей хранит с 1870-х годов.

Документальные исторические источники, законодательные, делопроизводственные, картографические, представляют собой чертежи орудий на разных стадиях их создания и модернизации; журналы (протоколы) заседаний научного артиллерийского центра России — Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления (Арткома ГАУ). В этих журналах зафиксированы результаты изучения изобретений и их испытаний, программы усовершенствований по результатам испытаний. Среди архивных источников документы о принятии на вооружение, производственная документация; чертежи орудий и принадлежности к ним, таблицы стрельбы, инструкции для изучения и руководства стрельбы⁶.

Особую ценность представляют *вещественные источники* — коллекция уникальных орудий, унитарных патронов к ним, изобретенных В. С. Барановским, которую в конце XIX века решено было собрать, доставить с полигонов и арсеналов и сохранить для истории в Артиллерийском музее. Этот завет — сохранять реликвии для истории, для потомков выполняли все поколения

музейных работников, несмотря на революции и войны, тяжелые эвакуации и разрушительные оптимизации. Эти орудия и боеприпасы к ним может видеть каждый посетитель в зале музея, посвященном русской армии периода второй половины XIX века — 1917 г.

В 1991 году музей посетил офицер Советской армии Николай Владимирович Демидов. Он сообщил сотрудникам музея о сохранившейся на кладбище у поселка Куликово Лахденпохского района Карельской АССР могиле В. С. Барановского, о том, что офицеры и солдаты воинских частей знают имя выдающегося изобретателя оружия, возлагают к могиле цветы. Николай Владимирович объяснил, как добраться до поселка. Музей получил разрешение на посещение погранзоны, и в августе 1991 года сотрудники музея Татьяна Николаевна Ильина и Алексей Николаевич Махнев сели на поезд Ленинград-Костомукша и отправились в путь. Фотографии, сделанные Алексеем Николаевичем Махневым, запечатлели могилу В. С. Барановского на кладбище поселка Куликово, сохранившиеся неподалеку фундамент и подвал дома бывшего имения Барановских⁷. 23 августа 1991 года был произведен осмотр надгробного камня на могиле В. С. Барановского. Надгробный камень из черного гранита в форме широкого усеченного конуса на основании высотой 15 см. На лицевой стороне надпись в три строки: «Woldemar Baranovsky 18^{1-13/9} 46—18^{7-19/3} 79». Надпись в правом верхнем углу: «раб. Крутиковъ въ С.Петербурге». На плоской верхней поверхности углубление⁸ (ил. 6, 7).

Постановлением № 149 от 20 апреля 1987 года могила В. С. Барановского в поселке Куликово включена в список объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) на территории Хиитольского сельского поселения Лахденпохского муниципального района.

Глава 2. Семья В. С. Барановского

1. Краткая родословная Барановских

Иван Андреевич Барановский был женат на Фекле Михайловне Барановской, в девичестве Ярошевской. У них родились два сына — *Степан Иванович (1817—1890)* и *Виктор Иванович*.

Степан Иванович был женат на Софии-Оттилии Барановской (дочери Густава-Вильгельма Виттенгейма).

Ил. 6. Могила В. С. Барановского. Поселок Куликово Лахденпохского района Карельской АССР. Фотограф А. Н. Махнев. Снимок сделан 23 августа 1991 г. Справа небольшой надгробный камень с надписью «Петрь Барановский 1870—1872»

Ил. 7. Сохранившиеся ступеньки и вход в подвал (справа) дома Барановских. Поселок Куликово Лахденпохского района Карельской АССР. Фотограф А. Н. Махнев. Снимок сделан 23 августа 1991 г.

Их дети:

– *Владимир Степанович* (1.9.1846–7.3.1879), жена Паулина Антоновна; сын Владимир (усыновлен), дочь Мария;

– *Евгения Степановна* (р. 11.09.1851);

– *Всеволод Степанович* (26.11.1853–07.1921)⁹, генерал, жена Лидия Васильевна, дочери: Вера Всеволодовна Бирюкова, Ольга Всеволодовна Барановская;

– *Лев Степанович* (р. 06.05.1855), офицер Л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, с 1915 — генерал-лейтенант¹⁰ (ил. 8). Был трижды женат, жены: Евгения Вячеславовна, Августа Павловна, Мария Васильевна. Дочери: Ольга Львовна Керенская, Елена Львовна Тархова, Евгения, Ксения. Сыновья: Владимир Львович, генерал-лейтенант (20.05.1882–11.09.1931, арестован по делу «Весна», умер в Сиблаге), Лев, Николай (ил. 9).

Дети Виктора Ивановича Барановского: Петр Викторович, Ольга Викторовна. Племянник Степана Ивановича Барановского,

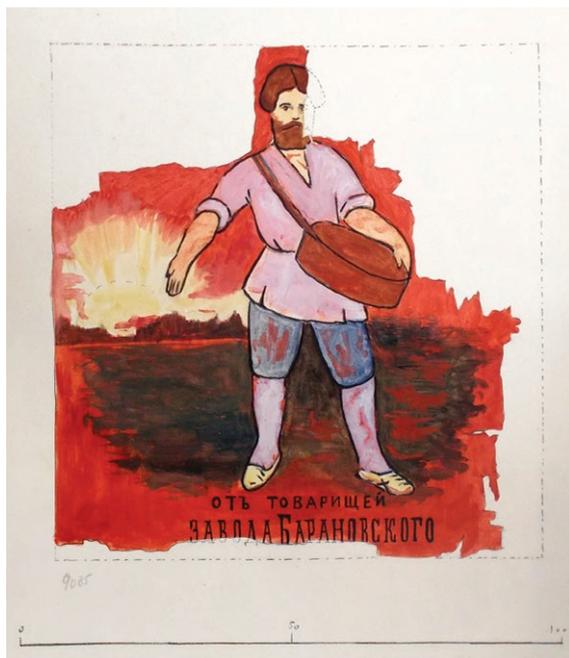
Ил. 8. Полковник Лев Степанович Барановский. Харьков. 1906 г. На груди полковой жетон и знак за окончание Николаевской академии Генерального штаба (1882 г.). Младший брат В. С. Барановского

Ил. 9. Ober-офицер Владимир Львович Барановский. Племянник В. С. Барановского. На груди орден св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Шашка — Аннинское оружие

двоюродный брат Владимира Степановича — Петр Викторович (1838—1896) прожил недолгую жизнь, всего 58 лет, родился и умер в Петербурге. Всю жизнь неустанно трудился. О Петре Викторовиче Барановском, который взвалил на свои плечи заботу о семье погибшего двоюродного брата, двух его малолетних детей, рассчитался с его долгами перед военным ведомством и наладил производство на заводе наследников брата, еще пойдет речь в нашем повествовании¹¹.

Акционерное общество механических, гильзовых и трубочных заводов П. В. Барановского (в настоящее время — ОАО «Компрессор») работало в Петрограде и после смерти Петра Викторовича, до 1918 года¹². Так, по заказу от 4 марта 1914 г., было изготовлено 9700 6-дюймовых гильз для осадных пушек системы Шнейдера, затем еще 62 025, а также 34 260 3-дюймовых гильз для противотурмовой пушки. По заказу ГАУ от 14 октября 1914 г. изготовили 1 миллион 34-секундных дистанционных

Ил. 10. Революционное знамя завода Барановского. 1917—1918 гг. Акварель, бумага. Собрание Трофейной комиссии. Инв. № 11/354-70

трубок, по заказам от 5 марта 1915г. — 420 тысяч латунных гильз к 48-линейным гаубицам, от 15 сентября 1915 г. — 350 тысяч трубок к ручным гранатам германского образца, от 1 июня 1917 — 900 тысяч гильз для 3-дюймовых горных пушек¹³. Работу остановили революционные потрясения (ил. 10).

Юный Владимир Барановский начинал свою изобретательскую деятельность под влиянием и руководством отца.

2. Отец и учитель

Степан (Стефан) Иванович Барановский (ил. 11) родился 23 декабря 1817 года в селе Капустино Мышкинского уезда Ярославской губернии. Дворянин. В 1836 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета по разряду восточных языков. В 1832—1846 гг. преподавал историю в Псковской губернской гимназии. С августа 1842 г. преподавал историю и географию во 2-й петербургской гимназии. В феврале 1843 г. по конкурсу назначен экстраординарным¹⁴ профессором кафедры русского языка и литературы Гельсингфорского¹⁵ университета. С 1853 г. — ординарный профессор и руководитель кафедры. Одновременно с мая 1844 г. также экзаменатор русского языка в учебных заведениях Абоской епархии (Або — шведское название города Турку). С 1860 г. почетный доктор историко-филологического факультета Гельсингфорского университета. В 1862 г. уволен от службы по прошению со званием заслуженного профессора, действительный статский советник. В декабре 1864 года был определен чиновником для особых поручений при государственном контролере. В сентябре 1867 назначен главным инспектором училищ Западной Сибири, кроме того, в мае 1868 утвержден в должности директора Омского тюремного отделения. Не сошелся с генерал-губернатором Западной Сибири (с 1866 г.) А. П. Хрущевым (1806—1875) и в июне 1869 г. вышел в отставку. В мае 1870 г. был причислен к Министерству внутренних дел. В январе 1875 г. — феврале 1876 г. значился чиновником сверх штата Министерства путей сообщения. В мае 1880 г. был причислен к Министерству народного просвещения, в сентябре 1881 г. окончательно оставил службу.

Статью о С. И. Барановском для энциклопедии «Отечественная история» составлял его правнук Игорь Глебович Нордега, который был убежден, что почти все изобретения Владимира

Барановского были выполнены если не при участии отца, то на основе его идей. Многочисленные научные публикации С. И. Барановского с 1840-х годов связаны прежде всего с его педагогической деятельностью. Он являлся автором ряда работ по филологии, в том числе «Руководства к первоначальному изучению русского языка» с русско-шведским лексиконом (Гельсингфорс, 1846; 2-е изд. 1881). Он составил и издал «Географический атлас древнего мира» (СПб., 1842. 3-е изд. 1850), «Краткий географический атлас современного мира» (СПб., 1845), «Полный географический атлас современного мира» (СПб., 1852. 2-е изд. 1857), учебник «Начальные основания географии» (1853). Составленное С. И. Барановским описание Финляндии было опубликовано в иллюстрированном издании М. О. Вольфа «Живописная Россия» (Т. 2. Ч. 1. СПб., М., 1882).

Кроме научной, педагогической деятельности, Степан Иванович активно занимался изобретательством. Он создал автоматический механический прибор — «путемер», позволявший измерять расстояния на местности, углы наклона и поворотов, автоматически вычерчивать профиль и план пути. В конце 1850-х годов он изобрел двигатель, работавший на сжатом газе — «духовик», который был установлен на мотовозе и испытан на Николаевской железной дороге. В 1865 году образец его «духового самоката» приобрел для музея Петербургский технологический институт. Такой же двигатель и компрессор конструкции Степана Ивановича и его сына Владимира были установлены на подводной лодке И. Ф. Александровского, которая испытывалась в 1866 г. В 1881 г. Степан Иванович создал проект «Летуна» — летательного аппарата со складывающимися крыльями. В январе

Ил. 11. Степан Иванович Барановский (23.12.1817—17.10.1890). Отец Владимира Барановского. Фотография передана в музей его правнуком И. Г. Нордегой. Впервые была опубликована им в журнале «Природа» № 3, 1993

1883 г. проект обсуждался на заседании воздухоплавательного отделения Русского технического общества. В 1870-е годы он разрабатывал проекты постройки железной дороги, связывающей Среднюю Азию с Европейской Россией, Европу с Индией и Китаем. Круг интересов этого талантливого человека был широк. Степан Иванович изучал проблемы сохранения здоровья, автор работ «О необходимости телесного воспитания» (Современник, 1845), «Гигиена» (СПб., 1860). С. И. Барановский был основателем в Финляндии антиалкогольного «Общества умеренности», создателем и председателем «Общества покровительства животным». Скончался С. И. Барановский 17 октября 1890 года в г. Ялте Таврической губернии¹⁶.

Даже краткое изложение материала о жизни и деятельности Барановского старшего, дает представление о той атмосфере научных интересов, творчества, мудрого человеколюбия, в которой рос и воспитывался юный Владимир Барановский.

3. Владимир Степанович Барановский

Владимир Степанович Барановский (ил. 12) родился в Гельсингфорсе 1 сентября 1846 года. Получил домашнее образование. Затем слушал лекции в одном из университетов Парижа, Санкт-Петербургском университете. В 1862 году шестнадцатилетний Владимир вместе с отцом трудился над созданием пневматического двигателя для подводной лодки И. Ф. Александровского. В 18 лет он уже мастер на судостроительном заводе М. Е. Кара и М. Л. Макферсона (с 1895 — Балтийский судостроительный завод), затем на заводе А. И. Шпаковского. Александр Ильич Шпаковский (1823—1881) не имел практической жилки, поэтому оборудованная им на Васильевском острове мастерская хоть и разрослась до завода, но смогла просуществовать, сражаясь с убытками, только около 15 лет. Совместная деятельность с талантливым, неутомимым изобретателем А. И. Шпаковским, безусловно, благотворно повлияла на формирование творческой личности юного Барановского, дала важный практический опыт.

В 1867—1875 годах В. С. Барановский работал механиком на «Машинном, Литейном и Оружейном заводе Людвига Нобеля¹⁷ в Санкт-Петербурге, на Выборгской стороне по набережной Большой Невки № 13/15 и 17/19». Проживал Владимир Степанович в то время по адресу: Санкт-Петербург, Сампсониевский проспект, дом 40.

Ил. 12. Владимир Степанович Барановский. Художник Альховский Д. Б. Холст, масло. 1941 г. Инв. № 3/1556

Затем он организовал и стал владельцем «Машино и пароходо-строительного завода В. Барановского» там же, в Петербурге, по адресу: Выборгская сторона, набережная Большой Невки, 65 (67). Владимир Степанович увлеченно занимался конструированием новых скорострельных орудий под унитарные патроны, изготавливал их на своем заводе, размещал заказы на заводах в Европе, участвовал в испытательных стрельбах.

Талантливый изобретатель трагически погиб 7 марта 1879 года «во время несчастного взрыва патрона, причинившего смерть изобретателю»¹⁸, при стрельбе из полевой

пушки его системы снарядами с деформированными гильзами. Отпевание проходило 11 марта 1879 года в церкви Лейб-гвардии Семеновского полка. Похоронили Владимира Степановича в Тиврольском Вознесенском приходе Великого княжества Финляндского (впоследствии — поселок Куликово Лахденпохского района Карельской АССР).

Остались сиротами вдова Паулина Антоновна и двое малолетних детей. «14 июня 1879 года в Его Императорского Величества Санкт-Петербургском Окружном суде по 7 отделению слушали дело об утверждении вдовы дворянина Паулины Антоновны и малолетних Владимира и Марии Владимировны Барановских в правах наследства. Сын усыновлен, дочь родная. Владимир Владимирович Барановский был узаконен Высочайшим указом 29 мая 1872 года как сын Владимира Степановича Барановского. Утверждена в правах наследства вдова Паулина Антоновна — в $\frac{1}{4}$ части, дочь Мария Владимировна — в $\frac{1}{8}$ части, сын Владимир — в остальных $\frac{5}{8}$ частях»¹⁹.

Санкт-Петербургская Дворянская опека «приказала: малолетних детей умершего дворянина Владимира Степановича

Барановского — сына Владимира и дочь Марию с именем, им принадлежащим, в Санкт-Петербурге и его уезде находящимся, в ведение здешней Дворянской Опекы принять и опекушкой назначить вдову дворянина Паулину Антоновну Барановскую»²⁰.

Талантливый изобретатель В. С. Барановский разработал винтовку, картечицу, скорострельные пушки. Он первым в мире добился успеха в создании полевых и горных скорострельных пушек. Условия контрактов на изготовление и поставку орудий, и принадлежности к ним, заключенных заводом В. С. Барановского с ГАУ, были таковы, что после внезапной трагической гибели конструктора, семья оказалась в долгу перед военным ведомством.

Все заботы по исполнению обязательств, расчеты с долгами взвалил на свои плечи двоюродный брат погибшего — Петр Викторович Барановский. Он действовал по доверенности, выданной Паулиной Антоновной и заверенной 29 марта 1879 года у нотариуса (контора на углу Невского проспекта и Малой Конюшенной, д. 26—14): «Милостивый государь Петр Викторович! Сим письмом предоставляю Вам, в силу проявленного Вами согласия, довести до конца все поставки, расчеты с ГАУ по заказам, полученным моим покойным мужем. В том, что Вы по этой доверенности законно учините, Вам верю, спорить и прекословить не буду»²¹.

«Поверенный наследников заводчика В. С. Барановского дворянин» Петр Викторович Барановский оправдал доверие, блестяще справился с трудными задачами, сохранил завод брата, выполнил все его обязательства, многие годы продолжал работу завода по заказам ГАУ. Из скорострельных пушек системы В. С. Барановского были сформированы горные батареи в русской артиллерии.

В 1880 году ГАУ докладывало военному министру: «Назначение на службу горных орудий системы Барановского, между прочим, первый в больших размерах опыт применения в артиллерии готового металлического патрона, т. е. того принципа, который привел к столь блестящим результатам в ручном огнестрельном оружии. Однако, хотя успех в будущем этого же принципа и в артиллерии представляется весьма возможным, но лишь непосредственный опыт в больших размерах может указать, достаточно ли выработано это дело в настоящее время и потому **трудно решиться ныне же на перевооружение всей нашей горной артиллерии пушками Барановского**»²².

Этот талантливый человек своими изобретениями на четверть века опередил время. Все, что он предложил и осуществил в полевых и горных орудиях, было применено после введения бездымного пороха в скорострельной артиллерии 1900—1902 годов. Наш рассказ об уникальных изобретениях В. С. Барановского.

Часть II. Ружье, картечница и 2-дм пушка В. С. Барановского. Рассказывают документы

«Мы не должны ставить наше вооружение даже в самую ничтожную зависимость от заграничных заводов».
Из протокола заседания Военного Совета. 1875.

Глава 1. Ружье В. С. Барановского

Творческая конструкторская деятельность Владимира Степановича Барановского относится к периоду великих реформ в России. Важнейшей составляющей преобразований была военная реформа.

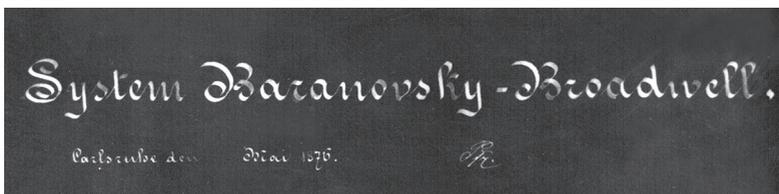
Специалисты всего мира, в том числе России, решали сложнейшие задачи создания нового казнозарядного оружия под унитарные патроны в металлических гильзах. В стороне от этих проблем не остался Владимир Барановский. Ему 25 лет, получена основательная университетская подготовка, работа на заводах дала солидный практический опыт инженера, и, что очень важно, технолога. Владимир Степанович хорошо знал возможности европейского производства. Он был не только хорошо знаком, но сотрудничал с представителем американской компании Гатлинга (Gatling Gun Company) в Европе — Бродвелем (L. W. Broadwell), работал на его заводе в Карлсруэ. Бродвель широко известен, прежде всего, своим изобретением — обтюратором («кольцо Бродвеля»), благодаря которому многие страны смогли решить проблему перехода к казнозарядным орудиям (ил. 13). Будучи механиком на заводе Нобеля в Петербурге, В. С. Барановский встречался там с Бродвелем. На некоторых чертежах (синьке) орудий Барановского стоит надпись «System Baranovsky-Broadwell. Karlsruhe» (ил. 14).

Л. Бродвель был человеком расторопным и настойчивым. Он предлагал европейским державам изобретения, требовал за

Ил. 13. Обтюратор системы Бродвеля, позволивший решить проблему надежного запирания затвора орудия во время выстрела, предотвращения прорыва пороховых газов

них оплату и награды. Весной 1871 года, будучи в Петербурге, он поспешил обратиться в Главное артиллерийское управление и сообщил, что он вместе с мистером Барановским сконструировал новое одноствольное скорострельное ружье калибром 1,5 дюйма (38 мм) на заводе Нобеля в Петербурге. Ружье может выпускать до 100 разрывных снарядов в минуту (скорострельность) весом по 1,5 фунта (614,3 г). Бродвель расхваливал изобретение, обладающее, по его словам, всеми возможными усовершенствованиями и малым весом — около 4 фунтов (около 1,6 кг). Он писал: «Я имею намерение увеличить калибр ружья до 2-х дюймов (50,8 мм) и вес снаряда до 3 фунтов (1228,5 г), если смогу организовать производство подходящих металлических патронов к этому калибру»²³. Русские заказы были выгодны, поэтому в письме начальнику ГАУ генералу А. А. Баранцову Л. Э. Бродвель напоминал о своих выдающихся заслугах: «Ваше Высокопревосходительство, без сомнения помнит, что я впервые прибыл в Россию в июне 1860 года, когда я имел честь привлечь Ваше внимание к металлическим патронам для казнозарядного

Ил. 15. Надпись «System Baranovsky-Broadwell. Carlsruhe» под чертежом (синька) 63,5-мм скорострельной пушки. Май 1876 г. К рапорту подполковника Сигунова от 27.08.1877 г. Ф. 6р. Оп. 3.Акт 106. Д. 46. Л. 16

ружья моей конструкции. Я являюсь первым, кто предложил использовать металлические патроны в Европе. В течение многих лет я побывал перед всеми практически военными комитетами Европы и Америки, изучал как частные, так и официальные мнения лучших в мире авторов изобретений всех стран, касающиеся нерешенных проблем казнозарядных систем стрелкового оружия. Я знаком со всеми системами, которые уже существовали или были приняты на вооружение, и знаю все их достоинства и недостатки. В результате долгих испытаний и наблюдений я доставил убеждение, что применим только один метод конструирования совершенного казнозарядного ружья — вертикально-скользящий затвор. Все другие методы запираения замка абсолютно ошибочны в принципе. Известно несколько ружей, сконструированных по этому принципу (в оригинале — плану), одно из них, по моему мнению, это ружье, недавно показанное мне его автором, мистером Барановским. Я чрезвычайно высоко ценю невероятные достоинства этого изобретения. Мне говорили, что ружье мистера Барановского скоро будет представлено на рассмотрение Вашего Высокопревосходительства. Суть моего обращения к Вам двойная. Во-первых, за время моего долгого контакта Россия вдохновляла меня, я чувствую признательность к Вашей стране и был бы счастлив знать, что я, выражая мое величайшее восхищение новым оружием господина Барановского, сотрудничал, все же, в не-большой степени в представлении его на испытания, в результате которого, я уверен, Россия, наконец, приобретет лучшее стрелковое оружие, как уже имеет лучшую артиллерию в мире. Во-вторых, я мог бы испытывать большое удовлетворение от сознания того, что я содействовал успеху господина Барановского»²⁴.

Специалисты Арткома ГАУ не хуже господина Бродвелля знали состояние дел в странах Европы и Америки с разработкой

нового оружия, изучали и испытывали все перспективные изобретения. Следуя сложившимся правилам, для изучения ружья В. С. Барановского была создана специальная комиссия. К сожалению, не сохранились среди документов Арткома ГАУ фотографии или чертежи ружья Барановского, зато среди документов нашлось достаточно подробное его описание.

24 мая 1871 года учрежденная при Артиллерийском комитете ГАУ «Комиссия для испытания ружья Барановского» рассматривала результаты изучения ружья, созданного двадцатипятилетним механиком завода Нобеля Барановским. Приведем журнал (протокол) этого заседания: «Ружье, заряжаемое с казенной части, системы господина Барановского, принадлежит к разряду, давно известному в ГАУ. Система эта состоит в том, что если отвести нужную скобу (рычагом) вниз, то вместе с тем опускается в пазах медной коробки затвор, имеющий вид заслонки, и одновременно с ним взводится курок.

Различие этой системы от других ей подобных, главным образом, заключается в направлении отбрасывания нижней скобы (рычага): в ружье господина Барановского движение это совершается от дула к прикладу, т. е. назад (менее удобное), а в других, имеющих затворы такого же устройства, как, например, Генри²⁵, Бови²⁶, эта скоба отводится вперед — от приклада к дулу.

Ствол с патронником в ружье Барановского принят наш, малокалиберный. ***Ружье Барановского, представляя собой замечательный образец по простоте в устройстве запирающего механизма и отсутствию большого количества винтов*** (каковых в ружье Барановского всего два: один хвостовой и другой на боку коробки, в железной пластинке, прикрывающей головки различных болтов) и других мелких частей, тем не менее, при ближайшем его рассмотрении, вызвало нижеследующие замечания:

1. Ложа, состоящая из двух отдельных частей, цевья и приклада, вставляемых в коробку механизма весьма небольшими уступами, не “застрахованы” от различных поломок и повреждений, с какими сопряжено употребление боевого оружия. Между тем, целые ложи повреждения эти выдерживают в значительной степени, особенно если принять в соображение исключительные условия употребления и сохранения оружия в нашей армии.

2. Если скоба (рычаг) недостаточно сильно будет отведена вниз, то замечается (на пустой совершенной чистой гильзе) отсутствие надлежащей экстракции и лишь только весьма

незначительное выдвигание гильзы, отчего нельзя ни закрыть, ни открыть затвор настолько, чтобы возможно было извлечь гильзу, не прибегая к помощи шомпола. Следовательно, если на действительной стрельбе последует разрыв или простое раздувание гильзы или же патронник будет несколько засорен, то экстракции стреляной гильзы вовсе не будет.

3. В то время, когда затвор закрыт и курок спущен, можно небольшим нажатием пальца на затвор заставить последний опуститься вниз и тем совершенно открыть устье патронника. Обстоятельство это настолько важно, что, если предположить разрыв патрона по шляпке, особенно в том случае, когда в первый не будет вставлена внутренняя предохранительная чашка, то прорвавшиеся газы должны будут устремиться в некоторый зазор, образуемый между верхним срезом затвора и устьем патронника и, надавив на последний, выбросить гильзу в лицо стреляющего.

4. Подпирание курка и затвора, следовательно, удержание их в данном положении посредством плоской пружины настолько ненадежно, что, ежели пружина эта будет сомнительного достоинства, то при выстреле патроном из дурной латуни, курок может откинуться назад, а вслед за тем и затвор утонут вниз, так что и в этом случае могут быть те же явления, которые указаны в пункте 3.

Насколько замечания эти, указанные выше, будут согласны с действительностью, предположено произвести испытание ружья г. Барановского по составленной для сего программе»²⁷.

Таким образом, несмотря на выявленные при изучении ружья недостатки, решено было провести испытания его стрельбой.

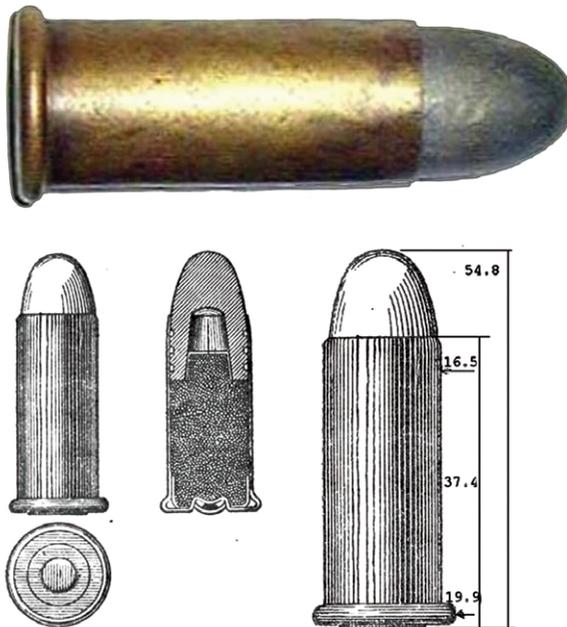
В программу испытаний входило: 1. Испытание механизма ружья, для чего со станка было выпущено 20 выстрелов. 2. Для испытания экстракции гильз: выпустили 10 патронов, продольно пропиленных от ската до шляпки; 10 патронов со смятыми гильзами и 5 патронов с гильзами из мягкой (отожженной) латуни. 3. Для испытания устойчивости запирающего механизма стреляли 10 патронами с подпиленными по закраине шляпки гильзами, выпустили 10 патронов, подпиленных по закраине, загоняя с казны другую пулю перед патроном. Испытывали ружье на скорострельность, действие механизма при загрязнении, посыпая механизм мелкой пылью как при открытом, так и при закрытом затворе. (После посыпания пылью механизм всякий раз слегка вспыскивали водой, наподобие дождя). Стреляли после

искусственного оржавления запирающих частей механизма посредством обливания раствором серной кислоты или теплым раствором поваренной соли. При заржавлении этих частей путем обливания водой особое внимание обращали на устойчивость составной ложки, на состояние спусковой и боевой пружины. Солдатами производилась разборка и сборка оружия, 10 000 приемов заряжания ружья и спуска курка.

26 мая Комиссия подводила итоги испытания стрельбой. Согласно программе, из ружья господина Барановского было выпущено 20 выстрелов патронами, приготовленными из латуни, принятой для фабрикации 6-линейных патронов к ружью Крка (со станка на стрельбище Литейного гильзового отдела) (ил. 15).

1. Три гильзы лопнуло продольно от ската до шляпки, причем экстракции этих гильз не было вовсе. Одну гильзу пришлось вытягивать крючком.

2. Получилась три осечки, из коих один патрон воспламенился по второму спуску курка.

Ил. 15. Унитарный патрон в металлической гильзе к 6-линейному ружью Крка

3. Во время заряжания ружья замечалось утопание затвора, когда курок был на боевом взводе.

При выстреле одним патроном, приготовленным из американской латуни и подпиленным от ската до шляпки, гильза его лопнула, причем замечен был довольно значительный прорыв газов наружу, назад, к прикладу; при открывании затвора экстракции не было.

Затем после этой пробы настолько уже ясно обнаружилась слабость этой системы в отношении экстракции стреляных гильз, что признано было излишним продолжать стрельбу патронами, продольно пропиленными. Приступили к испытанию устойчивости запирающего механизма на случай разрывов патронов по краине шляпки. Для этого использовали патроны с гильзами из мягкой стали и без внутренних предохранительных чашек, а шляпки по краинам лишь подпилены.

При первом же выстреле шляпка патрона оторвалась, верхняя часть затвора отделилась прочь с такою силою, что оставила на железе довольно глубокий след; заклепки, которыми упомянутая часть удерживалась на затворе, совершенно вытянулись; сам затвор немного осадил вниз, пламя пороховых газов устремилось назад и вниз, через щели механизма и коробки, и с большой силой ударило в скобовое колено, так что на его внутренней поверхности образовался довольно толстый и плотный налет пороховых остатков. В запирающем механизме и коробке образовался густой слой порохового нагара. Пороховая копоть прошла даже в начало ствольного желоба.

Таким образом, из произведенных опытов комиссия выявила:

«1. В случае образования при выстреле продольных трещин, гильзы не экстрактируются, что, без сомнения, должно скорую стрельбу замедлить; принимая же в соображение необходимость откидывать скобу вниз с силою достаточною вообще для надлежащего выбрасывания исправных гильз, должно признать манипуляции эти для стрелка утомительными, особенно, когда последнему придется сделать сряду большое число выстрелов.

2. Упираение затвора при заряжании вообще и при повторительных взведениях курка, в особенности, крайне неудобно для стрелка при правильных и безостановочных заряжаниях винтовки.

3. Если бы даже затвор был сделан и из цельного куска металла, то обнаруженные им свойства, в смысле открывания устья

патронника при оторванной шляпке патрона, с направлением лучей пламени в лицо стреляющего и вниз в скобовое колено, где ложится палец стрелка, до такой степени опасно, что делает это ружье в настоящем его виде негодным для военного приготовления.

А потому, на основании всего вышеизложенного, **признано было бесполезным продолжать дальнейшее испытание ружья и положено возвратить последнее изобретателю»²⁸.**

Ружье вернули создателю, сопроводительное письмо было подписано самим начальником ГАУ генералом Александром Алексеевичем Баранцовым. Приятно отметить небольшую деталь. Прежде, чем ответить, Александр Алексеевич отправил записку полковнику С. К. Каминскому, который уже тогда работал в тесном контакте с Барановским:

«Многоуважаемый Станислав Климентьевич! Потрудитесь сообщить на сем имя и отчество механика завода Нобеля господина Барановского». И только после этого механику завода Нобеля отправили изобретенное им ружье с письмом от товарища (заместителя) генерал-фельдцейхмейстера, генерала Баранцова следующего содержания:

«Милостивейший государь Владимир Степанович!

Скорострельное ружье Вашей системы по приказанию Военного Министра²⁹ было подвергнуто испытанию стрельбою в присутствии моем, генерал-лейтенанта Стандершельда³⁰, генерал-майора Вейнтраубе³¹, полковника Давыдова и штабс-капитана Литвинова». Далее в письме приведен дословно протокол заседания комиссии по результатам испытаний (приведенный выше), показавших опасность ружья для эксплуатации. «Обстоятельство это, по мнению лиц, производивших испытание, делает ружье Ваше в настоящем его виде настолько опасным, что оно не может быть признано пригодным для военного употребления.

Сообщая Вам об этом, считая своим долгом выразить Вам искреннюю мою признательность за представление на испытание изобретенного Вами ружья, которое при сем возвращается. Примите уверение в совершеннейшем моем почтении и преданности»³².

Завершая рассказ о ружье Барановского, важно отметить, что далеко не все представленные русским специалистам изобретения подвергались испытаниям стрельбой. Внимательно, скрупулезно

изучали все изобретения, созданные в России и в мире, но испытывали лишь перспективные. Ружье В. С. Барановского было всесторонне изучено, испытано и с уважением возвращено автору. Такое отношение не отбило у молодого человека охоту к изобретательству, напротив, открыло новый, плодотворный этап его конструкторской деятельности.

Продолжение следует.

¹ Военная энциклопедия под редакцией И. Д. Сытина. СПб., 1911. Т. 4. С. 388—389; Т. XII. С. 423.

² Военный сборник. 1873. № 2. С. 294.

³ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 1—6. СПб., 1897—1904.

⁴ Львовский П. Д., Бойков В. И. Изобретатель скорострельной пушки // Артиллерийский журнал. 1948. № 11. С. 33—35; Техники и вооружение. 1981. № 9. С. 34.

⁵ Энциклопедия. Отечественная история. М., 1994. Т. 1. С. 159—160.

⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/1а. Д. 114, 108; Ф. бр. Оп. 3. Д. 1, 12, 9, 21, 46, 228; Ф. 27. Картоотека «Пушки» (детали), картоотека «Пушки». Д. 222; Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 33, 146, 170, 236, 168, 169; Ф. 6. Оп. 6/2. Д. 291, 417, 394; Ф. 6. Оп. 8/5. Д. 82; Ф. 22. Оп. 92. Д. 31, 30; Ф. 4. Оп. 39/10-5. Д. 3163, 3002, 3194, 2971; Ф. 4. Оп. 39/10-6. Д. 3862; Ф. 4. Оп. 39/10-7. Д. 4121; Ф. 6. Оп. 96/4. Д. 86, 21, 222; Ф. 4. Оп. 39/10-17. Д. 11295; Ф. 4. Оп. 39/10-8. Д. 5198; Ф. 22. Оп. 111. Д. 8; Ф. 22. Оп. 92. Д. 61.

⁷ Ильина Т. Н. Военные агенты и русское оружие. СПб.: Атлант, 2008. С. 261—265.

⁸ Вероятно, след крепления утраченной части надгробия.

⁹ Барановский Всеволод Степанович. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1875), Военно-юридическую академию (1883). Офицер Л.-гв. Кирасирского Его Величества полка; после окончания академии — по военно-судебному ведомству. 1894 г. — полковник, 1902 г. — генерал-майор, 1914 г. — генерал-лейтенант. С 1894 г. — военный следователь Омского и Туркестанского военных округов, с 1902 г. — военный судья Казанского, с 1907 г. — Московского, с 1909 г. — Одесского военно-окружных судов. С 1914 г. — сенатор Финляндского Совета. С 1917 г. — генерал от кавалерии в отставке. Во время Гражданской войны в Вооруженных Силах Юга России. Летом 1920 г. на Принцевых островах. Имел 4 детей // Волков С. В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 1. М.: Центрполиграф, 2009. С. 108.

¹⁰ Барановский Лев Степанович. Окончил 2-ю Петербургскую военную гимназию (1873), Николаевское кавалерийское училище (1875), Академию Генерального штаба (1882). Офицер Л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. 1895 г. — полковник, 1907 г. — генерал-майор, 1915 г. — генерал-лейтенант. Участник Русско-турецкой (1877—1878) и Первой мировой войн. Командовал полками, бригадами, дивизиями. Во время Гражданской войны в белых войсках Восточного фронта. Имел 4 детей // Волков С. В. Генералитет Российской империи. Т. 1. С. 108.

¹¹ Барановский Петр Викторович. О нем: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 39/3. Д. 169. Л. 21, Ф. 6. Оп. 65. Д. 19. Л. 21–24 (о награждении); Ф. 6. 1914 г. Оп. 96/4. Д. 86 (ежедневные сведения в ГАУ о ходе работ на заводе Барановского по изготовлению горных трубок и 3-дм полевых гильз); Там же. Д. 221, 222 (о ходе работ на заводе акционерного общества П. В. Барановского); Военная энциклопедия И. Д. Сытина. Т. 4. С. 387; Морской сборник. 1882. № 10. С. 78; О пресесе Барановского для обжатия стреляных гильз к капонирным пушкам // Ф. 4. Оп. 39/10–17. 1893 г.; Миксон И. Владимир Барановский. Саратов, 1965. С. 97, 133.

¹² Государственный исторический архив / быв. Ленинградской области, ныне Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Ф. 1304. 1398 единиц хранения за 1878–1918 гг.

¹³ Алексеев Т. В. Промышленность России — фронту Первой мировой войны 1914–1917: научно-справочное издание. СПб.: Моя Строка, 2017. С. 66–68.

¹⁴ Профессор — ученое звание и должность преподавателя вуза или научного сотрудника НИИ. Экстраординарный — профессор без должности, внештатный. Ординарный профессор (о. п.) — преподавательская штатная должность, обязательное условие для ее получения — ученая степень доктора. С 1803 должность о. п. давала право получения чина 7 класса (надворный советник), с 1884 года — 5 класса (статского советника) и пенсии.

¹⁵ Гельсингфорс (Helsingfors) — шведское название города Хельсинки. Университет основан в 1640 г.

¹⁶ Энциклопедия «Отечественная история». Т. 1. М., 1994. С. 159.

¹⁷ Эммануил Нобель (1801–1872) приехал в Россию в 1837 г., в 1838 г. открыл механическую мастерскую в Петербурге, которая в 1840-е годы выросла в завод по изготовлению паровых машин, станков, металлических конструкций. С 1850-х годов фирма «Нобель и сыновья» ориентировалась на выпуск оружия, военного оборудования. В 1859 г. объявил о банкротстве, уехал в Швейцарию. Имел трех сыновей: Роберта, Людвига и Альфреда. **Людвиг Нобель (1831–1888)** создал в 1862 «Механический завод Людвиг Нобель», выполнял военные и гражданские заказы. Для созданного оружейного завода в Ижевске поставлял оборудование, а руководящие должности заняли его бывшие сотрудники. Похоронен на Смоленском лютеранском кладбище в Петербурге. Роберт Нобель — соучредитель «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель». Альфред Нобель (1833–1896) разрабатывал новое взрывчатое вещество в 1860–1862 гг., в 1865 создал металлический капсюль для патрона. В 1867 получил динамит. Владелец 93-х предприятий в Европе и Америке. По его завещанию учреждены премии за достижения в медицине, физике, литературе, мифотворчестве.

¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 169. Л. 165.

¹⁹ Там же. Л. 267.

²⁰ Там же. Л. 42.

²¹ Там же. Л. 41.

²² Там же. Л. 778 об.

²³ Там же. Д. 33. Л. 1.

²⁴ Там же. Л. 1–5.

²⁵ Генри (Ненгу) — оружейник, фабрикант из Эдинбурга, Великобритания. Военный агент Э. Н. Мещерский, узнав, что Генри не изготавливает «солдатского»

оружия, а только охотничье, закупил у него один штуцер для Оружейной комиссии Арткома, которая не допускала пробелов в своей коллекции новейшего оружия всего мира. В дальнейшем Оружейная комиссия изучила и испытала все модификации ружей Генри.

²⁶ Бови — оружейник из Литтиха. В 1868 году Оружейная комиссия детально изучила и испытала закупленное у конструктора военным агентом Мещерским «ружье литтихского оружейника Бови со 100 патронами к нему».

²⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 33. Л. 6—8.

²⁸ Там же. Ф. 3р. Оп. 39/3. Д. 33. Л. 11—13.

²⁹ Военный министр — генерал-адъютант генерал-фельдмаршал граф Дмитрий Алексеевич Милютин (1816—1912).

³⁰ Стандершелд Карл Карлович, барон. Генерал-лейтенант (1867), помощник командира Тульского оружейного завода, по май 1876 инспектор оружейных и патронных заводов // Волков С. В. Указ. соч. Т. 2. С. 522.

³¹ Вейнтраубе Андрей Михайлович (1833-1881). 1867 — генерал-майор, 1877 — генерал-лейтенант. Командир Л.-гв. 2 Стрелкового батальона, член Оружейного отдела Арткома ГАУ // Волков С. В. Указ. соч. Т. 1. С. 242.

³² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 33. Л. 14—17.

*А. В. Калистратов, С. Н. Петров,
Р. А. Тимофеева (Санкт-Петербург)*

О КОМПЛЕКСНОЙ МЕТОДИКЕ АТТРИБУЦИИ БРОНЕЩИТОВ 1900–1910-х ГОДОВ

Содержание без метода ведет к фантазёрству,
метод без содержания — к пустому умствованияю.

И. В. Гёте

1. Общая характеристика

Современное музейное хранение рассматривается как совокупность методов, позволяющих систематизировать материал, подготавливая основу для обобщения и глубоких теоретических выводов.

Выполнение атрибуции требует привлечения комплекса документов и данных вспомогательных дисциплин, причем каждая наука позволяет существенно расширить понимание и значение предметов, которые, таким образом, становятся важными историческими источниками.

Особенно это актуально применительно к образцам, которые отражают этапы формирования военно-инженерного искусства, развитие которых отражает эволюцию современной военной науки и достижения научно-технической сферы. Изучение в данном контексте примеров рубежа XIX–XX вв. представляется перспективным для музееведения, так как это образцы промышленного производства. Их всестороннее изучение в рамках, казалось бы, частного сюжета атрибуции даёт возможность выхода на анализ технологического процесса, особенностей промышленного производства, конструктивных изменений. Более того, в случае работы с авторской и заводской документацией становится возможным проследить, как инженерная мысль изобретателя отвечала на запросы военного дела и требования Военного ведомства и армии.

Рассматриваемые в рамках данного сообщения предметы отражают этап развития группы стрелковых щитов, которые нашли широкое применение в период Первой мировой войны. Более того, их использование было продолжено в более позднее время — вплоть до периода Великой Отечественной войны. Этот факт является, в частности, подтверждением эффективности технологий, применяемых в рамках отечественного промышленного производства, связанного с потребностями Военного и Морского министерств. Более того, возможность сравнения русских образцов с европейскими предметами такого же назначения и этого же временного отрезка позволяет делать выводы более широкого характера.

2. Предмет исследования

В качестве примеров атрибуции были рассмотрены следующие образцы из собрания инженерно-технического фонда ВИМАИВиВС:

- крепостной переносной стрелковый щит (№ 2/52 КЕУ2638);
- полевой переносной стрелковый щит (№ 2/13 КЕУ1189);
- щит Офицерской стрелковой школы (№ 2/7 КЕУ1183);
- наружейный щит доктора Кочкина (№ 2/6);
- наружейный щит Бобровского (№ 2/8 (вариант К-4) КЕУ1184; № 2/9 КЕУ1185 (вариант Е), № 2/11 (вариант К-2) КЕУ 360;
- стрелковый щит системы Евмения Качуровского (№ 2/16 КЕУ1192).

Данные предметы выпускались серийно, кроме того, получили широкое распространение в действующей армии, что расширяет круг документов и позволяет выявить все аспекты, перечисленные выше.

3. Особенности атрибуции

Характеризуя выбранные предметы, отметим, что особенности атрибуции были определены рядом факторов.

Первое — это отсутствие единой терминологии, которая используется в документах рассматриваемого периода. Второе — это наличие многократных изменений, которые вносились или по результатам испытаний, или в процессе производства, так как валовое производство требовало определённых допусков. Третий фактор — это обусловленная особенностями структуры военной промышленностью царской России¹ разрозненность опубликованных и архивных материалов, которые следовало систематизировать в рамках данной работы².

4. Технологический аспект

Как уже было отмечено выше, в нашем случае важнейшую роль при атрибуции бронещитов имеет технологический аспект. Данный аспект рассматривался в виде двух составляющих. Первая, определяющая, — это конструкция изделий. Именно понимание логики развития предмета позволяет делать выводы о времени создания и заводе-производителе даже при отсутствии выявленных технических условий на изготовление и приёмку и/или чертежей.

Период создания названных бронещитов — 1913–1915 гг. Их серийное производство было реализовано на частных и казённых заводах Петрограда. Именно в их фондах были выявлены чертежи и технические условия на изготовление и приёмку. Особенности конструкции частично соответствовали требованиям Технического комитета ГВТУ, выработка которых связана с деятельностью 1900-х гг. В то же время проявились новые технические решения, вызванные применением образцов в боевых условиях. Масштабные боевые действия обусловили возрастающую потребность в средствах бронезащиты такого рода, поэтому массовое производство было начато преимущественно с 1915 г.

Второй аспект — уточняющий на этапе атрибуции — это анализ химического состава материала предметов и технические испытания стали, которые сопоставляются с правилами приёмки 1910-х гг., включавшие наружный осмотр, поверку размеров, испытание в нагретом и холодном состояниях, испытание гибом, на разрыв и ударом³. Отметим важность данного аспекта, регулярно фигурирующего в документах этапа согласования заказа⁴.

Возможности использования спектрального анализа были применены благодаря выявлению в частном собрании предмета с сохранившимся клеймом. При этом известно, что на изделиях обозначался номер плавки, который соответствует номеру из журналов анализа и технической экспертизы 1915 г.⁵ Результаты современного спектрального анализа, выполненные в ФГУП «ЦНИИ КМ “Прометей”» подтвердили корректность данных 1915 г. Для сравнения был выполнен также анализ состава бронещита немецкого происхождения. Выявленные существенные расхождения позволили найти метод достоверного определения страны-производителя. Это обусловлено как доступом к применению широкой номенклатуры легирующих элементов, который

в рамках российской промышленности был ограниченным, так и модернизацией крупновской технологии производства брони после её внедрения на отечественных предприятиях.

Кроме того, значимое различие именно по содержанию хрома является интересным фактом с точки зрения развития методов анализа. При прохождении практикума количественного анализа сталей в конце прошлого века существовала проблема анализа хрома с использованием «мокрой» химии.

Поскольку в сферу внимания были включены два завода-производителя (Адмиралтейские Ижорские заводы Морского ведомства⁶ и Обуховский сталелитейный завод), отметим ряд особенностей, которые, вероятно, обусловили названные качества. Тем более, что металл и комплектующие для заказов Военного ведомства, которые выполняли частные заводы, с февраля 1915 г. представлялись именно отсюда⁷.

Из ключевых моментов, связанных с модернизацией производства, отметим следующие. Первое — это установка на Бердовском сталелитейном и сталерельсовом заводе, благодаря увеличившемуся спросу на мелкосортный прокат, стана с диаметром валков 450 мм и тонколистового стана с диаметром валков 650 мм⁸.

Во-вторых, поскольку получение качественной стали не ограничивается только правильным проведением процесса плавки, а включает проблемы разливки стали при изучении законов кристаллизации металла, следует упомянуть такие разработки, как рациональная форма изложницы для отливки слитков, изучение влияния нагревов и процессаковки на изменение структуры литой стали⁹ и т. д.

В-третьих, это создание в указанный период замкнутого участка изготовления броневых плит — бронезакалочная и постройка в 1901—1902 гг. самой большой в России на тот момент времени 40-тонной основной мартеновской печи¹⁰.

Использование данных анализа химического состава предметов позволяет уточнить датировки, так как при отсутствии сохранившегося клейма при сопоставлении эти данные совпадают с данными архивного источника.

Например, анализ фрагмента наружейного щита доктора Кочкина с несохранившимся клеймом показал наличие в составе молибдена, что соответствует определённому номеру плавки из журнала 1915 г. Более того, речь о добавлении данного элемента

в состав стали зафиксирована ещё в ряде документов с точным указанием временного промежутка¹¹.

Таким образом, с совершенствованием технологии производства уточнялись и правила приёмки продукции. И большое значение для понимания особенностей технологии производства имеют средства механизации и описание модернизации оборудования, выявленного в документах периода с 1890-х гг. (применение дуговых электропечей и прочее¹²).

5. Результаты работы

Проведённые изыскания позволили выявить оригинальные названия бронечитов из собрания музея, определить производителей, уточнить датировки и разновидности предметов.

В процессе изучения производственных документов было выявлено, что ряд изменений в технические условия вносился по требованию завода-производителя. Данный факт важен при дальнейшей работе в рамках истории технологий и техники.

6. Выводы

Проведённый анализ позволяет поставить задачи для изучения особенностей технологического процесса начала XX в. Речь идёт о крупнейших заводах — Адмиралтейских Ижорских заводах Морского ведомства, на котором было сосредоточено броневое производство после 1912 г., и Обуховском сталелитейном заводе. При этом Обуховский завод еще в 1860–1880-е гг. был центром отечественной металлургии, вокруг которого группировались лучшие «научные металлургические силы»¹³. В частности, разработки технологий закалки, проводимые отечественным ученым Д. К. Черновым, обуславливали мелкокристаллическую структуру изделий и их особые качества.

Данные, полученные в ходе исследования, могут получить дальнейшее применение. В частности, выявление ряда характеристик, таких как качество проката и обращение к используемому оборудованию, может иметь практическое значение в рамках современности.

Отсутствие единого стандарта и сертификатов позволяет использовать материал и его особенности для уточнения атрибуции, в то же время, благодаря музейным предметам, мы получаем возможность делать выводы о промышленном производстве и о металлургии 1910-х гг.

Дальнейшее проведение анализа состава и качества изделий рассматриваемых предметов позволит определить, какими

технологическими приёмами достигается такое качество, при этом в сферу внимания попадает не только состав, а в большей степени — способ выделки.

¹ Вавилов К. В. Военная промышленность Петербурга накануне Первой Мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XXXV международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (24–28 ноября 2014 г.). Выпуск XXX. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2014. С. 261.

² Предварительный этап работы, связанный с систематизацией архивных данных, был рассмотрен в нашем докладе в рамках международной научной конференции «Актуальные проблемы теории и истории искусства – IX» 26–31 октября 2020 года, Санкт-Петербург.

³ ЦГИА СПб. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 48. Л. 13–14.

⁴ Там же. Д. 6457. Л. 8, 55, 125.

⁵ Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 661.

⁶ Данилевский О. Ф. Броневое производство на Ижорском заводе. Машинопись. Музей истории ПАО «Ижорские заводы». КП 7217. Д-1838.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 308. Л. 1.

⁸ Касатонов В. Ф. Прокатное производство // Металлургия Обуховского завода. СПб., 2007. Разд. паг. С. 4.

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 308. Л. 5.

¹² Касатонов В. Ф. Металл Обуховского завода // Металлургия Обуховского завода. С. 28–29.

¹³ Касатонов В. Ф. Термическое производство // Там же. С. 3.

В. Г. Кикнадзе (Москва)

ВТОРАЯ МИРОВАЯ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ПЕРИОДИКЕ РОССИИ И ЗНАНИЕ ИХ ИСТОРИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ТРИДЦАТИЛЕТНЕЕ НАРАСТАНИЕ угроз подрыва традиций защиты Отечества и сплочённости российского народа в результате искажения истории Второй мировой и Великой Отечественной войн привело в 2020 г. к важным поправкам в Конституцию России. Теперь Российская Федерация чтит память о защитниках Отечества, обеспечивает защиту исторической правды и не допускает умаления подвига народа при защите Отечества.

Важная роль реализации исторической политики отводится научным и научно-популярным журналам. Но как сегодня характеризуется редакционная политика ведущих российских исторических журналов? Насколько они готовы и способны к защите исторической правды о роли Советского Союза в разгроме германских войск в Европе и японских войск в Азии, о роли России в освобождении народов мира от фашизма и японского милитаризма?

Анализ публикаций периодических научных изданий (журналов) за 2008 г. («Вопросы истории», «Отечественная (ныне — Российская) история», «Новая и новейшая история»), а также научно-популярных изданий «Военно-исторический журнал» и «Родина», осуществлённый в канун 70-летия начала Второй мировой войны, показал следующее.

Во-первых, количественную ограниченность материалов по военной истории в академических изданиях: 23 статьи в «Вопросах истории» (ВИ), 10 — в «Отечественной истории» (ОИ),

7 — в «Новой и новейшей истории» (ННИ), то есть 1—2 в номере, и достаточно высокое количество в «Родине» — 67 статей. При этом публикации «Родины», несмотря на значительное количественное преимущество, по объёму и качеству в большинстве случаев всё же уступали статьям академических изданий.

Во-вторых, тематическая направленность публикации вопросов военной истории в количественном выражении (включая материалы «Военно-исторического журнала») свидетельствует о том, что наиболее часто освещались вопросы истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и военной истории XVIII — начала XX в.; в меньшей степени исследовалась Первая мировая война и межвоенный период; единичные публикации касались вопросов военной истории до XVIII в. и Второй мировой войны вне контекста Великой Отечественной, а также военной истории послевоенного периода. Обращали на себя внимание количественные выбросы «Родины» в освещении Гражданской войны (около 50 % всех своих публикаций по военной истории), причём 90 % этих статей были связаны с историей Белого движения — очередной переход из одной крайности в другую.

В-третьих, в целом освещению вопросов военной истории научными периодическими изданиями на тот момент были свойственны:

- узкая тематическая и хронологическая направленность, отсутствие сквозных и обобщающих статей по истории военного искусства, военного строительства, истории войн и военной мысли, вопросам методологии;
- малая доля материалов на стыке наук;
- минимальное количество статей, раскрывающих характер Великой Отечественной войны, разъясняющих смысл освободительной миссии Советского Союза и Великой Победы для настоящего и будущего;
- увлечённость публикациями документов архивов и ранее не публиковавшихся рукописей;
- юбилейный характер публикаций;
- авторский дефицит;
- ажиотаж на количество публикаций соискателями учёных степеней, нередко снижающий научный уровень их статей.

Изменилась ли ситуация в 2009 г., и какова была реакция отечественных историков и научных изданий в связи с началом на государственном уровне работы по противодействию

фальсификации истории в ущерб интересам России? Анализ публикаций академических журналов за 2009-й г. показал вовлечённость в общегосударственный процесс и творческую динамичность как редакций, так и авторского сообщества:

– общее количество публикаций по военно-исторической тематике возросло в 2 раза (в «Российской истории» — почти в 3 раза), причём большая их часть (более 60 %) приходилась именно на второе полугодие;

значительно (в 2,5 раза) увеличилось количество материалов, касающихся истории Второй мировой и Великой Отечественной войн (наибольший прирост в данном направлении у «Вопросов истории» — 450 %), причём подавляющее их большинство (70 %) также относилось ко второй половине года, что свидетельствует о действенности курса, взятого Россией в мае 2009 г.

Вместе с тем, в результате сложившейся за предшествовавшие годы ситуацией информационного вакуума в освещении ключевых событий Второй мировой войны отечественной исторической и военной наукой, торжества коммерческого приоритета на медиа- и книгоиздательском рынке успели воспользоваться силы, заинтересованные в переделе наследства России как державы, игравшей значительную, а в некоторые периоды и определяющую роль в событиях исторического масштаба. Посредством принижения исторической роли России эти силы стремятся ограничить её влияние на современные глобальные процессы, а искажая устоявшиеся представления о нашей истории — подорвать чувство собственного достоинства россиян.

Подтверждают это публикации в прессе в 2010 г. социологических опросов по исторической проблематике, да и сами их результаты. Так, по опросу компании Synovate, опубликованном в газете «Метро Россия» 4 мая 2010 г., четверть россиян не помнит или не знает ни одной битвы, оказавшейся решающей в победе над фашизмом, 54 % не помнят, когда была развязана Вторая мировая война, а некоторые назвали главным сражением Великой Отечественной войны Куликовскую битву! 7 мая 2010 г. «Комсомольская правда» в рубрике «Читательский форум» опубликовала весьма неоднозначную подборку откликов читателей на проблему необходимости общего учебника истории для стран СНГ, которая обсуждалась в интервью с В. Р. Мединским, на тот момент являвшимся депутатом Государственной Думы, профессором МГИМО. Так вот, несмотря на кажущуюся первоначально

«альтернативность» мнений, сводились они к одному знаменателю: это не реально — пусть пишут, что хотят — этот учебник никогда не будет создан — время ещё не настало — единая история была. Таким умелым способом СМИ давали понять российскому обществу о бесперспективности усилий по сохранению исторического прошлого и даже намекали на отсутствие такового. На наш взгляд, это являлось сознательной провокацией разобщения соотечественников на постсоветском пространстве, продолжением взятой в конце 1980-х линии на формирование стыдливости за свою общую историю и создание своей местечковой истории.

21 июня 2010 г. всё та же газета «Метро Россия», имеющая огромное информационно-психическое воздействие, разместила на одной из своих полос результаты опроса аналитического центра Ю. А. Левады (Левада-Центр; в 2016 г. организации присвоен статус «иностранный агент»), в соответствии с которыми на вопрос «Кто несёт ответственность за огромные потери в войне?» 30 % опрошенных россиян ответили — Сталин, 28 % — немецкая сторона, 20 % — компартия и руководство СССР, 11 % — все несут. Получается, что убивали советских солдат, советских мирных жителей на оккупированных территориях, угоняли их на принудительные работы и мучили в концентрационных лагерях немцы, а ответственна советская сторона (Сталин, компартия и руководство СССР), — так, судя по опубликованным результатам социологического исследования, считали 50 % опрошенных россиян. Это ли не попытка со стороны СМИ провокации пересмотра итогов Второй мировой войны, очередного раскола в обществе?!

Причинами такого бедственного положения являются незнание истории, нежелание её изучать, искусственно созданный в обществе в конце XX — начале XXI в. приоритет рыночного образования (экономического, юридического, торгового и т. п.) над гуманитарным — именно они во многом создавали благоприятную среду для антигосударственной деятельности.

Полагаю, что принципиально ситуация не изменилась и во втором—третьем десятилетии XXI века: попытки технологического прорыва в России осуществляются без опоры на гуманитарное образование, без идеи, без единой государственности идеологии, без духовно-нравственной опоры на традиции и ценности прошлого Отечества (декларативность не берём в счёт), без самосознания и убеждённости в правильности избранной обществом

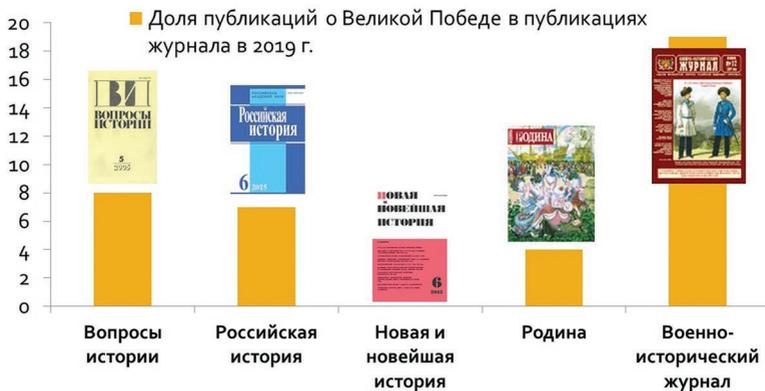

Ил. 1. Освещение вопросов военной истории в российских периодических научных и научно-популярных изданиях в 2008 и 2019 годах

и государством цели и пути, готовности жертвовать личным в имя общего.

Для уточнения оценки ведущих научных изданий в области исторических наук (журналы «Вопросы истории», «Российская история», «Новая и новейшая история»), научно-популярных СМИ федерального значения (журнал «Родина») и ведомственного подчинения («Военно-исторический журнал», Минобороны России) сравним показатели их публикационной активности по вопросам военной истории и истории Великой Отечественной войны за 2008 и 2019 г. (см. ил. 1), в канун Года памяти и славы в Российской Федерации.

При увеличении в научных журналах (ВИ, О/РИ, ННИ) общего количества публикаций по военной истории, по нашему мнению, большая часть данного сегмента СМИ (включая научно-популярный журнал «Родина») не удовлетворяет в полной мере потребности государства и общества в освещении истории Великой Отечественной войны. Об этом свидетельствует количество публикаций, освещающих историю Великой Победы: всего 80 статей из 1118 за 2019 г. Как положительный пример можно отметить журнал «Вопросы истории» и «Военно-исторический журнал», чья доля в общем объеме публикаций о Великой Отечественной войне данного сегмента СМИ составила 24 % и 44 % соответственно.

Ил. 2. Освещение истории Великой Отечественной войны в российских научных и научно-популярных изданиях в 2019 году (относительно общего количества публикаций журнала)

Внутреннюю сторону вопроса, редакционную политику журналов наглядно демонстрирует доля публикаций о Великой Отечественной войне в общем количестве всех статей за 2019 г. (см. ил. 2): 0 — «Новая и новейшая история» (ИВИ РАН), 4 % — «Родина» (Администрация Президента России, Правительство Российской Федерации); 7 % — «Российская история» (ИРИ РАН); 8 % — «Вопросы истории» (ООО «Журнал “Вопросы истории”»); 19 % — «Военно-исторический журнал» (Минобороны России).

Дополнительно усугубляют ситуацию в данном сегменте СМИ два фактора: низкие тиражи печатных версий данных журналов (за исключением журнала «Родина», 20 тыс. экз., с января 2020 г. — 26 тыс.); сверхвысокая стоимость электронных версий в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (от 4300—5600 р. за 2020 г. для ИИ, НИИ и ВИ до 19 тыс. 600 р. для «Родины»!!!), за исключением «Военно-исторического журнала» (1000 р. за 12 выпусков). Учитывая последнее обстоятельство, «Военно-исторический журнал» с 2020 г. сделал открытый доступ не только к архиву, но и к текущим выпускам журнала на официальном сайте Редакционно-издательского центра «Красная Звезда» Минобороны России (<http://history.ric.mil.ru/Nomera>). Кроме того, в Год памяти и славы в Российской Федерации «Военно-исторический журнал» увеличил в сравнении с 2019 г.

количество публикаций, посвящённых Второй мировой и Великой Отечественной войнам, причём как в абсолютных показателях (с 35 до 45 статей), так и в относительных (с 19 до 28 %).

Очень важным и недостаточно востребованным государством остаётся ещё один сегмент медиа — электронные и печатные СМИ, получающие заслуженно высокую оценку экспертов Всероссийского конкурса «Патриот России» на лучшее освещение темы патриотического воспитания. Этот конкурс проводится государством уже 19 лет в рамках Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». В своём большинстве это региональные СМИ, представляющие все субъекты России. Финальную часть конкурса практически каждый раз принимают разные российские города.

Так, в 2020 г. финальные акции уже XIX конкурса, в которых приняли участие журналисты из 40 регионов России, состоялись в Архангельске, городе воинской славы России, городе славы русских моряков. Рабочая программа была очень насыщенной. 8 октября был проведён мастер-класс на тему «Электронные СМИ в сохранении наследия Великой Победы: тенденции, проблемы и перспективы». Вниманию журналистов организаторы представили обзор изменений российского законодательства в области защиты исторической правды, профилактики и противодействия пропаганде фашизма, нацизма, экстремизма. Российские журналисты в ходе мастер-класса ознакомились с сетевыми ресурсами новых межведомственных проектов, выполненных в рамках реализации поручений Президента России: «Вторая мировая война в архивных документах» (комплекс оцифрованных архивных документов, кино- и фотоматериалов); «Образы войны» (база фотографий периода Великой Отечественной войны, свидетельства беспримерного подвига советского народа); «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (оцифрованные документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) на сайте Росархива в рамках Всероссийского проекта «Без срока давности»). На примере Дня воинской славы России «9 октября — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в битве за Кавказ» (установлен в 2020 г.) в ходе мастер-класса был разобран кейс с анализом содержания интернет-ресурсов, представленных в топ-10 поисковой системы.

В условиях проводившегося в 2020 г. в России Года памяти и славы, особой обстановки на «историческом фронте» организаторы «Патриота России» ввели в Положение о конкурсе две новые номинации: «Против фальсификации истории» — публикации, направленные на борьбу с фальсификацией истории в ущерб интересам Российской Федерации и сохранения памяти о Великой Отечественной войне, в одной или нескольких сериях журналистских работ и «Без срока давности» — истории о трагедиях мирного населения Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Учитывая данные обстоятельства, круглый стол, проведённый 9 октября в рамках финальных мероприятий в Молодёжном центре Архангельской области, также был посвящён теме «Патриотизм в российских СМИ. Фальсификация истории Великой Отечественной войны в ущерб интересам Российской Федерации». В ходе круглого стола выступили не только журналисты из числа участников конкурса. Весьма познавателен опыт работы архангелогородских патриотов из Юнармии России, в том числе юнкоров — авторов материалов газеты «Патриот Архангельской области», о котором рассказала руководитель пресс-службы Центра «Патриот» города Архангельск А. М. Резвая.

Наибольшее звучание в ходе дискуссий 8 и 9 октября победителей «Патриота России – 2020» получили следующие проблемы: неотвратимости наказания в рамках предусмотренной законодательством России ответственности за преступления, связанные с попытками реабилитации нацизма, в том числе за осквернение воинских памятников и захоронений, оскорбление памяти предков, связанной с днями воинской славы России; перспектив принятия федерального закона о патриотическом воспитании граждан; соблюдения авторского права при публикации фотоматериалов личного происхождения периода Великой Отечественной войны; ограниченности изучения истории Великой Отечественной войны в рамках основной школьной программы, развития школьных музеев боевой славы, вовлечения детей и молодёжи в сферу патриотической журналистики; необходимости более широкой и активной поддержки Президента России В. В. Путина со стороны научного сообщества и отечественных СМИ в защите исторической правды о Великой Победе.

Церемония награждения победителей конкурса была проведена в здании Правительства Архангельской области. От

имени руководства Поморья победителей конкурса приветствовал и участвовал в церемонии награждения первый заместитель руководителя администрации губернатора и правительства Архангельской области И. А. Деметьев: «Сегодня мы проводим большую работу по сохранению исторической памяти, по воспитанию патриотизма, и в этой работе огромную роль играют СМИ, — подчеркнул Иван Александрович. — Важно и то, что конкурс призван формировать образ современного журналиста, отстаивающего интересы Родины».

Проведение конкурса, в том числе финальной части, показало его востребованность и актуальность, направленность на решение практических задач патриотического воспитания граждан России, защиты исторической правды, развития гражданского общества, экономики, культуры, спорта, сохранения малых народов, продвижения имиджа России за её пределами, совершенствования журналистской деятельности. Конкурс «Патриот России» проводится в соответствии с Государственной программой «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016—2020 гг.». Участники финальных мероприятий с сожалением отметили отсутствие на финальных мероприятиях конкурса в Архангельске представителей Роспечати и Минобороны России, которые всегда ранее активно в них участвовали. Кроме того, они выразили надежду, что новой Госпрограммой патриотического воспитания на 2021—2025 гг. будет предусмотрено проведение Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России».

Оценивая электронные СМИ (сетевые издания, сайты, порталы, социальные СМИ), представившие на конкурс работы, 27 % которых связаны с военно-патриотической тематикой и 19 % посвящены Великой Отечественной войне, отмечаются две тенденции:

– значительное увеличение количества таких СМИ / интернет-ресурсов (от единиц в начале 2000-х до более 80 в настоящее время, издание практически в каждом субъекте Российской Федерации);

– увеличение спектра формата СМИ, форм и способов представления информации, что влечёт значительный рост читательской аудитории.

Следовательно, именно сетевые СМИ в настоящее время и ближайшую перспективу могут и должны сыграть основную роль в донесении правды истории Великой Отечественной

и Второй мировой войн. Вместе с тем, именно этот сегмент СМИ, зачастую являющихся общественными, или учредителями которых стали физические лица, в большей степени нуждается в государственной поддержке.

Одним из таких СМИ является сетевое издание «Наука. Общество. Оборона», учреждённое в 2013 г. С тех пор оно неоднократно было признано победителем и лауреатом Всероссийского конкурса «Патриот России», а его научный журнал индексируется в РИНЦ и с 2018 г. входит в Перечень ВАК (Отечественная история; Всеобщая история). Около 25 % материалов каждого выпуска научного журнала освещают историю Великой Отечественной или Второй мировой войн.

Так, если за 2019 г. опубликованы 10 статей восьми авторов, то в 2020 г. это уже 15 статей от 18 авторов, в том числе 4 статьи зарубежных авторов из Италии, Польши, Сербии, Вьетнама (работы зарубежных историков опубликованы на английском и русском языках). Предметная область тематики публикаций весьма разнообразна. Это и вопросы развития военно-политической обстановки и военной безопасности накануне Второй мировой войны¹; безусловно, хода военных действий, реализации освободительной миссии Советского Союза во Второй мировой войне² и героизма советского народа³; особенности советского тыла в условиях военного времени, включая вопросы эвакуации⁴, военного обучения населения⁵, деятельности военно-шефских комиссий⁶ и обеспечения общественной безопасности⁷. Значительное внимание в редакционной политике журнала занимает освещение военных преступлений и преступлений против человечности германских нацистов и их пособников⁸ и движения Сопротивления, в том числе за пределами СССР⁹. Увековечение памяти погибших красноармейцев и история воинских захоронений, в том числе за пределами Отечества¹⁰, социальная интеграция демобилизованных военнослужащих после Великой Отечественной войны¹¹ и формирование образа войны в исторической памяти в Советском Союзе¹² также не осталось без внимания журнала «Наука. Общество. Оборона». Проблемы защиты исторической правды и памяти о защитниках Отечества, исторической политики России¹³ и зарубежных государств¹⁴ — одно из важнейших и перспективных направлений научной и публицистической деятельности сетевого издания «Наука. Общество. Оборона».

Ставшие актуальными в последнее время для российского общества вопросы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн получили освещение в 2020 г. и на страницах «Военно-исторического журнала»: военные преступления и преступления против человечности германских нацистов и их пособников¹⁵, коллаборационизм (измена Родине) советских граждан¹⁶, особенности военного обучения советского населения в условиях военного времени¹⁷, советско-японские взаимоотношения¹⁸, противодействие фальсификации истории в наши дни¹⁹.

Общими проблемами российских СМИ в сохранении исторической памяти и защите исторической правды о Великой Победе являются: сложность жанра, тематики, что предъявляет особые требования к квалификации авторов и редакторов, ответственности за содержание публикаций; ограниченный доступ к информационной базе — документам архивов (лишь незначительная их часть оцифрована, единая база / путеводитель по фондам отсутствует); недостаточность финансирования ведомственных, региональных и общественных СМИ. Оценивая перспективы, полагаем целесообразным учредить тематический журнал, посвящённый истории Великой Отечественной войны, например, «Великая Победа» (в печатной и сетевой версии).

¹ Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Туманин В. Е. 1) Советско-румынские отношения накануне и в первые недели Великой Отечественной войны (январь—июль 1941 г.) // Наука. Общество. Оборона. 2019. № 1; 2) Сентябрьская катастрофа 1939 года и её истоки (по страницам документов) // Там же. № 2—4; Илиевский Н. В. «Ab ovo», или когда же началась Вторая мировая война? // Там же. 2020. № 4.

² Латыпов Т. Р. 1) Пражская стратегическая наступательная операция (6—11.5.1945 г.): боевые действия 31-й армии // Наука. Общество. Оборона. 2019. № 1; 2) Латыпов Т. Р. «И танки наши быстры»: боевые действия 3-й гвардейской танковой армии в Пражской стратегической наступательной операции (6—11.5.1945 г.) // Там же. № 3; Скоробогатов С. Б. Действия штурмовой авиации в операции по освобождению Крыма в 1944 году на примере 214-й штурмовой авиационной дивизии // Там же. 2020. № 1.

³ Гогунская Т. А. Женщины-герои Крыма: военный подвиг, память и бессмертие // Наука. Общество. Оборона. 2019. № 2.

⁴ Вычеров Д. А. Эвакуация в дневниках ленинградских детей и подростков в 1941—1942 гг. // Наука. Общество. Оборона. 2019. № 2.

⁵ Вычеров Д. А. Военное обучение школьников в конце 1930-х — 1945 гг. (на материалах города Тюмени) // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 1; Аверьянов А. В.,

- Грядский Д. М. Организация военной подготовки и обучения на Юге РСФСР в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Там же. № 2.
- ⁶ Рязанцева Ю. А. Организация и деятельность городской военно-шефской комиссии в Ленинграде, 1941–1944 гг. // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 1.
- ⁷ Климов А. А. Обеспечение общественной безопасности личным составом органов НКВД СССР в период Великой Отечественной войны // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 3.
- ⁸ Плотников А. Ю. Катынская фальсификация как инструмент информационной войны // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 4.
- ⁹ Nguyen Thi Mai Hoa. Viet Minh established relationship and coordinated activities with the United States in the fight against Japanese fascists (1942–1945) [Нгуен Т. М. Х. Установление взаимоотношений и координация действий между Вьетминь и США в борьбе против японских фашистов (1942–1945)] // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 3; Biljana Zivkovic. The Independent State of Croatia committed the genocide of serbs in World War II [Живкович Б. Независимое государство Хорватия совершило геноцид сербов во Второй мировой войне] // Там же. № 4; Irene Guerrini, Marco Pluviano. 1943–1945: Italian enforced laborers in Germany. Men and women forced to support German military efforts [Геррини И., Плувиано М. 1943–1945 гг.: итальянские принуждённые работники в Германии. Мужчины и женщины были вынуждены поддерживать немецкую военную мощь] // Там же.
- ¹⁰ Обернихин Е. А. Увековечение памяти погибших в годы Второй мировой войны красноармейцев: терминологические аспекты проблемы // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 3; Соклаков А. Ю. Международное гуманитарное право: из истории правовой регламентации статуса воинских захоронений за пределами Отечества // Там же. 2019. № 4.
- ¹¹ Собожников Н. А. Социальная интеграция демобилизованных военнослужащих после Великой Отечественной войны (на примере В. В. Чевалкова) // Наука. Общество. Оборона. 2019. № 2.
- ¹² Манаев А. Ю. «Мы возродим тебя, родной Сталинград!»: формирование образа Сталинградской битвы в исторической памяти (1940-е — 1950-е гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 1.
- ¹³ Кикнадзе В. Г. История Второй мировой войны в СССР и России: антигосударственная деятельность за государственный счет // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 2; Бубнов А. Ю., Комплеев А. В. Российско-немецкая «война памяти»: анализ современной онлайн дискуссии о Великой Отечественной войне // Там же.
- ¹⁴ Konrad Renkas. The Memory War [Ренкас К. Война памяти] // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 3.
- ¹⁵ Авраменко С. М. Военные преступления нацистской Германии на Смоленщине // Военно-исторический журнал. 2020. № 5; Тужилин С. В. 1) «...Выломали правую руку, выкололи глаза, нанесли несколько ран в области головы, а затем убили выстрелом в голову». Преступления германских оккупационных властей и их союзников на территории Курской области (октябрь 1941 — август 1943 г.) // Там же; 2) «Совершённые преступления являются громадными злодеяниями против человечества». Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками // Там же. № 12; Алексеев А. В. «Это нельзя себе представить». Советские военнопленные и оstarбайтеры периода Великой Отечественной войны на страницах журнала «Британский союзник» // Там же.

¹⁶ Кулинок С. В. «Каждый может быть шпионом и каждый должен быть шпионом». Деятельность немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов в Минске в 1941—1944 гг. // Военно-исторический журнал. 2020. № 6; Богданов С. В., Остапук В. Г., Маслов В. А. Агентура немецких спецслужб и коллаборационистские органы на юге и юго-востоке Курской области в 1941—1943 гг. // Там же. № 4; Крысин М. Ю. 1) «Комитет» и «правительство» эстонских коллаборационистов и шпионов в 1941—1949 гг. // Там же; 2) Провалы иностранных разведок в Литве в 1945—1949 гг. // Там же. № 11.

¹⁷ Артюхов С. А. Сочинские школы — фронту // Военно-исторический журнал. 2020. № 5; Добровольский В. С., Шпаков Г. Г. Военная подготовка в гражданских вузах СССР в 1924—1944 гг. // Там же. № 3; Ложкарев А. И., Черкасский Г. А. «Чёткость и суровая воинская дисциплина всей организации и деятельности школы особенно необходима в период Отечественной войны против фашистских варваров...». Курсанты-пожарные Урала в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Там же. № 9.

¹⁸ Тужилин С. В. «“Нейтралитет” Японии в войне... служил... ширмой для оказания помощи Германии». Военно-политические и социально-экономические факторы обеспечения государственной безопасности на советском Дальнем Востоке (1941—1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 2020. № 2; Зорихин А. Г. «Японо-советская война... должна быть проведена как можно скорее». Противоборство военной разведки Японии и советских спецслужб в 1922—1931 гг. // Там же. № 1.

¹⁹ Стрелецкий Я. И. «Наш ответ на ложь — это правда» // Военно-исторический журнал. 2020. № 5.

Д. А. Кириллова (Москва)

ИЗ ДНЕВНИКОВ ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ — РУССКИЙ ВОЕННЫЙ ЛАГЕРЬ 1920—1921 ГОДОВ

В СТАТЬЕ использованы дневники двух галлиполийцев — штабс-капитана Дроздовской дивизии Георгия Алексеевича Орлова (1895—1964) и штабс-капитана Корниловской дивизии Павла Семёновича Андрианова (1896—1974).

Георгий Алексеевич Орлов (ил. 1) летом 1917 г. призывается в армию, но на фронт он уже не попадает из-за событий в стране: Октябрьского переворота и революционного развала армии. Летом 1918 г. вступает в ряды Добровольческой армии, зачисляется в 3-й отдельный лёгкий артиллерийский дивизион Дроздовской дивизии и воюет в ней до эвакуации из Крыма. С момента вступления в Добровольческую армию он ведёт ежедневный дневник, который потом, уже на чужбине, дополняет и исправляет. Дневник передан в Дом Русского Зарубежья имени Александра Солженицына его сыном Вадимом Орловым и опубликован издательством «Посев» в 2019 г.

Павел Семёнович Андрианов (ил. 2) окончил Павловское военное училище. Поручик. Весной 1919 г. состоит в охране императорской фамилии в Крыму. В июле 1919 г. вступает в ряды Добровольческой армии, командир роты в 3-м Корниловском полку, с октября 1919 — командир 1-го батальона Корниловского полка. Штабс-капитан. Воюет в Корниловской дивизии до эвакуации из Крыма¹. Его дневник — это очень лаконичные записи, на все галлиполийские события пришёлся всего один разворот тетради. Дневник П. С. Андрианова передан его приёмным сыном Леонидом Штро-Андриановым в Дом Русского Зарубежья.

Эти дневники — уникальные исторические источники, бережно хранимые авторами всю жизнь и переданные их детьми в Дом

Русского Зарубежья имени Александра Солженицына. Их авторы — боевые офицеры, прошедшие с Белой армией весь её героический и трагический путь от побед до поражений. Они пишут и о событиях, и о настроениях в галлиполийском лагере, о бытовых заботах и тяготах лагерной жизни, об обучающих курсах и парадах, о надеждах и чаяниях.

После поражения Белой армии 13—16 ноября 1920 г. на ста двадцати шести судах Россию покинуло около ста сорока пяти тысяч человек,

Ил. 1. Георгий Алексеевич Орлов

причём, не только военные, но и большое число мирных беженцев. Эвакуация проходила из нескольких портов: Севастополя, Ялты, Феодосии, Керчи. К ней готовились заранее, приводили, насколько это было возможно, в порядок флот, сильно пострадавший в Первую мировую и Гражданскую войны, делались неприкосновенные запасы угля. Первыми были погружены раненые, больные и инвалиды из госпиталей и учащиеся кадетских корпусов. Затем стали грузиться воинские части, многие из которых шли с марша, и штатские. Военных было не больше половины, боевых частей — около трети эвакуированных, остальные — мирные беженцы.

Нужно сказать, что эвакуация была достаточно хорошо организована, да и сам факт спасения столь многих людей от неминуемой расправы говорит сам за себя. Покидали Родину с тяжёлым чувством: позади — Россия, впереди — неизвестность, а оставаться — нельзя, это уже хорошо понимали. Тех, кто поверил обещаниям М. В. Фрунзе и решил остаться, ждала тяжёлая судьба: казни, репрессии, тюремное заключение, лагеря.

Доплыла армада русских кораблей достаточно благополучно — оторвался и затонул только один миноносец «Живой». Он был несудоходен, его вели на буксире. В шторм корабль оторвался и затонул, спасти находящихся на нём людей не удалось.

И вот через трое суток русские корабли стали на якорь в бухте Золотой Рог. На берег русских не пускали, и начались тяжёлые переговоры главнокомандующего генерала П. Н. Врангеля с представителями союзного командования. Турция была оккупирована англо-французскими войсками. Сутки корабли стояли на рейде, не хватало питания, воды, условия были антисанитарные. В результате была достигнута договорённость с союзниками. Но армию пришлось разделить. Казачьи части по главе с генералами Ф. Ф. Абрамовым и М. А. Фостиковым

Ил. 2. Павел Семёнович Андрианов

были отправлены в военные лагеря близ Константинополя и на остров Лемнос, а 1-й корпус Русской армии отправился на полуостров Галлиполи, расположенный между Саросским заливом Эгейского моря и проливом Дарданеллы.

Союзники настаивали на переходе русских воинов на беженское положение. Кормить русских эмигрантов согласились, но в качестве компенсации были взяты русские корабли.

Нужно сказать, что настроение людей было очень разным. Кто-то пребывал в отчаянии: война проиграна, всё пропало, Родину пришлось покинуть, а кто-то рвался в бой — сейчас мы женщин, детей и штатских высадим и поплывём обратно, сделаем десант. Но корабли забрали союзники, и этим планам не суждено было осуществиться.

На рейде близ городка Галлиполи встали русские пароходы «Херсон» и «Саратов», пришедшие из Константинополя,

и началась разгрузка. Штабс-капитан Корниловского полка П. С. Андрианов пишет в дневнике: «20-го вечером (20 ноября 1920 г. — Д. К.) снимаемся и идём в Мраморное море. К утру 21-го мы в Галлипольской бухте и стали на якорь. 22 вечером я сгрузился и погулял в казармах. Наконец-то стали на твёрдую почву и нет возгласов: “переходи на левый борт”. Рядом с нами сенеальцы. 23 выгрузился весь полк. Ходил в город. Поганый, разрушенный вид»².

Город Галлиполи пострадал от артобстрелов во время Балканских войн и Первой мировой войны, и часть его была довольно сильно разрушена. И именно эти дома, пустовавшие, поскольку жители переселились в уцелевшие кварталы, и были выделены для поселения русских эмигрантов. Дома без крыши, без стен, где зимой в помещении шёл снег, а летом — дождь, часто без окон и дверей. Местное население с опаской поглядывало на русских и очень неохотно пускало их на постой. Это было неудивительно: уставшие, грязные, обносившиеся люди, да еще и непонятные русские на первых порах не вызывали доверия.

Штабс-капитан Дроздовской дивизии Г. А. Орлов в дневнике описывает это место так: «Галлиполи — маленький препашивенький городок... Очень много зданий совершенно разрушено — следы высадки союзников на Галлиполийский полуостров и резни турков с греками... Для временного расквартирования наших частей французы отводят только разрушенные здания и бараки без окон и дверей»³.

Но в самом Галлиполи размещали, в основном, семьи военных, штаб и интендантские части, а для боевых полков была выделена «Долина роз и смерти» в шести километрах от города. Несмотря на поэтическое название, это было изрытое снарядами голое поле, в котором в изобилии водились ядовитые змеи и насекомые, селившиеся в кустах шиповника, произраставшего в долине. Даже в небольшой речке водились ядовитые змеи. Когда генерал А. П. Кутепов, отличавшийся железной выдержкой, проехал посмотреть на место, выделенное для лагеря 1-му корпусу Русской армии, у него невольно вырвалось: «И это всё?»⁴ Правда, союзники выделяли палатки и весьма скудный паёк. Нужно было устраивать лагерь, налаживать жизнь, питание, но не это было самым главным: нужно было сохранить армию, не дать ей превратиться в толпу беженцев. А «Долину роз и смерти» русские воины практически сразу переименовали в «Голое поле».

Уставшие, голодные, измученные люди покидали пароходы и, наконец, оказывались на твёрдой земле. Многие в изнеможении сидели и лежали прямо на стылой земле, чтобы дойти до полуразваленных барачков приходилось напрягать все силы, а заплечный мешок казался неподъёмным грузом. И раздавался отчаянно-весёлый напев юнкеров, которые держались изо всех сил: «Мама, мама, что мы будем делать, когда наступят злые холода? Ведь у тебя нет тёплого платочка, у меня нет зимнего пальта...». Из уст в уста переходил рассказ о том, как генералу А. П. Кутепову, пришедшему на пристань, где происходила выгрузка измученных людей из трюмов пароходов, не отдал честь солдатам в полуоторванном погоне (по другой версии — зазевавшийся офицер, не заметивший командующего), которому, видимо, было совсем плохо и тяжело на душе. И раздался резкий окрик: «Вы солдат или беженец? Встать, пришить погон и отдать честь!»⁵

Впоследствии Галлиполийский военный лагерь назовут «Русским чудом», будут говорить о том, что удалось совершить практически невозможное — сохранить Русскую армию, её моральный и боевой дух в крайне тяжёлых условиях.

Одним из первых приказов А. П. Кутепова был — «дать порядок», что подразумевало строжайшее соблюдение дисциплины и несение воинской службы: «Для поддержания на должной высоте доброго имени и славы русского офицера и солдата, что особенно необходимо на чужой земле, приказываю начальникам тщательно и точно следить за выполнением всех требований дисциплины»⁶. Полностью совпадал с приказом командира 1-го корпуса генерала от инфантерии А. П. Кутепова и приказ главнокомандующего Русской армией П. Н. Врангеля: «По устройстве войск на новых местах главной заботой начальников всех степеней должно быть создание прочного внутреннего порядка во вверенных им частях. Дисциплина в Армии и на Флоте должна быть поставлена на ту высоту, какая требуется воинскими уставами, и залогом поддержания её должно быть быстрое и правильное отправление правосудия»⁷.

Сохранялась и структура Русской армии. В 1-й корпус были сведены пехотные и кавалерийские подразделения: 1-я пехотная дивизия под командованием генерал-лейтенанта В. К. Витковского, в которую входили 1-й ударный Корниловский полк под командованием генерал-майора Н. В. Скоблина, 2-й пехотный Марковский полк под командованием генерал-майора

М. А. Пушни, 3-й стрелковый Дроздовский полк под командованием генерал-майора А. В. Туркула, 4-й партизанский Алексеевский полк под командованием генерал-майора Ю. К. Гравицкого; 1-я Конная дивизия под командованием генерал-лейтенанта И. Г. Барбовича, в которую были сведены 4 конных полка и конно-артиллерийский дивизион; артиллерийская бригада под командованием генерал-майора А. В. Фока — все эти части разместились в военном лагере в «Голом поле».

А в выделенных для русских полуразрушенных или разрушенных зданиях в городке Галлиполи были размещены юнкерские училища: Константиновское, Александровское, Корниловское, Сергиевское, Николаевско-Алексеевское и Николаевское кавалерийское; технические части под командованием полковника Лукина; часть Алексеевского полка; артшкола; часть бронепоездного дивизиона; запасной кавалерийский полк; интендантство; комендант города Галлиполи — генерал М. А. Звягин.

Необходимо было открыть бани и дезинфекционные пункты, разместить военных, их семьи, наладить питание и устроить лагерь в Голом поле.

И началось обустройство лагеря: ставили палатки, из подручных материалов мастерили койки и очаги, рыли землянки, которые накрывали палатками и называли «дачи», расчищали территорию. Паёк был до крайности скуден, чтобы как-то подкормиться, русским воинам приходилось продавать то малое имущество, что у них ещё оставалось. Были проблемы и с обмундированием, обувью, за время непрерывных, изматывающих боев Гражданской войны армия сильно поизносилась. В палатке жило по 50—90 человек, иногда и больше. Для семейных выделяли «уголок» в общей палатке, а об отдельной можно было только мечтать. Спали практически на земле, потом стали изготавливать себе «кровати» из травы, кустарника, оставшихся на полях стеблей. Некуда было положить личные вещи, если удавалось взять несколько дощечек от упаковочных ящиков (в них привозили палатки, например) то делали полочки. Г. А. Орлов уже в середине декабря писал, что лагерь активно обустройствается: «16.12.1920. По лагерю продолжают все время нескончаемые работы, разбирают линейки, носят песок, камни, прутья, деревья, можжевельник и пр. С одной стороны, делать нечего, а с другой — все время занят — то в наряде, то на работе, то мастерить что-либо около своей постели...»⁸ Работы по обустройству лагеря делили поровну

и офицеры, и солдаты. Но в палатках было очень стыло и сыро, спали-то практически на земле, начались простуды, лихорадки, ревматические боли, из-за отвратительной пищи многие маялись желудками, периодически вспыхивал желудочный тиф. А вот сыпной тиф в Галлиполийском лагере достаточно быстро истребили. За чистой тщательно следили, генерал А. П. Кутепов мог подойти к любому солдату, юнкеру и велеть показать портянки, рубаху, подштанники: если всё чисто, то — хорошо⁹.

Очень плохо было налажено питание. Периодически от союзников поступали консервы с истёкшим сроком годности, бобы, которые варили целый день, а они все равно оставались сырыми. Готовить пищу было достаточно сложно: трава и мелкие ветки давали слабый огонь, и обед регулярно был готов только к ужину. Из каждого подразделения приходилось выделять по 2—3 человека в «кашевары». Основой рациона стали «чёрные бобы» — консервы, в которых было очень много селитры. Многие галлиполийцы вспоминали потом, что от этих чёрных бобов они сами чернели.

Штабс-капитан П. С. Андрианов писал о первых днях жизни в лагере очень лаконично: «28 переходим в лагерь. Вчера загнал револьвер. Палатка, где поместилась вся рота (72 ч.). Ужасный ночлег. Начинаем понемногу устраиваться, палатки, линейки. Питаемся плохо, всё время голодно. Загнал часы, загнал Верочкин подарок — портсигар»¹⁰.

17 декабря приехал главнокомандующий Русской армией генерал П. В. Врангель. Его ждали, авторитет главнокомандующего среди русских воинов был очень высок. Сначала он осмотрел как устроились в самом городе Галлиполи, потом приехал в лагерь. Войска были построены на парад.

Штабс-капитан П. С. Андрианов писал об этом событии: «17/ XII приезжал Врангель: печальное зрелище представлял полк на параде. Тяжело и Врангелю. Со всех сторон стараются распылить армию. Но мы крепко держимся друг друга, и, наверное, этой спайкой заставляем относиться к нам не совсем свысока»¹¹.

Штабс-капитан Г. А. Орлов записал в дневнике, что в этот день впервые увидел П. Н. Врангеля в корниловской форме, а не в казачьей черкеске. Также штаб-капитан писал о том, что: «Как и раньше он (Врангель. — Д. К.) произвёл на меня большое впечатление, его манера здороваться и говорить действует на меня как-то особенно. Есть какая-то нотка в его голосе, которая

действует на меня как-то особенно»¹². Самая важная новость, которую привёз своим войскам главнокомандующий, — армия остаётся армией, об этом удалось договориться с французским командованием. П. Н. Врангель остаётся во главе армии и будет представлять её интересы и требовать, чтобы положение галлиполийцев было улучшено. Союзники всё-таки выделили для Русской армии содержание. Генералу Врангелю удалось постепенно добиться того, чтобы его войска лучше снабжались, выделялись деньги и обмундирование. Паёк все равно был скуден, но он стал чуть лучше, привезли в лагерь бельё и форму, гигиенические принадлежности.

Помимо голода, холода и болезней была ещё одна проблема — скука. Люди, воевавшие в течение последних лет, оказались не у дел. Играли в карты, самодельные городки. Очень быстро в лагере развёртываются различные курсы: изучения иностранных языков, инженерные, математические, артиллерийские, была учреждена историческая комиссия для изучения Гражданской войны. Штабс-капитан Орлов, которому было тогда всего 25 лет, но он был хорошо образованным человеком, начинает читать лекции по аналитической геометрии и вести занятия по высшей математике на курсах Союза Офицеров и в Инженерной школе¹³. Для того чтобы сохранить армию было необходимо поддерживать квалификацию действующих офицеров, давать им новые знания во военному делу и общим предметам. В лагере было очень мало книг, да и о каких книгах могла идти речь при эвакуации из Крыма, но всё, что было, передавалось из рук в руки. Была оборудована даже палатка-читальня. Неграмотных солдат учили читать и писать. В этом прослеживались традиции Русской армии — приходящего неграмотного новобранца офицеры учили читать и писать, давали ему хотя бы минимальные знания по истории России и, обязательно, по истории полка, в котором солдат служил. Наладилось и снабжение лагеря печатными изданиями — газетами. Жадно вчитывались галлиполийцы в газетные строки: что же происходит в мире. Постепенно лагерь начинает жить как воинская часть в лагерях. Начинаются строевые и гимнастические занятия и тренировки. Физическая нагрузка шла измученным, полуголодным людям на пользу, они немного окрепли.

Стала налаживаться лагерная жизнь — и стало меняться настроение измученных войск. Г. А. Орлов в январе 1921 г. писал:

«С некоторых пор в настроении нашей армии начал намечаться перелом... Чувство растерянности и безнадёжности начинает проходить. Испытав жизнь за границей, публика научилась любить свою Родину. Всех потянуло назад — к себе. В Россию. Против военной организации, чем раньше особенно сильно возмущались, здесь не говорят. Авторитет Врангеля и его обаяние растёт в солдатских массах. Все живо начинают обсуждать возвращение в Россию; воевать снова на Русской земле уже соглашались, если это будет необходимо. В общем, настроение бодрое»¹⁴. Прошло два месяца — и отчаяние первых дней на чужой земле, воспоминания о тяжелейшей эвакуации постепенно сглаживались, 1-й корпус Русской армии становился именно армией. Несмотря на голод и холод, галлиполийцы осознали себя силой, способной к дальнейшей борьбе за освобождение России от большевиков, и в лагере, ставшем похожим не на беженский приют, а на армейский лагерь, ждут весеннего похода.

В лагере отмечают Рождество и Новый, 1921 год. Украшают его, готовят немудрёное угощение. «Ночь под Новый Год. Наше Рождество и Новый Год. Стрельба. Жизнь понемногу налаживается. Идут украшения лагеря, кой-когда занятия. Научились уже и варить, и стирать, прямо как хозяйки заправские»¹⁵.

Устраивались и полковые церкви, дёрном был покрыт только алтарь, а службы проводились на улице, вера укрепляла людей, давала надежду, успокаивала смятенные души. Богослужбные книги и иконы создавались в лагере из подручных материалов. Первая служба в самом городе Галлиполи была проведена в греческом храме, предоставленном местным митрополитом, а пел на службе хор Корниловского ударного полка. Планировалось провести парад 19 января, в день Крещения Господня, но из-за непрекращающихся ливней глина под ногами размокала, идти было невозможно, поэтому парад перенесли на 26 января. Началось всё с молебна, который отслужил греческий архиерей Галлиполийский вместе с русскими военными священниками. Затем состоялся парад. Присутствовали генерал А. П. Кутепов, французский комендант, представители греческих и турецких властей. «Наши части во время парада производили очень хорошее впечатление. Полки достали откуда-то очень много винтовок... Корреспондент “Пресс дю Суар” в восторженных красках описывает этот парад»,¹⁶ — писал Г. А. Орлов. Отметил это событие и П. С. Андрианов: «25/1 (наш Татьянин день) был парад

всему корпусу. Он, кажется, произвёл солидное впечатление на видавших его иностранцев и репортёров газет»¹⁷.

В феврале главнокомандующий приезжает вновь к своим войскам. Прибыл он в Галлиполи 15 февраля. Войска были построены на парад, к которому готовились загодя. Штабс-капитан Орлов отмечал в дневнике, что подготовка к параду — довольно скучная вещь. Но готовились от души. Из полотенец дроздовцы сделали пояса, покрасили чем-то фуражки в малиновый, но от морозящего дождя краска немного потекла¹⁸. Несмотря на то, что какое-то обмундирование в лагерь доставлялось, одеты были всё равно ещё плохо.

«Около 12 прибыл Врангель. Как раз в момент его появления выглянуло солнце. Он, как обычно, начал обходить быстрыми шагами построившиеся части. Сразу после приветствия раздалось мощное «ура». Минута была торжественная, от переполнения чувств у многих слёзы подступили к горлу...»¹⁹ Главнокомандующий говорил о том, что он гордится своими войсками, благодарил за стойкость и терпение, вселял в войска надежду, что «Россия снова воскреснет и... нас признают, нас попросят»²⁰. Проходили строем части, как писал Г. А. Орлов (дроздовец): «наши дроздовцы нарезали всех»²¹. Осматривая лагерь, П. Н. Врангель рассказывал о том, что привез немного денег, а вот с обмундированием ещё плохо, союзники его «зажали», приходится выцарапывать. После отбытия главнокомандующего поднялось настроение в лагере, популярность и авторитет П. Н. Врангеля был очень велик среди офицеров и солдат. И все ждали весеннего похода, передислокации войск. А пока — строевая подготовка, занятия в Офицерской школе и на курсах, физкультура и даже... городки, которые приобрели в лагере популярность. Началось увлечение футболом, чтобы починить невесть откуда приобретённый мяч, бегали по всему лагерю.

Русское воинство приноровилось к жизни в Голом поле: «...публика всё больше и больше приспособливается к существующим условиям жизни и абсолютно из ничего создаёт кое-что для того, чтобы хотя немного (так в тексте. — Д. К.) скрасить здешнее существование... из консервных банок делают трубы для печей, посуда, баночки, пепельницы, разных размеров бочки для варки пищи, тазы для умывания и стирки белья»²². Понемногу увеличивается паёк и, наконец, привозят так необходимое обмундирование и бельё.

Но возрождавшаяся Русская армия начинала восприниматься союзниками как угроза и обуза, непосильная для экономики страны, пайки опять урезались, с 1 апреля их грозились совсем отменить, а людям предлагалось ехать в Советскую Россию или в Бразилию, правда, потом выяснилось, что последнюю об этом уведомить забыли. Подводились к пристани пароходы, на которые предлагалось грузиться. Стены домов в Галлиполи были обклеены обращением французского командования к русским воинам с предложением перейти на беженское положение, ехать в Советскую Россию или на работы в другие страны. Юнкера срывали эти воззвания, отвлекая сенегальских часовых. Особого эффекта эти воззвания не произвели, русские воины уже осознали, что они — не беженцы, они — армия. И на беженское положение перешло не так уж и много людей, остальные добровольно остались в Галлиполийском лагере. В какой-то момент думали о том, что и Врангеля могут арестовать, и командованием 1-го корпуса разрабатывался план вооружённого прорыва. В дневнике Г. А. Орлова встречаются упоминания, что особого впечатления демарш союзников на галлиполийцев не произвёл: «в Совдепию записались ехать единичные люди»²³, а все остальные решили ждать главнокомандующего и его решения. По этому поводу было несколько стычек с союзными подразделениями, располагавшимися в Галлиполи (сенегальский батальон), которые показали, что «если бы это было нужно, сенегальский батальон в один момент снесён был нашими к чёртовой матери»²⁴. Благодаря стойкости русских генералов, офицеров и солдат, твёрдой позиции главнокомандующего, который категорически отказался от подобных «предложений», кризис был разрешён, пайки не отменили, а на Пасху даже увеличили. Союзники с удивлением смотрели, как эвакуированные из Крыма беженцы (как они считали), живя в тяжелейших условиях, оставались, а вернее, вновь становились армией, Русской армией и представляли собой уже реальную силу. Правда, продолжалась агитация среди галлиполийцев, предложения об отъезде, распространение различных слухов, но они не имели особого успеха.

С приходом тёплых дней возрос интерес к спортивным соревнованиям, особенно футболу, ежедневно проводились соревнования между командами различных частей, а матч за переходящий кубок 1-го армейского корпуса выиграла команда корниловцев. Интересно, что по поводу этого матча генерал А. П. Кутепов

Ил. 3. Знак Дроздовского полка, выложенный на земле в Галлиполийском лагере

издал специальный приказ по корпусу²⁵. Проводились не только гимнастические занятия, но и гимнастические парады.

Лагерь начинали украшать самыми разными способами: устраивались грядки и клумбы, обложенные дёрном, внутри из камней, глины, ракушек выкладывались гербы и знаки полков (ил. 3), на склоне — герб Российской империи. Украшались изнутри и палатки. Для знамён, бережно хранимых в полках, были построены павильоны, и это при том, что строительных материалов не хватало, и, живя в палатках и землянках, все равно свято хранили знамёна.

К концу весны 1921 г. в Галлиполийском лагере были развернуты курсы для повышения квалификации военных: штаб-офицерские при штабе пехотной дивизии; для подготовки ротных командиров; офицерские при Константиновском военном училище; военно-образовательные при Корниловском полку; для младших офицеров Марковского полка; офицерская артиллерийская школа; обер-офицерские артиллерийские; офицеров кавалерийской школы; офицерская инженерная школа; радиотелеграфная школа; военно-артиллерийские (для офицеров и генералов); гимнастическая школа²⁶.

Регулярно проводились тактические и строевые занятия, устраивались экзамены для офицеров, парады, которые,

Ил. 4. Корниловский полк на параде в Галлиполийском лагере

безусловно, поднимали боевой дух войск и показывали союзникам, да и всему миру, что Русская армия — жива (ил. 4).

Начали издавать рукописные батальонные и полковые журналы, сами писали и рисовали, в том числе и карикатуры, по вечерам устраивали чтение газет и разъяснения международного положения. Читались различные лекции, вызывавшие неизменный интерес. В лагерь приезжали артисты из Константинополя, устраивались театральные представления и концерты, в городе Галлиполи и в самом лагере были самодеятельные театры²⁷.

На Пасху 1921 г. в Галлиполи состоялся крестный ход с выносом плащаницы, в котором приняли участие около 20 тысяч человек, как русских воинов, так и представителей греческой и армянской диаспор (ил. 5).

И началось то самое преобразование галлиполийского лагеря, которое впоследствии назовут «Русским чудом», армия вновь стала армией, дисциплинированной, готовой к дальнейшей борьбе за Россию, сплочённой, стала Русским Воинством.

Немало русских могил осталось в Галлиполи: умирали от ран, полученных еще на Гражданской войне, от болезней и голода. И было принято решение поставить в Галлиполи на кладбище памятник всем тем, кто навеки остался в чужой земле. Сооружали его всем миром: взрослые тащили тяжёлые камни,

Ил. 5. Крестный ход в Галлиполи на Пасху 1921 г.

дети в кулачках и ранцах — маленькие камешки. 16 июля 1921 г. памятник был освящён и открыт, состоялся парад всей Русской армии, было принесено огромное количество венков, в основном самодельных. Как писал Г. А. Орлов: «В 10 часов в городе, вернее, у города состоялось открытие памятника на русском кладбище... От всех частей были возложены венки, их было более 32, от местных греков и турок, только от французов не было... Больше всего мне понравилась надпись на венке от Дроздовского стрелкового полка: “Тем, кому не было место на Родине”... После открытия и богослужения состоялся парад, на который прибыли все части из города и лагеря»²⁸.

Но Галлиполи — своеобразный тупик, и нужно было передислоцировать оттуда войска. В результате долгих переговоров была достигнута договоренность, что Русскую армию принимают Болгария и Сербия. Началась подготовка к отъезду, и русские воины покинули Галлиполи. Покидали Турцию не толпа беженцев, не усталые, разочарованные в жизни люди, а Русская армия.

Штабс-капитан Георгий Алексеевич Орлов уехал в Прагу, учиться в Пражском политехническом институте. Долгие годы он был председателем Галлиполийского землячества в Праге²⁹.

Павел Семёнович Андрианов вместе с полком перевезён в Болгарию, впоследствии переехал в Париж, секретарь Общества Галлиполийцев³⁰.

- ¹ Исход Русской Армии генерала Врангеля из Крыма / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С. В. Волкова. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2003. С. 671.
- ² Дом Русского Зарубежья (ДРЗ). Ф. 338 (находится в обработке). Штро-Андрианов П. С. Дневник 1915—1924. Краткий дневник моей жизни с поступления на военную службу. Август 1915 — 1920 год. С. 42.
- ³ Орлов Г. Дневник Добровольца. Хроника гражданской войны 1918—1921. М.: Содружество «Посев», 2019. С. 521—522.
- ⁴ Генерал Кутепов. Военно-историческая серия «Белые воины». Кн. 7-я. М.: Содружество «Посев», 2009. С. 56.
- ⁵ Эта же история приводится в книге: Лукаш И. Голое поле (книга о Галлиполи). 1921 г. София, 1922.
- ⁶ Генерал Кутепов. Сб. статей. М.: Благовест, 2005, С. 122—123.
- ⁷ Левитов М. Н. Материалы по истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974.
- ⁸ Орлов Г. Дневник Добровольца. С. 535.
- ⁹ Лукаш И. Голое поле (Книга о Галлиполи). 1921. Переиздание. Нижний Новгород: Чёрная сотня, 2014. С. 29.
- ¹⁰ Штро-Андрианов П. С. Дневник 1915—1924. С. 42.
- ¹¹ Там же. С. 43.
- ¹² Орлов Г. Дневник Добровольца. С. 536.
- ¹³ Там же. С. 8.
- ¹⁴ Там же. С. 556.
- ¹⁵ Штро-Андрианов П. С. Дневник 1915—1924. С. 43.
- ¹⁶ Орлов Г. Дневник Добровольца. С. 556.
- ¹⁷ Штро-Андрианов П. С. Дневник 1915—1924. С. 43.
- ¹⁸ Орлов Г. Дневник Добровольца. С. 561.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 562.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 564.
- ²³ Там же. С. 574.
- ²⁴ Там же. С. 575.
- ²⁵ Там же. С. 577.
- ²⁶ Генерал Кутепов. С. 102.
- ²⁷ Там же. С. 88.
- ²⁸ Орлов Г. Дневник Добровольца. С. 617.
- ²⁹ Там же. С. 9.
- ³⁰ Исход Русской Армии генерала Врангеля из Крыма. С. 671.

М. А. Коневская (Москва)

СТРУКТУРА ОБОЗНО-ВЕЩЕВОЙ СЛУЖБЫ РККА В КОНТЕКСТЕ ОРГАНИЗАЦИИ ТЫЛА В 1935–1941 ГОДАХ

РАЗВИТИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ органов снабжения Красной армии в предвоенный период 1935–1941 гг. представляет собой значительный интерес для современного исследователя. Снабжение войск — это неотъемлемая часть любой военной кампании, во многом предрешающая потери, время и успех ее исхода. Для понимания того, насколько продуктивной являлась организация тыла накануне военных событий 1941 г., необходимо учитывать целый ряд структурных изменений и возможность адаптации тыловых органов к фронтовым условиям. Указанные обстоятельства, в частности, касаются и обозно-вещевого снабжения как элемента организации тыла.

Необходимо пояснить, снабжение какими предметами довольствия в 1930-х гг. называлось обозно-вещевым. Согласно определению, предложенному В. И. Лятти в учебном пособии «Краткий курс по складскому хозяйству обозно-вещевых складов НКВМ», к вещевому довольствию относились: обмундирование, обувь, бельё, снаряжение, постельные принадлежности, тёплые вещи, спецодежда, постовые вещи, палаточный лагерь, предметы хозяйственного обихода и инвентаря, канцелярские принадлежности, служебные книжки красноармейца, музыкальные инструменты, мастерской инструмент, спортивное имущество. Обозное довольствие включало в себя снабжение армии военно-хозяйственными повозками, походными кухнями, упряжью к ним, сёдлами, конским снаряжением, подковным имуществом, предметами ухода за лошадьми, снаряжением и предметами ухода для военных собак, ковочным, шорным инструментом, амуничной и колёсной мазью, денежными средствами на ремонт и содержание этого имущества.

Также обозно-вещевое довольствие включало и в себя предметы санитарно-хозяйственного имущества: санитарные повозки и вещевое имущество для лазаретов¹.

Организация обозно-вещевого снабжения включала в себя не только деятельность службы обозно-вещевого снабжения, но и подвоз необходимого имущества, и строительство складов для накопления запасов этого имущества, планирование, а также процесс его производства, ремонт и многое другое. Учитывая изменения структуры военного ведомства в 1930-е гг., вызванные необходимостью быстрого перевода РККА со штатов мирного на штаты военного времени, весьма значимым представляется рассмотрение трансформации учреждений обозно-вещевого снабжения в 1935—1941 гг. в общем контексте организационных изменений руководства тылом РККА.

Анализ развития центральных органов военного управления СССР в 1935—1941 гг. показывает, что на протяжении этого периода функциями снабжения обозно-вещевым имуществом ведали различные структурные подразделения: 1. В Генштабе (ГШ) РККА: 5-й отдел (материально-плановый) (1935—1939 гг.), реорганизован в отдел планирования снабжения (1939—1940 гг.); Управление устройства тыла и снабжения (1940—1941 гг.), заместитель начальника штаба по тылу (один из заместителей Наркома Обороны СССР) (1941 г.); 2. Главный военный совет (1938—1941 гг.); 3. Управление обозно-вещевого снабжения (1935—1940 гг.); 4. Управление вещевого снабжения (1940—1941 гг.); 5. Управление обозно-хозяйственного снабжения (1940—1941 гг.); 6. Управление начальника снабжения (1939—1940 гг.); 7. Главное интендантское управление (1940—1941 гг.).

Указанная выше структура начала складываться в 1935 г. после масштабной реорганизации аппарата Народного Комиссариата Обороны (НКО) СССР и снабженческих органов. В целях повышения статуса Штаба Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) с учетом возрастания его роли в военном строительстве приказом НКО № 146 от 26 сентября 1935 г. он был переименован в Генеральный штаб РККА². Отныне планирование снабжения войск становилось функцией общевойсковых штабов. Это было связано с консервативным подходом советского командования, подразумевавшим организацию и тотальный контроль штаба над всеми аспектами подготовки и проведения военных операций³. Начиная с указанного момента, военно-хозяйственные

органы, в частности, отделы обозно-вещевого снабжения соединений и частей утратили какую-либо самостоятельность.

Тогда же постановлением Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР и ЦК ВКП(б) № 39сс от 9 августа 1935 г. в целях повышения качества и контроля за снабжением войск упразднено Управление военно-хозяйственного снабжения (УВХС) и образовано самостоятельное Управление обозно-вещевого снабжения (УОВС). Согласно Положению, УОВС являлось центральным органом НКО СССР по обеспечению РККА всеми видами обозно-вещевого довольствия. При этом оно представляло собой фактически исполнительный орган, не обладающий директивными полномочиями. На начальника Управления возлагалась ответственность за составление смет на предметы обозно-вещевого снабжения Красной армии; заготовку и обеспечение армии обозом, в том числе и специальным; объектами механизации военно-хозяйственного тыла; упряжью, сёдлами, вьюками; вещевым имуществом, предметами хозяйственного обихода; санитарно-хозяйственным и спортивным инвентарём, а также соответствующими ремонтными материалами⁴.

Указанным выше постановлением изменена и схема обозно-вещевого снабжения с целью приближения организации снабжения войск в мирное время к условиям военного времени. В существовавшую ранее схему (центр—округ—часть—подразделение—красноармеец) было добавлено дивизионное звено. Схема стала выглядеть следующим образом: центр—округ—дивизия—часть—подразделение—красноармеец.

Как было указано выше, в период 1935–1941 гг. особенно актуальными становились вопросы совершенствования системы снабжения войск с целью её адаптации к условиям военного времени. Однако линия главенствующей роли штабов в деле снабжения армии всеми видами довольствия, активно проводившаяся военным руководством страны согласно приказу НКО СССР № 146 от 26 сентября 1935 г., имела некоторые отрицательные свойства — сотрудники штабов неминуемо отвлекались от оперативных задач, непосредственно занимаясь материально-техническим снабжением армии⁵.

Приказом НКО СССР № 098 от 9 июня 1937 г. в целях «повышения качества мобилизационно-плановой работы по материальному снабжению РККА» было предписано реорганизовать 5-й отдел Генерального штаба РККА. Согласно Положению,

объявленному в упомянутом приказе, на 5-й отдел отныне возлагалось: систематическое участие в работе Госплана по составлению мобилизационных планов, изучение и разработка норм расхода и убыли предметов вооружения, техники и снабжения РККА, изучение материальных ресурсов страны и планов строительства народного хозяйства. Сотрудниками отдела производилась разработка директивных указаний для центральных доведывающих управлений НКО СССР по составлению заявок, перспективных и годового планов промышленности, норм по накоплению мобилизационных запасов РККА по всем предметам вооружения и снабжения войск. Кроме того, на 5-й отдел Генерального штаба было возложено участие в проверке оборонно-мобилизационной готовности союзных наркоматов, республик, областей, районов.

В обязанности сотрудников отдела также входило осуществление планирования складского строительства, участие в разработке новых образцов вооружения и предметов снабжения, общее руководство оперативной и тактической подготовкой органов фронтового и армейского тыла, обеспечение их мобилизационной готовности; разработка уставов по службе тыла и выдача заключений по инструкциям, табелям и нормам, разработанным тыловыми службами⁶. Таким образом, значение Генерального штаба РККА в отношении снабжения армии всеми видами вооружения и имущества к 1937 г. по сравнению с 1935 г. значительно возросло. Если на момент издания приказа НКО № 146 от 26 сентября 1935 г. Генеральный штаб фактически курировал оперативную подготовку служб тыла, занимался разработкой наставлений и уставов по тылу, то к середине 1937 г. его функции в отношении организации тыла и снабжения были ещё более расширены.

Затрагивая общие вопросы организации тыла, следует отметить, что на протяжении 1935—1941 гг. Управление военных сообщений (ВОСО) находилось в составе Генштаба РККА, а службы снабжения горючим, дорожная и связи — в подчинении ГШ. Таким образом, доведывающие управления, в частности, обозно-вещевого снабжения, находившиеся в непосредственном подчинении НКО СССР, оказывались в стороне от важных вопросов организации снабжения, представляя собой всего лишь исполнительные структуры, организаторская роль была отведена Генштабу.

В 1937 г. военным руководством СССР были приняты два немаловажных решения, вследствие которых нагрузка на Генеральный штаб и органы снабжения РККА была значительно снижена. Приказом НКО № 034 от 28 марта 1937 г. объявлено Положение об Управлении военно-морских сил (ВМС) СССР, а в декабре того же года создан Народный комиссариат военно-морского флота СССР. Согласно указанным выше решениям все мероприятия по снабжению Военно-морских сил РККА, в том числе морской авиации, отныне осуществлялось через начальника ВМС РККА⁷. Приказом НКО № 08 от 26 января 1937 г. вводилось в действие Положение о начальнике Военно-воздушных сил (ВВС) РККА. На начальника ВВС РККА возлагалась ответственность только за техническое снабжение Военно-воздушных сил⁸.

В марте 1938 г. создан Главный военный совет (ГВС) РККА, в ходе заседаний которого на повестку дня часто выдвигались вопросы организации тыла и снабжения РККА. Приказом НКО СССР № 0156 от 11 октября 1939 г. во исполнение постановления СНК СССР от 05 октября 1939 г. «Об образовании Главного управления, Управления Военно-технического снабжения и Управления начальника снабжения Красной армии» было создано Управление начальника снабжения РККА (УНС РККА). Согласно постановлению УНС РККА объединяло руководство обозно-вещевым, продовольственным, квартирно-эксплуатационным снабжением и торговлей в РККА, а также мобилизационным развёртыванием РККА в вышеназванных аспектах, составлением и реализацией плана заказов и плана снабжения⁹.

УНС РККА состояло из: мобилизационно-планового отдела, отдела по организации войскового хозяйства и подготовки кадров, отдела по торговле в армии, военно-хозяйственной инспекции, инспекции пожарной охраны, инспекции по котлонадзору, общей и секретной части. На Управление были возложены следующие функции: руководство деятельностью подчинённых ему управлений по бесперебойному и качественному обеспечению войск всеми видами военно-хозяйственного снабжения и квартирному довольствию; деятельность по разработке соответствующей документации на основе утверждённых НКО СССР директивных указаний Генштаба Красной армии; разработка вопросов по организации снабжения и довольствия войск Красной армии, как в мирное, так и в военное время; организация и руководство

деятельностью тыла военно-хозяйственного и квартирного снабжения; организация и ведение контроля за постановкой в войсках питания, сбережения, хранения и учёта соответствующих видов военно-хозяйственного имущества и квартирного довольствия; руководство подготовкой кадров технического и хозяйственного состава Красной армии. Начальником Управления снабжений РККА был назначен на тот момент корпусной комиссар А. В. Хрулёв¹⁰.

Создание УНС явилось попыткой упорядочения дела снабжения с помощью передачи в указанную структуру такой значимой функции, как организация и руководство деятельностью тыла в области обозно-вещевого снабжения. Как подчёркивалось ранее, эта функция была закреплена за 5-м отделом ГШ. Введение названной выше должности было связано с итогами снабжения в военных конфликтах на Дальнем Востоке 1938—1939 гг., с необходимостью централизации бытового обслуживания и снабжения армии, а также единоначалия в деле учёта имущества и средств. Однако структура центральных органов снабжения осталась незавершённой, а введение должности начальника снабжения являлось полумерой, так как основные директивные функции остались за ГШ.

Согласно директиве Главного Управления Красной армии от 26 февраля 1940 г. в целях оптимизации обозного и вещевого снабжения армии с 1 марта Управление обозно-вещевого снабжения РККА было разукрупнено и образовано два самостоятельных управления: Управление вещевого снабжения Красной армии (УВС), Управление обозно-хозяйственного снабжения Красной армии (УОХС). При этом Управление обозно-вещевого снабжения РККА ликвидировано¹¹.

Приказом НКО СССР № 0157 от 22 июля 1940 г. Управление начальника снабжений Красной армии реорганизовано в Главное интендантское управление Красной армии (ГИУ)¹². Во главе Главного интендантского управления стоял главный интендант Красной армии А. В. Хрулёв, который являлся инициатором введения указанной должности¹³. На главного интенданта возлагалось продовольственное, вещевое, обозно-хозяйственное и квартирно-эксплуатационное снабжение Красной армии, а также руководство Главным управлением по торговле в Красной армии Народного комиссариата торговли СССР. В состав Главного интендантского управления Красной армии

вошли: Управление продовольственного снабжения, Управление вещевого снабжения, Управление обозно-хозяйственного снабжения, Квартирно-эксплуатационное управление, технический комитет; отделы — мобилизационно-плановый, организационный, кадров, складов, транспорта и торговли в Красной армии, а также инспекции — по пожарной охране и по котлонадзору в Красной армии. Главному интенданту подчинялись: Военно-хозяйственная академия им. В. М. Молотова и Ярославское военно-хозяйственное училище¹⁴. На уровне округов также были созданы интендантские управления, на базе существовавших ранее окружных управлений снабжения¹⁵. Создание ГИУ наиболее соответствовало задачам снабжения и бытового обслуживания, в отличие от изначально созданного Управления начальника снабжений, обладавшего весьма ограниченными полномочиями. Как видно из изложенного, отделы ГИУ отличались по своей структуре и назначению от отделов УНС, за исключением мобилизационно-планового отдела и инспекций пожарной и по котлонадзору. Отныне в функции ГИУ вошла организация перевозок имущества, хотя ВОСО по-прежнему оставалось в составе ГШ. В отличие от начальника Управления снабжения главному интенданту было разрешено издавать циркулярные и директивные указания, связанные с многосторонним процессом материально-технического обеспечения армии. Нельзя сказать, что влияние на эти изменения оказала только Советско-финляндская война 1939–1940 гг., по мнению автора, они были вызваны наращиванием темпов производства, необходимостью сделать систему снабжения в период войны более гибкой. Кроме того, сказывалась необходимость централизации управления материально-техническим снабжением.

Летом 1940 г. проведена очередная реорганизация органов военного управления: приказом НКО № 0037 от 26 июля 1940 г. утверждена новая структура НКО СССР¹⁶, приказом НКО № 0038 от того же числа реорганизован Генеральный штаб¹⁷. На основании функций бывшего 5-го отдела (ныне отдела планирования снабжения) в структуре Генерального штаба образовано Управление устройства и тыла и снабжения, в которое вошли: общая и секретная часть, отделы — организации тыловой подготовки, материально-плановый, вооружения, материально-бытового планирования и экономики, автотранспортной и дорожной службы¹⁸. К началу 1941 г. организация тыла Красной армии

заключалось в снабжении войск различными видами материальных средств, а также в санитарном и ветеринарном обслуживании, в организации перевозок и работы служб — дорожной и связи. Управление устройства тыла и снабжения Генерального штаба Красной армии выполняло функции по планированию накопления запасов, на Главное интендантское управление было возложено снабжение войск обозным и вещевым имуществом, продовольствием, а также квартирным обеспечением. Управление снабжения горючим было подчинено начальнику Генерального штаба, ВОСО по-прежнему находилось в составе ГШ. На него были возложены задачи по планированию и перевозкам войск материальных средств, а также восстановление и заграждение железных дорог.

Лишь перед началом Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. 8 марта 1941 г. правительством было утверждено Положение «О главных и военных управлениях НКО СССР». Согласно указанному документу, в целях упорядочения управления тылом Красной армии в соединениях и частях вводилась должность заместителя начальника штаба по тылу, который был призван к обеспечению координации многопланового процесса снабжения армии всеми видами вооружения, техническими и материальными средствами. В Генеральном штабе за различные виды снабжения были ответственны заместители Наркома обороны. За интендантское снабжение приказом НКО № 0113 от 15 марта 1941 г.¹⁹ ответственным назначен Маршал Советского Союза С. М. Будённый²⁰.

Как видно из вышеизложенного, к началу Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. тыловые структуры не имели централизованного органа управления. Введение должности заместителя начальника штаба по тылу, несомненно, способствовало координации процесса снабжения всем видами имущества и вооружения, однако управленческая структура оставалась несовершенной из-за непосредственного подчинения центральных довольствующих управлений НКО СССР, а координации подвоза и связи — ГШ. Кроме того, как было указано выше, на Генеральный штаб возлагалась ответственность за снабжение войск в целом и накопление и распределение материальных ресурсов, из чего можно сделать вывод о двойственной подчинённости органов снабжения обозным и вещевым имуществом накануне Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

В период 1935–1941 гг. реорганизация тыловых структур осуществлялась как на высшем уровне, так и на уровне военных округов, соединений и частей. На уровне военных округов организация тыловых учреждений была в целом идентична организации тыловых учреждений в центре. При разработке их структуры, а также принципов организации тыла в описываемый период использовался опыт прошлых войн, прежде всего Первой мировой войны 1914–1918 гг. и Гражданской войны 1918–1922 гг.²¹ Приказом НКО № 0189 от 28 сентября 1935 г были объявлены изменения Положения об Управлении военного округа (армии). Они были связаны с вступлением в действие Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 39сс от 9 августа 1935 г. «О состоянии обозно-вещевого и продовольственного снабжения Красной армии и флота²²». Согласно Положению, в военных округах (армиях) создавался обозно-вещевой отдел, на начальника которого возлагалось: обеспечение войск округа (армии) предметами обозно-вещевого снабжения, изучение обозно-вещевых ресурсов на территории округа (армии) с целью их использования в мирное и военное время, руководство ведением обозно-вещевого хозяйства в частях, учреждениях и заведениях РККА на территории округа (армии). Начальнику обозно-вещевого отдела округа (армии) отныне подчинялись окружные склады обозного и вещевого снабжения²³.

На протяжении 1935–1941 гг. органы обозно-вещевой службы, начиная с окружных и заканчивая полковыми, находились в процессе становления и дальнейшей организации. Штатная структура службы военно-хозяйственного снабжения соединений и частей к началу Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. не была чётко отработана, хоть и подразумевала простую схему развёртывания штатов и быструю адаптацию к условиям войны. Так, в Управлении обозно-вещевого снабжения РККА рассматривался вопрос о слиянии в стрелковых корпусах, дивизиях, отдельных и неотдельных батальонах обозно-вещевого и продовольственного отделений. В конце концов было принято решение продовольственное и обозно-вещевое отделения не объединять²⁴.

Особо остро стоял в рассматриваемый период вопрос кадрового обеспечения хозяйственных отделов соединений и частей РККА. Укомплектованность органов обозно-вещевого снабжения различных уровней на 1935 г. была низкой. УОВС РККА укомплектовано военнотрудовыми на 81,2 %, вольнонаёмным составом

на 68,7 %, отдел обозно-вещевого снабжения Ленинградского военного округа (ЛВО) — на 57,1 %, Киевского военного округа (КВО) — на 85,7 %, и т. п. Органы снабжения стрелковых дивизий также были не полностью укомплектованы начсоставом (50—90 %), отмечалась нехватка работников, занятых бухгалтерским учётом и делопроизводством, что, помимо других факторов, не в лучшую сторону сказывалось на процессе снабжения²⁵.

По аналогии с преобразованиями в центральном аппарате на основании Постановления ЦИК и СНК СССР был подготовлен приказ НКО № 77 от 10 мая 1937 г. «О создании военных советов военных округов», 16 мая 1937 г. приказом НКО № 100 было введено Положение о военном совете округа (флота, армии) РККА. В тексте Положения отмечалось, что окружные военные советы находятся в непосредственном подчинении у Народного комиссара обороны и несут ответственность за мобилизационную готовность войсковых частей и военных учреждений, расположенных на территории округа. Также на окружные военные советы в соответствии с приказом возлагалась подготовка путей сообщения и средств связи на подведомственной им территории. Согласно приказу в их ведении находилось и руководство по обеспечению войск округа всеми видами материально-технического обеспечения²⁶, на них же возлагалось руководство деятельностью складов неприкосновенного запаса имущества²⁷. По мнению автора, указанное решение должно было придать наибольшую гибкость в организации материально-технического, в частности обозно-вещевого снабжения, путём координации решений в едином органе военного управления, сглаживая параллельную подчинённость тыловых структур.

В 1935—1941 гг. активно разрабатывались вопросы функционирования и штаты складов, мастерских и банно-прачечных учреждений РККА на мирное и военное время. Обозно-вещевые склады предназначались для хранения запасов вещевого и обозного имущества, подразделялись на главный и окружные. Также существовали склады соединений и войсковых частей, которые не представляли собой самостоятельной организации. В военное время кроме главного и окружных складов формировались также фронтовые и армейские склады²⁸. Главный склад подчинялся непосредственно центральным органам снабжения РККА, окружные обозно-вещевые склады — органам снабжения военных округов. Приказом № 95 от 14 мая 1936 г. было введено

в действие Положение об окружных обозно-вещевых складах РККА, согласно которому для хранения имущества неприкосновенного запаса в соединениях и воинских частях организовывались специальные склады, подконтрольные, как было указано выше, окружным военным советам²⁹. Немалое внимание во второй половине 1930-х гг. было уделено ремонту обозного и вещевого имущества. В 1935—1941 гг. были запущены в производство походные автомастерские для среднего ремонта обуви (ПОРАМ), обоза (ПОРЕМ) и шорно-седельных изделий (ШОРСАМ)³⁰.

Подводя итоги, следует отметить, что в период 1935—1941 гг. на центральном уровне структурами, ответственными за организацию обозно-вещевого снабжения являлись: Генеральный штаб, Главный военный совет, в разные периоды: Управление обозно-вещевого снабжения, Управление вещевого снабжения, Управление обозно-хозяйственного снабжения, Управление начальника снабжения и Главное интендантское управление. Ведущая роль в организации обозно-вещевого снабжения предназначалась Генеральному штабу, Главный военный совет был создан, в том числе, и для координации основных решений в области обозно-вещевого снабжения РККА, так, например, в период Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. решением ГВС было создано Управление заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа (ЛВО). Однако вопросы снабжения не являлись первостепенными для военных советов. С середины 1930-х гг. командование было призвано к даче директивных указаний в отношении обозно-вещевого снабжения РККА, так как результаты ревизии войскового хозяйства, обнародованные Постановлением ЦИК и СНК № 39сс от 1935 г., были неутешительны. Вследствие указанного обстоятельства принято решение снять значительную часть ответственности с органов военно-хозяйственного снабжения с возложением её на штабы. При этом роль в принятии решений, отводившаяся Генеральному штабу во второй половине 1930-х гг., становилась всё более значимой. На него возлагались все новые и новые функции по организации обозно-вещевого снабжения РККА. Однако нагрузка, которая легла на Генштаб, оказалась чрезмерно большой. Весьма тревожным являлось то обстоятельство, что командование отвлекалось от боевых задач и было обязано заниматься вопросами снабжения. В 1935—1941 гг. явно давала о себе знать параллельная подчинённость некоторых тыловых структур. На

процессе организации обозно-вещевого снабжения сказывалось то обстоятельство, что Управление ВОСО находилось в составе ГШ, а службы снабжения горючим, дорожная и связи в подчинении Генштаба РККА, при этом Управление обозно-вещевого снабжения, УНС, ГИУ оставались в непосредственном подчинении НКО СССР. Таким образом, Управление обозно-вещевого снабжения, оказывалось фактически отстранённым от решения важных вопросов организации снабжения и не могло координировать на должном уровне поставки имущества, что особенно чётко прослеживалось в период военных конфликтов на Дальнем Востоке 1938—1939 гг. и Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Кроме того, созданное в 1935 г. Управление обозно-вещевого снабжения не имело никаких директивных полномочий. При этом нельзя не признать тот факт, что постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 39сс № от 9 августа 1935 г. явилось важным этапом в организации обозно-вещевого снабжения. Значимость документа определяется тем, что в нем изложена новая, быстро адаптируемая к условиям войны схема снабжения армии обозно-вещевым имуществом. Это стало немаловажным в период военных конфликтов на Дальнем Востоке и 1938—1939 гг. и Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Кроме того, начиная с 1935 г., обозно-вещевое снабжение было выделено в отдельное направление, что указывает на особое внимание со стороны военного руководства к данному виду снабжения. Это способствовало развитию складского хозяйства, сети ремонтных и банно-прачечных учреждений. Нельзя не затронуть тему нехватки квалифицированных кадров аппарата обозно-вещевого снабжения и борьбы с данным обстоятельством военного руководства СССР. На значимость проблемы указывает возложение на начальника УОВС руководящей деятельности по подготовке кадров военно-хозяйственного аппарата обозно-вещевого снабжения. Однако к началу локальных войн и конфликтов 1938—1940 гг. организация снабжения обозно-вещевым имуществом осталась незавершённой, так как не произошло окончательной централизации.

¹ См.: Лятти В. И. Краткий курс по складскому хозяйству обозно-вещевых складов НКВМ. Учебник для военизированных женских курсов административно-хозяйственной службы. М., 1930. С. 6—7.

- ² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 12. Д. 71. Л. 306.
- ³ Москвиченко В. М., Носков Г. Е. Тыл вооружённых сил РФ: история и современность // Военная мысль. 2003. № 8. С. 63.
- ⁴ РГВА. Ф. 40443. Оп. 1. Д. 5. Л. 307–311.
- ⁵ Москвиченко В. М., Носков Г. Е. Тыл вооружённых сил РФ. С. 63.
- ⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 442. Л. 101–103.
- ⁷ Там же. Л. 3.
- ⁸ Там же. Л. 4–6 об.
- ⁹ Там же. Оп. 15. Д. 22. Л. 239–240.
- ¹⁰ Там же. Оп. 15а. Д. 483. Л. 203.
- ¹¹ Там же. Ф. 37860. Оп. 1. Д. 406. Л. 180.
- ¹² Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 60. Л. 31–32.
- ¹³ Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2002. С. 126.
- ¹⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 498. Л. 146–146 об.
- ¹⁵ Мейтин А. И. Тыл армий Красной, Советской, Российской (1918–2011 гг.). М., 2012. С. 18–25.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 496. Л. 7–8.
- ¹⁷ Там же. Л. 9–9 об.
- ¹⁸ Генеральный штаб Российской армии: история и современность. М., 2006. С. 464.
- ¹⁹ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. М., 1994. Т. 13 (2–1). С. 256.
- ²⁰ Мейтин А. И. Тыл армий Красной, Советской, Российской (1918–2011 гг.). М., 2012. С. 34.
- ²¹ Бочков Е. А. Развитие системы тылового обеспечения РККА накануне Великой Отечественной войны // Военная мысль. 2005. № 9. С. 58.
- ²² РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 47. Л. 503.
- ²³ Там же. Л. 504.
- ²⁴ Там же. Ф. 37860. Оп. 1. Д. 18. Л. 65; Д. 71. Л. 217.
- ²⁵ Там же. Д. 4. Л. 17; Д. 5. Л. 198.
- ²⁶ Русский архив... С. 13.
- ²⁷ РГВА. Ф. 37860. Оп. 1. Д. 69. Л. 21.
- ²⁸ Лягги В. И. Краткий курс по складскому хозяйству... С. 32.
- ²⁹ Бочков Е. А. Развитие системы тылового обеспечения Красной армии в межвоенный период: 1921–1941 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. С. 420.
- ³⁰ Там же. С. 425.

В. В. Коровин (Курск)

ПАМЯТНИК ГЕРОЯМ-АРТИЛЛЕРИСТАМ НА СЕВЕРНОМ ФАСЕ КУРСКОЙ ДУГИ: ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ

ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ мемориальных объектов, созданных на местах сражений в годы Великой Отечественной войны, стал памятник Героям-артиллеристам у села Тёплое Поньковского района Курской области. Он был установлен в память о подвигах воинов 3-й истребительной (3-й гвардейской истребительной противотанковой артиллерийской бригады) по прямому указанию командующего артиллерией Центрального фронта генерал-лейтенанта В. И. Казакова.

К началу сражений на Курском выступе 3-я истребительная бригада (ибр) 2-й истребительной дивизии входила в состав 70-й армии Центрального фронта. 5 июля 1943 г. на правом фланге армии сложилось угрожающее положение. Чтобы воспрепятствовать окружению частей 28-го стрелкового корпуса, командующий 70-й армией генерал-лейтенант И. В. Галанин произвёл перегруппировку войск. Командиру 3-й ибр полковнику В. Н. Рукосуеву было приказано 6 июля 1943 г. занять танкоопасное направление в полосе 140-й стрелковой дивизии. Вместе с артиллеристами боевой рубеж занимали танкисты 19-го танкового корпуса генерала И. Д. Васильева¹.

Утром 6 июля 1943 г. немецкое командование на направлении главного удара ввело в бой 2-ю и 9-ю танковые дивизии. В сражении с обеих сторон участвовало около 3 тысяч орудий и миномётов, более 5 тысяч пулемётов и около тысячи танков. Прорвав оборону 70-й гвардейской стрелковой дивизии, гитлеровцы устремились в горловину между Кашарским и Самодуровским оврагами². Здесь гитлеровцы натолкнулись на 4-ю и 1-ю батареи 3-й истребительной бригады.

Основной удар приняли бойцы 4-й батареи старшего лейтенанта Д. М. Андреева. К исходу дня 6 июля 1943 г. ими было подбито 22 танка. Почти весь личный состав батареи погиб³. Осталось неповреждённым лишь одно орудие сержанта П. М. Катюшенко. Командир 7-й артбатареи старший лейтенант В. И. Бурчак, возглавивший батарею после ранения В. П. Герасимова, отмечал, что 6 июля 1943 г. немецкие танки прорвались к восточной окраине Самодуровки⁴.

Дальнейшее продвижение вражеских танков преградили артиллеристы из 1-й батареи капитана Г. И. Игишева⁵. В ночь с 7 на 8 июля 1943 г. расчёты двух орудий 1-й и 4-й батарей были подчинены капитану Г. И. Игишеву и переведены на высоту 238,1. 8 июля 1943 г. до 300 вражеских танков при поддержке артиллерийского, миномётного огня, массированных ударов с воздуха атаковали позиции 140-й стрелковой дивизии и 3-й ибр⁶.

В журнале боевых действий 3-й истребительной бригады, хранящемся в ЦАМО РФ, сохранилось описание этого боя: «До 300 танков с мотопехотой вышли на рубеж Самодуровка, северная окраина Кашары и, разбившись на три группы, произвели мощный удар в районе высоты 238,1. Здесь артиллеристы 1-й батареи капитана Г. И. Игишева встретили вражеские танки. Подпустив противника на расстояние в 500—600 метров, они открыли огонь, подбив 4 вражеских танка. В ходе второй атаки капитан Г. Игишев доложил в штаб полка о том, что батарею атакуют до 60 танков. В ходе боя было уничтожено ещё 4 танка врага. Два орудия батареи были раздавлены вражескими танками»⁷.

В книге «Солдатский долг» Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский отмечал: «На батарею капитана Г. И. Игишева двигались почти три десятка танков. Артиллеристы уничтожили семнадцать танков. Но и от нашей батареи осталось всего одно орудие, а возле него — три человека. Они продолжали вести огонь и подбили ещё два тяжёлых танка»⁸.

После гибели капитана Г. И. Игишева командир полка подполковник Н. В. Железников назначил командиром батареи старшего сержанта Г. Т. Склярова. Но и он вскоре погиб от прямого попадания бомбы вместе с расчётом орудия⁹. В батарее оставалось одно орудие, колесо которого было перебито, поэтому под ось были подставлены ящики от снарядов. Это было 76-мм орудие № 2242. Его расчётом командовал сержант П. М. Катюшенко. В течение нескольких часов артиллеристы подбили ещё

8 вражеских машин. От разрыва немецкого снаряда погиб командир орудия сержант П. М. Катюшенко, посмертно награждённый орденом Отечественной войны I степени¹⁰.

О подробностях боя в 1984 г. вспоминал заряжающий орудия сержант Н. Д. Сарапенков. «Горело всё — рожь, танки, земля. Мы видели только танки и целились в них. К полудню из расчёта остались мы вдвоём с командиром орудия сержантом Коваленко. У пушки оторвало колесо, мы подставили пустой ящик из-под снарядов. Наш расчёт уничтожил шесть вражеских танков. Но бой продолжался. Сержант стал за наводчика, я — заряжающим и подносчиком. Подбили ещё один танк. Но осталось всего три снаряда...

В это время раздался оглушительный взрыв, и я почувствовал, что лечу в пропасть. Очнулся уже ночью... На небе мерцали звёзды, на поле ещё чадил танки. Я, наверное, застонал, потому что вскоре ко мне подошли два солдата. Узнал их — это ребята из второй батареи. Они что-то говорили, я показал на уши: ничего не слышу, и говорить тоже не мог»¹¹.

Вот как рассказывал о бое замковый орудия ефрейтор А. В. Пузиков: «8 июля с восходом солнца появились тучи самолётов... Связь с Игишевым прекратилась. Пока поднимались гарь и дым, танки пересекли ложину. Когда нам их стало хорошо видно, по команде командира взвода Картузова мы открыли огонь. Подбили 6 танков. Стреляли, пока немцы нас не засекли... У орудия оторвало колесо, половину щита и прицельное приспособление. Расчёт весь погиб, я был ранен в голову. Подбежал Картузов¹², поднял меня. Отбиваясь от немцев из ручного пулемёта, Картузов ломиком поднял орудие. Мы с ним поставили под левую сторону два снарядных ящика... один из «тигров» заметил, что орудие оживо, решил раздавить его. Я выстрелил в него куммулятивным. Одновременно разрыв орудия оглушил меня. Позже в медсанбате я узнал, что наша пехота перешла в наступление... 6 и 8 июля наше орудие уничтожило 11 танков. Убитых похоронили в братской могиле у орудия»¹³.

Уничтожив 1-ю артбатарею, противник атаковал 7-ю батарею старшего лейтенанта В. И. Бурчака и роту противотанковых ружей (ПТР) старшего лейтенанта Н. Г. Черных. Встретив атаку вражеских пехоты и танков, артиллеристы подбили 11, а бронбойщики роты ПТР — пять танков противника. Но большинство из них погибли в бою¹⁴.

8 июля 1943 г. полковник В. Н. Рукосуев направил в штаб артиллерии Центрального фронта радиограмму следующего содержания: «Противник занял Кашару, Кутырки, Погореловцы, Самодуровку. В направлении Тёплого подтягивает 200 танков и мотопехоту, готовится ко второй фронтальной атаке. Несмотря на ряд атак, наступление противника было приостановлено на рубеже у северной окраины Тёплого. 1-я, 4-я и 7-я батареи погибли, но не отступили ни на шаг, уничтожив 50 танков. Или устою, или погибну. Командир 3-й истребительной бригады полковник Рукосуев»¹⁵.

Необходимо отметить и подвиги, совершённые артиллеристами 2-й и 3-й батарей бригады. К высоте 234,0, где держала оборону 2-я батарея старшего лейтенанта Г. А. Клинова, гитлеровские танки приблизились, прорвав оборону 207-го стрелкового полка. Командующий артиллерией Центрального фронта маршал артиллерии В. И. Казаков позднее писал: «Немецкие танки двигались в направлении высоты 234,0, занятой батареей ст. лейтенанта Клинова и батальоном противотанковых ружей под командованием капитана [Н. П.] Фадеичева. Первым открыло огонь орудие ст. сержанта Калугина. В коротком, но тяжёлом бою оно подбило 5 танков. Батарее Клинова помогали бронебойщики капитана Фадеичева. Расчёты старшины [А. В.] Карташова, сержантов [Ф. Т.] Зыкина, [Н. С.] Егельского и ефрейтора [П. Е.] Ефремова в первые часы боя подбили 10 танков»¹⁶.

подавив огонь 2-й артбатареи и 2-го батальона ПТР, гитлеровские танки двинулись к мосту. 3-я артиллерийская батарея старшего лейтенанта Ю. И. Любарского здесь занимала рубеж обороны. Подпустив врага на расстояние 600 метров, её орудия открыли меткий огонь и подожгли 8 танков¹⁷.

В ходе боев 6—9 июля 1943 г. артиллеристы и бронебойщики 3-й ибр уничтожили 103 немецких танка (из них 26 «тигров»). В боях погибли 82 артиллериста. 362 бойца и командира 3-й истребительной бригады были отмечены боевыми наградами¹⁸. Командир бригады полковник В. Н. Рукосуев был удостоен ордена Ленина¹⁹. 7 августа 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил звание Героя Советского Союза капитану Г. И. Игишеву²⁰.

30 июля 1943 г. командующий артиллерией Центрального фронта В. И. Казаков издал директиву № 0277/оп, адресованную командующим артиллерией 13-й и 70-й армий, командирам

отдельных корпусов, дивизий и бригад. В ней отмечалось: «Вместе с другими родами войск артиллеристы сражались героически, отстаивая каждую пядь родной земли, не щадя своей жизни. Артиллеристы стояли насмерть и отстояли свои рубежи, приумножив славу русской артиллерии. В этих боях артиллеристы показали непревзойденные образцы стойкости и героизма. Многие погибли смертью храбрых вместе со своими орудиями, не дрогнув и не отступив ни на шаг. Слава о погибших героях, память о них — будут жить в веках»²¹.

Для увековечения памяти героев-артиллеристов, погибших в боях за Родину, командующий артиллерией приказал командирам частей и соединений на могилах героев воздвигнуть памятники с мемориальными досками. Для их создания предлагалось привлечь имеющихся в распоряжении частей художников. О местах погребения и установки памятников требовалось доложить к 12 августа 1943 г. Для их оформления разрешалось использовать разбитые орудия, которые в сочетании с мемориальными досками могли свидетельствовать о жесточайших июльских боях 1943 г. Командир 3-й истребительной бригады полковник В. Н. Рукосуев обязывался установить памятник воинам своей части, погибшим в районе села Тёплое, с представлением его проекта до 3 августа 1943 г.²²

Памятник Героям-артиллеристам было решено сооружать на бывших позициях батареи капитана Г. И. Игишева, на территории колхоза «17 партсъезд» Поныровского района. Памятник представлял собой кирпичный постамент. На него было установлено 76-мм противотанковое орудие номер 2242, принимавшее участие в ожесточённых боях. 26 ноября 1943 г., в день открытия памятника, состоялся многотысячный митинг местных жителей, представителей областных органов власти и сослуживцев захороненных у него воинов. На открытие памятника прибыли участники тех боев А. В. Пузиков и Н. Д. Сарапенков²³.

В газете Центрального фронта «Красная Армия» 13 декабря 1943 г. военный корреспондент поэт Е. А. Долматовский сообщил: «Над полем битвы возвышается бетонный обелиск — памятник героям-артиллеристам гвардейской противотанковой части полковника Рукосуева... Этот обелиск высоко врезается в небо. Имена героев-артиллеристов высечены в камне. Бессмертные воины фронта вместе с нами идут по Белоруссии, вдохновляя на новые подвиги».

18 февраля 1946 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление № 405-265 «О благоустройстве могил воинов Красной Армии и партизан, погибших в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и о надзоре за их состоянием»²⁴, потребовавшее от местных органов власти и военкоматов произвести учёт всех воинских захоронений. Одиночные могилы, располагавшиеся вне населённых пунктов, предлагалось перенести на ближайшие военные и гражданские кладбища. В соответствии с этим документом на всей территории СССР была проведена значительная работа по учёту и благоустройству воинских кладбищ, братских и одиночных захоронений советских военнослужащих.

Мероприятия, обозначенные в постановлении СНК СССР от 18 февраля 1946 г., начали активно проводиться и на территории Курской области. Так, во второй половине 1940-х гг. органы власти Поньровского района, где летом 1943 г. вели наиболее ожесточённые оборонительные бои войска Центрального фронта, регулярно принимали меры по организации ухода за воинскими захоронениями. Только в 1947 г. райисполком трижды обсуждал проблемы благоустройства братских могил участников Курской битвы в сёлах 1-е и 2-е Поньры, Самодуровка, Первомайское, Ольховатка, Брусовое, связанные с перезахоронением туда останков погибших военнослужащих. На территориях памятников Героям-артиллеристам и Героям-сапёрам были возведены чугунные ограждения. Гранитные надгробия с именами павших воинов были установлены на 16 воинских кладбищах, расположенных в Поньровском районе²⁵.

Но за прошедшее после сооружения памятника Героям-артиллеристам двадцатилетие его состояние стало вызывать серьёзные нарекания, прежде всего, ветеранов войны. Так, один из участников боев на Тёпловских высотах вынужден был обратиться к маршалу артиллерии В. И. Казакову: «Уважаемый товарищ Маршал! Вы простите меня за беспокойство, но я вынужден обратиться к Вам с данным письмом, ибо некоторые товарищи забывают священную обязанность свято хранить реликвии боевой славы... В конце июля [1966 г.] я побывал в местах, где летом 1943 года пришлось воевать. Осмотрел и памятник, который увидел впервые. Единственный в стране памятник так безобразно содержится. Цементная облицовка на большей части отвалилась, орудие 2242 грязное. Когда оно красилось, не знаю. Резиновые

шины орудия изрезаны ребятишками окрестных сёл на мячи. Мемориальная доска на памятнике вся исписана. За памятником никто не присматривает, и стоит он одинокий, не ухоженный. Сооружение данного памятника проходило не без Вашей инициативы. Потому я обращаюсь с письмом к Вам и надеюсь, что будут приняты меры к сохранению памятника и исторического орудия № 2242. Краснов»²⁶.

В решении Курского облисполкома № 496 от 2 августа 1966 г.²⁷ указывалось, что местные органы власти проделали значительную работу по охране памятников, но при этом отмечалось явно неудовлетворительное состояние памятников Героям-артиллеристам и Героям-сапёрам в Золотухинском районе²⁸. Облисполком поручил областному отделению ВООПИК обеспечить комплекс мероприятий по приведению памятников военной истории в должное состояние, с привлечением общественности к их пропаганде²⁹.

Курский архитектор М. Л. Теплицкий вспоминал: «В 1967 году, в связи с предстоявшим 25-летием Курской битвы, было принято решение реконструировать памятник [артиллеристам] военного времени и дополнить его стелами на месте захоронений с обозначением фамилий погибших воинов. Разработку проекта управления культуры облисполкома и его начальник Павел Михайлович Рожин поручили мне. Я охотно взялся за эту работу, которую удалось воплотить в жизнь в 1968 году»³⁰.

Основанием памятника стал стилобат, облицованный гранитными плитами, на котором изображён скульптурный венок славы под бронзу. Отделка постамента осуществлялась чёрным гранитом с фризом вверху в виде объёмной гвардейской ленты с надписями накладными буквами по периметру с трёх сторон. На главном фасаде памятника располагается надпись: «Вечная слава героям-артиллеристам, павшим 7—12 июля 1943 года в боях с немецко-фашистскими захватчиками». На постаменте — противотанковая пушка, установленная в момент сооружения памятника³¹.

Над постаментом возвышается 8-метровый обелиск. В соответствии с проектом реконструкции существовавшая основа обелиска была взята в металлическую окантовку и облицована полированным красным гранитом. В верхней части обелиска установлен бронзовый картуш из склонённых знамён по углам со щитами и звездой наверху³².

Делопроизводственная документация Управления культуры Курской области позволяет отметить отдельные мероприятия по реконструкции памятника Героям-артиллеристам. 29 апреля 1967 г. областное Управление культуры проинформировало заместителя начальника Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР А. В. Серёгина о том, что запланировано проведение работ по облицовке гранитом памятника Героям-артиллеристам³³. Для этого потребовалось три тонны речного песка³⁴. Работы по облицовке памятника планировалось завершить к 15 августа 1967 г.³⁵

На изготовление картуша к памятнику, отливку которого должен был производить курский завод «Аккумулятор»³⁶, было доставлено из подмосковного Ногинска 2,5 тонны бронзы³⁷.

Первый этап работ по облицовке памятника был завершён в конце лета 1967 г.³⁸ В ноябре 1967 г. главному инженеру завода «Аккумулятор» Г. И. Панкову был направлен заказ областного Управления культуры на отливку венка из дюралюминия. К заказу прилагались эскизы и гипсовая модель венка³⁹.

Для завершения ремонтно-реставрационных работ на памятнике Героям-артиллеристам в 1968 г. планировались бюджетные ассигнования, предусматривающие: переоборудование чугунной ограды вокруг памятника, благоустройство территории подходов к памятнику, посадка декоративных деревьев — 3 тыс. р.; установление мемориальных досок на двух братских могилах с высечением на них 801 фамилии погибших с позолотой — 3 тыс. 500 р.⁴⁰

12 февраля 1968 г. старший инспектор по охране памятников областного Управления культуры Н. Д. Лопатьева обратилась к председателю колхоза им. Кирова Игишевского сельского совета Золотухинского района П. П. Бирюкову с предложением: в связи в 50-летием Советской Армии и массовыми походами по местам боёв на Курской дуге очистить от снега братские могилы, памятник Героям-артиллеристам и подходы к ним, постоянно поддерживать чистоту территории вокруг памятника⁴¹.

Работы по реконструкции памятника затягивались, в связи с чем весной 1968 г. областное Управление культуры направило письмо начальнику СУ-75 треста «Мосотделстрой» № 1 П. В. Диденко, содержащее просьбу, в связи с подготовкой к 25-летию Курской битвы, закончить облицовку гранитом памятника

Героям-артиллеристам, начатую этой организацией в 1967 г., выделив на указанные цели 20 м² полированного гранита⁴².

В апреле 1968 г. рабочими завода «Аккумулятор» были изготовлены 17 латунных букв, ставшие текстом на обновлённом памятнике⁴³. Как следует из отчёта областного Управления культуры за первое полугодие 1968 г., сметная стоимость реконструкции памятника Героям-артиллеристам составляла 52 тыс. р. Строительное управление № 75, осуществлявшее облицовку памятника гранитом, выполнило за отчётный период работы на сумму 3,8 тыс. р.⁴⁴

Кроме бюджетного финансирования, средства на реконструкцию памятника выделялись и областным отделением ВООПИК. В 1967 г. для реставрации памятников сапёрам и артиллеристам этой общественной организацией было перечислено 1500 р., а весной 1968 г. — ещё 6500 р.⁴⁵

12 августа 1968 г. начальник Управления культуры Курской области П. М. Рожин проинформировал председателей колхоза «Заря коммунизма» А. А. Иванкова и им. Кирова П. П. Бирюкова о том, что на 1969 г. было запланировано бурение скважины у памятника Героям-артиллеристам. В связи с этим к руководителям сельхозпредприятий была обращена просьба, по возможности, за счёт средств колхозов подвести электроэнергию от села Тёплое к памятнику Героям-артиллеристам, поскольку без неё невозможно было обеспечить работу буровой скважины. Кроме этого областное Управление культуры планировало в 1969 г. построить у памятника домик-музей для оформления постоянной выставки, посвящённой подвигам артиллеристов в боях на Тёпловских высотах летом 1943 г.⁴⁶

Одновременно председатели близлежащих колхозов ставились в известность, что согласно архитектурному решению вокруг памятника Героям-артиллеристам планировалась закладка парка имени Героев-артиллеристов на площади трёх гектаров. В связи с тем, что территория памятника граничила с колхозными землями, областное Управление культуры просило решить вопрос об отводе по одному гектару земли для указанного парка⁴⁷.

Более 20 лет шефство над памятником Героям-артиллеристам бережно осуществляли колхозники сёл Теплое, Игишево, хут. Курчак (колхоз им. Кирова, председатель — Л. И. Заугольников)⁴⁸.

3 августа 1968 г. состоялось открытие обновлённого памятника Героям-артиллеристам⁴⁹. Как отмечалось в отчётных документах курского отделения Союза советских архитекторов, памятник Героям-артиллеристам был сооружён практически заново. Ведь старый кирпичный памятник, пришедший в аварийное состояние, был разобран. Архитектор М. Л. Теплицкий значительно улучшил художественные качества памятника, который был выполнен в граните⁵⁰.

После празднования 30-летия победы в Курской битве памятник Героям-артиллеристам был взят под государственную охрану. В 1974 г. Совет Министров РСФСР дополнил список подлежащих охране памятников государственного значения военно-мемориальными объектами Курской битвы, внося в него памятники Героям-артиллеристам и Героям-сапёрам, братские могилы советских воинов у села Тёплое Поныровского района; памятное место, где находилась землянка, в которой размещался штаб Воронежского фронта под командованием генерала армии Н. Ф. Ватутина в селе Ржава Пристенского района⁵¹.

По воспоминаниям М. Л. Теплицкого, в 1978 г. им был выполнен проект сооружения стел вокруг двух братских могил для размещения на них мемориальных мраморных досок с указанием фамилий захороненных здесь воинов⁵². В личном фонде архитектора, находящемся на хранении в Государственном архиве Курской области (ГАКО), сохранились эскизные проекты. В пояснениях к одному из них указывалось, что проект реконструкции надгробий братских захоронений предусматривал размещение двух стел с установкой мраморных плит, на которые будут нанесены фамилии погибших. Стелы проектировались с двух сторон оси памятника «Героям-артиллеристам» по наружному периметру братских могил в виде горизонтальных объёмов и тумб. Материалом для сооружения стел служил бетон с декоративной отделкой из полированного красного и чёрного гранита или цветного бетона с мраморной крошкой. Обрамление могил выполнялось бортом из полированных гранитных плит чёрного цвета. В центре каждой могилы на земляном кургане планировалась установка бетонной плиты размером 200 × 200 см, облицованной красным полированным гранитом с бронзовым венком славы диаметром 200 см. Территория вдоль стел покрывалась бетонными плитами размером 50 × 50 см,

а курганы братских могил, по замыслу автора, озеленялись красными многолетними цветами⁵³.

Территория мемориального объекта подлежала озеленению 26 липами, 4 плакучими ивами, 6 рябинами, 12 голубыми елями, 1000 кустарниками жимолости и жёлтой акации, 500 м² газонной травы⁵⁴. В конце 1970-х гг. по периметру ограды были высажены берёзы. Как отмечалось выше, предусматривалось расширение территории памятника с созданием парка и строительством здания музея. Также автором проекта предполагалось размещение скульптурной композиции «Родина-мать» во взаимосвязи с памятником. Но проект второй очереди не был осуществлён до конца⁵⁵.

Реконструкция памятника специалистами треста «Мосотделстрой» в 1967—1968 гг. была произведена некачественно. Через 15 лет состояние мемориального объекта республиканского значения стало уже аварийным. 7 мая 1984 г. начальник областного Управления культуры А. Е. Силяков информировал заместителя министра культуры РСФСР А. М. Шкурко: «В настоящее время часть гранитных плит на обелиске отваливается, другая на грани разрушения, что грозит уничтожением сооружения и опасностью для жизни граждан, посещающих это место в период знаменательных дат... Прошу Вас командировать специалистов для срочной подготовки проекта реконструкции, поскольку своими силами сделать этого не можем»⁵⁶. Как отмечалось в документах президиума областного отделения ВООПИК, в апреле 1985, в июле 1990 и 1993 гг. здесь опять производились широкомащтабные реставрационные работы⁵⁷.

Современное состояние мемориала у памятника Героям-артиллеристам далеко от идеального. Требуют замены мраморные доски с фамилиями захороненных воинов. Но сделать это силами региона невозможно по причине нахождения объекта под государственной охраной. За последние годы была заасфальтирована прилегающая к памятнику территория, что позволяет проводить возле него массовые мемориальные мероприятия. Ежегодно рядом с памятником производится перезахоронение останков советских солдат, обнаруженных в ходе традиционных вахт памяти на северном фасе Курской дуги. Мемориал продолжает выполнять миссию по сохранению памяти о подвиге героев-артиллеристов для потомков.

- ¹ Шарапов В. М. Герои 70-й армии // Курская битва. Воспоминания, статьи. Изд. 3-е, перераб. Воронеж, 1982. С. 215–216.
- ² Карел П. Выжженная земля. М., 2003. Кн. 2. С. 16–20.
- ³ ЦАМО РФ. Ф. 9687. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.
- ⁴ Там же. Л. 3.
- ⁵ Давыдков В. Анализ Курской битвы. Курск, 2005. С. 273–274; Казаков К. П. Огневой вал наступления. М., 1986. С. 102, 103.
- ⁶ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 337. Д. 7. Л. 168–172; Доманк А. С. На огненных рубежах. Артиллеристы в Курской битве. Воронеж, 1984. С. 66–67.
- ⁷ ЦАМО РФ. Ф. 9687. Оп. 1. Д. 8. Л. 30–33.
- ⁸ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1997. С. 273.
- ⁹ ЦАМО РФ. Ф. 9687. Оп. 1. Д. 6. Л. 38; Д. 8. Л. 36.
- ¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 28.
- ¹¹ Сарапенков Н. Перед танками не дрогнули. // Курская правда. 1985. 19 ноября.
- ¹² Командир взвода лейтенант В. С. Каргузов погиб в бою 8 июля 1943 г. (ЦАМО РФ. Ф. 9687. Оп. 2. Д. 2. Л. 28).
- ¹³ Известия. 1943. 17 июля; Комсомольская правда. 1985. 5 июля.
- ¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 9687. Оп. 1. Д. 6. Л. 36.
- ¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 335. Д. 16. Л. 367; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1976. Т. 7. С. 148.
- ¹⁶ Казаков В. И. Артиллерия, огонь! М., 1972. С. 161.
- ¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 9687. Оп. 1. Д. 84. Л. 4; Казаков К. П. Огневой вал наступления. М., 1986. С. 106.
- ¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 9687. Оп. 1. Д. 6. Л. 20, 38–40.
- ¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 53.
- ²⁰ Герои Советского Союза. Краткий биограф. словарь. М., 1987. Т. 1. С. 580.
- ²¹ ЦАМО РФ. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 62. Л. 47.
- ²² Там же. Л. 47 об.
- ²³ ЦАМО РФ. Ф. 9687. Оп. 1. Д. 84. Л. 10, 18, 21; Коровин В. В., Манжосов А. Н., Золотухин А. Ю., Немцев А. Д. Военно-мемориальная работа в Курской области // КЛИО. 2009. № 1 (44). С. 100.
- ²⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 87. Л. 51; Памяти павших: Великая Отечественная война (1941–1945). М., 1995. С. 191.
- ²⁵ Поньровский район. Страницы истории. Курск, 2011. С. 80.
- ²⁶ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-131. Оп. 3. Д. 37. Л. 12; Память, ты для сердца свята... Деятельность комсомольских и молодёжных организаций Курской области по героико-патриотическому воспитанию в 50–90-е годы XX века: Сборник документов. Курск, 2008. С. 60.
- ²⁷ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-3222. Оп. 44. Д. 1758. Л. 102–108. Это решение было принято в соответствии с постановлением СМ РСФСР № 473 от 24 мая 1966 г. (Охрана памятников истории и культуры. Сб. документов. М., 1973. С. 150–154).
- ²⁸ ГАКО. Ф. Р-3222. Оп. 44. Д. 1758. Л. 103–104.
- ²⁹ Там же. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
- ³⁰ Теплицкий М. Л. Автографы в камне. Архитектурная летопись Курска. Курск, 2001. С. 194.

- ³¹ Богуславский Г. А. Вечным сынам Отчизны: Памятники Великой Отечественной войны. М., 1975. С. 243–244; Подвиг народа: памятники Великой Отечественной войны, 1941–1945. 2-е изд., доп. М., 1984. С. 53.
- ³² ГАКО. Ф. Р-663. Оп. 2. Д. 81. Л. 6; Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 239. Л. 53–54.
- ³³ Там же. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 430. Л. 172–173.
- ³⁴ Там же. Л. 245.
- ³⁵ Там же. Л. 326.
- ³⁶ Там же. Л. 261.
- ³⁷ Там же. Л. 258.
- ³⁸ Там же. Л. 273.
- ³⁹ Там же. Л. 333.
- ⁴⁰ Там же. Л. 30–304.
- ⁴¹ Там же. Д. 465. Л. 50.
- ⁴² Там же. Л. 172.
- ⁴³ Там же. Л. 140, 238.
- ⁴⁴ Там же. Л. 240.
- ⁴⁵ Там же. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 46. Л. 41.
- ⁴⁶ Там же. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 465. Л. 236, 243.
- ⁴⁷ Там же. Л. 288.
- ⁴⁸ ГАКО. Ф. Р-651. Оп. 1. Д. 19. Л. 153–154; Золотухин А. Ю., Коровин В. В., Манжосов А. Н. «Пусть будет военная память строга» (Памятники воинской доблести и славы на территории Поньковского района Курской области) // Книга памяти. Курск, 2018. Т. 17. Ч. 4. С. 425.
- ⁴⁹ ГАКО. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 33. Л. 136; Д. 38. Л. 51, 53.
- ⁵⁰ Там же. Д. 38. Л. 53, 89.
- ⁵¹ Список памятников истории, связанных с периодом Великой Отечественной войны (1941–1945). Курск, 1995. С. 43.
- ⁵² Теплицкий М. Л. Автографы в камне. Воспоминания архитектора. Курск, 1999. С. 195.
- ⁵³ ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 55. Л. 3.
- ⁵⁴ Там же. Л. 2.
- ⁵⁵ Теплицкий М. Л. Автографы в камне. С. 195.
- ⁵⁶ ГАКО. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 239. Л. 50.
- ⁵⁷ Там же. Л. 52–54.

П. Ю. Кочешков, С. В. Андреев (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ИХ СЕМЕЙ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО насчитывает столетия. И на протяжении всего этого времени самой ответственной и почётной была служба по защите своей земли, своей Родины — служба воинская.

Главными элементами вооружённых сил древней Руси были княжеская дружина и народное ополчение. Содержавшаяся князем за счет военной добычи и дани, собираемой с народа, дружина находилась в постоянном полном распоряжении князя и представляла собой как бы ядро вооружённых сил. Народное ополчение собиралось лишь на время войны, каждый ополченец имел свою одежду, оружие, снаряжение и продовольствие. Иностранцы, входившие в состав войска, оплачивались князем.

В московский период в основе всего устройства военных сил лежала поместная система. Помещики (дворяне) получали от монарха государственные земельные наделы — поместья — в условное держание. За это они были обязаны нести военную и другую государственную службу. При этом финансирование войска в мирное время производилось за счет доходов дворянина с полученной государственной земли, а в военное время — за счёт казны государства. С течением времени установлены были правила обеспечения семейств, оставшихся после служилых. Когда умирал служилый человек, то из его поместья выделялись известные доли на прожиток (в пенсию) его вдове и дочерям, вдове до смерти, до вторичного замужества или до пострижения, дочерям до 15 лет, когда они могли выйти замуж. Величина прожитка зависела от того, как умирал помещик.

Если он умирал дома своей смертью, вдове его выделялось 10 % из его поместья, дочерям по 5 %; если он был убит в походе, эти оклады удваивались¹.

В истории развития и содержания вооружённых сил известны и такие источники социального обеспечения воинов как «кормление». Это такой вид, когда беспоместные воины за свою службу получали от князя в кормление отдельные крестьянские хозяйства, деревни, сёла и даже целые города, жители которых были обязаны содержать их. В кормление престарелым и инвалидным воинам раздавалась определённая часть дохода с судебных сборов, мостов, перевозов, дорог, пошлин и различного рода сборов, собираемых с населения.

Большую роль в социальном обеспечении престарелых, больных воинов и инвалидов войны играла церковь. Устанавливались нормы натурального довольствия и денежных выплат каждому из них, а также определялось их число на каждый монастырь. Эта форма содержания бывших воинов была очень выгодна государству, так как монастыри полностью содержали их до самой смерти.

В России обеспечение военнослужащих в старости, в случае их ранения и увечья появилось задолго до XVIII в. Вначале социальное обеспечение воинов и их семей имело преимущественно натуральную форму. В XVIII в. на первое место выходит денежная форма социального обеспечения, т. е. назначаются денежные пенсии. Однако пенсия тогда не рассматривалась как положенное каждому вознаграждение за службу.

В начале XIX в. была образована специальная комиссия для решения пенсионного вопроса. Итогом её работы стало издание Указа от 21 мая 1803 г., в соответствии с которым пенсии стали назначаться в зависимости от выслуги лет.

6 декабря 1827 г. Николай I подписал второй устав о пенсиях, в котором так определил состояние военно-пенсионного дела: «Правила, по коим сии вознаграждения были доселе производимы, не имели ни надлежащей определённости, ни соразмерности. Сверх сего, не было поставлено постоянных правил на призрение вдов и сирот после смерти лиц, продолжительно и бесспорно служивших».

После Великой Октябрьской социалистической революции старая система пенсионного обеспечения была упразднена и создавалась новая, с учетом требований, предъявляемых

к строительству Красной Армии. Назначение пенсий военнослужащим производили комиссии при местных отделах социального обеспечения.

После окончания гражданской войны пенсионное обеспечение кадрового начальствующего состава было выделено из общей системы социального обеспечения и стало осуществляться на основании иных нормативных актов. Работа по пенсионному обеспечению начсостава и их семей была возложена на военное ведомство. Её осуществляли отделы по комначсоставу военных округов. Лица, имеющие право на пенсию по линии НКО СССР, должны были для её оформления лично явиться в отдел кадров военного округа, что было зачастую крайне неудобно в связи со значительной удалённостью этого отдела от мест службы и жительства увольняемых военнослужащих.

В период Великой Отечественной войны происходило дальнейшее совершенствование системы пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей.

При резком возрастании количества лиц, имеющих право на пенсию, единственный в округе пенсионный орган отдела кадров округа оказался не в состоянии обеспечить своевременное и правильное назначение пенсий уволенным военнослужащим и членам их семей. К тому же поездки инвалидов и людей, потерявших кормильца, в отдел кадров округа в ухудшившихся условиях сообщения были сопряжены с большими трудностями. Массовое перемещение населения в начальный период войны также существенно затрудняло проведение этой работы, так как эвакуированные члены семей по вопросу назначения пенсий за погибшего кормильца в большинстве случаев обращались в военный комиссариат по новому месту жительства.

В целях приближения пенсионных органов к обеспечиваемым лицам и ускорения назначения пенсий инвалидам Великой Отечественной войны и семьям погибших военнослужащих Государственный Комитет Обороны СССР 11 марта 1942 г. принял Постановление № 1424, согласно которому назначение пенсий с мая 1942 г. было передано из Главного управления кадров НКО в ведение Финансового управления НКО и из отделов кадров военных округов в областные, краевые, республиканские и некоторые городские военные комиссариаты. По Наркомату обороны это было объявлено приказом НКО СССР № 75 от 13 марта 1942 г.

В Финансовом управлении НКО был создан пенсионный отдел, в финансовых отделах военных округов — пенсионные отделения, а в военных комиссариатах (областных, краевых, республиканских, а в Москве и в Ленинграде — городских) — пенсионные группы в составе финансовых отделений.

Так возникло совершенно новое направление деятельности военно-финансовой службы — пенсионное обеспечение военнослужащих и членов их семей. В результате проведённой перестройки пенсионных органов значительно сократились сроки оформления документов на пенсию, уменьшилось число жалоб со стороны пенсионеров на задержку в назначении пенсий. Пенсионные органы стали лучше знать нужды пенсионеров, их бытовые и жилищные условия, положение дел с трудовым устройством и своевременно оказывать им необходимую помощь.

Именно 13 марта 1942 г. считается днем формирования пенсионных органов Министерства обороны как самостоятельных подразделений финансовой службы, на которые возложена вся непосредственная работа по назначению и выплате пенсий уволенным военнослужащим и членам их семей.

Созданная таким образом система социального и пенсионного обеспечения уволенных военнослужащих и их семей в своей основе функционирует и по сей день с поправками и изменениями, вызванными велением времени.

¹ Ключевский В. О. Русская история. Учебное пособие. М., 1992. С. 117—118.

М. Б. Крапивенцева (Тула)

**КУБОК, ПОЖАЛОВАННЫЙ ИМПЕРАТОРОМ
НИКОЛАЕМ I ТУЛЬСКИМ ОРУЖЕЙНИКАМ:
ИСТОРИЯ ПРЕДМЕТА
ИЗ СОБРАНИЯ ТУЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ**

ТУЛЬСКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОД (далее в ряде случаев — ТОЗ) с момента основания в 1712 г. был основным поставщиком боевого оружия для российской армии, а следовательно, и объектом пристального внимания со стороны государственной власти. Гордостью собрания Тульского государственного музея оружия является коллекция из 12 ружей, украшенных в память о посещении завода в XVIII—XIX вв. членами российского императорского двора, регулярно проверяющими состояние предприятия. Начало традиции украшать оружие, созданное в присутствии или при участии монарших особ и великих князей, было положено в 1775 г., когда императрица Екатерина II при посещении ТОЗ трижды ударила по завариваемому стволу, впоследствии использованному для изготовления ударно-кремнёвого карабина. Самым поздним из сохранившихся памятников является драгунская винтовка обр. 1870 г., украшенная на ТОЗ в честь визита императрицы Марии Фёдоровны 9 мая 1887 г.¹

Наряду с коллекцией «достопамятного оружия» о визитах членов царской семьи в Тулу свидетельствует дар императора Николая I, преподнесённый Обществу тульских оружейников в 1826 г. (ил. 1). История его бытования представляет значительный интерес для изучения истории тульского оружейного производства и заслуживает отдельного рассмотрения.

Дар представляет собой кубок в форме усечённого конуса на расширяющейся по краям ножке цилиндрической формы и круглом основании, с круглой двухступенчатой крышкой,

которые изготовлены из серебра 875 пробы и позолочены. Вес кубка с крышкой составляет 1641,58 г. Размеры кубка: тулово — 240,0 × 127,0 мм, крышка — 100,0 × 134,0 мм.

Он был изготовлен в мастерской потомственного почётного гражданина, поставщика императорского двора, мастера Санкт-Петербургского цеха иностранных золотого и серебряного дела мастеров Иоганна Вильгельма Кейбеля (1788—1862) и представляет собой произведение ювелирного и декоративно-прикладного искусства.

Внутренние поверхности тулова и крышки гладкие. На тулове вверху и внизу накладной орнамент в виде дубовых листьев; на одной стороне накладные элементы: вверху — императорская корона, в центре — венок из двух лавровых ветвей с лентой и вензелем «Н I». На ножке накладной орнамент в виде четырёхлистных цветов, большие листья, отчеканены ребристый орнамент в виде лепестков, на кольцевом выступе — орнамент «верёвочка»; на тулове внизу и на основании — рельефный орнамент в виде дубовых листьев; на основании по кругу лавровые листья, перетянутые в четырёх местах крест-накрест лентой. На лицевой стороне основания в прямоугольных щитках — 84, 1826; выгравировано: Keibel (ил. 2).

На крышке сверху накладные полукруглый орнамент в виде расходящихся лучей и скульптурное изображение двуглавого орла с расправленными крыльями под императорской короной; в левой лапе орла — лавровый венец, в правой — факел и лента; на груди орла — английский геральдический щит с рельефным

Ил. 1. Кубок. И. В. Кейбель. 1826 г. (ТГМО КП-2530/1)

Ил. 2. Кубок (фрагмент).
И. В. Кейбель. 1826 г.
(ТГМО КП-2530/1)

изображением обращённого Георгия Победоносца на вздыбленном коне, поражающего копьём дракона. На лицевой стороне отчеканен рельефный растительный орнамент в виде лавровых листьев, по краю — орнамент «верёвочка»; на внутренней стороне — конусообразный кольцевой выступ (ил. 3).

Важной для нас является выполненная на тулове кубка дарственная надпись «ВЪ ЗНАКЪ МОНАРШАГО БЛАГОВОЛЕНІЯ КЪ ОБЩЕСТВУ ТУЛЬСКИХЪ ОРУЖЕЙНИКОВЪ ЗА ПОХВАЛЬНЫЙ ПОДВИГЪ, ОКАЗАННЫЙ 30-ГО ГЕНВАРЯ 1826-ГО ГОДА».

В настоящее время мы располагаем лишь отрывочными сведениями об указанном «Обществе тульских оружейников». Опираясь на исследо-

вания Е. Е. Дроздовой, И. Н. Юркина и др., возможно считать тульских оружейников особой сословной группой, принадлежность к которой определялась совокупностью прав и обязанностей, зафиксированных в положениях о Тульском оружейном заводе; к данной группе относились все приписанные к заводу оружейники, в том числе и не занимавшиеся непосредственно оружейным производством². В рассматриваемый нами период вопрос о статусе и разграничении категорий оружейников возник при подготовке «Положения для Тульского оружейного завода» 1823 г., однако в ходе обсуждения документа было решено «оставить всех под общим названием оружейников»³ и сохранить единство сословной группы. И. Н. Юркин упоминает «общество» оружейников, подразумевая устройство их сословных учреждений для организации взаимоотношений с властью и казной⁴. Тем

не менее, ни в архивных документах, ни в исследованиях мы не встречаем устоявшийся термин «Общество тульских оружейников» либо сведения о существовании формальной организации оружейников с таким названием. Исключение составляют несколько упоминаний данного словосочетания в посвящённых истории ТОЗ трудах, и лишь в связи с рассматриваемым кубком.

Ил. 3. Крышка кубка. И.В. Кейбель. 1826 г. (ТГМО КП-2530/2)

Впервые его использовал историк И. Х. Гамель, уже в 1826 г. зафиксировавший историю создания кубка: в январе 1826 г., когда через Тулу провозили тело скончавшегося императора Александра Павловича, оружейники, в знак выражения благодарности государю, а также желая изъяснить радость по поводу восшествия на престол Государя императора Николая Павловича, единогласно подтвердило решение простить беднейшим оружейникам долг в 150 тысяч рублей, выделенных им из ссудной кассы на постройку домов. «Государь Императоръ, по сему случаю, въ знакъ Своего благоволенія къ обществу оружейниковъ, соизволил пожаловать оному золотый кубокъ съ надписью»⁵.

Исследователь Тульского края И. Ф. Афремов в 1850 г. дополняет: «оружейные мастера, благоговевя къ памяти царя-благодетеля своего, около 10 версть везли на себе тело его и простили весь долгъ неимущимъ собратіямъ своимъ, — ассигнаціями около 150 тысячъ рублей. — За таковой примерный поступокъ, Государь Императоръ обществу тульскихъ оружейниковъ соизволил пожаловать в 28-й день марта 1826 года драгоценный золотый кубокъ при всемилостивейшей похвальной грамоте. Кубокъ этотъ хранится ныне по примеру Александровскаго золотого ковша в оружейномъ разряде»⁶. Здесь И. Ф. Афремов имеет в виду памятный подарок Александра I тульским оружейникам.

В 1801 г. после коронации Александра I в Москве командир ТОЗ Ф. А. Экельн представил государю избранных тульских

оружейников, которые преподнесли ему оружейные изделия и стальные вещи искусной работы. «...юный монархъ, при всемилостивейшемъ рескрипте 1-го октября 1801 года, благоволилъ пожаловать оружейникамъ тульского завода золотой ковш, которымъ первымъ изволил откушать вина за здоровье своихъ верно-подданныхъ — усердныхъ мастеровъ»⁷. Данный эпизод ранее отмечал и И. Х. Гамель, указав, что ковш хранится в заводском правлении⁸. Последнее упоминание о ковше в музейных документах датируется 1923 г.; на настоящий момент мы располагаем лишь его описанием и фотографией в книге С. А. Зыбина⁹.

Таким образом, ковш и кубок как весьма ценные для оружейников реликвии изначально хранились на заводе в правлении или цеховом разряде¹⁰. Ещё во второй четверти XVIII в. при ТОЗ начала собираться коллекция исторического оружия, но её предметы хранились в разных заводских помещениях. Официально Тульский музей оружия был торжественно открыт 30 августа 1873 г., именно тогда для размещения его собрания впервые специально была выделена одна из комнат правления завода¹¹.

Самое раннее подробное описание собрания музея составил заведующий музеем И. А. Крылов в 1901 г. Он записал в данном документе: «Въ 1826 году 10-го Сентября Государь Николай Павловичъ въ сопровожденіи иностранныхъ принцевъ посетилъ Тульскій оружейный заводъ и изволилъ подарить кубокъ с надписью: “въ знакъ Монаршаго Благовленія къ Обществу Тульскихъ Оружейниковъ за похвальный подвигъ оказанный 30-го Генваря 1826 года”, а на другой стороне — инициалы Его Величества Николая I-го. Этотъ кубокъ хранится и по настоящее время в музее завода»¹².

Автор изданного в 1912 г. к юбилею ТОЗ труда по истории предприятия С. А. Зыбин повторил данную версию, отметив, что, узнав о похвальном поступке тульских оружейников, Николай I издал рескрипт на имя генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича с описанием события и его оценкой, в котором указано: «В знакъ же всегдашняго Моего къ обществу тульскихъ оружейниковъ благоволенія за таковой трогательный подвигъ, жалую ему золотой кубъ съ приличной на ономъ надписью»¹³. В том же издании С. А. Зыбина впервые приводится фотография кубка. В 1923 г., согласно инвентарным ведомостям ТОЗ, кубок и ковш числились в числе исторического музея 1-х

тульских оружейных заводов, но хранились отдельно у казначея завода¹⁴.

В 1925 г. заведующий музеем Н. К. Герасимов в составленном им путеводителе впервые указал иную причину награждения оружейников кубком. Во время посещения ТОЗ в 1826 г. Николай I проверил взаимозаменяемость изготавливаемых ружейных частей. «Взятые из арсенала ружья были разобраны, части перемешаны вновь и собраны без подгонки. Собранные ружья оказались для стрельбы вполне годными. В память такой точной работы Николай подарил заводу золочёный кубок, который и хранится в музее»¹⁵. Но подобная версия противоречит надписи на кубке: вероятно, в этот приезд кубок лишь был преподнесён тулякам. Действительно, 20 сентября 1826 г. Николай I посетил ТОЗ, в память о чём сохранилось пехотное ружьё обр. 1826 г. с надписью на стволе: «Государь Императоръ Николай I ый осматривальъ Т.О. заводъ 20 сентября 1826 соизволилъ самъ при заварке сего ствола несколько раз ударить молоткомъ. Прессомъ продавливать в штыке щели. На замочной доске Тула, в курке сердцеобразную щель на затылке гербъ, посему в священную память заводу сделано сие ружьё»¹⁶.

В путеводителе по музею 1929 г.¹⁷ упоминание о кубке уже отсутствует. Сведения о событиях последующих лет позволяют предположить, что это могло быть связано с исчезновением его из музея в период 1925—1929 гг.

Восстановить подробности произошедшего и пролить свет на возвращение данного предмета в музейное собрание нам помогли воспоминания конструктора стрелкового оружия Фёдора Васильевича Токарева (1871—1968) (ил. 4). 20 августа 1947 г. он написал в своем личном дневнике: «В 11 часов поехал в Исторический музей¹⁸, узнать о предполагаемом историческом подарке тульским мастерам Николаем Первым»¹⁹, поскольку ему стало известно, что гражданка Вершинина предложила купить музею серебряный золочёный кубок. Следует отдать должное сотруднику «отдела приёмки вещей» ГИМ Незнамову, который предпринял попытки узнать судьбу заинтересовавшего его предмета. В частности, изучая историю ТОЗ, он нашёл упоминание о кубке в издании С. А. Зыбина и написал запрос на предприятие. Не получив ответа, Незнамов решил обратиться к Ф. В. Токареву, являвшемуся в 1946—1950 гг. депутатом Верховного Совета СССР 2-го созыва от Тульского избирательного округа²⁰.

Ил. 4. Токарев Фёдор Васильевич
(1871—1968)

Как представителю интересов жителей Тульского края на высшем государственном уровне ему приходилось решать много разнообразных вопросов, в том числе работать с обращениями трудящихся относительно транспортного, продовольственного снабжения, строительства дорог, ремонта жилья и т. д.

Ф. В. Токарев выражал обеспокоенность и состоянием музея оружия ТОЗ. Как отмечал конструктор в феврале 1946 г., предметы музея после окончания Великой Отечественной войны не были распакованы и не имели надлежащего ухода. Помещение му-

зея отдано под квартиры для семей пожарной команды. Для того чтобы инициировать работу по открытию музея, Ф. В. Токарев обращался за помощью к Народному комиссару вооружения Д. Ф. Устинову, в Главное управление музеев по делам культурно-просветительных учреждений СССР, ГИМ²¹.

Возможно, вследствие предпринятых конструктором усилий музей был открыт достаточно быстро, что подтверждает сделанная Ф. В. Токаревым запись в книге почётных посетителей от 8 августа 1947 г.: «Впервые после эвакуации посетил восстановленный Музей оружия. Приятно видеть этот рассадник оружейных дел»²². В 1948 г. Ф. В. Токарев передал в музей обширную личную коллекцию опытных образцов автоматического оружия начала XX в. как собственной конструкции, так и иностранного производства.

Обращение к нему по поводу кубка Федор Васильевич воспринял с большим энтузиазмом. Осмотрев предмет, он настоятельно попросил директора ТОЗ Д. В. Романова посетить с ним заместителя министра вооружения СССР В. М. Рябикова,

у которого они нашли поддержку в виде рекомендации об обязательном возвращении кубка в тульский музей. Затем состоялась беседа Ф. В. Токарева и Д. В. Романова с директором ГИМ А. С. Карповой, на которой Д. В. Романов подтвердил свое согласие выкупить кубок. Владелица кубка Вершинина при встрече с Ф. В. Токаревым 26 августа 1947 г. обозначила его цену в 5000 р. Тогда же она сообщила, что нашла кубок после смерти отца среди других его вещей.

Следует отметить осторожность Ф. В. Токарева, проявленную им ввиду возможного незаконного исчезновения кубка: «Меня брало сомнение, что этот вопрос о покупке не может решаться попросту, по-обывательски — кубок государственный, был кем-то похищен из музея и теперь через 20 лет появился и продаётся как частная собственность... Да и цена в 5 тысяч рублей за заведомо похищенную государственную вещь мне кажется незаконной. Поэтому я предложил ей отложить на некоторое время решение вопроса»²³. Ф. В. Токарев проконсультировался с заведующим юридическим отделом Управления делами Президиума Верховного Совета СССР, и в итоге у него возник следующий план выхода из сложившейся щекотливой ситуации: во избежание расследования владелица подарит кубок музею оружия, а ТОЗ постарается каким-либо способом компенсировать его стоимость²⁴.

Безусловно, это не снимало актуальности выяснения вопроса о появлении кубка у Вершининой. В связи с этим представляется убедительной позиция помощника Главного прокурора РСФСР. После обращения к нему Ф. В. Токарева тот настоятельно рекомендовал представителям ТОЗ обратиться в суд, а также распорядился ГИМ не выдавать кубок до принятия судебного решения о его дальнейшем местонахождении²⁵. Несмотря на это, Ф. В. Токарев во избежание расследования и возбуждения судебного дела против владелицы кубка предложил ей передать кубок в музей оружия. Вершинина, осознав сложившуюся для нее неблагоприятную с точки зрения закона ситуацию, была вынуждена согласиться. Передача кубка с дарственным письмом от Вершининой Ф. В. Токареву состоялась 1 сентября 1947 г.²⁶ В качестве гарантии со своей стороны оружейник составил расписку о передаче кубка в музей.

Возвратившись в Тулу, Ф. В. Токарев постарался придать своим действиям максимальную огласку. Он поставил в известность

руководящие партийные органы и средства массовой информации о ситуации с артефактом. В частности, Фёдор Васильевич обратился к редактору газеты «Коммунар»²⁷ с просьбой подготовить статью об истории кубка. Также он получил поддержку сотрудников Тульского обкома ВКП(б), в том числе секретаря обкома Н. И. Чмутова²⁸.

Следующим шагом стало обращение на ТОЗ. Сотрудники завода, придерживаясь мнения, что кубок должен храниться в музее, вместе с тем были растеряны, впервые столкнувшись с подобной нестандартной ситуацией, и не отважились принять решение в отсутствие Д. В. Романова. Вследствие этого Ф. В. Токарев выразил желание оставить кубок у себя и, возможно, решить дело в судебном порядке.

Кроме того, он предпринял попытку выяснить обстоятельства пропажи кубка непосредственно в музее оружия. После изучения учётной документации вместе с его сотрудниками конструктор установил, что в ней не было зафиксировано наличие данного предмета в коллекции²⁹.

Здесь следует особо отметить, что на момент рассматриваемых событий музей являлся структурным подразделением ТОЗ, подчиняясь непосредственно директору завода, и предметы, образующие его собрание, числились на хозяйственном учёте. У руководства завода имелись полномочия свободно распоряжаться предметами, которые могли быть проданы, списаны, переданы в другие учреждения, уничтожены. Однако подобные эпизоды были единичными и обычно отражались в документах музейного учёта³⁰.

Интересно, что в 1923 г. была начата книга поступлений, в которой были записаны имеющиеся по состоянию на 1 сентября 1923 г. предметы и далее до 1941 г. отражались новые поступления. В данном документе под № 1384 числится «Кубок с крышечкой серебряный, вызолоченый»³¹, но по неизвестным нам причинам Ф. В. Токареву данная книга не была предъявлена, как и упоминаемая ранее опись собрания 1901 г.³²

Ф. В. Токарев, не являясь специалистом в музейном деле, серьёзно обеспокоился таким положением. Ввиду отсутствия документов, подтверждающих права музея на кубок, а, следовательно, и оснований для предъявления иска к Вершининой, он принял твёрдое решение оставить кубок у себя до выяснения всех обстоятельств с директором ТОЗ Д. В. Романовым³³.

Следуя из дальнейших дневниковых записей, вопрос о возврате кубка в музей вновь был поднят спустя месяц, 7 октября, вероятно, после возвращения Д. В. Романова из отпуска. Как пишет Ф. В. Токарев, директор ТОЗ «и деньги приготавил для вознаграждения гр. Вершининой»³⁴.

Благополучное завершение этой истории состоялось 8 октября, когда Ф. В. Токарев приехал на ТОЗ и передал Д. В. Романову кубок и дарственное письмо. Дополнением к характеристике личности Федора Васильевича является тот факт, что конструктор позаботился о Вершининой и добился от руководства завода распоряжения о вознаграждении её суммой в размере 3000 р.³⁵

Кубок был вновь занесён в опись музейного собрания 1948 г. как «Кубок с крышкой серебряный вызолоченный пр. Николаем I в 1826 г.»³⁶. С тех пор и до настоящего времени он неизменно экспонируется.

Предмет дошёл до нас в хорошей сохранности. Имеются мелкие царапины на всей поверхности кубка и крышки, вмятины на основании кубка. На кубке утрачены фрагменты букв «к» в предлоге и в слове «оказанный», «а» в слове «благоволения», «х» в слове «тульских», цифры «3» в числе «30». На крышке утрачен крест в короне двуглавого орла.

Таким образом, обращение к истории одного памятника из миллионного сонма культурных ценностей, составляющих достояние Российской Федерации, позволило нам в очередной раз убедиться в том, что в каждом музейном предмете заключается значительное количество информации, служащей источником для многостороннего изучения конкретного исторического события, факта или явления.

В данном случае, дар императора Николая I не только открыл нам новые страницы в истории Тульского музея оружия и в биографии знаменитого российского конструктора, но и инициировал интерес к уникальному явлению в отечественном оружейном деле, каким является сословие тульских оружейников.

¹ Будаева Л. П. Царские ружья из собрания Тульского государственного музея оружия: (к визитам членов царской семьи на Тульский оружейный завод) // Тульский краеведческий альманах. 2004. Вып. 2. С. 29–34.

² Дроздова Е. Е. Подготовка кадров оружейных заводов военного ведомства России во второй половине XIX в. 1914 г.: дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Тула,

2009. 625 с.; Тульские оружейники: сборник документов. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 368 с.

³ Фирсанова Н. Ф. К истории сословия тульских казённых оружейников в период кризиса крепостничества // Рабочие оружейной промышленности в России и русские оружейники в XIX — начале XX в. Л., 1976. С. 19.

⁴ Тульские оружейники... С. 33

⁵ Гамель И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении с планами и изображениями оружия и машин на 42 листах. М., 1826. С. 76.

⁶ Афремов И. Ф. История Тульского края (историческое обозрение Тульской губернии). Тула: Приокское книжное издательство, 2002. С. 148—149.

⁷ Там же. С. 147—148.

⁸ Гамель И. Описание Тульского оружейного завода... С. 67.

⁹ Зыбин С. А. История Тульского Императора Петра Великого оружейного завода. М.: Типо-Лит. Т/Д. И. Н. Грызунов и К^о, 1912. Т. I. 1595 г. 1712—1834 г. С. 319.

¹⁰ Цеховой разряд — орган самоуправления тульских оружейников, основными функциями которого в XIX в. стали утверждение планов и фасадов дворов и жилищ оружейников, а также оформление раздельных земельных актов (См.: Гладина А. Ю. Опыт работы органов самоуправления на Тульском оружейном заводе во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. // *Historia Provinciae — Журнал региональной истории.* 2020. Т. 4. № 4. С. 1104).

¹¹ Дроздова Е. Е. Подготовка кадров оружейных заводов... С. 371.

¹² Тульский государственный музей оружия (далее — ТГМО). Фонд «Документальные источники». ТГМО КП-2-22018. Крылов И. А. Опись имущества исторического Музея Императорского Тульского Оружейного завода. Россия. г. Тула. 1901 г. С. 80—81.

¹³ Зыбин С. А. История Тульского Императора Петра Великого оружейного завода. Т. I. С. 331—332.

¹⁴ ТГМО. Фонд «Документальные источники». ТГМО КП-5767. Опись Тульского музея оружия по состоянию на 1 октября 1923 г. с описанием экспонатов, поступивших в музей в последующие годы вплоть до 1 сентября 1941 г. 1923—1941 гг. Л. 203 об.

¹⁵ Герасимов Н. Музей первых Оружейных заводов С.С.С.Р. в Туле // По Тульскому краю. Пособие для экскурсий. Тула: Издательство Тульского Губисполкома, 1925. С. 224.

¹⁶ ТГМО. Фонд «Оружие длинноствольное дульнозарядное». ТГМО КП-141. Ружьё пехотное обр. 1826 г.

¹⁷ Герасимов Н. К. Музей 1-х Т.О.З. Путеводитель по музею. Тула: Скоропечатня Т.О.З., 1929. 20 с.

¹⁸ Государственный исторический музей, далее в ряде случаев — ГИМ.

¹⁹ Архив ВИМАИВС. Ф. 37-р. Оп. 1. Д. 4. Л. 192.

²⁰ ТГМО. Фонд «Документальные источники». ТГМО КП-2-21936/1. Депутатский билет № 300 депутата Совета Союза 2 созыва от Тульского городского избирательного округа Токарева Ф. В. 1946 г.

²¹ Архив ВИМАИВС. Ф. 37-р. Оп. 1. Д. 4. Л. 37.

²² ТГМО КП-2-21001. Книга для внесения имён высочайших особ и прочих лиц, посещающих Тульский оружейный завод с 21 сентября 1856 г. 1856—1979 гг.

²³ Архив ВИМАИВС. Ф. 37-р. Оп. 1. Д. 4. Л. 197.

²⁴ Там же. Л. 198.

²⁵ Там же. Л. 200.

²⁶ Там же. Л. 202.

²⁷ Газета «Коммунар» — печатный орган Тульского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского Советов депутатов трудящихся.

²⁸ Архив ВИМАИВС. Ф. 37-р. Оп. 1. Д. 4. Л. 202.

²⁹ Там же. Л. 203.

³⁰ Крапивенцева М. Б. История Тульского государственного музея оружия в 20–30-е годы XX века // Мир оружия: история, герои, коллекции: материалы Международной научно-практической конференции (22–23 октября 2015 года). Тула, 2015. С. 303.

³¹ ТГМО. Фонд «Документальные источники». ТГМО КП-5767. Описание Тульского музея оружия по состоянию на 1 октября 1923 г. с описанием экспонатов, поступивших в музей в последующие годы вплоть до 1 сентября 1941 г. 1923–1941 гг. Л. 60.

³² Архив ВИМАИВС. Ф. 37-р. Оп. 1. Д. 4. Л. 203.

³³ Там же. Л. 204.

³⁴ Там же. Л. 223.

³⁵ Там же.

³⁶ ТГМО. Фонд «Документальные источники». ТГМО КП-2-20874. Описание имущества Исторического музея завода № 536. 1948 г. Л. 36.

А. С. Кручинин (Москва)

ПОЛКОВАЯ СВЯТЫНЯ НА ФОНЕ ЭВАКУАЦИИ: СПАСЕНИЕ ЗНАМЕНИ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ФИНЛЯНДСКОГО ПОЛКА (1920)

1 . **БОЕВОЕ ЗНАМЯ вне строя.** Судьба знамени Лейб-гвардии Финляндского полка (ил. 1) в годы «Русской Смуты XX в.» оказалась причудливой и удивительной. Офицеры-финляндцы не пожелали после Февральского переворота отправить полковую святыню в Петроград, распоряжение о чём было сделано революционной властью, боявшейся императорских вензелей на знамёнах и предполагавшей закрыть их красной материей или удалить каким-либо иным способом. Формально отчитавшись об отправке знамени в столицу, командовавший полком полковник А. Н. фон Моллер 1-й скрыл его в повозке с полковым денежным ящиком (позже утверждалось, что «вместо него командир полка полк[овник] Моллер I приказал сдать одно из старых знамён»¹, хотя такая операция и представляется намного более сложной: «старые знамёна» хранились не в полку на фронте, а в Петрограде, первоначально — даже не снимая с древка, к которому при пожаловании в 1906 г. знамя прибывали сам император Николай Александрович и шеф полка, наследник цесаревич Алексей Николаевич (маленький цесаревич, конечно, с помощью государя). После этого, при неоднократных истерических запросах из Петрограда о судьбе «потерянного» знамени, с угрозами отрешения от должности и проч., — полковник Моллер, вызываемый к дивизионному и корпусному начальству (генералам В. З. Май-Маевскому, Потоцкому и Т. М. Протазанову), начинал свой доклад с «магической» фразы: «Как прикажете, ваше пр[евосходительст]во, официально вам доложить, или я могу сказать, как офицер — офицеру?» — а когда фраза оказывала свое действие, честно объяснял: «Знамя в полку, но официально — его

Ил. 1. Знамя Лейб-Гвардии Финляндского полка, пожалованное в дни столетнего юбилея в 1906 г. Официальный рисунок, опубликованный в полковой истории С. А. Гулевича. В 1912 г. знамя было дополнено «надписью боевого отличия части, нашиваемой на широкой Георгиевской ленте под иконою»

в нём нет, а оно, как я уже доносил, отправлено в Петербург». После большевистского переворота, в конце ноября 1917 г., когда полк, доблестно служивший России и ее царям 111 лет, расформировывался и сам Моллер уже покинул его ряды, капитаном А. А. Иконниковым при содействии унтер-офицера И. Берендеева знамя было «выкрадено» с обозной повозки из-под носа караула, древко его для удобства дальнейших перемещений укорочено, и тот же Берендеев тайно отвез святыню полка на хранение в Киев «двум престарелым тёткам» Иконникова².

В Киеве, рассказывает эмигрантский историограф полка и один из активнейших членов полкового объединения полковник Д. И. Ходнев (ил. 2), знамя «хранилось в гардеробе частной квартиры. В январе 1918 года, во время уличных боев (это были не столько бои, сколько безжалостная бомбардировка Киева с дачных позиций подошедшими к городу советскими войсками, которая, по воспоминаниям одного из горожан, «длилась целых 11 дней — от 15 до 26 января»³. — А. К.), 42-х лин[ейный] снаряд пробивает стену дома, попадает в комнату и разрушает гардероб. Знамя, свёрнутое в чехле, остается совершенно невредимым! В период [большевистских] обысков, в феврале 1918 г., Знамя, уже срезанное с древка (все металлические части были закопаны в подвале дома, а древко сожжено), носится в течение целого месяца хранительницей его — тёткою офицера полка — зашитым

Ил. 2. Капитан Д. И. Ходнев.
Фотография периода Первой
мировой войны. Копия
предоставлена Ф. А. Гуциным

в шубку между мехом и сукном... В марте 1918 г. — возит-ся на походе в кобурах седла... Наконец, 4 апреля Знамя передается в Полтаве бывш[ему] командиру полка, г[енерал]-м[айору] бар[ону] Клодт[у], у которого и хранится до декабря 1918 года». По-видимому, разразившееся в ноябре 1918 г. «петлюровское» восстание, сопровождавшееся многочисленными актами произвола, погромами и убийствами офицеров, побудило бежать со знаменем в относительно спокойную Одессу, поскольку именно оттуда, по словам полковника Ходнева, оно было перевезено на Дон «к 12 декабря 1918 г.»⁴.

2. Под старым знаменем на новой войне.

Дата эта подчеркнута не случайно. Полковой праздник Финляндского полка — память Святителя Спиридона Тримифунтского — стал и днём возрождения славной воинской части, казалось, навсегда уничтоженной революционными событиями. Донской атаман генерал П. Н. Краснов отдал 12/25 декабря 1918 г. «приказ Российским Армиям, на земле Всевеликого войска Донского находящимся», который гласил: «В этот день старое боевое полковое знамя этого полка, свято сохранённое офицерами полка и вынесенное из большой России, возвращается и станет в ряды наших воинов, доблестных стрелков 4-го Донского Стрелкового полка. В этот день впервые после годовичного перерыва собирается снова на боевой позиции полковая семья старых Финляндцев и вместе со знаменем передаёт 4-му Донскому Стрелковому полку душу Л[ейб]-Гв[ардии] Финляндского полка.

Этот полк уже готов воспринять ее. Когда 15-го июля сего года (по старому стилю. — А. К.) явилась на Дон небольшая группа офицеров Л[ейб]-Гв[ардии] Финляндского полка — всё, что осталось от настоящего полка, во главе с командиром полка

Полковником, ныне Генерал-майором Моллер[ом], она решила вдохнуть в сердца молодых стрелков великие боевые традиции старого Л[ейб]-Гв[ардии] Финляндского полка. [...]

И сначала на Хутунке, в Новочеркасске, молодым стрелкам была привита лихая гвардейская выправка и щегольство в одежде, столь свойственные старой гвардейской пехоте, потом в упорных боях под Лискама, под Бобровом и Новохоперском молодые Донские стрелки показали, что они достойны явиться охранителями старого святого Финляндского знамени. [...]

Предписываю вместе с принятием полковой святыни Л[ейб]-Гв[ардии] Финляндского полка *4-му Донскому Стрелковому полку принять и имя полка и именоваться впредь Л[ейб]-Гв[ардии] Финляндским полком и носить форму и все отличия этого полка*⁵.

Несмотря на свой романтический сепаратизм, промелькнувший и в процитированном приказе («Российские армии на земле Донского войска», знамя вывезено «из больной России»... в Донскую область, которая очевидно мыслится как что-то отдельное от России), Краснов изначально был и оставался «петербургским казаком», значительную часть своей службы проведшим в столице и «настоящих» казаков знавшим лишь как подчинённых в строю да как персонажей исторической литературы. Поэтому офицеры квартировавшего на Васильевском острове Финляндского полка, в сущности, были для него земляками едва ли не больше, чем население какой-нибудь Усть-Медведицкой или Великокняжеской станицы... — но вполне искренний пафос атаманского приказа разделялся, похоже, не всеми приближёнными и сотрудниками Краснова.

Так, в день того же полкового праздника командующий Донской армией генерал С. В. Денисов и его начальник штаба генерал И. А. Поляков направили поздравительные телеграммы... «4-му Стрелковому полку», хотя оба не могли не знать распоряжения атамана о переименовании; Моллер по-своему дал понять, что он думает о такой демонстрации, ответную телеграмму Денисову начав со слов: «Лейб Гв[ардии] Финляндцы глубоко тронуты тёплым поздравлением, пожеланием Вашего Превосходительства»⁶. А в словах атамана о привитом стрелкам — будущим финляндцам — «щегольстве в одежде» можно было бы услышать злую иронию, если не знать о свойственной военному писателю Краснову способности верить в то, о чём он в данный момент писал, — ведь менее чем за полтора месяца до распоряжения о переименовании 4-го

Донского стрелкового полка сам атаман, объявляя в приказе результаты смотра нескольких воинских частей, отмечал в этом полку «бедное и поношенное обмундирование, плохую обувь, были люди и в лаптях», а хозяйственную часть характеризовал довольно неуместными литературными красотами: «Об обозе полка говорить не буду... ибо говорится в Писании — “по нужде и применение бывает”... Приходится считаться, что базы у полка пока нет, и он поневоле всё возит с собою»⁷.

Тем не менее и в тяжёлых боях на «Воронежском фронте», и после того, как построенная Красновым, Денисовым и Поляковым Донская армия начала разваливаться, финляндцы стойко держались (даже в условиях, когда бригада, куда они входили, «пережила немало тяжёлых дней, будучи окружена казаками Верхне-Донского округа и другими дезертировавшими с фронта [казачьими] частями»⁸). Вряд ли следует удивляться тому, что судьба знамени при этом вызывала беспокойство как у офицеров полка, так и у старших начальников, хотя непосредственно в боевых порядках оно и не находилось: «Первоначальную мысль о постановке знамени в строй, для чего к полотнищу знамени был тогда же пришит кусок золотой парчи на место сожжённого края полотнища (очевидно, события 1918 г. всё-таки сказались на состоянии полковой святыни. — А. К.), осуществить не удалось из-за развала Донского фронта»⁹, и уже после объединения Донской и Добровольческой армий в Вооружённые силы Юга России (ВСЮР) под командованием генерала А. И. Деникина «19 марта 1919 г. ввиду неустойчивого положения на фронте оно сдаётся в хранилище Знамён и войсковых реликвий при Ставке Главкома ВСЮР в Екатеринодаре», откуда весной 1920 г. через Новороссийск было эвакуировано в Варну¹⁰ (к тому времени регалии, находившиеся при управлении коменданта Главной квартиры, передавались в «Комиссию для сбора и хранения военно-исторических материалов»). В бой же Финляндский полк шёл под заменяющим знамя «полковым флагом» — «на зелёном полотнище полковой знак», — «набитым на древко с золочёным копъём»¹¹ (тёмно-зелёный был «прикладным цветом» полка как память о его давней принадлежности к егерям — лёгкой пехоте; полковой знак высочайше утверждённого в 1906 г. образца представлял собою серебряного оксидированного орла с перунами в когтях, наложенного на золотой «ополченский» крест с девизом на лучах «За Веру, Царя, Отечество»).

3. Скитания знамени. Судьба святыни, переданной в общее хранилище, тем не менее не переставала волновать офицеров-финляндцев: в начале весны 1920 г. была даже предпринята попытка забрать оттуда знамя, «так как казалось более осторожным в это неустойчивое время хранить его в кадре полка, но к этому времени знамя в числе других военных реликвий было эвакуировано»¹², — а с вывозом за границу его, по-видимому, и вовсе посчитали потерянным. Это повлекло, уже после того, как сильно поредевший полк был перевезен из Новороссийска в Крым, специальную командировку полковника К. Н. Староскольского и капитана В. В. Ушакова «на Балканы на розыски знамени, которое удалось разыскать только благодаря энергии посланных»¹³. А пока финляндское знамя находилось «в эмиграции» — как мы увидим вскоре, в «первой», непродолжительной эмиграции, — остатки полка, понёсшие на путях отступления тяжёлые потери, продолжали борьбу уже на Крымском театре военных действий, в Северной Таврии. Последняя сводная рота финляндцев под командованием полковника А. А. Иванова была 26 июля / 8 августа 1920 г. присоединена к 3-му батальону 136-го пехотного Таганрогского полка, где собирались кадры гвардейской пехоты, и приняла участие в кровопролитных боях у Каховки; 20 августа / 2 сентября, получив пополнение, гвардейский батальон был выделен из Таганрогского полка и сам развёрнут в полк четырёхбатальонного состава¹⁴. Финляндское знамя тем временем было возвращено из Болгарии в Крым, но лишь для того, чтобы после катастрофы, постигшей Русскую армию генерала П. Н. Врангеля в октябре—ноябре, вновь отправиться в изгнание — сначала в русский военный лагерь близ города Галлиполи (Турция), затем в Болгарию (1921—1924) и во Францию¹⁵. В 1949 г. один из офицеров полка без согласия остальных передал знамя в СССР, и ныне оно находится в Центральном музее Вооружённых сил¹⁶, — увы, не как святыня в строю русского воинства, а как экспонат, хотя и ценный и редкий. Но «вторая эмиграция» знамени Лейб-гвардии Финляндского полка могла окончиться, не начавшись, о чем говорит загадочная фраза из полковой истории, составленной полковником Ходневым: «В последние дни существования Армии Знамя зарывается в землю... В ночь с 31 окт[ября] на 1 ноября [старого стиля] Знамя относится офицерами и солдатами п[ол]ка на ледокол “Илья Муромец”»¹⁷.

Но что же загадочного в этой фразе? Ведь стремление скрыть или даже уничтожить славные регалии, дабы они не попали в руки врага, кажется вполне естественным, и едва ли не самые известные примеры этого были отделены от дней эвакуации Крыма всего лишь шестью с небольшим годами: в дни катастрофы 2-й армии генерала А. В. Самсонова в Восточной Пруссии, скажем, «Софийцы (остатки 2-го пехотного Софийского полка. — А. К.) сдерживали натиск многочисленного противника до той поры, пока поручик Логинов не зарыл полковой святыни», то есть задачей сокрытия знамени определялся весь характер действий; за знаменем 1-го пехотного Невского полка, также зарытым в землю в критической обстановке, позже специально пробрались через фронт офицер и подпрапорщик, которым удалось с немалым риском выкопать и вынести знамя к своим; и даже немцы, одержавшие тогда впечатляющую победу, по свидетельству русского историка, оказывались перед той же необходимостью: подвергшийся контратаке «батальон 43[-го] германского пех[отного] полка должен был спешно зарыть свое знамя»¹⁸. На фоне многочисленных аналогичных примеров решение последних финляндцев доверить святыню земле «в последние дни существования армии» не вызывало бы никаких вопросов — упоминал же полковник Б. В. Сергеев даже обстоятельства этого: с «начала августа» знамя «хранится в г[ороде] Симферополе на квартире полковника Садовского I (А. С. Садовский, по утверждению современного историка, не смог или не успел эвакуироваться и был в том же 1920 г. расстрелян в Крыму большевиками¹⁹. — А. К.)», а «при эвакуации из Крыма в ночь с 30-го на 31 сентября кадр полка, следуя через Симферополь, берёт с собою знамя, уже зарытое в землю баронессой Б.»²⁰. И можно даже не придирается к очевидной опiske — «сентября» вместо правильного «октября», — и легко объяснить сокрытие имени баронессы (если она или её близкие оставались на советской территории, то в 1931 г., когда печатал свою статью Сергеев, опасения за их судьбу были отнюдь не праздными)... но, к сожалению, рассказ этот очень трудно согласовать с подробным описанием событий, сделанным их непосредственным участником.

4. Последнее отступление. Капитан В. Н. Андреев 1-й, принявший командование над Финляндскою ротой Сводно-гвардейского полка — последним кадром финляндцев — уже непосредственно перед Перекопскими позициями, опубликовал

в 1935 г. воспоминания о том, как, пройдя в своём отступлении Турецкий вал, остатки императорской гвардии «замкнули ворота Перекопа», а далее «за Перекопом остаток роты был отведён в резерв, и уже после этого рота двигалась к морю самостоятельно, преодолевая препятствия»²¹. Не очень вразумительная формулировка отражает, очевидно, тяжёлое положение, создавшееся после объявления утром 30 октября / 12 ноября приказа командира 2-го армейского корпуса, куда входил Сводно-гвардейский полк, генерала В. К. Витковского, который определённо говорил об окончании борьбы в Крыму и о предстоящей эвакуации: «Тоннаж чрезвычайно ограничен, на П[-й] корпус предназначается один транспорт. Эвакуации подлежат лишь офицеры, их семьи, а из солдат лишь только особенно преданные. [...] Приказываю: немедленно сформировать офицерские роты, снабдив их возможно большим количеством пулемётов, винтовок, оружия, патронов и подводами для дальнейшего следования вдоль жел[езной] дороги к месту погрузки. Всем начальствующим [лицам] при приближении к Севастополю принять самые энергичные меры к недопущению движения обозов в район города, а также повлиять, чтобы эвакуировались лишь те, коим это абсолютно необходимо. Настоящее распоряжение секретно объявить всем офицерам»²²; в дневнике Витковский пишет, что такой приказ он сам получил 29 октября / 11 ноября от вышестоящего начальства, но от кого именно, не указывает: «Вечером стало известно о неуспехе у Юшуны, и был получен приказ об отходе к Джанкою, а затем и далее к Севастополю, и об отъезде из Крыма только офицерам и наиболее преданным солдатам»²³; казалось бы, таким начальником мог быть генерал А. П. Кутепов, согласно директиве Врангеля возглавлявший оборону Крыма, или... сам Врангель.

В войсках, похоже, этот приказ склонны были приписывать Кутепову: «Говорят, — записывает в дневнике вскоре после прибытия в Турцию штабс-капитан Г. А. Орлов, — что относительно погрузки Кутепов выразился в свое время так, что, дескать, напрасно все тянутся в Севастополь, так как погружены будут офицеры с семьями, находящиеся в Севастополе, все штабы и, может быть, незначительная часть фронтовых офицеров, а остальные или не успеют погрузиться, или им не будет места», — но этот автор, вообще склонный к безоговорочному превозношению Врангеля, мог и переложить ответственность с него на Кутепова: «И, без сомнения, оно так и было бы, если бы

во главе нашего дела не стоял генерал Врангель»²⁴. Не более чем слух, распространявшийся среди тех, кто не смог погрузиться, передаёт в своих воспоминаниях один из них, чиновник военного времени С. А. Туник, — но по-своему показательно, что персонажем слуха оказывается опять-таки Кутепов: «Многие пароходы уже вышли на рейд, а некоторые ещё стояли на небольшом расстоянии от пристани. С одного из них генерал Кутепов обратился с речью к стоявшим на берегу. Указав на недостаток транспорта, он просил не винить в этом командование и рекомендовал каждому поступать так, как покажется лучше. Конечно, все штабы, находившиеся в Севастополе, смогли погрузиться заблаговременно, а боевые части, что, к сожалению, всегда бывает, остались ни при чём. После речи генерала пароходы стали медленно отходить. Тысячная толпа молчала... [...] Кое-где слышны были выстрелы. Это стреляли[сь] потерявшие надежду...»²⁵ Но и несмотря на такую «репутацию» Кутепова, человека сурового и, по некоторым отзывам, даже жестокого, — делать окончательный вывод о происхождении злополучного приказа всё же преждевременно.

А корпус Витковского этим приказом фактически расформировывался на ходу, и «самостоятельность» отступления составлявших его частей уже не просто допускалась, а прямо предписывалась. Кажется, нельзя говорить и о руководстве отступлением со стороны Витковского, который на пути к морю (через Симферополь, как и последние финляндцы) опередил не только строевые части, но и свой штаб, прибывший в Севастополь более чем на сутки позже командира корпуса и если нашедший место на отходивших кораблях, то безо всякого участия Витковского (тот совершенно определенно пишет об этом в дневнике²⁶). Оговоримся, что в течение Мировой и Гражданской войн Витковский постоянно проявлял выдающуюся личную доблесть, и такая поспешность его в дни эвакуации должна объясняться не недостатком мужества, а стремлением организовать посадку своих частей и «хлопотать о пароходах», хотя хлопоты эти увенчались успехом далеко не в полной мере, а фронтовики при «самостоятельном» отступлении оказались без старшего корпусного начальства. Обстоятельства продвижения к морю остатков Финляндского полка капитан Андреев описывает так: «Отходя, и после Симферополя, где мы немного “покупили” провианта, так как двигались вообще без одного (ироническое «покупили»), очевидно, должно означать самовольное

и бесплатное заимствование из брошенных складов. — А. К.), я доложил Полковникам Иванову и Сергееву, что я имею со стороны капитана парохода “Св[ятой] Николай” твёрдое обещание помочь в беде, в случае [если] понадобится, а посему прошу отпустить меня вперёд на первых попавшихся средствах передвижения. Это очень быстро и представилось: я вскочил в грузовик, мимо проходящий, шофёром которого был один из связи Ген[ерала] Моллера («связью» называли нештатных ординарцев в полках, батальонах и даже ротах. — А. К.), и отправился искать “у моря парохода”.

Прибыв в Севастополь, узнал в порту, что пароход “Св[ятой] Николай” подан в Ялту под кавалерию... Разочаровался страшно, но всё же, не теряя надежд, отправился в резиденцию Ген[ерала] Врангеля (гост[иницу] “Киста”). Узнав, что Ген[ерал] Скалон является там одним из влиятельных лиц (а в своё время, под Одессой [в начале 1920 г.], я служил у него в штабе войск гвардии), я пришёл в штаб (генерал М. Н. Скалон был командиром 3-го армейского корпуса, но после отступления из Северной Таврии и сокращения фронта до двух боевых участков небольшой протяжённости — Перекопского и Чонгарского — должность Скалона оказалась совершенно лишней, и Врангель взамен возложил на него сразу три обязанности: «таврического губернатора, начальника гражданского управления и командующего войсками армейского тылового района»²⁷. — А. К.), и первое радостное известие, которое сообщил мне Ген[ерал] Скалон, — это то, что он погрузил на [транспорт] “Рион” мою жену, а затем я ему доложил, что знамя Л[ейб]-Гв[ардии] Финляндского полка и остатки полка находятся сейчас в весьма достаточном удалении, и я прошу помочь, как присланный от полка, сделать все возможное для помощи знамени и полку. Ген[ерал] Скалон, оставив меня ожидать, пошел лично доложить Ген[ералу] Врангелю. Появившись буквально через минуту—две, он мне сказал, что Ген[ерал] Врангель хочет лично говорить со мною.

Войдя в кабинет Ген[ерала] Врангеля, отрапортовав и доложив о состоянии полка, получил из собственных его уст приказ взять первое попавшееся средство передвижения и доставить знамя. Обратившись к Ген[ералу] Скалону, [Врангель] дал ему приказание удовлетворить всех офицеров и [нижних] чинов полка денежным довольствием, когда они придут сюда, знамя же погрузить на броненосец (не помню сейчас его название)»²⁸.

Итак, всё вроде бы складывалось неплохо, но об этом, конечно, не могли сразу узнать отделяемые от Севастополя десятками верст последние финляндцы.

5. Спасти от поругания. Как мы знаем, знамя присоединилось к остаткам полка при прохождении их через Симферополь, и в условиях, когда фронт можно было уже считать прекратившим своё существование, тем более после приказа Витковского о роспуске войсковых частей (полковник Сергеев, как мы видели, датирует — исправляем явную опisku — прохождение полка через Симферополь «ночью на 31 октября / 13 ноября», а приказ был получен утром 30-го), действительно наступал момент, когда святыню пора было скрывать от наступающих большевиков, может быть — и зарыв в землю, но... напротив, её, якобы уже зарытую, откапывают и несут с собой, а капитан Андреев вообще «не замечает» (не упоминает) столь драматического эпизода!

Мемуарист отнюдь не скупится на подробности и не скрывает чувств, владевших в те часы им и его однополчанами. «Мобилизовав» (пригрозив шофёру револьвером) в Севастополе «маленький грузовичок», Андреев помчался на нем к отступающим остаткам полка: «Я прекрасно помню, да и все ныне здравствующие Финляндцы [помнят], с каким восторгом было встречено моё появление, да ещё на автомобиле. Погрузив всё, что было с нами, и оставив дядьков (мобилизованных подводчиков из крымских татар. — *А. К.*) с их лошадьми и телегами и даже оставив им, кажется, что-то из провианта, мы двинулись на этом грузовичке. Тяжело вспомнить, тяжело уяснить себе, что доблестнейший полк мог уместиться на одном грузовике... Увы, это так, но тем, которые были там, единственно можно сказать[:] Спасибо от дедов полка и вечная слава, что маленькой горсточкой они сгрудились около знамени, — ветхого, простреленного, и орлы которого видели всю Европу. Эта горсточка Финляндцев донесла и спасла своих Орлов от поругания. Мы были малы в числе, но велики в духе. Полк не потерял и не отдал своего знамени»²⁹. Умалчивает о вполне естественном беспокойстве за судьбу святыни, которое должно было владеть старыми офицерами (а ведь они тогда «кто пешком, кто на подводах или верхом, медленно шли в полную неизвестность, знали только, что наш путь лежит в Севастополь»), и другой мемуарист-финляндец, поручик М. Г. Зиборов: «В общем потоке отходящих, среди обозов и военных всех чинов и званий, я как-то не заметил отсутствие Виктора

Николаевича [Андреева], думал, что он впереди или сзади колонны всей массы идущих или едущих — к портам погрузки.

Но вот на следующий день, вечером, где-то между Бахчисараем и Севастополем, сейчас уже не помню в каком месте, пожалуй, ближе к Севастополю, показался пустой грузовик, в котором рядом с шофёром сидел Виктор Николаевич, и в гуще отходящих частей ища нас, своих родных Финляндцев. Мы быстро погрузились на грузовик и, как позволяла загруженность дороги, поехали в Севастополь»³⁰.

В историческом источнике нередко бывает существенным не только то, что нашло отражение на его страницах, но и то, о чём он умалчивает, — и именно потому, вследствие чего он об этом умалчивает. Так и в данном случае: казалось бы, у Андреева и Зиборова не было никаких мотивов опустить упоминание о сокрытии в Симферополе полковой святыни, которое ничем не противоречит пафосу воспоминаний («спасти своих орлов от поругания»); не мог капитан Андреев и не знать, что упоминание это уже содержится в книге полковника Ходнева (без названия города) и в статье полковника Сергеева; и потому умолчание в воспоминаниях последнего ротного командира становится совершенно необъяснимым, если... знамя и вправду было зарыто в Симферополе.

Повторим: капитан Андреев отнюдь не пренебрегает подробностями и деталями (упоминавшееся выше пополнение провиантом по дороге с фронта, перечисление соседей на Перекопской позиции или способ устройства своеобразного «вагенбурга» из мобилизованных подвод, дабы подводчики не могли сбежать во время стоянок)... но он никак не касается того, что составляло, кажется, главный трагизм происходящего! В самом деле: поредевшие подразделения Сводно-гвардейского полка медленно отходят от Перекопа; по дороге получают приказ о том, что ничего, кроме эвакуации, их более не ожидает, а мест на пароходах не хватит, и полк нужно распустить; проходя в таком состоянии через Симферополь, финляндцы узнают, что знамя там уже зарыто в землю, и всё же склоняются к решению откопать его и нести с собою в неизвестность; и командир роты (без которого таких решений не принималось бы) молчит об этом? — как и его младший однополчанин, который «в гуще отходящих частей» будто бы совершенно не тяготеет раздумьями, что ожидает полковую святыню? — правдоподобно ли это психологически?

6. На севастопольской пристани. И все эти вопросы исчезают, если предположить, что попытка сокрытия знамени произошла несколько позже, уже в Севастополе, а для лучшего понимания, с какой обстановкой встретились там финляндцы, следует вспомнить свидетельство ещё одного участника событий, в эмиграции — историографа Гвардейской пехоты, подполковника М. М. Голеевского: «В сумерках 31 октября (старого стиля; ту же дату — «в ночь на 1 ноября», — как мы помним, называет и Ходнев применительно к погрузке финляндского знамени на корабль. — А. К.) офицеры и солдаты Св[одно]-Гвард[ейского] полка, голодные, измученные, без вещей, стали стекаться в порт, где согласно приказа Заведующего Эвакуацией, ген[ерала] Скалон[а], они должны были грузиться на транспорт “Саратов”».

Погрузкой транспорта заведовал Начальник Штаба Корниловской дивизии (эту должность занимал полковник К. Л. Капнин, но уже осенью 1920 г., «в особо страдное время», его сменил капитан Е. Э. Месснер, вскоре произведённый «в подполковники с переименованием в полковники»; кто из них имеется в виду, сказать трудно³¹. — А. К.). Оправдываясь незнанием приказа Заведующего Эвакуацией о погрузке на “Саратов” чинов Гвардии, он в первую голову пропускал на транспорт солдат Корниловцев — недавно взятых в плен красноармейцев (об этом же пишет в дневнике и Витковский. — А. К.).

Весь вечер, ночь и на рассвете 1-го ноября с громадными трудностями грузились остатки гвардейской пехоты и артиллерии на “Саратов”. Всё имущество полка было потеряно, и только немногим счастливым удалось погрузить свои самые необходимые вещи. Многим офицерам и солдатам пришлось взбираться на транспорт по канатам, так как на рассвете 1 ноября трап был поднят.

К полному рассвету погрузка была закончена. Транспорт “Саратов” был настолько перегружен людьми и имуществом, что принять на него ещё кого-нибудь не было никакой человеческой возможности. А меж тем на берегу оставалось еще достаточное количество людей, просящих взять их на транспорт.

В 8 час[ов] утра (по дневнику Витковского — в полдень. — А. К.) “Саратов”, а через некоторое время и транспорт “Сарыч” (назначенный для погрузки всех остальных соединений корпуса Витковского — 13-й, 34-й и 6-й пехотных дивизий; не имея собственного хода, «Сарыч» был выведен спасательным буксиром «Черномор». — А. К.) отошли от пристани и стали на рейде.

Приезжающие на лодках рассказывали, что многие офицеры, потерявшие надежду пробраться на пароходы, кончали жизнь самоубийством»³².

Вряд ли возможно объяснить, почему всё это творилось на глазах генералов Кутепова и Витковского — оба находились здесь же, на «Саратове», — которые были не просто старшими начальниками, командирами соединений, а Кутепов еще и начальником всей обороны Крыма, но и старыми гвардейскими офицерами (Кутепов — преображенец, Витковский — кексгольмец). Но к финляндцам происходившее вроде бы не должно было иметь отношения — у них же было обещание Врангеля! — да и назначили для погрузки их знамени не «Саратов», а какой-то «броненосец»? — Вот в броненосце-то все и дело.

От пехотного офицера вряд ли следует требовать досконального знания рангов и типов кораблей, и «броненосец» вполне мог оказаться, например, крейсером (а поручик Зиборов прямо утверждал: «Генерал Врангель распорядился погрузить нас на крейсер “Генерал Корнилов”»³³, — но вряд ли он в 1970 г. так хорошо помнил то, чего не помнил в 1935-м сам Андреев, говоривший с Врангелем), — вообще же к этой категории можно отнести лишь два линейных корабля, покинувших Крым: «Генерал Алексеев» (при спуске на воду — «Император Александр III», после Февральского переворота — «Воля») и «Георгий Победоносец» (этот устаревший эскадренный броненосец не имел собственного хода, числился брандвахтой и за границу был уведен на буксире). Но никакой, сколь угодно сухопутный, военный не назвал бы броненосцем ледокол, к тому же уступающий по водоизмещению «Георгию» в три с половиной раза, а «Алексееву» — более чем в семь³⁴, — разница, казалось бы, видимая невооружённым глазом. А ведь именно ледокол упомянут, и совершенно справедливо, как в книге полковника Ходнева, так и в мемуарной статье капитана Андреева, у последнего — непосредственно за рассказом о том, как он посадил на «грузовичок» своих однополчан: «Благополучно доехав до Севастополя, остатки полка были погружены на ледокол “Илья Муромец”, куда погрузился также и наш боевой друг — дорогой Яков Алекс[андрович] Слащов»³⁵.

О том же вспоминает и сам генерал Слащов (по официальному именованию, присвоенному ему приказом Врангеля за боевые подвиги, — Слащов-Крымский (ил. 3)), который с августа, вследствие конфликта с главнокомандующим, был устранин с фронта

и вновь направлен туда уже в дни катастрофы, 29 октября / 11 ноября; заметим, что он, так и не получив какой-либо должности, тем не менее вместе с генералом Кутеповым находился близ переднего края (на станции Сарабуз, в 15 верстах севернее Симферополя) ещё в четыре часа пополудни 30 октября / 12 ноября³⁶. Слащов, несколько путаясь в датах, что вообще характерно для его мемуаров, относит свой отъезд из Симферополя в Севастополь к «13—14-му» ноября нового стиля, а погрузку «на случайно подошедший (это, конечно, неправильно. — А. К.) ледокол “Илья Муромец”» описывает словами «в ту же ночь», хотя на самом деле нужно говорить не о ночи с 1/14 на 2/15 ноября, как может показаться, а о ночи на 1/14-е, о которой пишет и полковник Ходнев. Обстоятельства же погрузки, по Слащову, таковы: «Для моей жены, правда, было отведено место на вспомогательном крейсере “Алмаз”, который к моему приезду уже вышел в море (вот это совершенно верно: «Алмаз», считавшийся, правда, посыльным судном, отчалил 31 октября / 13 ноября³⁷. — А. К.), а для меня места на судах не оказалось, и я был помещен на “Илью Муромца” по личной инициативе морских офицеров.

Туда же я поместил брошенные остатки л[ейб]-гв[ардии] Финляндского полка с полковым знаменем, под которым служил часть германской войны, и выехал в Константинополь»³⁸.

Вот теперь разрозненные фрагменты мозаики начинают складываться: возникает по крайней мере непротиворечивая последовательность событий, в какой-то степени объясняющая (или

Ил. 3. Генерал Я. А. Слащов. Крым, март—апрель 1920 г. Фотография из фондов Дома Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына (альбом Объединения Лейб-гвардии Волынского полка). На левой стороне груди — знаки Лейб-гвардии Финляндского (в нарушение правил — вровень с орденом Святого Георгия 4-й степени) и Московского полков

позволяющая предположить), почему капитан Андреев умолчал о таком важном обстоятельстве, как попытка сокрытия знамени. Остатки финляндцев прибывают в Севастополь, очевидно, поздним вечером 31 октября / 13 ноября и... оказывается, что ни на какой броненосец (даже если это крейсер) их не берут, а ссылки на устное обещание-распоряжение Врангеля — ибо никакого предписания им, по-видимому, не было дано, иначе мемуарист это отметил бы, — ни для кого силы уже не имеют.

Если понимать «броненосец» буквально, то можно предположить, что на «Алексеева» они опоздали (корабль был выведен на внешний рейд около часа пополудни 31 октября / 13 ноября³⁹ и в тот же день покинул русские воды), а на «Георгия» их, получается, взять отказались (могли отказаться взять и на «Алексеева» — примеры подобного мы видели). В «Кист» к Врангелю и Скалону, очевидно, пробиться не удалось, а как грузились последние гвардейцы на «Саратов», нам уже известно. Врангель ещё был на берегу (и накануне нашёл даже время «в азарте» растоптать рельефный план Перекопско-Сивашской позиции, в своё время подаренный ему чинами слащовского корпуса⁴⁰), на борт крейсера «Генерал Корнилов» (бывший «Кагул», бывший «Очаков») он поднимется лишь около трёх часов пополудни 1/14 ноября, а уйдёт с Севастопольского рейда (в Ялту — Феодосию — Константинополь) в третьем часу пополуночи 2/15-го⁴¹, — и, старый конногвардеец, он, конечно, подтвердил бы своё распоряжение об эвакуации знамени, но в общей сутолоке и неразберихе этому не суждено было случиться.

Но Бог послал финляндцам их старого однополчанина Слащова, а Слащову — редчайшую и почётнейшую для военного человека возможность стать спасителем знамени того полка, в который он вышел подпоручиком из училища в далёком уже 1905 г., знамени, при пожаловании, прибавке к древку и постановке которого в строй он присутствовал в 1906-м и под которым в 1915—1917 гг. сам стал легендой Финляндского полка (ил. 4), так что младший сослуживец, полковник Сергеев, и через сорок лет будет писать с неослабевающим восхищением: «“Три кита” — было у нас в полку в [19]15—16 годах общее для всех батальонов выражение. Я не знаю, откуда оно взялось и кто был его автором. Но говорили: как земля, как Держава Российская, так и наш родной нам полк стоит на “трех китах”, и три эти “кита”, по общему признанию, были: Капитан Пыжев, Капитан

Ил. 4. Офицеры Лейб-гвардии Финляндского полка. Действующая Армия, 1916. Копия фотографии предоставлена Ф. А. Гуциным. Цифрами отмечены: 1) командир полка генерал П. А. Клодт фон Юргенсбург; 2) штабс-капитан Я. А. Слащов; 3) штабс-капитан Д. И. Ходнев

Моллер и Капитан Слащов. Общее для всех трех было — не говорю храбрость, но великолепное [само]обладание во время боёв и почти непрерывное пребывание в полку, на фронте, во время войны. Нет ни одного боя, в котором не были бы отмечены блестящие действия всех троих. [...] Своим человеческим отношением к солдату, своей спокойной, неторопливой храбростью в боях Яков Александрович снискал колоссальную любовь у своих подчинённых, нижних чинов. Они прямо его обожали и для него пошли бы на всё. Про офицерский состав и говорить нечего, тем более что Яков Александрович обладал громадным авторитетом, будучи очень образованным в военном отношении. [...] Эвакуируется из Крыма со всеми частями Белой Армии Генерала Врангеля, помогая в этот момент отъезду из России кадра родного полка с его Знаменем. В последний трагический час прощания с Родиной судьба снова свела Якова Александровича с его родным полком...»⁴²

7. Крымская эвакуация и авторитет Врангеля. Но почему же всё-таки капитан Андреев не упоминает о том, что уже было рассказано до него, — как зарывали в Крыму полковое знамя? — Да потому же, почему в его повествовании Слащов просто «также погрузился» на тот же ледокол, что и финляндцы

(а у Зиборова — «но вышло так, что, встретившись на пристани с Генералом Слащовым, которому был предоставлен ледокол “Илья Муромец”, он предложил нам погрузиться с ним на ледокол, что было и сделано»⁴³), хотя полковник Сергеев в полном согласии с воспоминаниями самого Слащова говорит о «помощи» генерала при эвакуации однополчан и знамени.

Дело в том, что авторитет Врангеля если и был подорван, то всё же в глазах значительной части офицеров и солдат не погиб окончательно ни на полях поражений в Северной Таврии, ни на Перекопе, ни в дни эвакуации, и даже на Севастопольском рейде, по многочисленным свидетельствам, главнокомандующему ещё кричали «ура». «Все очень хорошо отзывались о генерале Врангеле и ругали всё остальное начальство от мала до велика», — свидетельствует штабс-капитан Орлов, вспоминая тяжёлый переход морем до Константинополя⁴⁴, хотя это «все отзывались» и можно посчитать преувеличением. Стремление поддерживать врангелевский авторитет сохранялось у многих его подчинённых и в эмиграции, поскольку главнокомандующий Русской армией не только был организатором взаимопомощи и поддержания прежней спайки, духовной мобилизации бывших военных, создателем Русского Обще-Воинского Союза, своими отделами и группами охватившего едва ли не весь цивилизованный мир, — но и стал одним из живых символов, едва ли не персонификацией (а после кончины в 1928 г. эту функцию «унаследовала» память о генерале) непримиримости к большевизму, готовности к продолжению борьбы с ним или, в условиях, когда это ещё не было возможно, — к нравственному и идейному противостоянию ему.

Соответственно поддерживались и преувеличенные оценки стратегических и политических талантов Врангеля, и легенда (сейчас мы уже можем сказать — легенда) о «блестящей» эвакуации Крыма: как было спорить, пусть даже заочно, с вождём, прямо писавшим: «Население (уже после правительственных объявлений о начале эвакуации. — А. К.) почувствовало, что власть остается в твёрдых руках, что представители её не растерялись, что распоряжения их планомерны и сознательны, что каждый сможет рассчитывать на помощь, что всякий произвол будет в корне пресечён» (об общей ситуации на полуострове); «тоннажа оказалось достаточно, и все желающие были погружены» (в Ялте); «посадка прошла блестяще» (в Керчи)⁴⁵... Буквально в считанные годы сформировались непреложные суждения, подвергать которые

сомнению — в глазах многих означало хулить даже не Врангеля или Кутепова, а всю армию и все надежды на возобновление борьбы. «...Не было заметно никакой паники, никакой особенной тревоги. [...] Посадка началась с утра, всё происходило в порядке. Не было заметно никаких сцен отчаяния, никаких грубых выходов со стороны населения. Люди делали свое дело спокойно, не торопясь, уверенные в том, что так нужно, не охваченные страхом», — такое описание эвакуации Севастополя, опубликованное уже в 1923 г., становилось образцовым, а возражения или критика в адрес главного командования безапелляционно квалифицировались как «нанесение вреда русской армии»⁴⁶. И то, что капитан Андреев просто затушевывал в своих воспоминаниях неприглядные обстоятельства последних часов пребывания последних финляндцев на родной земле (а полковник Ходнев сделал свое упоминание слишком неопределённым, вообще никаких обстоятельств не раскрывающим), — было, вероятно, единственно для него возможным, дабы избежать лжи и ограничиться умолчанием; по крайней мере, другое объяснение придумать трудно (полковник Сергеев, перепутавший сентябрь с октябрём и не заметивший ошибки, мог, конечно, перепутать и Симферополь с Севастополем как местом сокрытия знамени, но этой — самой простой и всё объясняющей — версии как будто противоречат слова «следуя через...»: через Симферополь именно проследовали, а Севастополь скорее должен был восприниматься как конечный пункт, хотя за ним-то и начались настоящие странствия).

8. Спасение знамени — спасение иконы. Возвращаясь же к спасению знамени — и к самому спасённому знамени, — нельзя забыть и ещё об одном обстоятельстве. Капитан Андреев, употребляя распространенный образ, говорит о спасении финляндцами «своих орлов от поругания», но изображения государственного герба к тому времени уже не являлись центральными для воинских знамен ни композиционно, ни по смыслу. В царствование императора Александра III образец русских гвардейских и армейских знамен и штандартов был изменён, и с 1883 г. на лицевой стороне их помещалась полковая икона, а с 1900-го — общий для всех полков Нерукотворённый Образ Спасителя. Восстановление этой старой русской традиции, отказ от которой совершился при Петре I, даже вызывало сомнения в офицерской среде — были и такие, кто считал знамёна нового образца утрачивающими воинскую индивидуальность: «Многим представителям русского

войска, привыкшим к старому, нельзя не сознаться, весьма красивому и воинственному образцу, новые знамёна и штандарты казались слишком напоминающими церковные хоругви, а не боевые стяги, но были, конечно, и сторонники идеи национального типа знамён»⁴⁷. В то же время определение знамени как «священной воинской хоругви, под которою собираются все верные своему долгу воины и с которою они следуют в бой с врагом»⁴⁸ было вполне официальным независимо от его образца (внешнего вида), а само слово «хоругвь» еще в последней четверти XIX в. (второе издание словаря В. И. Даля) относилось равно к церковной и к армейской сферам: «Церковные хоругви, священное изображение, носимое при крестных ходах на древке. Военная хоругвь, дон[ское] хорунка, знамя»⁴⁹, — и только прогрессивный XX в. изгнал из общего словоупотребления одно из значений, определяя в энциклопедии хоругви лишь как «священ[ные] знамёна, выносимые торжественно из церкви во время крестн[ых] ходов» (составители не заметили противоречия даже в том, что по их же объяснению хоругви «впервые сооружены Константином Вел[иким] по представившемуся ему видению на небе», хотя видение Святого Константина Равноапостольного стало основой именно для боевого знамени-лабарума)⁵⁰.

Но равноправие обоих терминов — хоругвь и знамя — до определённой степени сохранялось в военной среде, и 12 декабря 1906 г., при вручении Лейб-гвардии Финляндскому полку нового знамени с образом Спасителя, звучали молитвы: «Благословляется и освящается знамя сие воинское в крепость и утверждение христоролюбивому воинству и в победу на вся враги, окроплением воды сия священныя во Имя Отца и Сына и Святаго Духа»; «прими хоругвь сию, небесным благословением освященную. Буди же та врагам христианского рода страшна и ужасна, и да даст ти Господь благодать, яко да к славе Имени Его Пресвятаго тою преидеши мужественно вражия ополчения невредимо»⁵¹.

Освящённое знамя — священная хоругвь — в сущности, тканая икона на древке, — была святыней не только по названию и именовалась так не в виде риторического украшения. И тем важнее и славнее было спасение её в трагические осенние дни 1920 г., — спасение, сопровождавшееся столь драматическими обстоятельствами, которые, быть может, навсегда останутся не до конца прояснёнными.

- ¹ Сергеев Б. В. Знамя Л[ейб]-Гв[ардии] Финляндского полка: (Историческая справка) // Финляндец: Осведомительный листок Объединения Лейб-Гвардии Финляндского полка. № 14. [Париж], 1931. С. 32.
- ² [Моллер А. Н.]. Из письма Генерала А. Н. Моллера (к истории спасения знамени) // Финляндец. 1932. № 16. С. 12–17.
- ³ Гольденвейзер А. А. Из Киевских воспоминаний (1917–1921 гг.) // Архив Русской Революции, издаваемый И. В. Гессеном. Берлин, 1922. Т. 6. С. 204.
- ⁴ Ходнев Д. И. Лейб-Гвардии Финляндский полк в Великой и Гражданской войне (1914–1920 гг.). Белград, 1932. С. 40. Курсив Д. И. Ходнева.
- ⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39456. Оп. 1. Д. 75. Л. 85. Курсив документа.
- ⁶ Там же. Д. 25. Л. 706, 707, 718.
- ⁷ Там же. Д. 72. Л. 210.
- ⁸ Донские стрелки / А. Б-ой // Донская Волна. Ростов-на-Дону, 1919. № 28 (56). С. 10.
- ⁹ Сергеев Б. В. Знамя Л[ейб]-Гв[ардии] Финляндского полка... С. 33.
- ¹⁰ Ходнев Д. И. Лейб-Гвардии Финляндский полк... С. 40.
- ¹¹ [Ходнев Д. И.]. Молитвенный угол памяти Л[ейб]-Гв[ардии] Финляндского полка. [Бюллетень № 2]. [Джорданвиль?], [1967]. [Л. 2 об.].
- ¹² Сергеев Б. В. Знамя Л[ейб]-Гв[ардии] Финляндского полка ... С. 33.
- ¹³ Он же. Боевому товарищу — другу // Финляндец. 1938. № 28. С. 7–8.
- ¹⁴ Голеевский М. М. Материалы по истории Гвардейской пехоты и артиллерии в гражданскую войну с 1917 года по 1922 год. [Б. м.], [1922?]. Кн. 3. С. 42, 55.
- ¹⁵ Ходнев Д. И. Лейб-Гвардии Финляндский полк... С. 40.
- ¹⁶ Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым, 1920 г.: Мемуары и документы. М.: Наука, 1990. (Октябрьская революция и Гражданская война: Документы и воспоминания). С. 139 (комментарий А. Г. Кавтарадзе).
- ¹⁷ Ходнев Д. И. Лейб-Гвардии Финляндский полк... С. 40.
- ¹⁸ Богданович П. Н. Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 года: Воспоминания офицера генерального штаба Армии генерала Самсонова. Буэнос-Айрес, 1964. С. 249–250.
- ¹⁹ Волков С. В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002. С. 426.
- ²⁰ Сергеев Б. В. Знамя Л[ейб]-Гв[ардии] Финляндского полка... С. 33.
- ²¹ Андреев В. Н. Крым // Финляндец. 1935. № 22. С. 22.
- ²² Голеевский М. М. Материалы по истории Гвардейской пехоты и артиллерии... Кн. 3. С. 86.
- ²³ Дом Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына (ДРЗ). Архив-музей. Ф. 80. Оп. 2. Д. 46. Л. 85.
- ²⁴ Орлов Г. А. Дневник добровольца: Хроника гражданской войны, 1918–1921. [М.]: [Посев], [2019]. С. 519.
- ²⁵ Туник С. А. Белогвардеец: Воспоминания о моем прошлом. М.: Русский путь, 2010. С. 238–239.
- ²⁶ ДРЗ. Архив-музей. Ф. 80. Оп. 2. Д. 46. Л. 86.
- ²⁷ Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Ч. 2: Последняя пядь родной земли // Белое Дело: Избранные произведения: В 16 кн. М.: Голос, 1995. [Кн. 5]: Последний главком. С. 295.

²⁸ Андреев В. Н. Крым. С. 22—23.

²⁹ Там же. С. 23.

³⁰ Зиборов М. Г. Капитан Андреев Виктор Николаевич // Финляндец. 1970. № 49. С. 28.

³¹ Корниловцы: Юбилейная памятка, 1917 — 10 июня — 1967. Париж: издание Объединения чинов Корниловского Ударного Полка, [1967]. С. 112; Евгений Эдуардович Месснер: Судьба русского офицера. СПб.: издательство СПбГУ, 1997. (Библиотека журнала «Новый Часовой»). С. 18, 45.

³² Голеевский М. М. Материалы по истории Гвардейской пехоты и артиллерии... Кн. 3. С. 89—90.

³³ Зиборов М. Г. Капитан Андреев Виктор Николаевич. С. 29.

³⁴ Кузнецов Н. А. Русский флот на чужбине. М.: Вече, 2009. (Морская летопись). С. 402, 404 (Приложение III).

³⁵ Андреев В. Н. Крым. С. 23.

³⁶ Слащов-Крымский Я. А. Требую суда общества и гласности: (Оборона и сдача Крыма): Мемуары и документы. 2-е изд. Константинополь: книгоиздательство М. Шульмана, 1921. С. 80—81.

³⁷ Кузнецов Н. А. Русский флот на чужбине. С. 401, 402 (Приложение III).

³⁸ Слащов Я. А. Крым в 1920 г.: Отрывки из воспоминаний. М.; Л.: Государственное издательство, [1924]. С. 141.

³⁹ Последние дни большого дворца / Н. И. К. // Архив Русской Революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 90.

⁴⁰ Там же. С. 88; Росс Н. Г. Врангель в Крыму. [Frankfurt/Main]: Посев, [1982]. С. 27.

⁴¹ Врангель П. Н. Записки. Ч. 2. С. 310.

⁴² Сергеев Б. В. Создатели славы полка // Финляндец. Юбилейный номер. 1956. С. 88, 90, 92.

⁴³ Зиборов М. Г. Капитан Андреев Виктор Николаевич. С. 29.

⁴⁴ Орлов Г. А. Дневник добровольца... С. 513.

⁴⁵ Врангель П. Н. Записки. Ч. 2. С. 305, 310, 311.

⁴⁶ Даватц В. Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. Белград: Русское издательство, 1923. С. 11—12, 34.

⁴⁷ Габаев Г. С. Краткий очерк развития образца Русских знамён и штандартов в XIX веке: Знамёна и штандарты, пожалованные Русскими Государями регулярным войскам в течение XIX века: [Отдельный оттиск из неустановленного издания]. [Б. м.], [1911]. С. 74—75.

⁴⁸ Краснов П. Н. Душа Армии // Душа армии: Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М.: Военный университет; Независимый военно-научный центр «Отечество и воин»; Русский путь, 1999. (Российский военный сборник. Вып. 13). С. 126—127.

⁴⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [Факсимильное воспроизведение 2-го изд., 1882]. М.: Русский язык, 1980. Т. 4. С. 562.

⁵⁰ Малый энциклопедический словарь. 2-е изд. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1909. Т. 2 (вып. 4). Стлб. 1970.

⁵¹ Гулевич С. А. История Лейб-Гвардии Финляндского полка: В 5 ч. Ч. 4: 1881—1907. СПб., 1906. С. 310.

Л. В. Кудзеевич (Санкт-Петербург)

**ГЕНЕРАЛ Ю. Ю. БРОУН:
МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ**

ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ БРОУН (Георгий Георгиевич, George Browne, 1698—1792) является хоть и не выдающейся, но всё же довольно значимой фигурой для России XVIII в. Отсутствие более-менее подробной и достоверной биографии не позволяет правильно оценить его место и значение в истории нашей страны. Как и у многих исторических деятелей 2—3 ряда, биографические статьи о нем в словарях и энциклопедиях в значительной степени состоят из неточных, искажённых и вообще неверных данных. И случай Броуна в этом плане особенно показателен. Все словари дореволюционной России, включая «Русский биографический» и «Военную энциклопедию», а за ними и современные, заканчивая «Википедией», перепечатывали по большей части одну и ту же не очень достоверную информацию. И восходит она к одному источнику: сочинению «Histoire de la vie de George de Browne, comte du Saint-Empire...» (История жизни Георгия Броуна, графа Священной Римской Империи...)¹, написанную его зятем М. И. Борхом (1751—1810) и напечатанную в Риге в 1794 г. Михаил Иванович был достаточно известным в свое время учёным, но в области минералогии, геологии и ботаники, и историческим указанное сочинение можно назвать с очень большой натяжкой. Целый ряд фактов военной истории России настолько искажён, что это должно бросаться в глаза любому читавшему исторические труды о царствованиях Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Тем не менее пересказ этих странных эпизодов до сих пор встречается в текстах по истории России, поэтому мы сочли необходимым, помимо изложения достоверных фактов, упомянуть и некоторые недостоверные.

За 60 с лишним лет службы Российской империи, половина которых прошла в армии, а половина — на посту генерал-губернатора, Юрий Юрьевич много к чему успел приложить руку. Так что немало сведений о различных моментах его жизни оказалось разбросано по историческим трудам и опубликованным документам. Но поскольку фамилия Броун/Браун не редкая, их не связывали с одним человеком. Данная работа как раз и имеет целью сведение воедино основных выявленных нами на данных момент фактов о жизни генерала графа Ю. Ю. Броуна, в основном за время его военной службы. Прежде всего необходимо отметить, что одна неплохая биография Броуна всё же была: сначала она появилась в нескольких номерах газеты «Рижский Вестник» за 1869 г., а затем, с незначительными изменениями, вошла в 1 том «Сборника материалов и статей по истории прибалтийского края»². Её автор (или авторы) взял за основу всё то же сочинение Борха, но подошёл к нему критически, убрал все явные исторические несоответствия, нашёл послужной список и несколько писем Броуна к Екатерине II. Тем не менее эта вполне добротная для публицистического жанра работа осталась вне поля зрения тех, кто что-либо писал о Броуне.

Судьбу Джоржа-Юрия Броуна в значительной степени определяло его происхождение, так что его необходимо рассмотреть более тщательно. Его отец Георг Броун принадлежал к клану Броун-Камю из ирландского графства Лимерик, и среди его близких родственников были графы (с 1716 г.) Священной Римской империи Георг (1657—1729) и полковник кавалерии Улисс (1659—1731) Броуны. Сын последнего, граф Улисс-Максимилиан Броун (1705—1757), австрийский фельдмаршал (1749), приходился Юрию Юрьевичу двоюродным братом³. Мать же Ю. Броуна — Гонория — была из лимерикского клана Ласси (Lacy)⁴, к которому принадлежал и российский фельдмаршал П. П. Ласси. Вынужденные жить на чужбине, они поддерживали связь и помогали друг другу.

В существующих биографиях о первом десятилетии службы Броуна можно прочесть следующее: «не имея возможности, как католик, получить место в отечестве, Броун покинул его и определился в 1725 г. на службу войска курфюрста пфальцского, где познакомился вскоре с генералом Кейтом и выехал с ним вместе в 1730 г. на русскую службу. В царствование Императрицы Анны Иоанновны он был зачислен, с чином капитана-лейтенанта, л.-гв.

в Измайловский полк, но в том же году, по собственному желанию, переведён в Нарвский пехотный полк и переименован в премьер-майоры»⁵ и «В 1725 г. определился в войско курфюрста Пфальцского. Служба у мелкого германского владетеля, плохо вознаграждаемая и не представлявшая никаких видов в будущем, не могла, конечно, удовлетворить молодого, смелого и отважного Броуна. Он искал случая разделаться с Пфальцским войском и случай не замедлил представиться... Императрица Анна, по вступлении на престол в 1730 г., сформировала третий гвардейский полк, под названием Измайловского, и пожаловала Кейта, лично известного еще Петру I, в этот полк подполковником. Кейт, нуждаясь в хороших офицерах для нового полка, предложил Броуну, как своему земляку, вступить в русскую службу. Тот, не раздумывая долго, прибыл в Россию и был определён 15 июня 1731 г. в Измайловский полк капитан-поручиком»⁶. История про знакомство Броуна с Кейтом покажется крайне сомнительной уже при обращении к биографии и мемуарам последнего. Земляками они не были, в Германии Кейт в 1720-х гг. не служил, в Россию прибыл на корабле из Франции и т. д. Судя по всему, она была выдумана графом Борхом.

Уточнить некоторые сведения об этом периоде позволяет послужной список генерал-майора Ю. Броуна за 1747 г. из герольд-мейстерской канторы при Сенате: «Сначала в службу вступил в курфюршьяфан Фалц в 722, где до капитана происходил чрез все чины порядочно по 731 год. И во оном 731ом году по письму к нему покойного обершталмейстера графа Леволды прибыл для определения в службу и обещано ему что он в гвардии капитаном определён быть имеет токмо по прибытии ево по определении в службу Ея Императорского Величества в 731 году определен он гвардии в Ызмайловской полк в капитаны порутчики и того ж году выпущен из оною чина в армию в пример маеоры в Нарвской пехотной полк»⁷. Во-первых, здесь видно, что службу Юрий Юрьевич начал на три года раньше и, следовательно, прослужил у курфюрста более восьми лет. Что касается самого выбора места службы «у мелкого германского владетеля», то уже «Википедия» позволяет выяснить, что пфальцграф рейнский считался одним из старших из всех светских курфюрстов империи, а бывший курфюрстом Пфальца в 1716—1742 гг. Карл III Филипп был имперским фельдмаршалом. Важно также и то, что он был католиком, и устроиться на такую службу

Джорж Броун смог явно не без помощи своих родственников — имперских графов.

Во-вторых, весьма интересна информация о вызове его на русскую службу графом Лёвенвольде: Карл Густав Лёвенвольде как раз и был организатором и первым командиром лейб-гвардии Измайловского полка. Но сложно представить, что лифляндский граф мог что-то знать о капитане из курфюршества Пфальцского — ему его явно рекомендовали. И здесь следует обратить внимание на то, что незадолго до этого — летом 1730 г. — генерал Пётр Ласси был назначен указом новой императрицы генерал-губернатором Лифляндии, заняв, таким образом, достаточно значимую позицию в правящих структурах Российской империи. Только он и мог рекомендовать своего дальнего родственника на новую должность в гвардию. Другое косвенное подтверждение покровительства Петра Петровича можно увидеть и в скором переходе Броуна в Нарвский пехотный полк, входивший в дивизию Ласси.

О дальнейшей службе Ю. Ю. Броуна упомянутый список сообщает, что в Нарвском полку «он служил по 734й гд и в том же году при атаке города Гданска за добрые его поступки и за тяжкие раны апреля 22 дня пожалован подполковником, а в 737 гду в мае мце по старшинству и достоинству пожалован в полковники в Бутырской пехотной полк и в прошедшую Полскую войну во все случаи службу Ея Императорского Величества производил как и протчие порядочно також и в цесарской помощи и в минувшую Турецкую войну был безотлучно а в 738м году по окончании компании послан был по имянному блаженныя и вечно достойныя памяти гдрни Императрицы Анны Иоанновны указу в Семиградскую землю для некоторой тайной комиссии. А в 739 году по тому указу посылан был в главную цесарскую армию в Венгеры и при баталии Гродцка за убитием подо мною лошади взят турками был в плен в котором плену был семь недели а в 740м году марта 31 дня за верные и ревностные мои службы от Ея Императорского Величества пожалован а генералы маеры и в 742м году был в походе в Финляндии против шведов»⁸.

Даже такое лаконичное изложение содержит ряд уточнений, отсутствующих в печатных биографиях. Об участии Броуна в войне за польское наследство 1733—1735 гг. и походе корпуса Ласси на Рейн в 1735 г., кроме того, что 22 апреля 1734 г. был пожалован подполковником, мы ничего нового не узнали. Но

это только подтверждает, что русским отрядом, блокировавшим французский десант, он не командовал — этот эпизод достаточно хорошо изучен. А вот о периоде командования Броуном Бутырским пехотным полком некоторые сведения найти удалось. Назначение в этот полк было не простым повышением, а довольно престижным, что подтверждают строки из донесения Миниха от 5 мая 1737 г.: «как из одного регистра всем-же усмотреть изволите, что в Бутырский пех. полк, на место повышенного в ген. майоры кн. Репнина, назначен из подполковников, о котором хотя В. И. В. ген. фельдц. и кав. кн. Гессен-Гомбургской о состоянии под его именем всеподданнейше и просил, точию оное прошение от него с таким желанием, дабы в том полку настоящий полковник действительно находился, а ему-б оный полк иметь только под своим именем...»⁹.

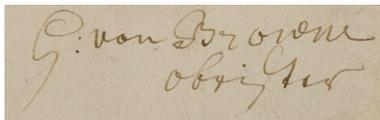
Впрочем, пребывание Ю. Ю. Броуна в этой должности оказалось недолгим. Как видно из списков Бутырского полка к смотру 1737 г. от 13 октября, полковник фон Броун «по указу Ея Императорского Величества пожалован был с Копорского полку из подполковников 737 года мая 20 дня» и «по ордеру Его Сиятельства господина генерал-фельдмаршала и кавалера фон Миниха переведен в Киевский полк 737 г.», при этом сведений о нем «за маловремением бытии ему при полку справить было некогда»¹⁰. Переведённым в Киевский пехотный полк Юрий фон Броун значится уже в документе «Бутырского полку имянной список штап и обер афицерам, которые были при взятии города Очакова июня 30 числа ночью для занятия постов и покрытия, а 1 и 2 чисел июля на штурме и в опрошах значит под сим сентября 27 дня 1737 года»¹¹. Нашлись в документальном фонде ВИМАИВиВС и два рапорта от Бутырского полка к генерал-фельдцейхмейстеру принцу Гессен-Гомбургскому, подписанные Броуном — G. Von Browne. В первом сообщается о потерях полка под Очаковым с 30 июня по 3 июля: «побито гренадеров 5, мушкетеров 5, [неразб.] 1; безвесно пропало гренадер 1, мушкетёров 5 — итого 17; ранено капитан 1, поручиков 2, подпоручик 1, прапорщик 1, сержант 1, гренадер 12, мушкетёров 44, канонир 1 — итого 63; да убито артиллерийских лошадей 2»¹² (ил. 1). В другом, от 14 июля 1737 г., полковник Броун докладывает, в соответствии с приказом принца Гессен-Гомбургского от 13 июля, в котором сказано, «что в здешней Ея Величества армии в походном камиссариате в денежной казне нужда» и велено «публиковать

нет ли у штаб и обер-офицеров лишних денег», которые предлагается сдать в казну и получить потом в России, — что в Бутырском полку «ни у кого в отдаче не сыскалось»¹³.

Зиму 1737—1738 гг. и кампанию 1738 г. Броун провел без заметных происшествий, командуя Киевским полком.

В конце же года началась его «некоторая тайная комиссия» в Семиградской земле, отдельные сведения о которой имеются в донесениях Миниха, опубликованных Д. М. Масловским. Планируя будущую кампанию 1739 г., петербургский и венский дворы обсуждали отправку «в цесарскую помощь» корпуса российских войск, в состав которого предполагалось включить и Киевский полк полковника Юрия фон Броуна. А 15 декабря Миних сообщил императрице: «Для освидетельствования, ради отправления назначенного к цесарю корпуса, способных трактов и починки на оных дорог и изыскания при том ко всяким потребным приготовлениям, яко-то о провианте и фураже и прочем, способов имеет быть от меня отправлен немедленно человек надёжный и искусный — Киевского пех. п. полк. Броун, которого полк назначен в показанный корпус, и с ним Сербского гусарского п. майор Божич, который человек надёжный же и тамошний словенский язык и все дороги и места довольно знает»¹⁴.

Из донесения от 27 января 1739 г. можно узнать некоторые подробности миссии Броуна: «Прежние ведомости о польских интригах через разныя дороги конфирмуются, как то я вчерашняго числа получил письма от полк. Броуна и майора Божича, с которых копии под № 1, что коронный гетман прибыл во Львов и имеет в скором времени отъехать в Броды, куда и литовского гетмана кн. Вишневецкого ожидают, тако-ж и других знатных польских господ, для имения, как они говорят, о важных делах делиберации... И понеже через посланного в Польшу полк. Броуна и проч. офицеров, ибо он в первом польском местечке, называемом Хвастове, 3 дня был удержан под претекстом, будто о пропуске его требовали и ожидали позволения, разве в месяц обстоятельныя ведомости, что они там найдут, получить будет можно, то всеподданнейше вторично В. И. В. прошу ген.

Ил. 1. Подпись Ю. Ю. Броуна на рапорте Бутырского полка к генерал-фельдцейхмейстеру принцу Гессен-Гомбургскому о потерях под Очаковом с 30 июня по 3 июля 1737 г.

анш. Румянцова определить высочайшим В. И. В. указом, маршировать ли оному со означенным корпусом, не взирая на польския и шведския худые немерения и не обождав от означенного полковника Броуна обстоятельных ведомостей и не отогнав неприятеля от границ В. В. обратно, ибо время отправлению того корпуса, ежели оным в будущей кампании там действовать, приспевает, яко же и в прежних В. И. В. рескриптах изображено, как и подлинно есть, ежели зимний путь пропустить, то весною поход весьма будет труден и прибытием своим в Цесарию упоздаем»¹⁵.

После окончательного отказа России отправить вспомогательный корпус в Венгрию Миних приказал Броуну, находившемуся в Семиградской земле, вернуться к нему в Киев. И в то же время (донесение от 2 апреля 1739 г.) он рекомендует его императрице как одного из представителей при цесарской армии в Венгрии, в том числе и потому, что «полк. Браун имеет там своих родственников, а именно ген. майора Брауна»¹⁶. Окончательно решение об отправке Броуна, с приданными ему несколькими офицерами, было принято Минихом в начале мая в лагере у р. Лыбеди, но процесс этот затянулся. Только 1 июня «полк. ф. Браун в Венгрию к командующему цесарскою армиею ген. фельдм. гр. Валлису» отбыл из лагеря при р. Каменке, увозя с собой деньги для майора Божичана вербовку в российскую службу «перебегших от неприятельской стороны сербов»¹⁷.

Известий от Броуна Миних не имел до середины июля¹⁸, а 11 (22) июля произошло злополучное сражение армии гр. Валлиса с турками у Гроцки, во время которого Юрий Юрьевич попал в плен. С этого момента история жизни гр. Броуна на короткий период разбивается на три параллельных сюжета. Первый и весьма эффектный — о его обращении в рабство, тройной перепродаже, побег из Константинополя с похищенными секретными планами Порты с помощью французского посланника Вильнева — приводится в большинстве биографий и восходит к сочинению Борха. Начальная его часть о рабстве и попадании в Константинополь, скорее всего, довольно точно воспроизводит суть рассказов самого Броуна в кругу семьи, но дальше начинается смесь путаницы и вымысла.

Второй, вполне реальный, но основанный на отсутствии достоверной информации сюжет развивается в России. 1 августа Миних, сообщая императрице свои опасения о последствиях

сражения, прибавляет «и сожелетельно, что храбрый и добрый наш полк. Броун при том или убит или в полон взят, о чем поныне подлинно знать неможно, ибо его тело не найдено». В составленном 11 сентября списке полковничьих вакансий в пехотных полках уже значилось «в Киевском умершего Юрья ф. Броуна», обсуждались и кандидаты на эту должность. Окончательно эта коллизия разрешилась только в середине ноября, когда Миних, докладывая о ходе замещения полковничьих вакансий, сообщил: «в том числе в Киевский пех. полк на место убитого полк. Броуна. А понеже оный Браун, по полученному после того известию, в бытность при цесарской армии взят был турками при бывшей акции в полон, откуда освобожден и ныне следует к своему полку, и потому вакансии его не состоит»¹⁹.

Основной же сюжет истории Броуна развивался тоже достаточно интересно. Из плена его выкупил сотрудник французского посольства и уполномоченное лицо России на переговорах с визирем Ш. Каньони²⁰. Получив свободу, Броун вернулся к выполнению своей миссии и прибыл в лагерь австрийской армии возле осаждённого турками Белграда. Донесение Миниха от 23 сентября 1739 г. содержит рассказ, рисующий отношения французского посла маркиза де Вильнёва к российским представителям несколько в ином свете: «Во время заключения того стыдного у цесаря с Портою мира, он, посол, офицеров наших полк. Брауна, Кангиония и Сент-Сюрена обманул и над ними смеялся тем, что, до прибытия в турецкий лагерь ген. Нейберха, помянутые офицеры завсегда с ним за столом обедали, а с 18 августа ш. н., по приезду Нейберха, по 1-е сентября — заключение цесарских прелиминаров он, посол, во все то время с Нейберхом и с переводчиком Порты был, и по всяк день трое их вместе без офицеров наших обедали; накануне-ж тех прелиминаров подписания, смеяся им, сказал, что ежели кто из них на завтра на экстраординарную аудиенцию к верховному визирю пойдёт, тем он особое удовольствие окажет, почему на другой день офицеры наши, не зная ничего о договоренных ими на той аудиенции, за ним пошед и по получению обыкновенных при Порте кафтанов, принуждены были заключенных у цесаря с Портою прелиминаров стыдные кондиции тамо слышать. О чем, по окончании той аудиенции, показывая ему, послу, их наичувственнейшее соболезнование, он, маркиз, на то отвечивал: вам-де, россиянам, не для чего о себе печалиться, ибо дела ваши на бархате лежат, а впрочем сожалеет

он, посол, что римский цесарь таковой мир заключить принужден находится...»²¹. Письма к Миниху от Броуна теперь приходили регулярно, и информацию он получал действительно из первых рук: «Римско-цесарский ген.-фельдцейхмейстер Шмиттоу полк. Брауну велел мне описать, что он еще несколько времени разорением цитадели Белградской фортификации промедлит, ежели то может в примирении В. И. В. с Портою какая добрые кондиции причинить»²². Завершилась эта миссия, по-видимому, в конце октября.

По итогам войны Юрия Юрьевича ждала не одна награда: получив чин генерал-майора, он женился на дочери своего покровителя фельдмаршала П. П. Ласси Елене²³. В последовавшей через год войне с Швецией случая отличиться Броуну просто не представилось. Кампанию 1741 г. и единственное серьёзное сражение он пропустил, так как Ласси смог вызвать его в действующую армию, только став победителем шведов при Вильмонстранде. Судя по тому, что к новому назначению в Петербург Броун ехал через Москву, службу он нёс на украинской линии. В Москве он серьёзно заболел и пробыл там, по-видимому, всю зиму. Косвенно об этом может говорить то, что его старший сын Георгий родился в Москве 18 февраля. Кампанию 1742 г. Юрий Юрьевич, судя по послужному списку, провёл «в походе в Финляндии», а в 1743-м был назначен в Красногорский корпус генерал-лейтенанта принца фон Гольштейн Бека, прикрывавший Петербург и южный берег Финского залива²⁴.

При распределении должностей по окончании войны в октябре 1743 г. Броун был определён в ландмилицию на Украинскую линию, но оставлен на полном армейском жаловании. Но в указе о расположении полков на зимние квартиры от 20 сентября 1744 г. генерал-майор Броун значится уже в Лифляндии — под командованием своего тестя²⁵. В 1747 г. начинается процесс формирования вспомогательного корпуса для нового похода на Рейн, и в январе Броун получает назначение в создаваемый для этого курляндский корпус. В походе 1748 г. он сначала командует бригадой из 2-го Московского, Суздальского, Вологодского и Нижегородского пехотных полков в дивизии генерал-поручика Ливена, а затем второй колонной корпуса. Походный журнал В. Н. Репнина за июль 1748 г. содержит интересный эпизод о переговорах Ю. Ю. Броуна с епископом Бамберга о размещении в его владениях трёх российских полков. Поручение это он

получил по причине «должайшаго с оным епископом знакомства», что говорит о значительных связях Юрия Юрьевича в католических кругах Германии. Во время обратного марша вспомогательного корпуса, завершившегося в Курляндии в мае 1749 г., он командовал первой дивизией²⁶. 5 сентября 1752 г. Броун был награждён орденом св. Александра Невского, а в октябре произведён в генерал-поручики за особые труды по устройству войск в Лифляндии²⁷. Про его участие в Семилетней войне мы уже писали²⁸, но, как оказалось, следовало особо отметить, что Ю. Ю. Броун не мог и не принимал участие в сражениях при Лобозице, Коллинеи Праге. Эти «факты», как и ряд других, были додуманы графом Борхом, немного спутавшим австрийского Броуна с российским и вообще стремившимся по возможности приукрасить биографию своего тестя.

Рассказанная Борхом история о визите Ю. Ю. Броуна к Петру III, его отказе от фельдмаршальского жезла, опале, прощении и назначении генерал-губернатором Лифляндии весьма эффективна, но подтвердить её пока нечем. Камер-фурьерские журналы за январь—февраль 1762 г. позволяют лишь определить, что с середины января он находился в Петербурге и присутствовал на обедах императорской четы 16, 20, 24 и 30 числа. Интересно отметить, что 22 января «генерал Браун» был на обеде только у Её Императорского Величества. Затем его имя появляется среди приглашённых к столу императора лишь 28 февраля, что явно не случайно совпало с назначением его на следующий день, 1-го марта, генерал-губернатором в Ригу²⁹.

Последующая 30-летняя деятельность Юрия Юрьевича на данном посту является темой для большого отдельного исследования. Поэтому мы здесь лишь обозначим завязку одного, но весьма интересного, из многих её сюжетов. Речь идёт о взаимоотношениях Броуна с Екатериной II, довольно сильно выходявших за рамки понятий начальник—подчинённый. Отправной точкой его в настоящее время можно обозначить 28 июня 1762 г., поскольку этим числом датированы первые известные указ и письмо Екатерины Броуну, и уже они весьма примечательны.

Каких-либо данных об их знакомстве до этого момента на сегодня не имеется, хотя за почти 20-летнее пребывание великой княжны в России они должны были несколько раз встречаться. И вот, только-только придя к власти в столице, Екатерина посылает назначенному её супругом рижскому генерал-губернатору

и командующему войсками в Прибалтике указ, в тоне которого чувствуется уверенность, что он будет выполнен. Особенно примечательны слова «а в противном случае все силы и меры употреблять имеете к отвращению какого-либо злого сопротивления, не взирая ни на чье достоинство и ни от кого кроме что за нашим подписанием никаких повелений не принимайте». Потенциальному стороннику свергнутого тобой монарха такое не напишешь, а слова «кроме что за нашим подписанием» предполагают, что адресат хорошо эту подпись знает. Ещё более показательно собственноручное письмо Екатерины II, полученное в Риге 1 июля и, вероятно, отправленное вместе с указом: «Господин генерал Браун и друг мой! Естли, забывши человечество, закон и долг государя, муж мой что либо противное отечеству, мою (моей) с сыном безопасность(и) предпримет или кто другой его именем, в таком случае мы разрешаем поступить во всём том (что) твердость империи необходимо требует»³⁰. Повторимся: человеку, которого несколько раз видел на официальных придворных мероприятиях, так не напишут.

Или вот её же письмо из Москвы от 4 февраля 1763 г. (перевод с немецкого, небольшую официальную часть мы опустили): «Господин Браун! Я право сердита на вас! Старый друг мой позабыл меня или не думает, что я всё та же по отношению к нему, какою была всегда. Я видела и читала письма ваши к тайному советнику Панину о прибытии фон-Берга в Ригу и я завидую, что вы не пишете прямо ко мне. Как было бы мне дорого, если бы вы с доверием относились ко мне советом и делом. С чьей стороны такое отношение могло бы быть приятным, как не со стороны генерала Брауна. Пишите к кому желаете, но не забывайте меня. Пишите ко мне, о чем признаете нужным, на каком языке вам comodнее (удобнее) с полною свободою, без всяких сомнений. Я умею до времени молчать и вас никогда не скомпрометирую... Я желала бы испытать вас, умеете ли вы еще по-английски говорить правду, которую мне видеть во всякое время всего приятнее. Это я увижу из вашего ответа. Напишите тоже, каково состояние вашего здоровья. Видите, что я для вас выполняю невозможное, так как пишу вам немецкое письмо, что не часто случается в жизни моей, да и не подобает мне, ибо я (на языке этом) пишу прескверно. Но чего не сделаешь для друзей своих?!»³¹. Почти в каждой фразе здесь чувствуется давнее и хорошее знакомство. И очевидно, что не мог Юрий Юрьевич за несколько месяцев

стать доверенным другом императрицы по переписке. Всё это заставляет серьёзно задуматься об обстоятельствах назначения генерала Броуна на его последнюю должность.

Единственным на данный момент свидетельством знакомства Ю. Ю. Броуна с великой княжной Екатериной Алексеевной является рассказ (или анекдот), записанный П. Ф. Карабановым со слов князя Михаила Никитича Волконского, бывшего московского градоначальника, «изустно слышавшим от помянутого графа Броуна»: «Когда Екатерина, быв избранной невестой великому князю, Петру Фёдоровичу, ехала в Россию, для встречи её от двора послан в Ригу генерал-майор Юрий Юрьевич фон-Брун, впоследствии там находившийся генерал-губернатором. Принцесса, по прибытии в город, от усталости, скоро прошла в назначенные для нея комнаты, не удостоив внимания присланного генерала, которому, по возвышенным его чувствам, показалось сие оскорбительным; вскоре выслала она пригласить его в 6 часов утра для свидания. В назначенное время Брун является к принцессе, которая, обласкав его, продолжала, что, рождённая в малом немецком княжестве, судьбою назначена жить и умереть в великой империи; встретясь на границе с первым российским чиновником, со всею откровенностью просит (подавая перо и бумагу) беспристрастно описать ей: умы, характеры, достоинства, пороки и связи всех известных особ, составляющих двор императрицы Елисаветы, обещая хранить в тайне; что сим средством может приобрести её доверенность и дружбу, а ложным показанием презрение. Сие предложение исполнено в точности. Принцесса, по приезде в Петербург, всех удивила внимательным обхождением и вскоре успела привлечь к себе всеобщую любовь. Брун действительно был её другом, имел позволение не спрашиваясь приезжать в Петербург и во всякое время ходить к ней по малой лестнице; говорил правду и наводил страх на её фаворитов, не исключая самого князя Потёмкина»³².

Ряд фактов здесь явно перепутан — обстоятельства пребывания будущей императрицы в Риге известны как по её воспоминаниям, так и по письмам её матери, — но какое-то знакомство всё же могло состояться. А вот привилегированное положение Броуна, как и доверительно-дружеское отношение к нему Екатерины II сомнения не вызывают. И поле для исследования здесь довольно обширно.

В заключение приведём один весьма яркий пример того, как эти доверительные отношения влияли на историю России в целом: в 1783 г. императрица поручила генерал-губернатору графу Броуну подыскать воспитательницу для своих внучек, и он рекомендовал ей баронессу Шарлотту Карловну Ливен³³.

¹ Borch M. J. Histoire de la vie de George de Browne, comte de Saint-Empire, gouverneur général de Livonie et d'Esthonie, général en chef des armées des Sa Majesté l'impératrice de toutes les Russies, chevalier des ordres de St. André, St. Alexandre Newski et St. Wlodimir de Russie, de l'aigle blanc de Pologne, et de Ste. Anne de Holstein, seigneur héréditaire des terres de Smilten, Segewold, Palkmar et Galenhoff etc. etc. Riga: I. F. Hartknoch, 1794.

² Ю. Ю. Броун // Рижский Вестник. Рига, 1869. № 10, 12–15; Полузабытые имена. I. Граф Юрий Юрьевич Броун (Биографический очерк) // Сборник материалов и статей по истории прибалтийского края. Рига, 1876. Т. 1. С. 419–434.

³ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895. Т. 1. С. 80.

⁴ Stackelberg Otto Magnus von. Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil 2, 3: Estland. Bd. 3. P. 291.

⁵ Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т. III. С. 365.

⁶ Полузабытые имена. С. 420.

⁷ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 331. Л. 103.

⁸ Там же.

⁹ Всеподданнейшие донесения гр. Миниха. Ч. 2. Донесения 1737 и 1738 годов // Сборник военно-исторических материалов. Вып. 11. СПб., 1899. С. 18.

¹⁰ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 265. Л. 332 об.–333.

¹¹ Там же. Л. 99.

¹² Там же. Д. 264. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 75–75 об.

¹⁴ Всеподданнейшие донесения гр. Миниха. Ч. 2. С. 475, 492.

¹⁵ Там же. Ч. 3. Донесения 1739 года и генералитетские рассуждения // Сборник военно-исторических материалов. Вып. 13. СПб., 1903. С. 25, 28.

¹⁶ Там же. С. 79.

¹⁷ Там же. С. 114, 121, 144–145.

¹⁸ Там же. С. 171.

¹⁹ Там же. С. 187, 207, 275–276.

²⁰ Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 263.

²¹ Всеподданнейшие донесения гр. Миниха. Ч. 3. С. 220–221.

²² Там же. С. 253. См. также: С. 232, 236–237, 244; Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов. С. 265–266.

²³ Stackelberg Otto Magnus von. Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil 2, 3. Estland. Bd. 3. P. 291.

²⁴ СИРИО. Т. 91. СПб., 1894. С. 263, 365; Т. 96. СПб., 1896. С. 421–422; Надпись на мемориальной доске в гробнице Ф. М. Ласси в Вене: «Georgdes H. R. R. Graf

von Browne / geb. Zu Moskau din XVIII febr. MDCCXXXXII»; Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 4. М., 1891. С. 39–40.

²⁵ ПСЗ. Т. 11. 1743. № 8798. С. 927, 930; ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 870. Л. 366.

²⁶ Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 24; К истории русско-французского соперничества в 1748 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2011. [Т. XX]. С. 93, 127, 154–155; СИРИО. Т. 110. СПб., 1901. С. 369.

²⁷ Полузабытые имена. С. 425; Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалеров. М., 1814. С. 204.

²⁸ Кудзеевич Л. В. Служба генерала Ю. Ю. Броуна в Семилетнюю войну // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции. СПб., 2015. Ч. 2. С. 430–444.

²⁹ Церемониальный и банкетный журнал, 1762 года, за время царствования Императора Петра III-го. С. 54, 60–61, 68–69, 74, 77, 110; Полузабытые имена. С. 419.

³⁰ Русская старина. СПб., 1897. Т. 92. С. 278.

³¹ Там же. СПб., 1895. Т. 83. С. 218–219.

³² Там же. СПб., 1871. Т. 4. № 12. С. 693–694.

³³ См., например: Русская старина. Т. 4. С. 43. Эта информация есть и в «Википедии».

А. Н. Кулинский (Санкт-Петербург)

«ЗА БОЙ НА ДВУХ ОРУЖИЯХ»: О РЕДКОСТИ ОФИЦЕРСКОГО ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ С ПРИЗОВЫМИ ЗНАКАМИ ЗА ФЕХТОВАНИЕ

ЭТОТ МАТЕРИАЛ продолжает и дополняет статистическими и биографическими данными статью, написанную автором в 2017 г. и лишь совсем недавно опубликованную во втором сборнике Оружейной палаты Московского Кремля¹. Исправлены также две существенные ошибки в информации о призах В. В. Андреева и общем количестве обладателей призов.

Напомним кратко предысторию появления фехтовальных состязаний на призы.

В 1855 г. Фехтовальная школа Отдельного гвардейского корпуса, существовавшая с 1816 г., была преобразована в Фехтовально-гимнастический кадр Отдельного гвардейского корпуса (1855—1861 гг.) с одногодичным сроком обучения для подготовки учителей фехтования и гимнастики, помещавшийся во дворе бывших Московских казарм у Семёновского моста.

Императорским указом от 25 октября 1855 г. в левом павильоне Инженерного замка был учреждён Офицерский фехтовально-гимнастический зал Отдельного гвардейского корпуса, в котором постоянно совершенствовали свое мастерство офицеры — любители фехтования. В 1857 г. по распоряжению штаба корпуса все офицеры гвардии состояли членами этого зала, с уплатой годового взноса 1 р. 50 к., вычитавшихся из жалованья. Кроме того, из средств Государственного казначейства ежегодно выделялось 1000 р. для найма учителей фехтования. Для управления залом и выделяемыми средствами первоначально были назначены из офицеров гвардии 5 членов-распорядителей. Впоследствии их число сокращалось, например, в 1866 г. членами-распорядителями Офицерского фехтовально-гимнастического зала были

назначены штабс-капитан л.-гв. Преображенского полка Зубов, штабс-капитан л.-гв. Гатчинского полка Насветевич и поручик того же полка Столица². С 1868 г. членов-распорядителей было двое.

Занятия проводились по будням с 3 до 5 часов пополудни. Их вели лучшие учителя фехтования того времени: Тарасов (отец), Гавеман, Луи Даве и др. На занятия стали допускаться и «статские», в том числе студенты. Приезжали поупражняться в фехтовании даже великие князья: наследник цесаревич Николай Александрович, герцог Николай Максимилианович Лейхтенбергский.

В праздничные дни проводились состязательные бои за денежные призы (как тогда говорили, «составлялись пульки»), причем на результаты этих боев делались ставки в публице.

В 1859 г. члены-распорядители зала вошли в штаб Отдельного гвардейского корпуса с представлением об официальном учреждении между офицерами состязаний на призы. 11 апреля 1860 г. император утвердил правила состязаний между офицерами гвардии «в фехтовальном бое», а также выделение средств в размере 600 р. ежегодно на изготовление призового оружия.

Своим приказом командир Отдельного гвардейского корпуса генерал-адъютант Плаутин довел повеление императора и правила до войск гвардии, объявив, что «...его величеству благоугодно, чтобы таковое состязание было произведено и в нынешнем году»³.

Несмотря на содержащееся в Указе пожелание о проведении первых состязаний «в нынешнем», то есть в 1860 г., впервые они состоялись в Петербурге только 9 января 1861 г. в присутствии императора. Тогда шесть офицеров гвардии завоевали 8 призов: 1 первый и 3 вторых за бой на рапирах, первый и второй за бой на эспадронах, первый и второй за бой на штыках⁴. Победители сразу после окончания боёв были представлены императору и награждены призовым оружием, пожалованным лично его величеством.

В первые 10 лет на состязании присутствовал император или кто-то из великих князей, впоследствии кто-то из свитских генералов. Даже если императора не было и призовое оружие вручал великий князь как командующий Отдельным гвардейским корпусом или генерал Свиты, приз всё равно вручался от имени императора. В середине — второй половине 1860-х гг. установилась

традиция личного вручения императором призов за фехтование и стрельбу офицерам во время летнего Красносельского лагерного сбора. В этот день, обычно воскресенье июля или начала августа, не только вручались призы, но и проводились офицерские скачки, в том числе с 1872 г. знаменитый 4-вёрстный стипль-чез на Императорские призы, или Большая Красносельская скачка, так ярко описанная в «Анне Карениной».

Поэтому призовое холодное оружие неофициально стало называться Императорским призом задолго до присвоения ему такого официального статуса в 1897 г., например, именовалось таким образом в некоторых отчётах о состязаниях, публиковавшихся в газете «Русский инвалид».

Фехтовальные призы разыгрывались в Петербурге один или два раза в год, как правило, весной на Пасху и в декабре на Рождество или в январе; в 1865—1867 гг. состязания проходили в июле во время лагерного сбора в Красном Селе.

В августе 1870 г. были утверждены специальные знаки на призовое оружие за фехтовальный бой и разрешено употребление оружия с призовыми знаками в строю⁵. Право украсить личное холодное оружие этими знаками получили и те офицеры, которые завоевали призы раньше, в период с 9 января 1861 г. по 3 апреля 1870 г., когда 59 офицерам было вручено 78 единиц холодного оружия с соответствующими надписями на клинках (ил. 1—5).

Большинство призёров продолжило службу и после 1870 г. Кто из них после введения призовых знаков заказывал их для крепления на ранее полученном призовом оружии, установить не представляется возможным. Некоторые офицеры могли оставить призы, полученные в 1860-х гг., для хранения без изменений и заказать новые экземпляры уже с призовыми знаками. Так, например, поступил полковник Кавалергардского полка Г. Ф. Менгден, который до 1870 г. получил в качестве фехтовальных призов четыре полагающиеся ему по роду службы кирасирских палаша с соответствующими надписями на клинках: 12 апреля 1861 г. 2-й приз за бой на рапирах (ВИМАИВиВС ОЦИФ 109/171), 6 марта 1862 г. 1-й приз за бой на эспадронах и 1-й приз за бой на штыках, 12 апреля 1869 г. 1-й приз за бой на рапирах⁶.

Из награждённых в 1860—х гг. три офицера: Н. В. Черкас (2-й приз — пехотная сабля — за бой на рапирах 12 апреля 1861 г.), И. Б. Шведер (1-й приз — пехотная сабля — за бой на штыках

1-го достоинства.

Щитъ серебряный, вензель съ коронного, надписи и втычки золотые.

Ил. 1. Знак 1-го приза, введённый в 1870 г.

9 января 1861 г.) и Л. К. Эйлер (2-й приз за бой на штыках 9 января 1861 г. и 2-й приз за бой на рапирах 12 апреля 1861 г., т. е. две пехотных сабли) — в 1862—1863 гг. вышли в отставку. Конногвардеец К. К. Клокачев (2-й приз — кирасирский палаш — за бой на эскадронах 6 марта 1862 г.) в 1864 г. скончался. Соответственно, призовое оружие этих офицеров не имело специальных знаков, только

надписи на клинках. В таком виде оно и должно было сохраняться у наследников. Кстати, Н. В. Черкас и Л. К. Эйлер награждались и призовыми ружьями за стрельбу из винтовки.

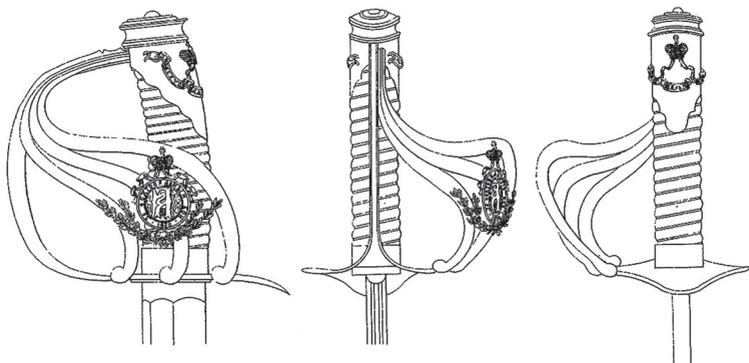
Судьбу ещё четырёх офицеров, награждённых за фехтование пехотными саблями до введения призовых знаков, пока проследить не удалось. Это прапорщик л.-гв. 1-й артиллерийской бригады Гудим-Левкович (2-й приз за бой на рапирах 9 января 1861 г.), поручик 26-го пехотного Могилёвского полка Домашев (2-й приз за бой на штыках 12 апреля 1865 г.), подпоручик 14-го пехотного Олонекского полка Останкевич (2-й приз за бой на штыках

2-го достоинства.

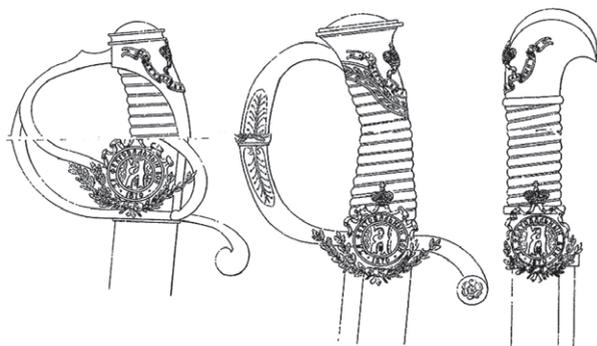
Весь серебряный.

Ил. 2. Знак 2-го приза, введённый в 1870 г.

Ил. 3. Призовые знаки на эфесе офицерского кирасирского палаша

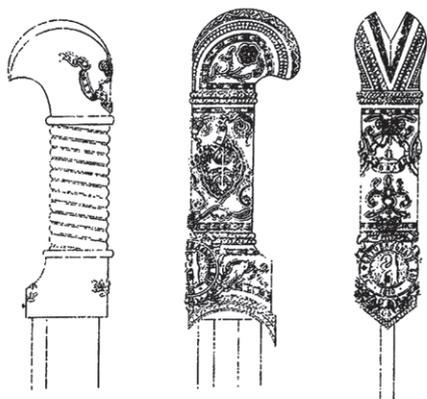

Ил. 4. Призовые знаки на эфесах офицерского оружия: кавалерийской сабли, пехотной сабли и казачьей шашки

2 апреля 1864 г.) и поручик 2-го гренадерского Ростовского полка Самарин (2-й приз за бой на штыках 24 июля 1866 г.).

Можно лишь предположить, что у офицеров-призёров, продолжавших службу после 1870 г., могло храниться не более двух—трёх десятков фехтовальных призов 1860-х гг. без специальных призовых знаков.

В 1897 г. было утверждено новое положение о Петербургском офицерском фехтовально-гимнастическом зале и новые «Правила для состязаний офицеров в фехтовальном бое на призы», отличавшиеся более высокими требованиями и к уровню судейства, и к квалификации участников. В частности, теперь состязания могли состояться только в том случае, если в боях на рапирах

Ил. 5. Призовые знаки на эфесах офицерских казачьих шашек

призы за фехтовальный бой получили официальный статус Императорских⁷. В 1897 г. состязания в Петербурге проводились один раз в апреле, а соответствующий приказ по военному ведомству вышел в октябре, поэтому слово «Императорский» и императорский вензель под короной должны были появиться на клинках призового оружия, выдававшегося в Петербурге, в 1898 г. На клинках первых призов вензель и надпись должны быть золотыми, на клинках вторых призов — серебряными. Призовые знаки и порядок их размещения на эфесах оставались прежнего образца 1870 г.

Новыми были особые призовые знаки «За бой на двух оружиях» (ил. 6) и «За бой на трёх оружиях», введённые в 1897 г. тем же приказом для офицеров, уже имевших приз (призы) за бой на каком-либо виде оружия и получивших приз за бой на другом виде оружия. Они выдавались вместе с деньгами, составлявшими стоимость нового приза, и должны были крепиться на ножнах холодного оружия. В приказе

было не менее трёх «конкурентов», а в боях на эспадронах и штыках — не менее четырёх. Претенденты на первый приз выбывали из состязания, если проигрывали бой не имеющему приза в данном виде оружия. Комитет судей увеличился до 15 человек, причём состоял только из офицеров, имеющих Императорские призы за фехтование.

И самое главное —

Ил. 6. Знак «За бой на 2-х оружиях» для крепления на ножнах офицерского холодного оружия

приведено лишь краткое описание знака, который должен был состоять из императорского вензеля под короной, окружённого лавровыми ветвями, с надписью «За бой на 2-х оружиях» или «За бой на 3-х оружиях». Знак за второй приз на втором виде оружия должен быть серебряным, за первый приз — серебряным позолоченным. Образцовый рисунок к приказу не прилагался. Очевидно поэтому под императорским вензелем подразумевался только вензель царствующего императора Николая II, а его обрамлением могли служить вместо двух лавровых ветвей лавровая и дубовая ветви (ВИМАИВиВС ОЦИФ 117/191).

О том, сколько офицеров могли иметь такие знаки, см. ниже в статистических данных.

22 июня 1895 г. было утверждено Положение о Варшавском военном фехтовально-гимнастическом зале, в котором с 1896 г. один раз в год, в апреле или в мае, проводились состязания в фехтовании на трёх видах оружия офицеров Варшавского гвардейского отряда, армейских кавалерийских полков и штабов⁸. Правила проведения состязаний, выдачи призов и их внешний вид были почти такие же, как в Петербурге, но были и отличия. Вторые призы в Варшаве были названы *обыкновенными*, однако это название не закрепилось и использовалось только один раз в 1897 г. в приказе, объявившем итоги состязаний 26 апреля в Варшавском зале. В нём под обыкновенными призами подразумевались не серебряные вещи стоимостью до 150 р., а именно вторые призы (холодное оружие), которые тогда завоевали три офицера: хорунжий Донского казачьего полка № 15 Н. Д. Войнов в бою на эскадронах, хорунжий Донского казачьего полка № 9 И. Е. Кирсанов в бою на рапирах и сотник Донского казачьего полка № 4 Д. К. Писарев в бою на эскадронах⁹.

В Варшаве допускалось повторное награждение вторыми призами за бой на одном и том же виде оружия. Поэтому, например, на состязаниях в Варшавском военном фехтовально-гимнастическом зале П. И. Лепарский дважды получил второй приз за бой на эскадронах.

В том же Варшавском военном фехтовально-гимнастическом зале военный юрист С. Г. Явленский дважды был награждён первым призом за бой на рапирах в 1899 и 1913 гг., а корнет 15-го драгунского Александрийского полка Яковлев дважды был награждён первым призом за бой на саблях в 1907 и 1908 гг., что явно противоречило правилам. Возможно, Комитет судей не посчитал

это нарушением по той причине, что Явленскому и Яковлеву в первый раз были присуждены *просто* первые призы, а во второй раз — имеющие уже новый статус — первые Императорские призы.

После учреждения фехтовальных боев на призы в Варшаве у офицеров появилась возможность участвовать в состязаниях в двух городах, поскольку состязания в столице и в Варшаве были специально разнесены по времени. В Петербурге и в Варшаве призы завоёвывали 4 офицера: К. И. Козеровский, А. Л. Носович, Д. В. Фельдман и А. Н. Шкилев. Краткие биографические сведения о них приведены ниже.

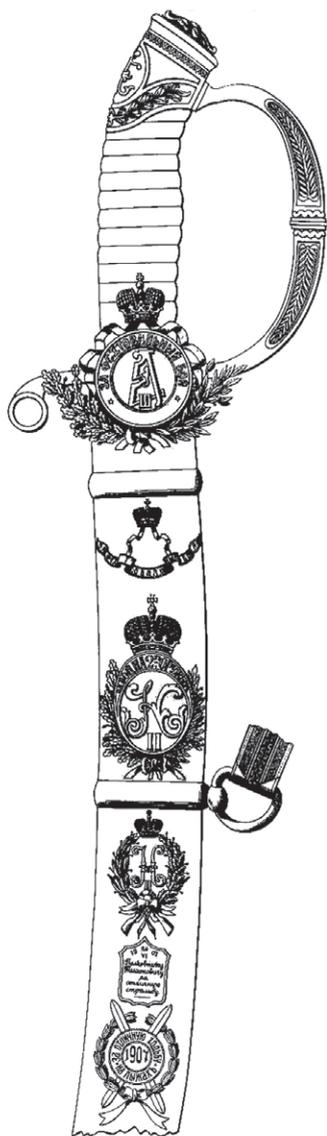
Варшавские призы за фехтовальный бой получили статус Императорских 23 ноября 1907 г.¹⁰ В 1907 г. состязания в Варшаве проводились в мае, а соответствующий приказ по военному ведомству вышел в ноябре, поэтому слово «Императорский» и императорский вензель под короной должны были появиться на клинках призового оружия, выдававшегося в Варшаве, только в следующем 1908 г.

В последний раз правила размещения призовых знаков за фехтовальный бой были изменены 9 января 1910 г. в связи с введением новых образцов эфесов офицерского холодного оружия с императорским вензелем¹¹. Призовой знак в виде серебряной ленты переместился на ножны холодного оружия (ил. 7).

В дальнейшем до начала Первой мировой войны, когда состязания на Императорские призы в фехтовании прекратились, правила размещения призовых знаков и их внешний вид не изменялись.

К настоящему времени удалось выявить фамилии практически всех обладателей призов за фехтовальный бой, точные даты проведения состязаний и получения призов. В общей сложности с января 1861 г. по весну 1914 г. призами за фехтовальный бой в Петербурге и Варшаве (с 1896 г.) были награждены 278 офицеров, в том числе ротмистр болгарской армии Драганов, получивший в 1889 г. 2-й приз за бой на эспадронах. Но фактически существовавшего офицерского холодного оружия с призовыми знаками за фехтование было несколько больше.

Во-первых, многие офицеры получали по несколько призов, например, в период с 9 января 1861 г. по 21 апреля 1897 г. в Петербурге и за два состязания в Варшаве 9 апреля 1896 г. и 26 апреля 1897 г. 168 офицеров получили 232 призовых

Ил. 7. Размещение призовых знаков на эфесе и ножнах офицерского холодного оружия с 1910 г.

клинка. Начиная с 1898 г. вместо приза за бой на втором оружии должны были вручаться деньги, но это правило, видимо, соблюдалось далеко не всегда, что подтверждается, например, сведениями из соответствующих приказов и публикаций в газете «Русский инвалид» о призах офицера л.-гв. Уральского казачьего эскадрона В. Г. Хорошхина, который трижды — в 1894, 1896 и 1900 гг. — получал за победы в состязаниях шашки¹². Вообще призовые деньги награждённый офицер вполне мог потратить на заказ клинка с соответствующей надписью.

Во-вторых, призёры, имевшие по роду службы право на ношение при разных формах одежды двух или даже трёх видов оружия, или при перемене рода службы, могли иметь два или три экземпляра холодного оружия разных образцов с призовыми знаками: шашку и саблю; шашку и палаш; палаш, шпагу и шашку (в четырёх полках гвардейской тяжёлой кавалерии).

Наконец, награждённые могли хранить оружие отменённого образца с призовыми знаками.

Изучение надписей на клинках сохранившегося в музеях призового оружия показывает, что довольно простые

правила их нанесения, содержащиеся в соответствующих приказах и приведённые выше, трактовались весьма широко. Надпись могла наноситься как на плоскости клинка, так и на обухе травлением или простой гравировкой без инкрустации серебром или золотом, как, например, на изготовленном в Толедо украшенном испанском клинке кирасирского палаша, вручённого вышеупомянутому Г. Ф. Менгдену 12 апреля 1861 г.¹³

Автору статьи известны по крайней мере ещё два фехтовальных приза 1860-х гг., у которых надпись о награждении нанесена на обухе украшенных иностранных клинков. Один из них, принадлежавший И. А. Будбергу (1838—1878) хранится в Государственном Эрмитаже: на обухе украшенного клинка немецкого производства травлением нанесена надпись «Призь Л.-гв. Финл. п. подпор. Будбергу за состязанія на рапирахъ 6 марта 1862 г.». Другой клинок, прорезной испанского изготовления, имеет на обухе надпись, вырезанную печатными буквами, свидетельствующую о награждении призом за фехтовальный бой в 1865 г.

Судя по всему, в 1860-х гг. в качестве фехтовальных призов использовали оружие с украшенными клинками иностранного производства, у которых место для надписи о награждении оставалось только на обухе. Да и чисто технически украсить клинок инкрустированной надписью сразу в день проведения состязаний после их завершения было просто невозможно. Не исключено, что впоследствии награждённые призами могли заказывать себе клинки уже с инкрустированными на плоскости надписями или получать их в подарок.

В качестве примера можно привести призовую саблю А. А. Насветевича (ВИМАИВиВС ОЦИФ 114/467), опубликованную в книге «Русские именные клинки»¹⁴. На ее украшенном прорезном клинке, изготовленном в Толедо в 1860 (!) г., насечены надписи «*Первый призь Л:Гв:Гатчинскаго полка шт:капитану Насветевичу 24го ИЮЛЯ 1866 ГОДА, ЛАГЕРЬ ПОДЪ КРАСНЫМ СЕЛОМЪ*», «*За состязание въ фехтовальномъ бое на рапирахъ въ Высочайшемъ присутствии*». На клинке имеется также изображение грифона — основной геральдической фигуры герба Романовых. Вероятно, клинок был заказан в Толедо еще в 1860 г. императором или кем-то из великих князей. Через шесть лет Насветевич, в это время уже довольно близкий к царской семье гвардейский офицер, завоевал первый приз в фехтовальном бою

в присутствии императора. 24 июля 1866 г. в день состязаний, клинок, разумеется, не мог быть дополнительно украшен соответствующими надписями. Это было сделано позднее, скорее всего, после введения специальных призовых знаков в 1870 г., и сабля с пространными надписями, не предусмотренными правилами, была подарена императором Насветевичу. Впоследствии, после награждения Насветевича золотым оружием в 1878 г., клинок был перемонтирован с новым вызолоченным эфесом.

Еще один пример дарения призового оружия приведён в полковой истории 51-го пехотного Литовского полка¹⁵. В фехтовальных состязаниях на призы, состоявшихся 21 апреля 1875 г., прапорщик этого полка А. П. Петрович завоевал 2-й приз в бою на штыках и вскоре получил от офицеров полка в подарок саблю с лентой «За фехтовальный бой» на головке эфеса и надписью на клинке «золотыми славянскими буквами»: *Призь 51-го пѣхотнаго Литовскаго полка прапорщику Петровичу за состязаніе на штыкахъ Апрелья 21-го дня 1875 года*. В 1876 г. Петрович был произведён в штабс-капитаны, взял длительный отпуск и отправился добровольцем в Сербию. После начала русско-турецкой войны вновь поступил на военную службу уже в 54-й пехотный Минский полк. Погиб сразу после переправы через Дунай 15 июня 1877 г. В 1894 г. призовая сабля Петровича была найдена рыбаками и по распоряжению болгарского правительства передана в Россию, с 1895 г. хранилась в офицерском собрании 51-го пехотного Литовского полка в особой витрине.

Теперь перейдём к статистике награждений и определению редкости холодного оружия с призовыми знаками. Именно эти данные представляют наибольший интерес для музейных работников, экспертов-оружиеведов, коллекционеров, операторов антикварного рынка.

В содержащихся ниже биографических справках для краткости призы за фехтование и стрельбу именуется следующим образом, независимо от года вручения: ИП — Императорский приз за фехтование, ИПВ — Императорский приз за стрельбу из винтовки, ИПР — Императорский приз за стрельбу из револьвера. В справках указаны даты награждения призами за фехтование, благодаря этому легко определяется период, в который награждённый имел право на ношение знаков «За бой на трёх оружиях» или «За бой на двух оружиях». Приведены также выявленные к настоящему времени сведения о призах, полученных

в различных спортивных состязаниях и на офицерских скачках, данные о наличии у призёров наградного оружия: золотого, Георгиевского и ордена Св. Анны 4 ст.

Все сведения о призах и наградах извлечены из «Приказов...», «Приказаний...» и «Особых приказаний...» за 1856—1914 гг., отчётов, печатавшихся в газетах «Русский инвалид» и «Варшавский дневник», спортивной прессы начала XX в. Объём статьи просто не позволяет привести все ссылки на соответствующие документы, они обязательно будут включены в готовящееся издание «Лучшие фехтовальщики русской армии 1861—1914 гг. История. Призы. Биографии».

Холодное оружие с призовыми знаками, без сомнения, вызывает особый интерес у любого коллекционера или эксперта, однако для определения его подлинности надо не только иметь большой опыт работы с предметами, но и чётко понимать, существовали ли вообще такие предметы и в каком количестве, насколько велика вероятность встретить такой предмет в коллекционной или экспертной практике.

Для начала попробуем выяснить, сколько офицеров в русской армии имели право на ношение на ножнах холодного оружия знака «За бой на трёх оружиях», введенного в 1897 г.

Формально офицер, многократно участвовавший в призовых фехтовальных состязаниях, за всю карьеру мог получить не более 6 призов — по правилам первый и второй в каждом из трёх видов оружия.

Офицеров, получивших 6 фехтовальных призов, в русской армии было всего трое:

Лазарев Борис Петрович (1882—1938) — офицер Гвардейской конной артиллерии. 23 февраля 1904 г. — 2-й ИП за бой на штыках, 21 декабря 1905 г. — 2-й ИП за бой на эскадронах, 21 апреля 1906 г. — 2-й ИП за бой на рапирах и 1-й ИП за бой на штыках, 12 апреля 1907 г. — 1-й ИП за бой на рапирах и 1-й ИП на бой на эскадронах. В феврале—марте 1904 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате завоевал 2-й приз (большую серебряную медаль) в фехтовании на эскадронах и 3-й приз (малую серебряную медаль) в фехтовании на рапирах. 20 июля 1904 г. в Красном Селе выиграл окружную скачку на призы военного министерства, 8-вёрстный охотничий пробег и 1-вёрстную гладкую скачку, получил 2-й приз за 2-вёрстный стиль-чез. 6 августа 1904 г. в Красном Селе получил 2-й приз за 3-вёрстную

скачку с препятствиями, 3-й приз за большую 4-вёрстную скачку с препятствиями на Императорские призы. В чине поручика Гвардейской конноартиллерийской бригады 8 февраля 1907 г. командирован в г. Гаагу на международный военный фехтовальный турнир и награждён: 9-м призом (из 9 участников) — бронзовым кубком за бой на рапирах; малым бронзовым кубком за групповой бой на саблях; малым бронзовым кубком за групповой бой на рапирах. В феврале 1908 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате в Петербурге завоевал 1-й приз в фехтовании на рапирах и 2-й приз в фехтовании на эспадронах. 9 апреля 1909 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате в Петербурге завоевал 1-й приз — малую золотую медаль — в фехтовании на эспадронах; также 1-й приз — большую золотую медаль — в фехтовании на рапирах и звание чемпиона России, поскольку и в прошлом году он был первым в этой дисциплине. Среди боевых наград орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (1915) и Георгиевское оружие (1915).

Мордовин Александр Павлович (1873—1938) — офицер л.-гв. Павловского полка. 29 апреля 1898 г. — 2-й ИП за бой на эспадронах и 2-й ИП за бой на штыках, 24 апреля 1899 г. — 1-й ИП за бой на штыках, 26 января 1900 г. — 1-й ИП за бой на эспадронах, 4 мая 1903 г. — 2-й ИП за бой на рапирах, 27 апреля 1905 г. — 1-й ИП за бой на рапирах. Отличный стрелок, имел 1 первый и 4 вторых ИПВ, дважды выполнял условие для получения Императорского приза за стрельбу. На любительском атлетическом чемпионате в Петербурге в апреле 1900 г. занял 1-е место в фехтовании на эспадронах. В марте 1903 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате в Петербурге завоевал 2-й приз (большую серебряную медаль) в фехтовании на рапирах. В феврале—марте 1904 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате в Петербурге завоевал большую золотую медаль и звание чемпиона в фехтовании на эспадронах, а также 1-й приз (малую золотую медаль) в фехтовании на рапирах. В феврале 1905 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате в Петербурге завоевал большие золотые медали и звание чемпиона в фехтовании на рапирах и эспадронах. 8 февраля 1907 г. командирован в г. Гаагу на международный военный фехтовальный турнир и награждён малым бронзовым кубком за групповой бой на саблях. В 1912 возглавлял российскую делегацию на играх 5-й Олимпиады в Стокгольме.

Из приведённых выше биографических справок Б. П. Лазарева и А. П. Мордовина следует, что они имели по два приза (первый и второй) в каждом из трёх видов оружия, как и предусматривалось правилами.

Что же касается третьего обладателя шести фехтовальных призов В. В. Андреева, то, согласно уточнённым сведениям из Приказаний войскам Варшавского военного округа и отчётов в прессе (газеты «Варшавский дневник», «Русский инвалид»), он получал призы за фехтование в такой последовательности:

30 апреля 1901 г. — 2-й приз за бой на саблях — шашка;

30 апреля 1903 г. — 1-й приз за бой на саблях;

17 мая 1907 г. — 1-й приз за бой на рапирах;

19 (20—21?) мая 1908 г. — 1-й Императорский приз за бой на саблях и 2-й Императорский приз за бой на рапирах;

31 мая 1913 г. — 1-й Императорский приз за бой на рапирах.

То есть, Андреев трижды награждался за бои на саблях и трижды за бои на рапирах, за фехтование на штыках призов не получал и, таким образом, имел право только на ношение знака «За бой на двух оружиях».

Право на ношение знака «За бой на трёх оружиях», разумеется, имели и те офицеры, которые завоевали 5 призов за фехтовальный бой и состояли в военной службе после 1897 г.:

Артемов Петр Васильевич (1863—?) — офицер л.-гв. Гренадерского полка. 3 мая 1890 г. — 2-й ИП за бой на эспадронах, 1 мая 1891 г. — 1-й ИП за бой на эспадронах, 23 апреля 1892 г. — 2-й ИП за бой на рапирах и 2-й ИП за бой на штыках, 15 апреля 1893 г. — 1-й ИП за бой на штыках. Отличный стрелок, имел 1 первый ИПР и 1 первый ИПВ, 5 раз выполнял условие для получения Императорского приза за стрельбу из винтовки.

Сакирич Георгий Павлович (?—1942) — офицер-инструктор Главной гимнастическо-фехтовальной школы в Петербурге. 30 апреля 1910 г. — 2-й ИП за бой на штыках, 1 мая 1910 г. — 2-й ИП за бой на эспадронах, 27 или 28 апреля 1912 г. — 1-й ИП за бой на штыках, 21 или 22 декабря 1912 г. — 2-й ИП за бой на рапирах, 25 апреля 1913 г. — 1-й ИП за бой на рапирах. Дважды выполнял условие для получения Императорского приза за стрельбу из револьвера. 30 июля 1910 г. на турнире ГГФШ завоевал золотую медаль в фехтовании на эспадронах, серебряную медаль в фехтовании на штыках. Член сборной команды России по фехтованию на Олимпийских играх 1912 г. в Стокгольме, участвовал

в состязаниях на саблях. 4–15 февраля 1913 г. на состязаниях офицеров-фехтовальщиков в Петербурге завоевал 2-й приз в фехтовании на эспадронах. 4 апреля 1913 г. на турнире спортивных обществ и ГГФШ в Петербурге занял 4-е место в боях на эспадронах, 2-е место в боях на штыках и 2-е место в боях на рапирах. В 1913 г. на Российской Олимпиаде в Киеве завоевал первое место в личных соревнованиях на рапирах и эспадронах, второе место — на саблях и ружьях; также был награждён специальным призом члена Киевского олимпийского комитета графа А. Н. Тышкевича за бой на рапирах. 4 октября 1913 г. в Риге на турнире Рижского спортивного общества «Унион» завоевал 1-й приз — бронзовую императорскую медаль — в бою на рапирах и 2-й приз — жетон — в бою на эспадронах. 1 февраля 1914 г. на фехтовальном турнире в Петербурге завоевал 2-й приз в фехтовании на эспадронах, 3 февраля — 1-й приз в фехтовании на шпагах. 3 марта 1914 г. на турнире ГГФШ занял 3-е место в фехтовании на саблях. 19 марта 1914 г. на состязаниях в Петербурге занял 1-е места в состязаниях на рапирах, шпагах и саблях. Среди боевых наград имел орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (1915).

Тюнегов 1-й Алексей Александрович (1853–1918) — офицер кадрового батальона л.-гв. Резервного пехотного полка. 3 апреля 1880 г. — 2-й ИП за бой на рапирах, 28 января 1881 г. — 1-й ИП за бой на рапирах и 2-й ИП за бой на штыках, 27 апреля 1882 г. — 1-й ИП за бой на штыках, 26 апреля 1883 г. — 2-й ИП за бой на палашах. Отличный стрелок, имел 2 первых и 2 вторых ИПВ, 1 первый ИПР. С 1901 г. генерал-майор. В 1907 г. вышел в отставку. Последний председатель Псковского общества любителей спорта. Расстрелян красными в Пскове в ночь с 30 ноября на 1 декабря 1918 г.

Шкилев Александр Николаевич (1889–1914) — офицер 24-го пехотного Симбирского полка. На состязаниях 28–30 апреля 1911 г. в Варшаве — 2-й ИП за бой на саблях, на состязаниях 27–28 апреля 1912 г. в Петербурге — 1-й ИП за бой на эспадронах, 17 апреля 1914 г. в Петербурге — 2-й ИП за бой на рапирах, на состязаниях 29 апреля — 1 мая 1914 г. в Варшаве — 1-й ИП за бой на рапирах и 2-й ИП за бой на штыках. В 1912 г. член сборной команды России по фехтованию на Олимпиаде в Стокгольме. В марте 1913 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате в Петербурге завоевал 1-й приз — большую золотую

медаль — в фехтовании на эспадронах и звание чемпиона России. В 1913 г. на Российской Олимпиаде в Киеве завоевал первое место в личных соревнованиях на саблях, второе место — на рапирах и эспадронах; также был награждён специальным призом Киевского городского общественного управления за отличное владение саблей. 25—27 февраля 1914 г. на Всероссийском чемпионате по фехтованию в Петербурге завоевал 2-й приз (большую серебряную медаль) в фехтовании на рапирах и большую золотую медаль и звание чемпиона России в фехтовании на саблях. В 1914 г. на 2-й Российской Олимпиаде в Риге завоевал первое место в личных соревнованиях на рапирах и эспадронах. Геройски погиб в августовских боях в Восточной Пруссии. Зарубил шашкой в бою нескольких немецких солдат, был убит ударом тесака в затылок. Найден на поле боя с окровавленной шашкой в руке.

Среди тех, кто имел 4 фехтовальных приза, также были те, кто побеждал в состязаниях на трёх видах оружия:

Столица Сергей Константинович (1870—?) — офицер л.-гв. Егерского полка. 16 апреля 1896 г. — 2-й ИП за бой на рапирах, 29 апреля 1898 г. — 1-й ИП за бой на рапирах, 14 января 1899 г. — 2-й ИП за бой на эспадронах, 26 января 1900 г. — за бой на штыках. Отличный стрелок, 5 раз выполнял условие для получения Императорского приза за стрельбу из винтовки. На состязаниях Санкт-Петербургского атлетического общества 28 января 1901 г. занял 3-е место в боях на рапирах и 2-е место в боях на эспадронах.

Менгден Георгий Федорович (1836—1902) — офицер Кавалергардского полка. 12 апреля 1861 г. — 2-й ИП за бой на рапирах, 6 марта 1862 г. — 1-й ИП за бой на эспадронах и 1-й ИП за бой на штыках, 12 апреля 1869 г. — 1-й ИП за бой на рапирах. С 1891 г. генерал-лейтенант.

Хвастунов Сергей Спиридонович (1852—1904) — офицер л.-гв. Московского полка. 3 апреля 1880 г. — 2-й ИП за бой на рапирах и 2-й ИП за бой на штыках, 27 апреля 1882 г. — 1-й ИП за бой на палашах, 29 апреля 1885 г. — 1-й ИП за бой на рапирах. В чине полковника, командира 1-го Восточно-Сибирского стрелкового полка погиб в бою во время русско-японской войны. Среди боевых наград орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (1878).

Были еще два офицера, имевшие призы во всех трёх видах оружия — В. Э. Сакс (1838—?) и М. К. Тимирязев (?—?), но Сакс еще в 1880 г. вышел в отставку, а Тимирязев к 1896 г. уже состоял в гражданской службе.

Таким образом, установлено, что только 9 офицеров, фамилии которых указаны выше, являлись обладателями знака «За бой на трёх оружиях», являющегося, вероятно, самым редким призовым знаком, носившимся на ножах холодного оружия. Следует иметь в виду, что П. В. Артемьев, А. А. Тюнегов 1-й, Г. Ф. Менгден и С. С. Хвастунов в 1897 г. сразу получили право на знак «За бой на 3-х оружиях», четыре офицера в определённые, весьма короткие периоды времени имели право на знак «За бой на 2-х оружиях»:

- Б. П. Лазарев — с 23 февраля 1904 г. по 26 апреля 1906 г.;
- А. П. Мордовин — с 29 апреля 1898 г. по 26 января 1900 г.;
- Г. П. Сакирич — с 1 мая 1910 г. по 22 декабря 1912 г.;
- С. К. Столица — с 14 января 1899 г. по 26 января 1900 г.

Что же касается А. Н. Шкилева, то он в апреле 1914 г. в течение двух недель в Петербурге и Варшаве завоевал призы во втором (рапиры) и третьем (штыки) видах оружия и, получив знак «За бой на 2-х оружиях» 17 апреля, вряд ли успел им воспользоваться.

Право на ношение знака «За бой на 2-х оружиях» в период с октября 1897 г. до 1917 г. имели еще 32 офицера, для которых такой результат стал высшим достижением.

Андреев Владимир Владимирович (1878—1940) — офицер л.-гв. Волынского полка. Право на позолоченный знак с 17 мая 1907 г. Отличный стрелок, имел один первый ИПВ. На Всероссийском любительском атлетическом чемпионате в Петербурге в апреле 1900 г. занял 3-е место в фехтовании на рапирах. На Всероссийском любительском атлетическом чемпионате в Петербурге в апреле 1901 г. получил 4-й приз в фехтовании на рапирах. В феврале 1907 г. командирован в г. Гаагу на международный военный фехтовальный турнир, где награжден 5-м призом (из 12 участников) — серебряным кубком за бой на саблях. Член сборной команды России по фехтованию на Олимпийских играх 1912 г. в Стокгольме, участвовал в состязаниях на саблях.

Арсеньев Борис Николаевич (1888—?) — офицер 19-го мортирного артиллерийского дивизиона. На состязаниях 27—28 апреля 1912 г. — 2-й ИП за бой на эспадронах, 25 апреля

1913 г. — 2-й ИП за бой на рапирах и право на серебряный знак. Член сборной команды России по фехтованию на Олимпийских играх 1912 г. в Стокгольме, участвовал в состязаниях на саблях. 4 апреля 1913 г. на турнире спортивных обществ и ГГФШ в Петербурге занял 2-е место в боях на эспадронах. В составе команды ГГФШ 4 октября 1913 г. в Риге на турнире Рижского спортивного общества «Унион» завоевал 3-й приз — жетон — в бою на эспадронах. 25 ноября 1913 г. на состязаниях офицеров-фехтовальщиков в Петербурге завоевал 1-й приз в фехтовании на эспадронах. 1 февраля 1914 г. на фехтовальном турнире в Петербурге завоевал 3-й приз в фехтовании на эспадронах. Среди боевых наград орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (1915).

Балутин Ростислав Неофитович (?—?) — офицер 18-й артиллерийской бригады. 1 мая 1912 г. в Варшаве — 2-й ИП за бой на саблях, 1 мая 1914 г. в Варшаве — 2-й ИП за бой на рапирах и право на серебряный знак. Имел орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (1914).

Бочманов Дмитрий Семенович (1883—1919) — офицер Выборгской крепостной артиллерии. 20 апреля 1909 г. — 2-й ИП за бой на саблях и 2-й ИП за бой на штыках, право на серебряный знак.

Вяткин Дмитрий Всеволодович (1891—1915) — офицер л.-гв. Павловского полка. 27 апреля 1912 г. — 2-й ИП за бой на рапирах, 26 апреля 1913 г. — 2-й ИП за бой на штыках и право на серебряный знак. 4 апреля 1913 г. на турнире спортивных обществ и ГГФШ в Петербурге занял 4-е место в боях на шпагах. В апреле 1913 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате в Петербурге завоевал 1-й приз — малую золотую медаль в фехтовании на рапирах. Участвовал в первой российской Олимпиаде, проходившей 23—24 августа 1913 г. в Киеве, и занял третье место в фехтовании на ружьях. 21 ноября 1913 г. на состязаниях офицеров-фехтовальщиков в Петербурге завоевал 1-й приз в фехтовании на рапирах. Среди боевых наград орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (1914). Георгиевским оружием награжден по смертно 15.01.1917 г.

Гибер-фон-Грейфенфельс Аполлон Адольфович (1887—?) — офицер 7-го драгунского Кинбурнского полка. 1 мая 1910 г. в Варшаве — 2-й ИП за бой на саблях, 1 мая 1912 г. в Варшаве — 1-й ИП за бой на саблях, 2-й ИП за бой на рапирах и право на серебряный знак, на состязаниях 29—31 мая 1913 г. в Варшаве — 1-й

ИП за бой на рапирах, право на позолоченный знак. В составе российской спортивной делегации участвовал в Олимпийских играх 1912 г. Соревновался в индивидуальном турнире по фехтованию на сабле, дошёл до полуфинала, где занял четвёртое место. В командных соревнованиях занял девятое место. Среди боевых наград орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость».

Говорский Павел Ипполитович (1881—1918) — поручик 17-й артиллерийской бригады. 2 мая 1909 г. в Варшаве — 1-й ИП за бой на саблях, 1 мая 1910 г. — 2-й ИП за бой на рапирах и право на серебряный знак. Член сборной команды России по фехтованию на Олимпийских играх 1912 г. в Стокгольме, участвовал в состязаниях на рапирах и шпагах.

Гордеев Георгий Григорьевич (1877—1918) — офицер Уральского казачьего войска. 27 апреля 1905 г. — 2-й ИП за бой на эспадронах, 21 апреля 1906 г. — 1-й ИП за бой на эспадронах, 20 апреля 1909 г. — 2-й ИП за бой на рапирах и право на серебряный знак. В феврале 1905 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате в Петербурге завоевал 3-й приз в фехтовании на эспадронах. В чине подъесаула л.-гв. Сводно-Казачьего полка 8 февраля 1907 г. командирован в г. Гаагу на международный военный фехтовальный турнир, где награжден малым бронзовым кубком за групповой бой на саблях. 9 апреля 1909 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате в Петербурге завоевал 2-й приз в фехтовании на рапирах. Среди боевых наград орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость».

Греков Алексей Кириллович (1873—1918) — офицер Николаевского кавалерийского училища. 24 апреля 1899 г. — 2-й ИП за бой на эспадронах, 30 января 1901 г. — 1-й ИП за бой на эспадронах, 29 апреля 1902 г. — 2-й ИП за бой на рапирах и право на серебряный знак. В апреле 1902 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате завоевал 1-й приз в фехтовании на рапирах. Генерал от кавалерии. Среди боевых наград Георгиевское оружие (1915).

Демяник Александр Владимирович (1884—?) — офицер Николаевского кавалерийского училища. 19 декабря 1911 г. — 2-й ИП за бой на рапирах, на состязаниях 21—22 декабря 1912 г. — 2-й ИП за бой на эспадронах и право на серебряный знак. Имел первый и второй ИПР. В марте 1911 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате в Петербурге завоевал 2-й приз — большую серебряную медаль — в фехтовании на рапирах.

В апреле 1912 г. на чемпионате Санкт-Петербургского атлетического общества в состязаниях по стрельбе завоевал 1-й и 3-й призы в стрельбе из пистолета, 4-й приз в стрельбе из винтовки, 3-й приз (жетон) и 2-й приз (плакетку) в дуэльной стрельбе. 4—15 февраля 1913 г. на состязаниях офицеров-фехтовальщиков в Петербурге завоевал 2-й приз в фехтовании на рапирах. 4 апреля 1913 г. на турнире спортивных обществ и ГГФШ в Петербурге занял 1-е место в боях на шпагах. В марте или апреле 1913 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате в Петербурге завоевал 4-й приз — бронзовую медаль — в фехтовании на рапирах и 3-й приз — малую серебряную медаль — в фехтовании на эспадронах. В чине подьесаула Николаевского кавалерийского училища на олимпиаде в Риге в 1914 г. занял второе место в стрельбе из револьверов и автоматических пистолетов на 50 м по мишени 50 см.

Дехтерёв Владимир Георгиевич (1879—?) — штабс-капитан 16-й артиллерийской бригады. 2 мая 1909 г. в Варшаве — 2-й ИП за бой на саблях, 1 мая 1910 г. в Варшаве — 1-й ИП за бой на саблях, 2-й ИП за бой на штыках и право на серебряный знак. 9 апреля 1909 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате в Петербурге завоевал 3-й приз в фехтовании на эспадронах. В марте 1910 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате в Петербурге завоевал 1-й приз — малую золотую медаль — в фехтовании на эспадронах. Среди боевых наград орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (1915) и Георгиевское оружие (1916).

Зеленский Михаил Михайлович (1866—?) — офицер л.-гв. Сапёрного батальона. 29 апреля 1900 г. — 2-й ИП за бой на штыках, 26 апреля 1901 г. — 2-й ИП за бой на рапирах и право на серебряный знак. Имел второй ИПР. В 1899 г. на Всероссийском чемпионате по стрельбе из пистолета (7 пуль, 16 метров) завоевал 3-й приз — малую серебряную медаль. В 1900 г. на Всероссийском чемпионате по стрельбе из пистолета (7 пуль, 16 метров) завоевал 3-й приз — малую серебряную медаль. В 1901 г. на Всероссийском чемпионате по стрельбе из пистолета (7 пуль, 16 метров) завоевал 4-й приз — бронзовую медаль. В апреле 1902 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате завоевал 3-й приз в фехтовании на рапирах.

Карелов Александр Александрович (1887—?) — хорунжий л.-гв. Атаманского полка. 17 декабря 1908 г. — 2-й ИП за бой на

эскадронах, 2-й ИП за бой на штыках и право на серебряный знак. Имел первый ИПВ. Среди боевых наград орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (1915).

Киреев Александр Алексеевич (1833—1910) — штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка. 9 января 1861 г. — 1-й ИП за бой на рапирах и 2-й ИП за бой на эскадронах, 12 апреля 1861 г. — 1-й ИП за бой на эскадронах. Право на позолоченный знак с 1897 г. Генерал от кавалерии (1907). Принципиальный сторонник дуэли и общепризнанный знаток дуэльного этикета, в 1894—1896 гг. разрабатывал дуэльный кодекс для армии, в 1908 г. руководил знаменитой дуэлью двух генерал-лейтенантов А. Фока и К. Смирнова. Владелец большой коллекции холодного оружия.

Княжевич Дмитрий Максимович (1874—1918) — подполковник Генерального штаба. 12 апреля 1907 г. — 2-й ИП за бой на эскадронах, 17 декабря 1908 г. — 2-й ИП за бой на рапирах и право на серебряный знак. Член сборной команды России по фехтованию на Олимпийских играх 1912 г. в Стокгольме, участвовал в состязаниях на рапире. Генерал-майор (1915). Среди боевых наград орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (1905), Георгиевское оружие (1917).

Козеровский Казимир Иосифович (?—?) — офицер армейской артиллерии. 1 мая 1910 г. в Варшаве — 2-й ИП за бой на саблях, 18 апреля 1914 г. — 2-й ИП за бой на штыках и право на серебряный знак. 25 ноября 1913 г. на состязаниях офицеров-фехтовальщиков в Петербурге завоевал 2-й приз в фехтовании на эскадронах. 25—27 февраля 1914 г. на Всероссийском чемпионате по фехтованию в Петербурге завоевал 2-й приз в фехтовании на саблях.

Костыгов Владимир Александрович (1877—?) — офицер Пажеского корпуса. 20 апреля 1909 г. — 2-й ИП за бой на саблях, 2-й ИП за бой на штыках и право на серебряный знак.

Кузнецов Николай Никандрович (?—?) — штабс-ротмистр 2-го лейб-гусарского Павлоградского полка. 30 апреля 1910 г. — 2-й ИП за бой на рапирах, 2-й ИП за бой на эскадронах и право на серебряный знак. В марте 1910 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате в Петербурге завоевал 2-й приз — большую серебряную медаль — в фехтовании на эскадронах. 30 июля 1910 г. на турнире ГГФШ завоевал бронзовую медаль в фехтовании на эскадронах, серебряную медаль в фехтовании на рапирах. Член сборной команды России по фехтованию на

Олимпийских играх 1912 г. в Стокгольме, участвовал в состязаниях на саблях. 4 апреля 1913 г. на турнире спортивных обществ и ГГФШ в Петербурге занял 3-е место в боях на эспадронах.

Куницкий Александр-Мечислав Иосифович (1876—?) — офицер армейской кавалерии. 27 апреля 1905 г. — 2-й ИП за бой на эспадронах, 30 апреля 1910 г. — 2-й ИП за бой на рапирах и право на серебряный знак. В 1908 г. участвовал также в состязаниях на призы в Варшаве. 30 июля 1910 г. на турнире ГГФШ завоевал серебряную медаль в фехтовании на эспадронах, серебряную медаль в фехтовании на рапирах. Среди боевых наград орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (1915).

Курбатов Иван Николаевич (?—?) — офицер Главной гимнастическо-фехтовальной школы. На состязаниях 21—22 декабря 1912 г. — 2-й ИП за бой на штыках, 18 апреля 1914 г. — 2-й ИП за бой на саблях и право на серебряный знак. 3 февраля 1914 г. на фехтовальном турнире в Петербурге завоевал 1-й приз в фехтовании на штыках.

Лепарский Пиус Зиновьевич (?—?) — офицер армейской пехоты. 1 мая 1904 г. в Варшаве — 2-й ИП за бой на эспадронах, 2 мая 1909 г. в Варшаве — 2-й ИП за бой на саблях, на состязаниях 28—30 апреля 1911 г. в Варшаве — 2-й ИП за бой на рапирах и право на серебряный знак, 1 мая 1912 г. в Варшаве — 1-й ИП за бой на саблях. Член сборной команды России по фехтованию на Олимпийских играх 1912 г. в Стокгольме, участвовал в состязаниях на рапире.

Муфтий-Заде Исмаил Мурза (1841—1917) — офицер гвардейских казачьих войск. 2 апреля 1864 г. — 2-й ИП за бой на эспадронах, 24 июля 1866 г. — 2-й ИП за бой на штыках, в этот же день (!) завоевал 2-й ИПВ. 20 апреля 1893 г. произведён в полковники с увольнением от службы с мундиром (на это обращаем внимание) и пенсией. Право на серебряный знак с 1897 г.

Носович Анатолий Леонидович (1878—1968) — офицер л.-гв. Уланского его величества полка. 15 января 1903 г. — 2-й ИП за бой на эспадронах, на состязаниях 17—19 мая 1907 г. в Варшаве — 1-й ИП за бой на саблях, 2-й ИП за бой на рапирах и право на серебряный знак. В феврале 1908 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате в Петербурге завоевал 3-й приз в фехтовании на рапирах и 1-й приз в фехтовании на эспадронах. Неоднократно брал первые призы в офицерских скачках. 9 апреля 1909 г. на Всероссийском любительском спортивном

чемпионате в Петербурге завоевал 3-й приз в фехтовании на рапирах. Среди боевых наград Георгиевское оружие (1916).

Переслени Модест Михайлович (1889—1938) — офицер л.-гв. Волынского полка. 1 мая 1910 г. в Варшаве — 2-й ИП за бой на штыках, на состязаниях 29—31 мая 1913 г. в Варшаве — 2-й ИП за бой на саблях и право на серебряный знак. Среди боевых наград орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (1915).

Субботин Владимир Федорович (1874—1937) — офицер инженерных войск. 14 января 1899 г. — 2-й ИП за бой на штыках, 21 декабря 1905 г. — 1-й ИП за бой на штыках, 21 декабря 1907 г. — 2-й ИП за бой на рапирах и право на серебряный знак. Генерал-майор (1915).

Сутулов Александр Михайлович (1881—1958) — офицер Николаевского кавалерийского училища. 17 декабря 1908 г. — 2-й ИП за бой на эскадронах, 20 декабря 1909 г. — 1-й ИП за бой на эскадронах, на состязаниях 25—26 апреля 1911 г. — 2-й ИП за бой на рапирах и право на серебряный знак. 9 апреля 1909 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате в Петербурге завоевал 2-й приз в фехтовании на эскадронах.

Фельдман Дмитрий Владимирович (1887—?) — офицер армейской кавалерии. На состязаниях 28—30 апреля 1911 г. в Варшаве — 2-й ИП за бой на саблях, 19 декабря 1913 г. — 2-й ИП за бой на рапирах и право на серебряный знак. 4—15 февраля 1913 г. на состязаниях офицеров-фехтовальщиков в Петербурге завоевал 3-й приз в фехтовании на эскадронах. 4 апреля 1913 г. на турнире спортивных обществ и ГГФШ в Петербурге занял 1-е место в боях на эскадронах и 5-е место в боях на рапирах. 21 ноября 1913 г. на состязаниях офицеров-фехтовальщиков в Петербурге завоевал 2-й приз в фехтовании на шпагах. 31 января 1914 г. на фехтовальном турнире в Петербурге завоевал 3-й приз в фехтовании на рапирах. 3 марта 1914 г. на турнире ГГФШ завоевал 2-й приз (пару шпаг) в фехтовании на саблях. 19 марта 1914 г. на состязаниях в Петербурге занял 3-е место в боях на рапирах и на шпагах. Среди боевых наград орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость».

Хорошкин Владимир Георгиевич (1863—1914) — офицер л.-гв. Уральского казачьего эскадрона. 26 апреля 1894 г. — 2-й ИП за бой на палашах, 16 апреля 1896 г. — 1-й ИП за бой на эскадронах, 26 января 1900 г. — 2-й ИП за бой на рапирах и право на серебряный знак. Имел первый и второй ИПВ, три вторых ИПР.

Шатилов Павел Николаевич (1881–1962) — хорунжий л.-гв. Казачьего полка. 15 января 1903 г. — 2-й ИП за бой на рапирах, 2-й ИП за бой на штыках и право на серебряный знак. Генерал от кавалерии (1920). Среди боевых наград орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» (1904), Георгиевское оружие (1915).

Шведлер Василий Васильевич (1870–?) — штабс-капитан Главного управления казачьих войск. 29 апреля 1902 г. — 2-й ИП за бой на штыках, 15 января 1903 г. — 2-й ИП за бой на эскадронах и право на серебряный знак, 4 мая 1903 г. — 1-й ИП за бой на эскадронах, право на позолоченный знак. В апреле 1902 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате завоевал 1-й приз в фехтовании на эскадронах. В марте 1903 г. на Всероссийском любительском спортивном чемпионате завоевал 1-й приз (большую золотую медаль) и звание чемпиона России в фехтовании на эскадронах.

Эристов Давид Евстафьевич (1843–1910) — князь, офицер гвардейской кавалерии. 11 марта 1863 г. — 2-й ИП за бой на эскадронах, 2 апреля 1864 г. — 1-й ИП за бой на эскадронах, 15 января 1872 г. — 2-й ИП за бой на рапирах. Право на серебряный знак с 1897 г. Генерал от кавалерии (1906). Среди боевых наград золотая шашка с надписью «За храбрость» (1878).

Яковлев Анатолий Михайлович (1884–?) — офицер 15-го драгунского Александрийского полка. На состязаниях 17–19 мая 1907 г. в Варшаве — 1-й ИП за бой на саблях, 21 мая 1908 г. в Варшаве — 1-й ИП за бой на саблях, 2 мая 1909 г. в Варшаве — 2-й ИП за бой на рапирах и право на серебряный знак. Член сборной команды России по фехтованию на Олимпийских играх 1912 г. в Стокгольме, участвовал в состязаниях на рапирах.

На основе приведённых выше данных о 41 обладателе знаков «За бой на двух оружиях» и «За бой на трёх оружиях» можно сделать следующие выводы:

1. Сочетание знака 1-го Императорского приза на эфесе личного холодного оружия и одного из этих знаков на ножнах было возможно только у 24 из них, причем вензель А II на знаке мог быть только у А. А. Тюнегова, Г. Ф. Менгдена, А. А. Киреева и Д. Е. Эристова, вензель А III — только у П. В. Артемьева и С. С. Хвастунова, у остальных из этой группы на знаке был вензель Н II.

2. Только четыре человека были отмечены так называемым двойным награждением оружием с надписью «За храбрость» — орденом Св. Анны 4 ст. и Георгиевским оружием. Это генерал-майор Д. М. Княжевич, генерал от кавалерии П. Н. Шатилов, полковник Б. П. Лазарев и подполковник В. Г. Дехтерёв, причем генералы имели только вторые Императорские призы, т. е. серебряные ленты с надписью «За фехтовальный бой», до 1910 г. на верхней втулке рукояти оружия, после 1910 г. — на ножнах. Генерал-майор Княжевич погиб в боях с красными, а Шатилов в 1920 г. покинул Россию и вывез с собой личное оружие¹⁶. Обладатель шести призов Б. П. Лазарев, единственный (!) в русской армии офицер, имевший оружие двойного награждения и знак «За бой на трёх оружиях», участвовал в Белом движении, затем служил в РККА. В 1938 г. был расстрелян в Ленинграде. Его оружие наверняка было изъято при аресте и, вероятно, бесследно исчезло. Как сложилась после революции судьба В. Г. Дехтерёва, выяснить не удалось. Но, пожалуй, можно считать, что вероятность встретить холодное оружие так называемого двойного награждения с призовым знаком «За бой на трёх оружиях» или «За бой на двух оружиях» на ножнах практически стремится к нулю.

3. Среди остальных офицеров и генералов этой группы награжденным оружием были также отмечены: орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» 11 человек — Г. П. Сакирич, С. С. Хвастунов, Б. Н. Арсеньев, Р. Н. Балутин, Д. В. Вяткин, А. А. Гибер-фон-Грейфенфельс, Г. Г. Гордеев, А. А. Карелов, А. И. Куницкий, М. М. Переслени, Д. В. фон Фельдман; золотым оружием — только князь Д. Е. Эристов; Георгиевским оружием, исключая штабс-капитана Д. В. Вяткина, награждённого посмертно, 2 человека — А. К. Греков и А. Л. Носович. Подчеркнём, что наличие знака 1-го Императорского приза на вызолоченном эфесе с надписью «За храбрость», но без «георгиевского» декора, и знака «За бой на двух оружиях» на ножнах было возможно только в период с ноября 1897 г. по июнь 1910 гг., и только у одного (!) человека в русской армии — генерал-лейтенанта, с 1906 г. генерала от кавалерии князя Д. Е. Эристова.

4. Несколько человек из этой группы были удостоены Императорских призов за стрельбу из винтовок и револьверов, поэтому имели право носить на ножнах холодного оружия еще и соответствующие специальные призовые знаки, введенные

в 1904 и 1906 г.¹⁷ Один из них, хорунжий, а затем подьесаул л.-гв. Атаманского полка А. А. Карелов был единственным (!) офицером в русской армии, у которого личное холодное оружие со знаком ордена Св. Анны 4 ст. и надписью «За храбрость» на эфесе имело на ножнах знак «За бой на двух оружиях», а также знаки 1-го Императорского приза за стрельбу из винтовки.

В фехтовальных состязаниях на призы в 1870-х — 1880-х гг. очень редко, но все же участвовали и морские офицеры, а один из них, мичман 8-го флотского экипажа Балтийского флота **Сергей Константинович Овчинников**, 14 января 1883 г. завоевал второй приз в состязаниях на рапирах¹⁸. Т. е., существовал, по крайней мере, один экземпляр морской офицерской сабли обр. 1855 г. с серебряной накладной лентой на планке рукояти с надписью «За фехтовальный бой» и с соответствующей надписью на клинке.

Меньше всего первых фехтовальных призов — 25 — было получено при Александре III, соответственно и знаков 1-го приза с вензелем А III было изготовлено меньше, чем знаков с вензелями А II и Н II.

К настоящему времени автору известны 19 сохранившихся экземпляров офицерского призового оружия за фехтование, имевшего неофициальный (до 1897) или официальный статус Императорских призов и принадлежавшего 18 установленным персонажам:

11 — в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, опубликованы автором статьи в книге «Русские именные клинки». В музее имеются также: серебряный знак 1-го приза с датой «1870», изготовленный знаменитой петербургской мастерской П. А. Фокина (ВИМАИВиВС ОЦИФ 20/5642); серебряный знак «За бой на 2-х оружиях» (ВИМАИВиВС ОЦИФ 117/191);

1 — в Государственном Эрмитаже (предполагается опубликовать его в готовящейся книге «Лучшие фехтовальщики русской армии 1861—1914 гг. История. Призы. Биографии»);

1 — в Центральном музее Вооружённых сил в Москве (также предполагается опубликовать его в готовящейся книге);

1 — в музее л.-гв. Казачьего полка в Курбевуа во Франции, опубликован в книге о холодном оружии донских казаков (см. примеч. 16);

5 — в частных коллекциях в России и СНГ, два из них принадлежали одному человеку. Три из этих четырёх предметов опубликованы¹⁹. Особенно интересен приз, опубликованный в книге «Шедевры и раритеты клинкового оружия...», хранившийся в довольно большой и известной частной коллекции в Санкт-Петербурге. Это оружие с прямым декорированным клинком немецкого производства и эфесом офицерской драгунской сабли обр. 1841 г., на котором укреплен знак 1-го приза за фехтовальный бой с датой «1870». Надписи о награждении, позволяющей идентифицировать личность владельца, на клинке нет! Подлинность оружия и призового знака никогда не вызывали сомнений. Если это не так называемый демонстрационный экземпляр, который, например, предлагался в одном из петербургских магазинов офицерских вещей в качестве образца, то, значит, принадлежал единственному офицеру, удостоенному 1-го приза в 1870 г. — поручику 92-го пехотного Печорского полка и Учебного пехотного батальона Е. К. Томилину, который был награждён 3 апреля 1870 г. за бой на эскадронах. Четыре других участника этих состязаний получили вторые призы в разных видах оружия.

Известны еще хранящиеся в Государственном историческом музее 4 экземпляра со знаками 1-х призов на эфесах, изготовленные после 1881 г., вероятно, в качестве образцов для рассмотрения и предполагавшегося утверждения²⁰.

Как уже говорилось, всего с января 1861 г. по весну 1914 г. призами за фехтовальный бой в Санкт-Петербурге и Варшаве (с 1896 г.) были награждены 278 офицеров, всего завоёвано 465 призов. Количество фактически существовавшего офицерского холодного оружия с призовыми знаками за фехтование вряд ли намного превышало 600 единиц. Возможно, к упомянутым выше 19 экземплярам добавятся еще несколько предметов из музейных и частных коллекций. Даже в таком случае это ничтожно малое число по сравнению, например, с традиционно считающимся редким и высоко ценимым наградным оружием.

Приведённые выше статистические данные, уникальность известных к настоящему времени 19 именных фехтовальных призов дают все основания отнести призовое оружие за фехтовальные состязания 1861—1914 гг. к исключительно редким отечественным оружейным памятникам, культурным ценностям, имеющим особое значение.

- ¹ Кулинский А. Н. Призовые стрельба и фехтование офицеров русской армии: история и статистика // Историческое оружие в музейных и частных собраниях. Вып. 2. М.: БукМАрт. 2021. С. 176—199.
- ² Особое приказание по войскам гвардии и Петербургского военного округа № 44 от 21.03.1866.
- ³ Приказ по Отдельному Гвардейскому корпусу № 89 от 13.05.1860.
- ⁴ Приказ по Отдельному Гвардейскому корпусу № 11 от 18.01.1861.
- ⁵ Приказ по Военному ведомству № 284 от 08.08.1870.
- ⁶ Приказ по Отдельному Гвардейскому корпусу № 59 от 14.04.1861 (в приказе ошибочно указан вид оружия — эскадроны); приказ по Отдельному Гвардейскому корпусу № 39 от 08.03.1862.
- ⁷ Приказ по Военному ведомству № 290 от 26.10.1897.
- ⁸ Приказ по Военному ведомству № 152 от 22.06.1895.
- ⁹ Приказание войскам Варшавского военного округа № 119 от 03.05.1897. В обзоре состязаний в Варшаве с 1896 по 1899 г. эти *обыкновенные* призы названы *вторыми* (Варшавский военный фехтовально-гимнастический зал // Русский инвалид. 1899. № 140 от 01.07.1899. Обозначение второго приза как *обыкновенного* упоминалось еще в 1860 г. в приказе по Отдельному Гвардейскому корпусу № 89, но подразумевалось при этом именно призовое оружие.
- ¹⁰ Приказ по Военному ведомству № 603 от 23.11.1907.
- ¹¹ Приказ по Военному ведомству № 13 от 09.01.1910.
- ¹² Особые приказания по войскам гвардии и Петербургского военного округа: № 34 от 03.05.1894; № 38 от 30.04.1896; № 7 от 31.01.1900.
- ¹³ Кулинский А. Н. Русские именные клинки. СПб.: Атлант, 2011. С. 191—193.
- ¹⁴ Там же. С. 200—204.
- ¹⁵ Павлюк К. К. История 51-го пехотного Литовского... полка 1809—1909 гг. Одесса, 1909. Т. II. С. 288, 300, 301.
- ¹⁶ Призовая шашка П. Н. Шатилова, хранящаяся в музее л.-гв. Казачьего полка в Курбева (Франция), опубликована в книге: Кулаков О., Сарычев М., Воронцов М., Гвоздичев А. Холодное оружие донских казаков. Воронеж, 2013. С. 248. На ножнах шашки серебряный знак «За бой на 2-х оружиях», на клинке надпись: *2 Императорский призъ Хорунжему Шатилову за бой на рапирахъ 16 янв. 1903 г.* В надписи почему-то не указан полк, а дата ошибочна, на самом деле состязания состоялись 15 января 1903 г. В этот день Шатилов завоевал еще и второй Императорский приз за бой на штыках. Кстати, у Шатиловых в Тифлисе была большая коллекция оружия, преимущественно кавказского и восточного; судьба ее неизвестна.
- ¹⁷ Приказы по Военному ведомству: № 477 от 08.08.1904; № 696 от 28.11.1906.
- ¹⁸ Русский инвалид. 1883. № 13 от 18.01.
- ¹⁹ Шедевры и раритеты клинкового оружия из фондов музеев Санкт-Петербурга, художественных мастерских и частных коллекций. СПб., 2004. С. 48; Глазков В. В. Наградное и призовое холодное оружие Российской армии. М., 2017. С. 103—107.
- ²⁰ Глазков В. В. Наградное и призовое холодное оружие Российской армии. С. 108—110.

И. В. Курукин (Москва)

РАЗВЕДКА «НИЗОВОГО КОРПУСА» В ИРАНЕ В 1723–1735 ГОДАХ

ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД Петра I в 1722–1723 гг. завершился присоединением к империи полосы западного и южного побережья Каспийского моря с Дербентом, Баку и столицей иранской провинции Гилян Рештом. Османская империя по договору 1724 г. признала завоевания России в Прикаспии, а Россия — завоевания Турции в западном Закавказье.

Начался эксперимент по освоению заморских владений и их богатств. Эта задача выпала на долю экспедиционного «Низового корпуса», насчитывавшего порядка двадцати с лишним тысяч человек. Его офицеры и солдаты подавляли бунты, организовали сбор налогов, собирали сведения о природных ресурсах провинций. Там, где управление было изъято из рук местных ханов и визирей, появились новые административные органы. В Реште находились провинциальная канцелярия и ведавшая дипломатическими отношениями канцелярия персидских дел. В других центрах имелись свои судные канцелярии с участием местных переводчиков и мулл.

За несколько лет командующий в Гиляне (а затем возглавивший весь корпус) генерал-лейтенант Василий Яковлевич Левашов сумел привлечь на службу местных писарей и толмачей; создал туземные силы правопорядка из «доброконных скороходов». Представители этой корпорации, обеспечивавшей в Иране почтовую и курьерскую службу, пошли со своими старостами на русскую службу и вместе с регулярными частями действовали против мятежников и разбойников. Командующему размещёнными на значительном расстоянии по побережью Каспия войсками надо было следить за агрессивными устремлениями турок, иметь

дело с афганскими правителями Ирана и с непризнанным шахом Тахмаспом, объединившим сопротивление завоевателям.

Донесения Левашова, хранящиеся в РГАДА и в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ, показывают, что генералу удалось создать целую разведывательную сеть. «Повсюду шпионы от нас непрестанно отправляютца», — докладывал он императрице Анне Иоанновне в сентябре 1731 г.¹ По крайней мере, с 1726 г. скороходы и прочие шпионы из местных регулярно направлялись из Решта в Ардебиль, Тебриз, Казвин, Исфахан, Хамадан, Мешхед, Кум, Кашан, Шемаху и другие города и через две-три недели возвращались с собранными сведениями и слухами. Приходно-расходные книги канцелярии командующего за 1729—1731 гг. содержат десятки имен этих людей — как армян, так и «мухаметанцев». Среди них «особо верные» армяне Мелкум Бежанов и Егорий Татунов, а также Шаин Иванишев и Хачатур Мечердисов; ардебильцы Кулекол Фагулиев, Ашур Ишанов и Гулям Калфигулиев, Алмамет Ханвердиев, Алагий Садыков и Мелик Халханов из Тебриза, казвинцы Фазлали Маметкулычев и Хамамет Алиев, уроженец Решта Ага Риза Хусейнов, прочие шпионы-«мухаметанцы»: скороходы Керим и Садыр, крестьянин Али Мурад, Угурлы Аллахвердиев, Шабмухамет Хамади, Шихмамет Ханмухаметев, Фарзалий Маметкулычев, Махмед Земанов, Кулакалиф Кулычев, Экбер Калилов, Салий Амирханов, Курбанкулы Алимугаметев, Билий Кодыров, Шах Мухамет Мухаметев, Реджеп Бабаев, Фарзали и Шабан Кулычевы, Халмагамет Хаджимаметев, Гулмухамет Хаджи и многие другие. Их работа оплачивалась из «неокладных сборов»; от трёх-четырёх рублей в случае ближних «походов» до 14—15 рублей при возвращении из Исфахана и мест более отдалённых; в холода плата шла «для зимнего времени с излишеством». Отличившихся генерал награждал по персидской традиции дорогими халатами.

Шпионы выявляли бунтовщиков, рискуя при этом жизнью. В марте 1731 г. они подали генералу коллективную челобитную на жителей деревни Эзыграк; тамошние «мужики» заявили им: «Чего ради ея императорскому величеству в верности пребываете и от россиян шпионами ходите, а ныне де и свой шах имеэтца, коему в верности пребывать надлежит», — после чего «звали их, шпионов, бежать в горы служить шаху; и как они, шпионы, так и протчие, в верности пребывающие, с подзывателями не пошли, тогда между ними учинилась ссора и драка, и одного из шпионов изрубили во многих местах, а других побили насмерть».

Нападение на «пребывающих в верности» немедленно вызвало карательную экспедицию, во время которой были захвачены три бунтовщика, семь лошадей и четыре сабли².

Попутно шпионы решали и другие задачи: сообщали подробности о жизни бежавших из российских владений изменников (одни из них действовали активно, другие, как беглый астаринский Муса-хан, «жили в великой скудости и в раскаянии, что изменили») или разыскивали (а иногда и приводили) беглых русских и турецких солдат.

Одним из лучших агентов Левашова стал уроженец Казвина Алмамет Акбердиев (он же Алквердиев), который в течение нескольких лет постоянно совершал опасные путешествия из Решта. В 1730 г. он побывал в лагере персидских войск и был очевидцем при битве с турками под Тебризом; победе соотечественников Алмамет был искренне рад — до такой степени, что начальнику «в нынешние персияном счастливые случаи оной шпион сумнителен показался», однако он продолжал служить верно и доносить ценные сведения³. Тот же Алмамет зимой 1726/27 г. незаметно следовал по турецкой территории за официальным гонцом — российским подьячим Сениковым по маршруту Ардебиль — Тебриз, где жил в караван-сараях «в сабачьей конуре», но сумел через местных армян установить связь со слугой подьячего (подавая тому «кафейник с кофеом») и получил письмо для передачи Левашову; попутно он подробно расспросил турок о неудачных для них боях с афганской конницей под Хамаданом⁴.

Надёжный скороход Султан Мухамет Хусейнов не раз отправлялся по маршрутам Решт — Казвин — Хамадан, Решт — Кум — Тегеран, Решт — Казвин — Исфахан и сам нанимал агентов в других городах, как хамаданца Багира. Сафар Аллакульчев стал глазами и ушами Левашова в афганском войске Эшрефа. «Индийский дервиш» Хаджи Мухиб Мухаметов в 1731 г. сопровождал армию полководца Тахмаспа Кули-хана (будущего шаха Ирана Надира. — *И. К.*) в Афганистан и стал свидетелем осады Герата — столицы пуштунского племенного союза абдали.

О неудачном сражении шаха Тахмаспа с турками под Хамаданом в сентябре 1731 г. Левашов получил информацию из обоих лагерей. Армянин Мурад Аврамов сообщал из ставки шаха, что в поражении виноват сам монарх, который спьяну («от шумства») бросил несколько отрядов на всё турецкое войско. Присланное багдадским наместником Ахмед-пашой официальное

извещение о победе командующий сверил с донесением своего шпиона из турецкого войска. Кулла Гамет Хаджимугаметев был в расположение армии Ахмеда-паши, предъявил в качестве удостоверения печать Левашова и имел возможность лично наблюдать сражение; так российские агенты сотрудничали с временными союзниками там, где генерал не желал делать это открыто. Шпион также сообщил, что нетрезвый шах скакал по лагерю и велел палить из пушек, радуясь скорому миру, а турки приняли эту канонаду за начало военных действий и пошли в атаку⁵.

Жизнь шпионов была нелёгкой — им случалось болеть, быть избитыми и ограбленными на дорогах охваченного войной Ирана. Иногда, на ночлеге в караван-сараях, они встречались с коллегами из другого лагеря. Так, в мае 1732 г. посланец Левашова Мухаммед Эмин из Решта встретился в Мешхеде со «шпионом шаховых евнухов» и узнал от него, что полководец шаха Тахмасп Кули-хан всех «министров ласкательствами и подарками победил и желает, чтоб государь их (шах Тахмасп II. — *И. К.*) недействителен был и все дела государственные поручены были от него ему, хану». «И оной шпион, — рассказал по возвращении Мухаммед Эмин, — тех министров много лаял изменниками и предателями»⁶.

Командованию приходилось бороться и с вражескими агентами; персияне и турки использовали против русских в том числе и местных христиан, — к примеру, «грузинца» Баэндуря Евсеева, который был схвачен в Реште в 1730 г. и отправлен в Астрахань⁷. Сам генерал опасался утечки информации: в марте 1731 г. он писал вице-канцлеру А. И. Остерману, что «хотя и не имеет подозрения на свою канцелярию», но «здесь подкопателей безмерно много», и хранил указы и царские грамоты в своей личной шкапулке, чтобы никто не узнал о предстоящей сдаче провинций Ирану⁸. Создатель шпионской сети в Северном Иране хорошо знал, как добываются даже самые секретные документы...

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. Д. 7. Л. 15 об.

² Там же. Д. 6. Л. 189.

³ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 77. Л. 1160—1162 об.; АВПРИ, Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. Д. 13. Л. 10—10 об.; Д. 14. Л. 80—81, 151.

⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 85. Л. 406—407.

⁵ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. Д. 7. Л. 203 об., 221 об.

⁶ Там же. 1732. Д. 5. Л. 236.

⁷ Там же. 1730. Д. 14. Л. 137.

⁸ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. Д. 6. Л. 154.

С. С. Лебедева (Санкт-Петербург)

ОБЩЕСТВЕННАЯ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛА-АРТИЛЛЕРИСТА

Н ИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ КРЫЖАНОВСКИЙ (1818—1881) — потомственный дворянин¹. Он родился в семье действительного статского советника Андрея Константиновича Крыжановского, служившего при Александре I столоначальником управления медицинской части по армии и флоту². Мать Н. А. Крыжановского — Мария Павловна Безак, сестра начальника артиллерии в период Крымской компании А. П. Безака, успешно занимавшего в дальнейшем ряд статусных должностей и окончившего свой земной путь киевским губернатором³. Крыжановский по линии своей матери был внучатым племянником писателя Николая Ивановича Греча и правнуком известного французского скульптора-классициста Жана Доминика Рашетта, приехавшего в Россию в эпоху Екатерины II⁴.

После окончания курса с отличием в Михайловском артиллерийском училище в 1837 г. Крыжановский был произведён в офицеры полевой артиллерии, как один из лучших окончивших курс был оставлен при училище. В 1839 г. он был переведён в лейб-гвардии 1-ю артиллерийскую бригаду и в том же году командирован в Берлин для слушания курса в корпусе практического образования⁵. С 1842 г. Н. А. Крыжановский находился в войсках Черноморской береговой линии, где неоднократно участвовал в боях с горцами и получил несколько наград за боевые отличия. В 1850 г. он был назначен штаб-офицером при Киевском арсенале, а потом занимал должность начальника артиллерии Южной армии. Крыжановский участвовал в осаде Силистрии, за что был награждён 22 мая 1854 г. золотою полусаблею с надписью «за храбрость». После взятия Силистрии был произведён, 19 ноября

1854 г., в генерал-майоры. С открытием Крымской кампании Н. А. Крыжановский был направлен в Севастополь, где состоял начальником штаба артиллерии в армии князя М. Д. Горчакова⁶. В период военных действий в Севастополе он был сильно контужен неприятельским ядром, причём под ним была убита лошадь. В августе 1855 г. был назначен начальником штаба артиллерии и военно-сухопутных и морских сил, в Крыму находящихся. В событиях 4 августа 1855 г. у Чёрной реки он принимал активное участие.

В штабе артиллерии в период Севастопольской битвы под началом Крыжановского служили А. Д. Столыпин, К. Н. Боборыкин, Л. Ф. Базюллек. В этот период был принят в штаб артиллерии подпоручик граф Л. Н. Толстой, их дружба с Н. А. Крыжановским длилась все последующие годы⁷.

Даже в период Севастопольской битвы начальник штаба обращался к вышестоящему начальству с просьбами об улучшении положения своих подчинённых и их семей, оставшихся в осаждённом городе⁸.

По окончании Крымской кампании в 1857 г. Крыжановский был назначен начальником Михайловского артиллерийского училища и Артиллерийской академии. Состоя в этой должности, он улучшил постановку учебных занятий и привлёк в состав преподавателей лучшие силы того времени⁹. Ещё в 1853—1856 гг., в период войны, Крыжановский приобрёл репутацию «одного из выдающихся военных деятелей», — отмечает Г. Д. Градский. Хорошо знакомый с европейской системой образования начальник училища привлекает к педагогической работе лучших учёных и специалистов того времени: М. В. Остроградского, И. А. Вышнеградского и др. Усиливая техническую направленность обучения, приглашает учёных А. В. Гадолина, преподавателей артиллерии В. К. фон Беренса, Н. А. Демененкова, А. А. Вельяминова-Зернова. В 1857 г. при училище открывается специальная лаборатория. Сам не лишённый филологических способностей, начальник училища приглашает для преподавания русского языка известных специалистов И. Г. Минина и Н. Д. Старова, а для преподавания Закона Божьего — И. М. Гиляровского. В период исполнения должности начальника Михайловского училища, а затем Михайловской академии Крыжановский зарекомендовал себя не только как умелый руководитель, но и военный педагог¹⁰.

В своих педагогических требованиях Крыжановский придерживался принципа связи теоретических и практических знаний, для этого внедрил проведение специальных лабораторных занятий с целью формирования умений, необходимых для практической работы артиллеристов. Он отмечал отрицательное влияние военных интернатов на воспитательные результаты юнкеров. В данном случае он разделял точку зрения Александра II, который указывал на необходимость «поощрения домашнего воспитания и оставления молодых людей сколь возможно долее в ближайшем надзоре их семейств». Н. А. Крыжановский активно поддерживал систему экстернатов для людей, «служивших низшими чинами», что позволяло им посещать классы военно-учебных заведений, если по своей научной подготовке они были в состоянии осваивать учебные предметы. Таким экстернам, в случае недостаточности их средств, давался ежедневно обед, некоторым даже одежда, а иногда и полное содержание. Для тех кто испытывал затруднения в усвоении учебного материала были заведены повторительные лекции, производившиеся репетиторами. Крыжановский настойчиво говорил о важности внушать молодым людям мысль о свободном труде, вооружать знаниями, необходимыми впоследствии, побуждать заниматься спортом, особенно верховой ездой. Заботясь о будущем русской армии, начальник училища и затем академии расширял возможности получать образование действительно способным, целеустремлённым и трудолюбивым людям вне зависимости от социальной принадлежности и имущественного положения.

В этот период в «Артиллерийском журнале» Крыжановский помещает ряд своих трудов по совершенствованию работы в войсках и по вопросам подготовки военных-артиллеристов.

В 1860 г. Н. А. Крыжановский был назначен исправляющим должность начальника штаба 1-й армии, находившейся в Царстве Польском, а в 1861 г. исправлял должность варшавского военного генерал-губернатора и одновременно заведовал особою канцелярию наместника Царства Польского. За отличное исполнение этих трудных и ответственных должностей он был возведён в звание генерал-адъютанта Его Величества и кроме того удостоился нескольких наград и выражений Высочайшего благоволения. Отозванный в Санкт-Петербург, он как авторитетный организатор был назначен представителем комиссии, учреждённой для начертания общих оснований военного и морского судопроизводства и устройства¹¹.

В 1863 г., когда ожидалось осложнение в отношениях с Западной Европой, Н. А. Крыжановский был назначен помощником командира Кронштадтского порта и занимался вопросами вооружения этой крепости. В 1864 г. получил должность помощника командующего войсками Виленского округа.

Оренбургским генерал-губернатором Н. А. Крыжановский был назначен 9 февраля 1865 г. Вот как о нём пишет один из его подчинённых генерал Н. Г. Залесов: «Крыжановского я знал ещё в чине полковника в Бухаресте, куда он был направлен зимою 1853 года из штаб-офицеров по искусственной части Киевского арсенала начальником штаба артиллерии 3-го, 4-го и 5-го пехотных корпусов. Он был человек солидно образованный, способный и весьма добрый»¹². В письме к князю М. Д. Горчакову Александр II даёт характеристику Крыжановскому: «человек образованный и совершенно надёжный»¹³.

При Крыжановском произошло разделение Оренбургской губернии на две: Оренбургскую и Уфимскую. Это потребовало изменений в административном управлении, и в 1867 г. им было разработано положение «О военном составе Оренбургского казачьего войска, сроках службы строевых частей и способе их комплектования».

18 октября 1866 г. под личным начальством Крыжановского был взят город Джюзак, считавшийся оплотом Бухарского ханства. С падением его окончательно пало и значение Бухары. За это сражение Н. А. Крыжановский был награждён орденом св. Георгия 3-й степени. В конце октября он возвратился в Ташкент, где стал заниматься составлением проекта временного положения для управления новою областью¹⁴.

Вскоре Крыжановский, имея на то Высочайшие полномочия, принял в русское подданство туземцев Ташкента, Зачирчикского края, Ходжента и других городов, просивших его об этом особыми делегациями. В ноябре 1866 г. он отправился для обозрения вверенного ему генерал-губернаторства, а также и Уфимской губернии, которая 5 мая 1856 г. была им, для удобства управления, отделена от Оренбургской. Вследствие слишком значительного различия в условиях быта этих губерний считалось нецелесообразным единообразное управление ими.

Современники отмечают, что Н. А. Крыжановский старался оживить жизнь губернии, вызвать в крае умственные и научные интересы. В 1866 г. по его инициативе был открыт в Оренбургском

крае статистический комитет. 30 мая 1867 г. Оренбургский отдел Императорского Русского географического общества учредил губернскую типографию и основал «Губернские ведомости». 1 июля было обнародовано новое положение об оренбургском казачьем войске, явившееся плодом почти единоличного труда Н. А. Крыжановского. Большое внимание губернатор обращал на развитие торговли и достиг того, что привоз товаров по восточной границе возрос с 7 000 000 до 10 000 000 р., а отпуск с 3 000 000 дошёл до 12 000 000 р.¹⁵.

По представленным Н. А. Крыжановским проектам было введено земство, сначала в Оренбургской, а в 1874 г. и в Уфимской губерниях, и созданы в крае новые судебные учреждения. Под его наблюдением сословная комиссия привела в порядок городское хозяйство Оренбурга и в несколько раз увеличила городские доходы.

30 августа 1869 г. Н. А. Крыжановский был произведён в генералы от артиллерии. Наряду с решением серьёзных военных проблем он активно приступает к социально-образовательной деятельности, носящей широкий, разноплановый, новаторский характер. При этом им учитываются интересы местного самоуправления, уральского и оренбургского казачьих округов.

Стараниями губернатора были открыты учебный округ (1875), мужская гимназия (1868) в Уральске и Троицке, женская гимназия в Оренбурге и Уральске, учительский институт, юнкерское училище, военная прогимназия и ремесленное училище в Оренбурге и много учебных заведений в других местах этого края, уделялось внимание созданию библиотек в полках и батальонах, на что отпускались специальные средства¹⁶.

Большое внимание делам благотворительности уделяла супруга Крыжановского Олимпиада Кирилловна. По её инициативе купцы, мещане и служащие выделили значительную сумму на детский приют, который был в 1873 г. торжественно освящён и открыт¹⁷.

Социальная направленность деятельности руководителей края как представителей власти являлась примером для почётных граждан, дворян, купцов и мещан, которые на общем собрании 29 августа 1868 г. просили городского голову войти с надлежащим ходатайством об учреждении в Оренбурге бесплатного ремесленного училища с механическим при нём отделением «для детей недостаточных родителей всех сословий».

Высоко оцениваются современниками гуманные и взвешенные позиции генерал-губернатора в проведении национальной политики в крае.

Крыжановским был принят ряд мер по устройству быта инородцев. Так, окончательно было введено положение о башкирах; народ этот вошёл в общий состав населения с определением его прав на собственность и рациональным административным устройством его быта. Всё управление киргизской степью, разделённой на Тургайскую и Уральскую, было реформировано и преобразовано в духе общих государственных губернских учреждений с некоторыми изменениями, вызванными местными условиями.

Как отмечает современник губернатора А. И. Добромислов, в первые годы управления Н. А. Крыжановского им были сделаны следующие распоряжения, касающиеся киргизов. Разрешено принимать их для лечения в полугоспитали и лазареты в степных укреплениях на оренбургской и уральской линиях. На покрытие этих издержек и прочие надобности по устройству врачебной части в распоряжение областного правления вдобавок к 600 р., отпущавшимся на это, велено было ассигновать по 11 428 р. в год с тем, чтобы эти суммы употреблялись: а) на уплату военному ведомству за содержание и пользование больных киргизов в лечебных заведениях; б) на покупку и заготовление лекарств для раздачи нуждающимся в них киргизам: больным бесплатно, а достаточным — по действительной стоимости медикаментов; в) на командирование врачей для прекращения болезней в случае появления эпидемий между киргизами, кочующими в глубине степи. (Высочайше утверждённое мнение государственного совета 28 июня 1865 года)¹⁸.

В 1873 г. Крыжановским была выдвинута инициатива по строительству кафедрального собора в честь оренбургского губернатора Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773), для чего он сам пожертвовал 500 р., открыв для этого подписку о сборе средств. Экзерциз-гауз в Оренбурге при Николае Андреевиче был передан в городской театр.

Многонациональный край включал в себя представителей разных религиозных верований, однако всё же преобладало православное население. Начиная с 1865 г., генерал-губернатор выступает с официальными обращениями к обер-прокурору святого Синода с заявлением, что «ввиду затруднений, встречающихся при замещении приходских должностей, для Оренбургской епархии необходима своя семинария», и в течение многих лет

добивается её открытия, которое состоялось 26 апреля 1884 г., когда Крыжановский уже находился в отставке.

Обширная и многополезная деятельность Николая Андреевича в деле развития образования среди населения Оренбургского края составляет лучшую страницу в его жизни и деятельности. Одной из крупных заслуг Крыжановского было его успешное ходатайство о проведении железной дороги от Самары до Оренбурга.

Благодарные Оренбург и Уфа избрали его своим почётным гражданином и учредили стипендии его имени. Киргизское население Тургайской области пожертвовало значительные суммы для учреждения стипендий его имени, в том числе и для сирот «туземных киргизских племён»¹⁹.

Глубоко и всесторонне образованный Н. А. Крыжановский оставил после себя серьёзное теоретическое и литературное наследие. Ещё в бытность начальником Михайловского артиллерийского училища он составил несколько полезных руководств для войсковых частей, в их числе «Правила приёма войсками предметов артиллерийского довольствия» (1858), «Очерк устройства и хозяйства французской артиллерии с изложением главных оснований организации французской армии» (1858). В 1859 г. в «Артиллерийском Журнале» были напечатаны его статьи, заключавшие обзор сведений, полученных с театра войны из Италии, и тогда же составлено им руководство — «Записки по фортификации для дивизионных артиллерийских школ». В «Русской Старине» в 1886 г. опубликованы «Исторические записки», «Севастополь и его защитники в 1855 г.», «Севастополь в ночь с 27 на 28 августа 1855 года». В 1884 г. в «Русском Вестнике» был напечатан его роман «Дочь Алаяр-хана», посвящённый анализу национальной политики на Востоке. Многие из предвидения Крыжановского по усилению роли Великобритании в угрозе национальным интересам России, к сожалению, нашло отражение в последующие годы. Современники отмечали, что этот роман свидетельствует о научном потенциале автора как военного историка и даже дипломата.

Н. А. Крыжановский имел все российские ордена до Св. Владимира I степени включительно, военный орден Св. Георгия III степени и медали за защиту Севастополя и др.

Младший брат Крыжановского Павел Андреевич родился в 1831 г. и воспитывался также в Михайловском артиллерийском училище. Во время Восточной войны участвовал

в защите Севастополя, с 26 августа по 15 сентября находился на Инкерманских высотах и в бою при Чёрной речке был тяжело ранен. В защите Севастополя участвовал третий брат и двоюродные братья. До 1863 г. Павел Андреевич находился на службе в конной артиллерии, затем произведён в капитаны и прикомандирован к I военному Павловскому училищу в качестве инспектора. В 1878 г. прикомандирован к главному артиллерийскому управлению и в 1881 г. назначен командиром Выборгской крепостной артиллерии. С 1898 г. Павел Андреевич состоял председателем комиссии по пересмотру законоположений о порядке назначений на должности по военному ведомству в качестве генерала от артиллерии и члена Военного Совета. П. А. Крыжановским написан ряд статей об основных началах крепостной войны²⁰. Он имел все российские ордена до Св. Александра Невского с бриллиантами включительно и медаль за защиту Севастополя и др.

¹ Дворянские роды, внесённые в общий гербовник Всероссийской империи / Сост. гр. А. Бобринский. СПб., 1890. Ч. II. С. 595.

² Греч Н. И. Записи о моей жизни. СПб., 1886. С. 11—13.

³ Безак А. П. Российский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2. С. 632.

⁴ Греч Н. И. Записи о моей жизни. С. 11—13.

⁵ Затворницкий Н. М. Память о членах Военного совета. СПб., 1907. С. 411—415.

⁶ Крыжановский Н. А. Российский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 9. С. 467—469.

⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 15. Оп. 108. Д. 77.

⁸ Там же. Д. 105.

⁹ Градский Г. Д. Михайловское артиллерийское училище и академия в XIX столетии. СПб., 1905. Ч. I.

¹⁰ Там же.

¹¹ Крыжановский Н. А. Российский биографический словарь. Т. 9. С. 467—469.

¹² Залесов Н. Г. Записки Залесова // Рус. старина. 1903. Т. 115. С. 333—335.

¹³ Губернаторы Оренбургского края. Оренбургское книжное издательство, 1999. С. 252—264.

¹⁴ Крыжановский Н. А. Российский биографический словарь. Т. 9. С. 467—469.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Добромыслов А. И. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Тверь, 1902: Вып. 17. С. 419.

¹⁷ Лобысевич Ф. И. Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб., 1878. С. 36—38.

¹⁸ Крыжановский Н. А. Российский биографический словарь. Т. 9. С. 467—469.

¹⁹ Там же.

²⁰ Затворницкий Н. М. Память о членах Военного совета. С. 634—636.

А. А. Леонов (Санкт-Петербург)

ЗНАКИ ДЛЯ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ ВОЕННО-МОРСКИХ СИЛ СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЮЗА СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ В 1992–2006 ГОДАХ

СОЮЗНАЯ РЕСПУБЛИКА ЮГОСЛАВИЯ (Малая Югославия, Третья Югославия) — государство, существовавшее на территории Европы, на Балканском полуострове в 1992–2006 гг. Оно было создано 27 апреля 1992 г. после распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) и включало в себя две республики: Сербию и Черногорию. 4 февраля 2003 г. СРЮ была переименована в Государственный Союз Сербии и Черногории, имевший конфедеративное устройство. В мае 2006 г. по результатам референдума Черногория была преобразована в независимое государство, после чего Союзная Республика Югославия прекратила своё существование и вместо неё образовались два суверенных государства: Черногория и Республика Сербия.

Вооружённые силы СРЮ были созданы 20 мая 1992 г. и состояли из Сухопутных войск, Военно-воздушных сил и Противовоздушной обороны и Военно-морских сил. Протяжённость береговой линии СРЮ составляла около 200 километров. ВМС (серб. Југословенска ратна морнарица) предназначались для решения задач по борьбе с кораблями и подводными лодками противника, обороны побережья страны, военно-морских баз и портов, защиты морских коммуникаций, участия в морских десантных операциях, поддержки действий сухопутных войск на приморских направлениях. В мирное время ВМС обеспечивали благоприятный оперативный режим в прибрежных водах и на побережье государства.

ВМС состояли из кораблей, которые находились на территории двух бывших республик СФРЮ и эвакуированных из Хорватии. Всего СРЮ отошло около 80 % корабельного состава бывшего югославского флота, 20 % досталось Республике Хорватия. Личный состав насчитывал 7500 человек (из них 4500 рядовых). В состав ВМС входили: 10 подводных лодок (из них 5 сверхмалых), 13 надводных кораблей, свыше 60 катеров, 30 вспомогательных единиц, Дунайская флотилия и Войска береговой обороны. За время своего существования ВМС СРЮ единожды принимали участие в боевых действиях против вооружённых сил НАТО во время осуществления ими операции «Союзная сила» в 1999 г. Потерь среди личного состава и материальной части ВМС СРЮ не было.

В первый период существования ВМС СРЮ военнослужащие применяли эмблемы для головных уборов, унаследованные от вооружённых сил СФРЮ. Эти эмблемы являлись наследием так называемой «декоммунизации» и представляли собой полностью либо частично видоизменённые знаки, применявшиеся в «титовский» социалистический период.

Для бескозырок и беретов матросов и младших старшин применялась эмблема, состоящая из двух скрещённых мечей европейского типа с прямыми клинками длиной 37 мм каждый. На перекрещённые мечи наложен круг диаметром 25 мм, разделённый в горизонтальной плоскости на три части. Верхний сегмент синего цвета, средняя полоса белого цвета, нижний сегмент — красного. Цвета и их расположение соответствуют аналогичному расположению на государственном флаге СФРЮ. В центре круга, на белой полосе, находится круг меньшего диаметра — 12 мм, на котором расположены буквы «ЈНА» (сербская кириллица) белого цвета. Эмблема изготовлена из немагнитного металла методом отливки. Мечи, ободок большого круга и малый круг имеют гальваническое покрытие жёлтого цвета. Цветные части большого круга и буквы окрашены краской соответствующих цветов. К форменному головному убору эмблема крепится с помощью винта, на который накручивается бронзовая гайка. Винт припаян к центру эмблемы со стороны реверса. Ниже винта припаян небольшой штырь, который предотвращает вращение эмблемы вокруг собственной оси на головном уборе. Существовала также тканая матерчатая эмблема для беретов, полностью аналогичная вышеописанной по дизайну, но имеющая основание тёмно-синего

Ил. 1. Металлическая и тканая матерчатая эмблемы для беретов матросов и младших старшин в первый период существования Военно-морских сил Союзной Республики Югославии

цвета — круг диаметром 35 мм. Длина мечей на такой эмблеме 32 мм каждый, диаметр большого круга цветов флага СФРЮ 20 мм. Выткана искусственным шёлком (ил. 1).

Для фуражек офицеров и старшин применялась эмблема в виде равнобедренного треугольника, изготовленного из чёрного сукна размерностью: 65 мм каждая сторона, основание 70 мм. Треугольник имеет скруглённые стороны и нижние углы. Поле треугольника чёрного цвета. На поле располагается венок из стилизованных лавровых листьев по четыре с каждой стороны. Внизу листья перевязаны лентой. Между третьим и четвертым листьями с каждой стороны располагается стилизованный плод лавра в виде круга диаметром 5 мм на ножке, обозначенной нитью. Венок вышит металлизированной нитью жёлтого цвета. В центре венка находится адмиралтейский якорь, перевитый канатом. Канат берёт начало от рыма, обвивает шток, веретено и заканчивается ниже левого рога. Высота якоря 22 мм, максимальная ширина по лапам 16 мм. Якорь и канат вышиты металлизированной нитью жёлтого цвета. Наверху от якоря, в вершине треугольного поля, расположена эмблема, состоящая из двух скрещённых мечей европейского типа с прямыми клинками длиной 24 мм каждый. На перекрещённые мечи наложен круг диаметром 15 мм, разделённый в горизонтальной плоскости на три части. Верхний сегмент синего цвета, средняя полоса белого цвета, нижний сегмент — красного. Цвета и их расположение соответствуют аналогичному расположению на государственном флаге

Ил. 2. Эмблемы для беретов офицеров и старшин в первый период существования Военно-морских сил Союзной Республики Югославии

СФРЮ. В центре круга, на белой полосе, находится круг меньшего диаметра — 8 мм, на котором вышиты буквы «ЈНА» (сербская кириллица) белого цвета. Мечи, ободок большого круга и малый круг вышиты металлизированной нитью жёлтого цвета. Цветные части большого круга и буквы вышиты искусственным шёлком. Треугольное основание эмблемы имеет с обратной стороны подложку из ткани чёрного цвета, которая служит для придания жёсткости при креплении на околыше фуражки. Существовала также эмблема для беретов, полностью аналогичная вышеописанной по размерности и дизайну, но изготовленная методом напыления пластизоля на основу из чёрного сукна. Такая эмблема не имела подложки и пришивалась на берет с помощью ниток (ил. 2).

В 1992 г. появились первые эмблемы ВМС СРЮ.

Эмблема для бескозырок и беретов матросов и младших старшин представляла собой аналог по дизайну эмблемы позднего периода СФРЮ за исключением того, что с большого круга был убран малый круг с буквами «ЈНА». Длина мечей 35 мм каждый, диаметр круга 23 мм. Эмблема изготовлена из немагнитного металла методом отливки. Мечи, ободок круга имеют гальваническое покрытие жёлтого цвета. Цветные части круга окрашены краской соответствующих цветов. Способ крепления эмблемы к форменному головному убору аналогичен способу крепления эмблемы позднего периода существования СФРЮ. На реверсе имеющейся в нашем распоряжении эмблемы есть клейма в виде надписей: кириллическими буквами — «ФЕРОС» и латинскими буквами — «CONTINENTAL». Подобные эмблемы на

армейском жаргоне имели название «пепси» (ил. 3).

Эмблема для фуражек офицеров и старшин представляла собой полный аналог эмблем позднего периода существования СФРЮ, за исключением того, что с композиции, находящейся над якорем в верхней части эмблемы, был убран малый круг с буквами «ЈНА». Эмблемы были вышитыми и изготавливались в двух вариантах: шитьё выполнено металлизированной нитью или искусственным шёлком (ил. 4).

В 1993 г. коллектив авторов из «Сербского геральдического общества «Бели орао» (рус. «Белый орёл») предложил Генеральному штабу Вооружённых сил Югославии проект геральдических знаков Войска Югославии. 25 декабря 1993 г. на сессии Верховного Совета Обороны данный проект был утверждён. На День Войска Югославии 16 июня 1994 г. все военнослужащие имели на рукавах и на головных уборах символику М94. Автором этой символики был югославский художник, скульптор и музыкант франко-русского происхождения Владимир Лабат-Ровнев. Работы по созданию армейской символики он начал ещё в 1991 г. В основе своего проекта символики Лабат-Ровнев использовал двуглавого орла, разработанного им

Ил. 3. Эмблема для бескозырок и беретов матросов и младших старшин Военно-морских сил Союзной Республики Югославии. 1992—1994 гг.

Ил. 4. Эмблемы для фуражек офицеров и старшин Военно-морских сил Союзной Республики Югославии. 1992—1994 гг.

на основе историко-культурных исследований в литературных и архитектурных источниках. Эскиз орла был создан ещё в 1989 г. для празднования восьмисотлетия монастыря Хиландар, особо почитаемого в Сербии. (Хиландар — один из монастырей, находящихся на горе Афон, занимающий в святогорской иерархии 4-е место. Состоит в юрисдикции Константинопольского патриарха, но духовно поддерживается Сербской православной церковью, являясь одной из величайших сербских религиозных святынь. Находится на северо-восточной стороне афонского полуострова.) В разработке эскиза эмблем также принимали участие архитектор Мирко Стойнич и историк Миле Имеровски.

Для бескозырок и беретов матросов и младших старшин применялась металлическая эмблема, состоящая из двух частей. Нижняя часть представляет собой два перекрещённых адмиралтейских якоря длиной 25 мм каждый, наложенных друг на друга веретенами под углом. В месте перекрестья якоря перевязаны лентой цветов флага СРЮ, расположенных вертикально: слева полоса синего цвета, в середине — белого, справа — красного. Под перекрестьем располагаются два конца ленты. Слева — в виде флага Сербии: сверху полоса красного цвета, в середине — синего, снизу — белого. Справа конец ленты напоминает флаг Российской Федерации (перевернутый сербский): сверху полоса белого цвета, в середине — синего, снизу — красного. Такое сочетание цветов и расположение лент привело к ряду скандалов. Автора эмблемы Владимира Лабат-Ровнева неоднократно обвиняли в необоснованной симпатии к России, идеологической диверсии и даже в шпионаже. Впоследствии неоднозначный дизайн эмблем привёл к их отмене в 2000 г. Над вышеописанной композицией расположен прилив полукруглой формы, служащий для крепления верхней части эмблемы. Нижняя часть эмблемы изготовлена из немагнитного металла методом отливки с последующим гальваническим покрытием. Цвет якорей жёлтый. Цветные части лент окрашены краской соответствующего цвета. Верхняя часть выполнена в виде двуглавого хиландарского орла с развёрнутыми, опущенными крыльями максимальной высотой 30 мм и максимальной шириной 40 мм. Цвет орла — естественный светло-серый, материал — немагнитный металл. Способ изготовления — отливка. Части эмблемы соединены между собой с помощью винта и гайки. Винт припаян к верхней части эмблемы и через отверстие в полукруглом приливе нижней части

Ил. 5. Эмблема для бескозырок и беретов матросов и младших старшин Военно-морских сил Союзной Республики Югославии (аверс). 1994—2000 гг.

Ил. 6. Эмблема для бескозырок и беретов матросов и младших старшин Военно-морских сил Союзной Республики Югославии (реверс). 1994—2000 гг.

с помощью бронзовой гайки соединяет две эти части. Для предотвращения вращения верхней части эмблемы вокруг собственной оси на расстоянии 12 мм от винта вниз к ней припаян штырь, который входит в отверстие в нижней части эмблемы, которое расположено также ниже на 12 мм от центра отверстия для винта. Крепление эмблемы к форменному головному убору (бескозырке, берету) осуществляется с помощью вышеописанного крепёжного винта с помощью бронзовой контргайки диаметром 15 мм (ил. 5). У эмблемы, имеющейся в нашем распоряжении, на реверсе нижней части имеется клеймо в виде прилива прямоугольной формы длиной 17 мм и шириной 7 мм. На прямоугольнике находятся надписи кириллическими буквами: «АЛВЕТО 1994» и под ней «АУТОР ЛАБАТ» (ил. 6). Первая надпись — название фирмы производителя и год производства эмблемы. Вторая надпись переводится на русский язык как «Автор Лабат», то есть напрямую указывает на автора дизайна эмблемы. Это единственный в мировой практике прецедент, когда на знаке различия указана фамилия автора. Когда Владимира Лабат-Ровнева спросили, для чего это сделано, он ответил: «Я не хотел, чтобы авторство присвоил себе какой-то генерал».

Эмблема для фуражек старшин представляет собой равнобедренный треугольник со сторонами длиной 65 мм и основанием длиной 75 мм. Стороны и углы скруглённые. Эмблема тканая,

материал — искусственная нить. Поле эмблемы чёрное, в центре выткан рисунок, полностью соответствующий по дизайну эмблеме для бескозырок и беретов матросов и младших старшин, — якоря, лента, хиландарский орел. Якоря вытканы нитью жёлтого цвета, лента, соответственно, нитями красного, белого и синего цветов. Орел выткан нитями светло-серого и чёрного цвета, лапы и клювы — нитями жёлтого цвета. Снизу от композиции находится полуенок из стилизованных лавровых листьев по два справа и слева. Между листьями справа и слева расположен стилизованный плод лавра в виде круга на ножке. Листья и плод вытканы нитью жёлтого цвета, ножка плода — нитью светло-серого цвета. Эмблема с обратной стороны имеет подложку из синтетической ткани чёрного цвета для придания жёсткости при креплении на околыше фуражки (ил. 7).

Для беретов существовала эмблема, изготовленная методом напыления пластизоля на основание из сукна, полностью аналогичная тканой, и металлическая эмблема, аналогичная по способу изготовления, размерам и материалу эмблеме для рядового состава, только с добавлением лаврового полувенка снизу. Эмблемы для старшин просуществовали в ВМС СРЮ меньше года, они были отменены в конце 1994 года из соображений экономии. Старшины стали носить на фуражках и беретах эмблемы для офицерского состава (ил. 8).

Эмблема для фуражек офицеров полностью аналогична по дизайну, способу изготовления, материалу и размерам эмблеме для старшинского состава за исключением размера полувенка. Полуенок состоит из четырёх стилизованных лавровых листьев с каждой стороны. Между вторым и третьим, третьим и четвертым, а также на вершине четвертого листа расположены стилизованные плоды лавра. Для беретов существовала металлическая эмблема, аналогичная старшинской, за исключением дизайна полувенка. На реверсе имеющейся в нашем распоряжении эмблемы нанесены клейма: «АЛВЕТО 1995» и «АУТОР ЛАБАТ». На контррайке крепления — «АЛВЕТО БЕОГРАД».

Эмблема для фуражек адмиралов полностью аналогична по дизайну, способу изготовления, материалу и размерам эмблеме для офицерского состава, за исключением размера полувенка, который можно уже назвать венком. Венок состоит из восьми стилизованных лавровых листьев с каждой стороны. Между третьим и четвертым, четвертым и пятым, пятым и шестым,

Ил. 7. Эмблемы для фуражек и беретов старшин, офицеров и адмиралов Военно-морских сил Союзной Республики Югославии. 1994 г.

а также на вершине шестого листа расположены стилизованные плоды лавра. Для беретов существовала металлическая эмблема, аналогичная офицерской, за исключением дизайна венка. У имеющейся в нашем распоряжении эмблемы верхняя часть в виде орла изготовлена из стали методом штамповки. На реверсе эмблемы нанесены клейма латинскими буквами: «1998», «MEGAPLAST» и «AUTOR LABAT». На контргайке крепления — «MEGAPLAST» и «D. MILANOVAC».

Существовали также эмблемы для фуражек офицеров и адмиралов, вышитые металлизированной нитью. Такой вариант

Ил. 8. Эмблемы для фуражек старшин, офицеров и адмиралов Военно-морских сил Союзной Республики Югославии. 1994–2000 гг.

изготовления появился уже после того, как была отменена эмблема для старшин.

В 2000 г. эмблемы для головных уборов адмиралов, офицеров и старшин ВМС СРЮ были заменены на новые. Их автором был профессор изобразительных искусств Слободан Вукович. В основе эмблем был оставлен двуглавый хиландарский орел, разработанный Владимиром Лабат-Ровневым.

Эмблема для фуражек старшин представляет собой равнобедренный треугольник со сторонами длиной 65 мм и основанием 60 мм. Стороны и углы скруглённые. В нижней части эмблемы находится венок из стилизованных лавровых листьев по пять с каждой стороны. Венок вышит металлизированной нитью жёлтого цвета. В центре венка перевязан крест-накрест лентами цветов государственного флага СРЮ и Сербии. Лента в виде флага СРЮ находится сверху, в виде флага Сербии — снизу. Ленты вышиты металлизированными нитями красного, белого и синего цветов соответственно. В середине венка расположен адмиралтейский якорь, перевитый канатом. Канат берёт начало от рыма, обвивает шток, веретено и заканчивается ниже левого рога. Высота якоря 22 мм, максимальная ширина по лапам 17 мм. Якорь и канат вышиты металлизированной нитью жёлтого цвета. Сверху якоря расположен двуглавый хиландарский орёл, дизайн которого полностью идентичен применявшемуся на эмблемах образца 1994 г. Максимальная высота орла 28 мм, максимальная ширина 40 мм. С тыльной стороны эмблема имеет подкладку из синтетической ткани чёрного цвета для придания ей жёсткости при креплении к околышу фуражки (ил. 9).

Эмблема для беретов по дизайну полностью аналогична эмблеме для фуражек. Состоит из двух частей, изготовленных из немагнитного металла методом отливки. Нижняя часть состоит из венка, лент, поля, на котором находится якорь, и прилива для крепления верхней части. Эта часть эмблемы имеет гальваническое покрытие жёлтого цвета. Ленты и поле, на котором находится якорь, окрашены краской: поле — чёрного цвета, ленты — соответственно красного, белого и синего цвета. Верхняя часть эмблемы представляет собой двуглавого хиландарского орла естественного светло-серого цвета металла, максимальной высотой 20 мм, максимальной шириной 30 мм. Части эмблемы соединены между собой с помощью винта и гайки. Винт припаян к верхней части эмблемы и через отверстие в полукруглом приливе нижней

Ил. 9. Эмблемы для фуражек и беретов старшин, офицеров и адмиралов Военно-морских сил Союзной Республики Югославии. 2000—2006 гг.

части с помощью бронзовой гайки соединяет две эти части. К головному убору (берету) эмблема крепится с помощью двух винтов: верхнего, на который навинчивается бронзовая контргайка, и второго, припаянного к нижней части эмблемы и бронзовой гайки. Максимальная высота эмблемы 45 мм, максимальная ширина 45 мм. У эмблемы, имеющейся в нашем распоряжении, на реверсе нижней части имеется клеймо в виде прилива прямоугольной формы длиной 15 мм и шириной 5 мм. На прямоугольнике находятся надписи кириллическими буквами: «АЛВЕТО 2000» и под ней «АУТОР ЛАБАТ». Последняя надпись сохранена, так как дизайн орла не изменился и принадлежит В. Лабат-Ровневу. На бронзовых гайках крепления имеются надписи кириллическими буквами: «АЛВЕТО» и «БЕОГРАД» (ил. 9).

Эмблема для фуражек офицеров полностью аналогична по способу изготовления и материалу эмблеме для старшинского состава. Длина сторон треугольного основания эмблемы 75 мм, стороны имеют фигурную форму, длина основания 70 мм. Углы скруглённые. Дизайн лент, якоря и орла аналогичен старшинской эмблеме. Венок состоит из 6 стилизованных лавровых листьев с каждой стороны. Между первым и вторым, вторым и третьим, третьим и четвёртым, четвёртым и пятым расположены стилизованные плоды лавра в виде круга диаметром 4 мм на ножке. Круг

вышит металлизированной нитью серебристого цвета, ножка — жёлтого цвета. (Рис. 9).

Эмблема для беретов по дизайну полностью аналогична эмблеме для фуражек. По способу изготовления и материалу аналогична эмблеме для старшинского состава. Максимальная высота эмблемы 50 мм, максимальная ширина 50 мм. У эмблемы, имеющейся в нашем распоряжении на реверсе нижней части имеется клеймо в виде прилива прямоугольной формы длиной 15 мм и шириной 5 мм. На прямоугольнике находятся надписи кириллическими буквами: «АЛВЕТО 2000» и под ней «АУТОР ЛАБАТ». На бронзовых гайках крепления имеются надписи кириллическими буквами: «АЛВЕТО» и «БЕОГРАД» (ил. 9).

Эмблема для фуражек адмиралов полностью аналогична по способу изготовления и материалу эмблеме для старшинского состава. Длина сторон треугольного основания эмблемы 80 мм, стороны имеют фигурную форму, длина основания 80 мм. Углы скруглённые. Дизайн лент, якоря и орла аналогичен старшинской эмблеме. Венок состоит из семи стилизованных лавровых листьев с каждой стороны. Между первым и вторым, вторым и третьим, третьим и четвёртым, четвёртым и пятым расположены стилизованные плоды лавра, аналогичные по дизайну тем, что находятся на эмблеме для фуражек офицеров (ил. 9).

Эмблема для беретов по дизайну полностью аналогична эмблеме для фуражек. По способу изготовления и материалу ана-

Ил. 10. Эмблема для фуражек офицеров Военно-морских сил Союзной Республики Югославии (вариант). 2000—2006 гг.

логична эмблеме для офицерского состава. Максимальная высота эмблемы 50 мм, максимальная ширина 60 мм. У эмблемы, имеющейся в нашем распоряжении, на реверсе нижней части имеется клеймо в виде прилива прямоугольной формы длиной 11 мм и шириной 3 мм. На прямоугольнике присутствуют надписи кириллическими буквами: «ГОСИ 2001» и под ней «АУТОР ЛАБАТ». На бронзовых гайках крепления имеются надписи латинскими буквами: «GOSI» и «BEOGRAD» (ил. 9).

Для фуражек старшин, офицеров и адмиралов существовал вариант изготовления эмблем, полностью аналогичный вышеописанным, но венки, якорь и орел вышит люрексом, а ленты искусственным шелком (ил. 10).

Эмблемы образца 2000 г. использовались как в ВМС СРЮ, так и в ВМС Государственного Союза Сербии и Черногории до его распада в 2006 г.

В настоящее время вышеописанные эмблемы являются достаточно редкими по причине малого тиража выпуска, краткосрочного периода существования самих государств и их ВМС и того, что прошёл довольно большой отрезок времени с момента прекращения их использования. Наше исследование, проведённое впервые в таком объёме на русском языке, будет полезно историкам, коллекционерам, кинематографистам и всем, кто интересуется вопросами военной истории и геральдики.

Использованная литература:

Аксёнов В. Военно-морские силы Союзной Республики Югославия» // Зарубежное военное обозрение. 1995. № 2.

Коханкин В. Двуглавые орлы против НАТО. Символики Войска Югославии // Коллекция. 2018.

*В. Н. Литувев (Москва),
Д. Г. Целорунго (п. Бородинское Поле,
Московская обл.)*

ОТРАЖЕНИЕ ИСТИННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ТЕКСТЕ ГЛАВНОГО АКТА ВЕНСКОГО КОНГРЕССА 1815 г. — ОПЫТ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС, где решались вопросы послевоенного устройства Европы, проходил с сентября 1814 по июнь 1815 г. В немногочисленной историографии, посвящённой этому событию, делается основной акцент на вопросе реставрации и консервации феодальных отношений в Европе после победы над Наполеоном. Излишнее внимание в литературе также уделяется внешней стороне проведения всеевропейского собрания, отсюда и выражение «пляшущий конгресс», которое зачастую применяется к характеристике этого важного европейского внешнеполитического события начала XIX в.

Целью нашей работы является выявить с помощью математического моделирования скрытые в многословном витиеватом тексте Главного акта Венского конгресса истинные намерения полномочных представителей этого всеевропейского собрания, их скрытые цели и степень их влияния на послевоенную европейскую политику.

В своем исследовании в качестве предмета для анализа был взят текст «Главного акта Венского конгресса»¹ в издании Ф. Мартенса на русском языке, который занимает 86 страниц, а вместе с приложениями к нему объём текста составляет 315 страниц². Рамки нашей статьи обусловили ограничиться исследованием 4 глав «Главного акта Венского конгресса»: «О Польше», «О Германии»,

«О Италии», «Общие постановления», что составило 16 статей из общего текста Главного акта, состоящего из 121 статьи³.

Коротко изложим основные принципы нашей методики математической обработки текста исторического источника. Слова и выражения «Главного акта Венского конгресса», в лингвистическом смысле, нами были отнесены к двум категориям. Первая категория — конструкторы текста (от лат. *Constructio* — построение), которые можно представить в качестве различных существительных текста нашего источника, например: дворы, государи, державы, состоящие Европы, полномочные представители, император Всероссийский (см. Приложение, Таблица 1). Применительно к исследовательской задаче конструкторы отражают институциональные факторы⁴ «Главного акта» и состояние исторического процесса на момент подписания документа.

Элементы текста источника, отражающие динамику исторического процесса, обозначены нами как дескрипты (от лат. *Descriptor* — описывающий). В исследовании они представлены в качестве различных глаголов, составляющих текст нашего источника, например: заключать, дополнять, вводить в общий договор, составлять, утверждать ратификациями (см.: Приложение, Таблица 2). В целом, в аналитическом смысле дескрипты отражают взаимосвязи и движения институциональных факторов, взятые из текста нашего исторического источника.

Текст «Главного акта Венского конгресса» был преобразован в форме конструкторов и дескриптов, а также оцифрован в соответствующих кодах на основе цифровой платформы и обработан по лицензированной математико-статистической программе *Statistica*. В качестве математических моделей были применены методы кластерного и факторного анализа, для изучения нелинейных процессов были рассчитаны коэффициенты достоверности по уравнениям множественной регрессии. Все результаты нашего математического моделирования сосредоточены в двух графах и двух таблицах (см. Приложение).

Анализ содержательных взаимосвязей в тексте «Главного акта» с помощью математического моделирования предоставил возможность обозначить естественно-историческое развитие внешнеполитической системы европейских государств XIX в. по окончанию эпохи наполеоновских войн. Это развитие в значительной мере состояло в том, что структура договорных отношений (фактор управления) зачастую вступала в противоречие

с факторами власти отдельных государств или коалиций государств Европы.

Тому примеры можно найти в нашем исследовании (см. Приложение, графы 1, 2). Так, вся конструкция графы 1 подвешена на точке «Дворы, государи, державы», за этим термином конструкта, по нашим данным, скрывалась в тексте «Главного акта» некая объединённая политическая сила всех европейских государств, а конкретные страны: Великобритания, Австрийская империя и Французское королевство. Именно эта неофициальная коалиция европейских государств, как выяснилось, задавала тон в работе конгресса и сильно влияла на содержание его итоговых документов. В построении Графа 1 явно просматривается непосредственное сильное давление указанных трёх держав на принятие решений конгресса, материализовавшееся в актах, декларациях, соглашениях и т. п. Этому давлению противодействовали остальные участники конгресса, попавшие в наше исследование: император всероссийский, король прусский и король саксонский, и т. п.

Другие примеры. Как известно, Ш. Талейрану, на конгрессе представлявшему интересы нового французского короля, в результате удачно проведенной им интриги удалось помешать полному присоединению Королевства Саксонии к Пруссии, в итоге последняя получила лишь 40 % от общей территории Саксонии, что соответственно вызвало недовольство в правительстве Пруссии. Александр I был недоволен тем, что значительная часть Герцогства Варшавского отошла к Пруссии, а не целиком досталась ему. У представителей других подписантов «Главного акта» также имелись претензии к решениям конгресса, касавшиеся их интересов, а, следовательно, и к тем «кукловодам», прикрываемым обобщающим термином итогового документа Венского конгресса «Дворы, государи, державы». Указанные перипетии тогдашней европейской политики отразились в показателях Графа 1.

Следует отметить что главными бенефициарами конгресса оказались Австрийская империя, которая овладела в числе прочих территорий богатыми северо-итальянскими провинциями и укрепила свой новый имперский статус, и Великобритания, которая по «Главному акту» закрепила за собой новые колонии и свой статус величайшей морской державы, который безуспешно пытался оспорить Наполеон. Третьим бенефициаром,

как ни парадоксально, оказалась Франция. Благодаря дипломатическому мастерству и изворотливости Талейрана, она, отказавшись от своего наполеоновского прошлого, оказалась на стороне победителей, причём, не потеряв своих территорий, бывших у неё до революции. Результаты Венского конгресса, благодаря циничной и вероломной деятельности этой троицы, в разной мере разочаровали в своих ожиданиях все государства, обозначенных в нашем исследовании (см. Приложение, Графы и Таблицы). Справедливости ради следует отметить, что Франция хоть и попала на тот момент в тайные союзники к победителям в большой европейской войне Австрии и Великобритании, но оказалась у них в основном на вторых ролях, чему доказательством весь последующий ход европейской истории.

Объективность построения нашей математической модели подтверждает и общеизвестный факт заключения в дни работы Венского конгресса за спинами его участников секретного договора между Францией, Австрией и Англией о союзе главным образом против России и Пруссии. Известно, что в постнаполеоновской Европе главный политический конфликт назревал в её центральной части, и суть его состояла в решении германского вопроса. Вместе с тем обозначилось нарастание конфликта ведущих европейских государств и с Россией, прежде всего Великобритании, Австрийской империи, а также и постнаполеоновской Франции, что оформилось в дни работы Венского конгресса в заключённом ими «Секретном договоре». На 1815 г. непосредственной целью этого договора было помешать полному присоединению Саксонии к Пруссии и Польши к России, а также не дать Пруссии стать доминантной силой в объединении германских земель и противодействовать политическому влиянию России в Европе. Секретным договором для достижения поставленных целей также предусматривалось использование объединённых воинских сил нового союзного блока.

Сам факт заключения секретного договора влиятельными участниками конференции Англией, Австрией и Францией был сострян в духе дворцовых переворотов XVIII в.: «Главный акт Венского конгресса» и «Секретный договор» писались одновременно и под одной крышей. К договору примкнули Бавария, Ганновер, Нидерланды и Гессен-Дармштадт и как бы вошли в круг избранных под вывеской «Дворы, государи, державы». Причём подписанты секретного договора были готовы с лёгкостью пойти

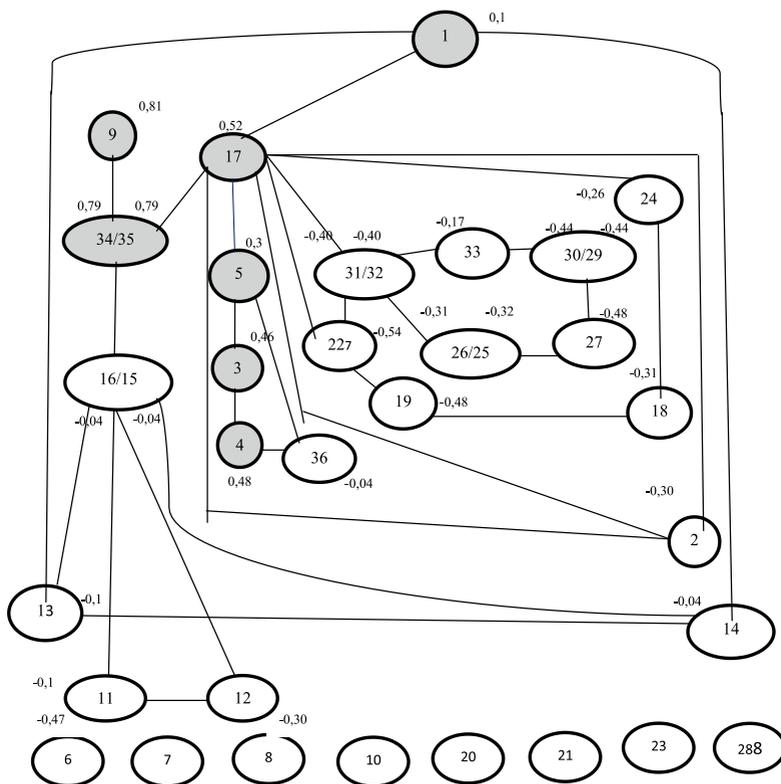
на нарушение итогового документа Венского конгресса, не ограничивая себя ни во времени, ни в средствах. Этот факт подтверждает наши выводы, сделанные по результатам математического моделирования избранных статей текста «Главного акта», характеризую его как внутренне противоречивый документ, к тому же имевший хрупкую конструкцию. Данный важнейший европейский внешнеполитический документ, подытоживавший череду ранее невиданных по своей кровопролитности войн, оказался в глазах трёх главных его создателей ни к чему не обязывающей бумажкой.

Тем не менее все участники конгресса были недовольны скрытно или явно теми или иными положениями итогового документа, правда, одни в большей степени, а большинство все же в меньшей степени. Такова логика, иначе и быть не могло, в противном случае вся затея с Венским конгрессом была бы провалена (см. Приложение, Табл. 1, 2).

Таким образом, структура договорных отношений в Европе первой четверти XIX в. как фактор управления в рамках институциональной системы оказалась в отрицательных взаимосвязях с факторами власти как отдельных европейских государств, так и их определённых коалиций. Другими словами, естественно исторический процесс становления европейских государств развивался самостоятельно по внутренним причинам, а система договорных отношений и религиозное самосознание просто формально сопровождали эти независимые от них явления.

Граф 1

Граф взаимосвязей факторных весов конструктов в тексте «Главного акта Венского конгресса 1815 г.»

Перечень факторов Графа 1

1. Дворы, государи, державы (Великобритания, Австрия, Франция)	14. Российские подданные (подданные бывшего Герцогства Варшавского)	24. Германский союз (между государствами бывшей Германской империи)
2. Состояние Европы (правовое внешнеполитическое послевоенное состояние Европы)	15. Австрийские подданные (поляки)	25. Нидерландские области
3. Парижский трактат 30.05.1814	16. Прусские подданные бывшего Герцогства Варшавского	26. Провинции бельгийские
4. Полномочные представители (правителей государств)	17. Часть Герцогства Варшавского*	27. Кантоны Швейцарские
5. Главный трактат	18. Король саксонский	28. Валлис**
6. Договоры	19. Король прусский	29. Женевская область
7. Соглашения	20. Вольные города Германии	30. Королевство Сардинское
8. Декларации	21. Император австрийский	31. Венецианская область
9. Уставы	22. Король датский	32. Далмация
10. Частные акты	23. Король нидерландский	33. Фердинанд IV (неаполитанский)
11. Герцогство Варшавское (в части ее отошедшей к России)		34. Трактаты
12. Император всероссийский		35. Конвенции
13. Поляки (подданные русские, австрийские и прусские)		36. Пресвятая Троица

* «Часть Герцогства Варшавского» — территория, отошедшая к Пруссии под названием Гросс-герцогства Познанского.

** Валлис — (нем.), Вале — (фр.) в XVII—XVIII вв. самостоятельная республика, временами попадавшая в зависимое положение. В 1810 г. Вале аннексирован наполеоновской Францией в качестве департамента Симплон. 4 августа 1815 г. Вале окончательно вошёл в состав Швейцарской конфедерации в качестве кантона.

Примечание к Графу 1: Окружности с цифрами внутри обозначают факторы конструкторов, как они указаны в Таблице 1. Окружности, имеющие заливку серого цвета, относятся

к факторам с положительным факторным весом. Десятичные дроби рядом с окружностями обозначают их факторные веса, они изменяются от $-1,0$ до $+1,0$. Чем ближе вычисленное значение факторного веса к $-1,0$, тем сильнее его отрицательное влияние, и наоборот, чем ближе к $+1,0$, тем сильнее его положительное влияние.

Табл. 1

Ранжированные показатели коэффициентов достоверности конструкторов по «Главному акту Венского конгресса 1815 г.»

№ по порядку и № конструктора	Конструкторы	Абсолютные значения от 100 %	Положительные относительные значения (+)	Отрицательные относительные значения (-)
1/36	Во имя Пресвятой Троицы	12,58	49,8	50,2
2/18	Король саксонский	12,48	41,9	58,1
3/5	Главный трактат (акт) Венского конгресса	10,73	60,7	59,3
4/2	Состояние Европы (правовое внешнеполитическое послевоенное состояние Европы)	10,42	55,7	44,3
5/11	Герцогство Варшавское (в части ее отошедшей к России)	10,27	59,4	40,6
6/24	Германский союз (между государствами бывшей Германской империи)	9,68	47,6	52,4
7/1	Дворы, государи, державы (Великобритания, Австрия, Франция)	9,66	50,5	49,5
8/14	Российские подданные (подданные бывшего Герцогства Варшавского)	8,97	38,9	61,1
9/3	Парижский трактат 30.05.1814 г.	8,09	50,0	50,0
10/4	Полномочные представители (правителей государств)	7,41	60,6	39,4

№ по порядку и № конструкта	Конструкты	Абсолютные значения от 100 %	Положительные относительные значения (+)	Отрицательные относительные значения (-)
11/19	Король прусский	7,004	53,9	46,1
12/20	Вольные города Германии	7,0	61,9	38,1
13/21	Император австрийский	7,0	61,9	38,1
14/22	Король датский	7,0	61,9	38,1
15/23	Король нидерландский	7,0	61,9	38,1
16/13	Поляки (подданные русские, австрийские и прусские)	6,89	57,5	42,5
17/12	Император всероссийский	6,81	46,4	53,6
18/17	Часть Герцогства Варшавского (отошедшая к Пруссии)	6,54	52,4	47,6
19/15	Австрийские подданные (поляки)	6,39	57,0	43,0
20/16	Прусские подданные (бывшего Герцогства Варшавского)	6,39	57,0	43,0
21/25	Нидерландские области	5,96	63,1	36,9
22/6	Договоры (вошедшие в Парижский трактат 1814 г.)	5,66	67,8	32,2
23/7	Соглашения	5,66	67,8	32,2
24/8	Декларации	5,66	67,8	32,2
25/9	Уставы	5,66	67,8	32,2
26/10	Частные акты	5,66	67,8	32,2
27/27	Кантоны Швейцарские	5,54	42,4	57,6
	Всего по группе	7,33	54,3	45,7
28/33	Фердинанд IV (неаполитанский)	5,3	44,9	55,1
29/28	Валлис	5,2	67,0	33,0
30/29	Женевская область	5,2	67,0	33,0
31/30	Королевство Сардинское	5,2	67,0	33,0
32/31	Венецианская область	4,96	66,9	33,1
33/32	Далмация	4,96	66,9	33,1
34/26	Провинции бельгийские	4,8	49,2	50,8

Отражение тенденций европейской политики в Главном акте Венского конгресса

№ по порядку и № конструкта	Конструкты	Абсолютные значения от 100 %	Положительные относительные значения (+)	Отрицательные относительные значения (-)
35/34	Трактаты	2,78	48,2	51,8
36/35	Конвенции	2,74	47,8	52,2
	Всего по группе	4,57	58,3	41,7
	Итого по группам			

Примечание к Таблице 1: 36 конструктов по порядковой нумерации полностью совпадают со списком Таблицы 1 и с Перечнем факторов к Графу 1. Последовательно, каждый из конструктов текста Главного акта Венского конгресса оцифрован и представлен как зависимая переменная, а остальные конструкты выполняют функцию независимых переменных. Сначала осуществляются расчёты по одному из конструктов как зависимой переменной, которая является результатом функции независимых переменных. Затем рассчитанная зависимая переменная становится независимой, и так далее до полного перебора списка конструктов. Например, если конструкт «Король Саксонский» является зависимой переменной, то остальные конструкты, такие как «Главный трактат», «Состояние Европы» и т. д. являются независимыми переменными, которые и определяют абсолютное значение зависимой переменной, в данном случае конструкта «Король Саксонский». В следующих пересчётах конструкт «Король Саксонский» совместно с переменными «Главный трактат», «Состояние Европы», «Часть Герцогства Варшавского» становятся вновь независимыми переменными, конструкт «Главный трактат» становится зависимой переменной.

Числовое значение зависимой переменной, как, например, конструкт «Король Саксонский», рассчитывается как сумма значений независимых переменных. В избранном нами примере сумма значений по конструкту «Король Саксонский» составляет 12,48. Эта величина берется за 100,0 %, а вычисленные значения независимых переменных рассчитываются как доли от 100,0 %. В соответствии с расчётами каждая вычисленная доля имеет знак (-/+). Абсолютное значение в 12,48 единицы или другие значения

Перечень дескриптов

1	Заключать (дворы, между коими заключён Парижский трактат 1814 г.)	17	Быть в державных владениях прусского короля (части Герцогства Варшавского, Саксонии и земли на Рейне)
2	Дополнять (Парижский трактат)	18	Называть Германским союзом (правители государственных образований бывшей Германской империи)
3	Вводить в общий договор, составлять (разные частные положения)	19	Соблюдать внешнюю и внутреннюю безопасность Германского союза (цель сего союза)
4	Утверждая ратификациями (разные частные положения)	20	Вверяя управление сейму (Германского союза)
5	Присутствовать (при утверждении статей Главного акта)	21	Подавая голоса через полномочных представителей (в сейме Германского союза)
6	Соглашаться (со статьями Главного акта)	22	Объединять области голландские и провинции бельгийские в единых границах
7	Присоединиться к России (части Герцогства Варшавского)	23	Установить границы (Сардинии в северной Италии)
8	Быть в неразрывной связи (части Герцогства Варшавского с Россией)	24	Передавать (Венецию и Далмацию Австрии)
9	Присоединиться на вечные времена (части Саксонии к Пруссии)	25	Возвращать престол (Фердинанду IV неаполитанскому)
10	Даровать по благоусмотрению своему (Александр I, внутреннее устройство Герцогства Варшавского)	26	Почитать как часть общего (отдельные договоры в приложении «Главного акта»)

11	Состоять под особым управлением (Герцогство Варшавское)	27	Приступить к исполнению (всем участникам конгресса)
12	Присвокупить титул (Царя Польского)	28	Употреблять французский язык (как международный язык «Главного акта»)
13	Иметь народных представителей	29	Хранить (экземпляры «Главного акта» в венском архиве)
14	Иметь национальные государственные учреждения	30	Приложить печать (а также полномочными подписан «Главный акт»)
15	Признавать полезным (парл. в частях. Г.В. отошедших к Рос., Прус. и Австр.	31	Окончить войну (правовое закрепление послевоенного устройства Европы)
16	Отказываться в пользу (Пруссии) на вечные времена (Саксонии от части своей территории)		

Табл. 2

Ранжированные данные коэффициентов достоверности дескриптов по «Главному акту Венского конгресса 1815 г.»

№ по порядку и № дескрипта	Конструкты	Абсолютные значения от 100 %	Положительные относительные значения (+)	Отрицательные относительные значения (-)
1/21.	Подавая голоса через полномочных (в Сейме Германского союза)	19,89	46,0	54,0
2/29.	Хранить (экземпляры «Главного акта» в венском архиве)	14,38	52,1	47,9

Отражение тенденций европейской политики в Главном акте Венского конгресса

№ по порядку и № дескрипта	Конструкты	Абсолютные значения от 100 %	Положительные относительные значения (+)	Отрицательные относительные значения (-)
3/15.	Признавать полезным (национальные государственные учреждения на бывших польских территориях)	14,27	52,3	47,7
4/16.	Отказываться в пользу Пруссии (Саксонии от части своей территории)	11,79	41,3	58,7
5/18.	Называть Германским союзом (правители государственных образований бывшей Германской империи)	10,73	65,5	34,5
6/26.	Почитать как часть общего (отдельные договоры в приложении «Главного акта»)	10,66	61,6	38,4
7/9.	Присоединиться на вечные времена (Герцогство Варшавское к России)	10,03	60,8	39,2
8/13.	Иметь народных представителей	10,01	52,1	47,9
9/4.	Утверждая ратификациями	9,7	60,2	39,8
10/27.	Приступить к исполнению	9,01	50,4	49,6
11/2.	Дополнять (Парижский трактат)	8,12	60,5	39,5
12/20.	Вверяя управление сейму (делами Германского союза)	6,73	47,0	53,0
13/25.	Возвращать престол (Фердинанду IV неаполитанскому)	6,67	65,7	34,3
14/3.	Вводить в общий договор, составлять (разные частные положения)	6,36	62,0	48,0

№ по порядку и № описания	Конструкты	Абсолютные значения от 100 %	Положительные относительные значения (+)	Отрицательные относительные значения (-)
15/1	Заключать (дворы, между коими заключен Парижский трактат 1814 г.)	6,17	51,5	48,5
16/11	Состоять под особым управлением (Царство Польское)	6,08	52,1	47,9
17/23	Установить границы (Сардинии в северной Италии)	5,7	31,6	68,4
18/7	Присоединиться к России (части Герцогства Варшавского)	5,68	50,5	49,5
19/10	Даровать по благоусмотрению своему (Александр I, внутреннее устройство Герцогства Варшавского)	5,64	64,0	36,0
20/8	Быть в неразрывной связи (части Герцогства Варшавского с Россией)	5,59	31,6	68,4
	Итого по II группе	8,54	53,0	47,0
21/22	Объединять области голландские и провинции бельгийские в единых границах	5,42	34,3	65,7
22/31	Окончить войну (правовое закрепление послевоенного устройства Европы)	5,31	46,3	53,7
23/28	Употреблять французский язык (как международный язык «Главного акта»)	5,19	45,5	55,5
24/17	Быть в державных владениях прусского короля (части Герцогства Варшавского, Саксонии и земли на Рейне)	4,98	70,5	29,5

Отражение тенденций европейской политики в Главном акте Венского конгресса

№ по порядку и № дескрипта	Конструкты	Абсолютные значения от 100 %	Положительные относительные значения (+)	Отрицательные относительные значения (-)
25/14	Иметь национальные государственные учреждения	4,87	66,1	33,9
26/6	Соглашаться (со статьями «Главного акта»)	4,82	52,9	47,1
27/19	Соблюдать внешнюю и внутреннюю безопасность Германского союза (цель сего союза)	4,79	41,8	58,2
28/24	Передавать (Венецию и Далмацию Австрии)	4,68	51,7	48,3
29/5	Присутствовать (при утверждении статей «Главного акта»)	4,14	58,9	41,1
30/30	Приложить печать (а также полномочными подписан «Главный акт»)	4,0	66,5	33,5
31/12	Присовокупить титул (Царя Польского)	2,41	44,4	55,6
	ИТОГО	4,6	52,6	47,4

¹ В литературе встречаются различные названия итогового документа Венского конгресса 1815 г.: «Заключительный акт», «Генеральный акт», — мы же придерживаемся названия, приведенного в издании Ф. Мартенса. Кстати, во французской официальной части этого документа он назван «principal», что можно перевести как главный, но не заключительный или генеральный.

² Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Составитель Ф. [Ф.] Мартенс. Т. III. СПб., 1876.

³ Там же. С. 229—230.

⁴ Институциональные факторы от лат. *institutio* — наставления, указания. В нашем случае они подразделяются на факторы власти (дворы, императоры, Германский союз и т. п.) и факторы принятия решений представителями субъектов международного права, результатами которых являлись декларации, соглашения, акты, трактаты и т. п.

О. С. Лихачёва (Барнаул)

ЭВОЛЮЦИЯ БРОНЗОВЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА ИЗ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

ОДНИМ ИЗ НАИБОЛЕЕ древних и широко известных видов метательного оружия дальнего боя являются лук и стрелы. Их появление относят чаще всего ещё к эпохе мезолита. Благодаря своей высокой эффективности и возможности поражения противника на безопасном расстоянии они быстро получили очень широкое распространение¹. На территории Лесостепного Алтая первые вещественные свидетельства использования лука со стрелами относятся к среднему каменному веку². Но включение их в сферу военного дела происходит, по всей вероятности, лишь в бронзовом веке. В данный период наблюдается резкое увеличение разнообразия состава колчаных наборов. Это выразилось как в материале (для изготовления наконечников стрел помимо камня начали использовать кость, рог и бронзу), так и в конструкции изделий (апробировались различные способы крепления наконечников к древку, активно менялась форма боевой части). Систематизация всей этой информации является актуальной задачей, поскольку поможет понять пути и направления эволюции стрелкового комплекса и то место в военном деле, которое он занимал в рассматриваемую эпоху. Еще один немаловажный аспект — культурно-хронологическая атрибуция имеющегося материала, так как большая часть изделий является случайными находками. Представленная работа посвящена анализу металлических наконечников стрел эпохи бронзы из Лесостепного Алтая. Стоит отметить, что на настоящий момент имеется ряд публикаций по этой теме, но в них даётся обзор источников лишь по отдельным периодам, без общей ретроспективы развития этого вида оружия в эпоху палеометалла³.

Рассматриваемая серия включает 39 наконечников стрел, из которых только два изделия происходят из могильников, 14 найдены на поселениях, остальные являются случайными находками. На основе анализа признаков в классификационной схеме выделены следующие таксоны: **группа — разряд — подразряд — раздел — отдел — тип**. Группа определяет материал изготовления, раздел — способ насада наконечника на древко, подраздел — характеризует конструкцию втулки, отдел — поперечное сечение пера, тип — общий абрис пера. Кроме того, выделяется вариант, информирующий о наличии или отсутствии дополнительных декоративных и функциональных элементов.

Группа I. Бронзовые. Все наконечники этой группы изготовлены из бронзы.

Раздел I. Черешковые. От бойка наконечника отходит короткая широкая пластина подпрямоугольного или трапециевидного абриса, которая вставлялась в древко при креплении.

Отдел I. Двухлопастные. Перо в разрезе представляет собой двулучевую звезду.

Тип 1. Треугольные. Абрис пера близок по форме треугольнику. **Вариант а.** Без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Всего 2 экз.: могильник Цыганкова Сопка-2, м. 3, поселение Коровья Пристань-1 (ил. 1.-1—2). **Вариант б.** С шипами и рёбрами жёсткости. Шипы представляют собой слегка опущенные вниз окончания лопастей. По центру наконечника расположено три выступающих валика, придающие прочность перу на излом. Всего 1 экз.: случайная находка из Баевского района (ил. 1.-3).

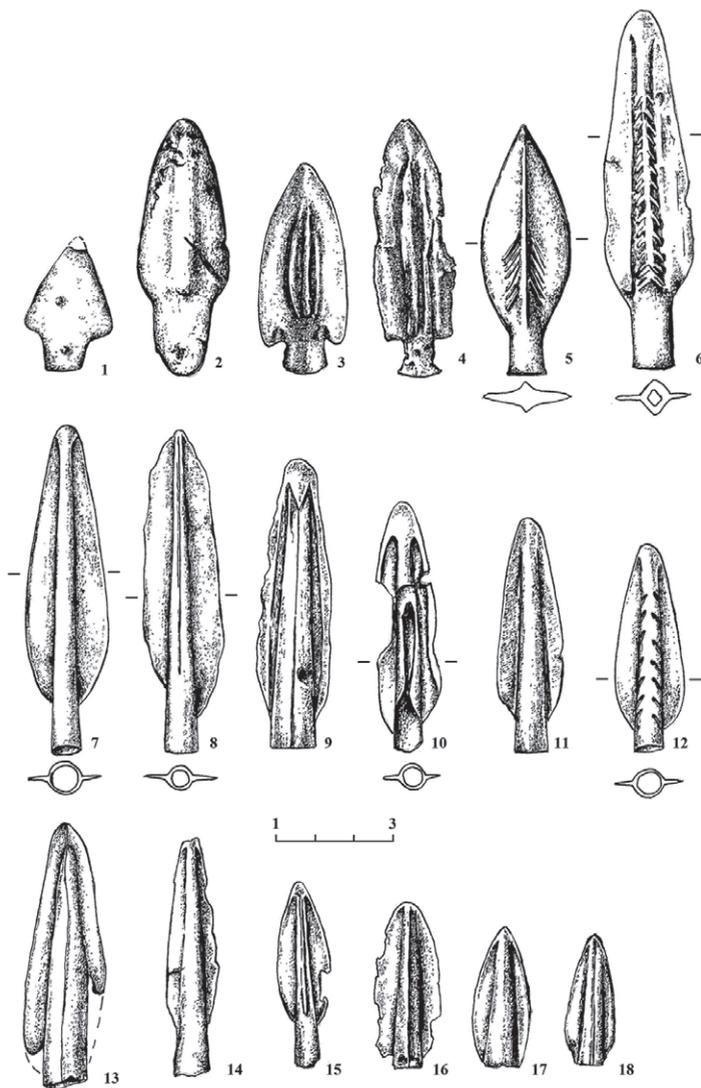
Тип 2. Килевидные. Боковые стороны пера идут параллельно друг другу и сходятся у окончания, образуя, таким образом, форму, напоминающую киль корабля. **Вариант а.** С рёбрами жёсткости. Всего 1 экз.: без точного местонахождения (ил. 1.-4).

Раздел II. Втульчатые. Древко стрелы вставляется во втулку.

Подраздел I. С выступающей втулкой. Втулка образует самостоятельную деталь цилиндрической формы, выступающую за пределы пера наконечника.

Отдел I. Двухлопастные.

Тип 3. Листовидные. Абрис пера напоминает растительный лист и представляет собой фигуру, боковые стороны которой дугообразно выгнуты и, сходясь, образуют остриё, при этом максимальное расширение приходится на середину пера. **Вариант а.**

Ил. 1. Наконечники стрел бронзового века из Лесостепного Алтая. 1 — Цыганкова Сопка-2, м. 3; 2 — Коровья Пристань-I; 3 — Баевский район; 4, 11 — Лесостепной Алтай; 5 — Телеутский Взвоз-I, м. 29; 6 — пос. Молодёжный; 7 — г. Бийск; 8 — с. Озеро-Кузнецово; 9 — с. Беленькое; 10 — Крестьянское-II; 12 — с. Чёрная Курья; 13 — Новосклюиха-1; 14 — с. Новообинцево; 15 — Казённая Заимка; 16—18 — Ильинка-III

Без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Всего 2 экз.: поселение Казённая Заимка и без точного местонахождения (ил. 1.-15; 2.-8). **Вариант б.** С орнаментом. В нижней половине пера на его лопастях расположены направленные вниз «штрихи», отходящие от втулки и образующие орнамент «ёлочка». Всего 1 экз.: могильник Телеутский Взвоз-1, м. 29 (ил. 1.-5).

Тип 4. Вытянуто-листовидные. Общий абрис пера также близок растительному листу, но наибольшее расширение приходится на нижнюю треть, а ширина значительно меньше длины, что визуально создает вытянутые пропорции. **Вариант а.** Без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Всего 4 экз.: с. Озеро-Кузнецово, с. Беленькое, г. Бийск, с. Новообинцево и без точного местонахождения (ил. 1.-7—9, 11). **Вариант б.** С орнаментом. На части втулки, находящейся в пределах пера, нанесены направленные вниз «штрихи», образующие орнамент «ёлочка». Всего 2 экз.: пос. Молодёжный, с. Черная Курья (ил. 1.-6, 12).

Условно к типу 4а можно отнести еще два изделия плохой сохранности, происходящие с поселений Крестьянское-II и Новосклюиха-1 (ил. 1.-10, 13).

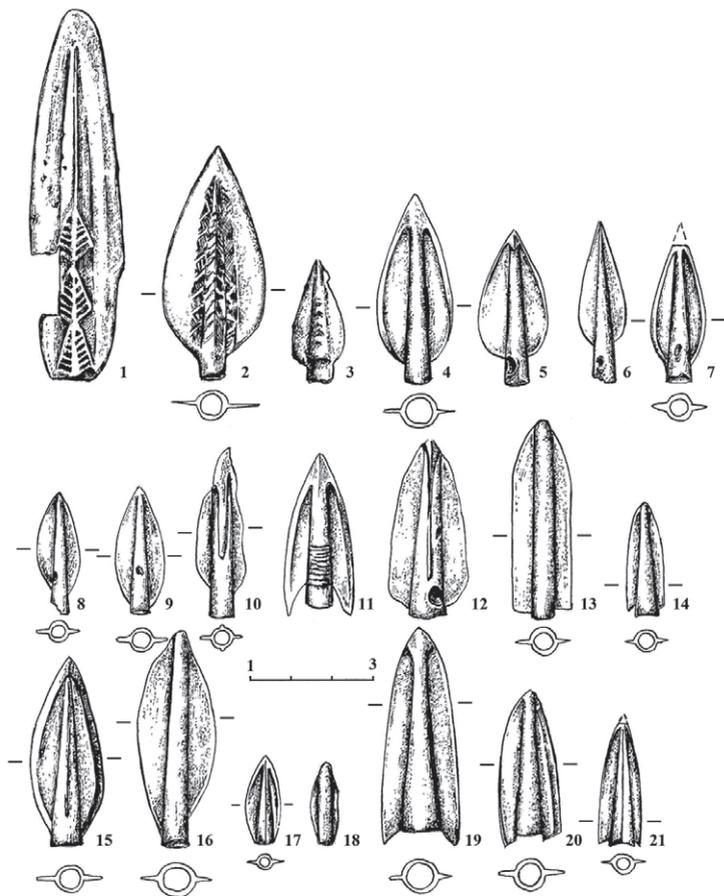
Тип 5. Ассиметрично-листовидные. Абрис пера близок по форме типу 3, но наибольшее расширение приходится на нижнюю треть. **Вариант а.** Без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Всего 5 экз.: поселение Первомайское, Шипуновка-2, с. Завьялово, пос. Глубокое и без точного местонахождения (ил. 2.-4—7, 9). **Вариант б.** С орнаментом. У одного изделия в нижней половине пера на лопастях расположены направленные вниз «штрихи», отходящие от втулки и образующие орнамент «ёлочка». У второго на части втулки, находящейся в пределах пера, нанесены горизонтальные «штрихи». Всего 2 экз.: поселение Первомайское и без точного местонахождения (ил. 2.-2—3).

Условно к типу 5б можно отнести еще один наконечник плохой сохранности с местонахождения Шипуновка-3 (ил. 2.-10).

Тип 6. Треугольные. **Вариант а.** Без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Всего 2 экз.: поселение Ильинка-III, с. Новополтава (ил. 1.-16.; 2.-12). **Вариант б.** С шипами и орнаментом. На части втулки, находящейся в пределах пера, нанесены горизонтальные «штрихи». Всего 1 экз.: местонахождение Новенькое-11 (ил. 2.-11).

Тип 7. Килевидные. **Вариант а.** Без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Всего 2 экз.: поселение Чекановский Лог-I, с. Степной Кучук (ил. 2.-13—14).

Подраздел II. Со скрытой втулкой. Втулка не выступает за пределы пера.

Ил. 2. Наконечники стрел бронзового века из Лесостепного Алтая. 1 — с. Озеро-Кузнецово; 2, 4, 15 — Первомайское; 3, 7—8 — Лесостепной Алтай; 5 — с. Завьялово; 6 — пос. Глубокое; 9 — Шипуновка-2; 10 — Шипуновка-3; 11 — Новенькое-11; 12 — Новополтава; 13, 20 — Степной Кучук; 14, 17—18, 21 — Чекановский Лог-I; 16 — с. Урлапово; 19 — Завьяловский район

Тип 8. Листовидные. *Вариант а.* Без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Всего 3 экз.: поселения Чекановский Лог-I и Первомайское (ил. 2.-15, 17—18).

Условно к типу 8а можно отнести еще один наконечник с литейными браками из с. Урлапово (ил. 2.-16).

Тип 9. Вытянуто-листовидные. *Вариант а.* С орнаментом. С одной стороны орнамент представляет собой «сеточку», с другой — три ромба, расположенные друг над другом. Проходящая по втулке наконечника нервюра делит внутреннее пространство ромбов пополам. От нее отходят направленные вверх штрихи, образуя внутри каждой фигуры орнамент в виде перевернутой «ёлочки». Всего 1 экз.: с. Озеро-Кузнецово (ил. 2.-1).

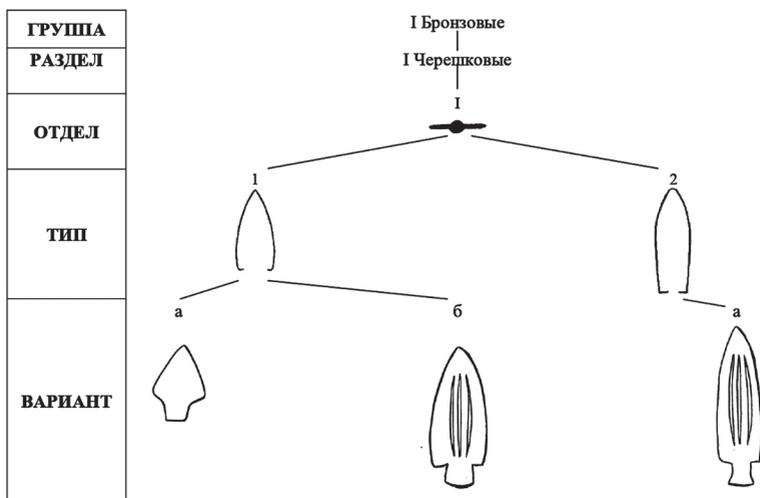
Тип 10. Ассиметрично-листовидные. *Вариант а.* Без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Всего 2 экз.: поселение Ильинка-III (ил. 1.-17—18).

Тип 11. Треугольные. *Вариант а.* Без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Всего 1 экз.: поселение Чекановский Лог-I (ил. 2.-21). *Вариант б.* С шипами и орнаментом. Всего 2 экз.: с. Степной Кучук, Завьяловский район (ил. 2.-19—20).

В результате систематизации материала были выделены одна группа, два раздела, два подраздела, один отдел и 11 типов, дополненных 17 вариантами (ил. 3—5).

Первые бронзовые наконечники стрел (группа I) появляются в Месопотамии с середины III тыс. до н. э., откуда распространяются по всему Ближнему Востоку: в Египте они известны с последней четверти III тыс. до н. э., в Палестине — со II тыс. до н. э. Бронза использовалась для изготовления стрел в этом регионе вплоть до середины III в. до н. э.⁴ В Восточной Европе и Южном Приуралье рассматриваемые изделия фиксируются в памятниках с XXI—XV в. до н. э. и используются до III в. до н. э.⁵ К середине II тыс. до н. э. относятся бронзовые наконечники стрел из Средней Азии, где полностью вытесняются железными только ко II в. до н. э.⁶ Наиболее ранние экземпляры из Китая датируются рубежом III—II тыс. до н. э.⁷ На юге Западной Сибири они известны уже с середины III тыс. до н. э. по материалам елунинской культуры и бытуют вплоть до III в. до н. э.⁸

Черешковый способ насада (разряд II) является наиболее архаичным, благодаря своей простоте. Его ранние формы с невыраженным плоским черешком исследователи связывают

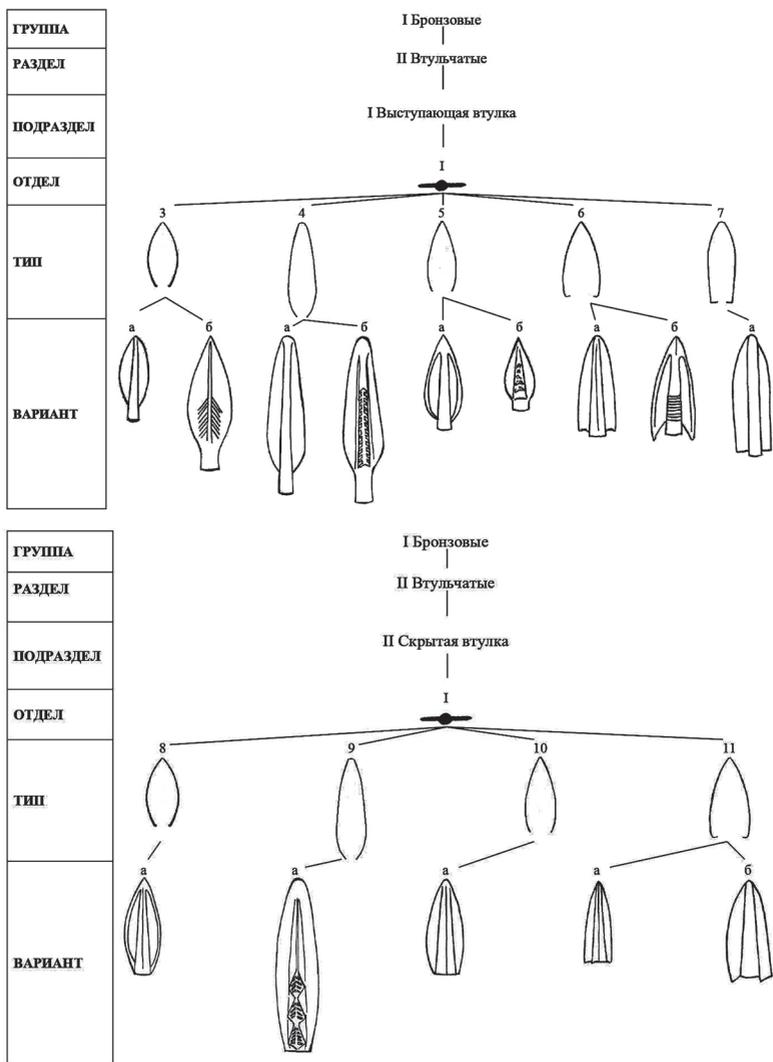

Илл. 3. Классификационная схема наконечников стрел эпохи бронзы из Лесостепного Алтая

с копированием каменных наконечников⁹. В Восточной Европе первые изделия с таким насадом известны уже в материалах трипольской культуры. Они не получают широкого распространения на этой территории, но отдельные экземпляры встречаются вплоть до XIII в. до н. э.¹⁰ В Южном Приуралье этот признак встречается с конца II тыс. до н. э., но широко начинает применяться только в поздней бронзе¹¹. Наибольшую популярность такой способ крепления имел на Переднем Востоке, что объясняется наличием там тростника для изготовления древков. Бронзовые наконечники стрел с черешком применялись там на протяжении всего II тыс. до н. э.¹² С XVI в. до н. э. указанный способ насада известен в Средней Азии, где он бытовал на протяжении всего бронзового века и впоследствии применялся сакским населением¹³. На рассматриваемой территории в эпоху бронзы наконечники стрел с таким способом насада известны на настоящий момент только по памятникам елунинской культуры¹⁴.

Двухлопастное сечение (отдел I) присуще всем рассмотренным выше изделиям с черешковым способом насада¹⁵.

Тип 1 — с треугольным абрисом пера. Экземпляр без дополнительных функциональных и декоративных элементов (тип 1а) не находит полностью идентичных аналогий. По форме пера

Ил. 4—5. Классификационная схема наконечников стрел эпохи бронзы из Лесостепного Алтая (окончание)

он наиболее близок изделиям XXI—XVIII вв. до н. э. из Суз¹⁶. Схожее строение черешка, в свою очередь, есть у наконечников из могилы-9 памятника Канай, образца из погребения № 17 могильника Ордынское-I и изделия с поселения Каменный Амбар¹⁷.

Первый датируется исследователями началом II тыс. до н. э.¹⁸ Указанный объект на памятнике Ордынское-I соотносится с елунинской культурой¹⁹. На рассматриваемой территории образы типа 1а происходят также из елунинского могильника и с поселения, относящегося к памятникам «уткульского» типа²⁰. Таким образом, время бытования типа 1а может определяться XXI—XVIII вв. до н. э. Изделие с шипами и рёбрами жёсткости (тип 1б) находит практически идентичную аналогию в могильнике XXI—XVIII вв. до н. э. Синташта-II, могила-7²¹. Разница заключается лишь в том, что у синташтинского образца орнамент по центру пера. Исходя из времени бытования и территории местонахождения наконечник типа 1б может рассматриваться в рамках елунинской археологической культуры и датироваться указанным временем.

Тип 2 имеет килевидный абрис пера, являясь, скорее всего производным от изделий с подтреугольным абрисом (тип 1). Образец с рёбрами жёсткости (тип 2а) полностью идентичен экземпляру из комплекса XXI—XVIII вв. до н. э. Синташта-II, могила-7²². Точное местонахождение его не известно, но исходя из его сходства с типом 1а он может быть отнесен к елунинской культуре.

Большая часть наконечников стрел из рассматриваемой серии имеет втульчатый способ насада (раздел I). Как отмечают исследователи, это крепление характерно для культур степной зоны Евразии²³. Наиболее ранний образец с подобным признаком происходит с территории Западной Сибири из материалов елунинской культуры середины III — первой четверти II тыс. до н. э.²⁴ В Южном Зауралье такие изделия относят к рубежу III—II тыс. до н. э. (поселение синташтинской культуры Куйсак)²⁵. В стрелковых наборах из Восточной Европы они встречаются с XVII в. до н. э.²⁶ В Средней Азии подобные наконечники распространяются с середины II тыс. до н. э.²⁷ В целом втульчатый способ насада, появляясь в начале эпохи бронзы, на большинстве территорий остаётся ведущим у бронзовых изделий вплоть до второй половины II тыс. до н. э.

Выступающая втулка (подраздел I) является ранним конструктивным решением и присуща всем первым образцам²⁸. Будучи достаточно простым, но эффективным способом крепления, она выходит из употребления лишь вместе с самими бронзовыми наконечниками, сохраняясь на большинстве территорий до конца скифского времени²⁹.

Двухлопастное сечение пера (отдел I) типологически наиболее раннее и известно у елунинских и синташтинских изделий³⁰. Этот признак бытует на протяжении всей эпохи бронзы³¹. Двухлопастные наконечники с выступающей втулкой продолжают использоваться и в «раннескифское» время, о чём свидетельствуют материалы алды-бельской культуры Тувы конца IX—VIII вв. до н. э., раннесакских памятников Средней Азии и Южного Зауралья конца VIII—VII вв. до н. э., кобанских комплексов середины VII в. до н. э. — начала VI в. до н. э. и тагарских V в. до н. э.³²

Тип 3 с листовидным абрисом пера. Изделия без дополнительных элементов (тип 3а) известны по материалам XII—VIII вв. до н. э. из Казахстана: поселения Мало-Красноярка и Канай³³. Общая датировка типа может определяться этим же временем. На территории Лесостепного Алтая наконечник типа 3а происходит с поселения ирменской культуры, что ограничивает верхнюю дату типа 3а IX в. до н. э.³⁴. Наиболее близкой аналогией экземпляру с орнаментом (тип 3б) является образец из могильника Бозенген, курган № 5б, который датируется первой третью II тыс. до н. э.³⁵ На территории Лесостепного Алтая такой наконечник происходит из могильника XXI—XIX вв. до н. э. елунинской культуры³⁶.

Тип 4 вытянуто-листовидного абриса происходит от типа 3 путём увеличения размера и изменения соотношения длины и ширины пера, которое в среднем определяется как 1:3. Изделия без дополнительных функциональных и декоративных элементов (тип 4а) встречаются в ряде памятников андроновской культуры Казахстана: могильник XVI—XV вв. до н. э. Алпымса, курган № 2, могила-2; комплексы Атасу, ограда № 4, могила-1; Жаманузен-II, ограда № 2, могила-2. Помимо этого, подобные изделия известны и на поселении XVII в. до н. э. данной культуры³⁷. Исходя из приведенных аналогий, крупные наконечники стрел типа 4а с территории Лесостепного Алтая могут быть отнесены к андроновской археологической культуре. Типологическая датировка этой серии укладывается в XVII—XV вв. до н. э. Исключение составляет одно изделие меньшего размера, которое исследователи связывают с материалами корчажкинской культуры³⁸. Экземпляр с орнаментом (тип 4б) аналогичен наконечнику стрелы из могилы-9 Еловского могильника-II/4, дата которого укладывается в XII—VIII вв. до н. э.³⁹ Наконечник из Лесостепного Алтая происходит из ареала саргаринско-алексеевской культуры, что может

указывать на более раннюю дату бытования типа 4б на этой территории, ограничивая её XIV—IX в. до н. э.

Тип 5 имеет перо ассиметрично-листовидного абриса. Образцы без дополнительных функциональных и декоративных элементов (тип 5а) известны по материалам поселений XII—VIII вв. до н. э. Шартандыбулак и Язеву-1⁴⁰. Наконечники с идентичным орнаментом (тип 5б) не известны на других территориях. В Лесостепном Алтае изделия типа 5, исходя из картографирования, могут рассматриваться в рамках саргаринско-алексеевской культуры. Типологическая датировка типа 5 определяется XII—IX вв. до н. э.

Тип 6 с подтреугольным абрисом пера. Изделия без дополнительных элементов (тип 6а) схожи с экземплярами из Восточной Европы X—VIII вв. до н. э.⁴¹ Наконечник с орнаментом на втулке и шипами (тип 6б) не находит на настоящий момент точных аналогий. На территории Лесостепного Алтая наконечник типа 6 происходит с поселения ирменской культуры⁴². Время бытования таких изделий может быть определено X—IX вв. до н. э.

Тип 7 килевидного абриса. Наконечники без дополнительных элементов (тип 7а) встречаются среди материалов XII—VIII вв. до н. э. поселения Мало-Красноярка⁴³. На территории Лесостепного Алтая наконечники такого типа происходят с поселения саргаринско-алексеевской культуры. Общая дата типа 7а ограничивается XII—IX вв. до н. э.

Скрытая втулка (подраздел II) начинает применяться со второй половины II тыс. до н. э.⁴⁴ Такая форма насада становится весьма популярной и широко применяется для бронзовых наконечников стрел до III в. до н. э. Но в сочетании с двухлопастным сечением (отдел I) этот признак бытует лишь до VI в. до н. э.⁴⁵

Тип 8 имеет листовидный абрис пера. Наконечники без дополнительных функциональных и декоративных элементов (тип 8а) полностью идентичны образцам, происходящим с поселения XII—X вв. Саргары⁴⁶.

Тип 9 с вытянуто-листовидным абрисом пера и орнаментом (тип 9а) не находит полностью идентичных аналогий. Тип 9 является производным от типа 4. Происходит изменение в конструкции втулки: она становится скрытой, перо же полностью сохраняет свою форму, но при этом дополняется орнаментом. Судя по местонахождению образца, он связан с материалами саргаринско-алексеевской культуры. Сочетание формы пера и орнамента на нём позволяет соотнести это изделие с материалами XII—VIII вв.

до н. э. Еловского могильника-II/4. Общая датировка изделия может быть определена XII—IX вв. до н. э.

Тип 10 обладает ассиметрично-листовидной формой пера. Наконечники без дополнительных функциональных и декоративных элементов (тип 10а) известны на поселениях XIII—XI вв. до н. э. Саргары и Кент⁴⁷. Образцы с орнаментом (тип 10б) не находят точных аналогий. Несколько образцов типа 10 происходит с поселения ирменской культуры, остальные найдены в ареале саргаринско-алексеевской культуры. Бытование типа 10 может быть определено XIII—XI вв. до н. э.

Тип 11 с пером подтреугольного абриса. Рассматриваемые экземпляры, с шипами и без (тип 11а-б), не находят полностью идентичных аналогий на других территориях. Наиболее близкие им по набору признаков образцы известны по памятникам X—VIII вв. до н. э. из Восточной Европы⁴⁸. Судя по местонахождению, такие наконечники стрел могли использоваться носителями саргаринско-алексеевской культуры и бытовать в X—IX вв. до н. э.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить три хронологические серии наконечников стрел (ил. 6).

Наиболее раннюю составляют образцы XXI—XVIII вв. до н. э., характеризующие колчаный набор ранней бронзы. По всей вероятности, в этой серии наиболее ранними образцами являются черешковые наконечники с плоским пером подтреугольного абриса, являющиеся, скорее всего, имитацией каменных образцов. Некоторые авторы рассматривают их как votивные. На наш взгляд, это не вполне правомерно, поскольку имеются целые серии подобных изделий с других территорий, что указывает на их массовое производство для ведения боевых действий⁴⁹. Дальнейшим развитием таких изделий стало появление рёбер жёсткости для придания большей прочности перу. Еще одним типом наконечников, применявшимся в рассматриваемый период, были втульчатые изделия с листовидным пером. В итоге именно такой способ насада стал ведущим на рассматриваемой территории вплоть до раннего железного века. В колчаный набор елунинской культуры входили три типа изделий (типы 1а-б, 2а, 3б), с комплексом памятников «уткульского» типа связан пока только один (тип 1а).

Вторую серию составляют наконечники стрел, датированные XVII—XV вв. до н. э. Они имеют достаточно крупные размеры, втульчатый способ насада и перо характерного вытянуто-листовидного абриса, при котором соотношение длины к ширине

Вв. до н.э.	Лесостепной Алтай									
IX										
X										
XI										
XII										
XIII										
XIV										
XV										
XVI										
XVII										
XVIII										
XIX										
XX										
XXI										

Ил. 6. Типология наконечников стрел эпохи бронзы из Лесостепного Алтая

определяется как 1:3. Подобные изделия входили в колчаные наборы носителей андроновской археологической культуры, все-го в нём представлен только один тип наконечников (тип 4а).

Поздняя серия наконечников стрел относится к XIV—IX вв. до н. э. В это время еще продолжают использоваться экземпляры типа 4, но, заимствуя их, носители позднебронзовых традиций внесли в их облик некоторые изменения: на них появился орнамент, у некоторых втулка из выступающей преобразуется в скрытую. Стоит отметить, что такой способ насада стал характерным маркером нового периода. Основную серию составляют образцы небольшого размера, преобладающая форма пера у них ассиметрично-листовидная. Но продолжают, хоть и значительно реже, встречаться листовидный, треугольный и килевидный абрисы. Наиболее развитым в этот период выглядит колчаный

набор саргаринско-алексеевской культуры, включающий восемь типов (4б, 5а-б, 6а-б, 7а, 8а, 9а, 10а, 11а-б). В свою очередь наконечники стрел ирменской культуры представлены тремя типами (типы 3а, 6а, 10а), а корчажгинской — одним (тип 4а).

Проведённый системный анализ позволил проследить и наметить эволюционную схему для наконечников стрел бронзового века, применявшихся населением Лесостепного Алтая. Поиск наиболее оптимальных форм для этого вида оружия касался конструкции насада и абриса пера. Это вполне закономерно, поскольку первый обеспечивал надёжность соединения наконечника и древка, а второй влиял на баллистические и поражающие свойства изделий. Ведущим в рассматриваемую эпоху способом крепления стала выступающая втулка. Преобладающим абрисом пера — листовидный в различных вариациях. Изменения касались и размеров наконечников стрел. Данный показатель напрямую был связан с конструкцией и мощностью применявшихся луков и требует отдельного, более детального изучения, пока лишь отметим, что наиболее крупные образцы относятся к развитой бронзе и восходят к военным традициям андроновской культуры. В целом, можно отметить, что бронза как материал для изготовления оружия дальнего боя не играла значимой роли в рассматриваемую эпоху. На настоящий момент наконечники стрел представлены очень небольшими сериями, особенно это заметно на фоне другого оружия.

¹ Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). СПб., 2003. С. 57.

² Кунгуров А. Л. Мезолит (ранний, развитый, поздний, финальный) // История Алтая. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул, 2019. С. 35.

³ Иванов Г. Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 7—13; Грушин С. П. Ранний период бронзового века (елунинский металлокомплекс) // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. С. 42—45; Папин Д. В., Федорук А. С. Поздний период бронзового века и переходное время от бронзового к раннему железному веку // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. С. 91—95; Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А. Опыт классификации наконечников стрел эпохи ранней бронзы из Верхнего Приобья // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 16—32.

⁴ Горелик М. В. Оружие древнего Востока... Табл. XLIII.-12, 29—33; Медведская И. Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. № 3. Рис. 2.

- ⁵ Виноградов Н. Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н. э. Челябинск, 2011. С. 78; Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск, 1992. Рис. 185.-1—5; Горелик М. В. Оружие древнего Востока... Табл. XLIII.-298, 294—296; Ключко В. И. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000—900 рр. до Р. Х.). Київ, 2006. Рис. 7; Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. М., 1964. Табл. 9.
- ⁶ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. М., 1966. Вып. В4-9. С. 36; Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 68—77.
- ⁷ Горелик М. В. Оружие древнего Востока... Табл. XLIII.-319—325.
- ⁸ Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. Рис. 121.-11—12; Лихачёва О. С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII—I вв. до н. э.). Барнаул, 2020. С. 58—59.
- ⁹ Грушин С. П. Ранний период бронзового века... С. 44.
- ¹⁰ Ключко В. И. Озброєння та військова справа давнього населення України... Рис. 3.-5; 96.-5.
- ¹¹ Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта... Рис. 185.-1—5; Чугунов К. В. К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул, 2000. С. 166.
- ¹² Медведская И. Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II — первой половины I тысячелетия до н. э. // СА. 1980. № 4. С. 23.
- ¹³ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. С. 33; Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. С. 70. Рис. 12.-3.
- ¹⁴ Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Рис. 121.-11—12.
- ¹⁵ Ключко В. И. Озброєння та військова справа давнього населення України... Рис. 3.-5; 96.-5; Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта... Рис. 185.-1—5; Медведская И. Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей... Рис. 1; Кузьмина Е. Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. Табл. VI.-46—48.
- ¹⁶ Ковалёв А. А., Мерц И. В. Ограда № 9 могильника близ бывшего аула Канай в Восточном Казахстане (по архивным источникам) // Древнейшие европейцы в Центре Азии: чумурчекский культурный феномен. СПб., 2015. Рис. 8.-7.
- ¹⁷ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88. Табл. XXа.-2; Молодин В. И., Дураков И. А. Погребения эпохи ранней — развитой бронзы могильника Ордынское-I (новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). Рис. 18.-4; Епимахов А. В., Семьян И. А. Наконечники стрел поселения Каменный Амбар и некоторые замечания о войне в синташтинском обществе // Уральский исторический вестник. № 4 (53). 2016. Рис. 16—17.
- ¹⁸ Ковалёв А. А., Мерц И. В. Ограда № 9 могильника близ бывшего аула Канай... С. 223.

- ¹⁹ Молодин В. И., Дураков И. А. Погребения эпохи ранней — развитой бронзы могильника Ордынское-I... С. 99.
- ²⁰ Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. С. 82.
- ²¹ Виноградов Н. Б. Степи Южного Урала и Казахстана... С. 78; Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. 1992. Синташта... Рис. 185.-2; 186.-4.
- ²² Виноградов Н. Б. Степи Южного Урала и Казахстана... С. 78; Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта... Рис. 185.-4; 186.-1.
- ²³ Чугунов К. В. К вопросу о формировании колчанного набора... С. 168.
- ²⁴ Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Рис. 121.-11—12; Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Папин Д. В., и др. Алтай в бронзовом веке: проблемы периодизации и культурного содержания // Наука — Алтайскому краю. Барнаул, 2009. Вып. 3. С. 120.
- ²⁵ Малютин Т. С., Зданович Г. Б., Семьян И. А. Наконечники стрел с укрепленного поселения эпохи бронзы Куйсак // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2015. С. 73.
- ²⁶ Ключко В. І. Озброєння та військова справа давнього населення України... Рис. 87.-11—14.
- ²⁷ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. С. 36.
- ²⁸ Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Рис. 121.-11—12; Малютин Т. С., Зданович Г. Б., Семьян И. А. Наконечники стрел с укрепленного поселения эпохи бронзы Куйсак. С. 73; Ключко В. І. Озброєння та військова справа давнього населення України... Рис. 87.-11—14; Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. С. 36.
- ²⁹ Лихачёва О. С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая... С. 45.
- ³⁰ Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Рис. 121.-11—12; Малютин Т. С., Зданович Г. Б., Семьян И. А. Наконечники стрел с укрепленного поселения эпохи бронзы Куйсак. С. 73.
- ³¹ Грушин С. П., Мерц В. К., Папин Д. В., Пересветов Г. Ю. Материалы эпохи бронзы из Павлодарского Прииртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. Рис. 1.-2—3; Елибаев Т. А. Металлические наконечники стрел эпохи палеометалла Казахстана // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных. СПб., 2016. Рис. 1; Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. Табл. VI.-12—13, 20, 22—25; Ключко В. І. Озброєння та військова справа давнього населення України... Рис. 87.-11—13; 101.-5—9; Молодин В. И., Парцингер Г. Хронология памятника Чича-1 // Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 72.
- ³² Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сыр-Дарьи (По материалам Тагискена) // СА. № 2, 1966. Рис. 9; Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. Рис. 11.-8; Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология) западный вариант // САИ. В2—5. Вып. 4. М., 1995. Табл. III.-Ж1—2, К2—3; Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки Нижней Сырдарьи... С. 70; Горелик М. В. Оружие древнего Востока... Табл. XLIX.-1—4, 5—7; Таиров А. Д. Некоторые образцы клинкового оружия раннего железного века из Южного Приуралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007.

Рис. 42.-10. С. 72; Кулемзин А. М. Тагарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976. Рис. 1.-4.

³³ Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлургическим изделиям). Ташкент, 1991. С. 43. Рис. 39.-8; Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. Табл. 36.-4—6.

³⁴ Шамшин А. Б. Комплекс эпохи поздней бронзы с поселения Казённая Заимка в Барнауле // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. № 1. С. 95. Рис. 1.-4; Папин Д. В. Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестник Кемеровского государственного университета. № 2—6 (62). 2015. С. 137.

³⁵ Евдокимов В. В., Ткачёв А. А., Ткачёва Н. А. Могильник эпохи бронзы Бозенген — памятник нуртайского типа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2002. № 4. Рис. 5.-16.

³⁶ Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул, 2003. С. 120.

³⁷ Ткачёв А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень, 2002. Ч. 2. С. 215. Рис. 152.-1; Аванесова Н. А. Культура пастушеских племён эпохи бронзы азиатской части СССР. Рис. 4.-65, 67; Чемякин Ю. П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2015. Рис. 5.-17—18.

³⁸ Папин Д. В., Шамшин А. Б. Корчажнинская культура // История Алтая. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул, 2019. Рис. 2.67.-1.

³⁹ Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2. Еловский-II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004. С. 192. Рис. 286.-6.

⁴⁰ Аванесова Н. А. Культура пастушеских племён эпохи бронзы азиатской части СССР. Рис. 7.-12, 17.

⁴¹ Ключко В. I. Озброєння та військова справа давнього населення України... Рис. 108.-9.

⁴² Папин Д. В. Ирменская культура // История Алтая. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул, 2019. Рис. 2.59.-5.

⁴³ Аванесова Н. А. Культура пастушеских племён эпохи бронзы азиатской части СССР. С. 42. Рис. 39.-5.

⁴⁴ Аванесова Н. А. Там же. Рис. 39.-XIV; Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. Табл. VI.-7—11; Горелик М. В. Оружие древнего Востока... Табл. XLIII.-305, 309—310; Ключко В. I. Озброєння та військова справа давнього населення України... Рис. 108.-11—13.

⁴⁵ Лихачёва О. С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке... С. 49.

⁴⁶ Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988. Табл. 9, 10Г.-8.

⁴⁷ Зданович Г. Б. 1) Там же. Табл. 10Г.-9—10; 2) Алексеевско-саргаринские поселенческие комплексы Сары-Арки // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2009. № 10. Рис. 3.-16.

⁴⁸ Ключко В. I. Озброєння та військова справа давнього населення України... Рис. 106.-9,11.

⁴⁹ Грушин С. П. 2009. Ранний период бронзового века... С. 45; Ковалёв А. А., Мерц И. В. Ограда № 9 могильника близ бывшего аула Канай... Рис. 8.

Н. В. Ломакин (Санкт-Петербург)

ПОЛВЕКА СЛУЖБЫ. ШТУЦЕР КАВАЛЕРИЙСКИЙ ОБР. 1803 ГОДА И ЕГО ВАРИАНТЫ

В XVIII — середине XIX в. нарезное оружие для кавалерии было достаточно редким явлением. Трудность его изготовления, «мешкотность», по выражению того времени, в зарядании, обусловленная необходимостью плотно вбивать пулю в ствол, чтобы та врезалась в нарезы, что требовало больше времени на зарядание, при этом стрелок, просто «закативший» пулю в ствол или забив ее недостаточно старательно, рисковал получить результат хуже, чем из гладкого ствола (пороховые газы обгоняли тогда пулю по нарезам), — всё это привело к тому, что за весь XVIII в. русская кавалерия имела только два образца: винтовальный карабин обр. 1775 г. и гусарский карабин с нарезным стволом обр. 1796 г.¹ В музеях до нынешнего времени они сохранились в единичных экземплярах (в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, например, всего по одному), отсюда возникает резонный вопрос: а что, если их бытование ограничилось изготовлением крайне малого числа экземпляров в качестве образцов на заводах, но в войска они так и не пришли? Тем более, что длина ствола этих карабинов в пределах 770—795 мм превращала их зарядание по всем правилам в крайне утомительную процедуру, в седле же данное занятие можно приравнять к цирковому номеру. Несколько поправить положение с трудностью зарядания могло введение штуцера, у которого ствол короче.

Табель мундирных, амуничных и ружейных вещей, приложенная к штатам армейских уланских полков от 26 сентября 1803 г., ввела новый для русской кавалерии образец длинноствольного нарезного оружия — штуцер кавалерийский, коих полагалось на

каждый эскадрон по 16, а, соответственно, на полк десятиэскадронного состава — 160². В ВИМАИВиВС штуцеров, изготовленных в 1800-е гг., не сохранилось, однако в наличии есть более ранний, датируемый по надписи на замочной доске 1799 г. Скорее всего, планы по введению штуцеров в кавалерию были и в царствование императора Павла I. Приведём здесь описание данного образца.

Штуцер кавалерийский. 1799 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/748 (ил. 1—6)

Изготовлен на Тульском оружейном заводе в 1799 г. Поступил в музей в 1873 г. из Тульского оружейного завода.

Ствол железный восьмигранный. Канал ствола нарезной с восемью полукруглыми в плане нарезами. Ствол крепится в ложе двумя шпильками, хвостовым шурупом и верхней обоймой погона.

Прицельные приспособления состоят из латунной вставной полукруглой мушки и железного целика, вставленного в площадку-углубление на верхней грани ствола и состоящего из трёх

Ил. 1. Штуцер кавалерийский. 1799 г. Вид справа. Тульский оружейный завод. 1799 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/748

Ил. 2. Штуцер кавалерийский. 1799 г. Вид слева. Тульский оружейный завод. 1799 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/748

Ил. 3. Штуцер кавалерийский. 1799 г. Средняя часть и замок. Тульский оружейный завод. 1799 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/748

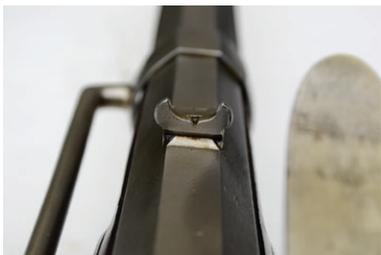
вертикальных планок с овальными вырезами и узкими прорезями, две из которых откидные, на шарнире.

Замок кремнёвый батарейный, с S-образным курком, железной полкой и предохранителем курка — крючком-«собачкой». На замочной доске нанесены клеймо «ИП» в прямоугольнике», надпись в две строки «ТУЛА // 1799».

Ложа берёзовая, с цевьем во всю длину ствола, прикладом со щекой и гнездом для оружейной принадлежности, закрытым подвижной деревянной крышкой с фигурной выемкой в задней части, полукруглым латунным затыльником и пружинной защёлкой с овальным выступом-«пуговкой». Прибор ложи латунный, состоит из накладки, укрепляющей устье цевья, фигурной спусковой скобы с изгибом для упора руки, полукруглым передним и фигурным задним концами, затыльника приклада с фигурным верхним концом и накладки под замочные винты в виде простой скобки. С левой стороны штуцера расположен погон — железная прутовая скоба, закреплённая двумя обоймами и замочным винтом. Верхняя скоба глухая, с плотной посадкой, повторяет в месте прилегания конфигурацию ствола и ложи, нижняя состоит из двух полукруглых скоб, соединённых с одной стороны шарниром, с другой — винтом. В прутовую скобу продето круглое железное кольцо. На прикладе справа нанесён овальный штамп с надписью в две строки «АМ // 2056», слева наклеен прямоугольный бумажный ярлык с двулинейной рамкой и надписью «Ч. I № 2215».

Ил. 4. Штуцер кавалерийский. 1799 г. Прицел. Вид справа. Тульский оружейный завод. 1799 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/748

Ил. 5. Штуцер кавалерийский. 1799 г. Прицел. Вид сзади. Тульский оружейный завод. 1799 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/748

Ил. 6. Штуцер кавалерийский. 1799 г. Дульный срез. Тульский оружейный завод. 1799 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/748

Калибр по полям 16,7 мм, по нарезах 18 мм, ширина нарезов 2,6 мм, глубина нарезов 2 мм, длина ствола 328 мм, общая длина 714 мм.

Судя по тому, что по таким важнейшим деталям как ствол и ложа данный штуцер практически полностью соответствуют образцам более позднего изготовления (1810-е гг.), пред нами прототип данного оружия.

Об этом прямо свидетельствуют и архивные документы. Так, когда в конце 1812 г. разворачивалось (или возобновлялось, что до сих пор неясно) производство кавалерийских штуцеров, на оружейные заводы было отправлено вместе с образцами распоряжение Артиллерийского департамента с рекомендацией изготавливать по образцу, присланному на завод (или уже имеющемуся на нём, как в Туле), «кроме замка, кои должны быть одного калибра с замками прочаго кавалерийскаго огнестрельного оружия, согласно высочайшей воли»³. При этом переписка Артиллерийского департамента с Тульским оружейным заводом позволяет сделать вывод, что штуце-

ра в 1803 г. планировалось дать не одним только уланам, а также кавалергардам и конногвардейцам; отличался только материал ложи (уланам — берёза, гвардейцам — орех), естественно, что в 1812—1813 гг. приняли ложу берёзовую⁴. В декабре 1812 г.

с образцовыми штуцерами произошел курьёзный случай: директор Сестрорецкого оружейного завода подполковник Ланкри вместо кавалерийского выслал егерский штуцер с штыком-кортиком, чем привел в серьёзное недоумение вице-директора Артиллерийского департамента генерал-майора Гогеля⁵.

Производство штуцеров для кавалерии разворачивалось на Сестрорецком и Тульском оружейных заводах в соответствии с именным указом императора от 10 ноября 1812 г. и распоряжением управляющего Военным министерством⁶. Количество штуцеров для улан и кирасир определялось по 16 на эскадрон; по расчётам Комиссариатского департамента для уланских полков — по 160 на полк, всего для улан требовалось 1760 единиц данного оружия, для кирасир — по 80 на полк, всего 800, в сумме для обоих видов кавалерии — 1760⁷. Первая разнарядка (250 шт.) пошла на Сестрорецкий завод, откуда должны были снабжаться резервные эскадроны Санкт-Петербурга и Новгород-Северского⁸. В конце декабря 1812 г. тот же завод должен был изготовить еще 250 штуцеров⁹. Директор завода подполковник Ланкри при выполнении заказа столкнулся с определёнными трудностями: не было механизмов для изготовления нарезов в канале ствола, ложа и прибор значительно отличались от находящихся в тот период на производстве изделий, соответственно пришлось заново вести приготовительные работы, высока была доля ручного труда¹⁰. Однако, несмотря на все сложности, уже 4 марта 1813 г. в Санкт-Петербургский арсенал было отгружено 898 кавалерийских штуцеров (т. е. почти половина от требуемого для всех полков количества)¹¹. Тульский оружейный завод согласно апрельскому 1813 г. предписанию Военного министерства должен был изготовить 750 штуцеров¹². Однако значительная загрузка туляков заказом пистолетов для Резервной армии осенью того же 1813 г. заставила отложить изготовление штуцеров на следующий год¹³. Теперь самое время привести описание того предмета, о котором мы писали ранее.

Штуцер кавалерийский обр.1803 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/776(1-5) (ил. 7—13)

Изготовлен на Сестрорецком оружейном заводе в 1818 г. Поступил в музей до 1935 г. из неизвестного источника.

Ствол железный восьмигранный. Канал ствола нарезной с восемью прямоугольными в плане нарезами. Ствол крепится

Ил. 7. Штуцер кавалерийский обр. 1803 г. Вид справа. Сестрорецкий оружейный завод. 1818 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/776(1-5)

Ил. 8. Штуцер кавалерийский обр. 1803 г. Вид слева. Сестрорецкий оружейный завод. 1818 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/776(1-5)

в ложе двумя шпильками, хвостовым шурупом и верхней обоймой погона. На казённой части ствола нанесены клейма «“ЗМ” в прямоугольнике», «“SB” в прямоугольнике», «стрела», «стрела с наложенными перекрещёнными пистолетами под короной», у наконечника стрелы литеры «С» и «Р». На хвостовике казённого винта нанесено клеймо «“К” в прямоугольнике» (?)

Прицельные приспособления состоят из латунной вставной полукруглой мушки и железного целика, вставленного в площадку-углубление на верхней грани ствола и состоящего из двух вертикальных планок с овальными вырезами и узкими прорезями, одна из которых откидная на шарнире.

Замок кремнёвый батарейный. Курок с утолщением и сердцевидным вырезом в верхней части. Наружная поверхность курка, верхней губы курка и задняя часть замочной доски скруглены. Полка латунная. На замочной доске нанесены клейма «“ИМЕ” в прямоугольнике» (?), «стрела» и надпись в две строки «Сестрорецкь // 1819».

Ложа берёзовая, с цевьём во всю длину ствола, прикладом со щекой и гнездом для оружейной принадлежности, закрытым подвижной деревянной крышкой с фигурной выемкой в задней части, полукруглым латунным затыльником и пружинной защёлкой с овальным выступом-«пуговкой». Прибор ложи латунный,

Ил. 9. Штуцер кавалерийский обр. 1803 г. Средняя часть и замок. Сестрорецкий оружейный завод. 1818 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/776(1-5)

состоит из накладки, укрепляющей устья цевья, фигурной спусковой скобы с изгибом для упора руки, полукруглым передним и фигурным задним концами, затыльника приклада с фигурным верхним концом и накладки под замочные винты в виде простой скобки. С левой стороны штуцера расположен погон — железная прутовая скоба, закреплённая двумя обоймами и замочным винтом. Верхняя скоба глухая, с плотной посадкой, повторяет в месте прилегания конфигурацию ствола и ложи, нижняя состоит из двух полукруглых скоб, соединённых с одной стороны шарниром, с другой — винтом. В прутовую скобу продето круглое железное кольцо. На спусковой скобе нанесены клейма: «АЧ» в прямоугольнике», «стрела», круглое клеймо «воин со щитом в рамке из точек» (?) На затыльнике приклада нанесены клейма «ФД» в прямоугольнике», «стрела». На накладке под замочные винты нанесено клеймо «стрела». На задней обойме погона нанесено клеймо «К» в прямоугольнике». На прикладе справа нанесен овальный штамп с надписью в две строки «АМ // 2046».

К принадлежности относятся хранящиеся в прикладе железные отвёртка, протирка, пыжёрник, имеющие наконечники с резьбой, а также железная мерка для пороха в форме цилиндрического стаканчика с выступающим колечком на дне. Принадлежность размещается в специальных гнёздах, вырезанных в хранилище приклада, расположенном с правой стороны. В комплект штуцера входил также носимый отдельно шомпол («прибойник с костыльком») представляющий собой железный

Ил. 10. Штуцер кавалерийский обр. 1803 г. Прицел. Вид справа. Сестрорецкий оружейный завод. 1818 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/776(1-5)

Ил. 12. Штуцер кавалерийский обр. 1803 г. Хранилище в прикладе с принадлежностью. Сестрорецкий оружейный завод. 1818 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/776(1-5)

Ил. 11. Штуцер кавалерийский обр. 1803 г. Прицел. Вид сзади. Сестрорецкий оружейный завод. 1818 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/776(1-5)

Ил. 13. Штуцер кавалерийский обр. 1803 г. Дульный срез. Сестрорецкий оружейный завод. 1818 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/776(1-5)

прут цилиндроконической формы, на утолщённом конце которого имелось отверстие с резьбой, а противоположный был выполнен в виде кольца с перекладкой внизу.

Калибр по полям 16,8 мм, по нарезам 19,3 мм, ширина нарезов 1,8 мм, глубина нарезов 1,8 мм, длина ствола 320 мм, общая длина 707 мм.

Если сравнивать с ранее описанным прототипом, изготовленным в 1799 г., то основные изменения касаются профиля нарезов (прямоугольные в плане вместо полукруглых, но среди штуцеров кавалерийских обр. 1803 г. примерно тех же годов выпуска встречаются и полукруглые), прицела — остался только один подъёмный целик, и замка — он аналогичен замкам пехотных ружей обр.

1808 г. в их кавалерийско-пистолетной редакции с уменьшенной замочной доской. В описаниях не случайно калибр указывается в двух вариантах: по нарезам и по полям: Артиллерийский департамент в переписке с Тульским оружейным заводом отмечает «штуцера 7-линейного калибра, разумея в том же числе и дорожки, в стволах сего оружия находящиеся»¹⁴. Стоимость оружия определялась Сестрорецким заводом в 15 р. 40 25/64 к.¹⁵, Тульским заводом в 11 р. 14 27/32 к. (из сибирского металла 12 р. 34 39/64 к.)¹⁶, присоединившийся к производству штуцеров в 1815 г. Ижевский завод выставил цену в 9 р. 20 27/320 к.¹⁷

Проведённые Военно-учёным комитетом Артиллерийского департамента 10, 12 и 14 февраля 1813 г. опыты показали, что патрон к кавалерийскому штуцеру должен иметь заряд в 1¼ зол. (5,34 г) винтовочного пороха, пуля использовалась обыкновенная к ружью пехотному обр. 1808 г. диаметром 6¼ лин. (15,88 мм), патронная гильза делалась в 3 оборота бумаги для более плотного вхождения в нарезы. При стрельбе по щитам из дюймовых досок (за одним с промежутком в 2¾ фута (0,8 м) ставился второй, размеры щита 8 × 6 футов (2,4 × 1,8 м)) на дистанции 100 сажён или 210 м пуля пробивала 2 щита, на 110 сажён или 231 м — один щит, на 120 сажён или 252 м долетала до щита только на рикошете «со слабою силою»¹⁸.

В процессе упорядочивания вооружения армии, начатом после окончания Отечественной войны и заграничных походов и достигшем своего апогея в 1817—1818 гг., было принято решение о снятии с вооружения гусарских полков мушкетонов и замене их кавалерийскими штуцерами. Соответствующий Высочайший указ вышел в апреле 1818 г.¹⁹ На основании данного указа было составлено предписание военного министра от 22 апреля 1818 г. Артиллерийскому департаменту об изготовлении для гусар штуцеров и сдаче мушкетонов²⁰. Из общей потребности в 1456 штуцеров для лейб-гусар и 1-й гусарской дивизии 560 штук должен был изготовить Сестрорецк, а остальные 896 штук для 2-й и 3-й гусарских дивизий приходилось на Тулу²¹. Одним из самых первых перевооружился Сумский гусарский полк, получивший свои 112 штуцеров в Виленском арсенале в апреле—мае 1818 г.²²

Скорее всего, именно с перевооружением гусар с мушкетонов на штуцера в 1818 г. связана встречающаяся в оружейной литературе XIX в. ошибка, когда именно этим, а не 1803 годом обозначался образец кавалерийского штуцера. Не избежал ее в своей

Ил. 14. Штуцер кавалерийский обр. 1839 г. Вид справа. Ижевский оружейный завод. 1844 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/797

Ил. 15. Штуцер кавалерийский обр. 1839 г. Вид слева. Ижевский оружейный завод. 1844 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/797

книге, например, А. Вельяминов-Зернов, вдобавок смешавший в одно целое кремнёвый и ударный переделочный варианты²³.

Следующим вариантом кавалерийского штуцера стал его образец, введённый в 1839 г. и незначительно отличающийся от прежнего: дело в том, что именно в том году были Высочайше

Ил. 16. Штуцер кавалерийский обр. 1839 г. Средняя часть и замок. Ижевский оружейный завод. 1844 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/797

Ил. 17. Штуцер кавалерийский обр. 1839 г. Прицел. Вид справа. Ижевский оружейный завод. 1844 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/797

Ил. 18. Штуцер кавалерийский обр. 1839 г. Прицел. Дульный срез. Ижевский оружейный завод. 1844 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/797

утверждены чертежи, которыми должны были руководствоваться при изготовлении оружейные заводы²⁴. Мы не будем приводить его полное описание, а сконцентрируемся только на тех деталях, которыми он отличается от предыдущего.

Штуцер кавалерийский обр. 1839 г. ВИМАИВиВС 100Ф 1/797 (ил. 14–18)

Изготовлен на Ижевском оружейном заводе в 1844 г. Поступил в музей до 1935 г. из неизвестного источника.

Нарезы в канале ствола треугольной в плане формы.

Мушка утолщённая.

На казённой части ствола нанесены клейма и надписи «№ 41», «Д», «двуглавый орел в круге», «1844». На замочной доске нанесены клейма «“Ф.Г” в овале», «“К” в прямоугольнике», надпись в две строки «ИЖЪ // 1844» с крестообразным разделителем между строками. На спусковой скобе спереди, затыльнике приклада, замочной скобе и скобе-погоне нанесены клеймо «Ф» и надпись «1844». На прикладе справа нанесен овальный штамп с надписью в две строки «АМ // 2053»/

Скоба на цевье и принадлежность не сохранились.

Калибр: по полям 16,7 мм, по нарезам 18,2 мм, ширина нарезов 2,1 мм, глубина нарезов 2,4 мм, длина ствола 325 мм, общая длина 717 мм.

В 1844 г., наряду с другими образцами оружия, был принят переделочный вариант штуцера — из кремнёвого он стал ударным (капсюльным)²⁵. Мы опять не будем давать полное описание образца и приведём только его основные отличия.

Ил. 21. Штуцер кавалерийский ударный переделочный обр. 1844 г. Средняя часть и замок. Ижевский оружейный завод. 1842 г., переделан в ударный в 1844 г. ВИМАИВиВС 100Ф 3/291(1-3)

в каплевидном углублении», «N» в прямоугольнике» и надпись в две строки «ИЖЪ // 1842» с крестообразным разделителем между строками. На спусковой скобе — клейма «α» в прямоугольнике», «NK» в прямоугольнике», надпись «1842». На затыльнике приклада и замочной скобе — клеймо «α» в прямоугольнике» и надпись «1842». На затыльнике приклада сверху — надпись «786» и клейма «К», «Б». На прикладе слева — двулинейный круглый штамп с надписями: в центре «К.», между линиями «П», «У», «184...». На прикладе справа — овальный штамп с надписью «1517».

Калибр по полям 18 мм, по нарезах 20,5 мм, ширина нарезов 2,3 мм, глубина нарезов 2,5 мм, длина ствола 325 мм, общая длина 712 мм.

В конструкции вышеописанного штуцера прицел упрощённый, без дополнительного откидного целика. На переделочных штуцерах обр. 1844 г. встречаются также и другие прицелы упрощённой конструкции, например, на одном из образцов, хранящихся в ВИМАИВиВС (100Ф 3/277) (ил. 25–26) прицел на верхнем торце планки имеет небольшую прорезь, а в самой планке проделано полукруглое отверстие с прорезью. Аналогичные прорези встречаются в прицелах оружия производства конца 1840 — середины 1850-х гг., не исключено, что перед нами вариант прицела, поставленного при арсенальном ремонте вместо утраченного прицела обр. 1803 г. Далеко не всегда при определении образцов (1803 или 1839 гг.) может помочь и толщина установленной мушки: её

Ил. 22. Штуцер кавалерийский ударный переделочный обр. 1844 г. Прицел. Вид справа. Ижевский оружейный завод. 1842 г., переделан в ударный в 1844 г. ВИМАИВиВС 100Ф 3/291(1-3)

Ил. 23. Штуцер кавалерийский ударный переделочный обр. 1844 г. Прицел. Вид сзади. Ижевский оружейный завод. 1842 г., переделан в ударный в 1844 г. ВИМАИВиВС 100Ф 3/291(1-3)

Ил. 24. Штуцер кавалерийский ударный переделочный обр. 1844 г. Дульный срез. Ижевский оружейный завод. 1842 г., переделан в ударный в 1844 г. ВИМАИВиВС 100Ф 3/291(1-3)

Ил. 25. Штуцер кавалерийский ударный переделочный обр. 1844 г. Прицел. Вид справа. ВИМАИВиВС 100Ф 3/277

Ил. 26. Штуцер кавалерийский ударный переделочный обр. 1844 г. Прицел. Вид сзади. ВИМАИВиВС 100Ф 3/277

вдвижная конструкция позволяет замену при ремонте и вполне может оказаться ранняя мушка на позднем образце и наоборот.

После принятия в 1849 г. нового кавалерийского штуцера, изначально спроектированного с ударным капсюльным замком, прежние штуцера стали постепенно выводиться с вооружения и отправляться в арсеналы. Естественно, этот процесс был не одномоментный и продолжался несколько лет. Так что штуцер кавалерийский обр. 1803 г., учитывая его варианты, продержался на вооружении русской армии практически полвека, а в качестве учебного пособия использовался в военных училищах и в 1860-е гг.²⁶

¹ Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV—XVIII веков. Определитель. М., 1992. С. 70.

² Полный свод законов Российской империи (далее ПСЗРИ). Собр. I. Т. XLIII, ч. 2. Книга штатов. СПб., 1830. С. 286, 294, 313.

³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Оруж. отд. Д. 154. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 82—82 об, 99.

⁵ Там же. Д. 257. Л. 12—13.

⁶ ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXXII. С. 454. № 25362; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Оруж. отд. Д. 257. Л. 1—1 об.

⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Оруж. отд. Д. 154. Л. 143—143 об.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. 21.

¹² Там же. Л. 104.

¹³ Там же. Л. 151—152.

¹⁴ Там же. Л. 200.

¹⁵ Там же. Л. 126 об.

¹⁶ Там же. Л. 112.

¹⁷ Там же. Л. 208—211.

¹⁸ Там же. Л. 40—41 об.

¹⁹ ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXXV. С. 196. № 27336.

²⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 5-2. Д. 509. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 2—2 об.

²² Там же. Л. 5—6.

²³ Вельяминов-Зернов А. Теоретический курс о ручном огнестрельном оружии, преподаваемый при Учебном Пехотном Батальоне. СПб., 1864. С. 267—268.

²⁴ Фёдоров В. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. [СПб.], 1911. С. 52.

²⁵ Там же. С. 56.

²⁶ Кулинский А. Н., Ломакин Н. В. В память о славной школе: фамилии выпускников Николаевского кавалерийского училища на кавалерийском штуцере обр. 1839 года // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой международной научно-практической конференции 13—15 мая 2015 года. СПб., 2015. Ч. II. С. 460—478.

Е. С. Лоскутова (Орёл)

МЕСТО И РОЛЬ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРАЗДНИЧНОЙ ЖИЗНИ ОФИЦЕРСТВА РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

БАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА европейского образца начинает складываться в России ещё в начале XVIII в. Петровские преобразования коренным образом изменили не только экономику и социальную политику государства, но и повлияли на повседневную жизнь привилегированных слоёв общества. Именно при Петре I в нашей стране появляется ассамблея, прообраз бала, который станет одной из основных форм дворянской праздничной культуры вплоть до конца существования Российской империи и дворянства как сословия.

Следует подчеркнуть, что в XVIII в. петровские ассамблеи, а затем и балы-маскарады Елизаветы Петровны зачастую воспринимались дворянством как новые и нежелательные мероприятия, будучи обязательными вплоть до принудительности. Но для их потомков нахождение на балу стало не просто делом привычным, но и одним из любимых способов проведения свободного времени. Ю. М. Лотман отмечал, что «...бал оказывался, с одной стороны, сферой, противоположной службе — областью непринуждённого общения, светского отдыха, местом, где границы служебной иерархии ослаблялись. Присутствие дам, танцы, нормы светского общения вводили внеслужебные ценностные критерии, и юный поручик, ловко танцующий и умеющий смешить дам, мог почувствовать себя выше стареющего, побывавшего в сражении полковника. С другой стороны, бал был областью общественного представительства, формой социальной организации, одной из немногих форм дозволенного в России той поры коллективного быта. В этом смысле светская жизнь получала ценность общественного дела»¹. Таким образом,

обучение бальному этикету и танцевальному искусству стало весьма актуально.

Уже с начала XIX в. двор российского императора становится одним из лучших в Европе, а лучшими танцорами считаются именно военные. В светской среде этого периода процветает дендизм, который был не чужд и военным — ведь в его основе лежит не столько внешнее подражание моде, выраженное в безукоризненности костюма, сколько сама манера его ношения, внутреннее благородство молодого человека, что бесспорно являлось важнейшим компонентом воспитания офицеров. О. Ю. Захарова отмечает, что «красота мундиров составляла важный элемент не только военных, но и светских церемоний, чей блеск во многом определяла гвардия, популярность которой выросла после Отечественной войны 1812 года»².

По случаю окончания Заграничного похода бальная лихорадка захлестнула обе российские столицы. Даже Москва, обычно испытывавшая недостаток в кавалерах, теперь, в начале 1815 г., по воспоминаниям современников, «плясала отчаянно». Трудно было представить, что два года назад Первопрестольная столица была разорена. «Воины повергают теперь свои лавры к стопам юных красавиц, которые, быть может, молились, чтобы они вышли целы и невредимы из боя». В Москве военные были повсюду, а потому московские невесты имели блестящую возможность сделать выгодную партию. На балах кавалеров больше, чем дам! На балу у князя Голицына было 18 дам и более 40 танцоров. Видя, что многие не танцуют, князь выдумал кадрили, где у каждой дамы — два кавалера»³.

В эпоху Николая I окончательно оформилась традиция проведения полковых праздников. Например, лейб-гвардии Кирасирский Её Величества полк праздновал его в Николин день 9 (22) мая, поскольку полковая церковь была освещена в честь Николая Чудотворца, он считался покровителем всех кирасиров на небесах. К полковому празднику готовились заранее, на него приглашались все бывшие полковые командиры и офицеры, служившие в полку, а также почётные гости — великие князья, генералы, высшее гвардейское начальство. Праздник начинался с молебна и церемониального марша, затем следовал торжественный обед, а завершался — концертом в манеже и ужином⁴. По случаю юбилейных дат в некоторых полках давались балы или танцевальные вечера.

Именно в николаевское время появляется строгая регламентация балов и танцевальных вечеров: «Светский этикет

строго различал правила проведения бала и танцевального вечера. Последний не требовал большого количества приглашённых, изысканных костюмов. Одинаково неприличным считался как городской костюм, так и бальный наряд. На эти вечера дамы наряжались лишь слегка. На балах не танцевали под рояль, а только под оркестр, причём лица, как говорили тогда, “средних лет”, не решавшиеся танцевать на балах, могли свободно делать это на вечерах, где почти всегда царила атмосфера простоты и веселья. Программа вечера зависела от личных пристрастий, вкусов, убеждений хозяев, каждый из которых собирал свое общество»⁵.

Постепенно бальные традиции проникали даже в среду гвардейских нижних чинов. Этому способствовало появление традиций уже не полковых, а эскадронных балов в некоторых кавалерийских полках, что с воодушевлением поддерживали офицеры. В лейб-гвардии Конногренадерском полку «часть казармы, из которой были вынесены койки, превратилась в танцевальный зал, украшенный гирляндами из хвои. Каждый солдат мог приглашать на бал своих знакомых дам. [...] Все офицеры во главе с эскадронным командиром присутствовали на балу и танцевали с приглашёнными солдатами барышнями — петергофскими горничными и кухарками»⁶. Особого внимания заслуживают здесь два момента. Первый — то, что многие солдаты, по крайней мере, в гвардейской кавалерии, вполне владели искусством бальных танцев. Второй факт еще многозначительнее: офицеры-дворяне несколько не чурались выступить галантными кавалерами перед низкородными дамами и танцевать с ними как с равными. Конечно, такое наблюдалось далеко не везде, но от этого не менее ценно. При этом в других полках гвардейской кавалерии, например, в более рафинированном лейб-гвардии Кирасирском Её Величества, эскадронные праздники ограничивались лишь солдатскими плясками под гармошку⁷.

Если в начале XIX в. обучение бальным танцам велось лишь в некоторых элитных учебных заведениях (например, в Императорском Царскосельском лицее, частных школах и иностранных пансионах), то к середине столетия оно стало обязательным во всех военно-учебных заведениях. Нередко танцевальному мастерству будущих офицеров уделялось не меньшее внимание, чем строевой подготовке. По воспоминаниям Д. А. Скалона, обучавшегося в 1852—1859 гг. в Первом Санкт-Петербургском кадетском корпусе, командир 2-й роты К. Н. Малиновский «добивался

в танцах такой же отчётливости в исполнении, как в строевых занятиях от ординарцев»⁸. В большинстве учебных заведений занятия танцами велись лишь между воспитанниками, поэтому юноши были вынуждены учить не только кавалерские партии, но и дамские, что порой приводило к возникновению весьма курьёзных случаев на балах. Например, выпускник Орловского Бахтина кадетского корпуса К. Ф. Кулябка, обучавшийся в нем в конце 1840-х гг., вспоминал: «...в праздничные дни были устраиваемы кадетские спектакли, живые картины и бывали балы, посещаемые цветом Орла. Воспитанники скоро сделались настоящими кавалерами, хотя ходил рассказ, что один кадет пригласил на лёгкий танец одну девицу и предложил, как ей угодно танцевать: за даму или за кавалера? Особое джентльменство слабо прививалось, так как очень мало воспитанников посещали свои дома за отдалённостью, плохими путями и краткосрочными отпусками»⁹.

Балы отличались многообразием и различались, прежде всего, по уровню их проведения: императорские, послов иностранных государств, губернаторские, предводителя губернского дворянства, а также частные, которые давались определённой дворянской семьёй. Особое место в бальной культуре занимали балы-маскарады, требовавшие не только подготовки особого костюма, но и дававшие возможность посетить его любому желающему даже без приглашения со стороны хозяев.

Придворные балы в императорских резиденциях проводились только для избранной публики. Для других привилегированных сословий в зданиях клубов и собраний организовывались публичные танцевальные вечера, в том числе и благотворительные. Частные балы имели свою классификацию и подразделялись на сословные, возрастные (взрослые, детские, смешанные), календарные, семейные (по случаю именин, дней рождений и прочих событий) и тематические. Круг приглашённых гостей на частный бал был ограниченным. На таких балах редко можно было встретить незнакомого человека, в основном это были члены семьи, хорошие знакомые, друзья, иногда приглашали и важных персон, чтобы придать вечеру статусность и представительность. На домашних балах отношения между гостями были свободными, дружескими. Здесь все хорошо друг друга знали и уважали. Старшее поколение не бравировало своим положением и возрастом, молодым девушкам не возбранялось на виду у всех общаться с кавалерами, дети наравне с взрослыми принимали участие в играх

и танцах. Домашние балы привносили в жизнь домочадцев и их друзей особую атмосферу радости, уюта и веселья¹⁰.

Самый строгий этикет соблюдался на придворных балах, присутствовать на нем могли лишь гражданские чины первых четырёх классов «Табели о рангах» с супругами, высший воинский состав, придворные, иностранные дипломаты с семьями, гости по личному приглашению императора или членов его семьи, губернаторы, предводители дворянства и позднее председатели земских управ, молодые офицеры из элитных полков, зарекомендовавшие себя ранее как умеющие хорошо танцевать. Кроме того, все имеющие право приехать на бал обязаны были заранее записаться в особом реестре у гофмаршала, а перед самим балом, в соответствии с придворным этикетом, мужчины должны были представиться императору, а дамы — императрице.

Открывал зимний сезон придворных балов Большой бал в Зимнем дворце в Николин день 6 (19) декабря. Он проводился в Белом зале и мог насчитывать до трёх тысяч гостей. Приехать на праздник могли лица, занимающие определённую ступень в «Табели о рангах» и имеющие право быть представленными императору и императрице. К этим лицам относились гражданские чины — до IV класса, которые имели право приезжать с жёнами и дочерьми, офицеры — до VII класса, свитские и бывшие фрейлины с мужьями. На этот бал и военным, и статским кавалерам полагалось являться в мундирах.

Не меньшим размахом отличался и большой январский бал в Зимнем дворце, на который ежегодно собиралось около двух тысяч гостей. «Здесь просто толпа народа — но толпа, конечно, блестящая, нарядная; белые по преимуществу платья дам, жемчуг и бриллианты их шейных и головных уборов перемешиваются с[о] звёздами, лентами и с мундирами штатских и военных; блеск эполетов и аксельбантов сливается с блеском залитых золотом и серебром мундиров придворных чинов и высших сановников. Вот в сплошь вышитом серебром мундире разговаривает министр иностранных дел, а с ним, расшитый золотым шитьём по всем швам своего мундира, стоит первый чин Двора. В красных бальных мундирах резко выделяются кавалергарды и конногвардейцы»¹¹, — писал журналист одной из петербургских газет.

Офицеры обязаны были являться на придворные балы в парадных мундирах, белых панталонах и белых перчатках. Офицер лейб-гвардии Преображенского полка Д. Г. Колокольцев вспоминал:

«Во время больших балов во дворце, где обязательно было положительно находиться всем офицерам гвардии, в бальных формах того времени (*grand gala*)... Бальная форма того времени, хотя нас стесняла, но, надо правду сказать, казалась чрезвычайно элегантною. Эта бальная форма была установлена для всех офицеров всех оружий, кроме уланских и казачьих полков, которые и на парадных балах сохраняли свою форму. Бальная форма (*grand gala*), или торжественная, заключала, ежели гвардейский мундир, то с открытым лацканом; белые короткие до колена суконные панталоны; затем шёлковые чулки и башмаки с серебряными пряжками; шпага у бедра и треугольная шляпа в руках, у пехотных с чёрными, а у кавалерии с белыми перьями»¹².

«Выезды в свет представляли для молодых офицеров чуть ли не служебную обязанность, и каждый полк имел своих почти профессиональных танцоров»¹³, — вспоминал А. Д. Галахов, весьма информированный статский преподаватель Академии Генерального Штаба. Командиры полков, отправляя своих лучших танцоров на придворные мероприятия, наставляли их добросовестно выполнять свои обязанности: развлекать дам, участвовать во всех танцах, безукоризненно соблюдать этикет. Малейшее нарушение этих правил могло вызвать недовольство не только полкового начальства, но и самого императора. Офицеры являлись на бал с оружием, которое оставляли в передней у швейцара — появиться в бальной зале со шпагой этикетом категорически воспрещалось. Также строго воспрещалось иметь на обуви шпоры (хотя ещё во времена Александра I их наличие было не только разрешено, но и являлось атрибутом военного щегольства).

Такая регламентация бальных мероприятий сохранялась на протяжении всего XIX в. Начало XX в. было ознаменовано рядом военных и социальных потрясений: русско-японская война, первая русская революция, Первая мировая война — поэтому в бальной культуре этого времени наступает некоторое затишье. Самыми яркими событиями стали празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г. и 300-летия дома Романовых, отмечавшиеся широко и с размахом и включавшие в себя целый ряд мероприятий: во всех городах империи в храмах служили благодарственные молебны, проходили войсковые парады местных гарнизонов, давались торжественные обеды и приёмы губернаторами и градоначальниками, устраивались исторические выставки, народные гуляния и, конечно, балы.

Последний бал при дворе русского императора состоялся в феврале 1914 г., а уже летом страна вступила в Первую мировую войну, потребовавшую мобилизации не только военных сил, но и значительной части мирного населения. Бальная жизнь замирает — даже семейные праздники больше не отмечаются с былым размахом: считается неприличным проводить время в увеселениях в такое тяжёлое для страны время. Война, а затем и грянувшая за ней революция 1917 г. положили конец не только бальной культуре, но и всей Российской империи.

Таким образом, на протяжении более чем двух веков бал представлял собой один из основных факторов жизни русского офицерства, неотъемлемую часть социокультурной реальности военной службы. Наполненная официальными правилами этикета и неписаными традициями, танцевальная культура организовывала и воспитывала не меньше, чем уставные порядки, развивая и укрепляя общественное положение офицеров. Балы являлись важным элементом не только празднично-досуговой сферы, но и серьёзным воспитательным фактором социокультурного становления офицерства.

¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX вв.). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. С. 91.

² Захарова О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII — начала XX вв. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 221.

³ Цит. по: Куриев М. М. Герцог Веллингтон. М.: Радикс, 1995. С. 152.

⁴ Трубецкой В. С. Записки кирасира: Мемуары / Сост. В. П. Польшовская. М.: Россия, 1991. С. 126—128.

⁵ Захарова О. Ю. Русский бал XVIII — начала XX вв. Танцы, костюмы, символика. М.: Центрполиграф, 2011. С. 45.

⁶ Воронович Н. В. Потонувший мир. Очерки прошлого: 1891—1920. М.: Воениздат, 2001. С. 212.

⁷ Трубецкой В. С. Записки кирасира. С. 125.

⁸ Воспоминания Д. А. Скалона // Русская старина. 1907. Т. 132. № 11. С. 79—81; 1908. Т. 133. С. 69—70; Т. 134. № 4. С. 185—195.

⁹ Кулябка К. Ф. Воспоминания старого орловца // Русская старина. 1908. Т. 135. № 8. С. 367—381.

¹⁰ Культура университетского бала: монография / Е. Н. Нархова, Т. А. Чегодаева, Н. И. Ботова, Д. Ю. Нархов, В. Н. Давыдов, Е. В. Кузьмина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 139—144.

¹¹ Там же. С. 213—214.

¹² Колокольцев Д. Г. Лейб-гвардии Преображенский полк в воспоминаниях его старого офицера. 1831—1846 // Русская старина. 1883. Т. 38. № 5—6. С. 614—615.

¹³ Цит. по: Культура университетского бала... С. 219.

С. В. Ляшенко (Санкт-Петербург)

**СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ ОБЩИНЫ ИМЕНИ
ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА М. П. ФОН КАУФМАНА
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА
ХУДОЖНИЦА А. Ф. АРГАМАКОВА**

НАЧИНАЯ с XVI в., между отдельными государствами неоднократно заключались договоры об облегчении судьбы пострадавших воинов. Периодически поднимался вопрос об уходе за ранеными во время войны, а также вопрос об учреждении обществ, которые могли бы обеспечивать им медицинскую помощь.

В 1864 г. состоялась Женевская конференция, за которой последовал конгресс, принявший конвенцию, включающую всея разделы:

- 1) по отношению к раненым и больным воинам;
- 2) по отношению к врачам и вспомогательному персоналу;
- 3) по отношению к госпиталям и материальной части.

В 1867 г. Россия присоединилась к конвенции об облегчении участи раненых во время военных действий, заключённой в Женеве 10 августа 1864 г. Затем 3 мая 1867 г. императором Александром II был учреждён устав Общества попечения о раненых и больных воинах. Однако надо добавить, что помощь раненым воинам в России оказывалась еще до подписания конвенции. Военные подвижные лазареты и перевязочные пункты начали работать еще во время Крымской войны. С декабря 1854 по январь 1855 г. в Крыму находилось более 200 сестёр милосердия Крестовоздвиженской общины, которые оказывали помощь раненым на полях сражений. Инициатива создания этой общины принадлежала великой княгине Елене Павловне¹, которая поручила хирургу Н. И. Пирогову² подготовить сестёр милосердия для

работы на фронте. В 1879 г. общество попечения о раненых и больных воинах было переименовано в Российское общество Красного Креста (далее — ОРКК). Общество вело деятельность не только в военное, но и в мирное время. Раненых бесплатно лечили, инвалидам предоставляли возможность обучаться ремёслам.

В начале XX в. одной из сестер милосердия Российского общества Красного Креста была Анастасия Аргамакова³. Она была младшей из трёх дочерей генерал-майора Ф. Ф. Аргамакова⁴, представителя военной династии, хорошо известной в России (ил. 1). Славно послуживший Отчеству, Фёдор

Фёдорович в 1895 г. вышел в отставку «с мундиром и пенсией»⁵ и поселился с семейством в своей усадьбе Крутец Боровичского уезда Новгородской губернии. Дочери были воспитаны в духе патриотизма и благотворительности. «Для России конца XIX века благотворительность была обычным явлением. Общество в виде различных организаций и частных лиц нередко брало на себя заботу об обездоленных»⁶. Представители рода Аргамаковых не были исключением. Например, жена дяди Анастасии — генерала Н. Ф. Аргамакова — Ю. А. Аргамакова⁷ в начале XX века организовала школу для девочек из крестьянских семей в городе Боровичи Новгородской губернии.

Анастасия Аргамакова оказывала помощь раненым во время Русско-японской войны 1904—1905 гг., так как являлась сестрой милосердия общины имени генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана⁸. Община носила имя генерала, который с 1883 по 1902 г. возглавлял РОКК и внёс большой вклад в развитие

Ил. 1. Генерал-майор
Ф. Ф. Аргамаков. 1880 г.

деятельности общества (ил. 2). При общине существовала специальная школа подготовки сестёр милосердия, созданная в 1902 г. на базе школы сиделок, организованной еще в 1900 г. при комитете учреждённого по решению покровительницы названного общества императрицы Марии Фёдоровны⁹. Правление общины сестёр милосердия имени генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана возглавляла баронесса Варвара Ивановна Икскуль фон Гильденбанд¹⁰, имевшая квалификацию медицинской сестры. Должность старшей сестры общины с 1903 г. бессменно исполняла Александра Филиппова (ил. 3).

Ил. 2. Генерал-адъютант М. П. фон Кауфман. 1877 г.

В школу принимались девушки и женщины с 18 до 40 лет без различия сословий и вероисповеданий. Курс обучения был платным за счёт стипендий и полустипендий комитета ОРКК и составлял два года, с 1906 г. — три года. В военное время практиковался курс обучения запасных сестёр милосердия. Во время русско-японской войны община приняла на себя обслуживание эвакуационного госпиталя имени императрицы Марии Фёдоровны, который разместился в доме 148 на набережной реки Фонтанки¹¹. В это же здание была переведена Кауфманская община вместе со школой сиделок. «Лазарет имени вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны 7 февраля 1905 г. принял первых раненых русско-японской войны. Лазаретом руководили главный врач общины проф. Г. Ф. Цейдлер и проф. Н. А. Вельяминов»¹². Через несколько месяцев для сестёр милосердия и раненых, по разрешению Синода, на втором этаже здания была оборудована церковь Св. равноапостольной Марии Магдалины, освящённая 5 апреля 1905 г.

В эти годы значение деятельности сестёр милосердия на фоне международных конфликтов и возникающих военных ситуаций возрастало во всех странах и «интерес к делу ухода у общества

Ил. 3. Баронесса В. И. Икскуль фон Гильденбанд и Александра Филиппова, старшая сестра Общины сестёр милосердия имени генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана. Начало 1900-х гг.

просыпался с началом крупных военных кампаний <...> столичные газеты начинали писать о сёстрах милосердия, выпускались брошюры, иллюстрированные множеством картин, дневники и воспоминания врачей, сестёр...»¹³. Их самоотверженная помощь (как медицинская, так и психологическая) привлекала внимание современников, а также находила отражение в творчестве писателей и художников. Например, в работах известного баталиста В. В. Верещагина¹⁴ хорошо передан образ сестры милосердия, принимающей очередного

раненого; передана атмосфера в палате, когда девушка помогает бойцу написать письмо на родину и, наконец, передана печаль осознания потери человека. Речь идет о малоизвестной филиппинской, или «госпитальной» серии художника, в которую вошли картины: «В госпитале», «Письмо на родину», «Письмо прервано», «Письмо осталось неоконченным» (ил. 4). Полотна были написаны в 1901 г. по материалам поездки на Филиппины во время испано-американской войны. Художник всё это видел воочию и с помощью картин предложил современникам увидеть эту сторону войны. Через три года В. В. Верещагин отправился фиксировать события русско-японской войны, которая стала последней в его жизни и творчестве.

Также на эту войну поспешили и сёстры милосердия для оказания помощи раненым воинам непосредственно на полях сражений. Уже 5 ноября 1904 г. «по Николаевской железной дороге отбыли из Петербурга на Дальний Восток добровольные отряды

Ил. 4. В. В. Верещагин. Письмо осталось неоконченным. 1901. Холст, масло. 100 x 86 см. Николаевский художественный музей имени В. В. Верещагина

Ил. 5. Аверс и реверс медали Красного Креста «В память русско-японской войны»

общины святой Евгении (в составе 20 сестёр милосердия и 30 санитаров) и общины имени генерал-адъютанта фон Кауфмана, состоящий из 16 сестёр»¹⁵. За время военных действий было организовано 5 лазаретов на 200 кроватей каждый и 7 госпиталей. Анастасия Аргамакова работала в 3-м Кауфманском госпитале, что подтверждено выданным ей в сентябре 1914 г. канцелярией Общины сестёр милосердия имени генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана удостоверением, в котором говорилось, что «с 25-го июля 1904 года по 1-е ноября 1905 года она работала в качестве сестры волонтерки в 3-м Кауфманском имени Ея Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны госпитале». Документ подписан баронессой В. Иксуль и А. Филипповой. Сёстры милосердия, проявляя мужество, оказывали медицинскую помощь солдатам и офицерам русской армии. Всего за период русско-японского конфликта в военных госпиталях трудились около 2 тысяч женщин.

Ил. 6. Здание Императорского общества поощрения художеств, где находилась Рисовальная школа. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 38

В 1906 г. А. Ф. Аргамаковой была вручена медаль Красного Креста «В память русско-японской войны» и свидетельство, удостоверяющее выдачу награды, в котором отмечалось: «Главное управление Российского Общества Красного Креста удостоверяет, что согласно постановления 18 мая 1906 года Высочайше утвержденная 19 января 1906 года медаль Красного Креста, в память участия в деятельности Общества во время русско-японской войны 1904–1905 гг., выдана сестре милосердия Общины имене генерал-адъютанта фон Кауфмана Анастасии Аргамаковой» (ил. 5). Удостоверение выдано 20 сентября 1906 г.

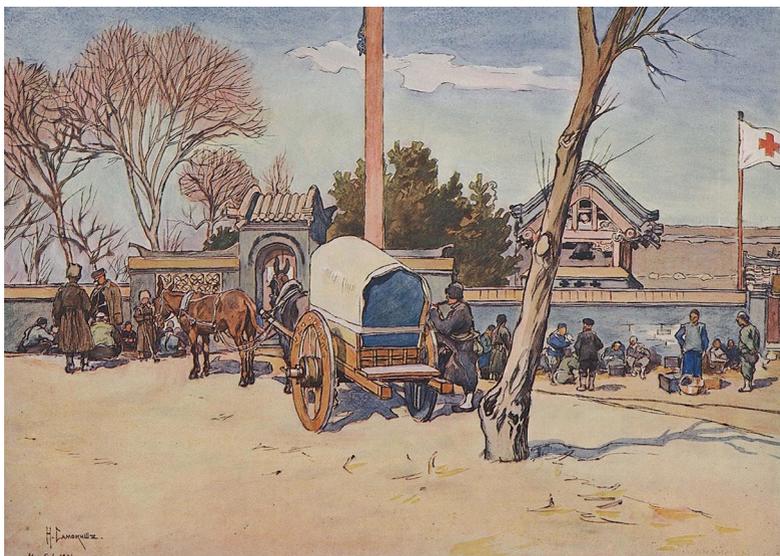
Дальнейшую жизнь Анастасия Фёдоровна Аргамакова, обладающая талантом к рисованию, связала с художественной деятельностью. В 1906 г. она поступила в Рисовальную школу Императорского общества поощрения художеств (далее – ИОПХ) (ил. 6). Школа имела статус старейшего учебного заведения, была одним из центров художественной жизни Санкт-Петербурга и пользовалась большой популярностью у молодёжи¹⁶. Сохранившиеся ранние работы художницы, датированные 1906 г., представляют собой рисунки ботанического характера. На них переданы в основном изображения лекарственных растений: фиалки обычной, одуванчика, щавеля, герани полевой, аконита (ил. 7).

В контексте данной темы добавим, что в это же время в школе преподавал художник Н. С. Самокиш¹⁷ — очевидец событий русско-японской войны. По заданию журнала «Нива» он провёл семь месяцев на передовой в составе 52-го Нежинского драгунского полка в качестве художника-корреспондента и вёл репортаж с театра военных действий, «порой очень добросовестный и правдивый»¹⁸. Подчас подвергаясь смертельной опасности, Н. С. Самокиш делил все тяготы походной жизни с солдатами и офицерами русской армии, которые принимали участие в решении дальневосточного во-

Ил. 7. А. Ф. Аргамакова. Акони́т, девичье сердце. 1906 г. Бумага, карандаш, акварель. 30,8 x 22, 3 см. Музей-институт семьи Рерихов (СПб)

проса за контроль над Маньчжурией и стали героями его произведений. По материалам этой поездки на фронт был издан альбом «Война 1904—1905. Из дневника художника»¹⁹, сегодня являющийся ценным историографическим материалом. Рисунок с изображением русской конницы, преследующей японский отряд, открывает издание и передаёт силу и храбрость русских солдат. Но уже в следующей работе — «На сопке после штурма» — художник раскрывает основную трагедию войны: гибель людей и боль утраты. Войска неприятеля отбиты, но какой ценой? Ценой огромных жертв. С печальным недоумением смотрят выжившие на это скорбное зрелище. Один из разделов альбома посвящен деятельности Российского общества Красного Креста, отряды которого находились на передовой. Художник встречался с ними, наблюдал как работают сёстры милосердия (ил. 8). Современники Н. С. Самокиша интересовались подробностями его поездки на фронт, с большим вниманием изучали рисунки, которые привлекали прежде всего остро выраженным

Ил. 8. Н. С. Самокиш. Отряд общества Красного Креста. Воспроизведено в изд.: «Война 1904–1905 годов. Из дневника художника»

сопереживанием автора людскому горю. В рисовальной школе с альбомом Н. С. Самокиша были хорошо знакомы все, в том числе, несомненно, Анастасия Аргамакова.

Годы её обучения совпали со временем, когда школу возглавлял известный художник Н. К. Рерих²⁰. Анастасия Аргамакова принадлежит к плеяде учениц так называемого «рериховского» периода. Это было время, когда широкое развитие получило женское художественное образование. В начале 1910-х гг. женщины составляли около половины учащихся школы. Директор Н. К. Рерих в одном из интервью «Петербургской газете» уточнял: «Что касается того, проявляют ли женщины дарование в области художеств, то несомненно, что среди моих учениц есть очень много способных. В композициях, в керамике, в живописи по стеклу и в разных других производствах — они хорошо успевают»²¹. Анастасия Аргамакова была одной из лучших и талантливых учениц. Она училась у таких художников-педагогов как Н. К. Рерих, И. Я. Билибин, В. А. Шуко — представителей художественного объединения «Мир искусства». Об ученических работах и успехах художницы известно из сохранившейся карточки учащегося школы²², из периодической печати тех лет²³ и из «Сборников

работ учащихся»²⁴. По её рисункам были выполнены обложки для первого выпуска «Сборника» 1910 г. и двух частей третьего выпуска — 1912 г. Один из её рисунков — «Рукописный орнамент (рамка и концовка) из Евангелия Антониево-Сийского монастыря» — лёг в основу картуша «Издание Императорского О-ва поощрения художеств», воспроизводившегося в конце сборников (ил. 9).

В начале XX в. Рисовальная школа в качестве поощрения устраивала для учащихся поездки как по России, так и за границу, с целью зарисовок достопримечательностей и расширения художественного кругозора. Популярными были поездки в разные регионы России. Особенно привлекали учащихся северные

регионы страны. В 1911 г. такой поездкой была награждена Анастасия Аргамакова. Она побывала в Антониево-Сийском монастыре Архангельской губернии. Во время пребывания на территории обители ею было выполнено большое количество рисунков, отражающих архитектуру строений, церковной утвари; воспроизведён ряд рукописных писаний, в том числе миниатюр, заглавных листов, виньеток, букв из Евангелия Апракос, принадлежащего Антониево-Сийскому монастырю. Некоторые рисунки были напечатаны в «Сборниках

Ил. 9. А. Ф. Аргамакова. Картуш «Издание Императорского О-ва поощрения художеств». 1910-е гг. Воспроизведено в сборниках работ учащихся школы ИОГХ

работ учащихся». Творчество ученицы Аргамаковой в период обучения в Рисовальной школе (как и творчество многих учащихся тех лет) тяготело к иконописи. Обращение к старине, интерес молодых художников к истории Древней Руси стал одним из решающих факторов, послужившим для принятия решения Н. К. Рерихом открыть иконописную мастерскую. Исследователь истории Рисовальной школы Е. А. Боровская отмечала: «вопросы изучения древнерусского искусства и развития его традиций

не могли не занимать Рериха, посвятившего немало трудов отечественной старине как археолог и исторический живописец. Рерих в полной мере осознал и духовную, и историческую, и художественную значимость русской иконописи»²⁵.

Успехи Анастасии Аргамаковой отмечались похвалами, наградами, денежными премиями. В 1914 г. она закончила обучение. Шла Первая мировая война. Многие учителя и ученики Рисовальной школы ИОПХ отправлялись на фронт. Работала художница во время этой войны сестрой милосердия — сведений нет. Но, как мы уже отмечали, в сентябре 1914 г. она обращалась в канцелярию Общины сестёр милосердия имени генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана с просьбой выдать ей удостоверение, подтверждающее, что с 25 июля 1904 г. по 1 ноября 1905 г. она работала в качестве сестры волонтерки в 3-м Кауфманском госпитале. Может быть, ей самой требовалась помощь. Время было тяжёлое, военное. Наряду с организацией лазаретов, госпиталей, складов продовольствия, медикаментов, санитарно-хозяйственного имущества РОКК оказывало помощь мирному населению. В 1913 г. у А. Ф. Аргамаковой родился сын Константин²⁶. Жила художница в Петрограде на Кадетской улице Васильевского острова, в доме № 5 (сведения на 1915 г.)²⁷. По этому же адресу проживал её двоюродный брат Александр Васильевич Аргамаков, сын ее дяди — генерал-майора Василия Фёдоровича Аргамакова²⁸.

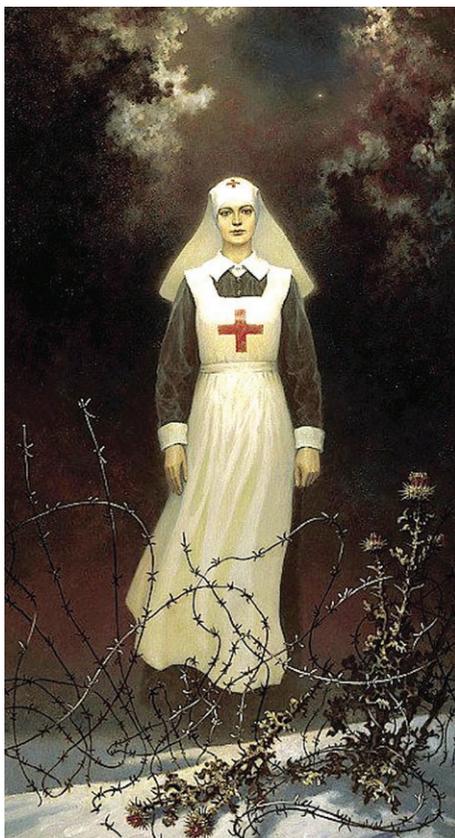
После революции и гражданской войны дальнейшая жизнь и творчество Анастасии (как и многих её современников) складывались сложно. О ней известно немного. Воспоминания, оставленные современниками, не всегда верны. Например, описывая один из эпизодов тех лет, художник И. И. Мозалевский²⁹ в своем рассказе «В Петербурге и Париже» вспоминал: «<...> когда я в 1915 году уезжал на фронт, я нанес первым долгом свой визит Ивану Яковлевичу Билибину. Я не знал куда попаду и вернусь ли <...> застал у него [Билибина. — С. Л.] некоего Аргамакова, обрусевшего немца (его настоящая фамилия Гемпель), принявшего во время войны, “с высочайшего соизволения” фамилию своей жены, ученицы Ивана Яковлевича [ученицей Ивана Яковлевича была Анастасия Аргамакова. — С. Л.]»³⁰. Однако в процессе исследования выяснилось, что офицер Гемпель был мужем сестры Анастасии Фёдоровны — Веры Фёдоровны Аргамаковой³¹.

Работ художницы советского периода сохранилось мало. В основном это пейзажи Новгородского края, где она жила последние годы. Также известен эскиз обложки «Русское народное творчество», датируемый 13 мая 1938 г. Вполне вероятно, что обложка выполнялась для журнала «Народное творчество», основанного в 1937 г. Сегодня, знакомясь с номерами названного журнала тех лет, можно отметить, что обложки схожи с рисунком, выполненным художницей. Основную часть личного архива семьи сын Анастасии Фёдоровны Константин Александрович Аргамаков в конце 1980-х гг. передал в Музей истории города Боровичи и Боровичского края, входящего в состав Новгородского государственного объединённого музея-заповедника. Сегодня в музее хранится фамильная гербовая печать генерала Фёдора Фёдоровича Аргамакова, его полный послужной список и некоторые другие документы, в том числе фотографии трёх его братьев-генералов и сестры. Для нас интерес представили документы, связанные с жизнью и творчеством художницы, которые уже прозвучали в статье и позволили узнать о её жизни. Ценными экспонатами, конечно, являются работы А. Ф. Аргамаковой: рисунки ботанического характера, пейзажи, эскиз обложки.

Также несколько предметов, касающихся жизни и творчества художницы, были переданы в Музей-институт семьи Рерихов в Санкт-Петербурге А. М. Трояновым³², который лично знал К. А. Аргамакова, подарившего ему в 1985 г. один из рисунков матери и свидетельство школы ИОПХ о награждении её на полугодичном экзамене в апреле 1907 г. малой серебряной медалью за сочинение рисунка. Ранее Троянов описывал это в своей статье «Н. К. Рерих в Новгородском крае»³³. Эти предметы он и передал в дар музею в 2018 г., что нашло отражение в статье «О дарах белгородца Анатолия Матвеевича Троянова музею-институту семьи Рерихов»³⁴ известного рериховеда В. Л. Мельникова.

Завершая рассказ о художнице Анастасии Фёдоровне Аргамаковой — представительнице старинного дворянского рода, дочери генерал-майора Ф. Ф. Аргамакова, сестре милосердия общины имени генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана Российского общества Красного Креста, — отметим, что значительный пласт в истории войн занимает история жизни и деятельности сестёр милосердия. Пострадавшим и раненым воинам они оказывали не только медицинскую помощь, они несли психологическое облегчение, утешение и поддержку. В 1904 г.

«Дневник войны» писал: «...говорить о самоотверженности врачей, сестёр милосердия, санитарок, работающих под огнём, убитых, раненных при исполнении святой задачи помощи солдатам не нужно... Слова бессильны передать то, что таится в прекрасных тайниках души этих русских людей...»³⁵. Но мы сегодня говорим о них, и находим слова, и понимаем, что своим вниманием и заботой они творили чудеса. Для многих они были «ангелами»! Какими они были? Как сложились их судьбы? Как выглядели? Нет у нас и фотографии, запечатлевшей образ Анастасии Аргамаковой — героини данного повествования... Поэтому, ставя последний штрих, обратимся к работе нашего современника художника Б. М. Ольшанского, картине «Русский реквием» (2000), которую автор посвятил всем сёстрам милосердия Российского общества Красного Креста (ил. 10).

Ил. 10. Б. М. Ольшанский. «Русский реквием». 2000 г.

¹ Великая княгиня Елена Павловна (1807–1873) — супруга великого князя Михаила Павловича. Благотворительница, известная сторонница отмены крепостного права. После смерти жены императора Александра II (1818–1881) императрицы Марии Александровны (1855–1880) — попечительницы общины Красного Креста к ней перешло управление Марининской больницы и Повивальным институтом.

² Николай Иванович Пирогов (1810–1881) — русский хирург, основатель военно-полевой хирургии, профессор и педагог. Участник Крымской войны 1853–1856 гг.

³ Анастасия Фёдоровна Аргамакова (1882–1945) — русская сестра милосердия. Художница, выпускница Рисовальной школы ИОПХ.

⁴ Фёдор Фёдорович Аргамаков (1841–1910) — представитель старейшего дворянского рода, генерал-майор.

⁵ http://rusgeneral.ru/gen/a/gen_a502.html — Генералитет российской императорской армии и флота. Дата обращения: 12.12.2020.

⁶ Третьяков В. П. Открытые письма Серебряного века. СПб.: Славия, 2000. С. 7.

⁷ Юлия Андреевна Аргамакова — жена генерала Николая Фёдоровича Аргамакова, дяди Анастасии Аргамаковой. Организованная ею в 1904 г. школа пользовалась успехом и была известна далеко за пределами Боровичского края. Помимо общеобразовательных предметов здесь преподавали теоретический и практический курс кройки и шитья дамских нарядов, а также разных рукоделий. Выпускницы школы получали места учительниц или мастериц.

⁸ Михаил Петрович фон Кауфман (1821–1902) — русский военный инженер, генерал-адъютант, участник Крымской войны. Действительный член Русского географического общества, почётный член Санкт-Петербургской Академии наук. С 1883 по 1902 г. возглавлял Российское общество Красного Креста.

⁹ Императрица Мария Фёдоровна (1847–1928) — жена императора Александра III, мать императора Николая II.

¹⁰ Варвара Ивановна Иксуль фон Гильденбанд (1850–1928) — русская общественная деятельница, писательница, сестра милосердия и инициатор создания Общины сестер милосердия имени генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана, одна из организаторов Санкт-Петербургского женского медицинского института. В годы Первой мировой войны вместе с сёстрами милосердия общины находилась на передовой Юго-Западного фронта. Получила Георгиевский крест за перевязку раненых под огнём неприятеля.

¹¹ В здании на набережной Фонтанки, д. 148 находился Повивальный институт, который в 1904 г. был переведён во вновь выстроенный комплекс на Васильевском острове. Сегодня — известный институт акушерства и гинекологии РАН им. Д. О. Отто.

¹² <http://www.encspb.ru/object/2815931668?lc=ru> — Энциклопедия Санкт-Петербурга. Община сестёр милосердия российского общества Красного Креста имени генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана / Сост. Д. Я. Северюхин. Дата обращения: 02.12.2020.

¹³ Постернак А. В. Очерки по истории общин сестёр милосердия. Общины сестёр милосердия в России. М.: Изд-во «Свято-Дмитриевское училище сестёр милосердия», 2001. 304 с.

¹⁴ Василий Васильевич Верещагин (1842–1904) — русский художник. Внёс большой вклад в развитие батального жанра, рисуя правдивую картину войны. Погиб во время русско-японской войны на броненосце «Петропавловск» вместе с вице-адмиралом С. О. Макаровым (1848–1904).

¹⁵ Дневник войны. 1904. № 79. С. 632.

¹⁶ Императорское общество поощрения художеств и Рисовальная школа размещались в Санкт-Петербурге на Большой Морской улице, в доме 38.

¹⁷ Николай Семёнович Самокиш (1860–1944) — академик живописи, график, профессор Академии художеств, полковник. Преподавал в Рисовальной школе ИОПХ с 1894 по 1917 г.

- ¹⁸ Сидоров А. А. Русская графика начала XX века. Очерки истории и теории. М.: Искусство, 1969. С. 209.
- ¹⁹ Самокиш Н. С. Война 1904—1905. Из дневника художника. СПб.: издание Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1908. 70 с.
- ²⁰ Николай Константинович Рерих (1874—1947) — русский живописец, театральный художник, писатель, философ. В 1906 г. возглавил Рисовальную школу ИОПХ и был на посту директора до 1918 г.
- ²¹ Николай Рерих в русской периодике, 1891—1918. Вып. 4: 1910—1912 / Сост. О. И. Ешалова, А. П. Соболев, В. Н. Тихонова; отв. ред. А. П. Соболев. СПб.: фирма «Коста и др.», 2007. С. 270.
- ²² ЦГИА. Ф. 588. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
- ²³ Деятельность ИОПХ и Рисовальной школы в те годы широко отмечались в периодической печати. Об успехах учащихся писали газеты «Петербургская газета», «Речь», «Биржевые ведомости» и др.; журналы «Аполлон», «Новое время» и др.
- ²⁴ Сборники печатались в школьной литографской и печатной мастерской. В основном содержат летние работы учащихся школы, сделанные ими с предметов декоративно-прикладного искусства, фрагментов росписи плафонов, виньетки, книжные заставки, визитные карточки, иллюстрации и пр.
- ²⁵ Боровская Е. А. Рисовальная школа Императорского общества поощрения художеств. К вершинам профессиональной деятельности. СПб.: Астерион, 2012. С. 167.
- ²⁶ Константин Александрович Аргамаков (1913—1990) — сын А. Ф. Аргамаковой. Проживал в посёлке городского типа Тума Клепиковского района Рязанской области.
- ²⁷ <https://forum.svrt.ru/topic/11252-аргамаковы/> — форум Союза возрождения родовых традиций. Аргамаковы. Дата обращения: 29.12.2020.
- ²⁸ Василий Фёдорович Аргамаков (1840—1896) — представитель военной династии Аргамаковых, генерал-майор, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг.
- ²⁹ Иван Иван Мозалевский (1890—1975) — русский живописец, график, критик. Учился в Рисовальной школе ИОПХ у И. Я. Билибина. После революции жил в Париже, Берлине, Праге. В 1947 г. вернулся в Россию.
- ³⁰ Мозалевский И. И. В Петербурге и Париже // Иван Яковлевич Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике / Ред.-сост. С. В. Голынец. Л.: Художник РСФСР, 1970. С. 214.
- ³¹ <https://forum.svrt.ru/topic/11252-аргамаковы/> — форум Союза возрождения родовых традиций. Аргамаковы. Дата обращения: 29.12.2020.
- ³² Анатолий Матвеевич Троянов (1932—2019) — горный инженер, журналист, писатель и краевед, председатель Белгородского Рериховского общества «Мир через культуру».
- ³³ Троянов А. М. Н. К. Рерих в Новгородском крае // Дельфис. М., 1999. № 4 (20). С. 46—47.
- ³⁴ Мельников В. Л. О дарах белгородца Анатолия Матвеевича Троянова музею-институту семьи Рерихов // Материалы XVIII международной научно-практической конференции «Рериховское наследие». СПб., 2019. С. 538—552.
- ³⁵ Дневник войны. 1904. № 66. С. 521.

С. С. Мигунов (Санкт-Петербург)

ВООРУЖЕНИЕ СВЕАБОРГСКОЙ КРЕПОСТИ В ПЕРИОД БАЛТИЙСКИХ КАМПАНИЙ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

В ОПРОС О ВООРУЖЕНИИ Свеаборгской крепости и Гельсингфорсских батарей в период двух Балтийских кампаний Крымской войны видится актуальным для понимания расстановки сил в регионе Балтийского моря и является важным для понимания истории дальнейшего развития крепостного хозяйства в Прибалтийских губерниях, а также в Финляндии.

Роль крепостей Лифляндского округа (в том числе на южном побережье Финского залива) была пересмотрена по итогам Крымской войны. Значительные денежные и материальные вливания оправдали себя далеко не полностью, и в связи с моральным устареванием большинства крепостей региона в николаевское царствование они были постепенно закрыты в Аренсбурге (Курессааре), Пернове (Пярну), а через некоторое время после окончания Балтийской кампании был положительно решён вопрос о закрытии крепостей в Ревеле (Таллине) и Нарве.

Закрытие крепостей на нынешней территории Эстонии было вызвано тем, что, выросшие из средневековых замков, они к середине девятнадцатого столетия не отвечали правилам ведения боевых действий.

Но изначальная идея о поддержании в боеспособном состоянии, в том числе и крепостей южного берега Финского залива, нашедшая свое отражение в многочисленных архивных документах, наталкивает на вывод о том, что стратегическая задача по защите Санкт-Петербурга от возможного нападения союзнического флота не могла быть выполнена с помощью только Свеаборгских и Кронштадтских укреплений¹.

Однако же, именно этим крепостям было отдано решающее значение в деле защиты столицы, в то время как большинство укреплений эстляндского берега имели в данной ситуации более-менее второстепенный характер из-за большей удалённости от столицы, а также из-за большего устаревания в смысле ведения боевых действий по правилам середины девятнадцатого века.

Каково было состояние Свеаборгской крепости перед Крымской войной?

В конечном счёте ответ на этот вопрос поможет понять общую тенденцию к сохранению крепостного хозяйства именно в Свеаборге до конца существования Российской империи, в отличие от крепостей южного берега Финского залива.

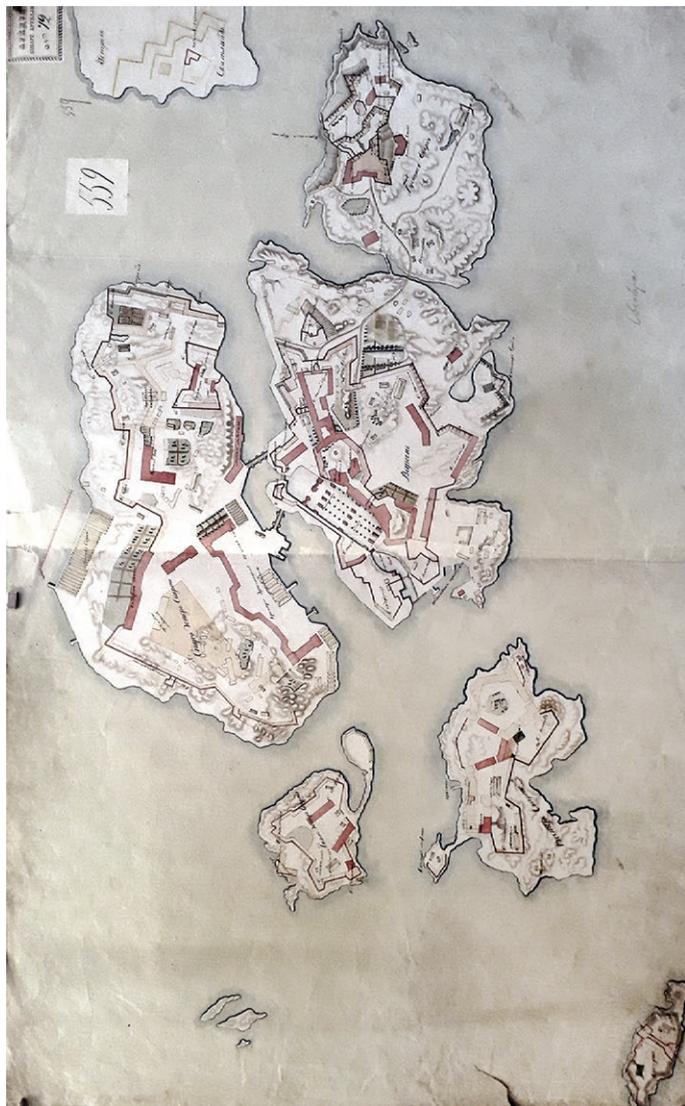
Непосредственно перед началом военных действий государь император повелел приступить к постройке батарей на острове Рентане для фланговой обороны батарей Реберга и укреплений Вестер-Сверд и Варген и для возможности ведения огня в направлении между данными укреплениями и островами Бере и Реншер. Это должно было помочь формированию Реншерского фарватера, расположенного между шхерами и непосредственно городом Гельсингфорсом.

Руководители строительными работами торопились окончить бруствер для возможности установки там орудий в осенне-зимний период 1854—1855 гг.

Управляющий Морским министерством выбрал места для возведения батарей: по одной на Варг-Эне (Варгене), на Густав Сверде и на Вестер-Сверде перед бастионом Тессен, чтобы огню с бастиона не мешало расположение батарей.

По мнению великого князя Константина Николаевича батарея на Рентане должна продолжаться заворотом для удобного обстрела пространства между Ульрикасборгом и Лонгерном². Необходимо было построить здесь же зарядный погребок с земляной насыпью для возможности его обустройства в зимних условиях. С учётом скорейшего выполнения задания по строительству укреплений перенос работ на весенний сезон был нежелательным.

Вооружение Рентанской батареи было усилено 16 орудиями с корабля «Арсис». Этот момент, при кажущейся будничности, показателен: большинство приморских крепостей в регионе усиливали вооружение за счет излишков из других крепостей региона, как приморских, так и находящихся вдали от моря (например,

Ил. 1. Чертеж укреплений Свеаборгской крепости на островах Вестер Сварто, Варген, Густав Сверд, Стуро Эстер Сварто, Лило Эстер Сварто, Лонгерн и Скатланд. Первая четверть XIX в. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. Картотека «Крепости и укрепления». Ч. 1. Д. 492

арсеналы Виленских укреплений и Динабургской крепости передавали орудия в Ревель).

В Свеаборге для трёх упомянутых батарей назначалось 30 орудий для укрепления вооружения.

Для Рентанской батареи необходимо (с учётом строительства упомянутого заворота) дополнительное вооружение к имеющимся там 16 орудиям, опять же уступленным из Морского ведомства по обозначенной выше схеме.

К моменту начала срочного перевооружения батарей Свеаборга в связи с угрозой военных действий в Варгене имелось всего две 18-фунтовые пушки на бастионе Гамильтон, и была необходимость в замене их на 30-фунтовые. Для этого было предложено поставить 18-фунтовые орудия в Лило-Остер-Свердское укрепление и взять два 30-фунтовых орудия из укрепления Лонгерн для Гамильтона.

В Казимир-Вреде на обращённом к главному фарватеру каземате нельзя было установить сухопутные крепостные лафеты, и этим объяснялась невозможность поставки сюда орудий. Однако рассматривалась возможность установки орудий на морские лафеты.

В Вестер-Сварде 12- и 18-фунтовые пушки, установленные на фасах и фланках бастионов Гуттенбург и Тессен, заменялись поставленными из складов Морского ведомства 36-фунтовыми шведскими. Они должны были лучше подходить по весу для взаимодействия с имеющимися в распоряжении крепости сухопутными пушками. Все пушки должны были быть одного калибра.

Земляная батарея на бастионе Тессен защищалась наравне с морскими бомбовыми триками также длинными чугунными пудовыми единорогами. Единороги были для этого перенесены с казематов Пальгейма и Казимир Вреде.

В Лонгерне находились вообще пушки трёх разных калибров, и это изначально осложнило задачу обороны данного укрепления.

Здесь 30-фунтовые пушки были переданы в Варген и взамен их из Лило-Остер-Сверда были взяты 24-фунтовые орудия.

На бастионах Шефер и Стиермос в Лило-Остер-Сверде сняли три 24-фунтовые и заменили их 18-фунтовыми опять же из соображения, чтобы все орудия здесь были одного калибра. 18-фунтовки были перенесены в Лонгерн.

В Стуро-Остер-Сверде все 12-фунтовые орудия по этой же причине были заменены 18-фунтовыми из Вестер-Сверда.

На острове Скотланде батарея, находившаяся на возвышении, была вооружена исключительно 36-фунтовыми пушками, и поэтому сюда были добавлены шведские пушки в количестве 12 штук из порта, при этом 30-фунтовые морские орудия здесь были сняты.

На острове Сандгаме поставлены 30-фунтовые после их снятия из Скотланда, и взамен здесь использованы 24-фунтовые пушки из порта.

Для увеличения дальности стрельбы были изменены конструкции лафетов для бомбовых пушек. Было увеличено возвышение для орудий на высоких крепостных лафетах российского производства. Оно достигло 14 градусов³.

Кажущиеся на первый взгляд исключительно бытовыми подробностями вооружения Свеаборга, как и аналогичные подробности вооружения других крепостей региона, описанные в архивных документах из собрания ВИМАИВиВС, дают детальное понимание, как в исключительно нервной атмосфере удалось прийти не только к недопущению продвижения союзнического флота в направлении столицы, но и к сохранению собственно крепостного хозяйства Свеаборга в ходе боевых действий на Балтийском театре, также именуемых в современной финской историографии Аландской войной.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 4. Д. 472 «О приведении в оборонительное состояние крепостей Балтийского моря и Финского залива».

² Подробнее об этом см.: там же. Л. 96–97 об.: «О вооружении новых батарей в Свеаборге» от 5 октября 1854 г.

³ Подробнее об этом см.: там же. Л. 165–167 об.: «Выписка из представленного исправляющим должность Свеаборгского коменданта предположения о работах по Артиллерийскому ведомству в Свеаборге».

В. Б. Миловидов (Москва)

НОШЕНИЕ ПУЛЕМЁТНЫХ ЛЕНТ МАТРОСАМИ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В 1917 г. В ПЕТРОГРАДЕ

К ОГДА МЫ ГОВОРИМ о революционных событиях в Петрограде 1917 г., то перед мысленным взором проходит множество образов, один из которых — матрос Балтийского флота в чёрной фуражке с лентами, чёрном бушлате и брюках, с винтовкой в руке или за плечом и как обязательным атрибутом — холщовой пулемётной лентой с патронами, размещённой крест-накрест на груди. Образ этот, многократно растиражированный в памятниках, кино и на плакатах, стал практически нарицательным, своеобразным символом революционных событий 1917 г. (ил. 1). Пять лет назад автору статьи потребовалось выяснить, насколько этот образ соответствует действительности. Результаты исследования оказались несколько неожиданными — на данный момент не обнаружено ни одного доказательства ношения матросами пулемётных лент. Но прежде чем перейти к результатам, совершим небольшой экскурс, касающийся формы одежды, снаряжения и техническим особенностям вооружения матросов Балтийского флота периода Первой мировой войны.

В указанный временной период на снабжение нижних чинов Российского Императорского флота были приняты следующие предметы¹ (рассматривается только верхняя одежда): фуражка для нижних чинов из чёрного сукна с тремя белыми кантами и чёрной лентой (в Гвардейском Экипаже чёрно-оранжевая, георгиевская), на которую наносилось название корабля или соединения, на околыше фуражки закреплялась овальная металлическая кокарда с императорскими цветами (летом на фуражку надевался белый чехол); тёмно-синяя суконная рубаха, надеваемая через голову, с вырезом на груди, к рубахе пристёгивался

синий воротник с тремя белыми полосами по краю, летом использовалась белая полотняная рубаша с синими обшлагами рукавов и синим воротником, под рубашу надевалась нательная рубаша с чередующимися белыми и тёмно-синими полосами — тельняшка, чёрные суконные брюки с передним клапаном, «лацбантом», кожаные ботинки чёрного цвета или сапоги, в холодный период использовался чёрный суконный бушлат с 12 латунными пуговицами на груди и чёрная суконная шинель с 6 латунными пуговицами на груди; на рубашках, шинели и бушлате были погоны с шифровками, при бушлате и шинели носился чёрный суконный галстук, прикрывавший

шею, чёрный кожаный ремень с металлической бляхой и выштампованным двуглавым орлом поверх двух перекрещенных якорей. В Гвардейском Экипаже существовали некоторые отличия в форме, касающиеся отдельных цветочных элементов на бушлате, суконной рубашке, приборного металла и т. п. Все эти предметы появились в отечественном флоте в последней четверти XIX в. и практически без изменений просуществовали до середины 2000-х гг. (ил. 2). В целом, что касается формы одежды, внешний вид революционного моряка соответствует широко известному образу. Однако в 1917 г. внешний вид матросов несколько изменился: начиная с марта, стали исчезать погоны (в апреле это было

Ил. 1. Бронзовая скульптура «Революционный матрос». Станция метро Московского метрополитена «Площадь Революции». Скульптура была выполнена в Ленинградской мастерской художественного литья коллективом под руководством видного скульптора М. Г. Манизера в 1937 г.

Ил. 2. Строй матросов линкора «Полтава», Гельсингфорс, конец февраля 1917 г. Упадку дисциплины пока нет. Матросы одеты однообразно, строго по уставу. Единственное отступление от устава — красные ленточки на груди, как у матросов, так и у офицеров. Матросы вооружены винтовками Арисака обр. 1897 г.

узаконено) как символ царского режима, на кокарды, поверх царских цветов некоторые матросы наносили красную краску или прикрывали их материей красного цвета, а то и вовсе удаляли кокарду². В целом наблюдалось падение дисциплины, что выражалось в небрежном ношении формы на берегу. Так, например, часто бушлаты не застёгивались, иногда бушлат заменялся на кожаную куртку, некоторые матросы увеличивали вырез на рубашке, вплоть до живота (таких матросов называли «декольтированными»), увеличивали ширину нижней части штанины «клёша» и т. п. Фотографии того периода показывают матросов довольно «расхристанными» (ил. 3).

Штатным снаряжением нижних чинов Императорского флота были два кожаных двухсекционных подсумка для винтовочных патронов чёрного цвета на чёрном кожаном ремне с овальной пряжкой, носившихся через левое плечо. Эти подсумки вмещали до 60 патронов в обоймах или россыпью.

К 1914 г. штатным стрелковым вооружением нижних чинов флота являлись трёхлинейная (7,62-мм) винтовка обр. 1891 г.

Ил. 3. Балтийские матросы на одной из улиц Петрограда. 1917 г. (месяц определить затруднительно). Наглядная иллюстрация падения дисциплины на флоте. Матросы одеты кто во что горазд, погоны и кокарды отсутствуют. Присутствуют элементы гражданской одежды. Вооружены револьверами, русскими винтовками обр. 1891 г., винтовками Арисака обр. 1897 г.

драгунского типа и трёхлинейный (7,62-мм) револьвер Наган обр. 1895 г. Однако с началом Первой мировой войны выявилась острая нехватка винтовок и патронов к ним в действующей армии. В связи с этим было принято решение о передаче в действующую армию трёхлинейных винтовок и патронов к ним, с заменой их на винтовки других систем. Быстро эту задачу выполнить не представлялось возможным. Главным было — изыскать необходимое количество винтовок иных систем, что являлось весьма непростым делом. Но к концу 1916 г. эту проблему удалось решить. Благодаря предпринятым усилиям на кораблях и в береговых частях Балтийского флота почти все винтовки обр. 1891 г. были заменены на винтовки других систем. Основой для замены послужили японские 6,5-мм винтовки Арисака обр. 1897 г. (ил. 4, 5), их было чуть более 90 %, 5 % составляли винтовки Винчестер обр. 1895 г., Бердан № 2 обр. 1870 г., Ветерли и иные. Чуть менее 5 % составили винтовки и карабины обр. 1891 г., по различным причинам не переданные армии³.

Ил. 4. Матросы линкора «Цесаревич» отрабатывают ружейные приёмы. Зима 1915—1916 гг. Вооружены винтовками Арисака обр. 1897 г.

Количество винтовок на кораблях не было одинаковым. Оно регламентировалось различными циркулярами и зависело от различных факторов: временного периода, ранга и размера корабля, численности экипажа. В «доцусимский» период количество огнестрельного оружия зависело от поставленных конкретному кораблю задач и наличия запаса винтовок в арсенале экипажа, к которому был приписан корабль. В некоторых случаях количество винтовок на отдельно взятом корабле было достаточным, чтобы вооружить более половины экипажа. К началу и во время Первой мировой войны количество огнестрельного оружия на кораблях менялось в сторону уменьшения. К 1917 г. винтовок на боевых кораблях было достаточно, чтобы вооружить примерно 10 % экипажа⁴. Однако из этого числа следует вычесть те винтовки, которые использовались для внутренней караульной службы и не подлежали выдаче корабельным десантным партиям.

Немаловажно отметить то, что никаких запасов винтовок в распоряжении командования Балтийского флота не было⁵. Все винтовки были, что называется, «при деле» то есть ими были обеспечены боевые корабли и береговые части, к которым относились артиллеристы береговых батарей и сухопутные части, находившиеся в подчинении командования флота — пехотные дивизии на островах Моонзудского архипелага и т. п.

Ил. 5. Караульный матрос броненосного крейсера «Адмирал Макаров» 1915—1916 г. Вооружён винтовкой Арисака обр. 1897 г.

это и колёсные станки Соколова обр. 1910, и треножные станки обр. 1904 г. Как видим, пулемётов на кораблях флота вообще было не очень много, а для использования их на берегу попросту не хватало станков. Не следует забывать, что подавляющая часть боевых кораблей флота находилась в Гельсингфорсе и Ревеле, а также в районе Рижского залива. Фактически в Петрограде находились боевые корабли, пребывающие на ремонте на судостроительных заводах. В Кронштадте были учебные и устаревшие корабли. Таким образом, количество пулемётов, которые могли использовать матросы, сводится к считанным единицам (ил. 6).

Рассмотрев тему униформы, снаряжения и вооружения матросов Российского Императорского флота, попытаемся разобраться с вопросом ношения пулемётных лент матросами на берегу.

На вооружении кораблей Российского флота во время Первой мировой войны состояли трёхлинейные (7,62-мм) пулемёты сист. Максима. Количество пулемётов на боевых кораблях было различным; на самых крупных — линкорах — оно доходило до 4 единиц⁶, на крейсерах и эсминцах было 2—8 пулемётов⁷, на малых кораблях 1—2 пулемёта. На некоторых боевых кораблях их не было вообще. На кораблях использовались тумбовые установки, но для 1—2 пулемётов предусматривались станки для использования корабельными десантными партиями. Станки могли быть различными —

Ил. 6. Матросы рядом с пулемётом Максим на станке Соколова обр. 1910 г. Стоп-кадр кинохроники. Этот трёхсекундный фрагмент атрибутируется как подготовка к высадке на берег матросов с кораблей «Ястреб» и «Амур». Эти два корабля были в Петрограде во время октябрьских событий 1917 г. Один из матросов вооружён винтовкой Арисака обр. 1897 г. Ни на одном из матросов пулемётных лент нет

Пулемётная лента, носимая на теле, может применяться только в двух случаях: в первом — в качестве штатной ленты к пулемёту и во втором — в качестве патронташа. Разберём оба этих случая. Своих штатных пулемётов сист. Максима, пригодных для использования на берегу, у матросов было крайне мало, выше указывались причины этого. Уличные бои, подобные сталинградским в 1942 г., вести в Петрограде в октябре 1917 г. вряд ли планировалось. Вооружённый захват власти не означал крупных боевых столкновений. Соответственно, непосредственного использования тяжёлого вооружения, к которому относится и пулемёт, практически не было. Скорее тяжёлое вооружение в руках большевиков было фактором психологического давления и доказывало серьёзность их намерений. Поэтому о наличии у матросских отрядов пулемётов можно говорить лишь как об исключении, да и это исключение пока не подтверждено атрибутированными фотографиями. К тому же технические особенности пулемётов сист. Максима предполагают использование пулемётных лент из

штатных металлических коробок, где лента тщательно уложена. При ношении пулемётной ленты на теле патроны, вставленные в соответствующие гнёзда, могут сместиться или даже выпасть, что приведёт к задержкам в стрельбе. Да и снять её быстро с тела не представляется возможным, что автор испытал на себе. То есть использовать пулемётную ленту подобным образом просто нерационально, не говоря уж о её весе — 6 кг, что добавляет неудобств при её ношении.

Теперь поговорим об использовании пулемётной ленты в качестве патронташа. Автор не зря уделил довольно много внимания вопросу перевооружения частей флота с русской винтовки под штатный винтовочно-пулемётный патрон калибра $7,62 \times 54$ мм на винтовки иных систем и калибров. Пулемётная лента проектируется под конкретный патрон, что вполне логично и объяснимо. Вставлять в пулемётную ленту патроны других калибров невозможно из-за их габаритных размеров. Патроны меньшего калибра, как, например, для винтовки Арисака, из пулемётной ленты будут вываливаться, особенно если это лента, уже бывшая в употреблении. Если же лента новая, то некоторое время патроны будут держаться, но весьма недолго. Патроны большего калибра — для винтовок Бердана, Ветерли и других — в гнёзда пулемётной ленты попросту не войдут. Если всё же рассмотреть вариант использования пулемётной ленты в качестве патронташа, то он также не выдерживает критики. Дело в том, что для ускорения заряжания всех магазинных винтовок того периода патроны объединялись в обоймы либо пачки, как правило, по 5 шт. При использовании пулемётной ленты в качестве патронташа практическая скорострельность винтовки значительно снижалась. Не зная этого матросы не могли: занятия по стрелковому делу на кораблях и в частях флота проводились регулярно. Есть и ещё один весьма важный аргумент. Поскольку война была в самом разгаре, то все предметы снабжения для боевых действий являлись большим дефицитом, в первую очередь это касалось патронов, а также и пулемётных лент. Поэтому говорить не только о массовом ношении пулемётных лент, но даже о единичных случаях не приходится (ил. 7). В пользу этого также говорит тот факт, что на сегодняшний день не выявлено НИ ОДНОЙ достоверно атрибутированной фотографии, на которой были бы изображены матросы в пулемётных лентах. Напомним (ил. 8), речь идёт о Петрограде (Кронштадте, Ревеле, Гельсингфорсе) 1917 г.

Ил. 7. Проверка документов патрулём матросов. Петроград, 1917 г. Правила ношения формы не соблюдаются. Матрос в центре вооружён русской винтовкой обр. 1891 г., два других — винтовками Арисака обр. 1897 г.

Однако в мемуарной литературе отмечены факты ношения пулёмётных лент рабочими Красной гвардии⁸.

Несколько слов следует сказать о массовости вооружённых матросских отрядов в революционных событиях в Петрограде в 1917 г. Одним из самых массовых выступлений следует считать вооружённую демонстрацию во время событий, известных как «июльские дни». Тогда действительно из Ревеля и Гельсингфорса в Кронштадт прибыли вооружённые винтовками десантные партии с боевых кораблей. К ним присоединились матросы Кронштадта, и утром 4 (17) июля они прибыли в Петроград, а днём прошли по улицам столицы. Причём эта демонстрация сопровождалась безобразными сценами ограблений «буржуев», грабежами магазинов и т. п. По различным оценкам в ней участвовало до 3,5 тысяч матросов. Этот эпизод хорошо показан в художественном фильме 1957 г. «Балтийская слава».

Ил. 8. Группа рабочих, солдат и матросов на бронев автомобиле «Фиат-Ижорский» у входа в Смольный. Петроград, октябрь 1917 г. Достаточно известная фотография явно постановочного характера. На одном из персонажей, сидящем на пулемётной башне, видна пулемётная лента. Правда, из-за низкого качества фотографии определить, кто это, не представляется возможным. Это может быть как матрос, так и рабочий. Матрос на крыле бронев автомобиля идентифицируется однозначно

Однако в октябре 1917 г. в районе Рижского залива происходило Моонзундское сражение, потребовавшее полного напряжения всех сил Балтийского флота. То есть о сколько-нибудь массовом участии личного состава кораблей, находящихся в Ревеле и Гельсингфорсе, речь просто не шла. Фактически в октябрьских событиях 1917 г. в Петрограде принимали участие матросы 10 кораблей, находившихся в городской черте, из которых самыми крупными были крейсер «Аврора» и устаревший линкор «Заря Свободы», а также моряки учебных и устаревших кораблей Кронштадта и береговых экипажей.

Следует рассмотреть и ещё один вопрос. При общем падении дисциплины, выражавшемся в нарушении формы одежды и неуважительном отношении к офицерам со стороны матросов, правила внутреннего корабельного распорядка соблюдались жёстко. Такие аспекты, как бесконтрольная выдача стрелкового оружия

Ил. 9. Группа вооружённых матросов. Тоже весьма известная фотография. В разных источниках атрибутируется по-разному, в том числе, как «матросы, штурмовавшие Зимний дворец». Фотография интересна тем, что в кадре присутствует большое количество матросов, вооружённых единообразно винтовками Арисака обр. 1897. Снаряжение также уставное — два двухсекционных подсумка на ремне через плечо. Пулемётные ленты отсутствуют

из arsenалов кораблей и сход на берег матросов «по желанию», были попросту невозможны. Для матросов корабль был домом, пусть временным, но домом, и относились они нему соответственно принципу «мой дом — моя крепость». То есть оставить «свой дом» без защиты они не могли. Выше упоминалось, что часть винтовок использовалась внутренними караулами и оставалась всегда на корабле. Поэтому вооружить большую массу матросов винтовками было нереально, их попросту не было в нужном количестве.

Тогда возникает совершенно логичный вопрос — так откуда же появился столь узнаваемый образ революционного моряка? Фотографий, отображающих моряков в пулемётных лентах, на сегодняшний день не выявлено (ил. 9). Также отсутствуют кадры кинохроники с подобными персонажами. Более того, средства пропаганды и агитации в виде плакатов до 1928—1930 гг. также

не показывают «Гвардию Революции», как тогда называли балтийских матросов, в пулемётных лентах. Зато начиная с 1930-х гг. этот образ стал всё чаще появляться в художественных фильмах, на памятниках и плакатах, а после Великой Отечественной войны и вовсе стал каноническим. Что же поспособствовало этому? После переработки большого количества материалов по данному вопросу напрашивается вывод о том, что в этом поучаствовало «самое важное из искусств» — кино. А именно кинокартина «Октябрь» Сергея Михайловича Эйзенштейна, вышедшая в прокат в конце 1927 г. Именно там впервые появился образ революционного матроса в пулемётных лентах. Это было сделано, вероятно (и скорее всего), из-за технических особенностей съёмочной аппаратуры и плёнки того времени. В первой половине картины матросы в тёмной одежде представляют собой массу тёмных движущихся пятен. Во второй половине сделан акцент на выдачу матросам пулемётных лент (они светлые, почти белые), и далее матросы в массовых сценах уже хорошо различимы. Эта кинокартина не имела такого успеха, как фильм «Броненосец Потёмкин», и была достаточно прохладно встречена как властью, так и критиками. Однако этот фильм посмотрело большое количество людей как в нашей стране, так и за её пределами. К этому следует добавить, что на тот момент авторитет С. М. Эйзенштейна был непрекращаем, и к киноискусству было иное отношение. Фактически кинофильм, снятый таким мэтром по заданию правительства с претензией на историчность, не мог быть воспринят никак иначе как правда. И, если можно так выразиться, «с лёгкой руки» мастера, многое из этого фильма «ушло в народ», в том числе и образ революционного моряка. Более того, советские моряки, воспитанные на этом и других фильмах (их часто демонстрировали на кораблях и в частях советского ВМФ), во время Великой Отечественной войны при действиях на берегу стали надевать на себя пулемётные ленты, что в этот период стало действительно массовым явлением. Многочисленные фотографии и кадры кинохроники говорят об этом. Но то, что хорошо для кинообраза, не всегда подходит для боевых реалий. О неудобствах, связанных с использованием пулемётных лент при ношении их на себе, сказано выше. К этому следует добавить то, что в реальных боевых условиях от подобной практики очень быстро отказывались, чему есть свидетельства очевидцев. Фактически почти все фотографии и кадры кинохроники матросов с пулемётными лентами

Ил. 10. Редкое фото. Отряд Кожевникова на пароходе «Марелань» под Казанью. 1918 г. Фото интересно тем, что на нём присутствуют матросы с разных кораблей Балтийского флота, причём на двух из них надеты пулёмётные ленты, но для пулёмёта Кольт-Браунинг обр. 1895 г.

периода Великой Отечественной войны относятся к постановочным. К тому же, при необходимости перемещения дополнительных боеприпасов старались использовать ёмкости: патроны можно было насыпать в вещмешок, в сумку от противогаза, избавившись от противогаза, рассыпав их по карманам и т. п. Это было гораздо удобнее. Немаловажно отметить и такой аспект: при перемещении «по-пластунски» пулёмётная лента с патронами цепляется за каждую неровность, что также проверено на себе. Следует заметить, что единичные случаи ношения пулёмётных лент матросами всё же имели место, но несколько позже. Во время Гражданской войны были зафиксированы отдельные факты ношения пулёмётных лент моряками, однако насколько массовым было это явление, и применялась ли подобная практика во время боевых действий, а не для позирования перед фотоаппаратами — неизвестно (ил. 10).

Всё это говорит о том, насколько велика сила искусства, если художественный образ, созданный С. М. Эйзенштейном, вошёл в массовое сознание людей настолько прочно, что при упоминании о событиях октября 1917 г. встаёт образ революционных матросов с винтовкой в руках и обмотанных пулёмётными лентами.

И насколько осторожно художникам следует подходить к созданию образов, чтобы вымысел не подменил собой истину, какой бы она ни была.

¹ Доценко В. Д., Гетманец Г. М. Русский морской мундир. 1696—1917. СПб., 2008. С. 234.

² Там же. С. 368.

³ Фокин М. «Японка» на службе русского флота. Из истории винтовки «Арисака» обр. 1897 г. // Калашников. 2020. № 1, 2.

⁴ Там же; Кузнецов Н. Эскадренный броненосец «Князь Потёмкин Таврический». СПб., 2011. С. 23.

⁵ Фокин М. «Японка» на службе русского флота...

⁶ Кузнецов Н. А. Эскадренный броненосец «Князь Потёмкин Таврический». С. 23; Мельников Р. М. «Цесаревич». Часть II. Линейный корабль. 1906—1925 гг. СПб., 2000. С. 59.

⁷ Виноградов С. Е., Федечкин А. Д. Броненосный крейсер «Рюрик». Флагман Балтийского флота. М.: Яуза, Эксмо, 2010. С. 55; Чернышев А. А. Русские супер-эсминцы. Легендарные «Новики». М.: Яуза, Эксмо, 2011. С. 60.

⁸ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 147.

Д. Ю. Милосердов (Москва)

ЛУКИ В ХАНСТВАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ XIX — НАЧАЛА XX в.

ЛУК — ОДИН ИЗ СТАРЕЙШИХ видов метательного оружия. Самый простой и распространённый тот, деревянное тело которого сужается от середины к концам, которые соединены тетивой¹. Место, за которое лук держали, называется рукоять. Дуга между рукоятью и концом, к которому крепится тетива, называется плечом. Таким образом, тело лука состоит из рукояти, двух плеч и двух концов.

По конструкции и функциональным возможностям различают простой и сложносоставной луки². Лук, сделанный из единой деревянной детали, называется «цельный» или простой. Сложносоставной (композитный) лук бывает, во-первых, склеен из дерева разных пород и сухожилий; во-вторых, с дугой из дерева и костяных накладок и сухожилий; в-третьих, из роговых пластин и сухожилий. Сложносоставные луки не были широко распространены из-за сложности их изготовления. Некоторые исследователи полагают, что они ведут своё происхождение из Турции. Эти луки были небольших размеров, но более мощные, чем простые. Распространены они были практически во всех странах Востока³. Стоун считает, что в Центральной Азии луки были китайского производства или их близкими копиями⁴. Но учитывая близость Индии и Афганистана и то, что много оружия попадало в Афганистан из Индии, можно предположить, что в этом регионе бытовали и луки турецкого типа⁵. Кроме того, археологические находки свидетельствуют о том, что и в самой Центральной Азии композитный лук был известен с древности⁶. Можно с высокой долей вероятности предполагать, что в Китай сложносоставной лук проник с севера, из сибирско-монгольских степей, и позже

начал развиваться уже на китайской почве⁷. Безусловно, вполне справедливо мнение Ф. Бергмана, что древнейшие типы сложно-составного лука не являются местными в Китае, их происхождение лежит вне Китая, а именно в Центральной Азии⁸. В XIX в., согласно отчётам Жан-Жака Пьера Демезона, посещавшего Бухару в 1833—1834 гг. по поручению военного губернатора Оренбурга Василия Алексеевича Перовского, луки в ханства привозили из Афганистана кабульские купцы. В то же время по косвенным данным можно судить о том, что мастера, изготавливавшие луки, жили и в Бухаре. Например, доктор филологических наук, профессор, академик АН КазССР Абдуали Туганбаевич Кайдаров в своей статье «О некоторых общих тюрко-монгольских однокоренных основах» упоминает термин «букаржай», который переводится, как «инкрустированный лук бухарского изделия»⁹. То есть тюркоязычные народы Центральной Азии выделяли именно луки, сделанные в Бухаре.

Первые упоминания луков из ханств в европейских источниках относятся к концу XVI века. Вот отрывок из челобитной бухарского посла Мухаммед-Али царю Федору Ивановичу от 1585 года: «Царю государю великому князю Федору Ивановичю всеа Руси бьет челом бухарской посол Мамедели. Послал, государь, меня государь наш Абдулай царь бухарской к тебе государю з дары, и нынеча замерзл в твоей государеве отчине в Казани, а дары тебе государю послал наш государь: бью челом тебе государю шоломом булатным навожен золотом и травами, да сабля булатная навожено золотом, ножны хоз черной, да лубья саадочное¹⁰ навожено золотом с травами»¹¹. В этом же году царь Фёдор Иванович получил послание хивинского посла Ходжа-Мухаммеда, в котором среди различных даров и товаров упоминаются саадаки расшитые и украшенные золотом, шёлком и красками, а также лук, расписанный красками и золотом: «Царю государю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси бьет челом юргенской¹² посол Хоз-Маамет. Послал государь наш Азим царь к тебе к царю государю поминка¹³: шатёр большой... да 2 саадака шиты шолки и золотом, да саадак золотом навожен и всякою краскою, да лук мешецкой¹⁴ навожен золотом и всякими красками». К сожалению, учитывая то, что лук, привезённый хивинским посланником, был персидским, что ясно из его названия, не ясно, были ли саадаки, привезённые им в тех же дарах, персидскими или хивинскими.

Следующее упоминание луков мы находим в «Хронологическом обозрении политических сношений России с Бухарой», где есть следующие строки: «В 1669 году в Москву к царю Алексею Михайловичу прибыло посольство из Бухары от Абдулазиз-хана. Среди посольских даров упоминаются: 27 луков бухарских»¹⁵. То есть речь идёт именно о луках, изготовленных в Бухаре. Указывается и стоимость такого лука: «1 лук — 3 алтына и две деньги»¹⁶. Перечислен «лук большой бухарской», взятый среди прочих предметов 30 сентября 1686 г. царём Петром I в свои хоромы из Оружейной Большой Казны, вместе с пятьюдесятью пятью стрелами с оперением из чёрных орлиных перьев¹⁷.

Первое описание бытования луков в ханствах, составленное информантом, лично посетившим их, принадлежит Флорио Беневени, отправленному Петром I в качестве посла в Персию и Бухару в 1718—1725 гг. В его отчёте есть такие строки: «А озбеки большая часть употребляют саблю, лук и копия»¹⁸. Буде случаются добрые лошади, то силы озбекские состоят в сабле, в стрелах и в копии»¹⁹. Посещавший спустя четверть века соседнюю Хиву самарский купец Рукавкин подтверждает слова итальянца: «Город Хива, в котором Хивинские ханы двор свой имеют, а также подвластные того хана крепостицы, все стоят при каналах, пропущенных из реки Амударьи. Укреплений кроме небольших глиняных стен и рвов не имеют. Артиллерии никакой нет, и оружие их по большей части — стрелы и копьё»²⁰. Майор Бланкеннагель, посетивший Хиву в конце XVIII в., писал, что в это время у хивинцев из «дальнобойного» оружия преобладали лук и стрелы: «Во время часто бывающих здесь междоусобий все за оружие принимаются; число, однако же, могущих носить оружие, как из общих сборищ их, каково было и в прошлом году, увериться можно, полагается не более как от двенадцати до пятнадцати тысяч, из коих пехоты, вооружённой огнестрельным оружием, которое у них без замков, а с фитилями, не более двух тысяч; прочие выезжают на лошадях, имея одни луки и стрелы, а другие пики и сабли»²¹. Тимофей Степанович Бурнашев, по высочайшему повелению в те же годы (1794—1795) совершивший путешествие в Бухару, отмечает, что в Бухаре, несмотря на появление огнестрельного оружия, лук остаётся распространён: «Одежда воина (бухарского) (курсив наш. — Д. М.) не отличается от обыкновенной одежды жителей, а вооружение составляют сабли, ружья, копьё и стрелы»²². В Хивинском ханстве ситуация не изменилась

и в начале XIX в. Николай Николаевич Муравьёв-Карский, тогда ещё просто капитан Генерального штаба, в 1819 г. был направлен в составе научной экспедиции в Туркмению и Хиву. В своём отчёте он писал о вооружении местного населения следующее: «Оружие, употребляемое хивинцами, суть: сабля, кинжал, копьё, лук и стрелы, и ружьё»²³. Причём он первый из информантов, кто даёт описание местных луков: «Лук и стрелы употребляются большею частью теми (*хивинцами*) (курсив наш. — Д. М.), у которых нет ружей. Луки сии не велики и не довольно упруги, стрела из оных пущенная едва пролетает третью долю того расстояния, на которое понёс бы ее кабардинской лук. Они не умеют также готовить хорошей тетивы для сего оружия»²⁴. А вот в Бухарском эмирате в это же время владельцы начали модернизировать армию, отказываясь от луков. Посетивший Бухару в 1820 г. в качестве посла Егор Казимирович Мейендорф, русский учёный-натуралист и топограф, писал о вооружении бухарского солдата следующее: «Сипахи вооружён фитильными ружьями, очень длинным копьём и изогнутой саблей, как у персов»²⁵. Жан-Жак Пьер Демезон, посещавший Бухару десятью годами позже Мейендорфа, подтверждает эти данные своим сообщением о том, что «бухарские солдаты абсолютно потеряли навык стрельбы из лука»²⁶. А уже с середины XIX в. в армиях Кокандского и Хивинского ханств также отказываются от луков в пользу огнестрельного оружия²⁷. Хотя, вероятно, у отдельных жителей ханств лук в качестве оружия сохранялся. Этот факт упоминает Николай Николаевич Каразин, русский художник-баталист и писатель, участник похода на Бухару 1867 г., отличившийся, командуя ротой, в боях при аулах Ухум и Хаят, при штурме Чапанатинских высот под Самаркандом, под Ургутом и при Кара-Тюбе. В своей заметке «Оружие наших противников в Средней Азии», опубликованной в 1874 г., он пишет: «Представителями классической древности служат щиты, и даже наивный лук с камышовыми стрелами, отказывающийся идти на состязание с нашим штуцером Бердана»²⁸.

К концу XIX в. луки в вооружённых формированиях ханств Средней Азии практически исчезают, так как теряют своё значение на фоне распространения огнестрельного оружия. Датский этнограф Оле Олуфсен, посещавший Бухарский эмират и Памир в 1890-х гг., пишет в своём исследовании: «лук использовался в прошлом веке как боевое и охотничье оружие, о котором

рассказывали старики в отдаленных районах (*эмирата*) (курсив наш. — *Д. М.*). В горах они (*луки*) (курсив наш. — *Д. М.*), конечно, использовались дольше, чем где-либо еще, и в 1896 году жители Вахана были вооружены длинными луками во время своих первых переговоров со мной. Во время моего путешествия на север через Памирские долины я часто видел лук, используемый как охотничье оружие. Эти луки, длина которых составляла 2 и 3 метра, были снабжены натянутой тетивой из двух нитей, сплетённых из кишок. Посредине нити были скреплены куском кожи, в который помещали маленькие круглые камни, которые металась из такого лука с большой силой и точностью. Я никогда не видел использования стрел, и туземцы заявляли, что они ничего не знают о них. Но судя по данным заслуживающих доверия стариков, в былые времена стрелы использовались»²⁹. Судя по фотографиям, хранящимся в коллекции МАЭ РАН, точно такие же луки, только меньшего размера, как минимум до 1930-х гг. использовали в этом регионе дети³⁰.

Благодаря лукам из ханств Средней Азии, которые хранятся в музеях мира, мы точно знаем, как они были изготовлены. Если луки с двойной тетивой, служившие для охоты, относились к типу простых, то подавляющее большинство боевых луков — сложносоставные. Тело такого лука, называемого «камон»³¹, обычно состояло из трёх пластин дерева, склеенных вместе. Со стороны лука, обращённого к стрелку, помещалась роговая пластина, поверх которой толстым слоем клея фиксировалось сухожилие. Такое же сухожилие было приклеено с внешней стороны тела лука. Тетива изготавливалась из пучка тонких сухожилий, который плотно обматывался шёлковой нитью. На концах тетивы завязывались петли, оформленные в турецком стиле³². В начале XX в. Самуил Мартынович Дудин, известный собиратель коллекций Русского этнографического музея по народам Средней Азии, приобрёл в Бухаре два лука и оставил их краткое описание: «Луки (“камон”) с натянутой тетивой имеют форму дуги большого диаметра с вогнутостью посредине и с отогнутыми в сторону от центра концами (рогами лука). Посредине разрез (*сечение*) (курсив наш. — *Д. М.*) лука почти круглый, к краям — овальный плоский. Один из них (*луков*) (курсив наш. — *Д. М.*) украшен росписью и позолотой»³³.

Стрелы, судя по известным нам образцам, можно разделить на две группы по наличию оперения. Одни, с длинными древками,

изготовленными из дерева, снабжались перьями хищных птиц тёмного цвета³⁴, стабилизирующими стрелу во время полёта, другие более короткие, без оперения. Первый тип обычно снабжался втульчатými наконечниками с жалом треугольной формы. Второй тип стрел венчали узкие четырёхгранные наконечники, фиксирующиеся в древке на черешке³⁵. Наконечники точно такой же формы привёз из Средней Азии и вышеупомянутый Дудин³⁶.

Саадаки для луков и колчаны для стрел изготавливались из тиснёной кожи или ткани и деревянных элементов. Саадаки, в которые лук помещался наполовину, имели классическую для всей Центральной Азии форму, а колчаны представляли собой длинный и узкий короб с прямоугольным поперечным сечением, укреплённый древесиной³⁷. Дудин приобрёл колчан, сшитый из юфтевой кожи³⁸ и, по его словам, имевший вид «длинного плоского мешка с закреплённым и несколько расширенным низом»³⁹.

В заключение надо отметить, что луки с двумя тетивами, известные под названием «камонча»⁴⁰, достаточно типичные для Центральной Азии⁴¹ и на самом деле не являвшиеся оружием, а служившие только для охоты⁴² или, как и в других частях Азии, для отпугивания птиц или мелких животных на полях и посевах⁴³, по данным от местных информантов, в некоторых кишлаках Узбекистана и Таджикистана используются с той же целью до сих пор. В то время как среднеазиатские сложносоставные луки, которые, по мнению австрийского этнографа и специалиста по лукам Феликса фон Лушана (Felix Ritter von Luschan), были по своей конструкции одними из наиболее совершенных луков в мире⁴⁴, к середине XIX в. были постепенно вытеснены огнестрельным оружием. В центральной части региона это произошло раньше, а на окраинах несколько позже.

¹ Stone G. C. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in All Countries and in All Times. New York, 1961. P. 130.

² Шокарев Ю. В. Луки и арбалеты. М., 2001. С. 19.

³ Stone G. C. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in All Countries and in All Times. P. 130; Шокарев Ю. В. Луки и арбалеты. С. 19.

⁴ Stone G. C. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor in All Countries and in All Times. P. 130; Шокарев Ю. В. Луки и арбалеты. С. 134.

⁵ Gray J. A. At the court of Amīr. London, 1895. P. 82; Mir Munshi Sultan Mahomed Khan. The life of Abdur Rahman, Amir of Afghanistan. Vol. 1. London, 1900. P. 202.

⁶ Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (К проблеме эволюции лука на Востоке) // Советская археология. 1966. № 4. С. 51–69.

- ⁷ Chêng Tê-K'un. *Archaeology in China*. II. Cambridge, 1960. P. 118, 130, 206—207. Tabl. 18, c, 25, d, 48—49.
- ⁸ Bergman F. *Archeological Researches in Sinkiang Especially the Lop-Nor Region*. Stockholm, 1939. P. 124.
- ⁹ Кайдаров А. Т. О некоторых общих тюрко-монгольских однокоренных основах // Якутский филологический сборник: сборник научных трудов. Якутск, 1976. С. 25.
- ¹⁰ Лубьё саадачное — сделанный из луба чехол для лука. См.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 8 (Крада—Лящина). М., 1981. С. 291.
- ¹¹ Торговые сношения Московского государства с народами Средней Азии XVI—XVII вв. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV—XVII вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР // *Труды Историко-археологического института и Института востоковедения. Материалы по истории народов СССР*. Вып. 3, ч. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 98.
- ¹² Юргенская земля (Юргенчи, Ургенч) — область и город в Хиве. Название Хивы как государства появилось лишь в середине XVII в. после переноса около 1645 г. столицы этого ханства из Ургенча (Юргенча) в Хиву. В Москве в течение всего XVII в. продолжали называть Хивинское ханство по старому «Юргенским» или «Юргенчским». См.: *Сборник князя Хилкова*. СПб., 1879. С. 24; *Русско-индийские отношения в XVII в.: Сб. документов*. М., 1958. С. 437.
- ¹³ Поминок — подарок в знак внимания, дар. См.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 17 (Помаранець—Потишати). М., 1991. С. 22.
- ¹⁴ Мешецкой — изготовленный в городе Мешехд в Персии. См.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 9 (М). М., 1982. С. 140.
- ¹⁵ Хронологическое обозрение политических сношений России с Бухарой // *Сборник князя Хилкова*. С. 518.
- ¹⁶ Там же. С. 519.
- ¹⁷ Есипов Г. В. *Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом*. М., 1872. Т. 1. С. 74.
- ¹⁸ *Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах (по донесениям Флорио Беневени)*. М., 1986. С. 85, 123—124.
- ¹⁹ Там же. С. 125.
- ²⁰ Руссов С. В. *Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина, в 1753 году, с приобщением разных известий о Хиве с отдалённых времён донныне*. СПб., 1840. С. 27.
- ²¹ *Замечания майора Бланкеннагеля, впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793—94 годах / Изд., с объясн. В. В. Григорьевым*. СПб., 1858. С. 11.
- ²² Бурнашев Т. С. *Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году // Сибирский вестник*. СПб., 1818. С. 101.
- ²³ Муравьёв Н. Н. *Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах Гвардейскаго Генеральнаго штаба капитана Николая Муравьёва, посланного в сии страны для переговоров, с картинами, с чертежами, и проч.* М., 1822. Ч. 2. С. 115—116.
- ²⁴ Там же. С. 116.
- ²⁵ Meendorf E. K. *Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820, à travers les steppes qui s'étendent à l'est de la mer d'aral et au-dela de l'ancienjartes*. Paris, 1826. P. 272.

- ²⁶ Записки о Бухарском ханстве (Отчёты П. И. Демезона и И. В. Виткевича) / отв. ред. Н. А. Халфин. М., 1983. С. 70.
- ²⁷ Лыко М. В. Очерк военных действий 1868 года в Зарефшанской долине // Военный сборник. № 8, август. СПб., 1871; Венюков М. И. Материалы для военного обозрения русских границ в Азии. Одиннадцатый участок: Туркменский. Полковник Венюков // Военный сборник. № 11, ноябрь. СПб., 1872. С. 36–37; Зайцев В. Н. История 4-го туркестанского линейного батальона за период с 1771 по 1882 год. Ташкент, 1882.
- ²⁸ Каразин Н. Н. Оружие наших противников в Средней Азии // «Нива», 1874. № 15. С. 235.
- ²⁹ Olufsen O. The Emir of Bokhara And His Country // Journeys and Studies in Bokhara. London, 1911. P. 478–479.
- ³⁰ Фотография из коллекции МАЭ РАН «Мальчик, натягивающий тетиву лука». Таджики. Таджикистан, Горно-Бадахшанская автономная область, город Хорог (Таджикская ССР), 1932. Музейный номер МАЭ И 1902-30.
- ³¹ Давыдов А. С. К истории огнестрельного оружия в Средней Азии // История и этнография народов Средней Азии: Сб. статей. Душанбе, 1981. С. 17.
- ³² Zeller R., Rohrer E. F. Orientalische Sammlung Henri Moser-Charlottenfels: Beschreibender Katalog der Waffensammlung. Bern, 1955. P. 375.
- ³³ Дмитриев С. В. Оружейная коллекция С. М. Дудина // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 1999. № 3. С. 50.
- ³⁴ Есипов Г. В. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 74.
- ³⁵ Zeller R., Rohrer E. F. Orientalische Sammlung Henri Moser-Charlottenfels... P. 375–376.
- ³⁶ Дмитриев С. В. Оружейная коллекция С. М. Дудина. С. 50.
- ³⁷ Zeller R., Rohrer E. F. Orientalische Sammlung Henri Moser-Charlottenfels... P. 376.
- ³⁸ Юфтью называется мягкая, сильно разрыхлённая и прожированная дублённая кожа из шкур взрослых особей крупного рогатого скота. См.: Левашёва В. П. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Очерки по истории русской деревни X–XIII. Труды Государственного исторического музея. М., 1959. С. 48.
- ³⁹ Дмитриев С. В. Оружейная коллекция С. М. Дудина. С. 50.
- ⁴⁰ Инаятуллах Канбу. Книга о верных и неверных женах, или Бахоридониш. Душанбе, 1992. С. 323.
- ⁴¹ Gray J. A. At the court of Amîr. London, 1895. P. 82; Zeller R. Rohrer E. F. Orientalische Sammlung Henri Moser-Charlottenfels... P. 379–380.
- ⁴² Olufsen O. The Emir of Bokhara And His Country. P. 478–479.
- ⁴³ Buschan G. Illustrierte Völkerkunde. Studgard, 1923. Bd. 2. S. 413, 495, 596, 797.
- ⁴⁴ Luschan F. Über den antiken Bogen /Festschrift für Otto Benndorf zu seinem 60 Geburtstag gewidmet von Schülern, Freunden und Fachgenossen. Wien, 1898. S. 191–192.

Е. П. Мироничев (Беломорск)

**СРАЖЕНИЕ ЗА КУОЛАЯРВИ:
«ДРУГОЙ 1941-й» НА КАНДАЛАКШСКОМ
НАПРАВЛЕНИИ СЕВЕРНОГО ФРОНТА**

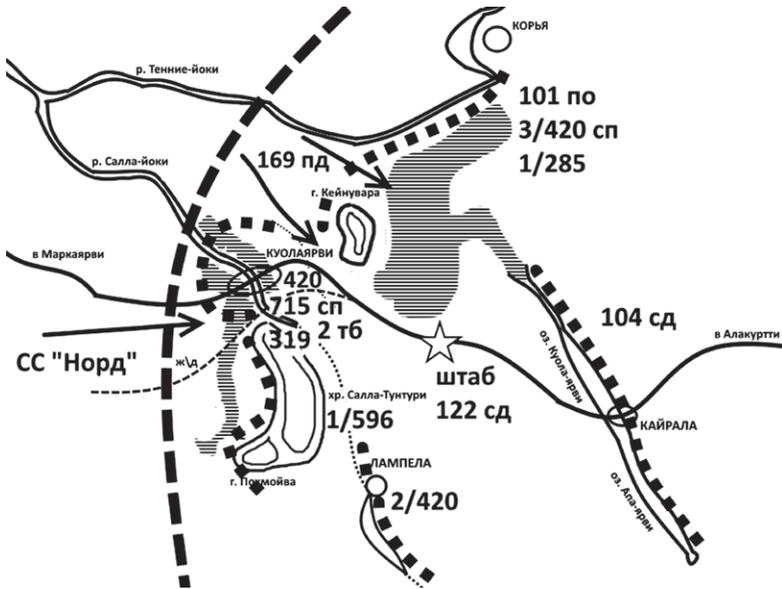
Б ОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ в Заполярье и в Карелии традиционно считаются второстепенными в общем контексте Великой Отечественной войны. Обширные незаселённые территории заставляли соединения Красной армии и войска Финляндии и Германии действовать на узких направлениях. Однако, несмотря на второстепенность Северного, затем Карельского фронта, бои на нём определяли судьбу важных объектов, населённых пунктов и территорий. Успех одной из сторон на каждом из направлений мог создать условия для резкого ухудшения ситуации для противника.

Одним из таких направлений являлось кандалакшское. В послевоенной отечественной и зарубежной историографии изучению боёв на нём уделялось сравнительно мало внимания, по сравнению, например, с мурманским направлением или с Южной Карелией. При этом нельзя утверждать, что их значение было невелико. Кандалакшское направление имело несколько важных военно-стратегических и социально-экономических аспектов.

К 1941 г. Кандалакша с экономической точки зрения была важным населённым пунктом Мурманской области. В Кандалакшском районе работали разные предприятия: механический завод № 310, Нивские ГЭС, порт, железнодорожный узел и целый ряд других предприятий — экономический потенциал района был достаточно высок. Однако, Кандалакша больше привлекала внимание с точки зрения военно-стратегического планирования. Это было связано с тем, что полоса от границы до города — самый узкий участок советско-финляндской границы, оставался он им и после Советско-финляндской войны. Более того, это одно из

немногих направлений, где к 1941 г. имелась грунтовая дорога, связывавшая Кандалакшу с финской границей, и строилась железнодорожная ветка Кемиярви — Кандалакша. Всё это определяло кандалакшское направление как достаточно удобную и наиболее подходящую территорию для наступления и быстрого перекрытия снабжения по Кировской железной дороге, а наличие порта создавало угрозу и морскому сообщению — в целом, именно такой замысел был у немецко-финляндской группировки¹. Конечно, успех операции должен был закладываться на начальном этапе боёв на границе, в районе поселения Куоляярви. Это понималось обеими сторонами.

Со стороны Красной армии после окончания Зимней войны началось активное строительство оборонительных районов на присоединённой территории Салла — в пос. Куоляярви и пос. Кайрала с привлечением заключённых². Создавалась глубокая по меркам Заполярья эшелонированная оборона с деревоземляными огневыми точками (дзотами), окопами, где это было возможно, укреплениями с применением камней и валунов, наблюдательными пунктами и засадными позициями на высотах и холмах. Вблизи от оборонительных сооружений были созданы условия для постоянного размещения. Например, подразделения концентрировались в так называемых «казармах» на рубеже обороны в пос. Куоляярви, также пунктами базирования стали пос. Кайрала и Алакуртти. Поселение и железнодорожная станция Алакуртти стали важным узлом снабжения, там же находилась часть складских запасов. Решение держать крупные силы непосредственно у границы создало достаточно серьёзную проблему, связанную с объективно небольшими возможностями обеспечить сильную фланговую защиту: в случае успешных фланговых обходов противника был бы перерезан единственный путь снабжения, а уничтожение крупных резервов, расположенных в одном месте, привело бы к нехватке, а затем и к полному истощению припасов непосредственно в войсках. Данную проблему можно было бы отчасти решить путём увеличения военной группировки в районе, но это привело бы к перегрузке транспортной сети и необходимости большого расширения инфраструктуры, также возникла бы проблема размещения войск. Тем не менее, к лету 1941 г. оборона на кандалакшском направлении представляла собой несколько полос глубиной до 50—60 километров без учёта объектов на старой границе.

Ил. 1. Общая схема наступления 36-го армейского корпуса и обороны 42-го стрелкового корпуса 1—7 июля 1941 г.

Очевидным недостатком стало строительство непосредственно у границы. Более того, в Куоляярви основная часть обороны была расположена на западном берегу р. Куола-йоки, что позволяло противнику наступать фактически с любого удобного для него направления (ил. 1). Правый фланг обороны Куоляярви вообще не имел цельной оборонительной полосы. Вместе с тем, именно центральная часть обороны на западном берегу прикрывала единственную дорогу и закрывала эту транспортную артерию. Наступление же на флангах требовало действовать в необжитой территории, где снабжение и действия крупных войск были бы серьезно затруднены.

Что касается советской группировки на кандалакшском направлении и в Куоляярви в частности, то здесь необходимо учитывать довоенные планы действий. Весной 1941 г. был создан один из заключительных вариантов плана прикрытия границ, где также определялись цели и задачи на кандалакшском направлении. Его конечным выражением стал боевой приказ № 1 штаба 42-го стрелкового корпуса от 23 июня 1941 г.³ Главной задачей являлось обеспечение обороны Кировской железной дороги

(и соответственно Кандалакши), и затем — переход в контрнаступление по направлению на Кемиярви, где главная роль была у танковой дивизии, находившейся в резерве. Отдельно оговаривалось, что контратака проводится только при благоприятных условиях и по особому распоряжению.

К июню 1941 г. состав сил района прикрытия № 1, который был отнесён к 14-й армии ЛВО, был следующим: на кандалакшском направлении находился 42-й стрелковый корпус (ск) 14-й армии. Командир корпуса — генерал-майор Р. И. Панин, участник Первой мировой и Гражданской войн, в 1917 г. окончил военное училище, в 1924 г. — курсы «Выстрел», в конце 1930-х гг. входил в число военных советников в Китае, в 1939—1940 гг. участвовал в Советско-финляндской войне. Несмотря на большой опыт, его деятельность оценивалась противоречиво⁴.

В составе корпуса находились 122-я стрелковая дивизия (сд), располагавшаяся на границе, и 104-я сд, находившаяся в районе Кандалакши, без одного полка — он был на кестеньгском направлении⁵. Мы рассмотрим соединения, которые приняли участие в боях в Куолярви.

В Куолярви дислоцировалась только одна 122-я сд, которой командовал генерал-майор П. С. Шевченко, участник Гражданской войны и конфликта на КВЖД, тогда как оставшиеся силы в виде 104-й стрелковой и 1-й танковой дивизий находились на следующем оборонительном районе в Кайрала и в тылу. Лишь часть танковой дивизии выделялась на поддержку самой приграничной обороны. Это вынудило растянуть силы стрелковой дивизии почти на 30 километров от поселения Корья на правом фланге до поселения Лампела на левом фланге. Для сравнения, по полевому уставу РККА 1936 г. нормальной длиной участка обороны стрелковой дивизии считалось 8—12 км. Вместе с тем, отчасти это компенсировалось обилием труднопроходимых участков.

Сама 122-я сд принимала участие в боях на этом же направлении ещё в Советско-финляндскую войну, а в Куолярви находилась уже фактически с весны 1940 г. Поэтому часть личного состава получила не только опыт боевых действий в тяжёлых условиях севера, но и имела достаточно ясное представление об участке обороны. Дивизия была хорошо вооружена: большую часть стрелкового вооружения составляли самозарядные винтовки СВТ⁶, имелось некоторое количество новых 122-мм гаубиц

М-30 и 37-мм зенитных автоматов 61-К, укомплектование в целом соответствовало штату. Личный состав в большой мере состоял из городских жителей Европейской части СССР. О количественном составе к началу боёв нет точных данных. По штату № 04/400 от 5 апреля 1941 г. в сд должно быть 14 483 человека, 16 лёгких танков и 13 бронемашин.

Вместе с тем, дивизия, 42-й ск и 14-я армия не смогли создать большие запасы снаряжения и вооружения, ощущался недостаток боеприпасов. Не удалось устранить «радиобоязнь». Большие проблемы наблюдались по инженерно-технической части и в плане обеспечения. Обеспечение жильём и прочими постройками было неудовлетворительным.

Стоящую в Куолаярви 122-ю сд поддерживали части 1-й танковой дивизии, которую начали перебрасывать сюда в соответствии с довоенными планами. Позади 122-й сд в районе Кайрала с 26 июня 1941 г. дислоцировалась 104-я сд. Воздушную поддержку осуществляла 1-я смешанная авиационная дивизия ВВС ЛВО. Также имелись и Пограничные войска НКВД в лице 101-го пограничного отряда, активно участвовавшего в боях. На 12 июля 1941 г. его численность составляла 1255 человек⁷.

С 17 июня, по плану прикрытия, к корпусу в подчинение переходит 1-я танковая дивизия 1-го мехкорпуса ЛВО⁸. Командир дивизии — генерал-майор В. И. Баранов, Герой Советского Союза, окончил в 1926 г. Тульское военное пехотное училище, в 1941 г. окончил Курсы усовершенствования командного состава. Воевал в Испании, участвовал в Советско-финляндской войне, где командовал 13-й лёгкотанковой бригадой. Этот опыт положительно отразился на кандалакшском направлении.

Необходимо заметить, что переброска танковой дивизии была скрытной. Она получила зашифрованное обозначение в оперсводках: «хозяйство Рабиновича», по фамилии начальника автотанкетного управления 14-й армии М. В. Рабиновича. Немецкая сторона узнала о дивизии только уже с началом боёв. По довоенным штатам, в её составе должно быть 10 942 человека, 375 танков, из которых 63 — тяжёлые танки КВ, 210 — танки Т-34, 54 химических (огнемётных), 26 танков БТ, 22 танка Т-26 и 95 броневедомостей. На деле в 1-й танковой дивизии на 22 июня находилось 38 танков Т-28 (из них боеспособны 31), 265 танков БТ разных выпусков (из них боеспособны 199), 16 танков Т-26, 50 огнемётных танков, а также 40 танкеток Т-27⁹. Дивизия

получила танки КВ лишь в июле 1941 г., в приграничном сражении они не участвовали.

В плане качественного состояния в 1-й танковой дивизии (тд) была сложная ситуация. Национальный состав был пёстрым, в связи с чем присутствовал языковой барьер¹⁰. В дивизии не было топографических карт, отсутствовали ремонтные мастерские типа «Б», не имелось в достаточном количестве запчастей, ремкомплектов, средств медицины и связи¹¹. Наблюдался недостаток горючего и боеприпасов. 1-я танковая дивизия также страдала от нехватки 45-мм и 76,2-мм бронебойных снарядов. Возможности же складов 14-й армии по обеспечению дивизии были сильно ограничены.

На момент конца июня 1941 г. войска расположились согласно боевого приказа № 1 штаба 42-го ск. Основные силы 122-й сд были сосредоточены в центре — в районе пос. Куоляярви, по обоим берегам р. Саллайоки. Там находился 715-й стрелковый полк (сп), 1-й батальон 420-го сп, 369-й гаубичный артполк и 2-й батальон 1-го танкового полка 1-й тд, который прибывал на позиции 122-й сд по мере разгрузки эшелонов танковой дивизии. Эти части обороняли, главным образом, две дороги, ведущие к Куоляярви, а также обеспечивали прикрытие флангов частей, расположенных на левом берегу р. Саллайоки.

На правом фланге — самом вытянутом участке обороны — стоял 3-й батальон 420-го сп, усиленный одной стрелковой ротой и танковым взводом 2-го батальона 1-го танкового полка, поддерживаемый 1-й дивизионом 285-го артиллерийского полка. На самом дальнем участке правого фланга, в районе Корья, находились две заставы 101-го пограничного отряда и пешая разведка 420-го сп. Левый фланг защищал 1-й батальон 596-го сп в районе Лампелы, затем занявший район хребта Салла-Тунтури, а в Лампеле встал 2-й батальон 420-го сп. Оставшиеся силы являлись резервом командира 122-й сд. Также решением командования корпуса дивизия была почти полностью лишена ПВО — зенитный дивизион остался у железнодорожной станции Алакуртти.

Такое распределение привело к тому, что вытянутый правый фланг дивизии обороняли недостаточные силы. 20-километровый участок прикрывался фактически одним батальоном, который по уставу мог защищать 1,5–2 км в ширину и глубину. Ситуация усугублялась и тем, что на этом участке вообще не было

сколь-нибудь подходящих и единых рубежей обороны — одна небольшая сухопутная тропа, леса, болота, сочетающиеся с высотами и горами. Танковые части здесь не применялись, в основном действуя к югу от горы Кейнувара. Хотя командование и 122-й сд, и 42-го ск обращало внимание на то, что правый фланг в случае мощной атаки не выдержит, и это приведёт к серьёзным последствиям, фактически проблема не решалась. Основной удар всё же ожидался с фронта.

Для наступления на кандалакшском направлении с немецко-финляндской стороны был сосредоточен немецкий 36-й армейский корпус генерала от кавалерии¹² Ганса Файге, в состав которого входили 169-я пехотная дивизия (пд), боевая группа СС «Норд» (с 17 июня 1941 г. — дивизия СС¹³), оперативно подчинённая финская 6-я пд, две роты 40-го танкового батальона особого назначения и 211-го танкового батальона (тб), а также ряд вспомогательных подразделений и частей. С воздуха поддержку осуществляла IV группа 1-й учебно-боевой эскадры (IV./LG 1), оснащённая пикировщиками «Юнкерс» Ju 87. Из группировки в атаке на Куоляярви не участвовала финская дивизия.

Немецкий план наступления заключался в том, чтобы одним ударом разбить всю советскую оборону на границе и быстрыми темпами выйти к Кандалакше¹⁴. С севера, на правом фланге советской обороны в районе горы Кейнувара, удар наносился подразделениями 169-й пд, усиленными финским 2-м батальоном 12-го пехотного полка и частью 211-го тб.

В лоб атаковала дивизия СС «Норд» с танками 40-го тб. Но немецкие представления о советской обороне были весьма расплывчатыми. Они в большей мере основывались на визуальном наблюдении и авиаразведке в непосредственной близости от границы. Поэтому немецкое командование было невысокого мнения об оборонительных возможностях советских войск. Также сюрпризом, как ранее указывалось, стало появление 1-й тд.

Изначально удар дивизии СС «Норд» намечался как главный, однако по результатам совещаний и анализа боеготовности соединения к концу июня командование 36-го армейского корпуса настаивало на фланговой атаке 169-й пд как основной¹⁵. Это создало конфликт с командованием армии «Норвегия», считавшей дивизию СС «Норд» вполне подходящей для главной роли в наступлении. В итоге главный удар наносила всё же 169-я пд.

Немаловажную роль в дальнейших событиях сыграла подготовка немецкого наступления. Хотя планы немецких войск в Северной Финляндии готовились с конца 1940 г., сосредоточение происходило в июне 1941 г. Большая часть прибыла к границе уже в 20-х числах, практически перед наступлением. Соответственно, долгой и основательной разведки, подготовки личного состава к боям в условиях Заполярья не производилось. Тогда же выявилось, что транспортные возможности Северной Финляндии оказались более чем скромными. Кроме того, к концу июня 1941 г. не были созданы резервы в непосредственной близости от группировки, так как к Кандавакше планировалось выйти без затруднений. Дополнительные проблемы были в обеспечении припасами частей, вооружённых образцами иностранного производства, нередко в рамках одного подразделения.

169-я пд была одним из немногих соединений с боевым опытом (участие в оккупации Франции), в целом укомплектованных по штату. Оно было создано в ноябре 1939 г. в рамках так называемой «четвёртой волны», в нём не было разведывательного батальона, а артиллерийские части были вооружены 105-мм полевыми гаубицами обр. 1916 г., почти полностью выведенными из употребления. Дивизией командовал генерал-лейтенант Курт Диттмар, участник Первой мировой войны, затем продолживший военно-инженерную карьеру. Численность — около 13 тысяч человек.

В дивизии СС «Норд» к 29 июня фактически было 9511 человек при штатной численности в 10 166 человек¹⁶. Ощущался недостаток офицерского и унтер-офицерского состава. Соединение было укомплектовано в основном призывниками старших возрастов, не имевшими боевого опыта. Также оно было довольно пёстро вооружено: артиллерийское и противотанковое вооружение было немецкого производства, стрелковое — преимущественно чехословацкие образцы. Подготовка была низкой, при обсуждении окончательных планов наступления возможности дивизии оценивались очень скромно¹⁷. Командир дивизии — бригадефюрер СС Карл-Мария Демельхубер воевал в Первую мировую войну, стал активным членом нацистской партии, а с середины 1930-х гг. командовал разными военными подразделениями СС.

Прикреплённые к корпусу штаб и 2-я рота 40-го тб особого назначения под командованием оберст-лейтенанта Клауса фон

Хаймендаля одни из немногих частей имели актуальный боевой опыт — батальон воевал в сложных условиях Норвегии в 1940 г. Остальные его части были на других участках фронта. Батальон был вооружён немецкими танками. Основой стали Pz.Kpfw.III, полученные незадолго до начала операции, но имелись и лёгкие Pz.Kpfw.I и Pz.Kpfw.II. Существовали проблемы с подготовкой экипажей — если Pz.Kpfw.III были укомплектованы обученными экипажами, то остальные танки обслуживалась малоопытным персоналом¹⁸.

211-й тб майора Вольфа был вооружён трофейными французскими танками — лёгкими Pz.Kpfw.38H(f) и средними Pz.Kpfw.35S(f) с неплохой защитой, но со своими конструктивными недостатками. Всё это требовало расширения и без того широкой номенклатуры запчастей и боеприпасов.

Общее количество танков составило 74 танка: 44 — в составе 211-го тб, а 30 — в составе рот 40-го тб.

Советские войска до последних дней имели смутное представление о противнике, при этом одной из главных задач выдвинувшихся на позиции частей стала разборка железной дороги. 28 июня случилось важное событие: немецкие войска потеряли эффект первого удара, попытавшись провести пешую разведку¹⁹. В результате неудачных действий немцы ввязались в небольшой бой, понесли потери и отступили, советской стороне достался труп офицера. Этот инцидент морально подготовил советское командование 122-й сд и 42-го ск к бою. Немецкое командование же до 1 июля так и не смогло полноценно проанализировать обстановку.

1 июля в 16:00 началась артподготовка и авианалёт на советские позиции²⁰. Через 20 минут начали выдвигаться сухопутные силы. Хотя им удалось сбить передовое охранение, в первые же часы наступления была потеряна связь с дивизией СС «Норд», в полосе наступления 169-й пд продвижение прекратилось. К вечеру была предпринята попытка бросить в бой танки 2-й роты 40-го тб, однако эта атака не удалась, машины застряли в болоте. СС «Норд» оказалась в сложном положении: её части попали под постоянный обстрел и не могли отойти для перегруппировки.

В ночь на 2 июля частям 169-й пд удалось выйти на тропу Корья — Куолаярви, создав угрозу для немногочисленных и растянутых сил стрелкового батальона 122-й сд и танкового взвода, однако немцы были контратакованы и отброшены атакой

со стороны пос. Куоляярви. В то же время немцам артогнём и авианалётами удалось нарушить связь подразделений в Куоляярви с тылом, а также уничтожить склад боеприпасов 715-го сп. К вечеру 2 июля немецкие подразделения отчасти оправились от неудач первого дня и сумели в некоторых местах (в особенности в полосе наступления СС «Норд») облегчить ситуацию.

В течение 3 июля немецкие войска оставались на прежних позициях, бои проходили в основном позиционные, однако командование 36-го армейского корпуса приняло решение усилить артиллерийскую поддержку за счёт частей резерва²¹. Параллельно происходило изменение планов действий в связи с ситуацией, сложившейся к тому моменту. В тот же день, видя неустойчивость немецкого положения, в разговоре с командующим 14-й армией генерал-лейтенантом В. А. Фроловым комкор-42 генерал-майор Р. И. Панин предложил увеличить танковую группировку на переднем крае до двух батальонов и начать переходить границу, с чем Фролов согласился. Одновременно комкор-42 пожаловался на плохое снабжение и слабую авиаподдержку. Командарм ответил, что корпус сам не просит помощи.

Затем, неожиданно для штаба 36-го армейского корпуса, в ночь на 4 июля в направлении Маркьяярви по дороге Салла — Кемиярви в настоящей панике устремился поток транспорта служб и частей дивизии СС «Норд», якобы в связи с советской контратакой. Этот инцидент заставил немецкое командование срочно перевести одну тяжёлую зенитную батарею на огонь по возможным наземным целям, а некоторые колонны пришлось останавливать в тылах лично командиру корпуса Файге и штабу. Ряд частей доехал до глубокого тыла и заставил взорвать мосты. После этого, на фоне неудач, доверие к дивизии СС было окончательно утрачено, её атака была приостановлена, и в дальнейшем приоритет в исполнении важных задач отдавался 169-й пд. Командующий армией «Норвегия» Н. фон Фалькенхорст признал, что опасения по поводу боевых способностей СС «Норд» были оправданны²². Данное событие не отражено в советских документах, поскольку масштабной контратаки не проводилось.

В течение 4 июля силы 122-й сд и 1-й тд в Куоляярви оставались на прежних позициях, однако несли потери от артобстрелов и авианалётов, погиб командир 420-го сп. Стабильно нарушалась связь, снабжение в целом было нарушено, главным образом, из-за уничтожения дорог. В это время командир 122-й сд предложил

провести контрнаступление силами всего корпуса, отмечая, что правый фланг очень неустойчив, и его нужно поддержать. Командир корпуса отверг это предложение, объясняя отказ необходимостью прикрывать фланги, но согласился усилить 122-ю сд, полностью передав ей 1-й тп и 1-й батальон 1-го мотострелкового полка для организации наступления на правом фланге²³. Вместе с тем, в штабах 122-й сд и 42-го ск царила весьма спокойная обстановка — видимо, по причине успеха оборонительных действий. Но ситуация постепенно складывалась не в пользу Красной армии. В тот же день командование 36-го корпуса предложило усилить наступающие войска полком 163-й пд, однако по разным причинам она полноценно влилась в корпус намного позже. Проявились проблемы снабжения, отмечался дефицит снарядов артиллерии.

В течение 5–6 июля в составе 169-й пд для активных действий с целью захвата дороги Куоляярви — Кайрала были созданы две оперативные боевые группы «Блейер» и «Шак», названные по фамилиям командиров 379-го и 392-го пп оберст-лейтенанта Ойгена-Генриха Блейера и оберста Фридриха-Августа Шака. 5 июля 169-я пд вела подготовку к наступлению, которое не начиналось из-за грозы, мешавшей действию авиации. В то же время несёт потери ещё не оправившаяся дивизия СС «Норд» — в результате артобстрела прямое попадание получил штаб 7-го полка СС, его командир был тяжело ранен, троих офицеров убило²⁴. 6 июля части 169-й пд начали действовать на правом фланге 122-й сд. Немецкая авиация в итоге сорвала планирующееся советское контрнаступление в районе горы Кейнувара — подразделения 1-й тд не смогли дойти до 122-й сд и понесли потери в материальной части. На этом оборонительный потенциал 122-й сд иссяк окончательно.

В районе 14:00 6 июля группа Шака с трудом заняла дорогу, в связи с чем была организована контратака двух батальонов 1-го тп и измотанных частей 122-й сд. В районе 19 часов немцев удалось выбить с дороги, но это было лишь небольшим успехом. 7 июля советская группировка в Куоляярви начала отступление в Кайралу. Фактически окружённый 715-й сп, получивший приказ на отход от посыльного, был вынужден идти вдоль берега р. Саллайоки до Лампелы на юг и оттуда выходить в тыл. Бои шли до 8 июля, и к полудню немецкие войска заняли Куоляярви ценой огромных усилий — около 2 тысяч общих потерь корпуса.

Целесообразно ли было советское отступление? Фактически силы 122-й сд не были подорваны, и в целом она сохранила боеспособность. Кроме того, её части несколько раз переходили в локальное контрнаступление и достигали успеха при поддержке танков 1-й тд. Однако эта внешняя сторона имеет несколько внутренних проблем. За шесть дней непрерывных боёв дивизия понесла большие потери — около 2850 человек на 5—7 июля²⁵ — и была измотана. Это происходило на фоне постоянно нарушающейся связи с тылами, перебоев со снабжением и большой угрозы отсечения крупных сил в связи со слабой обороной на правом фланге. Находящаяся позади 104-я сд не смогла бы помочь, ведь тогда полностью открывался тыл корпуса, а возможности манёвра в районе Куоляярви, как уже описывалось, были ограничены — полноценно бросить в бой 1-ю тд тоже не представлялось возможным. Укрупнение группировки после отступления позволяло выделять больше подразделений на опасные участки и иметь больший резерв. Таким образом, решение отвести дивизию стало верным. Но качество исполнения этого решения оказалось невысоким. Приказ давался постфактум, а само отступление проходило в условиях, близких к паническим, неорганизованно, дивизия потеряла часть тяжёлого вооружения. Батальоном связи 122-й сд была оставлена секретная документация.

Так закончилось июльское сражение за Куоляярви. Оно имело несколько аспектов. Во-первых, это быстрое нарушение первоначальных немецких планов, что потребовало срочных изменений на всех уровнях руководства: от тактического звена до передислокации крупных соединений и организации снабжения на уровне «армия» — «корпус» — «дивизия». Но нарушены были и советские планы. Натиск противника сделал малоосуществимым контрнаступление имевшимися силами, и теперь речь могла идти в лучшем случае о восстановлении прежнего положения. Во-вторых, фактически противостояние шло в условиях численного превосходства немецких войск — две усиленные немецкие дивизии вели наступление против одной советской, правда, также усиленной танковыми частями. При этом характер обороны заставлял командование 42-го ск и 122-й сд несколько распылить силы для прикрытия как можно большего количества возможных направлений атак, в то время как основные силы противника сконцентрировались на сравнительно небольшом участке, позволяя создать локальный численный перевес и таким образом повысить

шансы на успех. 1-я тд, несмотря на правильную тактику использования малыми частями, на общий ход боёв влияла мало из-за трудной местности.

Так или иначе, сражение за Куолаярви может считаться одним из многих примеров «другого 1941-го», в котором действия Красной армии были если не самыми удачными, то, по крайней мере, они позволили нанести серьёзный урон противнику и, главное, замедлить темпы немецко-финляндского наступления и создать предпосылки к его остановке.

¹ Зимке Э. Немецкая оккупация Северной Европы. Боевые операции третьего рейха. 1940—1945 / Пер. с англ. Е. Каца. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.

² Пишу исключительно по памяти... Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны: В 2 т. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. Т. 1. С. 46—56.

³ ЦАМО РФ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

⁴ Старостин М. И. Дневник войны. Мурманск: Опимах, 2014. С. 55.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 9. Л. 2—3.

⁶ Там же. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 6. Л. 28.

⁷ Там же. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 5. Л. 76.

⁸ Там же. Ф. 3422. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

⁹ Там же. Ф. 3311. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.

¹⁰ На Кандалакшском направлении / Сост. А. И. Краснобаев, В. П. Загребин. Мурманск: Книжное издательство, 1975. С. 91—93.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 3311. Оп. 1. Д. 1. Л. 36—37.

¹² Там же. Ф. 500. Оп. 12474. Д. 474. Л. 2.

¹³ NARA. Т. 354. R. 139. Fr. 777745.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12474. Д. 474. Л. 13.

¹⁵ Там же. Л. 19—20.

¹⁶ NARA. Т. 354. R. 138. Fr. 3777731.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12474. Д. 474. Л. 8.

¹⁸ Там же. Л. 113.

¹⁹ NARA. Т. 314. R. 877. Fr. 841.

²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 920. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

²¹ NARA. Т. 314. R. 877. Fr. 26.

²² NARA. Т. 314. R. 873. Fr. 761.

²³ Голованов Г. В. В боях за Карелию: Корпус ведёт боевые действия / Повенецкая средняя общеобразовательная школа // URL: <https://povenschool.edusite.ru/p161aa1.html> (дата обращения: 10.01.2021).

²⁴ NARA. Т. 314. R. 873. Fr. 765.

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 920. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

Ю. А. Миронов (Ардатов)

Артиллерийская разведка РККА в советско-финляндской войне 1939–1940 годов

ПОСЛЕ ДЛИТЕЛЬНЫХ безрезультатных дипломатических переговоров СССР и Финляндии в 1939 г. Советское правительство приняло решение силовым методом решить проблемы территорий. Военные действия начались 30 ноября 1939 г. с артиллерийской подготовки. После этого войска Красной армии (КА) перешли границу с Финляндией на всем её 1500-километровом протяжении в пределах Ленинградского военного округа (Лен ВО) и начали продвижение вглубь территории (ил. 1).

Войска включали: 7-ю, 8-ю, 9-ю, 14-ю армии, ВВС округа, Краснознамённый Балтийский флот (КБФ) и Северный флот (СевФ). Длилась война 105 дней, с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. Первый этап — с 30 ноября 1939 г. по 10 февраля 1940 г. Согласно плану война должна была закончиться через 21 день, ко дню рождения И. В. Сталина. Предполагалось, что Финляндия запросит мира в самом начале боевых действий. На Карельском перешейке Красная армия развернула в составе 7-й армии 9 стрелковых дивизий, 3 танковых бригады, 5 корпусных артполков, 5 гаубичных артполков Артиллерии резерва Главного Командования (АРГК), два пушечных артполка АРГК. Всего насчитывалось тридцать артполков с 1202 орудиями. Но финны решили сражаться за свои территории. Победно пройти в колоннах войск по территории Финляндии у Красной армии не получилось.

Начались боевые действия, в которых финская сторона избрала стратегию партизанской войны, опирающейся на знание местности, подготовленность к действиям в условиях зимы и опору

Ил. 1. Схема наступления частей Красной армии в декабре 1939 г.

на систему инженерных укреплений на Карельском перешейке. Соотношение сил не позволяло финнам надеяться на победу своими силами.

Полевая артиллерия финской армии насчитывала около 420 орудий, большую часть которых (около 73 %) представляли бывшие русские 76-мм полевые орудия обр. 1900 и 1902 гг., а также 75-мм орудия французского и шведского производства. В составе береговой артиллерии имелись 35 батарей береговой обороны с 115 орудиями калибра от 120 до 305 мм. Имевшихся запасов боеприпасов Финляндии могло хватить: 81-мм мин — на 22 дня боев, 76-мм снарядов — на 21 день, снарядов для 122-мм гаубиц — на 24 дня, снарядов тяжёлой артиллерии (от 152-мм и выше) — на 19 дней¹. Малочисленность артиллерии финны решили компенсировать тщательной маскировкой, звуковой имитацией выстрелов, сменой огневой позиции (ОП) после первого огневого налета.

Первые бои показали, что наличие громадного количества вооружения и техники Красной армии в условиях лесисто-болотистой местности, осложнённой зимними условиями, не имеет надежды на успех. Установка на стрельбу по площадям и очищение снарядами пути движения была неэффективна и резко снизила темпы продвижения колонн войск. Плановые сроки продвижения не выдерживались. Ещё в 1915 г. генерал А. А. Маниковский, начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ), предупреждал: «Стрельба без чётко поставленной цели является преступной тратой снарядов». Добывание же данных о целях артиллерийской разведкой было неизмеримо трудным делом. Разведка противника не была организована. В артиллерии отсутствовали свежие топографические карты, каталоги координат на геодезическую сеть.

Главным направлением операции являлся Карельский перешеек. Оборудованный в инженерном отношении предпольем и системой инженерных сооружений в виде дотов, дзотов, минных полей, имеющий несколько полос обороны, он представлял собой труднопреодолимое препятствие для наступающей Красной армии. При преодолении полосы обеспечения её артиллерия имела плотность 6—8 орудий на один километр фронта.

В связи с низкими темпами наступления с 8 на 9 декабря 1939 г. руководство войсками возложила на себя Ставка Главного Командования Красной армии. На Карельском перешейке был

создан Северо-Западный фронт в составе 7-й армии и 13-й, образованной из группы комкора В. Д. Грендаля (финна по национальности).

К 12 декабря войска преодолели предполье перед Карельским укрепленным районом (КаУР) и остановились для организации прорыва полосы инженерных укреплений. Были разбиты финские войска прикрытия, захвачено 12 дотов, 845 дзотов, 50 км рвов, 80 км надолбов, 386 км минных полей. Прорыв инженерных заграждений 17 декабря начался с артиллерийского огня по площадям, так как артиллерийская разведка не была организована. Прорыв не удался. С 17 по 21 декабря операция была прекращена. Артиллерия в операции с 30 ноября по 25 декабря 1939 г. расстреляла на Карельском перешейке 398 600 снарядов. 26 декабря фронт стабилизировался.

На Карельском перешейке началась тщательная подготовка к прорыву сильной инженерной полосы заграждений.

Войска в Северной и Восточной Финляндии вели бои в ещё более тяжелых условиях. Наступать приходилось в колоннах, расчищая выстрелами из орудий окружающий лес. На петрозаводском направлении на фронте в 380 километров была разбита 8-я армия в составе шести стрелковых дивизий и артиллерии в 680 орудий.

На мурманском направлении 14-я армия имела в своём составе 216 орудий. Трудные условия местности полностью исключили массирование артиллерии в 9-й и 14-й армиях.

На Выборгском направлении была оставлена 7-я армия.

При подготовке войск к прорыву по предложению командующего артиллерией Красной армии комкора Н. Н. Воронова было обращено особое внимание на тщательную разведку УР с привлечением всех разведывательных средств артиллерии. Им было проанализировано состояние артиллерийской разведки и предложены меры по организации разведки штабами всех уровней. Комкором Н. Н. Вороновым также был сделан вывод, что подразделения звуковой разведки, артиллерийская авиация и аэростаты наблюдения себя оправдывают. Снаряды и орудия действуют эффективно.

С 13 декабря Ставка ГК приняла меры по усилению группировки войск Северо-Западного фронта (С-ЗФ), активизации подготовки войск к прорыву рубежей финнов, обучению войск. Для изучения линии Маннергейма было принято решение

Ил. 2. Самолёт-разведчик Р-5

заснять район прорыва КаУР самолётами Дальней разведывательной авиаэскадрильи (ДРАЭ). В конце декабря 10, 19, 50-й стрелковые корпуса получили по разведывательной эскадрилье (ил. 2, 3).

На 7 января 1940 г. в 7-й армии имелись: ДРАЭ, 1, 9, 16-й корректировочные отряды, 10, 19, 50-я отдельные авиаэскадрильи, два воздухоплавательных отряда аэростатов наблюдения, один автожир А-7.

Вся разведывательная и корректировочная авиация выполняли заявки корпусов и дивизий наземных войск. Авиационная разведка, имея в начале войны ограниченные средства, к 1 марта 1940 г. имела на Карельском перешейке следующий состав:

– 7-я армия: два корпусных отряда корректировщиков, одна воздушная разведывательная авиаэскадрилья, одна ночная эскадрилья разведчиков, одна истребительная эскадрилья разведчиков, два воздухоплавательных отряда аэростатов наблюдения, автожир А-7;

– 13-я армия: четыре корпусных отряда корректировщиков, одна воздушная разведывательная авиаэскадрилья, один ночной полк авиационных разведчиков, одна ночная эскадрилья, один воздухоплавательный отряд аэростатов наблюдения.

Ил. 3. Карельский перешеек. Карта боевых действий. Декабрь 1939 г.

Автожир А-7бис (ил. 4) был принят на вооружение в 1938 г. для тактической разведки и корректирования артиллерийского огня. Имел скорость до 218 км/ч, потолок 4700 м, вооружен тремя 7,62 мм пулемётами и шестью реактивными снарядами РС-82. Это был прообраз вертолёта и helicopters.

Разведывательный отдел ВВС создал фотоцентр при штабе и организовал его работу. Подготовленных дешифровщиков не было. Всех специалистов прикомандировывали с заводов и организаций Ленинграда. Для вскрытия объектов самолётами дальней разведки с фотоаппаратом АФА-13, с прикрытием из трёх истребителей, которые тоже вели съёмку местности, был заснят весь КаУР.

Подготовленные гражданские специалисты обработали и дешифровали 6500 м фотоплёнки, на которой вместились 8000 км² снятой местности. Фотоцентр работал по заявкам разведывательных отделов С-ЗФ и армий.

Ил. 4. Автожир А-7 бис

Этот фотоцентр и дальняя разведывательная авиаэскадрилья были введены в состав разведывательного отдела 7-й армии. В 13-й армии также был организован фотоцентр, с доведением информации до штабов корпусов и дивизий².

Из отчёта командующего ВВС комкора Е. С. Птухина следует, что из 105 дней войны лётных дней было только 25.

Аэростаты перед войной организационно входили в ПВО. В соответствии с директивой штаба Московского ВО № 80200 от 6 декабря 1939 г. началось формирование Отдельного отряда аэростатов наблюдения (ООАН) в Москве, в Долгопрудном. Впоследствии отряд перемещён в Ленинград. На вооружении имелись аэростаты «БД» с объёмом 1000 м³ и высотой подъёма 1400 м с двумя наблюдателями. Отряд был придан 7-й армии.

Примеры боевой работы разведывательной и корректировочной авиации, воздухоплавательных отрядов аэростатов наблюдения приведены во множестве боевых документов, журналах боевых действий. Командир 3-го дивизиона 447-го корпусного арtpолка докладывал: «Доношу, что 13 февраля 1940 г. в 18.00 начальником артиллерии 70 сд дивизиону была поставлена задача подавить белофинские батареи, которые вели ураганный огонь по нашей пехоте. Для корректировки огня был придан аэростат ААД (о) 70. Поставленная задача выполнена дивизионом по-большевистски. Цель № 118, батарея, при первом налёте дивизиона, после Ворошиловского залпа на белофинской батарее наблюдался взрыв, а при втором налёте бандитская батарея была

Ил. 5. Аэростат артиллерийского наблюдения

полностью уничтожена. Вслед за этим дивизиону была поставлена задача подавить цель — батарею № 119. После первой корректировки батарея противника была разгромлена. Налёт по цели № 120 не наблюдался, т. к. аэростат был вынужден опуститься ввиду обстрела самолётом противника³» (ил. 5).

В отчётах о боевых действиях артиллерии 34-го стрелкового корпуса с 6 февраля по 13 марта 1940 г. отмечалось: «В борьбе с артиллерией противника средства АИР себя оправдали, но наиболее действенным средством для борьбы с артиллерией противника являлась корректировочная авиация и воздушные отряды. С получением корректировщика борьба с артиллерией значительно облегчилась, и наоборот, отсутствие аэростатов наблюдения, и особенно под Выборгом, затрудняло вести борьбу с артиллерией противника⁴».

В частях, готовившихся к прорыву, развернулась работа по разведке инженерных сооружений, составляющих линию Маннергейма. Несмотря на тщательное маскирование войск и объектов финнами, артиллерийская разведка наблюдением и поиском установила до 25—30 % всех инженерных сооружений. Остальные 70—75 % активных целей разведывались подразделениями артиллерийской инструментальной разведки (АИР) в составе отдельных разведывательных дивизионов (ОРАД) в корпусных артиллерийских полках (кап), батареями звуковой

разведки (БЗР) пушечных артполков (пап), измерительно-пристрелочными взводами (ипв).

В первом периоде войны на Карельском перешейке подразделения АИР имели два пушечных полка с БЗР и три корпусных артполка с ОРАД. Во всех частях звуковой разведки имелся комплект личного состава 20—30 %, а в 455-м кап комплект составлял 75 %. Все разведывательные подразделения были развернуты по штатам мирного времени. На 90 километров фронта имелось всего 9 взводов звуковой разведки (взр). Для нормальной разведки такого фронта требовалось 18—20 взр. В условиях Финляндии — сплошные леса, озера, реки, отсутствие видимости с НП и нелётная погода — единственным средством разведки и подавления финских батарей была звукометрическая разведка. Распределение звукометрических подразделений на Карельском перешейке:

– в 13-й армии в 311-м пап — один взр; в середине февраля 1940 г. прибыли 272-й РАД и 49-й корпусной тяжёлый артполк с РАД; всего стало 5 взр;

– в 7-й армии 19-й и 50-й стрелковые корпуса имели 7 взр; в январе в прибыли два кап с ОРАД; 447-й кап с двумя взр и 471-й кап с двумя взр; всего стало одиннадцать взр⁵.

Перед прорывом обороны финнов на Карельском перешейке всего имелось 16 взр.

Взр вышли на фронт по штатам мирного времени. На пункте обработки звуковых лент отсутствовали дешифровщики. Командиры и бойцы слабо владели методами дешифрирования. Средства дешифрирования звуковых лент отсутствовали. Особенно неподготовленным оказался личный состав Курской школы АИР. Посты предупреждения не обучены. Боевая обстановка на фронте для боевой работы подразделений звуковой разведки была очень сложной, насыщенной непрерывными звуками артиллерийских выстрелов и разрывов снарядов.

В 455-м кап, 320-м пап, 447-м кап не было станций для зарядки аккумуляторов. Аккумуляторы заряжались нерегулярно и не полностью. Почти во всех частях отсутствовал электролит едкий калий, за которым посылали в Ленинград. В 447-м кап несколько дней работали на аккумуляторах, снятых с автомобилей. Прибывший в 49-й корпусной тяжёлый артполк из Курска 272-й РАД имел на вооружении звукометрические станции, не пригодные для боевой работы. Хорошие аккумуляторы для станций

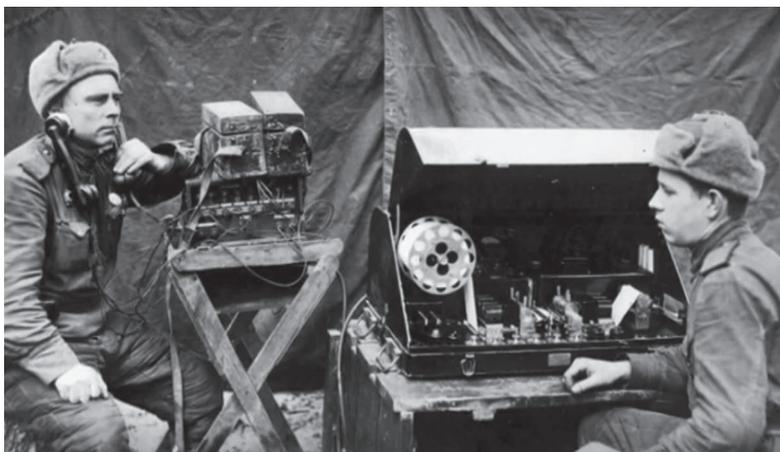
были оставлены в Курске. Личный состав совершенно не подготовлен к боевой работе⁶.

Телеграмма № 092171, направленная 25 января 1940 г. начальником штаба артиллерии фронта комбригом С. П. Сидоровым начальнику артиллерии 13-й армии комбригу М. А. Парсегову: «Начартфронта приказал обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что в отношении 107 мм и 122 мм батарей противника, которые вели огонь 2 января в течение двух часов, не установлен даже район, откуда они стреляли. Что делает Ваша артавиация и другие виды разведки? Надо принимать немедленные меры к подавлению таких батарей, вызывая самолёты. Срочно разыскать осколки снарядов, подозреваемых в наличии ОВ, отправить на исследование⁷».

По приказу зам. наркома обороны Красной армии, начальника ГАУ маршала Г. И. Кулика от 1 февраля 1940 г. на Карельский перешеек была командирована бригада звукометристов для «проведения работ в звукометрических батареях Действующей армии по освоению ими звукометрических станций и методов обработки данных звуковых засечек». С 1 по 5 января все части получили новые звукометрические станции СЧЗ-36 изготовления 1939 г., с полным комплектом приборов обработки звуковых лент и ЗИП. Новая аппаратура не была освоена. Бригада звукометристов под командой майора Броварника работала в Действующей армии с 12 февраля по 14 марта 1940 г. в восьми корпусных артполках и корпусных тяжёлых артполках (49, 47, 455, 24, 28, 471, 21, 447-м). Она обеспечила освоение личным составом новой материальной части, содержание звукометрических станций (ЗМС) в боеготовом состоянии, помогла звукометрическим подразделениям правильно организовать боевую работу, отремонтировала неисправные ЗМС⁸.

Звукометрическая станция СЧЗ-36 (ил. 6) имела следующие характеристики: дальность засечки выстрелов артиллерии 12–15 км; вес регистрирующего прибора — 124 кг; вес приборов звуковых поста — 35 кг; обработка звуковой ленты — 10 мин; ошибка в координатах — 70–80 м.

Топографические подразделения работали до выхода к КаУРу в условной системе координат привязкой ОП, НП, звуковых постов от контурных точек карты масштаба 1 : 50 000, без увязки с другими контурными точками. Подача координат отставала от движения артиллерии. Штабы не планировали организацию

Ил. 6. Расчёт центрального поста за боевой работой на СЧЗ-36

топогеодезических работ. Так, в 471-м кап батарея топографической разведки (БТР) 1,5 суток не получала задач, хотя полк переместился на новые рубежи, и огневые позиции и НП не были привязаны. Ускоренный метод привязки по трассам пуль себя не оправдал в лесистой местности. Геодезисты не построили ни одного сигнала. В основном координаты определялись теодолитными ходами, что увеличивало время привязки. Неумение ориентироваться по карте на местности приводило к ошибкам в ориентировании до одного километра. Наличие разнообразных топогеодезических приборов приводило к сложности их освоения. Так, в 13-й армии, в одном из кап имелось четыре разных типа теодолитов.

Аэрофоторазведка в первый период не была организована. Планомерная съёмка КаУРа была организована в конце января 1940 г., с созданием фотоцентра при штабе 7-й армии. Основные недостатки в работе батареи фоторазведки (БФР): из-за отсутствия подготовленных дешифровщиков цели на фотоснимках не определялись ни в одной БФР. Подготовленные фотодокументы оседали в штабах разведывательных отделов армий, корпусов и дивизий, не доходя до полков, дивизионов и батарей. Последние же не умели ими пользоваться для стрельбы и ориентирования.

Регулярной метеослужбы не было организовано до конца войны. Метеозондирование в кап велось нерегулярно. Не получали

по шесть дней метеобюллетени 447-й и 455-й кап, 21-й корпусной тяжёлый артполк. Метеопосты часто оставались без водорода и оболочек. Температурное зондирование атмосферы артиллерийскими самолётами проводилось нерегулярно. Вследствие этого стрельба по ненаблюдаемой цели по карте была неточной даже по крупным и площадным целям⁹.

За 30—40 дней подразделения ОРАД и БЗР восстановили боеспособность техники, полностью освоили боевую работу и показывали высокое качество звуковой разведки.

Во время подготовки прорыва инженерных укреплений финнов все разведывательные подразделения были нацелены на всемерное вскрытие объектов, нанесения их на схемы, и разрушения силами артиллерии крупного калибра. Артиллерии 7-й армии было указано вести стрельбу не только по площадям, но и на подавление и разрушение целей и дотов.

К проведению артиллерийской разведки инженерных сооружений были привлечены подразделения фотографической разведки, с помощью которых было вскрыто 45 дотов, 10 дзотов, что составило около 80 % целей. В отчётах по разведке отмечалось, что при проведении разведки погибло около 75 % артиллерийских разведчиков. После перегруппировки войск для прорыва обороны финнов в 7-й и 13-й армиях действовало четыре разведывательных артиллерийских дивизиона, две отдельных разведывательных батареи, четыре эскадрильи корректировщиков, два воздухоплавательных отряда. На направлении главного удара в 7-й армии действовало 8 взр, 15 самолётов-корректировщиков, два воздухоплавательных отряда. По данным всех видов артиллерийской разведки перед 13-й армией было установлено 22—26 артиллерийских батарей, а перед 7-й армией выявлено 58—65 артиллерийских батарей финнов. Из всего количества разведанных батарей от 65 до 70 % выявлено звуковой разведкой. В полосе 7-й армии было разведано 36 батарей. В этом количестве на долю взр относится 18 батарей, аэрофото — 8, взр, фото, пристрелочный взвод — 3, фото и взр — 7 батарей.

В отчёте 19-го стрелкового корпуса штабом артиллерии отмечается, что найдены на местности и обследованы огневые позиции 18 батарей финнов. Все батареи засечены взр. Средняя ошибка определения координат батарей: $6X = 151$ м, $6Y = 122$ м. 12 батарей из обследованных подтверждены самолётом-корректировщиком. Средняя ошибка определения координат летчиком

наблюдателем: бХ = 281 м, бУ = 280 м. Две батареи подтверждены дешифрованным снимком. Средняя ошибка координат: бХ = 92 м, бУ = 120 м. Одна батарея обнаружена самолётом. Ошибка координат: бХ = 380 м, бУ = 120 м.

Для ведения огня по батареям финнов были созданы корпусные и дивизионные группы дальнего действия по 2–3 артиллерийских дивизиона. На 9 января 1940 г. в состав групп вошло 22 артдивизиона с 264 орудиями. Большинство стрельб по батареям финнов проведено с применением для корректирования взр и иногда корректировочной авиации и аэростатов наблюдения.

Из 16 обнаруженных батарей финнов в полосе 50-го стрелкового корпуса при обследовании подтверждено подавление в 12 батареях и в трёх батареях — разрушение. В полосе 19-го стрелкового корпуса в 18 обследованных батареях из 21 имелись признаки подавления¹⁰.

Второй этап операции начался 11 февраля 1940 г. Артподготовка и бомбёжка укрепленного района, уничтожение инженерных укреплений врага штурмовыми группами привели к прорыву фронта финнов и их последовательному отходу на вторую полосу обороны и к узлу обороны Выборга (ил. 7).

Подразделения АИР продолжали вести разведку артиллерии противника. Видя бесперспективность дальнейшего сопротивления, 7 марта 1940 г. финны предложили начать переговоры о мире. 12 марта в Москве мирный договор был подписан. По нему война прекращалась в 12 часов 13 марта 1940 г. 14 марта командующий Северо-Западного фронта доложил Ставке Главного Командования о завершении операции по разгрому противника на Карельском перешейке и овладении Выборгом (ил. 8).

В отчётах о боевых действиях командиры артиллерийских полков высоко оценивали работу подразделений АИР и артиллерийской авиации. Запись в одном из боевых документов 50-го СК о новом средстве воздушной разведки: «Для корректировки стрельбы автожир является лучшим средством».

Командир 2-го корректировочного авиаотряда капитан Зайцев в «Отчёте о боевой работе 2 ОКАО в борьбе с белофиннами во взаимодействии с артиллерией 15 СК» отмечал, что «отряд, прибывший из г. Гомеля, боевую работу начал проводить с 3 февраля 1940 г. За время боевой работы отряд произвел 127 боевых самолёто-вылетов, из них: а) на разведку — 69; б) на корректировку — 33; в) на фотографирование — 14; г) на разбрасывание

Ил. 7. Карельский перешеек. Карта боевых действий. Март 1940 г.

листовок — 4; д) на бомбометание — 9. Общий налёт части за время боевых действий — 144 часа 29 минут. Корректировкой артиллерийского огня 47 корпусного арtpолка уничтожено 10 батарей противника и автоколонна примерно из 30 машин. 49 корпусной арtpолк — 7 батарей противника. Фотографированием отдельных участков укрепленного узла заснято 4 площади 104 кв. км...»¹¹.

Из отчета о деятельности батареи фоторазведки следовал вывод: «...за весь период боёв дешифровано 176 целей, из них 27 дотов, 12 батарей и 137 прочих целей (дзотов, пулемётных гнезд и пр.). Данные дешифрования были использованы артиллерией корпуса в полной мере»¹².

В донесениях отмечались и особенности применения разведки: «Некоторая неувязка и неуважение к звуковой разведке со стороны командного состава огневых подразделений, отсутствие элементарных правил звукометрии являлось тормозом в уничтожении батарей противника. От звуковой батареи требовалось то,

чего она не могла дать, например: при сильном артиллерийском огне определение координат стреляющих батарей противника; при неблагоприятных метеорологических условиях определение координат ниже 76 мм, миномётов, зенитных орудий. В лесной местности звукоприёмники подвешивались на деревьях со срубленными маковками и строились примитивные вышки высотой

Ил. 8. Территориальные изменения после перемирия

3—4 метра. Для лучшей работы звуковой разведки требуется обязательная рекогносцировка местности для выбора расположения боевых порядков БЗР в зимних условиях 4—5 часов. Необходимо иметь метеорологические данные на высоте 200—400 метров»¹³.

Пресекая попытки финнов скрыть истинную группировку своей артиллерии и миномётов, применяя различные способы маскировки от звуковой, оптической и воздушной разведки, советская артиллерия вела успешную борьбу с артиллерийскими и миномётными батареями противника, чем обеспечила успех той ее части, которая была выделена для разрушения долговременных оборонительных сооружений стрельбой прямой наводкой. Высокая эффективность контрбатареинной борьбы заставляла финских артиллеристов постоянно совершенствовать инженерное оборудование и маскировку позиций, менять тактику боевого применения артиллерии.

Проведённый по итогам войны сбор и обобщение боевого опыта, анализ его и выявление недостатков в различных направлениях боевой деятельности войск, и в том числе артиллерийской инструментальной разведки, позволили развернуть подготовку войск к тому, что необходимо в будущей войне.

¹ Маннергейм Г. К. Мемуары. М.: «Вагриус», 1999. С. 135.

² РГВА. Ф. 20. Оп. 56. Д. 144. Краткий отчёт НИШ ВВС комбрига А. А. Новикова № РО/047347 от 20.03.1940. С. 142.

³ РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 862. С. 23.

⁴ Там же. Д. 915. С. 15.

⁵ История отечественной артиллерии. М; Л., 1964. Т. 3, кн. 8. 1921 — июнь 1941. С. 590.

⁶ РГВА. Ф. 20. Оп. 38. Д. 3419. С. 71.

⁷ Там же. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 862. С. 23.

⁸ Там же. Ф. 20. Оп. 38. Д. 3419. С. 73.

⁹ Там же. С. 74.

¹⁰ История отечественной артиллерии. Т. 3, кн. 8. С. 611, 613.

¹¹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 570. С. 76.

¹² Там же. С. 78—80.

¹³ Там же. С. 82—83.

Ю. А. Миронов (Ардатов)

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО РЕАКТИВНОГО ОРУЖИЯ В 1918—1941 ГОДАХ

В КОНЦЕ XIX в. во всех странах ракеты были сняты с вооружения. В 1886 г. в Австрии, в 1885 в Англии, в 1887 г. в России. Развитие реактивного оружия прекратилось. Причина — дымный порох, который сгорал в виде прессованного заряда, исчерпал свои возможности и не позволял совершенствовать ракеты. Вследствие низкой кучности, точности, дальности стрельбы, безопасности обращения по сравнению с артиллерией ракеты проиграли ствольной артиллерии. Для преодоления кризиса в ракетном деле необходим был новый класс топлива, лишённый недостатков дымного пороха.

В 1884 г. французский химик П. Вьель получил пластинчатый порох марки «В». Появление пироксилинового пороха знаменовало период развития бездымных порохов и ракетно-артиллерийского вооружения на их основе.

В России работы по бездымному пороху были начаты на Охтенском пороховом заводе в 1886 г., затем на Казанском и Шостенском.

Энтузиасты-изобретатели продолжали разрабатывать технические решения по боевым ракетам и пусковым устройствам для них. Были предложены новые решения М. М. Поморцевым, И. В. Воловским, Н. В. Герасимовым, И. П. Граве, Н. И. Тихомировым, В. А. Артемьевым.

Все разработки в области ракет до 1917 г. были отвергнуты под различными предлогами Главным артиллерийским управлением (ГАУ).

После установления Советской власти на укрепление обороны Советского государства и его вооружённую защиту было обращено особое внимание.

Приказом ГАУ 17 декабря 1918 г. № 1112 была создана Комиссия особых артиллерийских опытов (КОСАРТОП), которая занималась разработкой способов стрельбы на расстоянии свыше 100 километров. В КОСАРТОПе развернулись работы над твердотопливными ракетами под руководством профессора И. П. Граве. К работе над зарядом бездымного пороха он привлёк своих учеников, выпускников Артиллерийской академии: О. Г. Филиппова, С. А. Серикова, М. Е. Серебрякова. 5 ноября 1926 г. И. П. Граве получил патент на своё изобретение 1916 г. «Боевая или светящаяся ракета, отличающаяся применением взамен форсового состава прессованного цилиндра из желатинизированной нитроклетчатки. К нитроклетчатке примешаны стабилизирующие вещества. Форсовый цилиндр заряда имеет один или несколько глухих каналов». Этим документом за И. П. Граве устанавливался приоритет в изобретении ракет на бездымном порохе.

Н. И. Тихомиров 3 мая 1919 г. обратился с письмом на имя управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича с просьбой использовать его изобретение для укрепления республики. Патента на изобретение у Н. И. Тихомирова не было. В марте 1921 г. частная лаборатория на его квартире была официально признана, а для работ над проектом с 1 марта 1921 г. организуется «Лаборатория для разработки изобретений Н. И. Тихомирова». Это первая официальная государственная организация по разработке вооружения на реактивном принципе. Лаборатория размещалась в Москве, улица Тихвинская, 3, в двухэтажном доме. При посещении ГАУ Н. И. Тихомиров знакомится с В. А. Артемьевым, знатоком ракетного дела, исполнявшим с 1918 г. должность помощника инспектора складов ГАУ. Артемьев начинает работать с Н. И. Тихомировым. Лаборатория подчинялась отделу военных изобретений комитета по делам изобретений (ОВИ) при ВСНХ, а затем Арткому ГАУ и финансировалась ими. В лаборатории Н. И. Тихомиров и В. А. Артемьев стали проводить работы, используя заряд на чёрном порохе от осветительной ракеты, а затем и пироксилиновый порох. Стрельбы были проведены в 1924 г. на артполигоне в Ленинграде. Дальность стрельбы с использованием 47-мм миномёта Лихонина составила 1000 м. В 1922 г. Артемьев за нарушение работы с секретными документами был осуждён на три года. А так как все практические отработки проводились в Ленинграде, то в 1925 г. Н. И. Тихомиров

переехал в этот город. Здесь он встретился с В. А. Артемьевым, вернувшимся из заключения с Соловков.

Н. И. Тихомиров обращается по вопросу работы над своим проектом в Центральную научно-техническую лабораторию, в отдел порохов и баллистики, которым руководил О. Г. Филиппов. В 1924 г. О. Г. Филиппов и С. А. Сериков под руководством профессора И. П. Граве разработали рецептуру ракетного пироксилин-тротилового пороха (ПТП), изготовили из него первые образцы толстосводных пороховых шашек диаметром 24 и 40 мм и приступили к их испытаниям. В. А. Артемьев начал общаться с сотрудниками лаборатории и ознакомился с ПТП. Именно этот порох и рецептуру он использовал при отработке реактивных снарядов в течение 10 лет.

В. А. Артемьев вспоминает: «Изготовление опытных пороховых шашек было налажено в 1927 году на главном артволигоне в Ленинграде. 3 марта 1928 года был произведён пуск ракетной мины с половинным ракетным зарядом на порохе ПТП. Пуск ракетной мины осуществлялся совмещением со стрельбой из миномёта Ван-Дерена. Ракета полетела на дистанцию 1300 метров. Это была первая ракета с зарядом из прессованного бездымного пороха — прообраз реактивных снарядов для «Катюши»»¹.

В это время И. П. Граве работает в КОСАРТОПе над созданием реактивной артиллерии. Он узнал, что заказ на разработку ракет на бездымном порохе выполняют параллельно с ним Н. И. Тихомиров и В. А. Артемьев, хотя патент на изобретение ракеты на бездымном порохе принадлежит ему. Понимая, что Советская власть считает его чуждым ей по классовому признаку, И. П. Граве вышел из состава «КОСАРТОПа» и начал разрабатывать теорию реактивных снарядов. От практической разработки своего изобретения он был отстранён. Трижды арестовывался органами ЧК и всегда был оправдан.

Газодинамическая лаборатория (ГДЛ)

После доклада Н. И. Тихомирова, сообщившего, что работы его лаборатории проводятся территориально разрозненно, было принято решение о сосредоточении всех работ на НИАПе. Ему была выделена половина здания химической лаборатории НИАПа для производства опытных работ.

В мае 1928 г. командующим Ленинградским военным округом становится М. Н. Тухачевский. Он с особым вниманием относится к разработке оружия на реактивном принципе. В результате успешных пусков ракет на пороже ПТП штат лаборатории был расширен до 10 человек, а сама она переименована в газодинамическую лабораторию (ГДЛ). При лаборатории развернул работы по динамо-реактивным пушкам Л. В. Курчевский. Программа работ ГДЛ была расширена.

Н. И. Тихомиров умер 28 апреля 1930 г. от инфаркта миокарда. После его смерти начальником ГДЛ стал Б. С. Петропавловский, который работал в лаборатории с апреля 1929 г. на должности руководителя опытов по конструкциям ракет. Также по рекомендации О. Г. Филиппова в ГДЛ был направлен военный инженер Г. Э. Лангемак, окончивший артиллерийскую академию по специальности внутренняя баллистика пироксилиновых порохов на кафедре профессора И. П. Граве. С 1 октября 1930 г. ГДЛ передана в состав АНИИ. В ГДЛ имелось 5 отделов. Первый отдел твердотопливных ракет включал в состав штата В. А. Артемьева, Г. Э. Лангемака, Л. Э. Шварца, Ф. Н. Пойду, Б. С. Петропавловского, И. Т. Клеймёнова.

ГДЛ развернула работу по созданию реактивных снарядов и пусковых устройств к ним и установила тесные связи с артиллерийской академией, где проводились исследования проектирования и полёта ракет. В основном они велись с пороховыми шашками диаметром 24 мм. Размеры шашек обусловили нестандартный калибр реактивных снарядов — 82 и 132 мм. Впоследствии пришлось разработать шашки диаметром 40 мм. Эти два диаметра шашек применялись во всей гамме снарядов реактивного оружия СССР периода Великой Отечественной войны.

В сентябре 1930 г. число сотрудников ГДЛ составляло 23 человека. К 1931 г. численность штата сотрудников возросла до 77, в декабре 1932 г. — до 120, а в начале 1933 г. — до 200 человек. Лаборатория подразделялась на 7 секторов: пороховых ракет, ракет на жидком топливе, пороховых ракет в ВВС, миномётный, пороховое производство, производственный, административно-хозяйственный. В 1931 г. в ГДЛ были зачислены военный инженер Л. Э. Шварц, инженер-химик Н. Г. Чернышёв, И. С. Александров, техник Н. С. Буторин. По приказу М. Н. Тухачевского лаборатория в 1932 г. получила 12 комнат в здании

Главного Адмиралтейства и здание Иоанновского рavelина в Петропавловской крепости². В 1931 г. начальником ГДЛ был назначен Н. Я. Ильин. Б. С. Петропавловский в это время работал замом начальника по технической части. В 1932 г. начальником ГДЛ назначен авиационный инженер И. Т. Клеймёнов, руководивший лабораторией до создания Реактивного НИИ.

В середине 1933 г. на техсовете ГДЛ В. А. Артемьев предложил проект 82- и 132-мм реактивных снарядов с оперением, выходящим за калибр снаряда. Это предложение было поддержано И. Т. Клеймёновым, Б. С. Петропавловским и Л. Э. Шварцем. Для пуска таких снарядов с самолёта были созданы пусковые станки с продольными планками.

В ноябре 1933 г. Б. С. Петропавловский внезапно умер.

Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ)

В 1933 г. в СССР в области твердотопливных ракет работали ГДЛ и Ленинградская группа изучения реактивного движения (ЛенГИРД). Жидкостные ракеты разрабатывали ГДЛ, Центральная (Московская) ГИРД и ЛенГИРД. По инициативе начальника вооружений РККА М. Н. Тухачевского путём слияния ГДЛ и Центральной (Московской) ГИРД 21 сентября 1933 г. в Москве был создан Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ). Место его расположения — Москва, Лихоборы. К моменту организации института ГДЛ разработала 9 видов ракетных снарядов различных калибров, принятых на вооружение. Эти снаряды были приняты государственными комиссиями под председательством М. Н. Тухачевского.

В положении об институте, утверждённом М. Н. Тухачевским, указывалось, что «предметом работ РНИИ является теоретическая и практическая разработка вопросов реактивного движения, с целью использования ракет в различных областях военной техники и народного хозяйства»³.

В РНИИ было образовано 4 отдела. Первый — двигатели и ракеты на твёрдом порохе. Второй — двигатели на жидком топливе. Третий — крылатые ракеты. Четвёртый — твёрдых топлив. В 1933 г. в штате РНИИ имелась 281 должность, в 1934 — 395, в 1935 — 580. В январе 1937 г. РНИИ был передан в Народный комиссариат оборонной промышленности и переименован в НИИ-3.

После включения РНИИ в Народный комиссариат тяжёлой промышленности 4 апреля 1934 г. директором РНИИ назначен И. Т. Клеймёнов, а его заместителем и главным инженером — Г. Э. Лангемак. С. П. Королёв был назначен начальником 5-го авиаотдела РНИИ, где разрабатывались ракетопланы и крылатые боевые ракеты. К руководству РНИИ пришли выходцы из ГДЛ, и определилась основная тематика работ — ракеты на твёрдом топливе.

В 1937 г. маршал М. Н. Тухачевский был признан шпионом и заговорщиком и расстрелян с группой высших военных лиц. В 1938 г. инженер А. Г. Костиков написал донос на ряд работников НИИ-3. Были арестованы В. П. Глушко, С. П. Королёв, Ф. Н. Пойда, И. П. Граве, А. С. Бакаев, Гальперин, Путимцев, В. Н. Лужин.

В январе 1939 г. Наркомат оборонной промышленности был разделён на наркоматы: вооружения, боеприпасов, авиации, судостроения. НИИ-3 передал в Наркомат боеприпасов.

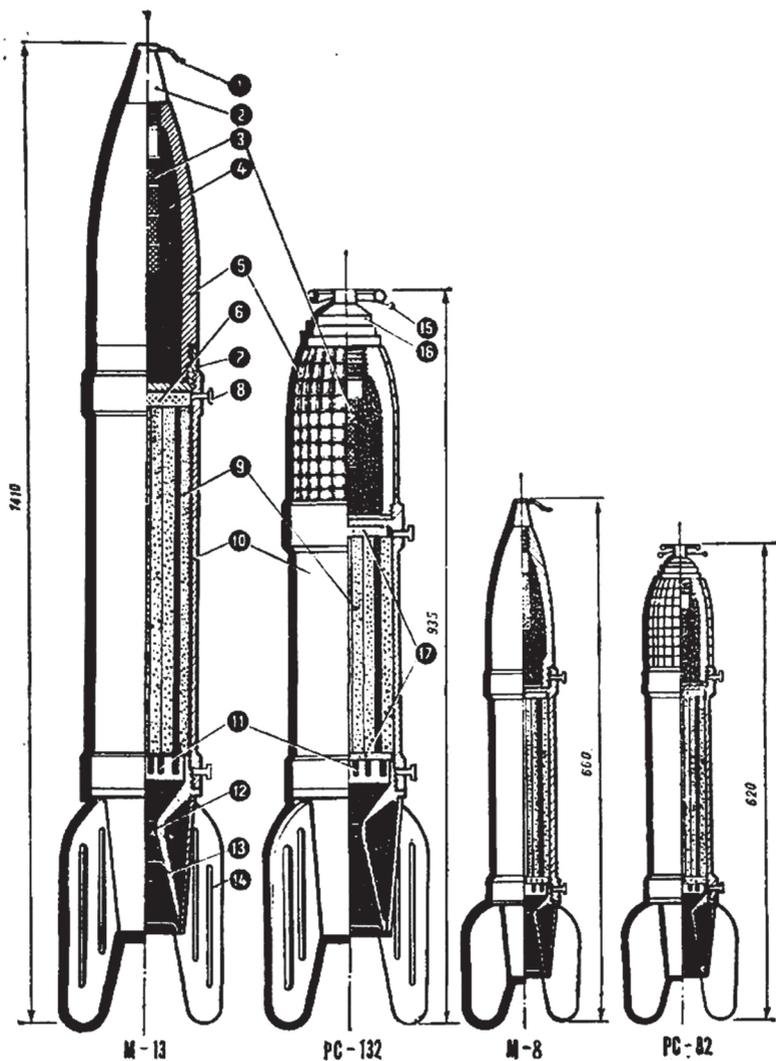
Ракетное оружие для авиации

К моменту переезда ГДЛ в Москву реактивные снаряды для авиации РС-82 и РС-132 были полностью отработаны и приготовлены для массового производства. Дальность пуска РС-82 составляла 5 км, а РС-132 — 6 км. С 1935 г. на полигоне были организованы стрельбы реактивными снарядами с самолёта И-15. Выяснилось, что при стрельбе ракетами РС-82 с самолёта в полёте точность стрельбы резко увеличивается. Группа инженеров и конструкторов РНИИ в короткий срок разработала и испытала конструкцию направляющей желобкового типа, или, в просторечии, — типа «флейты». К середине 1937 г. были разработаны установки для монтажа на бомбардировщике СБ для стрельбы РС-132.

Но массовое производство зарядов из пороха марки ПТП было невозможно из-за его нетехнологичности. Возникла критическая ситуация с испытанием снарядов РС-82 и РС-132. Снарядов не было.

В середине 1933 г. лабораторию порохов НГВ в НИИ ПХ посетили представители РНИИ В. А. Артемьев, Ф. Н. Пойда, Ю. А. Победоносцев с целью выяснить возможность замены в реактивных снарядах пороха ПТП. В ответ на это представителям

РНИИ предложили порох Н, разработанный для артиллерийских систем под руководством А. С. Бакаева. Развёрнутое производство пороха марки Н позволило решить проблемы со снарядами (ил. 1).

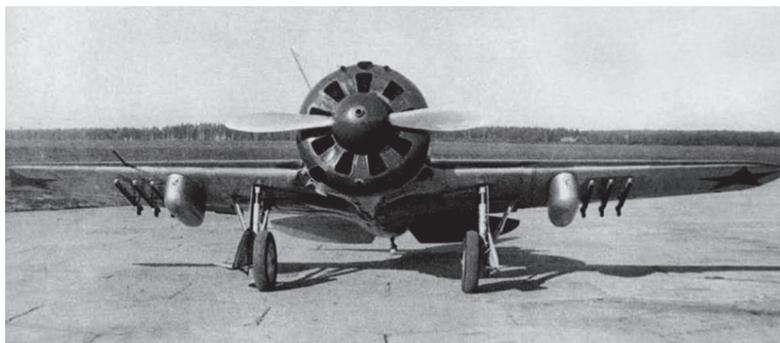
Ил. 1. Реактивные снаряды PC-82, M-8, PC-132, M-13

В 1937 г. руководство РНИИ возложено на ГАУ. Прежние руководители И. Т. Клеймёнов и Г. Э. Лангемак признаны «врагами народа» и расстреляны. Директором РНИИ назначен Б. М. Слонимер, главным инженером — А. Г. Костиков, ранее занимавшийся ЖРД.

В июле 1938 г. РС-132 были приняты на вооружение авиации. Весной 1939 г. было запланировано испытание всего ракетного оружия в ВВС. В это время на Дальнем Востоке был развязан военный конфликт в районе реки Халхин-Гол. По предложению командования ВВС было решено проверить эффективность авиационного ракетного оружия в боевой обстановке. Была сформирована первая в мире эскадрилья из пяти самолетов И-16, вооружённых каждый восемью ракетами РС-82 (ил. 2). Командовал эскадрильей капитан Н. И. Звонарёв.

20 августа 1939 г. советские летчики вылетели всей эскадрильей на прикрытия войск и встретились с японскими истребителями. По приказу капитана Звонарёва все пять истребителей сделали одновременный залп по самолётам японцев с расстояния один километр, и два из них сбили. Группа Звонарёва участвовала в 14 воздушных боях, сбила 13 японских самолетов и вернулась без потерь⁴.

В период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. советское реактивное оружие впервые было применено нашими бомбардировщиками СБ. Шесть бомбардировщиков СБ, имевших по десять ракет РС-132, неоднократно наносили удары по скоплению живой силы и техники финнов. Кроме того, использовали ракетное оружие против лобовых атак истребителей противника.

Ил. 2. Истребитель И-16 с РС-82

После успешных действий в боях реактивными снарядами были вооружены истребители И-15, И-16, И-153, штурмовик ИЛ-2, а РС-132 — бомбер СБ и штурмовик ИЛ-2. В Англии и США ракеты на самолётах приняты в 1942 г., а в Германии — в 1943⁵.

Ракетное оружие для сухопутных войск

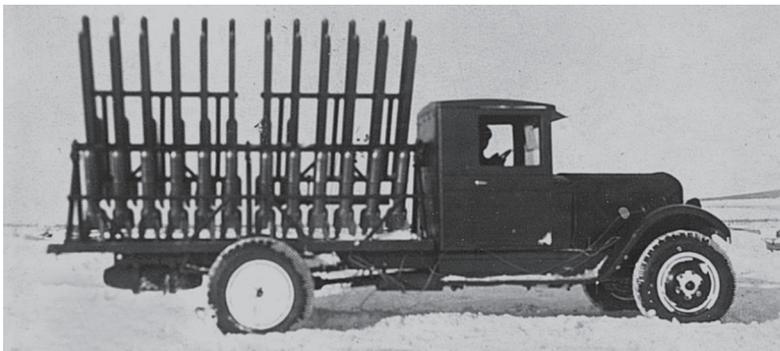
Учитывая возможность ведения войны в условиях применения отравляющих веществ, в 1933 г. было решено разрабатывать РС с химическим наполнением. В плане РНИИ 1935 г. тема значилась «Реактивный химический 132 и 152 мм снаряд и станок к нему для вооружения стрелковых частей средствами массового химического нападения». Снаряды имели конструкцию на базе РС-132. Разработкой занимался Л. Э. Шварц. Е. С. Петров предложил простейший станок — штырь Артемьева для 82, 132, 245-мм снарядов. В 1936 г. основным был выбран калибр 132 мм⁶. В октябре 1937 г. на работу в НТО Артуправления РККА поступил бывший преподаватель военно-химической академии РККА военинженер 2 ранга В. В. Аборенков. Ему поручили курировать разработку 132-мм снаряда. 2 февраля 1938 г. НИИ-3 и Артуправление заключили договор на выполнение НИР с целью создания 132-мм реактивного снаряда с химическим наполнением и пускового устройства для стрельбы одиночными снарядами со сроком окончания работ в 3 квартале 1938 г.⁷ 5 мая 1938 г. институт приступил к разработке и изготовлению опытной партии из 350 РХС-132 (объект 138). Станки для пуска — тумбы и штыри. Химуправление скорректировало заказ и предложило разработать самоходную пусковую установку. Е. С. Петров предложил вместо штырей направляющие по типу самолётных «флейт». Их нужно было выставлять на грунт в десяти метрах друг от друга, запускать РХС-132, а затем после стрельбы загружать в автомобиль. В. В. Аборенков высказался резко против такого проекта. Видя, что договор находится под угрозой срыва по срокам, директор НИИ-3 Б. М. Слонимер 5 июля 1938 г. объявил в НИИ-3 конкурс на лучший проект пускового устройства для реактивного химического снаряда РХС-132. В условиях конкурса перечислялись требования к пусковому устройству. Срок для представления проекта — 20 июля 1938 г. Победителю — денежное вознаграждение 2000 рублей. В конкурсе участвовало 18 человек. Отдел И. И. Гвая закончил отработку самолётной ПУ типа

«флейта» и включился в конкурс. Под крылом бомбардировщика СБ крепилось десять направляющих — «флейт». И. И. Гвай пришёл к выводу, что стрелять ракетами с направляющими нужно из кузова автомобиля. Для размещения направляющих выбрали автомобиль ЗИС-5. Длину авиационных направляющих увеличили до 2,2 м. В кузов вошло 24 направляющих, на которых размещалось 24 снаряда. Рама с направляющими крепилась к раме автомобиля. Направляющие можно было перемещать в вертикальной плоскости от 30 до 65 градусов. Направление стрельбы устанавливалось поворотом всего автомобиля. Направляющие размещались поперёк продольной оси автомобиля. Заряжать установку можно было только сверху. Так родился проект автомобильной многозарядной установки⁸.

27 августа 1938 г. И. И. Гвай завершил эскизный проект многозарядной установки на автомобиле ЗИС-5 для стрельбы химическими снарядами калибра 132 мм, и документ был отправлен в ГАУ. Для разработки проекта создали конструкторскую группу: конструкторы А. С. Попов, А. П. Павленко, чертёжник и копировщик. К октябрю 1938 г. И. И. Гвай и А. П. Павленко закончили чертёж многозарядной ПУ, а Л. Э. Шварц и В. Н. Лужин — рабочие чертежи снаряда РХС-132 с ОВ. Документацию направили на Софринский полигон для сборки установки в мастерских НИИ-3. 1 ноября 1938 г. проведена первая стрельба на полигоне. Председатель Госкомиссии — зам. начальника ГАУ В. Д. Грендаль, от ГАУ — В. В. Аборенков и Клюев, от НИИ-3 — А. Г. Костиков и Л. Э. Шварц. Прицела не было (ил. 3⁹).

Идея многозарядной установки В. Д. Грендалю понравилась. Он рекомендовал поработать над конструкцией ПУ и провести полноценные испытания на военно-химическом полигоне в Саратовской области (ЦВХП). К началу декабря в мастерских НИИ-3 собрали вторую ПУ аналогично первой и изготовили партию зажигательных снарядов с напалмовым наполнением. С 8 декабря 1938 г. по 2 февраля 1939 г. на ЦВХП было выполнено 223 пуска химическими и зажигательными снарядами. Отказов пуска было 39 по причине электровоспламенения. Комиссия установила недостатки ПУ, которые требовалось устранить¹⁰.

О результатах стрельбы В. Д. Грендаль и В. В. Аборенков доложили наркому обороны К. Е. Ворошилову. Ворошилов распорядился заменить химические снаряды на осколочно-фугасные. Термический снаряд не запретили. В. А. Артемьев, Бессонов,

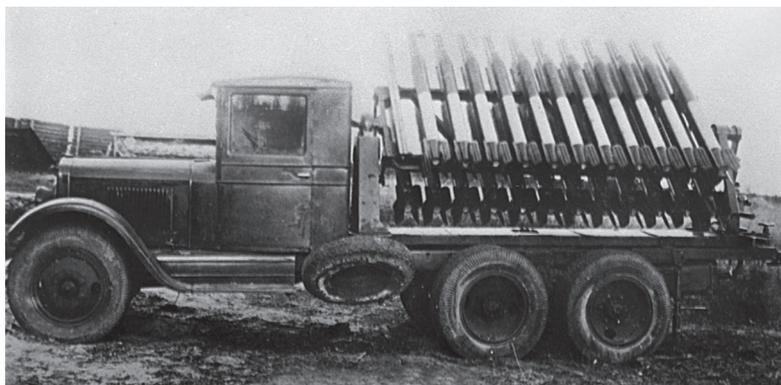

Ил. 3. Механизированная установка (1938)

В. Н. Лужин, Л. Э. Шварц и Д. А. Шитов начали дорабатывать авиационный снаряд РС-132 для применения сухопутной стрельбы, а И. И. Гвай, П. А. Павленко и Степанов начали дорабатывать автомобильную установку. В феврале 1939 г. А. Попов и Степанов подготовили комплект документации на доработанную ПУ, механизированную установку вариант 1. Назовем её сокращённо М-1. Установку разместили на ЗИС-6. 24 направляющих располагались перпендикулярно продольной оси машины. Рама поворачивалась в вертикальной и горизонтальной плоскости. Для наведения использовался прицел от горной пушки. От раскачивания ввели домкраты. В мае 1939 г. собрали первую М-1 из двух¹¹.

К этому времени разработали осколочно-фугасные снаряды РОФС-132 и РОФС-203. Зимой 1939 г. провели стрельбу из М-1 снарядами. Комиссия не рекомендовала принимать М-1 из-за большого рассеивания снарядов (ил. 4¹²).

Костиков для решения проблем рассеивания в М-1 создал в отделе И. И. Гвая две конструкторские группы. Группа А. С. Попова и Степанова продолжила работу над М-1, а В. Н. Галковский, П. А. Павленко, Давыдов начали проработку другого варианта. Вскоре А. Попов представил проект М-1 с горизонтально расположенными направляющими, поднятыми горизонтально над кабиной автомобиля. Это позволяло увеличить длину направляющих до 3 метров. Разместили направляющие вдоль оси автомобиля, что и решило проблему раскачивания. Количество направляющих уменьшили до 16. В. Н. Галковский соединил 16 направляющих попарно в 8 секций.

Ил. 4. Установка 1-го образца (1939)

Проект был завершён 15 апреля 1939 г. В. В. Аборенков приказал увеличить длину направляющих до 5 метров. Техсовет НИИ-3 15 августа 1939 г. рассмотрел два варианта ПУ и оставил вариант В. Н. Галковского. Этот вариант получил название «механизированная установка 2-го образца». Сокращённо назовём М-2. Снаряду присвоили индекс РОФС-132. Точность стрельбы снарядом РОФС-132 была низкой. Тогда В. В. Аборенков для решения проблем рассеивания предложил записать в техническом задании «Для стрельбы по площадям».

В конце августа 1939 г. М-2 была собрана и 1 сентября вывезена на Софринский полигон. 19 ноября М-2 была принята для заводских испытаний. Дальность стрельбы снаряда РОФС-132 составила 8470 м (ил. 5¹³).

Зам. наркома обороны СССР маршал Г. И. Кулик 4 февраля 1940 г. направил наркому обороны маршалу К. Е. Ворошилову докладную, в которой сообщал, что в конце 1939 г. закончена отработка реактивных снарядов РОФС-132 и РХС-132, а также автоустановка для их залпового пуска. Прилагался проект постановления правительства СССР «О приёме на вооружение и обеспечение Красной Армии 132-мм ракетами и автоустановками для их пуска». Война с Финляндией отодвинула решение вопроса. Проект вернули в ГАУ. Для войсковых испытаний было решено изготовить 5 М-2 по заказу АУРККА и одну установку по заказу АУВМФ. На финансирование изготовления шести механизированных установок М-2 в НИИ-3 были затрачены средства с других проектов.

Ил. 5. Установка 2-го образца (1939)

В марте 1940 г. Б. М. Слонимер попросил включить М-2 в выставку вооружений, но ему отказали. В ноябре 1940 г. за изготовление 6 М-2 без разрешения Б. М. Слонимер был снят с должности, а А. Г. Костикову объявлен выговор. 5 января 1941 г. проверочная комиссия вынесла решение «О кадрах НИИ-3». В списки на увольнение было включено 18 основных специалистов по твердотопливным ракетам.

В это время В. Д. Грендаль и В. В. Аборенков доложили начальнику ГАУ маршалу Г. И. Кулику положение с М-2. Маршал Г. И. Кулик своим решением заказал в министерстве общего машиностроения серийное изготовление 40 М-2 для войсковых испытаний. Министр общемаша П. И. Паршин назначил изготовителем М-2 Воронежский завод им. Коминтерна. После получения чертежей от НИИ-3 был назначен срок изготовления М-2 — 3—4 квартал 1941 г. 27 февраля в Воронеж приехали И. И. Гвай, В. Н. Галковский и технолог Калашников для согласования вопросов по изготовлению М-2. Чертежи установки были технически несовершенны, технологичность не выдерживалась. КБ завода им. Коминтерна их переработало к 10 июня 1941 г. и приступило к выпуску двадцати М-2¹⁴.

В это время В. В. Аборенков подал докладную записку И. В. Сталину, минуя Г. И. Кулика, о ситуации с механизированной установкой для пуска реактивных снарядов. После этого нарком обороны маршал С. К. Тимошенко и начальник ГАУ маршал Г. И. Кулик получили распоряжение ознакомиться с М-2. М-2 включили в план показа новых образцов вооружения. В апреле 1941 г. директором НИИ-3 назначен Н. А. Монаков. Показ в Софрино был назначен на 15–17 июня 1941 г. Всего в опытных мастерских имелось 6 М-2.

На показе техники на полигоне комиссии было продемонстрировано два залпа из 4 установок М-2, вызвавшие у присутствующих удивление и восхищение мощностью залпа. 21 июня 1941 г. И. В. Сталин подписал постановление о серийном производстве реактивных установок и реактивных снарядов 132-мм к ним. 30 июня 1941 г. был создан Совет по реактивному вооружению.

Начало Великой Отечественной войны ускорило все решения по реактивному оружию. Из имеющихся М-2 было решено сформировать отдельную экспериментальную батарею реактивных установок для изучения боевых свойств и оценки конструкции с испытанием в боевой обстановке. Реактивное оружие сразу было обозначено как совершенно секретное. Специальным постановлением определялся порядок его применения и сохранения тайны. Можно отметить, что за годы войны, несмотря на жесточайшие меры секретности, было захвачено немцами около 145 боевых машин со снарядами различных типов. А всего за войну потеряно 4900 боевых машин реактивной артиллерии разных типов из поступивших на вооружение 11 187¹⁵. Из дневника начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдера известно, что немцы ещё в 1939 г. добыли РОФС-132 и прогнозировали до реактивного дивизиона механизированных установок к началу войны в СССР.

Отдельная экспериментальная реактивная батарея капитана И. А. Флёрова

Экспериментальная реактивная батарея из 5 боевых машин М-2, 44 машин доставки боеприпасов и 100 машин доставки других грузов, со 122-мм гаубицей и 100 снарядами к ней для пристрелки, 600 снарядами РОФС-132, запасами горючего и продовольствия направлена на фронт в ночь с 1 на 2 июля 1941 года

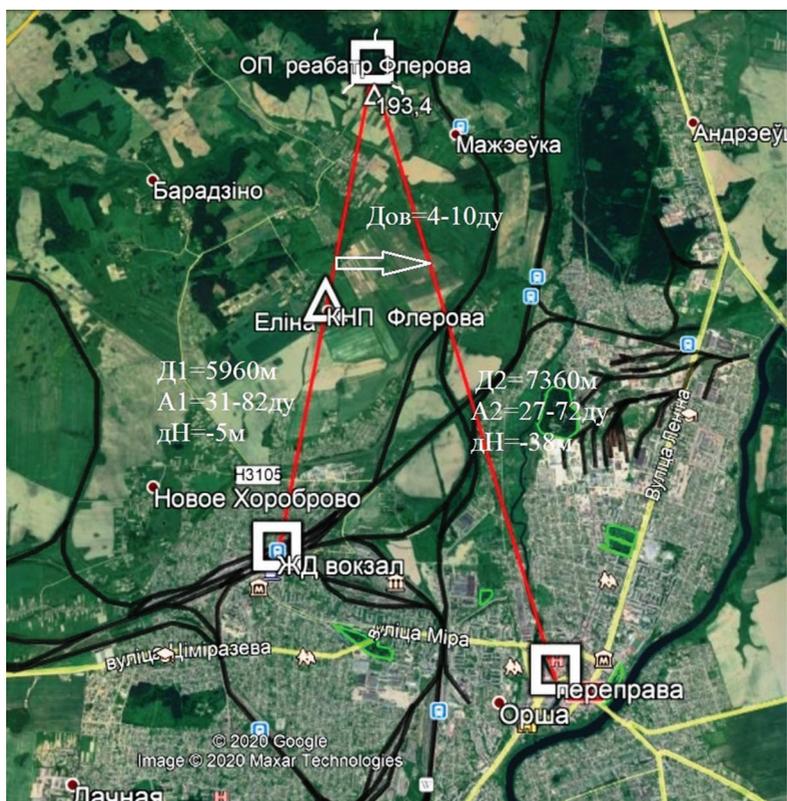
в район Западного фронта, в состав 20-й армии. В пути к колонне присоединились ещё две боевые машины М-2 изготовления Воронежского завода им. Коминтерна. Командиром реактивной батареи был назначен капитан И. А. Флёров. Неразбериха начального периода войны создала трудности для восстановления хронологии боевых действий первой реактивной батареи. По воспоминаниям оставшихся в живых воинов батареи, жителей города Орши и исследованиям историков удалось восстановить первое применение реактивной батареи 13 июля 1941 г. по району железнодорожного вокзала и переправе через речку Оршица. Проведённая нами реконструкция событий с использованием современных средств картографии позволила установить огневую позицию батареи, место КНП, дальности и дирекционные углы стрельбы по целям, эффективность принятых решений такой стрельбы. Элементы реконструкции первого и второго залпа батареи представлены на схеме (ил. 6.1).

В первом залпе шесть М-2 из семи выпустили 96 снарядов. Во втором залпе, по переправе, также стреляли шесть М-2 из семи, но сошли 94 снаряда РОФС-132.

После залпов под Оршей батарея переместилась в район г. Рудни Смоленской области, где 19 июля 1941 г. совершила два залпа по городу с огневой позиции (ОП) у д. Шубки и, переместившись на новую ОП, залп по д. Кругловке. Эффективность огня была высокой. Реконструкция залпов батареи капитана И. А. Флёрова под Рудней представлена на ил. 6.2.

Всего за время боёв на Смоленском направлении батарея капитана Флёрова выполнила до 23 залпов¹⁶. За это время проявились технические и конструкторские недостатки М-2, о которых было сообщено в СКБ завода «Компрессор». В результате упорного труда заводчан и инженеров СКБ над устранением недостатков конструкции 22 августа 1941 г. чертежи на пусковую установку М-13 были утверждены ГАУ. Это означало окончание этапа разработки пусковой установки М-13 и принятие её на вооружение. Все изготавливаемые пусковые установки становились одинаковыми и на всех заводах страны изготавливались по единым чертежам и техническим условиям.

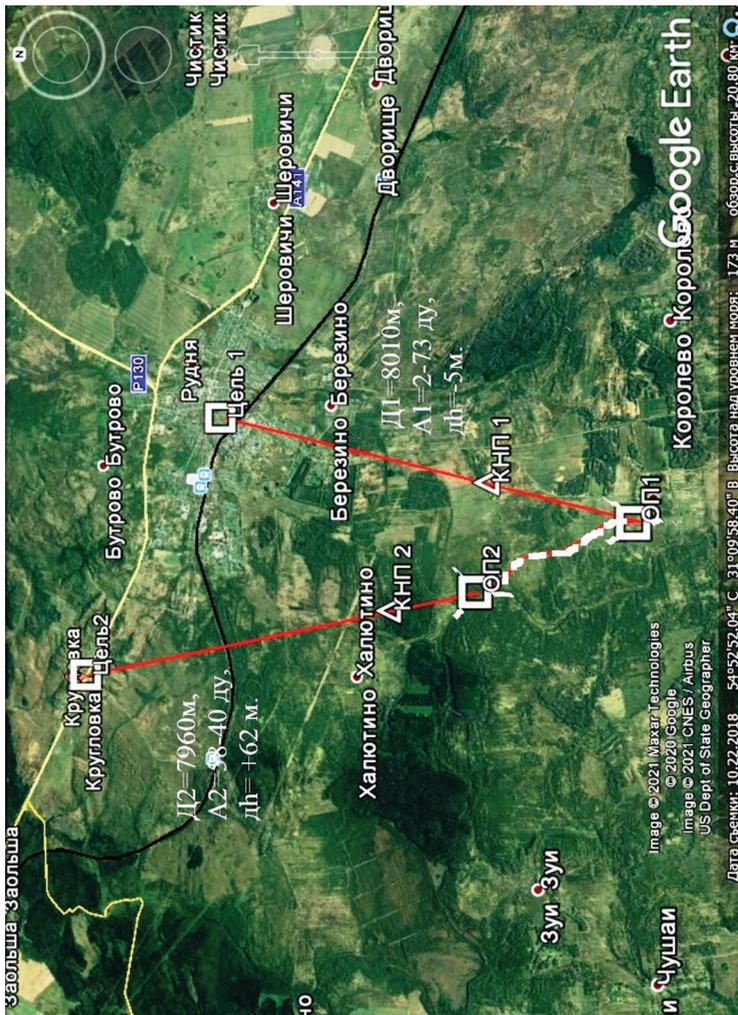
После доклада капитана Флёрова о техническом состоянии М-2 было решено заменить его пять установок М-2 на четыре боевые машины М-13, изготовленные к 25 августа 1941 г. на заводе «Компрессор» (ил. 7)¹⁷.

Ил. 6.1. Схема первых залпов озбатр капитана И. А. Флëрова под Оршей

В Смоленском котле, в окружении, батарея капитана Флëрова продолжала боевую деятельность. Из немецких архивных документов стало известно совершение залпов по Ивахову, в районе Ратчина, под Пнëво. 8 августа 1941 г. началось формирование 42-го оад в 24-й армии Резервного фронта, в который батарея капитана Флëрова вошла третьей батареей.

С 1 сентября 1941 г. в батарее капитана Флëрова были 4 боевые машины М-13 заводского изготовления. С 27 сентября 42-й отдельный артиллерийский дивизион (оад) находился в составе 43-й армии. Батарея капитана Флëрова 6 октября 1941 г. при движении в колонне вечером наткнулась на танковую дивизию немцев, ночевавших в деревне Богатырь Урганского района Смоленской области. Отстреливаясь, бойцы батареи

Ил. 6.2. Схема залпов оэбатр капитана И. А. Флёрова под Рудней

Ил. 7. Боевая машина М-13

уничтожили 4 боевые машины М-13. Погиб и раненый капитан Иван Андреевич Флёров. Из 190 человек личного состава батареи из окружения вышло 49 человек. Капитану И. А. Флёрову указом президента РФ в 1999 г. присвоено звание Герой Российской Федерации (посмертно). Его имя навечно занесено в списки факультета академии РВСН им. Петра Великого.

Создание новых образцов ракетного оружия

К концу 1941 г. надёжность пусковых установок М-13 значительно возросла. Если во время первого залпа реактивной батареи капитана И. А. Флёрова надёжность М-2 оценивалась в 70 %, то к концу 1941 г. она приблизилась к 100 %. Если после пяти залпов боеспособность установки М-2 снижалась до 15 %, то в конце 1941 г. этот показатель для М-13 составлял 95 %¹⁸. Стоимость установки М-13 снизилась к 1945 г. со 120 до 27 тысяч рублей. Стоимость реактивного снаряда М-13 на сентябрь 1941 г. равнялась 962 р. 62 к. Для сравнения: стоимость 122-мм гаубичного ОФС – 186 р. 55 к.; 152-мм выстрел ОФС гаубицы стоил 280 р. 88 к. – 307 р. 98 к.; 203-мм выстрел гаубицы Д-4 – 905 р. 04 к.

Количество изготавливаемых боевых машин росло, и в декабре 1941 г. в Красную армию двумя заводами была поставлена 471 М-13.

Реактивный снаряд М-13 для боевой машины М-13 был создан на основе авиационного РС-132. Авиационный РС-82 был

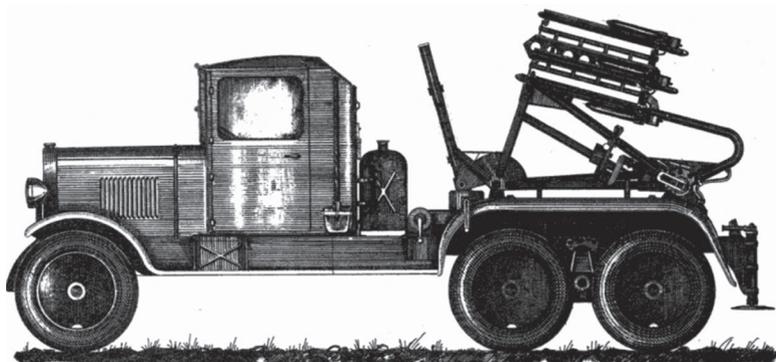
переработан для применения в артиллерии 2 августа 1941 г. и получил индекс М-8. В СКБ завода «Компрессор» в начале июля 1941 г. приступили к конструированию пусковой установки для снаряда М-8. В результате применения новаторских методов конструирования две 38-снарядные пусковые установки на базе ЗИС-5 и ЗИС-6 были представлены для испытаний на полигон 30 июля 1941 г. В результате испытаний установки показали высокую надёжность. Полигон рекомендовал принять на вооружение пусковую установку на базе ЗИС-6. По результатам испытаний рекомендовалось уменьшить количество направляющих до 36.

Установка получила индекс БМ-8-36 и принята на вооружение РККА 5 августа 1941 г. К началу сентября 1941 г. были изготовлены 72 пусковые установки БМ-8-36, а к ноябрю — 262 штуки¹⁹ (ил. 8).

Автомобилей под метательную установку М-8 не хватало. В конце сентября 1941 г. СКБ приступило к разработке пусковой установки повышенной проходимости на базе трактора СТЗ-5 (НАТИ). Изготовленные опытные образцы были испытаны на полигоне, и в октябре 1941 г. приняты на вооружение РККА. Их серийное производство развернули на воронежском заводе им. Коминтерна²⁰ (ил. 9).

13 октября закончилась разработка 24-снарядной ПУБМ-8-24 на базе танка Т-40 (Т-60) (ил. 10).

17 декабря 1941 г. НКБ судостроения предложило ГАУ разработать железнодорожные платформы с реактивным оружием.

Ил. 8. БМ-8-36

Ил. 9. БМ-13-16 на СТЗ-5

Ил. 10. БМ-8-24 на Т-60

Такие установки также были созданы и направлены на защиту Москвы.

Вывод: героическим трудом советского народа, творческой энергией конструкторских бюро и лабораторий с 1918 г. к началу и в ходе Великой Отечественной войны было создано ракетное оружие, внёсшее большой вклад в разгром фашистской Германии и стран-сателлитов. И напоминанием нам об этом являются музеи, памятники и мемориалы с установленными на них пусковыми установками реактивных снарядов разных типов.

¹ Глушко В. П. Развитие ракетостроения в СССР. М.: Машиностроение, 1987. С. 24.

² Там же. С. 25.

³ 80 лет создания РНИИ. ИТГ «Солярис», ФГУП «Центр Келдыша».

⁴ Гетманов С. И. Создание советского реактивного оружия и первый опыт его боевого применения. МО СССР. М., 1968. С. 38–40.

⁵ Там же. С. 42.

⁶ Там же. С. 34.

⁷ Гуров С. В. Развитие реактивной артиллерии в России в 30-х — 40-х годах XX века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. Ч. 1. С. 440.

⁸ Там же. С. 441.

⁹ Там же.

¹⁰ Гуров С. В. Реактивные системы залпового огня. Справочно-историческое электронное издание. Тула, 2016. Отчёт по испытаниям автомобильной ракетной установки 8.12.1938—4.02.1940.

¹¹ Там же.

¹² Гуров С. В. Развитие реактивной артиллерии в России в 30-х — 40-х годах XX века. С. 443.

¹³ Там же.

¹⁴ А. Н. Васильев, В. П. Михайлов. Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне. М.: Наука, 1991. С. 12–14.

¹⁵ Гуров С. В. Реактивные системы залпового огня.

¹⁶ А. Н. Васильев, В. П. Михайлов. Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне. С. 15–20.

¹⁷ Боевая машина М-13. ВИМАИВиВС.

¹⁸ А. Н. Васильев, В. П. Михайлов. Ракетные пусковые установки в Великой Отечественной войне. С. 32–34.

¹⁹ Там же. С. 36.

²⁰ Там же. С. 49.

А. В. Михайлов, С. А. Астахов, Р. В. Ефимов (Тула)

**150 ЛЕТ С НАЧАЛА ПРОИЗВОДСТВА
4,2-ЛИН. ВИНТОВКИ ОБРАЗЦА 1870 г.
СИСТЕМЫ БЕРДАНА № 2**

В 2020 г. исполнилось 150 лет принятия на вооружение Российской армии 4,2-лин. винтовки образца 1870 г., или винтовки системы Бердана № 2. А 150 лет назад, в мае 1871 г., в Россию была отгружена первая партия винтовок, изготовленных британской компанией Birmingham Small Arms Company (BSA).

Винтовка Бердана № 2 была в свое время одной из лучших однозарядных винтовок с продольно скользящим затвором. Об этом свидетельствует её долгая служба, и не только армейская.

Обратимся к истории применения этого оружия. 20 лет винтовка простояла на вооружении Российской армии. Была на вооружении или частично использовалась в иностранных армиях. Крупные партии этих винтовок поставлялись в Болгарию, Сербию, Черногорию. В финской армии винтовки частично использовались до 1930-х гг. В Японии им нашли применение в качестве учебного оружия. Известны винтовки, изготовленные в Бельгии. Предположительно они были собраны из деталей, изготовленных BSA, и поставлялись в армии азиатских государств.

После снятия с вооружения военные склады резерва были забиты сотнями тысяч винтовок системы Бердана № 2 и патронов к ним. Для разгрузки складов и хранилищ было принято решение о переделке части этих винтовок в охотничьи ружья. Винтовки успешно переделывались как оружейными заводами, так и частными предпринимателями.

Нехватка стрелкового оружия вынудила вернуться к винтовкам Бердана № 2 во время войн XX столетия: Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной.

В мирное время снятые с вооружения винтовки использовались в некоторых подразделениях милиции, охранными частями и лесниками. Боевые винтовки, переделанные в охотничьи, были востребованы и промысловиками, и охотниками-любителями¹.

Однозарядная винтовка Бердана № 2 послужила базовой моделью для ряда переделочных винтовок. Так, в 1870—1887 гг. предпринимались неоднократные попытки ее переделки в магазинную и автоматическую винтовки².

В 1870 г. правительство принимает решение об установке валового производства новой винтовки в России. Изготовление абсолютно всех её деталей должно было осуществляться исключительно машинным способом.

Однако организация производства винтовки в России была связана со следующими проблемами.

1. Отечественная металлургия не могла обеспечить оружейное производство высококачественной ствольной сталью в достаточном количестве.

2. В отечественном оружейном производстве не существовало высокопроизводительных технологий машинного производства. Не было надёжных технологий термообработки ствольной стали.

3. Оружейные заводы, находясь в коммерческом управлении, долгое время не модернизировались.

4. Не существовало патронно-гильзового производства, необходимого для изготовления патронов калибра 4,2 линии с металлической гильзой.

Каково же было состояние отечественной металлургической промышленности, оружейного и патронного производства на момент принятия на вооружение винтовки Бердана № 2, и какие имелись предпосылки и перспективы развития этих отраслей военной промышленности?

Что касается ствольного металла. Ещё за 10 лет до принятия на вооружение винтовок Бердана стало ясно, что для производства стволов необходима литая сталь.

В 1858—1860 гг. испытывалась литая сталь Обухова. Исследовалась структура стали, ковкость, свариваемость, закаливаемость и обрабатываемость. По результатам экспериментов были даны рекомендации по технологии заварки стволов, то есть по режимам нагрева,ковки и проч., и принято решение о том, что «сталь подполковника Обухова... следует признать вполне годной на приготовление из неё стволов»³.

Следует отметить, что исследования обуховской стали проводились и за рубежом. О результатах зарубежных опытов по обрабатываемости стволов из обуховской стали на оружейных заводах Франции (Шательро и Сент-Этьен) и Бельгии (Льеж) писал в 1861 г. генерал-от-артиллерии В. Л. Чебышев. Они свидетельствовали о том, что исследуемая сталь обрабатывается труднее, нежели железо. Свёрл, резцов и фрез при обработке стальных стволов было употреблено больше, чем при обработке железных стволов.

Абразивный инструмент также оказался недостаточно стойким. Так, при шлифовании ствола «замечено было... что через несколько времени... камень (шлифовальный круг из природного абразива) перестаёт забирать металл, и его приходится оттачивать»⁴.

В целом обуховская сталь была признана вполне пригодной для изготовления стволов. Но, как писал генерал-лейтенант В. Н. Бестужев-Рюмин, «А всё-таки и в 1863 году стволы изготавливались из железа, а не из стали»⁵.

Возможность применения литой стали в качестве ствольного материала обсуждалась чрезвычайно долго. Это объясняется тем, что имелись трудноразрешимые проблемы технологического свойства, тормозящие её внедрение.

1. Стальные стволы пытались делать сварными (отсутствовала технология сверления литых ствольных заготовок). Но технология заварки стволов требовала от стали хорошей свариваемости. Это технологическое свойство противоречило основному назначению стали — повысить прочность и живучесть стволов.

2. Отечественные металлургические заводы не всегда соблюдали технологию получения литой стали, что приводило к недопустимому снижению её качества.

3. Заказы на литую сталь размещались на частных металлургических предприятиях, на заводах Горного и Артиллерийского ведомств. Технологические свойства стали, полученной с разных предприятий, могли отличаться.

4. При заказе металлургическим заводам выдавались лишь образцы стали. Не были выработаны технические требования на литую сталь, что также приводило к снижению качества продукции.

5. Для выработки технических требований на литую сталь и на качество изготовленных из неё стволов были необходимы серьёзные исследования.

6. Для обработки стволов из литой стали требовалась инструментальная сталь с более высокой стойкостью.

Решение этих проблем при существующем уровне развития российской промышленности заняло продолжительное время.

Таким образом, отечественная металлургическая промышленность к моменту начала производства винтовки Бердана № 2 не могла снабжать оружейные заводы достаточным количеством качественной стали.

Для выхода из создавшейся ситуации предлагались следующие меры:

1) постройка металлургического завода, способного снабжать необходимым количеством металла как артиллерийские, так и оружейные предприятия;

2) закупка стали для оружейного производства за границей⁶.

Организация централизованного производства ствольной стали и ствольных заготовок должна была начаться с передачей Ижевского завода в коммерческое управление полковнику Д. С. Фролову в 1865 г.

Однако «ружейная драма», с ежегодной сменой образцов стрелкового оружия, принимаемых на вооружение, длившаяся с 1866 по 1871 г., не позволила организовать полноценное металлургическое и ствольное производство.

В 1871 г. в коммерческое управление Ижевским заводом вступают другие арендаторы: капитан П. А. Бильдерлинг и промышленник Л. Э. Нобель, который в то же время являлся владельцем Петербургского механического завода. На Ижевском заводе начинается строительство мартеновской печи и прочего необходимого металлургического оборудования. Позже строится прокатный цех.

К 1872 г. к изготовлению стальных ствольных заготовок были подключены Обуховский, Пермский и Златоустовский заводы. Однако их производительность не удовлетворяла потребности оружейного производства. Также периодически возникали проблемы, связанные с качеством стали.

Что же касается покупной ствольной стали, то существовало мнение, и совершенно справедливое, о том, что полагаться на качество зарубежной ствольной стали крайне опасно. Имелся пример Кольцовского завода. По словам В. В. Буняковского, этот завод «употреблял на дело стволов литую сталь завода Фирта, считавшуюся... за пригодную для ствольного дела». Однако,

«потерпев огромные убытки от брака стволов за металл», завод отказался от этой стали в пользу стали завода Бергера⁷.

После ряда сравнительных экспериментов с образцами стали и стволов разных зарубежных производителей для отечественных оружейных заводов начали закупать заготовки стволов и ствольных коробок завода Бергера.

С 1862 г. закупки у Бегера стали массовыми. К 1867 г. оружейные заводы, находящиеся в коммерческом управлении, ещё более активно применяли импортные заготовки. С началом производства винтовок 4,2-линейного калибра на отечественных оружейных заводах зависимость от иностранных поставщиков ствольных заготовок стала угрожающей.

Лишь постройкой на Ижевском заводе мартеновской печи в 1874 г. и прокатного цеха в 1882 г. от зарубежных поставок полностью отказались.

Однако для получения высококачественных ствольных заготовок были необходимы жёсткие технические требования на литую сталь. Также требовалась надёжная методика испытания пороховой пробой стальных стволов.

Для выработки технических требований и разработки методики испытаний были необходимы фундаментальные исследования.

Исследованиями свойств стали и влияния способов её обработки на качество стволов с 1870 г. занимается выдающийся российский металлург полковник Н. В. Калакуцкий. Он проводит огромное количество опытов по определению химического состава литой стали ряда отечественных и зарубежных производителей. Исследует механические свойства образцов. Устанавливает зависимость механических свойств стали от её химического состава, структуры и способа обработки. Испытывает ствольные заготовки и стволы с целью определения влияния последствий механического воздействия и различных дефектов на прочность ствола при пороховой пробе. На основе результатов экспериментов Калакуцкий вырабатывает методики испытания стволов пороховой пробой и их приёма⁸.

Принятию решения о машинном изготовлении всех деталей винтовки Бердана № 2 способствовал опыт Кольцовского оружейного завода в САСШ, на котором изготавливались по российскому заказу винтовки Бердана № 1. При высоком качестве изготовления деталей и обеспечении их полной взаимозаменяемости

завод достиг производительности 150 винтовок в день. Опыт Кольцовского завода показал, что при высокопроизводительном машинном производстве может быть достигнуто и высокое качество изделий.

Как пишет военный приёмщик поручик В. В. Буняковский, «принимаемое ныне оружие 4,2 лин. калибра, на Кольцовском заводе, превзошло все ожидания свойством взаимно переменяемости частей, так как сборка из частей полных винтовок производится 4-мя людьми». Т. е. винтовки собирались, в основном, без подбора и доработки деталей в процессе сборки. По словам Буняковского, был возможен договор с Кольцовским заводом на поставку технологического оборудования в Россию. Завод «брался устроить все машины с рабочим инструментом и выслать от себя искуснейших мастеров».

Следует отметить, что на Кольцовском заводе в производстве винтовки Бердана № 1 было занято 478 рабочих и 590 единиц оборудования. Т. е. имело место многостаночное обслуживание оборудования. Так, на основных операциях — черновом и чистовом сверлении канала ствола — были заняты 57 рабочих и 77 станков. На операциях нарезки и полировки канала ствола — 11 рабочих и 25 станков. На обработке казённой коробки — 30 рабочих и 53 станка⁹. Напротив, при изготовлении партии винтовок Бердана № 2 по заказу, размещённому на фирме BSA в Великобритании, ручные технологические операции присутствовали в большом объёме. Причём качество их выполнения оставляло желать лучшего. По словам военного приёмщика П. А. Бильдеринга, «Машинная выделка, виденная мною в Америке, ещё далеко не принялась в Англии, работа от рук всецело царствует здесь... Что же касается до качества английской работы, то она далеко ниже американской. Ужасный брак во всех частях...: в стволах и ложах брак 50 %, в коробках 30 %, механизмах 25 %, шомполах 15 %»¹⁰.

Таким образом, решение о машинном изготовлении всех деталей винтовки Бердана № 2 было вполне обоснованно.

Для установки машинного производства винтовки потребовалась глубокая модернизация отечественных оружейных заводов. Отечественное станкоинструментальное производство было не в состоянии решить такой глобальной задачи. Поэтому было принято решение о покупке специального и универсального технологического оборудования за рубежом.

Для этого, в первую очередь, были определены фирмы, способные взяться за проектные работы по разработке специальных оружейных технологий, оборудования, режущих и контрольно-измерительных инструментов (например, лекал), штампов.

В договорах на изготовление специального оборудования перед его производителями ставилась следующие задачи:

- проектирование машинных технологий изготовления всех деталей;
- оснащение их технологическим оборудованием и обрабатывающими инструментами;
- обработка опытных партий;
- запуск массового производства деталей.

Первоначальная отработка технологий, хотя и с большим трудом, была осуществлена на британской фирме BSA во время изготовления первой партии винтовок из 30-тысячного заказа. На стадии технического задания фирме были предоставлены чертежи всех деталей винтовки. Фирмой были разработаны маршрутные и операционные технологические процессы.

Параллельно началось производство винтовок Бердана № 2 на Тульском оружейном заводе, на имеющемся оборудовании. Однако для подготовки и начала производства была нужна технологическая документация, разработанная на фирме BSA. В особенности были необходимы «построительные» чертежи всех деталей, содержащие размеры, используемые при проектировании лекал, так как лекальное хозяйство было основой обеспечения взаимозаменяемости деталей. Необходимая технологическая документация была приобретена нашими военными приёмщиками в обход руководства BSA.

Подготовкой производства новой винтовки руководил Хозяйственный комитет по переустройству Тульского оружейного завода. Он наделялся правом выбора поставщиков технологического оборудования. Так, оценив возможности и ценовую политику ряда зарубежных станкостроительных фирм, Хозяйственный комитет отдал предпочтение британской фирме «Greenwood & Batley» (поставка специального оборудования) и немецкой фирме «Joh. Zimmermann» (поставка универсальных станков).

В соответствии с договором на разработку и поставку оборудования фирмой «Greenwood & Batley» были предварительно предоставлены технологии обработки всех деталей и чертежи нового

оборудования, спроектированного на основе этих технологий. Причём технологическая и конструкторская документация рассматривались и утверждались специальной комиссией.

Следует отметить, что не все, даже передовые в технологическом отношении фирмы, смогли обеспечить полную машинную обработку всех деталей винтовки. Например, известная машиностроительная фирма «Joseph Whitworth & Co» отказалась спроектировать и изготовить станки для машинного врезания казённой части винтовки в ложе. Об этом свидетельствует заводская переписка с этой фирмой¹¹.

Переоборудование Тульского оружейного завода было произведено, по тем временам, быстро и качественно. В августе 1870 г. чертежи винтовки были переданы фирме «Greenwood & Batley», в октябре 1871 г. на завод поступили первые станки, а в августе 1873 г. состоялось открытие практически нового завода.

Немногим позже для производства винтовки Бердана № 2 переоборудуются Сестрорецкий и Ижевский оружейные заводы.

Что касается обеспечения армии патронами, то требовали решения вопросы, связанные с конструкцией патрона калибра 4,2 линии и организацией массового производства таких патронов.

С принятием в 1867 г. на вооружение переделочной винтовки системы Карле было начато производство патронов с картонной гильзой системы полковника Вельтищева. Эти патроны были приняты после многочисленных экспериментов и производились на Охтенском и Шостенском пороховых заводах (в их капсюльных заведениях) либо в войсковых мастерских.

Применение патронов с металлической гильзой для военного оружия вызывало опасения, хотя такие патроны использовались в охотничьем оружии уже достаточно долго. Проблемы состояли в отсутствии надёжной конструкции патронов, в отсутствии технологий, обеспечивающих их надлежащее качество и количество, а также в недостаточной мощности отечественных предприятий по производству качественной листовой латуни, необходимой для производства гильз. Таким образом, требовалось создание как нового патронного производства с более сложной технологией, так и производства отечественной листовой латуни.

Для принятой на вооружение в 1869 г. 6-линейной винтовки системы Крнка после двухлетних многочисленных опытов были приняты два типа патронов с металлической гильзой: с составной

гильзой конструкции Крка-Гана и с цельнотянутой гильзой конструкции Бердана. Составная гильза свёртывалась из латунного листа, а цельнотянутая вытягивалась из латунного кружка. Размеры патронов не отличались.

Однако принятие на вооружение 4,2-линейных винтовок Бердана № 1, а затем № 2 потребовало соответствующего изменения конструкции патронов.

Командированные в САСШ полковник Горлов и капитан Гуниус параллельно с выбором конструкции казнозарядной винтовки изучили и испытали 8 образцов патронов с металлической гильзой. В результате было отдано предпочтение патрону Бердана центрального воспламенения с цельнотянутой гильзой. Кроме прочих достоинств такого патрона, цельнотянутая гильза была более технологичной в производстве. Процесс вытяжки обеспечивал необходимую точность гильзы и более удобный контроль.

Пуля могла производиться как литьём, так и штамповкой.

В части обеспечения новых винтовок патронами реализовывались два пути. Закупка патронов за рубежом и организация собственного, отвечающего современным требованиям патронного производства.

В августе 1867 г. в г. Бриджпорте (САСШ) была основана компания по производству патронов «Union Mettalic Cartrige Company». Ей-то и был дан в 1868 г. заказ на изготовление 7,5 млн штук патронов калибра 4,2 линии с цельнотянутой гильзой бутылочной формы. Было изготовлено 6,5 млн штук¹².

В 1867 г. в связи с необходимостью выпуска патронов с металлической гильзой для картечных и винтовок Карле было принято решение об открытии пробной мастерской в Санкт-Петербурге. До постройки большого завода опытная мастерская должна была производить 1 млн патронов в год.

В 1869 г. мастерская была расширена, а в 1871 г. было открыто ещё несколько мастерских. В них производились патроны 6-линейного калибра с цельнотянутыми и составными гильзами.

В том же году на базе этих мастерских был организован Санкт-Петербургский патронный завод. Он вначале был занят производством 6-линейных патронов.

Производство 4,2-линейных патронов требовало более совершенных технологий и высокого качества материалов, в том числе листовой латуни. Освоение производства этих патронов

происходило постепенно. Валовое производство было развёрнуто лишь к 1876 г.

Однако для производства гильз в основном использовалась покупная зарубежная листовая латунь.

В 1880 г. был основан, с привлечением частного капитала, Тульский патронный завод. В 1882 г. он вышел на полную мощность — 30 млн патронов в год.

К 1886 г. в Туле были запущены медно-литейное и латунно-прокатное производства на предприятии, получившем название «Тульские медно-прокатные и патронные заводы». Их производительность и высокое качество продукции позволили отказаться от закупки латуни за рубежом.

Таким образом, 4,2-лин. винтовка образца 1870 г., или винтовка системы Бердана № 2 была одной из лучших однозарядных винтовок своего времени благодаря:

- техническим данным (скорострельности, кучности боя и проч.);
- надёжной работе конструкции в различных условиях эксплуатации;
- заложенным в её конструкцию возможностям для внесения конструктивных изменений в отдельные детали и узлы с целью улучшения технических данных и надёжности;
- технологичности конструкции деталей, позволившей обеспечить их взаимозаменяемость при высокопроизводительном машинном изготовлении.

Последнее позволило использовать весь арсенал существующего в то время специального оборудования (в особенности копировальных станков), модернизировать универсальное оборудование, применить фасонный инструмент, исключая ручной доработку деталей.

Установка производства этой винтовки явилась первым опытом отечественной организации поточного изготовления деталей и сборки изделий.

Потенциал, заложенный в производство винтовки системы Бердана № 2, широко использовался в дальнейшем при производстве более совершенного стрелкового оружия.

Постановка производства этой винтовки была осуществлена столь качественно благодаря трудам высококвалифицированных российских специалистов в области стрелкового оружия, учёных, организаторов военного производства и промышленников.

- ¹ Глазков В. В. Оружие Великой войны. Винтовки и карабины Российской армии. М.: Фонд «Русские Витязи», 2015. С. 126–138.
- ² Чумак Р. Н. Винтовка Мосина. История разработки и принятия на вооружение русской армии: историческое издание. СПб.: Изд-во «Атлант», 2017. С. 63.
- ³ Русилович. Об испытании ствольного железа // Артиллерийский журнал. 1861. № 6. С. 414–420.
- ⁴ Чебышев В. Л. Исследования, проведённые над стволами из литой стали во Франции, на заводах в Шательро и Сент-Этьене, и результаты испытаний литой стали полковника Обухова в Бельгии на казённом оружейном заводе в Литтихе // Оружейный сборник. 1861. № 1. С. 3–4.
- ⁵ Бестужев-Рюмин В. Н. Несколько слов о введении у нас литой стали для ружейных стволов // Оружейный сборник. 1863. № 1. С. 141–146.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Буняковский В. В. Устройство Кольцовского оружейного завода // Оружейный сборник. 1869. № 4. С. 54–65.
- ⁸ Калауцкий Н. В. Испытание ствольной стали и опыты над малокалиберными стволами разных заводов // Оружейный сборник. 1871.
- ⁹ Буняковский В. В. Устройство Кольцовского оружейного завода. С. 54–65.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 6236. С. 7–28.
- ¹² Ильина Т. Н. Военные агенты и русское оружие. СПб.: ООО «Издательство Атлант», 2008. С. 180.

Ф. Д. Мичурин (Санкт-Петербург)

**ВЫСТАВКА «РАЗГРОМ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК
НА ПОДСТУПАХ К МОСКВЕ»
КАК НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП МУЗЕЕФИКАЦИИ
СОБЫТИЙ БИТВЫ ЗА МОСКВУ**

В 2021 г. будет отмечаться 80-летие контрнаступления под Москвой. Сохранением памяти о битве за Москву, а также изучением данного события занимались и занимаются многие организации, в том числе и музеи. Начальный этап музеефикации событий битвы за Москву пришёлся непосредственно на годы Великой Отечественной войны. И одним из таких мероприятий стала выставка «Разгром немецко-фашистских войск», открытая в 1942 г. в главном здании Государственного исторического музея (далее ГИМ).

Здесь стоит отметить, что к сохранению памяти о Великой Отечественной войне приступили ещё в самом её начале. Так, в июле 1941 г. в Центральном музее Красной Армии в Москве была организована выставка «Отечественная война». Большая часть её экспозиции была посвящена историческим сражениям и войнам, в то время как самим событиям Великой Отечественной войны было отведено лишь два раздела, где экспонировались трофеи, собранные советскими войсками в ходе первых боёв, документы, свидетельствующие о преступлениях гитлеровцев на захваченных территориях, и материалы о боевых действиях РККА и ВМФ СССР¹.

Не стоял в стороне и ГИМ, который помимо эвакуационных и консервационных работ с музейными экспонатами проводил и выставочную деятельность. Одним из первых подобных мероприятий военного времени стала выставка «Великая Отечественная война советского народа против германского

фашизма», которая была организована несколькими московскими музеями (Государственным историческим, Политехническим, Государственным музеем Революции СССР, Биологическим имени К. А. Тимирязева, Государственным литературным и Музеем народов СССР), а также НИИ краеведческой и музейной работы. Выставка была открыта в сентябре 1941 г.² и была разбита на десять разделов, среди которых непосредственно событиям Великой Отечественной войны было посвящено лишь четыре³. Уже на этой выставке можно было ознакомиться с подвигами защитников Москвы. Например, учёным секретарём ГИМ Г. Л. Малицким были представлены предметы вооружения московских бойцов МПВО⁴.

Осенью 1941 г. вражеские войска стремительно подходили к Москве, участились авианалёты на столицу. Во время одного из них, 29 октября 1941 г. здание ГИМ сильно пострадало, что стало причиной закрытия выставки «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма». Однако в столь сложное время для столицы музей продолжал свою работу и за несколько дней до авианалёта, 20 октября на совещании нескольких сотрудников музея была выдвинута идея о создании стационарной выставки, посвящённой битве за Москву — «Оборона Москвы»⁵.

13 декабря 1941 г. у будущей выставки было изменено название на «Разгром немецко-фашистских войск на подступах к Москве», тогда же было и выбрано пространство для экспозиции — второй этаж. Сами же сотрудники, в частности, отдела хранения, приступили к организации выставки⁶.

Концепция выставки была основана, в первую очередь, на сборе и музеефикации объектов, связанных с Великой Отечественной войной вообще и битвой за Москву, в частности. Например, в январе 1942 г. состоялась поездка комиссии по определению ущерба, нанесённого гитлеровскими оккупантами памятникам культуры, в подмосковный город Истру и его окрестности. Помимо основной цели, назначенной Академией наук СССР — фиксации разрушений, сотрудники ГИМ, которые состояли в данной комиссии (А. Б. Закс, Л. А. Евтюхова, А. П. Смирнов), занимались сбором предметов, связанных с битвой за Москву, которые потенциально могли стать музейными. Далеко не везде удавалось побывать ввиду того, что маршрут поездки был скорректирован, исходя из потенциальной опасности для сотрудников комиссии

(например, минных полей), однако в результате всё же удалось собрать многие предметы, связанные с боями за Истру и, в частности, с партизанским движением в этой местности⁷. Другие сотрудники музея также участвовали в сборе предметов, относящихся к битве за Москву. М. Д. Денисовой удалось собрать некоторые образцы советского и немецкого трофейного оружия в ходе сотрудничества с Главным артиллерийским управлением⁸. Также, работая с подразделениями РККА (например, с 53-й гвардейской стрелковой дивизией), удавалось собирать экспонаты, связанные с отдельными частями Красной армии, участвовавшими в боях за Москву⁹. Собирались экспонаты и в самой столице, например, отдел бытовой иллюстрации под руководством А. Л. Вейнберга собирал оригиналы плакатов ТАСС¹⁰.

Работа по созданию выставки продолжалась вплоть до весны 1942 г. Основными её целями были демонстрация серьёзных успехов в борьбе с Третьим Рейхом и укрепление уверенности в том, что война будет выиграна¹¹. Помимо этого, сотрудники выставки стремились рассказать и о воинских частях, принимавших участие в битве за Москву¹². Сама выставка была открыта 1 мая 1942 г. и была развёрнута в трёх залах главного здания музея¹³, но со временем экспозиционная площадь увеличилась до шести¹⁴.

Экспозиция была построена по хронологическому принципу, т. е. каждый зал отводился под определённый этап битвы за Москву¹⁵. Первый зал был посвящён периоду активной обороны, в том числе и народному ополчению. Позднее, в 1943 г. на торце данного зала появилось знамя 1-го полка 7-й дивизии народного ополчения Бауманского района, которое было спасено из окружения в сентябре 1941 г. ГИМ получил этот артефакт от Бауманского райкома ВКП(б)¹⁶.

Второй зал носил название «Оборона Москвы». Сотрудники стремились подчеркнуть несколько аспектов данной операции. В первую очередь необходимо было показать высокую значимость предприятий тыла для победы в битве за Москву. Поэтому в экспозицию данного зала была включена витрина с советским оружием, среди которого были образцы, которые поступили на вооружение уже во время войны. Не забыли сотрудники и о том, как жила Москва в столь тяжёлое время. На центральной стене, обитой красным бархатом, были прикреплены материалы, посвящённые заседанию Московского совета 6 ноября 1941 г. и грандиозному параду 7 ноября 1941 г. на Красной площади, а также

подготовке города к бою, в частности, созданию баррикад и оборонительных сооружений. Часть материалов была предоставлена ТАСС¹⁷. Следующий зал был посвящён партизанскому движению в ходе битвы за Москву¹⁸. Тут, отчасти, использовался музейно-образный метод построения экспозиции, т. е. она строилась на основе образа, который создавался за счёт художественной компоновки музейных предметов¹⁹. В центре зала было расположено скопление повреждённых трофеев, среди которых были и обломки немецкого самолёта. В углу за грудой трофеев был размещён манекен в форме СС. Музейные сотрудники решили подчеркнуть истинную сущность врага, оккупанта и преступника, и через плечо манекена была перекинута сумка с награбленными детскими вещами²⁰. Это было сделано отчасти и для того, чтобы воззвать на борьбу с врагом. Дополняло этот приём ещё и экспонирование в данном зале фотографий разрушенных подмосковных памятников истории и культуры²¹.

Завершал выставку зал с названием «Развитие контрудара и освобождение Московской области». В центре данного помещения располагалась стеклянная витрина с наградами и грамотами Героев Советского Союза²².

Со временем коллекция ГИМ продолжала пополняться предметами, связанными с Великой Отечественной войной и с событиями битвы за Москву. Поэтому в экспозицию было введено ещё два зала. Тема этих помещений не известна точно, но, предположительно, они были связаны с боями в Московской, Тульской и Калининской областях²³.

Стоит сказать о комплектовании выставки новыми предметами. Подход к сбору фотографических материалов был на протяжении всей работы выставки неоднородным. Если вначале использовалась фотохроника ТАСС, то со временем музейные сотрудники обращались к авторам самих фотографий для проверки их подлинности. Примером того служит попытка использования на выставке фотографии торжественного митинга в Волоколамске, проведённого сразу после его освобождения. Сотрудница ГИМ Е. Р. Дракохруст сомневалась в правдоподобности фотографии, и для проверки её подлинности она обратилась к её автору — Р. Л. Кармену. Военный корреспондент подтвердил сомнения сотрудницы, так как, будучи участником тех событий, сразу после освобождения города не наблюдал подобных мероприятий: митинг прошёл гораздо позже. Кроме того,

Кармен отметил, что материал из газеты — это склейка двух разных фотографий, сделанных в разное время. В итоге эта фотография не была включена в состав выставки²⁴.

Активно пополнялась выставка и предметами, которые были связаны с Героями Советского Союза, в первую очередь, проявившими героизм в боях за столицу. К примеру, на выставке экспонировались личные вещи советской разведчицы З. А. Космодемьянской²⁵. Нашлось в экспозиции место и для подвигов жителей Москвы, которые проявили мужество на других фронтах Великой Отечественной войны. В частности, матерью А. М. Лукьянова, лётчика-героя, погибшего под Ленинградом, были переданы его личные вещи²⁶.

Экспонировались также письменные источники, подлинники и копии: от телеграмм с просьбами принять в ряды РККА до личных писем (например, простреленное письмо от В. Юенко, которое хранилось в нагрудном кармане его отца)²⁷.

Несмотря на скудное художественное оформление, ограниченное количество экспозиционного оборудования (витрин, шкафов и т. д.), спорные моменты в экспонировании (в одной витрине были объединены материалы о действиях армий противоборствующих сторон (СССР и Германии)), что вызвало недовольство у красноармейцев, выставка имела большой успех и продолжала работать вплоть до 1948 г.²⁸

Таким образом, выставка «Разгром немецко-фашистских войск на подступах к Москве» стала одним из важных музейно-выставочных мероприятий в СССР в годы Великой Отечественной войны, значимым событием в деле сохранения памяти о битве за Москву. Также данная выставка стала показательным примером начального этапа музеефикации событий битвы за Москву, поскольку она способствовала сбору связанных с данным событием предметов и их сохранению в музейной среде. Несмотря на некоторые недостатки и сложности, опыт сотрудников Государственного исторического музея в создании данной выставки поспособствовал созданию отделов в разных музеях и самих музеев, которые сохраняют память о битве за Москву (в частности, Государственного музея обороны Москвы).

¹ Фатигарова Н. В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музей и власть: Государственная

политика в области музейного дела (XVIII—XX вв.): сб. науч. трудов / отв. ред. С. А. Каспаринская. М., 1991. С. 194.

² Там же.

³ Кантор Ю. З. Отражение событий Великой Отечественной войны в музеях РСФСР в 1941—1945 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 3 (142). С. 11.

⁴ Закс А. Б. Как мы жили и работали в годы Великой Отечественной войны // Государственный Исторический музей в годы Великой Отечественной войны: 1941—1945 гг.: Сб. воспоминаний сотрудников музея. М., 1988. С. 9.

⁵ Там же. С. 10—11.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Там же. С. 14—15.

⁸ Аствацатурян Э. Г. Из «Дневника войны М. М. Денисовой» // Государственный Исторический музей в годы Великой Отечественной войны: 1941—1945 гг.: Сб. воспоминаний сотрудников музея. М., 1988. С. 78.

⁹ Столова Н. Д. По горячим следам войны // Государственный Исторический музей в годы Великой Отечественной войны: 1941—1945 гг. С. 50.

¹⁰ Закс А. Б. Как мы жили и работали в годы Великой Отечественной войны. С. 15.

¹¹ Там же. С. 16.

¹² Столова Н. Д. По горячим следам войны. С. 52.

¹³ Великая Битва за Москву (Выставка в Историческом музее) // Вечерняя Москва. 1 мая 1942. № 101. С. 4.

¹⁴ Лобанева Т. А. Пропагандистская работа Государственного исторического музея в годы Великой Отечественной войны // Государственный Исторический музей в годы Великой Отечественной войны. С. 45.

¹⁵ Закс А. Б. Как мы жили и работали в годы Великой Отечественной войны. С. 15.

¹⁶ Столова Н. Д. По горячим следам войны. С. 50.

¹⁷ Закс А. Б. Как мы жили и работали в годы Великой Отечественной войны. С. 17.

¹⁸ Великая Битва за Москву (Выставка в Историческом музее). С. 3.

¹⁹ Методы построения музейных экспозиций. [Электронный ресурс] URL: http://guardmic.ru/?page_id=1305 (дата обращения: 30.03.2020).

²⁰ Закс А. Б. Как мы жили и работали в годы Великой Отечественной войны. С. 17.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Аствацатурян Э. Г. Из «Дневника войны М. М. Денисовой». С. 82.

²⁴ Закс А. Б. Как мы жили и работали в годы Великой Отечественной войны. С. 17.

²⁵ Великая Битва за Москву (Выставка в Историческом музее). С. 3.

²⁶ Столова Н. Д. По горячим следам войны. С. 51.

²⁷ Закс А. Б. Как мы жили и работали в годы Великой Отечественной войны. С. 17.

²⁸ Там же. С. 17, 19, 22.

К. Н. Наземцева (Москва)

**ФРОНТОВЫЕ ИСТОРИИ МУЗЫКАЛЬНЫХ
ИНСТРУМЕНТОВ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.
(НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ ОБОРОНЫ МОСКВЫ)**

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО СССР в 1940-е гг. тесно связано с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. Война оказала огромное влияние на его развитие: создавались новые музыкальные сочинения. Изменились условия работы музыкантов, певцов, композиторов: большинство деятелей искусства покинули театры и концертные залы и стали выступать на фронтовых импровизированных сценах. Главной задачей деятелей искусства стало поддержание боевого духа солдат с помощью своего творчества, поставив его на служение Родине. Значительная часть представителей творческих профессий ушла на фронт, вступив в ряды Красной армии, народного ополчения.

Руководство страны понимало, что для укрепления морального духа солдат необходимо принять ряд специальных мер, что и было сделано. В частности, 5 сентября 1941 г. была издана директива ГлавПУ РККА «О пропаганде патриотических песен в войсках. № 226»¹, а позже — приказ первого заместителя Народного комиссара обороны об улучшении военно-оркестровой службы в Красной Армии № 206 от 27 марта 1944 г.²

Согласно директиве № 226 от 5 сентября 1941 г. с начала войны на фронтах работал Краснознамённый ансамбль, разбитый на четыре группы, а также окружные ансамбли. Их работа была направлена на «поднятие боевого духа войск». Для этого было принято решение отправить в части музыкальные инструменты. В ней указывалось, что «в августе с. г. разослано 150 000 экземпляров сборника песен “В бой за Родину”. В частях имеется

свыше 60 000 гармошек. В июле—августе 1941 г. ГлавПУ РККА послало в армию свыше 12 000 гармошек». Все это должно было «вселять бодрость» в боевой дух солдат, вдохновлять их «на новые подвиги во славу Родины», облегчать «победу над врагом»³.

Основным жанром, которому уделялось внимание, стала русская народная песня. Она была близка и проста для понимания солдатами и напоминала о родных краях и близких. Рекомендовалось «в каждой роте иметь запевал, гармонистов и гармонию»⁴. Последнее чётко исполнялось, и вскоре практически в каждой воинской части появились запевалы и гармонисты. Многие из них дошли до конца войны и хранили свои инструменты как память о боевых годах и товарищах.

Некоторые участники боевых действий предпочли отдать их на хранение в музеи. Разумеется, приоритет отдавался музеям, посвящённым Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. К ним относится и Государственный музей обороны Москвы. К сожалению, не все предметы, которые были переданы в музей, сохранили свою фронттовую историю. Это связано с тем, что музыкальные инструменты передавались в музей их родственниками, которые зачастую не имели исчерпывающих сведений о них и не помнили историй, связанных с ними.

Таким образом, исследование боевого пути музыкального инструмента является темой, открытой для изучения различными специалистами — историками, музейоведами, музыкантами, коллекционерами. В данной статье впервые публикуются фронттовые истории музыкальных инструментов, хранящихся в Государственном музее обороны Москвы.

Самым распространённым и любимым инструментом на фронте была гармонь. В постоянной экспозиции Государственного музея обороны Москвы представлена гармонь, на которой играл Иван Васильевич

Ил. 1. Гармонь И. В. Мызина

Мызин (ил. 1). Иван Васильевич Мызин (1916 г. р.) — ефрейтор 178-го отдельного моторизованного понтонно-мостового полка отдела обеспечения тыла Калининского фронта. Известно, что этот инструмент был изготовлен в г. Владимире мастером В. В. Князевым в 1939—1941 гг. Гармонь сопровождала фронтовика всю войну, именно с нею он дошёл до Берлина.

Другой инструмент, хранящийся в фондах Государственного музея обороны Москвы, являющийся родственником гармони — баян трёхрядный (ил. 2). Его история ещё более краткая. Известно, что баян принадлежал бойцу 9-й дивизии народного ополчения Кировского района г. Москвы С. Е. Фурсику. Этот

Ил. 2. Баян С. Е. Фурсика

инструмент кустарного производства (клеймо изготовителя отсутствует) приблизительно 1920—1930-х гг. изготовления.

Однако некоторые инструменты сохранили свою фронтовую историю. К ним относится аккордеон известной немецкой мануфактуры «CANTULIA» (ил. 3), поступивший в фонды Государственного музея обороны Москвы в 2011 г. В документах об инструменте говорится, что он принадлежал участнику обороны Москвы Михаилу Артемьевичу Яшину (1911—1992). Он родился в деревне Павловка Козельского района Калужской области. Окончил 5 классов Козельской

Ил. 3. Аккордеон М. А. Яшина

средней школы в 1927 г. Стал шофёром. В 1933—1935 гг. он проходил срочную службу в кавалерийском полку. Участвовал в Советско-финляндской войне с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. в составе 123-й стрелковой дивизии в комендантском взводе. В начале Великой Отечественной войны 1 июля 1941 г. был призван по мобилизации Киевским РВК г. Москвы в 770-й отдельный батальон связи. Служил шофёром. С февраля 1944 г. по апрель 1946 г. служил по этой специальности в 3-м Управлении военно-восстановительных работ связи. Аккордеон был подарен М. А. Яшину на память немцами в Берлине, у которых он временно проживал. С тех пор инструмент находился в семье Яшиных, а в 2011 г. был подарен музеем дочерью М. А. Яшина Еленой Михайловной Яшиной, проживающей в Москве.

Музыкальные инструменты, такие как гармонь, баян или аккордеон, часто становились объектом для написания фронтowymi художниками. На онлайн-выставке «Мечом и лирой» Государственного музея обороны Москвы представлены работы, в которых художники запечатлели своих однополчан и музыкантов, но центром композиции всегда выступает музыкальный инструмент⁵. В данном случае — это работа С. С. Уранова «Концерт на фронте» (август 1944 г.), рисунки Б. А. Никитина «Репетиция» (1944), Р. Ф. Житкова «На репетиции. 215 стрелковый полк 77-й гвардейской дивизии» (1943), И. В. Евстигнеева «Бойцы слушают гармониста» (1941—1943).

На онлайн-выставке «Мечом и лирой» также представлена серия работ Е. И. Комарова, в которых автор запечатлел музыкальную жизнь солдат на фронте: наброски «Гармонист. Западный фронт» и «Солдат с гармонью. Западный фронт», эскиз «Сержант Красавин с гармонью. Западный фронт», рисунок «Самодетельность. Западный фронт». Все они были написаны летом 1942 г.

Музыкальные инструменты, как отмечалось ранее, выдавались согласно приказу или дарились мирными жителями бойцам, в благодарность об освобождении. Некоторые инструменты попадали к солдатам при захвате вражеских позиций. Однако они не уничтожались, а служили советским воинам, вселяя в них веру в Победу. Музыкальный инструмент становился верным другом, который в минуты отчаяния всегда поддерживал и напоминал о мирной жизни.

Ил. 4. О. К. Дейнеко. «Солдат с гитарой». Рисунок. 1941 г.

Часто музыканты играли вместе на разных инструментах, устраивая импровизированные ансамбли. На рисунке «Солдат с гитарой» (1941) (ил. 4) художник О. К. Дейнеко запечатлел момент совместной игры солдат: один держит в руках гармонь, а другой гитару. Гитара — это ещё один из самых популярных музыкальных инструментов у солдат в период Великой Отечественной войны. Её, как верную подругу, военные очень берегли на протяжении всей войны.

Часть музыкальных инструментов оказывалась на фронте не без помощи самих музыкантов, которые уходили на фронт добровольцами. Уходя на призывные пункты из дома, люди брали не только вещи, которые нужны в бою, но и то, что напоминало им о мирной жизни до войны — свой музыкальный инструмент. Конечно, не все вернулись обратно, но были и те, кто прошёл долгий фронтной путь и вернулся к своей творческой деятельности. Одним из них является Соломон Абрамович Рузинов (1906 г. р.). Он был скрипачом Государственного академического Большого театра. 23 июня 1941 г. добровольно ушёл на фронт. Уходя на фронт, он взял свой инструмент — скрипку. Она стала для него и его однополчан вестником надежды на победу, но главное — весточкой мира без войн и потерь.

Соломон Абрамович выступал перед солдатами в те минуты, когда солдаты отдыхали после боя, когда хотелось вспомнить о родных и близких. Об этом свидетельствуют фотографии В. Н. Минкевича, хранящиеся в Государственном музее обороны Москвы и представленные на онлайн выставке «Мечом и лирой»: «Скрипач С. Рузинов играет солдатам» (1941—1942), «Скрипач С. Рузинов выступает перед солдатами» (1942), «Скрипач С. Рузинов выступает перед солдатами» (1974), «Солдаты и ветераны слушают скрипача С. Рузинова» (1970—1980). Соломон Абрамович прослужил в дивизии до 1944 г., а затем вернулся к творческой деятельности в Государственный академический Большой театр СССР. За свою службу он получил медаль «За боевые заслуги»⁶. Воспоминания о своих выступлениях перед солдатами Соломон Абрамович хранил всю жизнь и позже, после окончания войны неоднократно возвращался к ним. Он приезжал в дивизию, где когда-то служил, брал в руки свою скрипку и снова играл перед бывшими ополченцами, вспоминая о печальных и радостных моментах. Эти моменты смог запечатлеть фотограф В. Н. Минкевич: на одной из фотографий, хранящейся в музее, есть надпись «Летом 1974 года он снова побывал в родной ему дивизии, снова играл для бойцов, спустя 33 года»⁷.

С 1944 г. на фронте за счет создания военных оркестров увеличилось количество музыкальных инструментов. Этому способствовал приказ первого заместителя Народного комиссара обороны № 206 от 27 марта 1944 г. «Об улучшении военно-оркестровой службы в Красной Армии», согласно которому приказывалось «все нештатные оркестры войсковых частей и учреждений расформировать, а личный состав и музыкальное имущество этих оркестров обратить на укомплектование штатных оркестров»⁸. Это позволило улучшить состав оркестра, а также подготовку и обучение музыкантов, формирование новых оркестров и обслуживание гарнизонов, в которых оркестры дислоцировались. Также приказывалось провести «Укомплектование учебных оркестров... военных советов округов и фронтов за счёт музыкантов, находящихся в частях войск и используемых не по специальности»⁹.

Этот приказ совпадает с датой возвращения Соломона Абрамовича Рузина к своей творческой работе в 1944 г. На фронте солдаты стали чаще видеть музыкантов, играющих не только на гармонии, но и на духовых инструментах. Однако

Ил. 5. И. Г. Сорокин. «Музыкант с инструментом». Рисунок. 1943—1949 гг.

до издания приказа музыканты-духовики не были редкостью на фронте, о чем свидетельствуют написанные в 1943 г. рисунки И. Г. Сорокина «Музыкант с инструментом» (1943—1949) (ил. 5) и И. В. Евстигнеева «Трубачи. Западный фронт» (1943) (ил. 6).

В фонды Государственного музея обороны Москвы в 2009 г. поступило малогабаритное пианино конца XIX — начала XX в. с интересной историей. Владелец инструмента Михаил Константинович Гаврилов, окончил Новочеркасский индустриальный институт. С 1928 по 1936 г. работал на цементных заводах Новороссийска в должности начальника лаборатории, главного инженера. В Новороссийске он приобрёл пианино. Со слов прежнего владельца, оно было снято с корабля (каютное) в период революционных событий 1917—1918 гг. Предположительно это инструмент английской фирмы «Cons and Cons», но клеймо марки изготовителя отсутствует. В 1936 г. Михаил Константинович был переведён на работу на цементный завод «Гигант» в Московскую область, а в 1941 г. назначен главным инженером Подольского цементного завода. Инструмент он привёз с собой и часто играл на нём. Очень им дорожил и хвалил его великолепное звучание. В 1941 г. Михаила Константиновича мобилизовали, и он стал служить в химических войсках и в Главном военно-химическом управлении Красной Армии (реорганизовано в 1941 г. из

Ил. 6. И. В. Евстигнеев «Трубачи. Западный фронт». Рисунок. 1943 г.

Управления военно-химической защиты Красной Армии) инженером в звании старшего лейтенанта (89 об ПХО, ГВХимУ КА)¹⁰. 8 апреля 1943 г. М. К. Гаврилов был зачислен в Военно-пересыльные пункты и запасные полки¹¹. Однако уже 23 октября 1943 г. срок службы был закончен. После окончания войны в 1946 г. Михаил Константинович был направлен в Германию для работы по размещению и приемке репарационных заказов по цементному оборудованию. 6 июня 1947 г. он скоропостижно скончался от сердечного приступа в Германии и был похоронен в г. Магдебурге на Советском воинском кладбище¹². Семья сына при переезде из Подольска в Москву инструмент забрала с собой. В 2009 г. родственники передали пианино в фонды музея (ил. 7). В настоящий момент инструмент не в игровом состоянии, в будущем планируется его реставрация. Несмотря на это и сегодня можно оценить его великолепные игровые качества.

Музыкальные инструменты и музыка сопровождала солдат и офицеров на протяжении всей Великой Отечественной войны. Эти уникальные предметы олицетворяли надежду на светлое будущее. Можно сказать, что это просто вещи, однако эти вещи внесли огромный вклад в общую Победу над фашизмом. Они были рядом с солдатами в самые трудные минуты жизни и видели

Ил. 7. Пианино М. К. Гаврилова

всё то, что и их хозяева. У каждого из них есть своя уникальная фронтовая история, которую нам, исследователям, предстоит раскрыть в будущем для того, чтобы восполнить пробелы в истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

¹ Директива ГлавПУ РККА начальникам политуправлений фронтов, округов и армий о пропаганде патриотических песен в войсках. 5 сентября 1941 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/> (дата обращения: 22.02.2021).

² Приказ первого заместителя Народного комиссара обороны об улучшении военно-оркестровой службы в Красной Армии. 27 марта 1944 г. // Электронная библиотека исторических документов. <http://docs.historyrussia.org/> (дата обращения: 22.02.2021).

³ Директива ГлавПУ РККА начальникам политуправлений фронтов, округов и армий о пропаганде патриотических песен в войсках. 5 сентября 1941 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/> (дата обращения: 22.02.2021)

⁴ Там же.

⁵ Выставка «Мечом и лирой» // Государственный музей обороны Москвы. Музейная Москва онлайн. URL: <https://oborona.museum-online.moscow/entity/EXHIBITION/3938591> (дата обращения: 22.02.2021).

⁶ Рузинов Соломон Абрамович // Дорога памяти. URL: <https://1418museum.ru/> (дата обращения: 22.02.2021)

⁷ Фотография. Скрипач С. Рузинов выступает перед солдатами. 1974 г. Минкевич В. Н. // Государственный музей обороны Москвы. Музейная Москва онлайн. URL: <https://oborona.museum-online.moscow/> (дата обращения: 22.02.2021).

⁸ Приказ Первого заместителя Народного комиссара обороны об улучшении военно-оркестровой службы в Красной Армии. 27 марта 1944 г. // Электронная библиотека исторических документов URL: <http://docs.historyrussia.org/> (дата обращения: 22.02.2021).

⁹ Там же.

¹⁰ Гаврилов Михаил Константинович // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 25.02.2021).

¹¹ Гаврилов Михаил Константинович // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/> (дата обращения: 25.02.2021).

¹² Документы о захоронении. Гаврилов Михаил Константинович // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 25.02.2021).

В. В. Наумов (Санкт-Петербург)

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ

ИНФОРМАЦИЯ, полученная в условиях боевых действий своевременно, не раз помогала спасти человеческие жизни, сохранить производственные мощности и культурное достояние государства. Так, например, уже спустя месяц после начала ВОВ жители Москвы слышали из своих радиоприёмников: «Внимание! Воздушная тревога!». Совершая массированное воздушное нападение, фашисты надеялись вызвать панику у мирного населения, а также вывести из строя предприятия промышленности, разрушить памятники культуры, всё то, чем гордилась Москва. Но у них это не получилось! Из многих тысяч самолётов, которые должны были ввергнуть страну в хаос, до столицы нашей Родины добрались считанные единицы — и в этом есть огромная заслуга разведчиков, которые в сложных, зачастую — невозможных для человека условиях получали и передавали информацию на пункты управления ПВО Москвы¹.

Своевременное получение точной информации, её анализ значительно помогали командирам всех уровней управления принимать правильные, взвешенные и обоснованные решения, что в результате способствовало сохранению сотен и тысяч человеческих жизней. При этом разведка была одним из важных звеньев победы над немецкими захватчиками. Победа над фашистской Германией — это заслуга всех советских граждан, участвующих в войне, находящихся в тылу и оккупации, и, в частности, это победа совершенства отечественной системы точного предоставления и анализа необходимой специальной информации.

В условиях ведения военных действий, как показывает анализ, обязательным фактором принятия качественных управленческих

решений при применении сил и средств в операциях являлся результатом проводимой органами управления информационной деятельности и её составляющей — информационно-аналитической работы (ИАР). Одна из важнейших составляющих информационной деятельности, ИАР всегда представляла собой непрерывный процесс всестороннего изучения объектов (явлений) наблюдения, включающий сбор, учёт, систематизацию, анализ и обобщение сведений, подготовку на этой основе данных в форме аналитических документов для доклада руководству объединения, соединений и воинских частей. Одной из основных задач ИАР была и остаётся добывание информации путём применения различных сил и средств².

В различных видах наблюдения в годы войны роль добывающих органов играли разного рода элементы: радиоприёмные, фотографические и другие устройства, а также специально подготовленные сотрудники разведывательных органов. Именно одному из выдающихся разведчиков, который добывал, анализировал, передавал важнейшую информацию и обеспечивал Великую Победу, посвящена данная статья.

Для её написания автор в основном использовал результаты ранее опубликованных материалов под общей редакцией директора Службы внешней разведки С. Нарышкина³.

Жизненный путь Павла Фитина начался 28 декабря 1907 г. в селе Ожогоино Ялуторовского уезда тогдашней Тобольской губернии. Отец Фитина Михаил Илларионович в 1920 г. стал организатором одного из первых колхозов во всей губернии, а год спустя в составе коммунистического отряда бедноты сражался против кулацких банд. Попав в плен к одной из них, Михаил Фитин лишь чудом спасся от грозившей ему расправы.

Сын Михаила Фитина Павел уже в 15 лет стал комсомольцем и пионервожатым. В 20 лет его выбрали членом Шатровского райкома комсомола. Осенью 1928 г. по путёвке райкома комсомола отправился в Москву учиться на инженера-конструктора сельхозмашин в Сельскохозяйственную академию имени К. А. Тимирязева. В те годы избранная П. Фитиным специальность была одной из самых востребованных. Следует отметить, что преддипломную практику он прошёл на построенном за два года до этого по новейшим технологиям Сталинградском тракторном заводе. В 1932 г. именно там началось секретное серийное производство скоростного лёгкого танка Т-26, участвовавшего

в боевых действиях в Испании и в Великую Отечественную войну. Не случайно Павел Михайлович, получив диплом, отслужил срочную армейскую службу в одной из первых советских танковых бригад.

Не случайным стало и принятое осенью 1932 г. решение руководства и партийного комитета Сельхозакадемии направить 24-летнего выпускника Павла Фитина на работу в крупнейшее всесоюзное сельскохозяйственное издательство «Сельхозгиз». В это время в аграрном секторе СССР разворачивались процессы модернизации, включая массовое создание межколхозных машинно-тракторных станций, централизованно обеспечивавших соседние колхозы и совхозы тракторами, комбайнами, грузовыми автомобилями — и обслуживающими их квалифицированными инженерами и техниками. В 1929—1930 гг. в Советском Союзе было создано всего 260 МТС. За этим показателем стоял коллективный труд тысяч советских конструкторов, инженеров, рабочих, строителей, механиков-ремонтников. Свой вклад в это внесли и Павел Фитин, и его коллеги по «Сельхозгизу», способствовавшие всестороннему обучению будущих работников МТС, воспитанию у них технической и организационной культуры, популяризации передового опыта, включая зарубежный. Для обобщения этого опыта Павел Фитин в редкие свободные часы усердно учил английский и немецкий языки⁴.

В 1937 г. Павел Михайлович, осознавая для себя необходимость получения наряду с техническим образованием и высшего гуманитарного образования, без отрыва от работы поступил в Московский институт востоковедения. Однако поучиться там ему не довелось.

В январе 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило ходатайство руководства НКВД СССР о создании в структуре советских органов госбезопасности специализированных подразделений по обслуживанию тяжёлой и оборонной промышленности. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о новой структуре НКВД было принято 28 марта 1938 г. В тот же день на службу в «органы» был зачислен дипломированный инженер, опытный управленец и активный коммунист Павел Фитин. Его служба началась с учебы в Центральной школе НКВД СССР в Москве, программа которой была рассчитана на два года. Однако стремительное приближение Второй мировой войны нарушило эти планы.

Осенью 1938 г. был подписан приказ НКВД СССР о создании Школы особого назначения (ШОН) для ускоренной подготовки новых сотрудников советской внешней разведки на смену её ветеранам, подвергшимся в 1937–1938 гг. массовым репрессиям. Их жертвами стали тогда 275 из 450 кадровых разведчиков, ранее работавших в Центре и зарубежных резидентурах.

Чтобы заполнить кровавые бреши, пробитые репрессиями в кадрах советской разведки, осенью 1938 г. лучшие 50 из 800 слушателей Центральной школы НКВД СССР были направлены на специальную подготовку в созданную тогда ШОН. Её первыми выпускниками были будущие генералы разведки Елисей Сеницын и Виталий Павлов. Однако их бывшему однокурснику по Центральной школе НКВД Павлу Фитину была уготована иная судьба. Его как имевшего опыт руководящей деятельности в октябре 1938 г. зачислили сразу на должность оперуполномоченного в 5-й разведывательный отдел ГУГБ НКВД СССР, присвоив звание «младший лейтенант запаса». В январе 1939 г. Павел Михайлович был назначен заместителем, а уже 13 мая — начальником 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР с присвоением полковничьего звания «майор государственной безопасности».

Это назначение было вызвано необходимостью того, чтобы накануне неизбежно надвигающейся угрозы войны во главе разведки стоял бы толковый аналитик, управленец-организатор, который при этом являлся образованным мыслящим человеком — и не имел бы никакого отношения к прежним интригам и соперничеству различных группировок в руководстве НКВД. Фитин как нельзя лучше подходил на эту должность ещё и благодаря своей принципиальности, аналитическому складу ума, умению разбираться в людях, а также строить деловые и партнёрские отношения⁵.

В канун 25-летия Великой Победы в 1970 г. Павел Михайлович написал по просьбе тогдашнего руководства КГБ краткие воспоминания о своей службе в те годы в разведке, которые были рассекречены в 1990-х: «...Влившись в разведку новые кадры вместе с оставшимися на работе чекистами образовали монолитный сплав опыта и молодого задора. Их задача состояла в том, чтобы улучшить разведывательную работу за кордоном.

Руководство разведки в первую очередь сосредоточило внимание на подборе руководителей резидентур за рубежом. В течение 1939–1940 годов за кордон направлялись старые опытные

разведчики: В. М. Зарубин, Е. Ю. Зарубина, Д. Г. Федичкин, Б. А. Рыбкин, З. А. Рыбкина, В. А. Тахчианов, М. А. Аллахвердов, А. М. Коротков, а также молодые способные чекисты: Г. Н. Калинин, А. К. Тренёв, А. И. Леоненко, В. Г. Павлов, Е. И. Кравцов, Н. М. Горшков и многие другие.

В результате принятых мер в предвоенные годы удалось укомплектовать около 40 резидентур за кордоном и направить в них более 200 разведчиков, а также вывести на нелегальную работу многих кадровых чекистов. Это сразу же сказалось на результатах.

Принимая во внимание заслуги чекистов-разведчиков в добычании ценной и нужной для советского государства информации, Президиум Верховного Совета СССР в мае 1940 года наградил ряд работников внешнеполитической разведки орденами и медалями. Высокой правительственной награды был удостоен и я».

Орденом Красного Знамени Павел Михайлович Фитин был награждён секретным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1940 г. в составе большой группы чекистов. Этим же Указом орден Красной Звезды получил майор государственной безопасности Павел Анатольевич Судоплатов, за полгода до этого исключённый из ВКП(б) решением парторганизации 5-го отдела «за связь с врагами народа, проникшими в руководство разведки» и ежедневно ожидавший ареста. Награждение Судоплатова, состоявшееся при активном содействии П. М. Фитина, ознаменовало собой конец опалы аса тайных операций советской разведки. В мае 1940 г. Судоплатов был назначен заместителем Фитина.

Из воспоминаний Павла Фитина: «Благодаря наличию агентуры с большими разведывательными возможностями в таких странах, как Германия, Англия, США, Чехословакия, Болгария, Франция и некоторых других, с конца 1940 года и до нападения Германии на Советский Союз в Управление поступали и анализировались данные, которые говорили о том, что Германия, захватив тринадцать европейских стран, готовится к нападению на СССР.

Например, наш резидент в Праге сообщал о перебросках немецких воинских частей, техники и другого военного снаряжения к границам Советского Союза. Аналогичные сведения поступали и от других резидентов. Естественно, наиболее важная информация направлялась нами в три адреса: И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову...».

В своих воспоминаниях Павел Михайлович никак не упомянул о том, что в мае-июне 1940 г. он ездил в специальную командировку в Германию. Результаты этой поездки до сих пор остаются засекречены. Зато известно, что через два месяца после своего «боевого крещения» Фитин подписал приказ о направлении заместителем резидента советской разведки в Берлин еще одного прежде опального мастера оперативной работы Александра Михайловича Короткова. Тот в сентябре 1940 г. восстановил прерванную весной 1939 г. связь с ценнейшим агентом советской разведки в центральном аппарате гестапо Вилли Леманом (он же Брайтенбах), а затем — с советником министерства экономики рейха Арвидом Харнаком. В историю тот вошёл под псевдонимом Корсиканец как один из руководителей крупнейшей советской разведывательной сети в Западной Европе с условным наименованием «Красная капелла».

Именно от Брайтенбаха, Корсиканца и его товарищей-антифашистов в Москву в тогдашнюю штаб-квартиру советской внешней разведки на седьмом этаже «Большого дома» на Лубянке с осени 1940 г. регулярно поступала информация о подготовке гитлеровской Германии к агрессии против СССР. С учётом особого значения и сложности работы разведки в предвоенный период Фитин и его коллеги добились того, что в феврале 1941 г. 5-й разведывательный отдел ГУГБ был преобразован в самостоятельное 1-е управление НКГБ СССР и существенно пополнен кадрами и техникой⁶.

20 апреля 1941 г. Фитин представил руководству НКГБ СССР служебную записку, в которой кратко сформулировал общие задачи 1-го управления с учётом неизбежного предстоящего вступления СССР во Вторую мировую войну: создание нелегальных резидентур на территории государств-противников, скорейшее восстановление связей со старой проверенной и «законсервированной» агентурой, приобретение новой агентуры в правительственных кругах и госаппарате Германии, Японии, Великобритании, США, а также среди руководства эмигрантских организаций и в оппозиционных кругах ведущих западных держав, повышение качества подготовки разведчиков, прежде всего нелегалов для закордонной работы.

Весной 1941 г. Павел Михайлович Фитин на свой страх и риск санкционировал создание в составе руководимого им управления нештатной информационно-аналитической группы с участием

руководителя «немецкого» отдела разведки Павла Матвеевича Журавлёва и лейтенанта госбезопасности Зои Ивановны Рыбкиной — будущей известнейшей детской писательницы Зои Воскресенской. Она, как и Павел Фитин, впоследствии написала воспоминания об этом периоде своей деятельности: «Нашей группе было поручено проанализировать информацию всех зарубежных резидентур, касающуюся военных планов гитлеровского командования, и подготовить докладную записку. Из многих источников мы получали сведения о том, что гитлеровцы вот-вот развяжут войну. Даты начала военных действий фашистской Германией назывались разные, но все сходились в одном: война против Советского Союза начнется в самое ближайшее время. 17 июня 1941 года я с волнением завершила этот документ. Заключительным аккордом в нем прозвучало: “Все военные мероприятия Германии по подготовке вооружённого выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время”».

Обзор агентурных данных с приведённым выше выводом начальник разведки Павел Михайлович Фитин повёз в тот день лично Сталину.

Дальнейшая судьба Павла Михайловича Фитина сложилась не просто, как и у многих его товарищей по Службе... Они стойко переносили её удары. Их, преданных делу людей, было не сломить.

После того, как Фитин ознакомил Сталина с докладом и с поступившей в тот день из берлинской резидентуры шифровкой о том, что нападение Гитлера на СССР начнется в ближайшие дни, вождь отреагировал на это кратко: «Дезинформация! Можете быть свободны».

Следующие четыре дня, вероятно, были одними из самых тяжёлых в жизни Павла Михайловича. Ранним утром в воскресенье 22 июня Фитин был разбужен телефонным звонком, вызвавшим его из дома на Лубянку. Там он узнал о начале войны. И через несколько часов уже подписывал первые адресованные легальным и нелегальным резидентам советской разведки шифровки-задания военного времени. Подписывал своим постоянным псевдонимом «Виктор», что на латыни значит — «Победитель»⁷.

Но до Победы в Великой Отечественной войне было ещё 1417 дней, каждый из которых стал для Фитина и его подчинённых не просто рабочим, а фронтовым. Боевые приказы 1-му

управлению НКГБ СССР отдавал тогда Государственный комитет обороны СССР — высший орган руководства страной военного времени. Уже в конце июня 1941 г. ГКО СССР определил основные задачи советской разведки в военное время: выявление военно-политических и иных планов гитлеровской Германии и её союзников; создание и направление во вражеские тылы специальных оперативных отрядов для осуществления разведывательно-диверсионных операций; участие в организации и руководстве массовым партизанским движением на оккупированных территориях СССР; выявление истинных планов руководства США, Великобритании и других стран антигитлеровской коалиции по вопросам ведения войны, отношений с СССР и проблемам послевоенного устройства; ведение разведки в нейтральных странах для недопущения их сближения с гитлеровской Германией и её союзниками; осуществление научно-технической разведки в развитых странах мира для укрепления военной и экономической мощи СССР⁸.

Чтобы успешно решать перечисленные выше задачи в тяжелейший для нашей страны и армии период 1941—1942 гг., Павел Фитин вместе с работавшими с ним ветеранами ШОН добился тогда возвращения на службу из предвоенных отставок, застенков ГУЛАГа и даже из камер смертников нескольких десятков репрессированных до войны опытных советских разведчиков. Многие из них, как Арнольд Дейч, Иван Каминский и Ференц Патаки, погибли в войну при исполнении служебного долга. Среди них не оказалось ни одного предателя или дезертира.

В феврале 1943 г. после ставшей переломом во всей Второй мировой войне победы Красной армии в Сталинградской битве Павел Фитин получил специальное звание «комиссар государственной безопасности 3 ранга», соответствовавшее армейскому генерал-лейтенанту. Так были отмечены личные заслуги руководителя советской разведки в добыче информации о военно-политических планах руководства гитлеровской Германии, её сателлитов из Италии и Румынии, пославших свои войска под Сталинград.

В начале мая 1943 г., за два месяца до начала последней наступательной операции гитлеровцев на Восточном фронте под кодовым названием «Цитадель», П. М. Фитин направил в ГКО СССР информацию об общих планах этой операции, конкретных направлениях главных вражеских ударов под Курском

и Белгородом и предназначенных для этого новых видах немецкой военной техники, включая танки «Тигр» и «Пантера», самоходные орудия «Фердинанд» и истребители «Фокке-Вульф-190А».

5 июня 1943 г., за месяц до начала Курской битвы, ГКО СССР принял постановление «О мероприятиях по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР». В его основу легли предложения, подготовленные Фитиным с учетом боевого опыта, накопленного советской разведкой за два первых года войны. Прежде всего, речь шла о необходимости создания в структуре разведки постоянно действующего информационно-аналитического подразделения, призванного перепроверять, обобщать и сводить в целостные докладные материалы для руководства СССР разноречивую и не всегда полную информацию по приоритетным разведывательным темам, поступающую в Центр от разных источников.

Изначально штаты созданного в декабре 1943 г. информационного отдела (ИНФО) 1-го Управления НКГБ СССР насчитывали 41 сотрудника. К концу Великой Отечественной войны в ИНФО работало уже 126 специалистов во главе с имевшим 20-летний опыт легальной и нелегальной работы в полдюжине стран Европы и Азии генерал-майором Михаилом Андреевичем Аллахвердовым.

Аналитики ИНФО сыграли ключевую роль в подготовке для советского руководства максимально подробных документов накануне состоявшихся в 1945 г. международных конференций в Ялте, Сан-Франциско и Потсдаме, заложивших основы послевоенного мироустройства, включая создание Организации Объединённых Наций. Также эксперты ИНФО непрерывно и кропотливо обобщали добываемую их коллегами «в поле» секретнейшую информацию о зарубежных разработках атомного оружия.

16 июля 1945 г. на полигоне в пустыне Аламагордо в американском штате Нью-Мехико состоялось первое успешное испытание атомной бомбы. Несмотря на предпринятую властями США строжайшую секретность, в Москве заранее знали об этом. Знали благодаря советской разведке и её начальнику Павлу Фитину, который еще в ноябре 1944 г. подписал «План мероприятий по агентурно-оперативной разработке “Энормоз”». План проникновения советской разведки в секреты англо-американского атомного

проекта. План, благодаря реализации которого 29 августа 1949 г. состоялось первое испытание советской атомной бомбы, навсегда лишившей западников монополии на «ядерную дубинку для русских парней»⁹. Однако к тому времени Фитин уже не служил в разведке.

Последним днем работы генерал-лейтенанта П. М. Фитина на должности начальника Первого главного управления Министерства государственной безопасности СССР стало 15 июня 1946 г. После этого ему пришлось надолго уехать из Москвы. В 1947—1951 гг. Фитин был заместителем начальника УМГБ по Свердловской области, где в те годы Уральским военным округом командовал также опальный тогда Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Осенью 1951-го Фитин возглавил органы госбезопасности Казахстана. И в Свердловске, и в Алма-Ате Павел Михайлович уделял приоритетное внимание обеспечению режима безопасности и секретности на местных ядерных объектах. В этом Фитину немало помог его предыдущий опыт руководства разведкой в отношении аналогичных объектов в Великобритании и США. Следует отметить, что до второй половины 1950-х западные спецслужбы не имели сколько-нибудь конкретной информации о советских атомных проектах. Не случайно в мирном 1950 г. П. М. Фитин был награжден медалью «За боевые заслуги», которая стала последней из его государственных наград.

Летом 1953 г. после смерти Сталина и ареста Берии Павел Фитин был освобожден от должности и вызван для дачи объяснений в Москву. В отличие от его бывших заместителей по руководству разведкой Павла Судоплатова и Наума Эйтингона, осуждённых к продолжительному тюремному заключению, Фитин в ноябре 1953 г. был «всего лишь» уволен из органов госбезопасности «по служебному несоответствию» и без пенсии — правда, с сохранением звания и честно заслуженных им госнаград.

Реальный авторитет Фитина в тогдашних силовых структурах СССР обусловил его состоявшееся весной 1954 г. назначение на должность главного контролёра в Министерство государственного контроля СССР — предтечу нынешней российской Счётной палаты. Однако в августе 1957 г. это компетентное и эффективное государственное ведомство было упразднено, а на смену ему единоличным решением Н.С. Хрущёва была создана полугосударственная-полуобщественная Комиссия советского контроля

при Совете Министров СССР. В ней Фитин проработал до лета 1958 г., когда его ждал последний в жизни перевод с понижением — на должность директора фотокомбината Союза обществ дружбы с зарубежными странами.

Последнее десятилетие жизни Павла Фитина не было отмечено сколько-нибудь значимыми знаками официального внимания и почёта. Однако ветераны разведки помнили о нём. В 1960-х частыми гостями в его скромной столичной квартире были вернувшийся из США после нелегальной работы и тюремной отсидки Вильям Фишер, более известный как Рудольф Абель, семья легендарных советских разведчиков-нелегалов Василия и Елизаветы Зарубиных, уже упомянутые выше однокурсники Фитина по высшей школе НКВД Виталий Павлов и Елисей Сеницын, также ставшие генералами разведки. А еще Павел Михайлович был неизменно почётным гостем на встречах «уральского землячества» Москвы. На одной из них, уже незадолго до кончины, он сказал: «Есть чёрное и белое, и нельзя это путать, и как-то заменить и перекрасить».

П. М. Фитин ушел из жизни в Москве 24 декабря 1971 г., не дожив четырёх дней до своего 64-летия. Его похоронили на Введенском кладбище, выбив на памятнике краткую надпись: «генерал-лейтенант Фитин Павел Михайлович». Он ушел в Вечность так, как уходят в разведку — никак не обозначая свою принадлежность к ней, должность, награды и заслуги. Десятилетия спустя, в канун 100-летия российской разведки и 75-летия Победы в Великой Отечественной войне имя Павла Михайловича Фитина при активном участии Службы внешней разведки Российской Федерации было увековечено соразмерно его заслугам перед Отечеством. По заказу федеральных телеканалов было снято несколько документальных фильмов, посвящённых жизни и службе П. М. Фитина. В серии «ЖЗЛ» вышла первая биография Фитина, написанная журналистом и историком Александром Бондаренко. Памятник Фитину работы скульптора Андрея Ковальчука был установлен перед зданием Пресс-бюро СВР. Именем Павла Фитина названы прежде безымянные проезд в московском районе Ясенево по соседству со штаб-квартирой СВР России и вершина кавказского хребта Соудор.

«Правда найдет себе путь». Время и история подтвердили справедливость этого жизненного принципа Павла Михайловича

Фитина — начальника советской разведки, прекрасного аналитика, заслуженно имевшего псевдоним-позывной «Виктор», что значит — «Победитель».

¹ Роль информации в годы войны: <https://www.nnov.kp.ru/daily> (дата обращения: 10.12.2020).

² Основы информационно-аналитической работы: учебник для слушателей ВАМТО имени генерала армии А. В. Хрулёва / В. В. Наумов, О. Ю. Орлов, В. Н. Брославец и др.; под общ. ред. А. А. Цельковских. СПб.: ВАМТО, 2016. 404 с.

³ Победитель с псевдонимом «Виктор»: <https://rg.ru/2020/06/16/17-iunia-1941-goda-sostoialsia-istoricheskij-doklad-nachalnika-razvedki-stalinu.html> (дата обращения: 10.12.2020).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

О. А. Некрасов (Санкт-Петербург)

КИТАЙСКИЕ ЧАСТИ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ В СОСТАВЕ КРАСНОЙ АРМИИ

АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ в проведении Октябрьской социалистической революции в России и в защите Советской власти в годы гражданской войны и иностранной интервенции приняли китайцы и корейцы. В России их находилось несколько сотен тысяч, нанятых царским правительством для выполнения работ в годы Первой мировой войны. На Урале в 1916 г. работало до 10 тыс. китайцев, в Петрограде — 5 тыс.

В конце 1917 г. в Москве был сформирован китайский батальон, командиром которого стал Сан Фу-Ян. В Петрограде летом 1918 г. был сформирован Петроградский китайский интернациональный отряд. Летом 1918 г. он принял участие в подавлении левоэсеровского мятежа в Пажеском корпусе, а затем был направлен на Северо-Западный фронт. Из рабочих-китайцев, работавших на Мурманской железной дороге, было сформировано несколько китайских подразделений, которые в составе отряда Спиридонова вели борьбу против интервентов и белогвардейцев в районе ст. Сегежа.

В 1918 г. возникают китайские рабочие организации в Москве, Петрограде, Екатеринбурге, Харькове и Перми. В начале декабря 1918 г. в Петрограде был создан Всероссийский союз китайских рабочих. Он проводил большую работу среди китайского населения, проживающего в России, издавались китайские газеты¹. Только за январь 1919 г. на одном из участков Восточного фронта было распространено 2700 китайских газет. Формированием китайских отрядов вначале занимались китайские военные комиссары и командиры Жен Фу-чен, Пау Ти-Сан (ил. 1), Сан Фу-ян. Осенью 1918 г. в Москве был создан специальный штаб по

формированию всех китайских отрядов РСФСР. Комиссаром по формированию отрядов был назначен Шен Чен-хо, который ещё в конце 1917 г. командовал китайским отрядом, сражавшимся против банд Корнилова и Каледина на юге страны. Уполномоченные штаба находились в разных городах, где имелось китайское население. Китайские отряды организационно не подчинялись Центральной федерации иностранных групп (ЦФИГ). Это же относилось и к отрядам корейцев, поляков, финнов. Они входили в состав интернациональных частей и подчинялись напрямую командованию Красной армии. Состав этих отрядов также был сугубо добровольческим.

В Петрограде приказом командующего войсками № 12 от 29 августа 1918 г. под руководством Шань Чен-хо был сформирован китайский интернациональный отряд, в котором к октябрю 1918 г. насчитывалось 410 добровольцев. Основным его ядром являлись китайцы, работавшие на строительстве Мурманской железной дороги. Командиром отряда были назначены Лу Вэн и Лиу Юнг-дзю². В начале октября 1918 г. из бойцов этого отряда, который размещался на Кировной улице, была укомплектована маршевая рота, направленная в распоряжение командующего Южным фронтом.

В те же годы китайцами формировались отряды во многих городах России, в том числе в Воронеже, Владикавказе, Тамбове и Балашове. В Тамбове организатором китайских подразделений был Хан Си-шун. Весной 1918 г. им был сформирован отряд численностью до 200 человек, который в августе 1918 г. вошёл в состав бригады Сиверса (ил. 2) и вёл непрерывные бои с белыми казачьими частями генерала Краснова на Балашовском

Ил. 1. Пау Ти-Сан — командир китайского военного отряда. 1919 г.

направлении. Летом 1918 г. в Воронеже был сформирован ещё один отдельный китайский батальон, который позже приказом командира 1-й Воронежской пехотной дивизии № 2 от 23 августа 1918 г. был развёрнут в Острогожский полк, впоследствии 6-й полк 1-й Воронежской пехотной дивизии³. 22 декабря 1918 г. в Глазове был сформирован китайский отряд интернационалистов. Принцип комплектования был смешанным, командиром отряда был назначен китайский революционер Чжан Хай-Чен.

Ил. 2. Р. Ф. Сиверс — командир Особой бригады в составе 9-й армии Южного фронта. 1918 г.

Помимо юга России одним из районов формирования крупных китайских отрядов в 1918 г. являлся также Урал. На уральских заводах работало много китайских рабочих. В Перми, Екатеринбурге, Тагиле, Златоусте, Кизеле, Губахе формировались части Китайской Красной армии. Там формировались китайские отряды, которые отправлялись в состав частей Красной армии, сражавшихся на фронтах гражданской войны. Они создавались также в Алапаевском, Ирбитском, Шадринском и Камышловском уездах Пермской губернии. Здесь формировались полки 3-й армии, в состав которых входило немало китайских подразделений. В составе 29-й стрелковой дивизии находилось одно из наиболее крупных китайских добровольческих соединений Красной армии — Китайский полк. В его состав входили отряды, сформированные в Алапаевске, Надеждинске и Перми, в октябре 1918 г. в полк также вошли китайские добровольцы из отрядов южноуральских рабочих. Китайский полк, сформированный Жен Фученом, вошёл в состав сводной Уральской дивизии, переименованной впоследствии в 29-ю дивизию 3-й армии. В состав Китайского полка также вошли добровольцы из отряда В. К. Блюхера⁴. Весной 1918 г. во Владикавказе при Военном Комиссариате Совнаркома в Терской республике при поддержке С. М. Кирова был сформирован китайский отряд. К августу 1918 г. он увеличился до отдельного китайского батальона⁵ в количестве 500 человек⁶.

До конца 1918 г. из китайцев были сформированы два полка и три батальона в Воронежской губернии, два батальона в Луганске и Харькове, один отряд в Москве, два полка и четыре батальона в Перми, два отряда в Петрограде. В этих новых частях Красной армии было свыше 5000 китайских добровольцев. В Нижнем Новгороде была создана китайская рота, которая вошла в состав 3-го Интернационального полка под командованием Лит Ми и его помощника Ли Юе-жу. Важнейшим центром формирования китайских добровольческих частей Красной армии была Москва. В Пресненском районе столицы формированием и обучением китайских добровольческих отрядов руководил Лю Фучин. Одна китайская рота создавалась при запасном интернациональном батальоне под управлением командира китайских частей Ли Кита⁷. С января по август 1919 г. было сформировано шесть новых добровольческих отрядов, в том числе: в 29-й стрелковой дивизии 3-й армии в Юзовке, в 9-й стрелковой дивизии 13-й армии, в Киеве — в интернациональной дивизии 12-й армии, в Одессе — в интернациональной дивизии и в Сумах. В мае 1918 г. в Москве под руководством Сан Фу-яна начал формироваться китайский батальон, который к сентябрю 1918 г. был полностью укомплектован и в составе 21-го Московского полка особой бригады Рачицкого был направлен на Новохопёрский участок Южного фронта.

В Воронеже весной 1918 г. видным организатором Хан Си-шуном был создан китайский отряд из 200 бойцов, его помощником стал Чан Ук. Из Воронежа этот отряд был передислоцирован в Борисоглебск. В августе 1918 г. отряд Хан Си-шуна вошёл в состав 2-го Интернационального стрелкового полка Особой бригады Рудольфа Фердинандовича Сиверса и вёл затем непрерывные бои с частями Краснова, наступавшими в Балашовском направлении⁸. Летом же 1918 г. в Воронеже формировался ещё один китайский отдельный батальон. В самом начале в его составе было всего 170 человек, но уже через три недели батальон был развёрнут в Острогожский, впоследствии 6-й полк 1-й Воронежской пехотной дивизии. На Туркестанском фронте 30 октября 1919 г. в составе полка особого назначения по приказу Михаила Васильевича Фрунзе была сформирована 10-я китайская рота. Формирование роты велось по штатам стрелкового полка, объявленного в приказе № 220 от 13 ноября 1918 г.

К середине 1918 г. при ЦФИГ создаётся штаб по формированию китайских отрядов РСФСР. Деятельность этого штаба,

уполномоченные которого находились в разных районах страны, имела немаловажное значение для создания китайских добровольческих частей и подразделений и их подготовку. Комиссаром по формированию китайских отрядов был назначен Шань Чен-Хо. В результате работы штаба формирование китайских добровольческих частей значительно увеличилось. За период январь—август 1919 г. было создано восемь новых интернациональных китайских частей, в том числе Образцовый китайский полк.

Китайские части входили в состав 3, 4, 5-й армий Восточного фронта, 10, 11 и 12-й армий на юге, 6 и 7-й армий на севере, принимали активное участие в разгроме всех походов Антанты⁹. Многие китайские добровольцы находились в составе 397-го полка 45-й дивизии, сформированной летом 1919 г. на базе частей 3-й Украинской армии. В составе этого полка находился китайский отряд, организатором которого в конце 1918 г. в Донбассе был Хан Си-шунь.

К середине 1920 г. Всероссийский штаб формирования китайских добровольческих отрядов был переведён из Москвы в Иркутск. При штабе находилась китайская часть под командованием Чжан Хай-чена. В августе 1920 г. по распоряжению командующего Народно-революционной армией Василия Константиновича Блюхера в Иркутск прибыл смешанный корейско-китайский полк в составе 700 добровольцев. В дальнейшем он вошёл в состав интернационального полка 351-й дивизии 5-й армии, 65 % бойцов которого были китайцы. В полку для подготовки командного состава китайских частей существовала инструкторская школа, в которой проходили обучение 163 китайца и корейца. В составе полка числилось 1210 бойцов, из них 51 командир и 1159 красноармейцев.

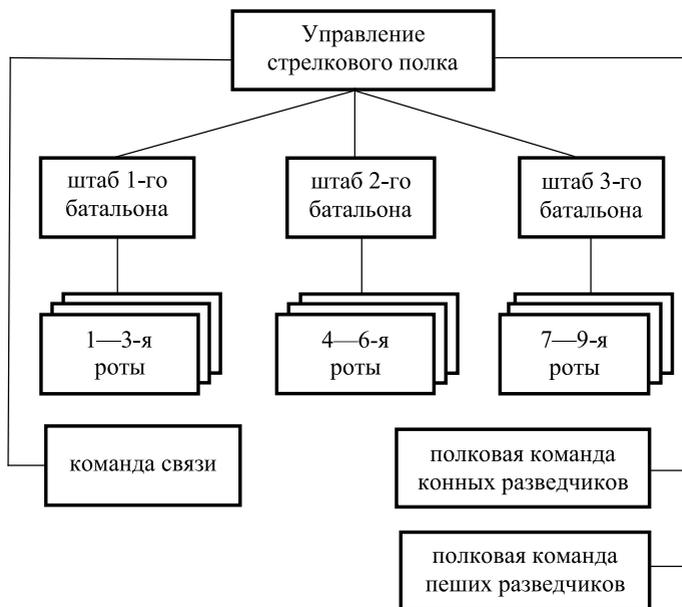
На территории Дальнего Востока и в районе границы Кореи и Китая против японских войск на 4 февраля 1921 г. были сформированы и вели боевые действия: Отдельный стрелковый батальон в г. Свободном — 1200 чел.; Гандонский партизанский отряд в Хабаровске — 500; отряд Цоя в селе Успенке Иманского района Приамурской области — 60; отряд Хана в Сичуанском районе Приморской области — 100; партизанский отряд в Сацфунском районе Приморской области — 600; отряд Цой Ок в Фукдине (Китай) — 300; Гандонские отряды в Северном Китае, на пути к советской границе — 1400 бойцов. Всего — 5060 человек.

командиры четырёх рот, взводов, старшины рот, помощники командиров взводов, командиры отделений. Русский командный состав включал в себя: адъютанта, военкома, помощника адъютанта, начальника хозяйственной части, делопроизводителя хозяйственной части, помощника делопроизводителя хозяйственной части, казначея, квартирмейстера, заведующего оружием, помощника заведующего оружием, старшего переписчика, начальника связи, фуражира. В полку была предусмотрена должность двух переводчиков — два китайца. Всего на момент начала формирования в нём числилось 109 человек. В своём составе полк имел два стрелковых батальона по две стрелковые роты каждый.

416-й стрелковый китайский полк

17 ноября 1918 г. согласно приказу по Вятской особой 28-й стрелковой дивизии № 43 в 3-й бригаде 2-й армии Восточного фронта началось формирование Китайского стрелкового полка, под непосредственным руководством командира дивизии. Оно было завершено 1 декабря 1918 г.

Организация 416-го стрелкового китайского полка

С 1 февраля 1919 г. Китайский стрелковый полк как 416-й вошёл в состав 3-й бригады 91-й стрелковой дивизии 7-й армии Северо-Западного фронта. В дальнейшем он входил в состав 63-й особой бригады 21-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта, затем — в состав 139-й бригады 47-й дивизии 14-й армии Юго-Западного фронта.

Численность 416-го стрелкового китайского полка составляла: командного состава — 77 человек, рядовых — 1527 человек; на вооружении полка состояли: винтовки — 1354 шт., пулемёты Кольга — 5 шт., пулемёты Максима — 14 шт., пулемёты Льюиса — 3 шт., бомбомёты — 3 шт., 3-дюймовые пушки прикомандированной батареи — 2 шт., револьверов — 12 шт.

Корейские части и подразделения

С первых же дней установления Советской власти на Дальнем Востоке начала проводиться активная политическая работа среди корейцев. В 1918 г. был организован Союз корейских социалистов. Он признал Октябрьскую социалистическую революцию и поддержал Советское правительство, провёл большую работу по созданию красногвардейских отрядов из корейских рабочих и крестьян для защиты Советской власти в регионе. Так, один из корейских отрядов, сформированный в июле 1918 г., был направлен на Уссурийский фронт¹¹. Корейские добровольцы входили в состав смешанных отрядов Красной армии и формировали отдельные подразделения¹². 14 марта 1920 г. по решению Чрезвычайного военного совета Амурской области партизанские отряды были реорганизованы в регулярные части Красной армии. В начале марта 1920 г. в составе 1-го Дальневосточного

Ил. 3. Хан Чан Гер — командир Корейского батальона. 1920 г.

Советского полка был сформирован Корейский батальон численностью в 300 бойцов, командиром этого батальона был назначен Хан Чан Гер (ил. 3).

В связи с тем, что в 1921 г. борьба с белогвардейскими частями сосредоточилась на Дальнем Востоке, приток китайских и корейских добровольцев значительно увеличился. К этому времени Политотдел 5-й армии объединился с Политуправлением Восточносибирского военного округа, при котором была создана интернациональная партийная школа. Её слушателями стали китайцы, корейцы, чехи и сербы, всего 245 человек, которые проводили активную агитацию среди местного китайского и корейского населения с целью их вступления в формируемые отряды Красной армии. В составе китайской секции школы проходили обучение 60 курсантов.

В феврале 1921 г. на территории Дальнего Востока против японских интервентов сражались: Отдельный корейский стрелковый батальон в районе границы Кореи и Китая, который насчитывал 1200 бойцов; Гандонский партизанский отряд в районе Хабаровска — 500 бойцов; отряд под командованием корейца Цоя в районе г. Успенска Приамурской области — 60 бойцов; отряд Хан Чан Гера численностью до 1000 бойцов в Сучанском районе Приморской области.

Вооружённые крестьяне-корейцы Сайфунского района Приморской области сформировали отряд в 600 бойцов. В 1921 г. только в одном Посъетско-Хунчужском районе насчитывалось 700 корейцев-партизан, которые подчинялись Приморскому Корейскому областному комитету Корейской компартии. Командиром отдельного корейского стрелкового батальона был Х. Огай-Охамук¹³. С целью объединения корейских партизанских отрядов летом 1921 г. в г. Анучино Приморской области было проведено совещание представителей корейских партизан, на котором было принято решение об образовании Корейского революционного военного совета для руководства действиями корейских партизан.

В июне 1921 г. в Свободном и в прилегающих к нему сёлах — Красноярове, Мазанове, Путятине, Екатериновке — находились следующие части: штаб корейских войск с его отрядами, комендантская команда численностью 200 бойцов корейцев и китайцев, интернациональный коммунистический полк — 900 штыков, Тонгожский кавалерийский полк — 240 сабель, Сахалинский

корейский отряд — 1500 штыков. Все эти части были подчинены Корейскому Революционному Военному Совету. Часть из этих войск была направлена на Восточный и Западный фронты и в Забайкалье, где в составе 5-й армии была сформирована корейская бригада¹⁴.

1-й Корейский революционный стрелковый полк

Управление и части 1-й Корейской отдельной стрелковой бригады 5-й армии Восточносибирского военного округа были сформированы в Иркутске согласно приказу по армии за № 1174/240 от 22 августа 1921 г. в результате сокращения и реформирования корейских революционных войск и партизанских отрядов. В состав бригады входили также китайские части и подразделения. Часть личного состава корейских революционных войск была направлена в Приморье в распоряжение Дальневосточной республики, а также в Кандо и Северную Манчжурию для ведения военно-партийной работы.

Организация 1-й корейской отдельной бригады

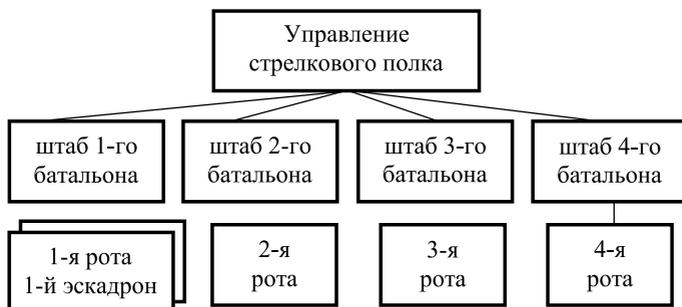

Ил. 4. Х. Н. Охамук — командир
244-го стрелкового полка.
25.11.1934 г.

В соответствии с приказом по 5-й армии № 397/72 от 27.02.1922 г. 1-я Корейская отдельная бригада Восточно-сибирского военного округа была переформирована — части и подразделения бригады были направлены в состав 1-го Корейского полка, который получил название 1-й Корейский революционный стрелковый полк и был направлен на трудовой фронт на прииски Уркан в Читу. На приисках наряду с командованием полка существовал корейский революционный военно-экономический совет Урканских приисков. Дислоцировался 1-й Корейский революционный

стрелковый полк в Иркутске и Чите на прииске Уркан. Командиром бригады — полка был Х. Н. Охамук (ил. 4), военкомом — Пак-Сын-Ман, начальником штаба — С. Т. Глаголев, начальником политотдела — Цой-Шену — Высоцкий.

Организация 1-го корейского революционного полка

В состав 1-го Корейского революционного полка входила китайская рота.

Активная помощь корейцев и китайцев войскам Красной армии в годы становления Советской власти на Дальнем Востоке

была связана, в том числе, и с террором, который был развязан силами интервентов против местного китайского и корейского населения. Основными методами борьбы против частей белогвардейцев и войск интервентов силами китайских и корейских частей и подразделений на Дальнем Востоке и в Сибири были партизанские действия, саботаж, усиленная агитация среди населения и иностранных военных частей. Партизанская война отвлекала значительные силы противника на поддержание порядка, уничтожались железнодорожные пути и средства сообщения, материальные запасы, снаряжение, дезорганизовывались тылы противника. В сентябре 1918 г. из остатков Красной армии по всему Дальнему Востоку начали создаваться отряды партизан. В партизанские отряды Приморья, Приамурья, Забайкалья влилось значительное число китайцев и корейцев. Партизанским отрядам удавалось проводить эффективные операции против белогвардейских частей и войск интервентов, которые при этом несли значительные потери.

¹ Жаров Л. И., Устинов В. М. Интернациональные части в боях за власть Советов. М., 1960. С. 43.

² Академия наук СССР. Китайские добровольцы в боях за Советскую власть. М., 1961. С. 17.

³ Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922). Сборник документов. М., 1957. С. 109.

⁴ Попов Н. А. Они с нами сражались за Советскую власть. Л., 1959. С. 121.

⁵ Жаров Л. И., Устинов В. М. Интернациональные части в боях за власть советов. С. 62.

⁶ Попов Н. А. Они с нами сражались за Советскую власть. С. 86.

⁷ Там же. С. 42.

⁸ Там же. С. 82.

⁹ Академия наук СССР. Китайские добровольцы в боях за Советскую власть. С. 26.

¹⁰ Бабичев И. Участие китайских и корейских трудящихся в гражданской войне на Дальнем Востоке. Ташкент, 1959. С. 70.

¹¹ Жаров Л. И., Устинов В. М. Интернациональные части в боях за власть Советов. С. 49.

¹² Бабичев И. Участие китайских и корейских трудящихся в гражданской войне на Дальнем Востоке. С. 31.

¹³ Жаров Л. И., Устинов В. М. Интернациональные части в боях за власть Советов. С. 70.

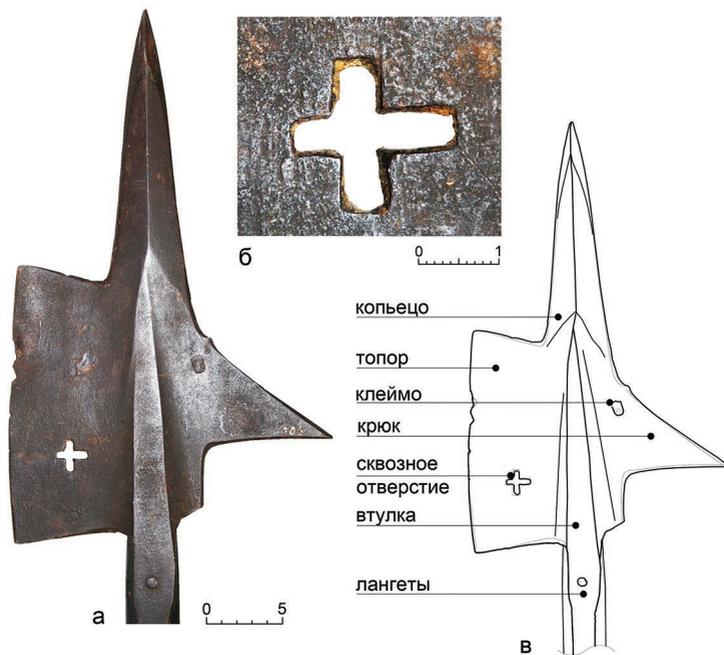
¹⁴ Бабичев И. Участие китайских и корейских трудящихся в гражданской войне на Дальнем Востоке. С. 77.

А. В. Николаев, И. Н. Петрухин (Тула)

К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ АЛЕБАРД МАСТЕРСКОЙ ЛАМПЕРТА КОЛЛЕРА

В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ материала по атрибуции алебарды из собрания Витебского областного краеведческого музея¹ (ил. 1)² авторским коллективом были обработаны данные по 912 образцам так называемых земпахских алебард цюрихского типа, изготовленных в период с 1663 по 1683 г. в мастерской Ламперта Коллера из местечка Вюренлос кантона Аргау в Швейцарии (Приложение 1)³. Было бы неправильно, на наш взгляд, никак не структурировать и не оформить собранную информацию⁴. Кроме того, одним из вновь намеченных вопросов стала выявленная вариативность у этого типового, в общем, оружия. Различия могли появиться не только по причине технологической несовершенности мануфактурного производства того времени, а, возможно, были вызваны и другими факторами, обозначить которые мы также попытаемся в представленной работе.

Ламперт Коллер, вероятно, был одним из самых продуктивных изготовителей алебард для своего времени. Счёт алебард, заказываемых в его мастерской, шёл на сотни штук. Так, городской совет Цюриха в 1663 г. закупил для арсенальных нужд 200 алебард. Всего за период до 1681 г. городским цейхгаузом было приобретено 1117 штук⁵. Швиц в 1667 г. заказал мастеру изготовление партии также из 200 алебард⁶. Цейхгаузом Золотурна в период до 1680 г. через посредников было куплено 145 алебард⁷. Арсенал города Бадена в 1683 г. приобрёл неизвестное количество для пополнения запасов резервного оружия. В 1712 г. 142 алебарды Коллера были вывезены из этого города в Цюрих в качестве военного трофея после второй битвы при Фильмергене⁸. Также нельзя исключать наличие заказов

Ил. 1. Алебарда мастерской Ламперта Коллера из собрания Витебского областного краеведческого музея (КП 205): **а.** наконечник; **б.** крестообразное сквозное отверстие; **в.** схема элементов железка

в цейхгаузы других городов Швейцарии, информация о которых в настоящее время неизвестна.

Алебарды мастерской Ламперта Коллера имеют обычный для этого типа древкового оружия набор поражающих элементов железка, таких как копьёцо, топор и обушный крюк (ил. 1в). Помимо того, наконечники алебард дополнены развитыми лангетами, продолжающимися на древко. Несмотря на типологическую идентичность всех алебард Коллера, можно заметить, что они имеют определённые различия по конфигурации конструктивных элементов и в их сочетании, по декору (наличие или отсутствие сквозной перфорации), а также по маркировке (форма и расположение клейма). Путём сопоставления комплекса перечисленных характеристик удалось выделить шесть основных групп алебард с подгруппами по наличию сквозного крестообразного отверстия на топоре (обозначены литерой «к»). Группы

расположены в порядке уменьшения самой вариабельной части железка — втулки для древка (ил. 2а; Приложение 2).

Группа 1

Всего выявлено 77 штук (Швейцарский национальный музей, Земельный музей Цюриха — KZ-2009⁹, KZ-1146¹⁰ и др.). Перо копыца массивное треугольное. Сечение копыца ромбовидное у острия и уплощённое ромбовидное у основания. Топор алебарды трапециевидной формы. Отношение ширины топора к его длине — около 1 : 2. Кромка лезвия практически прямая или чуть выпуклая. Втулка для древка занимает всю длину тулова железка или чуть короче. Втулка в сечении — уплощённый шестигранник, широкий у устья и равномерно сужающийся кверху с плавным переходом в ребро копыца. Снизу боковые грани втулки переходят в лангеты с сохранением ширины и сужаются на расстоянии 3—5 см от устья. Клеймо мастерской расположено в верхней части гака, у его основания.

Группа 1к

Выявлено 32 образца (Художественный музей Метрополитен в Нью-Йорке — 48.149.34¹¹; Витебский областной краеведческий музей — КП 205¹² (ил. 1; 2а.1) и др.).

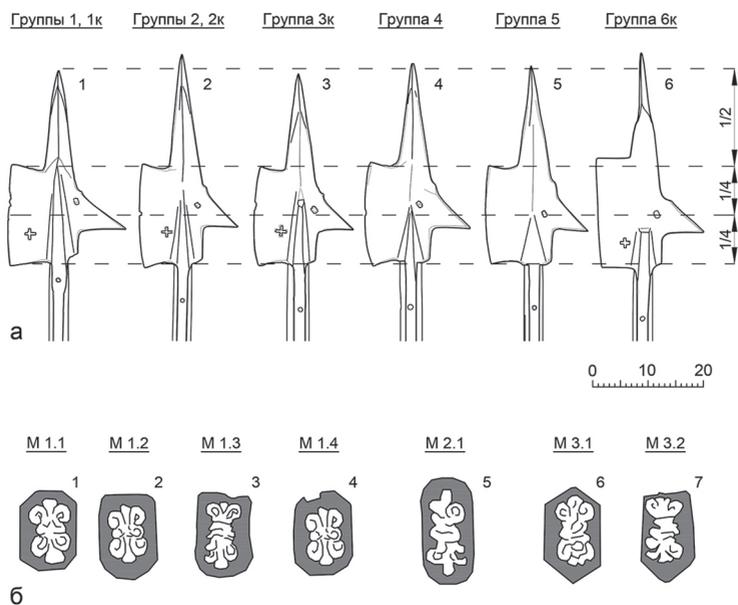
Конфигурация алебард этой группы полностью аналогична форме алебард из группы 1, но на топоре выбито сквозное отверстие в виде равностороннего четырёхлучевого креста. Отверстие расположено на равном расстоянии от втулки и лезвия топора, в нижней его трети.

Группа 2

Выявлено 500 штук (Швейцарский национальный музей, Земельный музей Цюриха — KZ-2576¹³; Художественный музей Метрополитен в Нью-Йорке — 29.156.9¹⁴ и др.). Перо копыца полностью аналогично перу у группы 1. Топор алебарды трапециевидной формы, с отношением ширины топора к его длине около 1 : 3. Кромка лезвия чуть выпуклая. Втулка для древка занимает около $\frac{2}{3}$ длины тулова железка. Втулка в сечении — уплощённый шестигранник, широкий у устья и равномерно сужающийся кверху с плавным переходом граней в ребро на тулове. Переход втулки в лангеты выполнен таким же образом, как у группы 1. Клеймо мастерской расположено также аналогично.

Группа 2к

Выявлен 21 экземпляр (Швейцарский национальный музей, Земельный музей Цюриха — KZ-1129¹⁵; Коллекция Уоллеса,

Ил. 2. Вариативность алебард мастерской Ламперта Коллера.

а. Образцы алебард из групп, выделенных по конфигурации конструктивных элементов железка:

1. Витебский областной краеведческий музей — КП 205;
2. Коллекция Уоллеса, Лондон — А 951;
3. Музей старый цейхгауз Золотурна — MAZ 462-46;
4. Земельный музей Цюриха — KZ-264.2;
5. Земельный музей Цюриха — KZ-2688;
6. Земельный музей Цюриха — KZ-3440.

б. Образцы клейм мастерской на алебардах:

1. Земельный музей Цюриха — KZ-3440 и др.;
2. Земельный музей Цюриха — KZ-1159 и др.;
3. Коллекция Уоллеса, Лондон — А 951 и др.;
4. Музей старый цейхгауз Золотурна — MAZ 462-46 и др.;
5. Земельный музей Цюриха — KZ-1159 и др.;
6. Земельный музей Цюриха — KZ-2576 и др.;
7. Земельный музей Цюриха — KZ-2607 и др.

Лондон — А 951¹⁶ (ил. 2а.2) и др.). Конфигурация наконечников алебард этой группы полностью аналогична образцам из группы 2, но на топоре расположено сквозное отверстие в виде четырёхлучевого креста. Отверстие расположено ближе к втулке, в нижней трети топора. Кроме того, алебарды этого подтипа отличаются от группы 2 резким переходом боковых граней втулки в лангеты у самого устья. Расположение клейма не отличается от маркировки у групп 1, 1к и 2.

Группа 3к

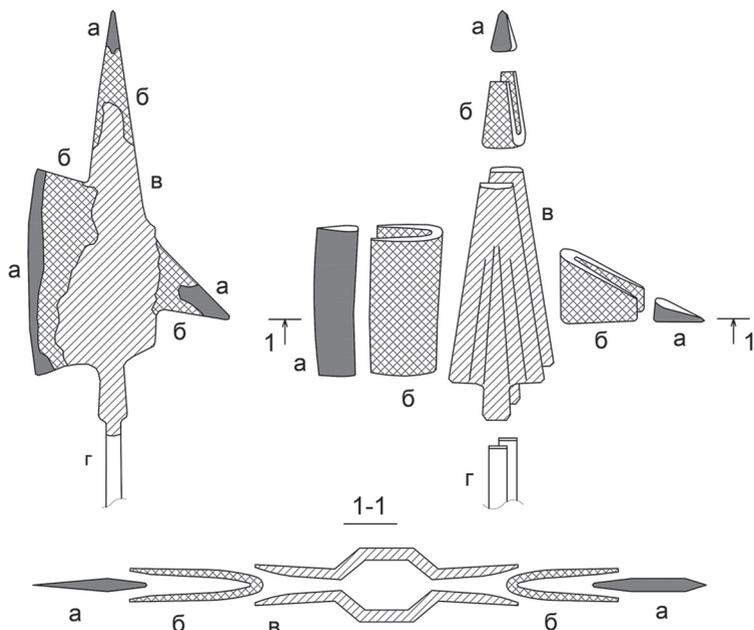
Насчитывает 104 штуки (Бернский исторический музей — 3471¹⁷; Музей старый цейхгауз Золотурна — MAZ 462-72¹⁸ (ил. 2а.3) и др.). Перо копыца по форме аналогично группам 1 и 2. Конфигурация топора алебарды совпадает с конфигурацией топоров у группы 2. Крестообразное отверстие расположено таким же образом. Длина втулки — около половины длины тулова железа. Втулка в сечении — уплощённый шестигранник с равномерно сужающимися сверху гранями, которые резко обрываются при переходе к тулову с образованием уступа. Лангеты образуются продолжением боковин втулки у устья, с сохранением их ширины. Клеймо мастерской расположено на корпусе алебарды примерно у верхней трети длины крюка.

Группа 4

Выявлено 83 образца (Швейцарский национальный музей, Земельный музей Цюриха — KZ-234¹⁹, KZ-264.2²⁰ (ил. 2а.4) и др.). Перо копыца аналогично перьям групп 1, 2 и 3. Форма топора совпадает с топорами групп 2 и 3к. Длина втулки для древка — от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ длины тулова железа. Втулка шестигранная, с равномерно сужающимися гранями, и сходит на нет к корпусу оголовка. Конструкция лангет аналогична группе 3к у образцов с клеймом в виде овала (М 1.1) и совпадает с конструкцией у групп 1 и 2 у алебард с клеймом в виде щита с неровным верхним краем (М 1.3). Клеймо мастерской расположено на тулове алебарды по центру со стороны гака.

Группа 5

Включает в себя 32 алебарды (Швейцарский национальный музей, Земельный музей Цюриха — KZ-488²¹, KZ-2688²² (ил. 2а.5) и др.). Отличается от группы 4 овальным сечением втулки для древка. Лангеты начинаются непосредственно у устья втулки, без изменения ширины, как у всей группы 2к и части образцов из группы 4.

Ил. 3. Технологическая схема сборки железка алебарды мастерской Ламперта Коллера по Шнейдеру: **а.** элементы из стали (лезвие топора, остриё копьёца, остриё крюка); **б.** элементы из однородного железа (массивы топора, копьёца и крюка); **в, г.** элементы из железа плохого качества (детали, формирующие корпус с втулкой и лангеты)

Группа бк

Выявлено 3 экземпляра алебард (Бернский исторический музей — 3468²³; Швейцарский национальный музей, Земельный музей Цюриха — KZ-3440²⁴ (ил. 2а.б) и др.). По виду оголовка имеет наибольшие отличия от рассмотренных ранее групп. Перо копьёца узкое, в сечении близкое к квадрату в верхней части и широкое уплощённое в нижней его половине, с резким переходом формы. Основание копьёца равномерно, с сохранением толщины переходит в корпус железка. Топор по геометрии близок к прямоугольнику, с отношением ширины к высоте около 1 : 3. Кромка лезвия практически прямая. Втулка короткая и занимает менее половины длины тулова железка. Втулка в сечении — уплощённый шестигранник, с небольшим сужением, обрывается без плавного

перехода в тулово. Сквозное отверстие пробито внизу топора, ближе к втулке. Клеймо мастерской расположено на границе тулова и гака по центру.

Единые для всех групп характеристики

Общие габариты всех наконечников алебард приблизительно одинаковы и в среднем составляют около 35 см по высоте и 20 см по ширине. Длина пера копыца примерно равна длине тулова железка. У всех групп алебард втулка для древка расположена по центру, соосно копыцу. Обушной крюк треугольной формы с горизонтальной нижней кромкой (ил. 2а). Толщина крюка практически одинакова по всем зонам и составляет около 5 мм. У всех групп алебард заточка топора ножевидная, с равномерным увеличением толщины от лезвия к втулке. При этом толщина лезвийной части крайне мала и варьируется от 0,7 до 3,2 мм (у большей части образцов — около 2 мм)²⁵. По краю всех элементов наконечника, кроме лезвия топора и пера копыца, снята фаска (ил. 1а).

Помимо вариаций алебард по формообразующим элементам железка и наличию декоративного отверстия выявлено семь различных клейм мастерской Коллера. Все клейма имеют идентичный рельефный символ в виде сдвоенной лилии внутри, но различаются по форме контура (ил. 2б). Стоит отметить, что у достаточно большой части образцов этого оружия символ клейма практически нечитабелен или трудноразличим, что возможно объяснить износом штампов при значительных объёмах производства.

Клеймо М 1.1

Выявлено у 328 алебард (Швейцарский национальный музей, Земельный музей Цюриха — KZ-3440; Художественный музей Метрополитен в Нью-Йорке — 48.149.34 и др. (ил. 2б.1)). Клеймо имеет форму овала или прямоугольника со скошенными углами.

Клеймо М 1.2

Выявлено у 43 алебард (Художественный музей Метрополитен в Нью-Йорке — 29.156.9; Швейцарский национальный музей, Земельный музей Цюриха — KZ-1159²⁶ и др. (ил. 2б.2)). Клеймо выполнено в виде щита со скруглённым низом и прямой верхней кромкой.

Клеймо М 1.3

Замаркирована 261 алебарда (Коллекция Уоллеса, Лондон — А 951; Швейцарский национальный музей, Земельный музей

Цюриха — KZ-234 и др. (ил. 2б.3)). Клеймо тождественно предыдущему, но с неровной верхней кромкой контура.

Клеймо М 1.4

Выявлено у 105 штук алебард (Бернский исторический музей — 6521²⁷; Музей старый цейхгауз Золотурна — MAZ 462-72 и др. (ил. 2б.4)). Клеймо близко по форме к овалу или прямоугольнику со скошенными углами, но с чёткой прямоугольной выемкой слева сверху.

Клеймо М 2.1

Замаркировано 28 образцов (Швейцарский национальный музей, Земельный музей Цюриха — KZ-2009, KZ-267²⁸ и др. (ил. 2б.5)). Клеймо оформлено как вытянутый овал или удлинённый прямоугольник со скошенными углами.

Клеймо М 3.1

Нанесено на 18 алебард (Швейцарский национальный музей, Земельный музей Цюриха — KZ-2576, KZ-2877²⁹ и др. (ил. 2б.6)). Клеймо выполнено в виде вытянутого шестиугольника.

Клеймо М 3.2

Выявлено у 69 образцов алебард (Швейцарский национальный музей, Земельный музей Цюриха — KZ-2607³⁰, KZ-3520³¹ и др. (ил. 2б.7)). Клеймо оформлено как щит с треугольным низом и уплощённой верхней кромкой.

Принимая во внимание возможный износ или механические повреждения штампов, нельзя исключать, что клейма М 1.2, М 1.3, М 1.4 могут являться производной формой от клейма М 1.1, а клеймо М 3.2 — от М 3.1. Так, следы вероятного последовательного разрушения штампа выявлены у алебард группы 2 с клеймом М 3.2 (Швейцарский национальный музей, Земельный музей Цюриха — KZ-3520, KZ-2947³² и др.). Тем не менее нельзя исключать и целенаправленного изменения базовых конфигураций клейм. Так, у алебард группы 3к все клейма формы М 1.4 — с исключительно чётким контуром и хорошо читабельным символом, чего невозможно добиться при дефектах штампа (большая часть образцов находится в собрании Музея старый цейхгауз в Золотурне). Также у всех алебард группы 2к присутствует исключительно клеймо М 1.3. Кроме того, выявлены другие совпадения в групповой вариативности наконечников алебард, не похожие на случайные. Так, большая часть наконечников оружия из группы 1 и группы 1к имеет только клейма М 1.1 и М 2.1 (исключением являются два экземпляра из группы 1 с маркировкой,

близкой к клейму М 1.4). Все алебарды группы 5 отштампованы исключительно клеймом М 1.1. У самых многочисленных по форме алебард группы 2 (500 штук) полностью отсутствуют клейма М 1.4 и М 2.1. У алебард групп 3к и 6к не выявлено аналогов без сквозного крестообразного отверстия. Кроме того, алебарды из группы 4 проштампованы только клеймами М 1.1 и М 1.3.

В контексте исследования нелишним будет обратить внимание не только на внешние характеристики алебард Ламперта Коллера, но и на технологические особенности их изготовления. Какого-либо описания процесса производства, а также данных о количественном и профессиональном составе мастерской в архивных записях не обнаружено. Известно, что оголовки алебард поставлялись Коллером в полностью готовом виде³³. Обычной практикой того времени была закупка цейхгаузами наконечников древкового оружия без финишной обработки. Доводка и шлифовка наконечников, как и монтаж на приобретённые отдельно древки, осуществлялись силами самих arsenalov. Схему изготовления наконечников алебард выявил Шнейдер³⁴. При протравке поверхности железка одного из образцов слабым раствором азотной кислоты и рентгенографии исследователем была определена разнородность металла и выявлены стыковочные швы между элементами наконечника. Железко алебарды составлялось из десяти отдельных частей при помощи кузнечной сварки с проковкой (ил. 3). Из стали выполнялось только лезвие топора, а также острия копьёца и крюка. Массивы топора, копьёца и крюка, служившие обоймами для полосы лезвия и остриёв, выполнялись из металла качеством хуже. Половинки гранёной втулки, формирующие, в свою очередь, и тулово наконечника, изготавливались из самого плохого и неоднородного железа, также как и лангеты. Подобную сложность технологии изготовления возможно объяснить дефицитом стали и хорошего металла, а также попыткой оптимизации цены и качества готового продукта. Так, Коллеру удалось в 1667 г. снизить закупочную цену своих алебард с первоначальных трёх гульденов и двенадцати шиллингов до двух гульденов и десяти шиллингов за штуку и более её не менять³⁵.

Судя по распределению толщины элементов наконечников алебард, характеру визуально различного расслоения металла на поверхности железок и в сквозных отверстиях, зафиксированных у ряда образцов (ил. 1б), а также благодаря схемам Шнейдера (ил. 3), возможно предположить, что наконечники

алебард в мастерской Ламперта Коллера собирались из уже готового листового материала различного качества и толщины. Тем более что использование именно листового железа, изготовленного в отдельных специальных мастерских, дляковки защитного вооружения являлось общепринятым для центров производства в XV—XVII столетиях³⁶. Подобный подход должен был быть эффективен при поточном производстве с максимальным разделением труда в выполнении технологических этапов: разрезки заготовок по типовым шаблонам, формирования обойм, сборки отдельных частей и доводки оголовка шлифовкой. Кроме того, изготовление заготовок для отдельных элементов именно прямоугольной и треугольной формы позволяло минимизировать количество неиспользуемых обрезков при выкройке. Таким образом достигался и определённый уровень унификации произведённого оружия.

К сожалению, каким-либо характерным нюансам конфигурации, наличию декоративного отверстия или особенностям маркировки в арсенальных книгах и закупочных счетах не уделялось внимания. Упоминались типы приобретаемого оружия, такие как земпахские алебарды или просто алебарды, оговаривалась их стоимость, имя мастера или поставщика. Тем не менее возможно предположить, что выявленная вариативность наконечников не случайна, а предусматривалась мастером специально для придания доли уникальности типовому, в общем, оружию как способ визуально дифференцировать отдельные его серии — заказы. Соответственно, в составе одной определённой партии оружия все алебарды имели полностью идентичные нюансы в конфигурации элементов и маркировки. Вероятно, наличие сквозного отверстия в форме креста также было призвано придать неповторимый характер некоторым партиям оружия. Религиозные конфликты XVI—XVII столетий не обошли Швейцарию стороной. Нельзя исключать возможность, что отверстие являлось отличительным знаком заказов, выполненных для католических мест на территории Швейцарии, так как хорошо атрибутированы сохранившиеся группы образцов таких алебард именно из цейхгаузов католических городов, таких как Золотурн (Музей старый цейхгауз Золотурна — все с инвентарными номерами MAZ 462 (96 штук) и арсенальным клеймом на древках в виде литер «SO»)³⁷ и Баден (Швейцарский национальный музей, Земельный музей Цюриха — KZ-1129, KZ-267 и др.

с арсенальным клеймом на древках в виде литеры «В»³⁸. В то же время большие группы алебард из нескольких заказов для арсенала протестантского Цюриха не имеют сквозных крестообразных отверстий (Швейцарский национальный музей, Земельный музей Цюриха — KZ-2576, KZ-234 и др.). К сожалению, оружие из известной крупной закупки для цейхгауза католического Швица не уцелело в месте первоначального хранения и не идентифицировано среди разрозненных образцов в современных музейных и частных собраниях, соответственно не может быть дополнительным аргументом в этом, пока дискуссионном вопросе³⁹.

В заключение стоит отметить, что поставленный вопрос о вариативности алебард Ламперта Коллера обозначил перспективные направления для дальнейших исследований, способных подтвердить или опровергнуть наши предположения, в том числе при более скрупулёзном изучении сохранившихся арсенальных книг и закупочных счетов. Кроме того, выявленные технологические схемы производства именно этого типа оружия, как и мотивацию для придания различий определённым его партиям, возможно интерполировать на другие типы алебард, как синхронные по времени, так и изготовленные ранее. В любом случае алебарды мастерской Ламперта Коллера явились одним из заслуживающих внимания этапов в развитии европейского древкового оружия — оружия хоть и устаревшего к концу XVII столетия, но тем не менее раскрывающего тенденции к его унификации и поиски решений по оптимизации его производства.

Приложение 1

Количество выявленных алебард мастерской

Ламперта Коллера в музейных и частных собраниях⁴⁰

Швейцарский национальный музей, Земельный музей Цюриха, Швейцария — 745 шт.

Музей старый цейхгауз Золотурна, Швейцария — 96 шт.

Швейцарский национальный музей, Форум швейцарской истории в Швице, Швейцария — 18 шт.

Исторический музей Люцерна, Швейцария — 12 шт.

Бернский исторический музей, Швейцария — 5 шт.

Музей искусства и истории, Женева, Швейцария — 1 шт.

Исторический музей Базеля, Швейцария — 1 шт.

Художественный музей Метрополитен, Нью-Йорк, США — 3 шт.

- Художественный институт, Чикаго, США — 2 шт.
 Филадельфийский художественный музей, США — 1 шт.
 Немецкий исторический музей, Берлин, Германия — 2 шт.
 Городской музей Фрайбурга, Германия — 1 шт.
 Королевская оружейная палата, Лидс, Великобритания — 1 шт.
 Коллекция Уоллеса, Лондон, Великобритания — 1 шт.
 Витебский областной краеведческий музей, Белоруссия — 1 шт.
 Музей оружия Луиджи Марцолли, Брешия, Италия — 4 шт.
 Музей армии, Париж, Франция — 1 шт.
 Аукцион галерея Фишер, Люцерн, Швейцария — 7 шт.
 Аукцион Шулер, Женева, Швейцария — 1 шт.
 Аукцион Коллер, Женева, Швейцария — 1 шт.
 Аукцион Херманхисторика, Мюнхен, Германия — 3 шт.
 Аукцион Пьер Берже, Брюссель, Бельгия — 1 шт.
 Аукцион Томас дель Мар, Лондон, Великобритания — 2 шт.
 Частные коллекции — 2 шт.

Приложение 2

**Сводная таблица вариативных групп
алебард Ламперта Коллера**

Группы	Клейма, шт.								Всего, шт.
	М 1.1	М 1.2	М 1.3	М 1.4	М 2.1	М 3.1	М 3.2	М -*	
Группа 1	53	-	-	2	22	-	-	4	81
Группа 1к	27	-	-	-	6	-	-	5	38
Группа 2	169	43	201	-	-	18	69	22	522
Группа 2к	-	-	21	-	-	-	-	6	27
Группа 3к	-	-	-	103	-	-	-	1	104
Группа 4	44	-	39	-	-	-	-	3	86
Группа 5	32	-	-	-	-	-	-	1	33
Группа 6к	3	-	-	-	-	-	-	-	3
Всего, шт.	328	43	261	105	28	18	69	42	894**

* Клейма нечитабельны или информация о клеймах отсутствует.

** В таблицу не включено 18 алебард из собрания Форума швейцарской истории в Швице. Полученных данных по алебардам недостаточно.

¹ Николаев А. В., Петрухин И. Н. Швейцарская алебарда из Витебского областного краеведческого музея. К вопросам о датировке, атрибуции и конструктивных особенностях// «Мир оружия: история, герои, коллекции». Материалы VIII Международной научно-практической конференции, ФГБУК «Тульский государственный музей оружия», 2021 г. В печати. Авторский коллектив выражает признательность за возможность изучения алебарды директору музея Т. А. Старинской, научному сотруднику музея В. В. Андрейченко, а также С. А. Бабенко.

² Весь иллюстративный материал выполнен А. В. Николаевым.

³ Информация об алебардах мастерской Ламперта Коллера получена из печатных каталогов, электронных баз фондов музеев, по запросам от администрации музеев, а также из каталогов ведущих аукционных домов Европы и Америки (Приложение 1).

⁴ Пользуясь возможностью, авторский коллектив выражает благодарность А. В. Стрельченко за поддержку, обсуждение материала и помощь в подготовке статьи.

⁵ Meier J. Sempacher Halbarten – Die schweizerische Halbartenrenaissance im 17. Jahrhundert; Stüber K., Wetter H. Blankwaffen, Armes Blanches, Armi Bianche, Edged Weapons. Th. Gut & Co. Verlag, Stäfa, Zürich, 1982. С. 239–240.

⁶ Wegeli R., Blum W., Mänge R. Inventar der Waffensammlung des Bernischen Historischen Museums in Bern. III. Stangenwaffen. K. J. Wyss Erben, Bern, 1939. С. 47.

⁷ Belinger R., Leutenegger M. Die Stangenwaffen im Museum Altes Zeughaus Solothurn. Schriftenreihe des Kantonalen Museums Altes Zeughaus Solothurn heft 20. Solothurn, 2004. С. 27.

⁸ Fricker B. Geschichte der Stadt und Bäder zu Baden mit einer Ansicht der Stadt und Bäder aus dem vorigen Jahrhundert. Druck und Verlag von H. R. Sauerlaender, Aarau, 1880. С. 616.

⁹ Meier J. Halbarte oder Bajonett? – Zur Vorgeschichte des bernischen Sieges in der 2. Schlacht bei Villmergen 1712. Waffen- und Kostümkunde. Zeitschrift für Waffen- und Kleidungs-geschichte, 47. Band, Jahrgang 2005, Heft 1. Louis Hofmann Druck Und Verlagshaus GmbH & Co. Kg, Sonnefeld. С. 46.

¹⁰ <https://sammlung.nationalmuseum.ch/de/list?detailID=159284>

¹¹ <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/27869>

¹² Савіцкі Г. У., Шишанаў В. А., Давідоўская В. М., Варламова Н. П. (редакционная коллегия). 100 рарытэтаў да 100-годдзя музея / 100 раритетов к 100-летию музея. Учреждение культуры «Витебский областной краеведческий музей». Выдавецтва «Рыфтур», Минск, 2018. С. 86–87.

¹³ <https://sammlung.nationalmuseum.ch/de/list?detailID=160686>

¹⁴ <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/34293>

¹⁵ <https://sammlung.nationalmuseum.ch/de/list?detailID=159271>

¹⁶ Capwell T., Edge D., Warren J. Masterpieces of European Arms and Armour in the Wallace Collection. The Trustees of the Wallace Collection, London, 2011. Digital catalogue, A 951.

¹⁷ Wegeli R., Blum W., Mänge R. 1939. Op. cit. С. 58, пл. VIII.

¹⁸ Belinger R., Leutenegger M. Op. cit. С. 32.

¹⁹ <https://sammlung.nationalmuseum.ch/de/list?detailID=158243>

- ²⁰ <https://sammlung.nationalmuseum.ch/de/list?detailID=371470>
- ²¹ <https://sammlung.nationalmuseum.ch/de/list?detailID=158643>
- ²² <https://sammlung.nationalmuseum.ch/de/list?detailID=160774>
- ²³ Wegeli R., Blum W., Mänge R. 1939. Op. cit. С. 59, пл. VIII.
- ²⁴ <https://sammlung.nationalmuseum.ch/de/list?detailID=165760>
- ²⁵ Замеры толщин произведены у 17 образцов из фондов Музея старый цейхгауз в Золотурне, 3 образцов из Бернского исторического музея, 3 образцов из Земельного музея Цюриха и у алебарды из собрания Витебского областного краеведческого музея.
- ²⁶ <https://sammlung.nationalmuseum.ch/de/list?detailID=159293>
- ²⁷ Фото клейма предоставлено администрацией Бернского исторического музея.
- ²⁸ <https://sammlung.nationalmuseum.ch/de/list?detailID=158267>
- ²⁹ <https://sammlung.nationalmuseum.ch/de/list?detailID=160931>
- ³⁰ <https://sammlung.nationalmuseum.ch/de/list?detailID=160711>
- ³¹ <https://sammlung.nationalmuseum.ch/de/list?detailID=161880>
- ³² <https://sammlung.nationalmuseum.ch/de/list?detailID=161000>
- ³³ Meier J. 1982. Op. cit. С. 240.
- ³⁴ Schneider H. Zur Fabrikation der Halbarte. Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. Band 19, Heft 1. Birkhäuser Verlag. Basel, 1959. С. 61–63.
- ³⁵ Meier J. 1982. Op. cit. С. 240.
- ³⁶ Williams A. The Knight and the Blast Furnace: A History of the Metallurgy of Armour in the Middle Ages & the Early Modern Period. Koninklijke Brill NV. Leiden, 2003. С. 590.
- ³⁷ Belinger R., Leutenegger M. Op. cit. С. 27.
- ³⁸ Meier J. 1982. Op. cit. С. 242.
- ³⁹ Городской цейхгауз Швица расформирован в конце XVIII столетия. Музей Швейцарский исторический форум Швица является филиалом Швейцарского национального музея. Все находящиеся в настоящее время в собрании музея 18 алебард Коллера переданы для создания экспозиции из фондов Земельного музея Цюриха.
- ⁴⁰ Авторский коллектив выражает благодарность за консультации и предоставленные сведения об образцах алебард: Йёргу А. Мейеру. Музей замка Грансон, Швейцария (куратор коллекции, исследователь истории оружия и доспехов); Адриану Башунгу. Швейцарский национальный музей, Земельный музей Цюриха, Швейцария (помощник куратора коллекции); Карине Фрейтаг-Маса. Швейцарский национальный музей, Швейцарский исторический форум Швица (руководитель отдела музейной деятельности / маркетинг и PR); Сандре Николоди. Музей старый цейхгауз Золотурна, Швейцария (сотрудник коллекции и выставок); Марку Хёхнеру. Бернский исторический музей, Швейцария (научный сотрудник раннего Нового времени (1530–1850 гг.): военная и повседневная культура); Джонатану Бюттнеру. Исторический музей Базеля, Швейцария (научный сотрудник); Сибилле Гербер. Исторический музей Люцерна, Швейцария (куратор коллекции); Коринн Борель. Музей искусства и истории, Женева, Швейцария (научный сотрудник отдела прикладного искусства).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Сергей Валентинович — Военный комиссариат Санкт-Петербурга, заместитель начальника центра социального обеспечения.

Астахов Сергей Алексеевич — Тульский государственный университет, главный инженер, кандидат технических наук, доцент.

Ефимов Роман Владиславович — Тульский государственный университет, начальник управления имущественного комплекса.

Ефимов Сергей Владимирович — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, заместитель директора, кандидат исторических наук.

Жарский Анатолий Петрович — Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат военных наук, член-корреспондент РАН.

Ивицкая Анна Николаевна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, младший научный сотрудник, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.

Ивлева Ольга Борисовна — Тульский государственный музей оружия, зав. отделом.

Игошин Константин Георгиевич — Государственный исторический музей (Москва), зав. сектором.

Изонов Виктор Владимирович — Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации (Москва), главный научный сотрудник 1 управления, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Ильина Татьяна Николаевна — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи старший научный сотрудник (хранитель фондов), кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Калистратов Алексей Валерьевич — ООО «Воздушные ворота Северной столицы» (Санкт-Петербург), начальник аварийно-спасательного отряда.

Кикнадзе Владимир Георгиевич — Редакция «Военно-исторического журнала» (Москва), зам. главного редактора; сетевое издание «Наука. Общество. Оборона», главный редактор; советник РАН, доктор исторических наук, доцент.

Кириллова Дина Андреевна — Дом Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Коневская Мария Анатольевна — Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации (Москва), младший научный сотрудник.

Коровин Владимир Викторович — Юго-Западный государственный университет (Курск), профессор, доктор исторических наук.

Кочешков Павел Юрьевич — Военный комиссариат Санкт-Петербурга, начальник центра социального обеспечения.

Кративенцева Мария Борисовна — Тульский государственный музей оружия, хранитель музейных предметов I категории.

Кручинин Андрей Сергеевич — Дом Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва), заведующий отделом.

Кудзеевич Леонид Владимирович — Государственный музей политической истории России (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Кулинский Александр Николаевич (Санкт-Петербург) — эксперт Министерства культуры Российской Федерации, научный руководитель Национальной Ассоциации оружейных экспертов, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Курукин Игорь Владимирович — Российский государственный гуманитарный университет (Москва), доктор исторических наук, профессор.

Лебедева Светлана Соломоновна — Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, доктор педагогических наук, профессор.

Леонов Андрей Александрович — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, старший научный сотрудник.

Литуев Виктор Николаевич — ПАО «Ксеньевский прииск» (Москва), заместитель генерального директора доктор экономических наук, кандидат исторических наук.

Лихачёва Ольга Сергеевна — ООО «Алтайстройсервис» (Барнаул), инженер производственно-технического отдела, кандидат исторических наук.

Ломакин Николай Владимирович — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, старший научный сотрудник.

Лоскутова Екатерина Сергеевна — Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, магистрант 2 курса исторического факультета.

Ляшенко Светлана Владимировна — свободный исследователь, кандидат искусствоведения (Санкт-Петербург).

Мигунов Сергей Сергеевич — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, младший научный сотрудник.

Миловидов Валерий Борисович — Центральный музей Вооружённых сил Российской Федерации (Москва), научный сотрудник.

Милосердов Дмитрий Юрьевич — Государственный Дарвиновский музей (Москва), зав. сектором отдела фондов.

Мироничев Евгений Павлович — Музей Карельского фронта (филиал Национального музея Республики Карелия), специалист по учёту музейных предметов.

Мионов Юрий Александрович — военный историк-исследователь (Ардатов, Мордовия).

Митяев Александр Николаевич — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, начальник отдела.

Михайлов Александр Владимирович — Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Мичурин Фёдор Дмитриевич — Санкт-Петербургский государственный университет, студент.

Наземцева Ксения Николаевна — Государственный музей обороны Москвы, методист.

Наумов Владимир Валентинович — Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва (Санкт-Петербург), кандидат военных наук, профессор.

Некрасов Олег Александрович — Военный институт (военно-морской) ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» (Санкт-Петербург), преподаватель.

Николаев Александр Владимирович — член Российского военно-исторического общества (Москва).

Петров Сергей Николаевич — Центральный научно-исследовательский институт конструкционных материалов «Прометей» имени

И. В. Горынина (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат технических наук.

Свердел Василий Фёдорович — НИИ СУиА (Москва), заместитель генерального директора (генерал-майор), кандидат военных наук, член-корреспондент РАН, доцент.

Тимофеева Римма Александровна — Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, доцент, кандидат искусствоведческих наук.

Целорунго Дмитрий Георгиевич — Музей-заповедник «Бородинское поле» (Московская обл.), заведующий отделом, кандидат исторических наук.

Шептура Владимир Николаевич — Главное управление связи Вооружённых сил Российской Федерации (Москва), начальник 3-го управления, кандидат военных наук, член-корреспондент РАН, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ефимов С. В.</i> «Союзом мира связуемы». Россия и Швеция на пути к Ништадтскому миру 1721 г.	3
<i>Жарский А. П., Свердел В. Ф., Шентура В. Н.</i> Накануне и в начальный период Великой Отечественной войны (По материалам служебных записок и воспоминаний начальников связи приграничных особых военных округов)	42
<i>Ивицкая А. Н.</i> Создание макета Сергиевского всей артиллерии собора в облике, соответствующем концу XIX века	55
<i>Ивлева О. Б.</i> Охотничье ружье модели «б» и его модификации на примере образцов из собрания Тульского государственного музея оружия	63
<i>Изошин К. Г.</i> О русском единороге. К вопросу о разработке и развитии единорогов как артиллерийской системы	77
<i>Изонов В. В.</i> Артиллерийские наблюдательные пункты (из опыта 1-го дивизиона 409-го артиллерийского Нарвского полка 131-й Ропшинской стрелковой дивизии Ленинградского фронта)....	99
<i>Ильина Т. Н., Митяев А. Н.</i> Пушки В. С. Барановского.....	109
<i>Калистратов А. В., Петров С. Н., Тимофеева Р. А.</i> О комплексной методике атрибуции бронещитов 1900—1910-х годов	137
<i>Кикнадзе В. Г.</i> Вторая мировая и Великая Отечественная войны в современной научной и научно-популярной периодике России и знание их истории в российском обществе	143
<i>Кириллова Д. А.</i> Из дневников галиполийцев — русский военный лагерь 1920—1921 годов	156
<i>Коневская М. А.</i> Структура обозно-вещевой службы РККА в контексте организации тыла в 1935—1941 гг.....	171
<i>Коровин В. В.</i> Памятник героям-артиллеристам на северном фесе Курской дуги: из истории создания и реконструкции	184
<i>Кочешков П. Ю., Андреев С. В.</i> Исторические аспекты социального обеспечения военнослужащих и их семей.....	197

<i>Кративенцева М. Б.</i> Кубок, пожалованный императором Николаем I тульским оружейником: история предмета из собрания Тульского государственного музея оружия.....	201
<i>Кручинин А. С.</i> Полковая святыня на фоне эвакуации: спасение знамени Лейб-Гвардии Финляндского полка (1920)	213
<i>Кудзеевич Л. В.</i> Генерал Ю. Ю. Броун: материалы к биографии.....	235
<i>Кулинский А. Н.</i> «За бой на двух оружиях»: о редкости офицерского холодного оружия с призовыми знаками за фехтование	249
<i>Курукин И. В.</i> Разведка «Низового корпуса» в Иране в 1723–1735 гг.	277
<i>Лебедева С. С.</i> Общественная и социально-культурная деятельность генерала-артиллериста	281
<i>Леонов А. А.</i> Знаки для головных уборов Военно-морских сил Союзной Республики Югославия и Государственного Союза Сербии и Черногории в 1992–2006 гг.....	289
<i>Литувев В. Н., Целорунго Д. Г.</i> Отражение истинных тенденций европейской политики в тексте Главного акта Венского конгресса 1815 г. — опыт математического моделирования	302
<i>Лихачёва О. С.</i> Эволюция бронзовых наконечников стрел эпохи палеометалла из лесостепного Алтая	318
<i>Ломакин Н. В.</i> Полвека службы. Штуцер кавалерийский обр. 1803 г. и его варианты.....	335
<i>Лоскутова Е. С.</i> Место и роль танцевальной культуры в праздничной жизни офицества русской императорской армии	350
<i>Ляшенко С. В.</i> Сестра милосердия общины имени генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана Российского Общества Красного Креста художница А. Ф. Аргамачова	357
<i>Мигунов С. С.</i> Вооружение Свеаборгской крепости в период Балтийских кампаний Крымской войны	371
<i>Миловидов В. Б.</i> Ношение пулемётных лент матросами Балтийского флота в 1917 году в Петрограде	377
<i>Милосердов Д. Ю.</i> Луки в ханствах Средней Азии XIX — начала XX века.....	391
<i>Мироничев Е. П.</i> Сражение за Куоляярви: «другой 1941-й» на Кандалакшском направлении Северного фронта	399
<i>Миронов Ю. А.</i> Артиллерийская разведка РККА в Советско-финляндской войне 1939–1940 годов	412
<i>Миронов Ю. А.</i> Создание советского реактивного оружия в 1918–1941 годах	428

<i>Михайлов А. В., Астахов С. А., Ефимов Р. В.</i> 150 лет с начала производства 4,2-лин. винтовки образца 1870 г. системы Бердана № 2.....	449
<i>Мищурич Ф. Д.</i> Выставка «Разгром немецко-фашистских войск на подступах к Москве» как начальный этап музеефикации событий битвы за Москву.....	460
<i>Наземцева К. Н.</i> Фронтовые истории музыкальных инструментов периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (на основе материалов Государственного музея обороны Москвы).....	466
<i>Наумов В. В.</i> Роль личности в информационно-аналитической деятельности органов управления в годы войны.....	476
<i>Некрасов О. А.</i> Китайские части и подразделения в составе Красной армии.....	488
<i>Николаев А. В., Петрухин И. Н.</i> К вопросу о вариативности алебард мастерской Ламперта Коллера.....	500
Сведения об авторах.....	514

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Десятой Международной
научно-практической конференции

В трёх частях

Часть 2

Редакторы: *А. В. Кривицкая, Н. В. Медведев*

Художник: *Н. Ю. Якубовская*

Верстка: *Т. И. Таранова*

Компьютерный набор: *Я. В. Камашина*

Подписано в печать 28.04.2021.

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 16,3.

Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.

Тираж 220 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского
государственного университета промышленных технологий и дизайна
Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 26.

==== Для заметок ====

==== Для заметок ====

==== Для заметок ====

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
Артиллерии, инженерных войск и войск связи

Адрес музея: 197046, Санкт-Петербург,
Александровский парк, 7.

Тел./факс: (812)498-09-32, 232-02-96

E-mail: artillerymuseum_dm@mil.ru

www.artillery-museum.ru

